ИСТОРІЯ РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ.

М. И. Сухомлинова.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Императорской Академія Наукъ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1875.

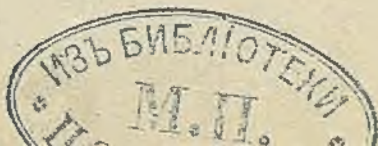
ИСТОРІЯ

РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ.

М. И. Сухомлинова.

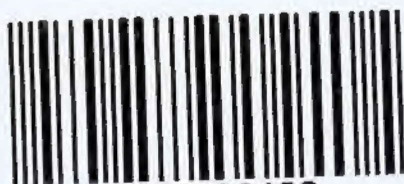
ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1875.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Сентябрь 1875 года.

Непремѣнный Секретарь Академикъ *К. Веселовскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИСТОРІЯ РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ.

Члены россійской академіи, вошедшіе въ составъ ея втеченіе екатерининскаго періода, образуютъ нѣсколько группъ, связанныхъ единствомъ цѣли и стремленій учено-литературнаго общества. Обозрѣніе дѣятельности одной изъ группъ, состоявшей изъ духовныхъ писателей, мы представили въ первомъ выпускѣ нашего труда. Другую группу образуютъ ученые, принадлежавшіе преимущественно къ числу членовъ петербургской академіи наукъ.

Академія наукъ находилась въ ближайшей связи съ россійскою академіею отчасти по самой идеѣ того и другаго учрежденія, отчасти по ихъ личному составу. Россійская академія, подобно академіи наукъ, считала своимъ призваніемъ разработку ученыхъ вопросовъ съ тою только существенною разницею, что кругъ изслѣдованій своихъ ограничивала отечественнымъ языкомъ и словесностью, прибѣгая къ пособію другихъ наукъ настолько, насколько они содѣйствовали изученію ея главнаго предмета. Что касается ученаго состава, то замѣчательнѣйшіе изъ природныхъ русскихъ академиковъ были въ тоже время и членами россійской академіи. По роду своихъ занятій они принадле-

жали къ натуралистамъ и математикамъ, и труды ихъ относятся преимущественно къ этой области знаній; но тѣмъ не менѣе судьбы русскаго языка и словесности привлекали сочувствіе этихъ ученыхъ, вносившихъ цѣнные вклады въ общій трудъ россійской академіи. Члены академіи наукъ обнаруживали полную готовность, независимо отъ своихъ спеціальныхъ, чисто ученыхъ работъ, удѣлять часть времени и трудовъ на пользу и просвѣщеніе того общества, среди котораго они жили и дѣйствовали. Несомнѣннымъ доказательствомъ вниманія академіи наукъ къ нуждамъ и потребностямъ русскихъ читателей служатъ ея періодическія изданія, въ которыхъ научная основательность соединяется съ общедоступностью содержанія и изложенія. «Академія наукъ — говорили ея представители — всевозможное прилагала стараніе о приведеніи въ большее совершенство наукъ, составляющихъ предметъ ея упражненій. Въ тоже самое время академія наукъ обращала вниманіе на то, чтобы важнѣйшія и непосредственную пользу въ себѣ заключающія открытія въ наукахъ распространять въ россійскомъ государствѣ, и для того сообщать ихъ на россійскомъ языкѣ» [1]). Въ ряду требованій отъ статей, помѣщаемыхъ на страницахъ періодическихъ изданій, достоинство ихъ относительно языка и его изученія занимало весьма видное мѣсто. Приступая къ изданію Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненій, академія наукъ заявила, что они «будутъ вмѣстилищемъ всякаго рода твореній. Въ нихъ помѣщаемы будутъ философическія, физическія, экономическія, историческія, географическія и вообще всѣ разсужденія, какія только къ приращенію человѣческихъ знаній способствовать будутъ. Описанія разныхъ художествъ, ремеслъ, рукодѣлій и промысловъ тѣмъ охотнѣе будутъ принимаемы, что каждое изъ сихъ искусствъ заключаетъ въ себѣ особливыя вещамъ наименованія, которыя къ обогащенію россійскаго языка неотмѣнно послужатъ, и слѣдовательно отъ такихъ сочиненій сугубая будетъ польза» [2]). Совершенство и изящество языка высоко цѣнилось не только академиками-филологами, но и натуралистами и математиками, и не рѣдко случа-

лось, что ученый, пріобрѣвшій извѣстность въ области математики или естествознанія, разсматривалъ произведенія чисто-литературныя со стороны ихъ языка и слога, и даже принималъ на себя составленіе руководствъ по словеснымъ наукамъ. Существенная заслуга ученыхъ, избранныхъ въ члены россійской академіи, заключается въ томъ, что они принимали самое дѣятельное участіе во всѣхъ научныхъ предпріятіяхъ и трудахъ новаго учрежденія, предлагали и матеріалы и ихъ оцѣнку и объясненіе, и обогатили русскую литературу нѣсколькими образцовыми для того времени переводами замѣчательныхъ произведеній древней и новой литературы. Самыми усердными посѣтителями собраній россійской академіи были также члены академіи наукъ; часто они составляли весьма значительное большинство присутствующихъ; иногда же все собраніе состояло исключительно изъ членовъ академіи наукъ.

Въ составъ россійской академіи вошли слѣдующіе дѣйствительные члены академіи наукъ: Румовскій, Лепехинъ, Озерецковскій, Котельниковъ, Протасовъ, Н. П. Соколовъ, Иноходцевъ, Севергинъ, Захаровъ и Кононовъ.

С. Я. РУМОВСКІЙ.

Выборъ студентовъ. — Академическій университетъ. — Пребываніе за границею. — Академія наукъ. — Греческая гимназія. — Казанскій университетъ. — Литературные труды. — Россійская академія.

I.

Степанъ Яковлевичъ Румовскій (1734 — 1812) занимаетъ почетное мѣсто въ исторіи просвѣщенія въ Россіи и какъ ученый писатель, и какъ неутомимый участникъ въ разработкѣ и осуществленіи обширной, многосторонней и вполнѣ разумной системы народнаго образованія, ознаменовавшей собою первые

1*

года царствованія императора Александра I. Жизнь и труды Румовскаго принадлежатъ двумъ эпохамъ нашей умственной и общественной жизни, между которыми была внутренняя связь и преемство. Мы считаемъ нужнымъ коснуться различныхъ сторонъ дѣятельности этого замѣчательнаго человѣка, рисующей не только его самого, но до нѣкоторой степени и его время [3]).

Румовскій родился 29 октября 1734 года, во владимірской губерніи, въ селѣ Старомъ Погостѣ, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Въ 1739 году отецъ Румовскаго переселился въ Петербургъ, и получилъ мѣсто священника, а впослѣдствіи и протоіерея, при успенскомъ соборѣ, построенномъ въ первые года по основаніи столицы. Румовскій-сынъ отданъ былъ въ невскую семинарію, изъ которой, по выбору академиковъ, поступилъ въ университетъ, учрежденный при академіи наукъ. Духовныя училища издавна служили разсадникомъ, откуда свѣтскія учебныя заведенія пріобрѣтали своихъ первыхъ питомцевъ. Академія наукъ, открывая публичныя чтенія, призывала охотниковъ до математики, физики, исторіи и риторики, и объявленіе о своихъ лекціяхъ препровождала въ св. синодъ съ цѣлью привлечь въ свои аудиторіи людей любознательныхъ изъ лицъ, принадлежащихъ къ духовному вѣдомству [4]). Воспитанники духовныхъ училищъ были до такой степени необходимы для академической гимназіи и университета, что академія наукъ не открывала лекцій до прибытія молодыхъ людей изъ различныхъ семинарій. То, что происходило втеченіе всего восьмнадцатаго вѣка, повторилось и въ девятнадцатомъ столѣтіи: при учрежденіи университетовъ оказалось необходимымъ обратиться къ мѣстнымъ духовнымъ семинаріямъ. Лица, на которыя возложено было устройство учебнаго дѣла въ Россіи, такимъ образомъ отзываются объ участіи со стороны духовенства: «Россійскому духовенству отечество наше много одолжено со стороны просвѣщенія. Науки первое пристанище въ Россіи нашли въ духовномъ званіи; въ немъ они имѣли первыхъ своихъ любимцевъ. Въ доказательство сего можно здѣсь торжественно указать на тѣ случаи, какъ

духовенство наше доставило государству болѣе трехъ сотъ учителей при учрежденіи народныхъ училищъ во время царствованія великой Екатерины. И нынѣ, когда всемилостивѣйшій монархъ Александръ I захотѣлъ осчастливить народъ свой повсемѣстнымъ распространеніемъ наукъ, министерство народнаго просвѣщенія не могло обойтись безъ того, чтобъ не заимствовать опять учителей изъ духовныхъ училищъ. Въ с.-петербургскій педагогическій институтъ поступило слишкомъ сто человѣкъ, въ харьковскій университетъ сорокъ, имѣющихъ отличныя дарованія и склонность къ наукамъ», и т. д. [5]).

Впрочемъ это снабженіе университетовъ учащеюся молодежью не всегда происходило добровольно. На предложеніе академіи наукъ прислать ей хорошо приготовленныхъ воспитанниковъ изъ тѣхъ, которые признаны способными занять учительскія мѣста въ епархіальныхъ училищахъ, послѣдовалъ отвѣтъ св. синода въ такомъ смыслѣ, что хотя читаемыя при академіи лекціи «и всякому не безполезны»; но тѣмъ не менѣе учителя для семинарій также очень нужны, да и средствъ для содержанія студентовъ нѣтъ ни въ епархіяхъ, ни въ самомъ синодѣ, а потому и «невозможно отлучить» семинаристовъ въ академію наукъ [6]). Постоянныя вербовки семинаристовъ въ постороннія училища послужили даже поводомъ къ столкновенію между академіею наукъ и духовными властями. Столкновеніе это окончилось побѣдою со стороны академіи, пріобрѣвшей нѣсколько даровитыхъ молодыхъ людей и въ числѣ ихъ Румовскаго.

Еще въ 1735 году баронъ Корфъ «главный командиръ академіи» представлялъ сенату объ учрежденіи академической семинаріи на тридцать учениковъ и о предварительномъ выборѣ способныхъ воспитанниковъ изъ монастырей, гимназій и другихъ училищъ. Въ числѣ юношей «непослѣдняго остроумія», выбранныхъ по этому случаю, былъ и знаменитый впослѣдствіи Ломоносовъ. Будучи уже профессоромъ, Ломоносовъ предложилъ академіи снова обратиться къ той же мѣрѣ и просить сенатъ о разрѣшеніи выбрать семинаристовъ, достаточно подготовленныхъ

къ слушанію университетскихъ лекцій; при этомъ указывалъ преимущественно на семинаріи невскую и новгородскую [7]). Добиться отъ сената постановленія о присылкѣ студентовъ изъ духовнаго вѣдомства Ломоносовъ считалъ дѣломъ въ высшей степени полезнымъ для Россіи, а въ заботахъ академіи о научномъ развитіи молодыхъ силъ видѣлъ залогъ ея славы: образуя — говорилъ онъ — въ стѣнахъ своихъ умы учащагося поколѣнія и содѣйствуя ихъ успѣхамъ на ученомъ поприщѣ, академія по справедливости пріобрѣтетъ имя перваго русскаго университета [8]).

Мысли Ломоносова суждено было скоро осуществиться. Въ академическомъ регламентѣ 1747 года сказано между прочимъ слѣдующее: «университетъ есть собраніе учащихъ и учащихся людей: первые называются профессоры, а другіе — студенты; профессоры не обучаютъ языковъ, но обучаютъ наукъ. Того ради студенты должны уже искусны быть въ языкѣ латинскомъ, дабы лекціи въ наукахъ, которыхъ на иномъ ни на какомъ языкѣ давать не позволяется, какъ токмо на латинскомъ и русскомъ, могли они совершенно разумѣть. Сего ради надлежитъ выбрать изъ училищъ россійскихъ, гдѣ президентъ за лучше усмотритъ, тридцать учениковъ способныхъ и знающихъ уже латинскій языкъ, и оныхъ опредѣлить при академіи». На основаніи регламента президентъ академіи наукъ, графъ Разумовскій, обратился въ св. синодъ съ представленіемъ, что «въ канцеляріи академіи наукъ за благо разсуждено, чтобъ тѣ ученики имѣли быть выбраны токмо изъ семинарій: александроневскаго монастыря, и изъ новогородской, да изъ Москвы изъ училищнаго спасскаго монастыря, по пропорціи». Св. синодъ сдѣлалъ распоряженіе о выборѣ учениковъ, по десяти изъ каждой семинаріи, преимущественно изъ дѣтей разночинцевъ, и только въ случаѣ крайней необходимости дозволялось дополнить недостающее число дѣтьми причетниковъ. Въ Москвѣ и Новгородѣ мѣра эта не встрѣтила препятствій, и для выбора и пріема семинаристовъ отправленъ былъ туда академикъ Тредьяковскій. Но петербургскій архіепископъ Ѳеодосій находилъ требованіе президента крайне стѣсни-

тельнымъ въ отношеніи александроневской семинаріи, которая, по числу учащихся, весьма ограниченному, далеко уступала другимъ учебнымъ заведеніямъ. Въ московской академіи число учащихся простиралось до четырехъ сотъ, въ новгородской до двухъ сотъ, а въ невской не превышало семидесяти, да и изъ этихъ семидесяти одни еще слишкомъ молоды и едва только вступили въ училище, другіе, напротивъ того, черезчуръ не молоды и уже поженились въ ожиданіи посвященія въ духовный санъ. Годныхъ къ выбору оказывалось не болѣе тридцати, изъ которыхъ «ежели взяты будутъ десять человѣкъ, а, какъ уповательно еще, лучшіе, понеже всѣмъ равнымъ не удается быть, то въ александроневской семинаріи не только піитика и риторика съ малымъ плодомъ останутся, но и философіи, а потомъ и богословіи не будетъ для кого производить, и то воспослѣдуетъ, что какъ въ петропавловскій соборъ, такъ и въ другія знатныя мѣста, куда ученые люди требуются, не будетъ кого опредѣлить, съ чего порицаніе на семинарію, яко могущую быть безплодною, не воспослѣдовало бъ». Въ отвращеніе такихъ печальныхъ послѣдствій Ѳеодосій просилъ вовсе отклонить выборъ отъ невской семинаріи; если же это окажется невозможнымъ, то ограничить его тремя и отнюдь не болѣе какъ пятью учениками. Св. синодъ призналъ доводы петербургскаго архіепископа уважительными, и постановилъ выбрать изъ невской семинаріи пять воспитанниковъ, а остальныхъ пять— изъ семинаріи смоленской. Но Разумовскій настаивалъ на своемъ правѣ произвести выборъ по собственному своему усмотрѣнію, и не безъ колкости объяснялъ синоду, что рѣшенія правительственныхъ мѣстъ должны основываться на предварительномъ собраніи точныхъ свѣдѣній и справокъ, и не могутъ подлежать быстрымъ перемѣнамъ. Въ такую даль какъ Смоленскъ за учениками «посылать, и такихъ, какихъ мнѣ давать будутъ, принять не могу», —говорилъ Разумовскій. Въ выборѣ десяти человѣкъ изъ невской семинаріи онъ видѣлъ не притѣсненіе, а особенное вниманіе и даже любезность: «намѣренъ я былъ всѣхъ тѣхъ тридцать человѣкъ взять изъ александроневской семинаріи, ибо

оные здѣшнія обыкновенія знать и поступки имѣть могутъ лучше, нежели другихъ, гораздо отдаленныхъ отсюда, семинарій ученики», и отмѣнилъ свое намѣреніе только потому, чтобы не отяготить невской семинаріи. Разумовскій доказывалъ, что «въ силу регламента онъ крайне старается университетъ въ наискорости размножить добрыми и искусными студентами», и въ заключеніе пригрозилъ, въ случаѣ дальнѣйшаго упорства, довести дѣло до свѣдѣнія императрицы. Архіепископу Ѳеодосію президентъ академіи наукъ писалъ слѣдующее: «По указу св. синода ваше преосвященство должны ко мнѣ въ академію отпустить десять такихъ учениковъ изъ монастырской семинаріи, какіе выбраны будутъ посланными отъ меня нарочно для того. И какъ я по высочайшему именному ея императорскаго величества указу сего требовалъ отъ св. синода, и въ государевыхъ дѣлахъ отсрочки дѣлать не могу, того ради прошу безъ задержанія ихъ въ академію отправить, для того, чтобъ они къ празднику св. Пасхи могли въ такое же состояніе въ ихъ одеждѣ приведены быть, какъ и изъ прочихъ мѣстъ присланные. Ибо мнѣ отрапортовано, что посланнымъ отъ меня людямъ отсрочено до двухъ недѣль за отсутствіемъ учителей семинаріи въ Новгородъ, которые однакожъ нынѣ въ С.-Петербургѣ» [9]). Уступая необходимости, св. синодъ разрѣшилъ выбрать десять учениковъ изъ невской семинаріи, но только изъ тѣхъ, которые еще не посвящены въ стихарь; что же касается до посвященныхъ въ стихарь, то «таковыхъ, яко уже на степень священнаго церковнаго причта молитвами, съ призываніемъ Духа Святаго, въ церкви при народномъ собраніи возведенныхъ, отъ церкви святой отрѣшать и въ помянутый университетъ, яко къ свѣтскому дѣлу требуемыхъ, отдавать не подобаетъ». Выборъ, произведенный академиками, показалъ, что пререканія между духовною и свѣтскою властью были въ сущности напрасными, и пришлось ограничиться только четырьмя семинаристами, единственно годными для слушанія университетскихъ лекцій. Выбраны были изъ класса риторики и піитики; въ классѣ же философіи не было въ томъ году ни одного

ученика. Въ числѣ непосвященныхъ въ стихарь и находящихся въ классѣ піитики названъ и *Стефанъ Румовскій*[10]).

Для выбора студентовъ изъ невской семинаріи первоначально назначены были канцеляріею академіи наукъ: ассессоръ академіи Тепловъ и профессоры Фишеръ и Браунъ, и имъ предписано, чтобы они «по ихъ въ томъ искусству и здравому разсужденію выбрали знающихъ весьма латинскій языкъ» и т. д.[11]) Вслѣдствіе возникшей переписки дѣло затянулось, и выборъ произведенъ былъ позднѣе, нежели предполагалось, и не Тепловымъ и Фишеромъ, а Брауномъ и Ломоносовымъ. 7 апрѣля 1748 года академики Ломоносовъ и Браунъ подали въ канцелярію академіи наукъ слѣдующій рапортъ: «По указамъ ея императорскаго величества, присланнымъ изъ канцеляріи академіи наукъ, сего апрѣля 6 числа, мы, нижеподписавшіеся, для выбору въ академическій университетъ изъ невской семинаріи въ студенты учениковъ въ число 10 человѣкъ экзаменовали, и только выбрали изъ риторики и піитики нижеписанныхъ: (кромѣ посвященныхъ въ стихарь) перваго — Андрея Малоземова 17 лѣтъ, втораго — Наума Киндерева 20 лѣтъ, *третьяго — Степана Румовскаго* 12 лѣтъ[12]), четвертаго — Ивана Лосовикова 15 лѣтъ, пятаго — Ѳаддея Тамаринскаго 15 лѣтъ; всего пять человѣкъ. А достойныхъ, кромѣ посвященныхъ въ стихарь, выбрать не изъ кого». Сверхъ того Ломоносовъ ходатайствовалъ о пріемѣ Ивана Боркова или Баркова 16 лѣтъ, за его острое понятіе и порядочное знаніе латинскаго языка. Остроуміе Баркова выразилось впослѣдствіи въ массѣ рукописныхъ и невозможныхъ въ печати «цѣлыхъ и мелкихъ стихотвореній въ честь Вакха и Афродиты, къ чему — по замѣчанію Новикова — веселый его нравъ и безпечность много способствовали; всѣ сіи стихотворенія у многихъ хранятся рукописными». Семинаристы, выбранные Ломоносовымъ и Брауномъ, были подвергнуты новому испытанію, на которомъ «удобнѣйшими для академіи» оказались только четыре, а именно: Румовскій, Лосовиковъ, Тамаринскій и Барковъ, а остальные два отпущены «попрежнему» въ невскую семинарію.

Относительно же Румовскаго и трехъ его товарищей опредѣлено: «написать ихъ въ академическій списокъ и обучаться имъ нѣкоторое время въ гимназіи, ибо оные отъ профессоровъ принимать лекціи не гораздо еще въ хорошемъ состояніи. Жалованья имъ производить по три рубля по пятидесятъ копѣекъ на мѣсяцъ изъ положенной суммы на академическихъ учениковъ»[13]).

Изъ всѣхъ двадцати четырехъ студентовъ, которыхъ выбрали Тредьяковскій, Ломоносовъ и Браунъ, самымъ юнымъ и безспорно однимъ изъ самыхъ даровитыхъ былъ Румовскій. 10 мая 1748 года вступилъ Румовскій въ академическій университетъ, и съ этого дня и до конца своей жизни принадлежалъ академіи наукъ — шесть лѣтъ въ званіи студента и около шестидесяти лѣтъ въ званіи академика.

II.

Академическій университетъ, воспитавшій Румовскаго, былъ втеченіе нѣкотораго времени единственнымъ въ Россіи учрежденіемъ, готовившимъ молодыхъ людей преимущественно, хотя и не исключительно, къ ученой и учебной дѣятельности. Въ стѣнахъ его получили научное образованіе многіе изъ нашихъ ученыхъ, имена которыхъ не должны быть забыты въ исторіи просвѣщенія въ Россіи восьмнадцатаго и начала девятнадцатаго столѣтія. Всѣ безъ исключенія члены академіи наукъ, избранные и въ члены россійской академіи, были питомцами академическаго университета. Поэтому мы полагаемъ, что не будетъ излишне остановиться на нѣкоторыхъ чертахъ замѣчательнаго по мысли и вмѣстѣ съ тѣмъ малоизвѣстнаго у насъ учрежденія, нѣкогда существовавшаго при академіи наукъ. Уцѣлѣвшія въ академическихъ архивахъ извѣстія о предметахъ и свойствѣ преподаванія и объ условіяхъ университетской жизни того времени обрисовываютъ довольно живо ту среду, подъ вліяніемъ которой слагались понятія и стремленія Румовскаго-студента. Вся его послѣдующая жизнь была дальнѣйшимъ развитіемъ того, что впервые запало въ душу его въ періодъ его занятій и работъ подъ

руководствомъ тогдашнихъ знаменитостей академіи. Бесѣды и общеніе съ такими умами, какъ Ломоносовъ, Рихманъ и другіе ученые, не могли исчезнуть безъ слѣда для даровитаго юноши, искренно полюбившаго науку и умѣвшаго сохранить эту любовь втеченіе болѣе полувѣковаго ученаго и служебнаго поприща.

Вступленіе Румовскаго въ студенты относится къ тому времени, когда академическое начальство озабочено было составленіемъ регламента для университета на основаніи новаго устава. 24 іюня 1747 года утвержденъ новый уставъ академіи наукъ, по которому университетъ признанъ ея существенною и необходимою частью.

«Академія наукъ—сказано въ уставѣ—раздѣляется на академію собственно и на университетъ. Академія собственно называется собраніе ученыхъ людей, которые стараются познать и разыскивать различныя дѣйствія и свойства всѣхъ въ свѣтѣ пребывающихъ тѣлъ, и чрезъ свое испытаніе и науку одинъ другому показывать, а потомъ общимъ согласіемъ издавать въ народъ. Сіи люди не только о томъ стараются, чтобъ собрать все то, что уже въ наукахъ извѣстно, но и далѣе трудятся въ изобрѣтеніяхъ поступать. Россія не можетъ еще тѣмъ довольствоваться, чтобъ только имѣть людей ученыхъ, которые уже плоды науками своими приносятъ. Но чтобы всегда на ихъ мѣста заблаговременно наставлять въ наукахъ молодыхъ людей, а особливо, что за первый случай учрежденіе академическое не можетъ быть сочинено инако, какъ изъ иностранныхъ по большей части людей, а впредь должно оно состоять изъ природныхъ россійскихъ, того ради къ академіи другая ея часть присоединяется — университетъ. Чтобъ число студентовъ могло всегда наполняться, то учредить гимназію, при которой двадцать человѣкъ молодыхъ людей содержать на коштѣ академическомъ, и годныхъ производить въ студенты, а негодныхъ отдавать въ академію художествъ.

Университетъ учрежденъ быть долженъ по примѣру прочихъ европейскихъ университетовъ. Въ немъ перво имѣть надлежитъ

школы для языковъ латинскаго, греческаго, французскаго и нѣмецкаго, чего обучать имѣютъ учители. Изъ сихъ школъ производиться имѣютъ ученики въ студенты, и принимать лекціи профессорскія на латинскомъ или русскомъ языкѣ, которыя имѣютъ быть трехъ классовъ, какъ-то: математическія, физическія и гуманіора.

Науки въ университетѣ отправляются слѣдующія:

1. Латинскій языкъ чрезъ русскій, въ который не долженъ мѣшаться никакой иностранный — французскій и нѣмецкій.

2. Просодія.

3. Языкъ греческій.

4. Латинское краснорѣчіе.

5. Ариѳметика.

6. Рисовать.

7. Геометрія и прочія части математики.

8. Географія, исторія, генеалогія и геральдика.

9. Логика и метафизика.

10. Физика теоретическая и экспериментальная.

11. Древности и исторія литеральная.

12. Права натуральныя и философія практическая или правоучительная.

Учители всѣ обучать должны на русскомъ языкѣ, а профессоры на латинскомъ.

Студенты производимы быть могутъ въ магистры, адъюнкты, профессоры и академики.

Порядокъ наукъ быть долженъ слѣдующій. Латинскаго языка перво надлежитъ обучаться столько, чтобъ безъ нужды всякаго автора разумѣть было можно, а между тѣмъ и греческаго, географіи, исторіи и ариѳметики.

Когда приведенъ будетъ ученикъ въ гимназіи, что онъ безъ нужды будетъ латинскія лекціи разумѣть, то къ профессору элоквенціи въ университетъ перевести его должно, который курсъ профессоръ начинать долженъ съ просодіи латинской и продолжать риторику латинскую. Риторики русской или элоквенціи

особливо не обучать, ибо кто знаетъ, въ чемъ элоквенція на латинскомъ языкѣ состоитъ, тотъ знать можетъ и на всѣхъ языкахъ оныя правила, дабы время студентовъ въ безнужныхъ наукахъ не было трачено. Между тѣмъ часы его раздѣлены быть должны на французскій языкъ и рисованіе, буде охота есть. Сіе окончавъ, логики и метафизики долженъ лекціи принимать, а потомъ физики теоретической и экспериментальной, и между тѣмъ исторіи гражданской, литеральной, генеалогіи, геральдики, философіи правоучительной по порядку; только смотрѣть, чтобъ одинъ студентъ вдругъ многими лекціями отягченъ не былъ. Изъ всякой лекціи въ другую переводить съ экзаменомъ». [14]).

Передъ началомъ учебнаго курса академики обращались къ молодому поколѣнію съ призывомъ посѣщать университетскія лекціи и воспользоваться тѣми умственными благами, которыя приноситъ съ собою наука. При этомъ указывали на заслуги правительствъ, умѣвшихъ цѣнить по достоинству успѣхи ума и просвѣщенія. Росписаніе лекцій публиковано было въ такомъ видѣ:

— Всѣмъ извѣстно, что раченіе и любовь къ почтеннымъ наукамъ между лучшими украшеніями владѣющихъ государей почитаются. Знатные весьма примѣры видимъ мы въ тѣхъ, которые въ распространеніи наукъ и въ обученіи своихъ подданныхъ рачительно старались. Всѣхъ подробну исчислять излишно бы было, и для того тѣхъ только упомянемъ, которые къ намъ принадлежатъ ближе, т. е. восточныхъ греческихъ императоровъ: Льва премудраго, Константина порфирогенита, Анну Комнину, Іоанна Кантакузина, которые тѣмъ прехвальны, что не токмо любленіемъ наукъ славное имя у потомковъ заслужили, но и знаки собственнаго своего въ наукахъ искусства оставили, которые и нынѣ у знающихъ суть въ великомъ почтеніи. Наши времена весьма славны государями не меньшими тѣхъ, которыхъ за любленіе наукъ древность превозноситъ. И вопервыхъ Россію благополучною почитать должно, что похвалиться можетъ безсмертныя памяти государемъ императоромъ Петромъ Великимъ, который для совершенія преславныхъ дѣлъ своихъ къ онымъ присовоку-

пилъ повелѣніе о учрежденіи академіи, которая бы науки въ Россіи распространяла. Всепресвѣтлѣйшая его супруга, великодушная Екатерина, подражая сему толь полезному примѣру, едва токмо на всероссійскій престолъ вступить изволила, наивящшее попеченіе о томъ возымѣла, чтобы учредить академію, и для того во всемъ государствѣ указомъ объявить повелѣла, чтобы никто изъ россійскаго народа не пренебрегалъ сего удобнаго способа къ полученію толь великаго счастія. Августѣйшая Елисавета, родительскихъ добродѣтелей наслѣдница, толикое россійскимъ наукамъ благодѣяніе присовокупила, что академію законами утвердить и довольною оную суммою снабдить благоволила. И академія наукъ ничего не преминетъ, чѣмъ за толикое щедролюбіе ревностно служить и россійскому юношеству пользовать можетъ. Прочее отъ васъ, россійскіе юноши, зависитъ, чтобы вы толикимъ благодѣяніемъ съ пользою наслаждались. Здѣсь предлагается вамъ расписаніе академическихъ наставленій, которыя въ академическихъ авдиторіяхъ публично предлагаться будутъ. Дай Богъ, чтобы оныя были въ вашу и всего россійскаго государства пользу.

Іосифъ Адамъ Браунъ, теоретической и практической философіи профессоръ, предлагать будетъ руководство во всю философію, употребляя за основаніе сокращенную Тиммигомъ Вольфіанскую философію, которая для сего намѣренія лучше другихъ служить можетъ, однакожъ чтобъ притомъ сію систему пополнять и исправлять, гдѣ за благо разсудится.

Георгъ Вильгельмъ Рихманъ, экспериментальной физики профессоръ, всѣ части математики будетъ показывать, чтобъ слушателямъ тѣмъ приготовить путь къ самой физикѣ, которую безъ математики начинать безполезно.

Христіанъ Крузіусъ, древностей и литеральной исторіи профессоръ, толковать будетъ древнихъ римскихъ авторовъ, причемъ и того, что до ученія древностей и до правилъ о чистотѣ штиля надлежитъ, изъяснять не оставитъ. Онъ же покажетъ, когда потребно разсудится, и литеральную исторію по печатному Гейманову руководству [15]).

Іоаннъ Эбергардъ Фишеръ, исторіи профессоръ и гимназіи ректоръ, будетъ обучать универсальной исторіи съ присовокупленіемъ вездѣ хронологіи.

Фридерихъ Генрихъ Штрубе фонъ Пирмонтъ, профессоръ юриспруденціи, толковать будетъ новѣйшую исторію всѣхъ государствъ въ Европѣ, а потомъ ихъ внутреннее состояніе и каждаго съ прочими союзы и политическое состояніе.

Василій Тредіаковскій, профессоръ краснорѣчія, прочитавъ слушателямъ Целларіеву ортографію, изъяснять будетъ Гейнекціевы основанія чистаго штиля.

Когда по окончаніи сихъ лекцій студенты къ прочимъ наукамъ довольно будутъ приготовлены, тогда, по понятію и по охотѣ каждаго, имъ толковать будутъ:

Христіанъ Николай фонъ Винцгеймъ — практическую астрономію.

Авраамъ Кау Бургаве — анатомію и физіологію.

Михайло Ломоносовъ — химію.

Христіанъ Готлибъ Краценштейнъ — механику.

Стефанъ Крашенинниковъ — ботанику.

Никита Поповъ — астрономію теоретическую [16]).

При устройствѣ чтеній имѣлось въ виду, чтобы профессора избѣгали говорить на своихъ лекціяхъ о такихъ предметахъ, изложеніе которыхъ входитъ въ составъ другаго курса. Весьма опасно, — замѣчаетъ Миллеръ — чтобъ студенты не замѣшались, ежели одна наука отъ двухъ профессоровъ по разнымъ принципіямъ истолкована быть имѣетъ. Профессоръ исторіи, говоря о натуральныхъ и всенародныхъ правахъ, можетъ встрѣтиться съ профессоромъ философіи, въ курсъ коего входитъ эта часть правоучительной философіи [17]).

Прежде другихъ открыли свои курсы Тредьяковскій и Крузіусъ. Тредьяковскій представилъ такой планъ занятій своихъ со студентами втеченіе 1748 года: «начну имъ диктовать Гейнекціевы основанія стиля, а сіе продолжать имѣю чрезъ весь годъ. Для экзерцитаціи въ латинскомъ стилѣ буду имъ читать и тол-

ковать по одной изъ тѣхъ гражданскихъ орацій, которыя выбраны Целларіемъ изъ самыхъ лучшихъ древнихъ историковъ римскихъ, а на подобіе читанныя прикажу имъ и самимъ въ домѣ сочинять въ томъ же содержаніи. Съ начала октября по январь 1749 г. вмѣсто помянутыхъ оныхъ орацій изъ латинскихъ историковъ имѣю имъ читать по одному панегирику изъ оныхъ, которые сочинены Мамертиномъ, Евменіемъ, Назаріемъ Авзоніемъ и Пакатомъ. Иногдажъ вмѣсто сихъ панегириковъ по Цицероновой ораціи или иногда по Муретовой, которыя мнѣ покажутся лучшими къ пользѣ моихъ слушателей. Но на-домъ имѣю имъ задавать переводъ нѣкоторыхъ частей изъ оныхъ панегириковъ и орацій, а иногда оныя части и самимъ равнымъ вымысломъ прикажу сочинять то латинскимъ, то и нашимъ языкомъ. Симъ способомъ настоящій годъ лекціями моими съ Богомъ окончить я намѣренъ» [18]).

Къ концу 1748 года успѣхи студентовъ достаточно опредѣлились, какъ можно судить по отзывамъ профессоровъ и ректора, которымъ былъ на ту пору академикъ Миллеръ. Если студентамъ — говоритъ Миллеръ — раздѣлить преміи по ихъ остротѣ, прилежности и искусству въ наукахъ, то слѣдующіе тому кажутся достойны: Протасовъ, Котельниковъ, Тепловъ, Барсовъ, Софроновъ, Яремскій, Григорій Пашинскій, Волковъ, *Румовскій* [19]).

О Румовскомъ дали отзывы академики: Рихманъ, Крузіусъ и Тредьяковскій.

Математическія лекціи Рихмана посѣщались всѣми студентами, какъ прежними, такъ и вновь поступившими, какъ жалованными, т. е. состоящими на жалованьи, такъ и вольными. Особенно хвалитъ онъ: изъ старыхъ студентовъ — Котельникова, а изъ новичковъ — Барсова, Волкова, Софронова и *Румовскаго*. Успѣхи Румовскаго, еще такъ недавно ознакомившагося съ математикою, не могли быть блистательны; тѣмъ не менѣе уже на первыхъ порахъ онъ обратилъ на себя вниманіе своею выдающеюся даровитостью. Рихманъ пишетъ о немъ: in mathematicis, *Rumovski*, puer *felicissimi ingenii*, mediocriter tamen profecit.

Профессоръ Крузіусъ, посвящавшій свои лекціи объясненію древнихъ латинскихъ авторовъ, лучшими изъ слушателей своихъ почитаетъ Котельникова и довольно много другихъ, а пониже ихъ Румовскаго и другихъ.

Тредьяковскій для оцѣнки успѣховъ, оказанныхъ студентами, прибѣгаетъ къ риторической фигурѣ уподобленія, заимствуя ее изъ военнаго быта: первый и лучшій отдѣлъ составляетъ у него образцовую роту; второй состоитъ изъ воиновъ, болѣе или менѣе заслуженныхъ, а третій и послѣдній—изъ рядовыхъ или новобранцевъ. Онъ говоритъ: Auditores meos sistendos judico in tres ordines divisos: primus est primipilorum; secundus militum non aeque emeritorum; tertius deniqne sive tyronum sive gregariorum. Во второмъ разрядѣ воиновъ помѣщенъ и Stephanus Rumovski [20]).

Въ 1749 г. Рихманъ читалъ ариѳметику, геометрію и плоскую тригонометрію; въ его отчетѣ Котельниковъ, за нимъ Барсовъ и Софроновъ, а за ними Румовскій, названы какъ студенты, обнаружившіе наибольшіе успѣхи и трудолюбіе — industriam laude dignam adhibuerunt.

Въ томъ же году Фишеръ излагалъ исторію вавилонянъ и ассиріянъ съ разсужденіемъ о причинахъ величія ассирійской монархіи; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ знакомилъ съ жизнію и заслугами тѣхъ ученыхъ, имена и труды которыхъ упоминались на лекціи. Онъ много разъ обращался къ нимъ, диктуя и спрашивая, чтобы глубже запечатлѣть ихъ въ памяти слушателей. Изъ студентовъ, обратившихъ особенное вниманіе профессора своею даровитостью и своимъ прилежаніемъ, первымъ названъ Румовскій: qui ingenium mihi et diligentiam in hoc studiorum genere comprobaverunt, eorum nomina subjiciuntur: Stephanus Rumovski, etc.

Всего слабѣе оказались успѣхи студентовъ въ чистописаніи и отчасти въ орѳографіи, особенно нѣмецкой. Въ концѣ 1748 года ректоръ университета Миллеръ, съ большою похвалою отзываясь о студентахъ вообще, замѣчаетъ, что только немногіе изъ нихъ «одни за старостью, а другіе за молодостью, не весьма способны; нѣкоторые пишутъ очень худо: ихъ надлежитъ еще обучать хоро-

шему и твердому письму». Годъ спустя «шрейбмейстеръ» Шенингъ, обучавшій нѣмецкой орѳографіи и нѣмецкому и латинскому письму, доносилъ: Stepan Rumowvsky—im lesen und schreiben, wie auch in der orthographie, mittelmässig[21]).

Въ октябрѣ 1749 года студентъ Румовскій изъявилъ желаніе учиться «школьнымъ наукамъ», именно риторикѣ, а въ маѣ 1750 года сдѣлалъ заявленіе, что предметомъ спеціальныхъ занятій своихъ избираетъ математику во всемъ ея объемѣ. Студентамъ предложено было избрать науки, которымъ желаютъ обучаться, по своей охотѣ и склонности; при имени Румовскаго отмѣчено, что онъ желаетъ обучаться «всей математикѣ».

На испытаніяхъ, происходившихъ въ 1750 году, Румовскій оказалъ блестящіе успѣхи въ математикѣ, обѣщавшіе многое въ будущемъ при дальнѣйшихъ его занятіяхъ избранною имъ наукою. Весьма основательныя свѣдѣнія онъ обнаружилъ также въ философіи и латинскомъ языкѣ. При испытаніяхъ присутствовали: ассессоръ Тепловъ и академики: Миллеръ, Рихманъ, Фишеръ и Браунъ, и они единогласно свидѣтельствовали о замѣчательной даровитости и вмѣстѣ съ тѣмъ о трудолюбіи Румовскаго[22]).

Экзамены студентамъ въ 1751 году производили академики: Штрубе де-Пирмонъ, Рихманъ, Ломоносовъ, Фишеръ, Браунъ, Кратценштейнъ, Крашенинниковъ, Гришовъ и Поповъ. Въ представленномъ ими мнѣніи объ успѣхахъ студентовъ въ наукахъ говорится слѣдующее: «Степанъ Румовскій разумомъ и понятіемъ превосходитъ прочихъ, какъ то г. профессоромъ Рихманомъ, у котораго онъ слушалъ лекціи, объявлено и намъ казалось; и хотя весьма хорошо, но не такъ какъ Братковскій и Софроновъ отвѣтствовалъ. Въ словесныхъ наукахъ и въ философіи оказалъ непостыдные успѣхи, однако оныхъ съ успѣхами его въ физикѣ и математикѣ сравнить не можно. Къ математикѣ и практической физикѣ имѣетъ склонность, чего ради желаетъ ходить на физическія и химическія лекціи, а по нашему мнѣнію должно ему упражняться во всей математикѣ, а химическія лекціи слушать для одной токмо физики»[23]).

Къ этому же времени относится извѣстіе академика Крашенинникова, что студенты начали учиться нѣмецкому и французскому языкамъ, и упражняются, подъ его руководствомъ, въ переводѣ древнихъ писателей на русскій языкъ: восемь человѣкъ переводятъ Ксенофонта о воспитаніи Кира, основателя персидскаго государства, а прочіе — римскую исторію Тита Ливія [24]).

Любознательность даровитаго Румовскаго развивалась и обнаруживалась все сильнѣе и ярче, привлекая къ нему сочувствіе въ избранномъ кругу тогдашнихъ ученыхъ. Профессора-академики, внимательно слѣдя за успѣхами своихъ питомцевъ, признали справедливымъ удостоить Румовскаго, на основаніи регламента академіи наукъ, повышенія, на которое имѣли право отличнѣйшіе изъ академическихъ студентовъ.

О занятіяхъ профессоровъ со студентами, о лекціяхъ, читанныхъ въ университетѣ, о способѣ преподаванія, а равнымъ образомъ и о томъ взглядѣ на Румовскаго, который сложился въ ученой средѣ его руководителей, можно судить по слѣдующимъ даннымъ, относящимся къ 1752 и 1753 годамъ. Заимствуемъ ихъ изъ представленій академиковъ: Ломоносова, Брауна и Фишера, и изъ протоколовъ академической канцеляріи. Ломоносовъ написалъ свое представленіе порусски, Браунъ — полатыни, а Фишеръ — понѣмецки; мѣста изъ донесеній Брауна и Фишера мы сообщаемъ въ переводахъ того времени, приложенныхъ къ подлинникамъ.

«Могу засвидѣтельствовать, — писалъ Ломоносовъ — что на чинимые на лекціяхъ моихъ вопросы способнѣе другихъ отвѣтствуетъ Степанъ Румовскій, который съ прочими студентами на мои лекціи прилежно ходитъ» [25]).

Академикъ Браунъ доноситъ канцеляріи академіи наукъ: «Студенты слушали всѣ части философіи, мною толкованныя, и хотя неравные успѣхи оказали, однако всѣ такъ успѣли, что сами въ философіи далѣе происходить могутъ, ежели похотятъ приложить прилежаніе и меня спроситься. Однако Барсова успѣхи наибольшіе; прочихъ успѣхи состоятъ въ такомъ порядкѣ, что пер-

вымъ считается Поповскій, за нимъ слѣдуетъ Яремскій, за нимъ Софроновъ, за нимъ *Румовскій*, а за нимъ Братковскій. По окончаніи всѣхъ частей философіи началъ толковать я исторію философическую по руководству Брукерову, которую еще продолжаю»; и т. д.

Академикъ Фишеръ такъ описываетъ свою методу при объясненіи образцовыхъ писателей: «При толкованіи автора смотрѣлъ я паипаче на его порядокъ и расположеніе всей книги, на образецъ его мыслей, а наконецъ и на его штиль. При такихъ мѣстахъ, которыя мои слушатели сами разумѣть могутъ, не долго останавлялся; но изъяснялъ токмо труднѣйшія и темнѣйшія мѣста, надъ которыми прежніе коментаторы столь много головы свои ломали, а погрѣшительныя мѣста исправлялъ помощію здравой критики, т. е. сношеніемъ другихъ подобныхъ мѣстъ и избраніемъ того, что съ нынѣшнимъ дѣломъ состоять и разумный смыслъ подать могло. Ежели что случалось, что надлежало къ другимъ наукамъ, особливо къ исторіи, къ древностямъ, къ митологіи, къ церемоніямъ при жертвахъ и праздникахъ, къ формѣ правительства или къ правамъ и обыкновеніямъ чужихъ народовъ, то не щадилъ я ни мало труда, чтобъ преподать имъ довольное знаніе о всѣхъ такихъ вещахъ. Наконецъ, сколь часто оканчивана была какая піеса, то приказывалъ я моимъ слушателямъ сочинить что-нибудь письменно о предложенной матеріи по собственному ихъ смыслу»[26]).

Въ исходѣ 1752 года произведено было испытаніе студентамъ академиками: Штрубе де-Пирмономъ, Тредьяковскимъ, Рихманомъ, Фишеромъ, Брауномъ, Крашенинниковымъ и Поповымъ. Въ поданномъ ими «мнѣніи» успѣхи Румовскаго оцѣниваются сравнительно съ успѣхами его товарища Софронова — человѣка въ высшей степени даровитаго: «Софроновъ оказалъ себя: въ математикѣ и физикѣ всѣхъ лучшимъ; въ философіи и гуманіорахъ — довольный успѣхъ имѣющимъ; въ латинскомъ, французскомъ и россійскомъ языкахъ — нарочито искуснымъ. Степанъ Румовскій въ физикѣ и математикѣ кажется отсталъ отъ Софро-

нова. Въ философіи, гуманіорахъ, въ латинскомъ, французскомъ и россійскомъ языкахъ съ нимъ равенъ. Танцуетъ всѣхъ лучше. Въ поступкахъ весьма хорошъ. Господамъ экзаминаторамъ подалъ своего сочиненія диссертацію математическую подъ титуломъ: Нахожденіе прямой линіи посредствомъ тангенсовъ такой, которая бы равна была кривой эллиптической линіи, — которою довольно показалъ, что онъ въ математикѣ и въ выкладкахъ изрядный успѣхъ имѣетъ, и ежели онъ съ такимъ же прилежаніемъ и ревностію въ математикѣ и физикѣ вдаль происходить будетъ, съ какою упражнялся понынѣ, то по общему согласію достоинъ онъ повышенія изъ студентовъ по академическому регламенту»[27]).

Академики, близко знавшіе Румовскаго, имѣвшіе возможность, живя подъ одною съ нимъ кровлею, наблюдать не только за его успѣхами, но и за его поступками, свидѣтельствуютъ, что онъ заслуживаетъ полнаго сочувствія по своимъ нравственнымъ качествамъ и по своей благовоспитанности. Инспекторъ студентовъ, studiosorum moribus praefectus, Фишеръ отзывается о Румовскомъ въ такихъ выраженіяхъ: Stephanus Rumowski unus omnium praestantissimus et litterarum studiis et disciplina, et rectam vivendi rationem honestat verecundia vultus et tenella aetas, nam nondum decimum septimum aetatis attigit annum. Это писано въ февралѣ 1750 года[28]).

Достоинство Румовскаго выдается тѣмъ ярче въ этомъ отношеніи, что не всѣ изъ его немногочисленныхъ товарищей могли похвалиться поведеніемъ вполнѣ безукоризненнымъ. Самый даровитый изъ нихъ Софроновъ до того предавался пьянству, что никакими усиліями и заботами не возможно было удержать его отъ паденія, и онъ сдѣлался жертвою своей несчастной страсти. Нѣкоторые изъ студентовъ откровенно сознавались, что иногда платили невольную дань дурной привычкѣ, не давая ей полнаго надъ собою господства. Другіе съ такою же наивною откровенностью заявляли, что наука не идетъ имъ въ прокъ и только напрасно отнимаетъ у нихъ драгоцѣнное время. «Полгода тому назадъ—пи-

шетъ студентъ ректору университета—въ праздничный нѣкоторый день неосторожностію моею пьянъ явился, и въ семъ будучи состояніи, какимъ образомъ бранилъ г. профессора, не помню». Другой студентъ писалъ ректору: «Много времени почти безъ всякой пользы препроводилъ, понеже натуральной остроты къ наукамъ не имѣю; совершенно знаю, что никакой пользы въ наукахъ академіи принесть не могу, хотя десять лѣтъ въ студентахъ проживу, только безполезно время потерялю», и т. д. [29]).

Дорожа умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ своихъ питомцевъ, академія наукъ заботилась объ открытіи имъ возможно большихъ средствъ для занятій научныхъ, и обращала зоркое вниманіе на поведеніе и образъ жизни учащейся молодежи. Чтобы удержать ее на вѣрномъ пути, руководители ея признавали необходимымъ: правильное устройство учебныхъ курсовъ, точное исполненіе обязанностей, доступъ студентамъ въ общество академиковъ и справедливое назначеніе наградъ и взысканій. Въ выборѣ и въ самомъ свойствѣ различныхъ мѣръ къ поощренію достойныхъ и къ противодѣйствію невѣжеству и распущенности выражаются черты тогдашнихъ понятій о научномъ и воспитательномъ началѣ въ образованіи юношества.

Посѣщеніе университетскихъ лекцій было строго обязательно для студентовъ. Слѣдить за исправностію въ этомъ отношеніи долженъ былъ полагавшійся по уставу педель, но какъ въ дѣйствительности его не имѣлось, то на одного изъ студентовъ возлагаемо было записывать приходъ и выходъ профессоровъ и «нѣтчиковъ изъ студентовъ». Въ замѣткахъ этихъ, веденныхъ изо дня въ день весьма обстоятельно и точно, находятся такого рода подробности:

Іюля 1-го дня г. профессоръ Тредіаковскій началъ читать въ началѣ четвертаго; окончилъ въ исходѣ пятаго часа пополудни. Сію лекцію не слушалъ студентъ Румовскій.

Іюля 29-го проф. Браунъ не читалъ для наблюденія луннаго затьмѣнія; проф. Крузіусъ, Фишеръ, Штрубе и Тредіаковскій читали. Студентъ Степанъ Румовскій, по просьбѣ его, отпу-

щенъ къ отцу своему для того, что отецъ его жестоко не может.

Августа 2-го студентъ Румовскій, который отпущенъ былъ къ отцу своему, явился и лекціи слушать зачалъ же.

Августа 19-го на лекціяхъ проф. Фишера и Тредіаковскаго не было студента Румовскаго за болѣзнію, о которой объявлено академическому лѣкарю.

Августа 17-го проф. Браунъ и Тредіаковскій читали лекціи въ присутствіи президента академіи графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго и вицеканцлера графа Михаила Ларіоновича Воронцова [30]).

Требуя исправнаго посѣщенія лекцій, академія предоставляла своимъ питомцамъ разумную свободу въ выборѣ предметовъ, изложеніе которыхъ входило въ составъ университетскаго курса. Одни изъ студентовъ посвящали себя преимущественно математическимъ наукамъ, другіе словеснымъ, и т. д. Настаивая на неуклонномъ и добросовѣстномъ изученіи существенно-важнаго въ области знаній, сознательно избранной самими студентами, академическое начальство смотрѣло снисходительно на такія упущенія, которыя не влекли за собою важнаго ущерба для студентовъ, не служили препятствіемъ для ихъ дальнѣйшаго научнаго образованія. Отъ студентовъ требовалось дѣйствительнаго труда и занятія наукою, а не наружнаго только исполненія регламента, и имъ не ставилась въ большую вину неисправность въ посѣщеніи лекцій въ томъ случаѣ, если оно могло обратиться въ одну только формальность. Самъ блюститель университетскихъ порядковъ, ректоръ гимназіи Фишеръ, надзору котораго преимущественно ввѣрены были студенты, выражаетъ такой взглядъ на посѣщеніе студентами лекцій: «Изъ шести студентовъ трое: Румовскій, Софроновъ и Братковскій часто на лекціи ко мнѣ не хаживали. Причиною тому, что положились они на математическія науки, и, можетъ быть, разсуждали, что словесныя науки къ ихъ намѣренію ничего не способствуютъ, и что они, по примѣру многихъ ученыхъ, хотятъ знать столько токмо полатыни,

сколько потребно къ читанію или къ предложенію мыслей въ ихъ должности. И правду сказать, понеже словесныя науки требуютъ неусыпнаго труда, а они избрали другую дорогу, то и не можно отъ нихъ столь много требовать»[31]).

Желая сосредоточить научныя занятія студентовъ и удалить все препятствующее достиженію главной цѣли пребыванія ихъ въ университетѣ, академическая канцелярія запретила студентамъ заниматься посторонними дѣлами и между прочимъ перепискою бумагъ. Вслѣдствіе этого и для студентовъ имѣло обязательную силу распоряженіе канцеляріи, въ которомъ говорится: «Понеже усмотрѣно, что нѣкоторые академическіе служители у профессоровъ переписываютъ нѣкоторыя книги и прочее партикулярное, и тѣмъ теряютъ время быть при ихъ должностяхъ и дѣлахъ. Того ради всѣмъ умѣющимъ писать запрещается, чтобъ никто никакихъ дѣлъ академическихъ и которыя касаются до наукъ, также и партикулярныхъ писемъ, безъ особливаго отъ канцеляріи приказу, брать и переписывать не дерзали, а упражнялись бы всегда при порученныхъ имъ дѣлахъ. Ежели же кто явится въ пренебреженіи сего, оный имѣетъ тяжко быть штрафованъ»[32]). Всѣ студенты росписались на указѣ, а въ числѣ ихъ и Румовскій: «вышеписанный указъ студентъ Стефанъ Румовскій слышалъ и исполнять буду, въ чемъ и подписуюсь».

Студентамъ, добросовѣстно исполняющимъ свои обязанности, присуждаемы были различныя награды. На публичныхъ экзаменахъ раздавались книги съ надписями въ духѣ того времени; оказавшимъ особенные успѣхи прибавлялось жалованья, давалось лучшее помѣщенье, и — вѣнецъ награды — дозволялось посѣщать ученое собраніе академиковъ и пользоваться ихъ мудрою бесѣдою.

Отличившемуся студенту торжественно вручалась книга съ надписью, гласившею, что по Ея Императорскаго Величества указу и по опредѣленію его графскаго сіятельства академіи наукъ президента, даруется студенту N книга казенная, именуемая N, причемъ его графское сіятельство желаетъ, уповаетъ и

ему, студенту, повелѣваетъ, дабы онъ сею книгою впредь пользовался со всякимъ прилежаніемъ, и отъ времени до времени болѣе хвалы и награжденія заслуживать старался. При выборѣ книгъ, раздаваемыхъ въ награду, канцелярія руководствовалась преимущественно экономическими соображеніями: для этой цѣли служили большею частью дублеты академической библіотеки. Такъ въ 1749 году Румовскій, какъ отличный студентъ, получилъ па актѣ книгу изъ дублетовъ академіи, изданную еще въ семнадцатомъ столѣтіи, именно: Andr. Taquet Elementa geometriae. Amstel. 1683. И книги, и надписи на нихъ цѣнились весьма высоко; удостоенные наградъ студенты подносили президенту благодарственныя письма и стихи. Вотъ какою прозою и какими виршами студенты выражали свою благодарность за награды, полученныя на публичномъ экзаменѣ, на которомъ на долю Румовскаго достались элементы геометріи Таке: [33])

Сіятельнѣйшій графъ! Ея Императорскаго Величества дѣйствительный камергеръ, академіи наукъ президентъ, лейбгвардіи измайловскаго полку подполковникъ, разныхъ орденовъ кавалеръ!

Милостивѣйшій Государь!

Какъ всѣмъ людемъ тѣ благополучные случаи обыкновенно пріятнѣе бываютъ, которыхъ они не надѣются, такъ и намъ благодѣяніе вашего высокографскаго сіятельства, показанное въ награжденіи насъ полезными книгами, тѣмъ болѣе чувствительно есть, чѣмъ меньше мы себя достойными онаго почитаемъ, ибо заслуги наши за такія вмѣняемъ, которыя ничего знатнаго въ пользу нашу принести не могутъ. Однакожъ, когда оныя вашему высокографскому сіятельству ко удовольствію могли служить, то мы не имѣемъ причины сожалѣть, какъ бы малы они ни были, хотя и признаёмъ, что удовольствіе ваше, сіятельнѣйшій графъ, одному вашего жъ высокографскаго сіятельства особливому великодушію приписать должно. Сіе жъ самое вели-

кодушіе ваше исходатайствовало намъ отъ вашего высокографскаго сіятельства оное честное свидѣтельство и оную высокую благосклонность, которая въ пріобщенныхъ къ даннымъ намъ книгамъ печатныхъ листахъ точно изображена, и которую мы по достоинству выше всего въ свѣтѣ почитаемъ. Чрезъ сіе неизрѣченное благодѣяніе или лучше чрезъ сіи благодѣянія столько изволили насъ себѣ, ваше высокографское сіятельство, обязать, что ко изъясненію нашей благодарности не только свой молодой умъ, но и высокоученыхъ людей искусство за недовольное мы признаваемъ. Того ради, напраснымъ продолженіемъ не утруждая, заключаемъ сіе не многословнымъ, но искреннимъ нашимъ усердіемъ, чтобъ оный всѣхъ благъ источникъ Господь Богъ за помянутая къ намъ благодѣянія достойною мѣрою учинилъ вашему высокографскому сіятельству награжденіе, продолжая свое на васъ благословеніе, высочайшую милость помазанницы своея непремѣнну къ вамъ содержа, здравіе ваше крѣпко сохраняя и лѣта жизни вашея многочисленны творя, чтобъ между тѣмъ подъ разумнымъ управленіемъ вашего высокографскаго сіятельства санктпетербургская академія наукъ въ совершенство возрасла, а при оной и мы, нижайшіе, имѣли бъ кому засвидѣтельствовать наше прилежаніе, которое, по повелѣнію вашего высокографскаго сіятельства, въ ученіи нашемъ всевозможнымъ образомъ имѣть вѣрно обѣщаемся.

Вашего высокографскаго сіятельства

нашего милостивѣйшаго государя

нижайшіе слуги студенты

подлинное письмо за руками студентовъ: Алексѣя Протасова, Семена Котельникова, Василья Петрова, Антона Барсова, Филиппа Яремскаго, Бориса Волкова, Григорья Повинскаго, Михайла Софронова, Стефана Румовскаго.

въ Санктпетербургѣ
февраля 23 дня 1749 г.

Въ такомъ же духѣ написаны и благодарственные стихи, сочиненные, отъ имени всѣхъ питомцевъ академіи, студентомъ Яремскимъ:

Когда бы мой былъ духъ съ желаніемъ согласный,
То бъ скоро весь Парнасъ подвигнулъ я прекрасный,
Чтобъ пѣніе твоихъ украсить тѣмъ похвалъ,
Не годенъ къ коимъ умъ, и силъ достатокъ малъ....
Твоими музы здѣсь щедротами цвѣтутъ,
Твоею ободренъ ихъ ревностію трудъ,
Довольство оныхъ ты всегда усугубляешь,
И къ счастью дверь своимъ раченьемъ отверзаешь.
Невѣжество теперь блѣднѣетъ предъ тобой,
Откуду сладостный приходитъ намъ покой.
Тебя прославятъ всѣ и будущіе роды,
Что милость равно льешь на насъ какъ море воды....

Въ 1749 году Румовскій удостоенъ награды книгою, а въ 1751 году о немъ и о товарищахъ его, оказавшихъ наибольшіе успѣхи, состоялось слѣдующее опредѣленіе академической канцеляріи: «Студентамъ перваго класса быть по тому, какъ отъ гг. профессоровъ предложено. Степанъ Румовскій назначенъ въ высшей математикѣ; но между тѣмъ, пока сыскапъ будетъ профессоръ высшей математики, то препоручить его г. профессору Рихману. Шести студентамъ (и въ числѣ ихъ Румовскому), имѣющихъ апробаціи отъ гг. профессоровъ въ ихъ понятіи и прилежаніи, отличить за то отъ другихъ: прибавить жалованья по одному рублю на мѣсяцъ; отвести имъ особливый покой или два; дозволить сидѣть въ конференціи позади гг. академиковъ и профессоровъ; студентамъ наукъ дозволить ходить въ академическое и историческое собраніе. Всѣмъ, въ наукахъ упражняться желающимъ, учиться пофранцузски и рисовать» [34]) и т. д.

Профессорскія собранія должны были происходить по два раза въ недѣлю, отъ десятаго часа отъ полудня, и «ежели не случится никакой диссертаціи для прочтенія, то бы господа профессоры имѣли между собою разсужденія и разговоры о уче-

ныхъ матеріяхъ, а студенты, которые имѣютъ позволеніе сидѣть за стульями, разговорами ихъ пользовалися» [35]) и т. д.

Различіе между студентами двухъ отдѣленій состояло въ томъ, что студенты, избравшіе своею спеціальностію математическія науки, могли посѣщать оба ученыя собранія, а посвятившіе себя словеснымъ наукамъ—только одно; первые обязаны были представить диссертацію, вторые — диспутацію: «Имѣющіе охоту къ наукамъ должны написать диссертаціи въ своей наукѣ, на которыя господамъ академикамъ дать свои мнѣнія. А которые желаютъ упражняться въ философіи и языкахъ, тѣмъ написать диспутацію и оную публично защищать. Студентамъ наукъ ходить въ академическое и историческое собранія, а упражняющимся въ словесныхъ наукахъ ходить токмо въ историческое собраніе» [36]).

Какъ дозволеніе являться въ ученое собраніе академиковъ признавалось высшею наградою, такъ, съ другой стороны, наиболѣе тяжкимъ наказаніемъ было преданіе виновнаго суду академической канцеляріи. Оно показывало, что вина въ высшей степени серьезна, и что ближайшее начальство истощило всѣ средства, находящіяся въ его распоряженіи для удержанія студентовъ въ предѣлахъ ихъ правъ и обязанностей. Въ наказаніяхъ допускались различные виды и степени, которые весьма подробно исчислены въ инструкціи ректору университета. Виновнымъ угрожали: карцеръ, отдача подъ караулъ, сѣрый кафтанъ и т. п. Послѣднее наказаніе было особенно чувствительно потому, что бросалось въ глаза, и служило наглядною уликою для виновнаго; притомъ же, по общему складу понятій и привычекъ того времени, одежда студентовъ не была для нихъ вещію вполнѣ безразличною: на нее смотрѣли какъ на одно изъ довольно крупныхъ условій общежитія. Предписано было одѣвать студентовъ такъ, какъ одѣваются люди, имѣющіе доступъ въ образованное общество; самое званіе студентовъ, по убѣжденію университетскаго начальства, давало право на вниманіе къ нимъ и хорошій пріемъ въ обществѣ. Обыкновенный костюмъ студентовъ составляли: зеле-

ный кафтанъ и при немъ форменная шляпа и шпага, а головной уборъ состоялъ изъ кошелька на волосы, который былъ въ большой модѣ между тогдашними петиметрами. При поступленіи въ университетъ Румовскаго и его товарищей опредѣлено было произвести слѣдующіе расходы на каждаго изъ нихъ: суконный зеленый мундиръ или кафтанъ и того же цвѣта камзолъ и штаны: аршинъ сукна по 1 руб. 80 коп.; шпага съ портупеей 3 руб. 50 коп.; шляпа гамбургская 1 руб.; кошелекъ на волосы 1 руб.; кровать съ веревкою, деревянный стулъ и столъ, сапоги, башмаки, чулки англійскіе гарусные; всего на каждаго 57 руб. 72 коп. [37]).

Свойство и порядокъ наказаній опредѣлены были «учрежденіемъ о университетѣ и гимназіи», имѣвшимъ силу и значеніе университетскаго регламента. Для студентовъ установлены были такого рода взысканія:

1) Ежели кто ослушаніе главной командѣ академической сдѣлаетъ или какое-либо непочтеніе, о такихъ немедленно репортовать въ канцелярію, дабы не упущено было съ нимъ поступить по указомъ, а до резолюціи отдать подъ караулъ.

2) Ежели противъ ректора и его адъюнкта, то за ректора—на двѣ недѣли въ карцеръ на хлѣбъ и на воду, а за адъюнкта—на недѣлю.

3) Ежели противъ профессоровъ и учителей, то за профессоровъ — на недѣлю въ карцеръ, а за учителей — на три дня.

4) Ежели обидитъ товарищей или другаго кого словомъ, то въ карцеръ на день, а рукою, то въ канцелярію репортовать.

5) Ежели напьется пьянъ, то за первый разъ на недѣлю въ карцеръ, за другой — на двѣ, за третій — въ канцелярію репортовать.

6) Ежели безъ вѣдома ректорскаго или его адъюнкта съ двора кто сойдетъ, то за первый разъ, по разсужденію ректорскому, посадить въ карцеръ; за другой — вдвое; за третій — репортовать.

7) Ежели дома не ночуетъ, то за первый разъ на недѣлю въ карцеръ; за второй — вдвое; за третій — репортовать.

8) Ежели не придетъ на лекціи, то за первый разъ — въ сѣрый кафтанъ на недѣлю, за другой — на двѣ, за третій — на три, и такъ далѣе.

9) Ежели задашаго уроку не выучитъ, то за первый разъ въ сѣрый кафтанъ на день, за другой — на два, за третій — на три и т. д.

10) Ежели въ кражѣ приличится, то репортовать въ канцелярію, а до резолюціи подъ караулъ отдать.

11) Чего ради при университетѣ имѣть нарочно сдѣлашныхъ пять сѣрыхъ кафтановъ и смотрѣть, дабы штрафованные въ сѣрыхъ кафтанахъ также лекцій публичныхъ никакихъ не пропускали [38]).

Въ ордерѣ ректору гимназіи сказано: «Никакихъ бы между студентами ссоръ и несогласій, также рѣзвости, крику и шуму не происходило. Вина горячаго и прочаго подобнаго въ квартирѣ не держать и табаку не курить. Въ карты и другія игры на деньги отнюдь никогда бъ играть не дерзали. Постороннихъ пришлыхъ мужеска полу ни на одну ночь, а женска полу ни на одну минуту пущать крайне запрещается, а въ противномъ случаѣ таковыхъ брать чрезъ солдатъ и объявлять въ канцелярію. Посылать кустосовъ осматривать, нѣтъ ли у студентовъ постороннихъ людей, не происходитъ ли пьянства или какой зерни, дракъ, ссоръ и шуму, и т. д. [39]).

Предписанія и требованія были гораздо строже на бумагѣ, нежели въ дѣйствительности. Главная забота профессоровъ-академиковъ направлена была къ тому, чтобы предупредить проступки и нарушеніе правилъ, дѣйствуя силою слова и убѣжденія, а не страхомъ наказанія. Академическія власти, отъ ближайшей къ студентамъ и до самой высшей, относились съ большимъ участіемъ къ питомцамъ университета, и не желали видѣть дурныхъ цѣлей и умысла въ легкомысленномъ увлеченіи молодежи. Президентъ академіи, графъ Разумовскій, писалъ въ академическую

канцелярію: «О студентахъ и ихъ наукахъ какъ возможно изволъте прилагать тщаніе, понеже сіе учрежденіе есть наилучшій плодъ трудовъ академическихъ. Когда не будутъ профессоры изъ нихъ, то могутъ быть изъ нихъ добрые и исправные переводчики или учители въ гимназію первыхъ классовъ латинскаго языка. Что же до ихъ шалостей касается въ житіи, въ томъ, разсуждая ихъ молодыя лѣта, не вовсе надлежитъ отчаяваться, и стараться сколько возможно о ихъ исправленіи, когда уже не малый коштъ и время на нихъ потеряно» [40]).

При столкновеніи университетской молодежи съ лицами посторонними, позволявшими себѣ произволъ и насиліе, академическое начальство принимало студентовъ подъ свою защиту, не отдѣляя ихъ интересовъ отъ своихъ собственныхъ, тѣсно связанныхъ съ достоинствомъ университета. Жалобы, возникавшія по поводу оскорбленій и ссоръ, рисуютъ и нравы того времени и отношенія, существовавшія между студентами и ихъ непосредственными начальниками, которые избирались изъ среды академиковъ. Ректоръ гимназіи или—что̀ тоже самое—инспекторъ студентовъ, академикъ Крашенинниковъ доносилъ канцеляріи: «Февраля 4 дня въ ночное время приходилъ лѣкарь Елачичь въ студентскіе покои, и ругалъ ихъ всякою непотребною бранью, называя между прочимъ каналіями, бестіями и попами за то, что они, играя на скрыпицѣ, пьянымъ шумомъ его безпокоятъ, а по осмотру Барсова, который сеніоромъ въ университетѣ, тамъ пьяныхъ не было, а былъ въ томъ покоѣ рисовальный ученикъ Рыковъ, который обучаетъ ихъ на скрыпицѣ, у котораго оный лѣкарь выхватя скрыпицу, разбилъ о его голову на мелкія части, а оная скрыпица была его, Барсова, и дана двѣнадцать рублей. Такія наглыя поступки г. лѣкаря не столько обиженнымъ студентамъ, сколько намъ, коимъ они поручены въ смотрѣніе, чувствительны и огорчительны. Самому бы его ученику или цирюльнику несносно было, если бы онъ, г. лѣкарь, отважился безпокоить его въ его квартирѣ во время неуказное, а съ такими людьми, каковы студенты, по крайней мѣрѣ для одного сего честнаго

имени, поступать такимъ образомъ предосудительно. Не было бы бѣднѣе студентскаго состоянія, если бы всякому, каковъ г. лѣкарь, вольно было поступать съ ними объявленнымъ образомъ. Чего ради канцелярію покорнѣйше прошу о удовольствіи за учиненную *намъ* обиду и о возвращеніи двѣнадцати рублевъ за разбитую имъ скрыпицу студента Барсова, также и о запрещеніи и о удержаніи его, г. Елачича, впредь отъ такихъ недозволенныхъ поступокъ, особливо же, что оныя могутъ быть причиною худыхъ слѣдствій и безвинному нашему нареканію въ слабости команды и несмотрѣніи»[41]).

Ограждая студентовъ отъ грубыхъ выходокъ со стороны людей полуобразованныхъ, академическія власти желали искоренить грубость и жесткость, замѣчаемую подчасъ между самими студентами, и пріучить ихъ къ сдержанности и самообладанію, отличающимъ людей благовоспитанныхъ. Главною и существенною цѣлью университетской науки и жизни было поднять уровень умственной образованности и нравственнаго развитія студентовъ. Но независимо отъ этой высокой цѣли руководители академическаго юношества не упускали изъ виду и другихъ сторонъ воспитанія, необходимыхъ для общежитія и содѣйствующихъ въ большей или меньшей степени смягченію нравовъ и привычекъ. Противодѣйствовать замкнутости и одичалости и пріучать къ людкости и общежитію не считалось задачею ничтожною и мелочною. Въ этомъ смыслѣ высказались многіе изъ академиковъ, и въ отзывахъ ихъ любопытенъ взглядъ на значеніе танцевъ, очевидно сложившійся подъ вліяніемъ того, что дѣлалось и говорилось въ тогдашнемъ обществѣ. Въ приведенномъ нами свидѣтельствѣ ученой корпораціи объ успѣхахъ студента Румовскаго въ философіи, математикѣ и гуманіорахъ отмѣчено какъ обстоятельство заслуживающее вниманіе: «танцуетъ всѣхъ лучше; въ поступкахъ весьма хорошъ». Ломоносовъ находилъ нужнымъ одного изъ лучшихъ своихъ слушателей, студента Поповскаго, помѣстить такимъ образомъ, чтобы онъ «съ хорошими людьми обращаясь, привыкъ къ пристойному обхожденію, ибо между студентами,

которые пристойнаго воспитанія не имѣли, и для своей давней фамиліарности не безъ грубостей поступаютъ, учтивыхъ поступковъ научиться нельзя»[42]). Чтобы усвоить себѣ хорошія привычки, надо пріобрѣсти знакомство съ пріемами и условіями общежитія, а въ ряду средствъ, ведущихъ къ этой цѣли, непослѣднее мѣсто отводилось тогда танцамъ. Въ росписаніи учебныхъ занятій неоднократно упоминается и «плясаніе», какъ предметъ обязательный для всѣхъ воспитанниковъ. Академикъ и профессоръ исторіи Фишеръ въ рапортѣ своемъ о состояніи академической гимназіи говоритъ: «Къ недостаточнымъ въ гимназіи вещамъ надлежитъ и танцмейстеръ. Тому спорить нельзя, что человѣку, который внѣшнихъ поведеній не знаетъ и наукою впрочемъ не послѣдній будетъ, смѣются. Сіе правда, что танцованіе есть такая вещь, которая къ модѣ и къ пристойности нынѣшняго свѣта надлежитъ. И сколь много учениковъ отъ гимназіи отстали съ того времени, какъ танцованіе во оной отмѣнили, а ежели и впредь то будетъ, то наконецъ гимназическіе ученики отъ кадетовъ и другихъ добраго воспитанія дѣтей ничѣмъ другимъ, какъ невѣжествомъ и угрюмствомъ отличаться будутъ. И о самыхъ ученыхъ людяхъ худо говорятъ, что они не по модѣ поступаютъ и никогда хорошенько поклона отдать не умѣютъ, буде когда къ какому знатному господину, къ какой госпожѣ или въ какое честное собраніе придутъ. Оттого презираютъ сперва ученыхъ, а потомъ и самыя науки, понеже наукамъ въ порокъ ставятъ угрюмство и немодное обращеніе ученыхъ. Хотя бы другой причины къ принятію танцмейстера въ гимназію не было кромѣ сей токмо, чтобъ онъ своихъ учениковъ училъ комплиментамъ и показывалъ бы имъ, какъ весело и непринужденно стать и свободно поворачиваться, однако сего довольно, что танцмейстера должно принять и содержать»[43]).

Выдающеюся особенностію университетской жизни того времени были стремленіе сблизить питомцевъ академіи съ ихъ наставниками и руководителями и дать возможность открыто высказывать то, что касалось занятій, научныхъ потребностей и образа жизни учащейся молодежи. Студенты имѣли право обращаться

къ своему начальству съ ходатайствомъ о своихъ нуждахъ и подавать коллективныя письма, которыя были тогда въ обычаѣ и принимались весьма благосклонно. Встрѣчалась ли надобность въ книгахъ, журналахъ и учебныхъ пособіяхъ; возникала ли потребность въ отмѣнѣ заведенныхъ порядковъ и т. п.,—академическимъ властямъ представляемы были письма за общею подписью или за подписью нѣкоторыхъ студентовъ, уполномоченныхъ всѣми своими товарищами. Иногда само начальство требовало отъ студентовъ ихъ общаго и откровеннаго мнѣнія, чтобы, зная ихъ образъ мыслей, тѣмъ вѣрнѣе разсчитывать на успѣхъ предпринимаемой мѣры. При этомъ оно руководствовалось соображеніемъ, что изъ всѣхъ предписаній особенно усердно и точно исполняются тѣ, въ справедливости которыхъ убѣждены исполнители, а съ другой стороны оно желало имѣть самыя вѣрныя данныя о состояніи, бытѣ и потребностяхъ студентовъ, не подвергая ихъ давленію какой бы то ни было посторонней силы. Какъ бы въ доказательство искренности и прямоты своего образа дѣйствій ближайшіе руководители университетскаго юношества предоставляли всѣмъ и каждому изъ своихъ питомцевъ письменно высказывать просьбы и желанія, возникавшія въ студентской средѣ. Такимъ образомъ не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что если что-либо предоставлялось высшею властью обдуманному выбору студентовъ, то ближайшее начальство выслушивало ихъ голосъ со всевозможнымъ безпристрастіемъ, не стѣсняя подчиненныхъ своимъ авторитетомъ и не отказывая въ участіи и вниманіи ни одному изъ младшихъ членовъ академической семьи.

Студенты: Котельниковъ, Протасовъ, Барсовъ и другіе подали Фишеру слѣдующее письмо отъ имени всѣхъ академическихъ студентовъ:

Благородный господинъ профессоръ и гимназіи ректоръ!

Понеже мы усмотрѣли, что къ лучшему знанію политической

географіи, которая намъ нынѣ на русскомъ языкѣ преподается, необходимо нужна и политическая исторія, а особливо нынѣшнихъ временъ, безъ которой въ помянутой географіи едва ли можно надлежащій успѣхъ получить, то мы за полезно разсудили, съ согласія всѣхъ товарищей нашихъ, обще просить ваше благородіе объ отвращеніи онаго нашего недостатка такимъ образомъ, чтобы у канцеляріи академіи наукъ вашимъ стараніемъ исходатайствовать, дабы соблаговолено было впредь всегда для читанія выдавать намъ изъ книжной лавки русскія еженедѣльныя вѣдомости, также и изъ конференціи, послѣ употребленія господъ профессоровъ, латинскія лейпцигскія Nova Lipsiensia называемыя, дабы мы читаніемъ оныхъ могли съ бо́льшимъ понятіемъ оной географіи обучаться. Причемъ мы надѣемся, что канцелярія академіи наукъ въ семъ нашемъ желаніи, которое слѣдуетъ къ лучшему и бо́льшему совершенству нашему въ наукахъ, намъ не откажетъ. Того ради мы теперь, именемъ всѣхъ студентовъ, ваше благородіе покорнѣйше просимъ вашимъ стараніемъ испросить желаемую резолюцію у канцеляріи академіи наукъ на сіе наше прошеніе. Вашего благородія покорнѣйшіе слуги, студенты» и пр. [44]).

Вслѣдствіе слуховъ о томъ, что нѣкоторые изъ студентовъ гуляютъ по ночамъ, ходятъ въ подозрительные дома, и оттого получаютъ опасныя болѣзни, академическая канцелярія велѣла запереть всѣ ходы кромѣ одnихъ воротъ, и къ нимъ приставить часоваго, который бы не пропускалъ ни одного студента безъ дозволенія инспектора, особенно вечеромъ и ночью. Такое распоряженіе показалось студентамъ, какъ и слѣдовало ожидать, весьма стѣснительнымъ, и они придумали весьма благовидный предлогъ, чтобы хотя нѣсколько ослабить довольно строгую мѣру. Видя въ ней препятствіе къ исполненію религіозныхъ обязанностей, студенты просили разъ навсегда дозволить имъ отлучаться по вечерамъ для посѣщенія всенощныхъ, которыя служатся обыкновенно каждую суботу и сверхъ того накапунѣ праздниковъ. Коллективное письмо вручено Фишеру; оно писано на латинскомъ языкѣ,

на которомъ большею частью Фишеръ говорилъ съ академическими студентами.

Clarissime professor et gymnasii rector!

Ut iis vigiliis, quarum nos catalogum tibi exhibuimus, semper nobis interesse liceat, impense te obsecramus. Hoc si nobis concedetur semel, tum maxime nobis consultum iri putamus, quia unamquamque adituri vigiliam, molesti tibi esse non debebimus. Itaque, ut, quod rogamus, per te obtinere possimus, iterum atque iterum te, vir clarissime, oramus et obtestamur enixissime. Qui vero frequentare has vigilias cupiunt, quique hoc sibi concedi postulant, eorum hic nomina subjiciuntur: Stephanus Rumovskj, etc.

Всенощныя въ приходскихъ церквахъ совершались только втеченіе четырехъ мѣсяцевъ, съ мая до августа, и на основаніи росписи, составленной студентами, имъ приходилось отлучаться по вечерамъ около сорока разъ въ періодъ совершенія всенощныхъ. Канцелярія разрѣшила это студентамъ, но съ тѣмъ, чтобы они не заходили ни въ какія другія мѣста [45]).

Въ видахъ улучшенія матеріальнаго быта студентовъ, канцелярія академіи наукъ предположила содержать ихъ вполнѣ на казенномъ коштѣ: пищею, обувью и т. п., не выдавая имъ жалованья. Вслѣдствіе этого канцелярія предписала собрать всѣхъ студентовъ и отобрать у нихъ голоса, желаютъ ли они подобной перемѣны или нѣтъ. Фишеръ донесъ, что всѣ до единаго однимъ голосомъ объявили, что желаніе ихъ въ томъ состоитъ, чтобы «отъ онаго общаго трактира ихъ уволить». При донесеніи своемъ Фишеръ представилъ и письмо студентовъ, въ которомъ они весьма уклончиво оцѣниваютъ непріятную для нихъ мѣру, восхваляя предусмотрительность канцеляріи и вмѣстѣ съ тѣмъ доказывая рѣшительную безполезность предлагаемаго нововведенія. «Милостивое сіе и благоусмотрительное о насъ канцеляріи попеченіе — пишутъ студенты — не столько академіи и намъ будетъ

въ пользу, столько тѣмъ, которые трактиръ оный намъ представлять и содержать будутъ, понеже не столько намъ иногда приготовлено, сколько въ расходъ написано и канцеляріи представлено будетъ, откуду какъ академіи мало пользы воспослѣдовать должно, такъ и намъ иногда безъ обиды и безъ помѣшательства въ наукахъ нашихъ обойтиться не можетъ. И такъ, предложивъ сіи по мнѣнію нашему резоны, всепокорнѣйше просимъ, дабы канцелярія сего не полагала за препятствіе, что якобы должно намъ будетъ въ такомъ случаѣ самимъ на рынокъ для покупокъ, которыя къ пропитанію надлежатъ, безвременно бродить, что весьма нечестно и званію нашему неприлично, а притомъ и для лекціи неспособно. Того ради мы, какъ и по сіе время чинить не дерзали, такъ и чтобъ впредь сего не чинить, подпискою себя обязать обдолжаемся; но для исправленія такихъ нуждъ истопники, намъ отъ канцеляріи опредѣленные, будутъ послушны, какъ и до сихъ поръ безъ всякихъ оговорокъ исправляли» [46]).

По заведенному обычаю студентамъ университета поручаемо было преподаваніе того или другаго предмета въ академической гимназіи съ вознагражденіемъ за этотъ трудъ по два рубля въ мѣсяцъ въ видѣ прибавки къ получаемому жалованью. Нѣкоторые изъ профессоровъ находили, что преподаваніе въ гимназіи, болѣе или менѣе невольное, служило студентамъ помѣхою въ ихъ собственныхъ занятіяхъ. Вслѣдствіе этого канцелярія предписала «выбрать къ тому дѣлу охочихъ, которые бы письменно объявили, что такое дѣло упражняться имъ въ наукахъ не мѣшаетъ, и что такой трудъ добровольно принимаютъ на себя изъ награжденія, и о томъ въ канцелярію немедленно репортовать». Въ доказательство, что никто изъ студентовъ не приневоленъ, представлены ихъ собственноручныя письма къ академику Фишеру. Вотъ одно изъ нихъ: «Благородный г. профессоръ! Понеже по приказу вашего благородія велѣно намъ, которые хотятъ въ гимназіи обучать, объявить всякому свое мнѣніе, того ради я, нижеподписавшійся, объявляю вашему высокоблагородію, что радъ

обучать въ гимназіи, въ чемъ и подписуюсь. Стефанъ Румовскій»[47]).

Съ исходомъ 1753 года оканчивается пребываніе въ академическомъ университетѣ студента Румовскаго. Даровитый и много обѣщавшій студентъ удостоенъ званія адъюнкта, и въ слѣдующемъ году девятнадцатилѣтній адъюнктъ академіи наукъ отправился въ Берлинъ для довершенія своего математическаго образованія подъ руководствомъ знаменитаго Ейлера.

III.

Дѣло о возведеніи Румовскаго въ званіе адъюнкта и о поѣздкѣ его заграницу длилось довольно долго. Еще въ концѣ 1752 года академики, производившіе испытанія студентамъ, единогласно признали Румовскаго заслуживающимъ повышенія. Въ сентябрѣ 1753 года профессоръ и ректоръ университета Крашенинниковъ представилъ слѣдующія соображенія, находя ихъ вполнѣ согласными съ пользою академіи и самихъ студентовъ: «Когда его высокографскому сіятельству угодно было Николая Поповскаго изъ студентовъ повысить, а съ нимъ въ одномъ классѣ состоятъ еще пять человѣкъ, а именно Степанъ Румовскій, Антонъ Барсовъ и др., то кажется справедливость требуетъ, чтобъ и они не лишены были милости въ разсужденіи произведенія. Румовскій можетъ быть помощникомъ профессору физики и, до опредѣленія профессора, младшимъ студентамъ показывать начала экспериментальной физики, къ чему онъ тѣмъ способнѣе, что только онъ и Софроновъ за лучшихъ студентовъ въ физикѣ отъ покойнаго профессора Рихмана почитались»[48]). Канцелярія академіи наукъ, соглашаясь съ мнѣніемъ Крашенинникова о правахъ названныхъ имъ студентовъ на отличіе, полагала, чтобы тѣхъ изъ нихъ, которые занимаются философіею и словесными науками, произвести въ магистры, а оказавшихъ особенные успѣхи въ математикѣ и физикѣ, именно Софронова и Румовскаго, удостоить зва-

нія адъюнкта. При этомъ поставлено непремѣннымъ условіемъ представленіе научной работы (specimen) по избранной каждымъ изъ нихъ отрасли знаній. Румовскій представилъ опытъ рѣшенія задачи, предложенной Кеплеромъ: по данному сектору найти полуординату — solutio problematis Kepleriani ex dato sectore invenire semiordinata. Такъ какъ въ тогдашнемъ составѣ академіи наукъ не было специалиста по высшей математикѣ, то конференція постановила отослать работы Софронова и Румовскаго въ Берлинъ на разсмотрѣніе Леопарду Эйлеру. Разсмотрѣвши эти юношескія работы, Эйлеръ отмѣтилъ на поляхъ замѣченныя имъ погрѣшности, и вмѣстѣ съ тѣмъ призналъ, что сдѣланныя выкладки стоили большаго труда и несомнѣнно доказываютъ способность ихъ авторовъ къ математическимъ вычисленіямъ [49]). Благопріятный отзывъ Ейлера ускорилъ рѣшеніе дѣла. 13 декабря 1753 года президентъ академіи наукъ утвердилъ Румовскаго въ званіи адъюнкта.

Принятіе Румовскаго и его товарищей по мѣсту воспитанія въ число членовъ петербургской академіи наукъ было до нѣкоторой степени знаменіемъ времени. По замѣчанію академика Пекарскаго, вліятельнѣйшіе изъ иностранныхъ членовъ весьма недружелюбно смотрѣли на природныхъ русскихъ, отчасти напуганные примѣромъ Ломоносова, всего менѣе способнаго быть орудіемъ въ чужихъ рукахъ, и только воля и образъ мыслей дочери Петра Великаго облегчили русскимъ людямъ доступъ въ учрежденіе, созданное по мысли ея геніальнаго отца. «Время президентства графа К. Разумовскаго —говоритъ Пекарскій—замѣчательно для нашей академіи въ томъ отношеніи, что тогда начали впервые появляться академики изъ русскихъ. Такимъ образомъ, кромѣ Ломоносова и Тредіаковскаго, встрѣчаемъ тамъ академиками и адъюнктами: Крашенинникова, Попова, Котельникова, Румовскаго, Софронова, Красильникова, Козицкаго, Мотониса. Будетъ ошибочно думать, чтобы эти лица возведеніемъ ихъ въ ученыя званія были обязаны особливой заботливости тогдашняго академическаго начальства. Напротивъ того, оба распорядителя

академіею, Шумахеръ и Таубертъ, неблагосклонно смотрѣли на проникновеніе русскаго элемента въ ученое общество. Первый изъ нихъ говаривалъ: я де великую прошибку въ политикѣ своей сдѣлалъ, что допустилъ Ломоносова въ профессоры. А Таубертъ сознавался: развѣ де намъ десять Ломоносовыхъ надобно? и одинъ де намъ въ тягость. Однако Шумахеръ и Таубертъ знали очень твердо, что императрица Елизавета при всякомъ удобномъ случаѣ высказывала особенное расположеніе ко всему родному, и что ея національному самолюбію было пріятно, когда ей говорили, что въ царствованіе ея умножалось просвѣщеніе въ Россіи, что русскіе дѣлаютъ успѣхи въ наукахъ и литературѣ. Только такимъ направленіемъ самой императрицы и слѣдуетъ объяснять, что въ академіи наукъ при жизни этой государыни допускалось отъ времени до времени возведеніе въ ученыя званія лицъ, подобныхъ вышеназваннымъ»[50]).

Вмѣстѣ съ назначеніемъ Румовскаго адъюнктомъ академіи рѣшено было отправить его съ ученою цѣлію въ Берлинъ къ Леонарду Эйлеру. Первая мысль объ этомъ принадлежитъ ближайшему руководителю Румовскаго втеченіе университетскаго курса, академику Рихману. Въ отзывѣ своемъ, поданномъ въ академическую канцелярію 6 февраля 1753 года, Рихманъ говоритъ о Софроновѣ и Румовскомъ: «Не преминулъ я показать имъ первыя основанія алгебры; подали оба специмены, которые похвалы отъ экзаменаторовъ удостоены. Но понеже математика въ нынѣшнемъ вѣку приведена въ столь великое совершенство, и оба къ сей наукѣ оказываютъ особливую склонность, и въ оной, какъ кажется, превзойти желаютъ, то не худо бы было, когда бы они другому, который въ сей наукѣ имѣетъ надлежащую твердость и оная главное его дѣло, какъ каковъ Эйлеръ, поручены были въ дальнѣйшее руководство, понеже они собственнымъ своимъ прилежаніемъ съ трудомъ доступить могутъ до требуемаго совершенства, хотя бы промыслить имъ всѣ книги, какія о сей наукѣ вышли»[51]). Академическая канцелярія и президентъ академіи наукъ одобрили мнѣніе Рихмана, и самъ Эйлеръ выразилъ пол-

ную готовность принять молодыхъ адъюнктовъ подъ свое руководство. Если они—писалъ Эйлеръ—«собственнымъ своимъ прилежаніемъ въ краткое время толь много успѣли, то можно бъ было надѣяться отъ нихъ пользы, ежели бъ подъ добрымъ наставленіемъ они находились. А буде они еще на долгое время безъ предводительства оставятся, то всемѣрно сіе безплодно быть имѣетъ. И ежели оные специмены сочиненія тѣхъ студентовъ, которыхъ его высокографское сіятельство въ дальнее наставленіе мнѣ поручить намѣреніе имѣть изволитъ, то надѣялся бы я ихъ подъ своимъ руководствомъ произвесть къ чести академіи» [52]). Академія тѣмъ охотнѣе отправляла ихъ заграницу, что Эйлеръ обѣщалъ привести ихъ въ короткое время въ такое состояніе, что они съ большой похвалою займутъ мѣста Рихмана и Краценштейна, а по высшей геометріи и самого Эйлера [53]).

Весною 1754 года, съ открытіемъ навигаціи, состоялось окончательное опредѣленіе канцеляріи о заграничномъ путешествіи Румовскаго. Ему и Софронову предписано было отплыть на кораблѣ, а по пріѣздѣ заграницу и водвореніи въ Берлинѣ доносить академіи по третямъ, какимъ образомъ «поступаютъ они тамъ въ наукахъ» и на что тратятъ отпускаемыя имъ деньги [54]). 28 іюня 1754 года Румовскій и его спутникъ Софроновъ были уже въ Берлинѣ [55]).

Въ Берлинѣ Румовскій съ своимъ товарищемъ поселился въ домѣ Эйлера, гдѣ заранѣе было приготовлено для нихъ помѣщеніе, и гдѣ жилъ посланный прежде нихъ заграницу адъюнктъ Котельниковъ. Не вдаваясь въ подробности научныхъ работъ и занятій Румовскаго заграницею, замѣтимъ, что онъ предался своему дѣлу со всѣмъ жаромъ молодости и любви къ наукѣ. Лучшимъ доказательствомъ того, что пребываніе заграницею принесло ожидаемые плоды, служитъ какъ отзывъ главнаго судьи въ этомъ дѣлѣ — Эйлера, такъ и вся послѣдующая дѣятельность нашего академика. Эйлеръ считалъ долгомъ совѣсти рекомендовать своихъ русскихъ учениковъ, Котельникова и Румовскаго, съ самой лучшей стороны, и нельзя придумать оцѣнки болѣе

искреншей и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе лестной какъ та, которая заключается въ слѣдующихъ, немногихъ словахъ геніальнаго математика: «Во все продолженіе своего пребыванія здѣсь, они такъ себя вели, что я ихъ всегда ставилъ въ примѣръ моимъ дѣтямъ; въ изученіи же наукъ они постоянно выказывали такое усердіе, что навѣрно принесутъ честь и пользу академіи» [56]).

Независимо отъ богатства свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ подъ непосредственнымъ руководствомъ перваго математика своего времени, пребываніе въ Берлинѣ имѣло и другую привлекательную сторону для молодаго русскаго ученаго. Оно оставило глубокій слѣдъ и дорогое воспоминаніе не только для ума, но и для сердца. Проведя самую раннюю пору своей молодости въ стѣнахъ академическаго университета, въ замкнутомъ кругу своихъ товарищей, Румовскій почувствовалъ себя въ иной средѣ, будучи окруженъ новымъ для него вниманіемъ и участіемъ въ семействѣ своего наставника. Самъ Эйлеръ не всегда былъ ласковъ и привѣтливъ, но живя у него Румовскій сблизился съ его сыномъ, впослѣдствіи непремѣннымъ секретаремъ академіи наукъ, и по возвращеніи въ отечество велъ постоянную переписку съ своимъ берлинскимъ другомъ [57]). Первыя его письма проникнуты самымъ искреннимъ чувствомъ грусти и сожалѣнія о томъ, что счастье было послано ему не надолго. Я живу одинъ-одинешенекъ — писалъ Румовскій — и провожу долгіе петербургскіе вечера въ совершенномъ уединеніи, бесѣдуя только съ книгою, и когда случайно возьму ту, которую читалъ въ Берлинѣ, мысль и мечта моя улетаютъ далеко, книга падаетъ изъ рукъ, и вспоминаются мнѣ другіе, чудные вечера, которые я проводилъ въ вашемъ обществѣ, въ вашемъ семейномъ кругу. Мать молодаго Эйлера Румовскій называлъ и своею матерью — votre et ma mère. Въ юношескихъ воспоминаніяхъ и перепискѣ друзей не разъ встрѣчаются имена Caterinchen и Lotchen, не мало содѣйствовавшихъ пріятностямъ берлинской жизни. Ейлеръ-сынъ въ свою очередь повѣрялъ Румовскому свои сердечныя тайны. Въ одномъ изъ отвѣтныхъ писемъ Румовскій сообщаетъ рѣшеніе задачи,

предложенной отцемъ, и старается утѣшить разочарованнаго сына, приводя въ примѣръ себя, свои постоянныя неудачи, и скрѣпя сердце дѣлаетъ такое заключеніе, вытекающее изъ собственнаго опыта:

sie sollen beschliessen gar lieben nicht mehr,
und geben der Venus kein ferner gehör.

Письма Румовскаго къ Эйлеру писаны большею частью по французски, и въ ихъ слогѣ и тонѣ, въ употребленіи словъ и оборотовъ замѣтенъ навыкъ выражаться языкомъ людей, знакомыхъ съ условіями общежитія. Такое умѣнье сохранить должную мѣру, такое приличіе рѣчи тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что оно было далеко не общею принадлежностью всѣхъ товарищей и сослуживцевъ Румовскаго. Мнѣніе одного изъ нихъ по спорному юридическому вопросу, переданному на обсужденіе академіи наукъ, не могло быть представлено императрицѣ по той причинѣ, что его нельзя читать при дамахъ, и т. п. [58]).

Непріятною стороною пребыванія въ Берлинѣ были для русскихъ адъюнктовъ денежные разсчеты. Сумма, отпущенная для платы за помѣщеніе и на другіе расходы, не соотвѣтствовала ожиданіямъ Эйлера, и это обстоятельство ставило присланныхъ къ нему питомцевъ академіи въ весьма неловкое положеніе. Годовое содержаніе, назначенное адъюнктамъ канцеляріею академіи наукъ, составляло всего 360 рублей, а Эйлеръ писалъ, что за каждаго изъ нихъ не можетъ взять дешевле 240 рублей въ годъ. Онъ отдаетъ имъ справедливость въ умѣньи распоряжаться самыми скудными средствами: жалованье свое — говоритъ онъ — употребляютъ съ пользою, содержатъ учителей французскаго и нѣмецкаго языковъ; но заготовленье платья и бѣлья, прачки, парикмахеры и бритовщики требуютъ въ годъ не малаго числа денегъ, да и все вообще въ Берлинѣ гораздо дороже, нежели въ Петербургѣ. Эйлеръ заявлялъ, что содержаніе русскихъ адъюнктовъ для него крайне убыточно, и что этотъ убытокъ не можетъ быть покрытъ даже и подаркомъ, который ожидается въ будущемъ,

и потому просилъ взять ихъ обратно, прибавляя, что у него всегда найдутся болѣе выгодные пансіонеры [59]). Котельниковъ и Румовскій писали изъ Берлина совѣтнику академіи Теплову: «Пансіонеры, которые живутъ у г. профессора и вмѣстѣ съ нами обучаются, платятъ ему больше, нежели мы, а именно всякій свыше трехъ сотъ талеровъ на годъ, которой суммы денегъ, какъ вашему высокородію извѣстно, изъ получаемаго нами жалованья платить мы не въ состояніи, отчего г. профессоръ во всѣхъ своихъ обхожденіяхъ крайнее неудовольствіе показываетъ. Многажды онъ писалъ о награжденіи за свои труды къ г. совѣтнику Шумахеру и на сіе напослѣдокъ въ отвѣтъ получилъ, чтобы мы сами больше платили. Чего отъ насъ можно ли требовать, разсуждая небольшое наше жалованье и чистоту, которую мы какъ въ платьѣ, такъ и во всѣхъ вещахъ наблюдать должны, то вашему высокородію предаемъ на разсужденіе. Теперь, милостивый государь, сами извольте разсудить, сколь наши велики могутъ быть успѣхи и сколь намъ охотно обучаться, имѣя учителя, который на насъ негодуетъ и будто съ принужденія обучаетъ» [60]).

Денежные разсчеты были одною изъ главнѣйшихъ причинъ отозванія русскихъ адъюнктовъ изъ-заграницы. Въ протоколѣ академической канцеляріи записано, что вслѣдствіе заявленія академика Миллера о томъ, что адъюнктовъ Котельникова и Румовскаго профессоръ Эйлеръ болѣе у себя держать на прежнихъ условіяхъ не хочетъ, постановлено: названныхъ адъюнктовъ возвратить въ Петербургъ [61]). За обученіе ихъ Эйлеръ требовалъ особаго вознагражденія по сту талеровъ въ годъ за каждаго: за Котельникова, за четыре года, 400 талеровъ; за Румовскаго, за два года, 200 талеровъ, и за Софронова, за одинъ годъ, 100 талеровъ: всего 700 талеровъ, а на русскія деньги, считая талеръ по 70 копѣекъ, 500 рублей. Президентъ назначилъ всего 300 рублей [62]).

Изъ Берлина Румовскій и Котельниковъ отправились въ Любекъ, гдѣ имъ пришлось пробыть нѣсколько времени потому, что тамошніе жители не любятъ выѣзжать въ понедѣльникъ, считая

его тяжелымъ днемъ. Заплативши невольную дань суевѣрному обычаю, и дождавшись благопріятнаго вѣтра, наши путешественники сѣли на корабль въ Травемюнде, и въ семь дней доплыли до Кронштадта. Въ концѣ августа 1756 года Румовскій и Котельниковъ возвратились въ Петербургъ [63]).

IV.

По возвращеніи изъ-заграницы Румовскій снова вступилъ въ ученую семью воспитавшей его академіи. Дѣятельность его какъ члена академіи наукъ представляетъ высшую степень разнообразія, какая возможна была для труженика науки, отзывавшагося на всѣ вопросы академической жизни. Онъ принималъ постоянное и плодотворное участіе въ трудахъ, предпріятіяхъ, совѣщаніяхъ и преніяхъ ученаго общества. Втеченіе своего долголѣтняго поприща онъ внесъ цѣлый рядъ мемуаровъ, отдавая на судъ своихъ сочленовъ результаты своихъ изслѣдованій и наблюденій, и въ свою очередь принимая на себя, по вызову академіи, критическую оцѣнку трудовъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ. Работая для науки, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовалъ распространенію знаній въ русскомъ обществѣ и въ молодомъ, учащемся поколѣніи: съ этою цѣлью издано имъ и руководство по математическимъ наукамъ, которыя онъ преподавалъ въ академическомъ университетѣ. Одно изъ важнѣйшихъ учрежденій при академіи наукъ, такъ называемый географическій департаментъ находился долгое время въ завѣдываніи Румовскаго. На него же возлагаемо было и составленіе календарей, изъ которыхъ въ каждомъ есть болѣе или менѣе видная доля его личнаго труда. Неотъемлемую заслугу Румовскаго составляютъ его ученыя путешествія, совершенныя съ цѣлью, непотерявшею до сихъ поръ своего значенія, несмотря на всѣ успѣхи астрономіи и геодезіи. Наконецъ и внѣ научной области Румовскій принесъ академіи не мало добра и пользы, дѣйствуя въ качествѣ члена коммиссіи, которой ввѣрено было управленіе академіею наукъ, а впослѣдствіи—въ званіи вицепрезидента академіи.

Румовскій представилъ въ конференцію болѣе пятидесяти мемуаровъ; почти всѣ они писаны на латинскомъ языкѣ и помѣщены въ ученыхъ изданіяхъ академіи. Рядъ мемуаровъ начинается статьею о летучемъ змѣѣ и его пригодности для наблюденій надъ электричествомъ — de dracone volante, которую авторъ читалъ въ январскомъ засѣданіи 1757 года [64]). Большинство мемуаровъ, по содержанію своему, относятся къ области астрономіи, каѳедру которой Румовскій занималъ въ академіи наукъ. Въ нихъ замѣчаются: наблюденія надъ прохожденіемъ венеры и меркурія по диску солнца; изслѣдованія о паралаксѣ солнца; наблюденія надъ солнечными и лунными затмѣніями, причемъ сравниваются наблюденія надъ затмѣніемъ луны, произведенныя въ Харьковѣ, съ наблюденіями въ Петербургѣ и въ Парижѣ; наблюденія надъ спутниками юпитера, и много статей подъ заглавіемъ: наблюденія произведенныя на петербургской обсерваторіи. По собственнымъ словамъ Румовскаго, онъ ежегодно «трудился въ наблюденіяхъ знатныхъ небесныхъ явленій». Весьма важный отдѣлъ трудовъ Румовскаго составляютъ тѣ изъ нихъ, которые относятся къ опредѣленію долготы и широты различныхъ мѣстностей европейской и азіатской Россіи. Къ области чистой математики относятся мемуары: о наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ; объ интегрированіи различныхъ формулъ, и другіе. Къ области физики — способъ болѣе точнаго наблюденія надъ магнитною стрѣлкою; къ области метеорологіи—разборъ наблюденій, произведенныхъ Исленьевымъ въ Якутскѣ, и т. д. [65]).

Вскорѣ по возвращеніи Румовскаго изъ-заграницы ему поручено было преподаваніе математики питомцамъ академіи, и онъ читалъ математическія лекціи на русскомъ языкѣ съ тою цѣлью, чтобы ими могли пользоваться и тѣ изъ студентовъ, которые не знали латинскаго языка [66]). Сверхъ того Румовскій читалъ теоретическую и практическую астрономію студентамъ, ввѣреннымъ его спеціальному руководству при изученіи избраннаго ими предмета [67]). Впервые являясь на университетской каѳедрѣ, Румовскій одушевленъ былъ желаніемъ принести посильную пользу

своимъ слушателямъ и дать имъ дѣльное пособіе, въ которомъ научныя истины излагались бы ясно, точно и послѣдовательно. Съ этою цѣлью онъ составилъ и издалъ свой курсъ на русскомъ языкѣ—первый въ русской математической литературѣ. До него издаваемы были исключительно переводные учебники и пособія по математикѣ. Старѣйшій изъ нихъ, почтенный трудъ Магницкаго, появившійся въ самомъ началѣ восьмнадцатаго столѣтія, переведенъ, по словамъ автора, съ разныхъ діалектовъ на славянскій языкъ [68]). Позднѣе появились въ русскомъ переводѣ математическія руководства: Эйлера, изданное въ 1740 году, и Крафта, вышедшее въ 1748 году [69]). Книгу Эйлера перевелъ адъюнктъ академіи Ададуровъ, а книгу Крафта—Иванъ Голубцовъ. Переводъ Голубцова разсматривалъ и исправлялъ Ломоносовъ. Опытъ учебника математики, изданный въ 1752 году, составленный инженеромъ Муравьевымъ и исправленный академикомъ Поповымъ, ограничивается алгеброю и едва ли можетъ быть признанъ трудомъ самостоятельнымъ [70]).

Книга Румовскаго вышла въ 1760 году подъ заглавіемъ: «Сокращенія математики часть первая» [71]). Она состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ, заключающихъ въ себѣ начальныя основанія: ариѳметики, теоретической геометріи, плоской тригонометріи и практической геометріи. «Недостатокъ на россійскомъ языкѣ до наукъ касающихся книгъ — говоритъ Румовскій — должно почитать за великое препятствіе распространенію оныхъ въ Россіи. Вмѣсто того, чтобъ съ молодыхъ лѣтъ упражняться въ наукахъ и острить разумъ, напередъ принуждены бываемъ самое лучшее время употребить на изученіе какого-нибудь языка, къ чему ничего кромѣ памяти не требуется, а силы разума коснѣютъ, и въ полномъ возрастѣ къ наукамъ и важнымъ употребленіямъ, гдѣ долговременное требуется разсужденіе, бываютъ неспособными. Когда мнѣ за нѣсколько назадъ времени повелѣно было читать на россійскомъ языкѣ математическій курсъ, то я, пользуясь симъ случаемъ, принялъ намѣреніе наградить нѣкоторымъ сей недостатокъ въ разсужденіи математики, и сочинилъ первую часть

сокращенія математическаго. При сочиненіи сей части слѣдовалъ я больше порядку, который г. Сегнеръ наблюдалъ въ основаніяхъ ариѳметики и геометріи, и вопервыхъ старался, чтобъ книга сія не была ни коротка, ни пространна, дабы начинающему учиться юношеству, между прочими полезными упражненіями, можно было наставленія преподавать и въ математическихъ наукахъ на природномъ языкѣ..... Строгость математическая, которая состоитъ въ томъ, чтобъ ничего кромѣ извѣстнаго и ясно доказаннаго за основаніе не принимать, нечувствительно пріучаетъ разсуждать о вещахъ твердо и основательно. Древніе философы незнающимъ началъ математическихъ, то есть ариѳметики и геометріи, не дозволяли пользоваться своими наставленіями, вѣдая, сколько науки математическія острятъ и пріуготовляютъ разумъ къ познанію высокихъ вещей. Изъ сего заключить можно, что начинающимъ учиться полезнѣе предлагать математическія науки по такой книгѣ, гдѣ строгость и порядокъ математическій наблюдаются..... Хотя математика предъ всѣми науками въ точности преимущество имѣетъ, и знаніе первыхъ ея частей всякому почти необходимо нужно, однакожъ сіе въ ней почитать должно за нѣкоторую неспособность, что начала ея по большой части суть такого свойства, что не видно употребленія оныхъ, и въ начинающихъ учиться при самомъ вступленіи отвращеніе производятъ. Посему могъ бы кто винить математиковъ, что они не стараются о изобрѣтеніи другаго способа къ познанію математическихъ истинъ; но въ разсужденіи сего оправдать ихъ можетъ Эвклидовъ отвѣтъ, который онъ далъ своему государю. Когда Птоломей у Эвклида спросилъ, нѣтъ ли другаго пути къ познанію математики, который бы не такъ былъ труденъ какъ обыкновенный, тогда отвѣтствовалъ Эвклидъ: нѣтъ и для государей особливаго и способнѣйшаго пути къ познанію математики. Впрочемъ, почитая за излишнее дѣло пространно доказывать пользу математики, тѣмъ сіе заключу, что въ общемъ житіи ничего безъ познанія величины и количества въ пользу нашу употребить не можемъ, которое отъ одной математики заимствовать должно».

Курсъ Румовскаго сравнительно съ предшествующими трудами представляетъ нѣсколько любопытныхъ данныхъ для исторіи языка, именно для научной терминологіи, общепринятой въ нашемъ языкѣ восьмнадцатаго столѣтія.

Въ ариѳметикѣ Магницкаго употребляются такіе термины: *нумерацiо или счисленiе; аддицiо или сложенiе*; *субтракцiо или вычитанiе*; *продуктъ или произведенiе*; *мултипликацiо еже есть умноженiе*; *дiаметръ*; *семидiаметръ* и пр. Треугольникъ называется *трiуголiе*; кругъ — *колесо;* полукругъ — *полуколесо;* сумма — *перечень;* нуль — *ничто: О еже цыфрою или ничьмъ именуется;* дробь — *число ломаное или съ долями;* множимое — *еличество*; дѣлимое—*множество или дѣлимый;* частное—*частный или квотусъ*; поверхность — *суперфицiя;* корень — *радиксъ*, и т. д.

Въ ариѳметикѣ, переведенной Ададуровымъ, встрѣчаются уже термины: *сумма*, *множимое*, *дѣлимое*, *число частное;* произведеніе называется *продуктъ* или *произведенiе*; дробь — *ломаное число* или *дробь;* нуль означаетъ *ничто*, и т. д. Нѣкоторыя мѣста въ руководствѣ Румовскаго дословно сходны съ соотвѣтствующими мѣстами въ книгѣ Эйлера, переведенной Ададуровымъ.

Руководство Эйлера.	**Руководство Румовскаго.**
Ариѳметика есть такая наука, которая показываетъ свойство чиселъ, и притомъ подаетъ нѣкоторыя правила, способныя къ исчисленію или рѣшенію наибольшихъ въ общемъ житіи случающихся задачъ.	Ариѳметика есть наука, которая показываетъ свойства чиселъ, и подаетъ правила къ рѣшенію случающихся въ общемъ житіи задачъ.

Въ другихъ случаяхъ вовсе не замѣчается сходства между этими учебниками, какъ напримѣръ въ слѣдующемъ опредѣленіи:

Руководство Эйлера.	Руководство Румовскаго.
Въ вычитаніи предлагаются правила, чрезъ которыя можно изъ одного даннаго числа вычесть другое число и притомъ показать, какое число послѣ онаго вычета останется.	Вычитаніе есть способъ находить число, которымъ одно изъ двухъ данныхъ чиселъ другое превышаетъ.

Въ геометріи Крафта: *поверхность*, *кругъ*, геометрическое *тѣло*, *линеи* или *черты*, *пункты* или *точки*, *поперешникъ* или *діаметръ круга*, *радиксъ квадратный*, *треугольникъ*, и т. д.

Въ «начальномъ основаніи математики» Муравьева употребляются иностранные термины: *радиксъ*, *кубусъ*, *корпусъ*, *дефиниція*, глаголъ *дефинировать*, и т. п.: «Когда порабола кругомъ своей оси обращается, сдѣлаетъ *корпусъ*, параболоидъ называемый... Иногда случается, что для лучшей ясности предложенія выбираются изъ слѣдствіевъ теоремъ или *проблемъ*, и ставятся особливо: такія предложенія называются *королларіи*... Когда *дефинируешь:* квадратъ есть фигура о четырехъ сторонахъ, то сіе не къ одному квадрату приличествуетъ... О извлеченіи *радиксовъ*... При двухъ *кубусахъ*», и т. д. Но есть и термины русскіе: *дробь*, *сложеніе*, *умноженіе*, *вычитаніе*, *дѣленіе* и пр.

Въ руководствѣ Румовскаго при русскихъ терминахъ обыкновенно находятся и латинскіе, послужившіе имъ образцами, будучи или переведены на русскій языкъ или удерживая свою иностранную форму, какъ напримѣръ: *число* — numerus; *единица* — unitas; *ломаное число* или *дробь* — numerus fractus или fractio; *разность* или *остатокъ* — differentia или residuum; *частное число* — quotus; *касательная* — tangens; *треугольникъ* — triangulum; *равнобокій* или *равнобедренный* — aequicrurum; *правило тройное* — regula trium, которое для великаго въ общемъ житіи употребленія называется и *золотое* — aurea; *корень квадратный* — radix quadrata; знакъ 0 называется *нуль; экспонентъ*

или *указатель степени* — exponens; *кубъ* — cubus; *сумма* — summa, и т. д.

Не ограничиваясь предѣлами академической аудиторіи, Румовскій дѣйствовалъ и на болѣе обширный кругъ слушателей и читателей, излагая научныя истины въ общедоступной формѣ рѣчей, которыя произносились и выходили въ свѣтъ на русскомъ языкѣ и предназначались для русскаго общества. Произнесеніе рѣчей въ торжественныхъ собраніяхъ академіи наукъ было строго обязательнымъ, и академическое начальство настаивало на точномъ исполненіи этого требованія. По регламенту, составленному во времена императрицы Елисаветы Петровны, предписывалось академіи наукъ ежегодно имѣть три публичныя ассамблеи, въ которыхъ бы одинъ изъ академиковъ читалъ диссертацію на русскомъ языкѣ, а другой на латинскомъ; но латинская рѣчь должна быть предварительно переведена на русскій языкъ, напечатана и роздана посѣтителямъ, приглашеннымъ въ собраніе академіи. Первое такое собраніе должно было происходить въ память Петра Великаго, въ началѣ января; второе — въ память основательницы академіи, Екатерины I, въ началѣ мая; третье — послѣ дня пророка Захаріи и Елисаветы, въ честь царствующей императрицы [72]). Выборъ предмета для рѣчей предоставлялся самимъ академикамъ; тѣмъ не менѣе требовалось имѣть въ виду слѣдующія три условія: избранныя «матеріи должны быть во-первыхъ вразумительны слушателямъ; второе — нѣчто хотя не совсѣмъ новое, однако и не старое и уже всѣмъ извѣстное содержать; третіе — заключать въ себѣ нѣкоторую пользу, либо къ приращенію наукъ вообще, либо для отечества особливо» [73]).

Съ большою торжественностію происходило собраніе, въ которомъ присутствовала императрица Екатерина II. Но послѣ этого торжества прошло цѣлыхъ два года, а въ академіи не было ни одного публичнаго собранія. Тогда управлявшая ученымъ учрежденіемъ канцелярія предписала, чтобы академики собрались въ экстренное засѣданіе и, «не выходя, ниже далѣе откладывая», назначили день для публичнаго собранія и лица для про-

изнесенія рѣчей, по общему согласію или по очереди. Въ отвѣтъ на такое требованіе Румовскій заявилъ, что онъ два раза сряду читалъ рѣчи на русскомъ языкѣ, и потому теперь слѣдуетъ поручить это кому-либо другому изъ русскихъ академиковъ. Въ публичномъ собраніи 23 сентября 1762 года Румовскій читалъ о наблюденіяхъ по случаю явленія венеры въ солнцѣ, произведенныхъ въ Селенгинскѣ [74]), а въ торжественномъ собраніи 2 іюля 1763 года, въ присутствіи императрицы Екатерины II, онъ читалъ рѣчь о началѣ и развитіи оптики [75]).

Румовскій пользовался между астрономами большою извѣстностью какъ искусный наблюдатель. Въ ряду его многочисленныхъ наблюденій особенно видное мѣсто занимаютъ тѣ, которыя произведены имъ во время ученыхъ экспедицій, снаряжаемыхъ академіею наукъ. Важнымъ событіемъ для астрономовъ было прохожденіе венеры по диску солнца, происходившее въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Оно послужило поводомъ къ вычисленіямъ и изслѣдованіямъ, обогатившимъ науку новыми и существенными данными. Астрономическое ученіе о планетахъ находится въ непосредственной связи съ опредѣленіемъ разстоянія земли, какъ мѣста наблюденія, отъ солнца, какъ средоточія планетной системы. Вѣрнѣйшимъ средствомъ опредѣлить это разстояніе астрономы считали наблюденіе надъ венерою, соприкасающеюся съ солнцемъ въ различные и большею частью весьма долгіе періоды. «Изъ всѣхъ почти извѣстныхъ астрономамъ способовъ опредѣлять разстояніе земли отъ солнца — говоритъ Румовскій—надежнѣйшій и вѣрнѣйшій есть тотъ, который подаетъ наблюденіе венеры въ солнцѣ, и основаніе всей астрономіи есть познаніе разстоянія земли отъ солнца. Ибо по разстоянію земли отъ онаго опредѣляется взаимное всѣхъ другихъ планетъ разстояніе; по разстоянію и видимой планетъ величинѣ — истинная ихъ величина; а истинная величина и разстояніе служитъ основаніемъ къ вычисленію взаимнаго планетъ между собою дѣйствія и въ движеніи перемѣнъ: откуда таблицы астрономическія, по которымъ каждой планеты на каждое время мѣсто вычисляется,

начало свое и совершенство получили. Толь важно есть въ астрономіи познаніе точнаго разстоянія земли отъ солнца»[76]). Ученыя экспедиціи, снаряженныя въ наше время, въ различныхъ странахъ Европы по поводу прохожденія венеры по солнцу въ 1874 году, служатъ лучшимъ доказательствомъ несомнѣнной важности того явленія, которое такъ отчетливо было наблюдаемо замѣчательнымъ русскимъ астрономомъ восьмнадцатаго столѣтія.

Чѣмъ важнѣе былъ предметъ наблюденій, чѣмъ богаче ожидаемые отъ нихъ результаты, тѣмъ съ большею энергіею принимались за дѣло ученые, обрекавшіе себя на борьбу со многими препятствіями и затрудненіями. Справедливость требуетъ сказать, что въ этомъ отношеніи Румовскій не уступалъ ни одному изъ наблюдателей, между которыми были и свѣтила тогдашней науки. На его несчастье, для наблюденій избраны мѣста самыя отдаленныя, почти необитаемыя. Чтобы достигнуть ихъ, надо было пробиваться по лѣснымъ чащамъ, плыть по водѣ подъ напоромъ льдинъ, совершать переѣзды по степямъ и тундрамъ, не всегда находя надежную защиту отъ вѣтра, холода и голода. Самое построеніе импровизованныхъ обсерваторій въ мѣстахъ безлюдныхъ сопряжено было съ большими трудностями, не говоря уже о перевозкѣ и установкѣ всѣхъ инструментовъ, необходимыхъ для производства наблюденій. Многія изъ невзгодъ были устранены заботливостью Екатерины II, обнаружившей большое участіе къ этому ученому предпріятію; но тѣмъ не менѣе существовали преграды, побѣдить которыя не было человѣческой возможности. И когда наконецъ Румовскому удалось достигнуть обѣтованной земли, его мучило тревожное ожиданіе и мысль о томъ, что все было напрасно. Принеся такія жертвы ради явленія, продолжительность котораго измѣрялась нѣсколькими часами и даже минутами, наблюдатель рисковалъ вовсе не увидѣть его по причинамъ, которыя зависѣли не отъ воли людей, а отъ неодолимой силы природы. Чѣмъ ближе было ожидаемое явленіе, тѣмъ непривѣтливѣе глядѣло небо; вѣтеръ бушевалъ съ необычайною яростью, и густыя массы облаковъ закрывали

отъ глаза то, что надо было разсмотрѣть со всевозможною точностью, съ самыми мелкими подробностями. Особенно неблагопріятны были условія, которыя пришлось выстрадать Румовскому во время первой экспедиціи. Письмо его проникнуто такою задушевною скорбью, съ какою говорятъ о личномъ горѣ, и его разсказъ, вылившійся изъ-подъ пера подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ постигшей неудачи, всего лучше можетъ ознакомить какъ съ самымъ событіемъ, такъ и съ тѣмъ дѣйствіемъ, которое произвело оно на труженика науки, усердно преданнаго своему дѣлу.

Румовскій два раза наблюдалъ явленіе венеры: одинъ разъ въ Селенгинскѣ въ 1761 году, другой—въ Колѣ въ 1769 году.

Въ первую экспедицію Румовскій, тогда еще молодой человѣкъ, назначенъ былъ по указанію астронома петербургской академіи наукъ. Въ октябрѣ 1760 года президентъ академіи сообщилъ академической канцеляріи, что онъ усмотрѣлъ изъ записокъ французской королевской академіи, что тамошніе астрономы готовятся къ наблюденію «знатнаго на небѣ явленія, то есть прохожденія планеты венеры мимо солнца, которое прежде ста двадцати лѣтъ, какъ астрономы увѣряютъ, въ Англіи впервые и случайно было усмотрѣно», и что аббатъ Шаппъ отправляется съ этою цѣлью въ Сибирь. Послѣднее обстоятельство, по мнѣнію президента, предосудительно для петербургской академіи, честь и слава которой «требуетъ того, чтобъ сіе произвести дѣломъ самимъ безъ помочи французскихъ астрономовъ». Президентъ находилъ необходимымъ отправить во что бы то ни стало двѣ экспедиціи и въ одну изъ нихъ назначить адъюнкта Румовскаго, о которомъ слышатся многія похвалы отъ профессора астрономіи Эпинуса. «Что же принадлежитъ до вспоможенія къ сему предпріятію, — прибавляетъ графъ Разумовскій, — то послать немедленно о томъ доношеніе въ правительствующій сенатъ, а между тѣмъ господа члены канцеляріи партикулярно имѣютъ просить господъ сенаторовъ моимъ именемъ, чтобъ сіе полезное предпріятіе втунѣ оставлено не было»[77]).

До какой степени Румовскому не посчастливилось при его наблюденіяхъ въ Сибири, видно изъ слѣдующаго рапорта его изъ Селенгинска отъ 7 іюня 1761 года.

«Хотя грегоріанская труба и испортилась, какъ я въ прежде посланномъ репортѣ доносилъ, однакожъ къ 26 мая готова у меня была труба въ пятнадцать футовъ и параллактическая машина, въ которой тотъ одинъ былъ недостатокъ, что она была деревянная. Часы, о которыхъ я прежде писалъ, что идутъ неравномѣрно, когда вычистилъ, то къ немалому моему удовольствію нашелъ, что они такъ же идутъ равномѣрно, какъ шли въ Санктпетербургѣ. И такъ, надобенъ мнѣ былъ только 26 числа мая ясный день. 22, 23, 24 чиселъ мая взяты были мною корреспондентныя высоты и примѣчены прохожденія звѣзды чрезъ неподвижную трубу. Чтобъ приготовиться еще къ 26 мая, хотѣлось мнѣ и 25 взять корреспондентныя высоты, но мрачность неба и худая погода не дозволили. Зная ходъ моихъ часовъ, удалось мнѣ 23 мая усмотрѣть конецъ затмѣнія солнечнаго такъ аккуратно, что большаго желать не можно, и я бъ желалъ, чтобъ столь аккуратно примѣчаніе и надъ венерою учинить могъ. Но я такого счастія не имѣлъ. Въ оправданіе мое посылаю при семъ свидѣтельство г. бригадира Якоби, какова была въ тотъ день погода. Но притомъ и я за должность мою почитаю описать обстоятельнѣе, каковъ былъ тогда день.

«Ожидая съ нетерпѣливостію сего несчастливаго для меня дня, всталъ я поутру около четвертаго часу, и къ великой моей печали увидѣлъ исполнившееся предзнаменованіе барометра. Все небо совсѣмъ закрыто было такими густыми облаками, что солнца совсѣмъ не видно было. Но притомъ было тихо. Мрачность неба при тихой погодѣ продолжалась до осьмаго часу. Потомъ поднялся съ сѣверной стороны такой жестокій вѣтръ, какого мнѣ здѣсь никогда видѣть не случалось, несмотря на то, что рѣдкій день проходитъ безъ жестокаго вѣтру. Потомъ часу около девятаго или десятаго пошелъ дождь. Чего болѣе недоставало къ препятствованію наблюдать Венеру? Въ исходѣ десятаго часу,

когда дождь прошелъ, солнце начало временемъ появляться; но свѣтъ его отъ облаковъ такъ былъ слабъ, что безъ малѣйшаго препятствія смотрѣть простымъ глазомъ на оное можно было. Между тѣмъ выходило иногда изъ облаковъ, которыя вѣтромъ несло съ великою скоростію, и венера видна была уже въ солнцѣ и отстояла отъ краю солнечнаго на свой діаметръ. Сія перемѣнная ясность не продолжалась болѣе четверти часа, потомъ небо паки облаками такъ закрыло, что солнца совсѣмъ не видно стало. Въ толь краткое время мнѣ не можно было ничего предпріять, ибо я не успѣвалъ такъ скоро приготовить машины и микрометра, какъ солнце облаками заносило. И такъ я принужденъ дожидаться выходу. Часу около втораго опять пошолъ дождь; вѣтръ изъ сѣвернаго перемѣнился въ сѣверовосточный безъ умаленія свирѣпости, и солнце около исходу втораго или начала третьяго попрежнему стало иногда выходить изъ облаковъ и небо нѣсколько прочищаться. Тогда я увидѣлъ, что венера была еще въ солнцѣ и находилась близъ выходу. Сіе побудило меня, перемѣнивъ надлежащее положеніе параллактической машины, поставить оную такъ, чтобъ хотя конецъ видѣть могъ и вмѣсто трубы осьмифутовой положить на оную трубу пятнадцатифутовую. Между тѣмъ безпрестанно облаками, влажностію наносимыми, солнце заносимо было, изъ которыхъ хотя иныя и не были столь густы, чтобъ солнце совсѣмъ закрывали, однакожъ край солнечный какъ отъ тѣхъ, такъ и другихъ казался зыблющимся. Чтобъ хотя выходъ примѣтить, слѣдовалъ я трубою безпрестанно и тогда, когда совсѣмъ не видимо было, отчего глазъ мой притупился. Я бы миновать могъ сего безполезнаго труда, ежели бы солнце безпрестанно хотя сквозь облака видимо было и машина была въ надлежащемъ положеніи. Но я столь былъ несчастливъ, что ни того, ни другаго имѣть не могъ, и вѣтромъ трубу, которую изъ окна надлежало выставить, безпрестанно качало. И такъ мнѣ одно прикосновеніе западнаго краю венерина съ западнымъ краемъ солнца сквозь густыя облака притупившимся глазомъ и при колебаніи солнечнаго краю примѣтить удалось. Павинскій

стоялъ у часовъ; я, считая секунды самъ, сказалъ ему секунду, когда мнѣ показалось, что прикосновеніе послѣдовало, а онъ мнѣ по тому сказалъ минуту. Я спѣшилъ только записать время, а о минутѣ, будучи въ такомъ замѣшательствѣ, удостовѣриться позабылъ. Совершеннаго ея выходу совсѣмъ почти видѣть не можно было. Изъ сего канцелярія академіи наукъ усмотрѣть изволитъ, сколь мое наблюденіе могло быть вѣрно, и если тому былъ причиною. Астрономы требуютъ при семъ наблюденіи точности, до одной секунды, но сіе требованіе мнѣ кажется невозможнымъ. Между наблюденіями самыхъ искусныхъ астрономовъ, каковы суть: де ла Калье, Монніе, Бугеръ и Кондаминъ, въ ясную погоду надъ меркуріемъ учиненными, разность простирается до 15″. То какой должно произойти, ежели бы при такихъ обстоятельствахъ примѣчать случилось. И потому и я не могу не только за секунду или двѣ, но за двадцать отвѣтствовать. Я берегу то стекло, которое при наблюденіи венеры употреблялъ, чтобъ любопытному показать, сколько небо было ясно.

«Какъ мое наблюденіе ни казалось мнѣ несовершеннымъ и невѣрнымъ, мнѣ хотѣлось по выходѣ венеры взять нѣсколько солнечныхъ высотъ, но я не успѣлъ машины параллактической сдвинуть съ мѣста и квадрантъ уставить, какъ небо совсѣмъ опять покрылось. На другой день 27 и 28 числа бралъ я поутру солнечныя высоты, но по полудни корреспондентныхъ мрачность неба не дозволяла брать даже до 29 числа, что̀ также нѣсколько невѣрнымъ сдѣлать можетъ мое наблюденіе. Я не знаю, долженъ я здѣсь дожидаться случаевъ къ опредѣленію точнѣе длины Селенгинска, и стоитъ ли того мое наблюденіе. 3 іюня небо не дозволяло мнѣ видѣть закрытія звѣзды отъ луны. Я намѣренъ дожидаться до конца сего мѣсяца юпитера, чтобъ надъ спутниками его взять нѣсколько наблюденій, и, имѣя притомъ конецъ затмѣнія солнечнаго, отправиться изъ Селенгинска съ тѣмъ, чтобъ на пути моемъ я могъ останавливаться и больше имѣть способности для астрономическихъ наблюденій, то есть широты и долготы мѣстъ, чтобъ хотя тѣмъ наградить употребленное на от-

правленіе мое иждивеніе. На сихъ дняхъ здѣсь получено извѣстіе, что городъ Нерчинскъ почти весь выгорѣлъ. Тѣмъ меньше канцелярія академіи наукъ винить можетъ, что я туда не поѣхалъ. Изъ данныхъ мнѣ отъ академіи наукъ ста рублей денегъ осталось только у меня пятнадцать рублей, и для того я не знаю, что мнѣ дѣлать при возвратномъ пути, не имѣя довольнаго числа денегъ: съ позволеніемъ канцеляріи академіи наукъ, какъ скоро у меня остальныя деньги изойдутъ, то я на счетъ академіи возьму гдѣ нибудь рублей двадцать или тридцать»[78]).

Въ удостовѣреніе того, что погода крайне неблагопріятствовала наблюденіямъ, Румовскій приложилъ свидѣтельство мѣстнаго коменданта. Бригадиръ и селенгинскій комендантъ Якобій свидѣтельствовалъ, что 26 мая съ самаго утра до половины десятаго было совсѣмъ морошно, а съ половины десятаго прояснивало, и въ исходѣ десятаго солнце видно было, «въ которое время — прибавляетъ комендантъ — и я въ имѣющуюся у меня такъ называемую григоріанскую трубу въ солнце смотрѣлъ, и видѣлъ планету венеру уже всю вшедшую въ солнце. Потомъ въ скоромъ времени опять солнце по большей части темными облаками закрывалось: только одно минетъ, то другое наступитъ», и т. д.[79]).

Несравненно удачнѣе, а потому и богаче результатами, были наблюденія, произведенныя въ Колѣ въ 1769 году. Прохожденіе венеры черезъ дискъ солнца въ 1769 году Румовскій, какъ и астрономы вообще, признавалъ особенно важнымъ для науки, говоря, что другаго равносильнаго ему явленія той же планеты придется дожидаться слишкомъ долго, именно двѣсти сорокъ три года: послѣ 1769 года первое прохожденіе венеры по солнцу будетъ въ 1874 году, второе въ 1882, третіе въ 2004, но всѣ эти явленія немного принесутъ для науки; всего полезнѣе для астрономіи, подобно настоящему, будетъ то, которое послѣдуетъ въ 2012 году[80]).

За нѣсколько лѣтъ до вторичнаго прохожденія венеры Румовскій обратился въ академическое собраніе съ предложеніемъ,

въ которомъ говорилъ о научной важности предстоящихъ наблюденій и о необходимости послать по обсерватору главнымъ образомъ въ три пункта: въ Колу, въ Кандалаксъ и въ Кемь. Эти мѣста и ихъ окрестности представляли то преимущество, что въ нихъ видимо было вступленіе венеры въ солнце при его захожденіи и выходъ венеры при восхожденіи солнца, а потому сравненіе полученныхъ здѣсь данныхъ съ тѣми, которыя получатся въ Мексикѣ, должно было привести къ наиболѣе точному опредѣленію параллакса солнца. Румовскій просилъ академію наукъ поручить кому либо записывать въ названныхъ мѣстахъ, начиная съ 1765 года, состояніе неба въ маѣ и въ іюнѣ, особенно при восходѣ и закатѣ солнца, и опредѣлить для обученія астрономическимъ наблюденіямъ двухъ или трехъ трезвыхъ студентовъ, знающихъ геометрію, изъ которыхъ одного можно бы отправить за годъ впередъ для опредѣленія широты и долготы избранныхъ мѣстностей. [81]). Въ подлинномъ представленіи рукою Румовскаго написано слово: «трезвыхъ», потомъ кѣмъ-то зачеркнутое и замѣненное словомъ «постоянныхъ»: вѣроятно онъ желалъ оградить себя отъ тѣхъ непріятностей, которыя испытывалъ въ первое путешествіе отчасти вслѣдствіе того, что находившійся при немъ студентъ вовсе не отличался трезвостью и будучи еще въ университетѣ неоднократно подвергался взысканію за пьянство.

Избирая наблюдательные пункты на сѣверѣ Россіи, Румовскій указывалъ ихъ и на югѣ, преимущественно у Каспійскаго моря, но рѣшительно отклонялъ мысль Мортона объ экспедиціи въ Камчатку.

«Предложеніе г. Мортона, секретаря лондонскаго социетета, объ отправленіи наблюдателя въ Камчатку — говоритъ Румовскій — достойно осторожнаго разсмотрѣнія прежде нежели сіе отправленіе учинено будетъ. Причины, которыя онъ приводитъ, чтобъ для наблюденія венеры на Камчатку учредить экспедицію, мнѣ были не безъизвѣстны, когда отъ меня академіи предложено, чтобъ въ сѣверныя мѣста россійской имперіи и къ Каспійскому

морю отправить наблюдателей, но о Камчаткѣ я умолчалъ для слѣдующихъ причинъ:

«Камчатка въ разсужденіи сего явленія такое имѣетъ положеніе, что медленіе венеры въ солнцѣ долѣе будетъ около четырехъ минутъ медленія истиннаго и короче 7 почти минутами въ Колѣ и около лежащихъ мѣстахъ видимаго, и потому отъ камчатскаго наблюденія весьма мало или почти никакой пользы надѣяться не можно, ежели одинъ только входъ или выходъ венеры ясность неба примѣтить дозволитъ. А ежели и цѣлое медленіе примѣтить удастся, то сравнивая оное съ наблюденіемъ около Колы учиненнымъ, не надежнѣе параллаксисъ солнечный опредѣлить будетъ можно, какъ по входу или выходу въ Мексико примѣченному. Ибо ежели одинъ входъ въ Америкѣ примѣтить удастся, то помощію его и по входу въ Европѣ примѣченному параллаксисъ солнечный столько же вѣрно опредѣленъ будетъ, какъ по цѣлому медленію, въ Камчаткѣ и въ Европѣ примѣченному. А ежели въ Америкѣ одинъ выходъ примѣтить удастся, то сіе наблюденіе, сравнивая съ наблюденіемъ, около Каспійскаго моря учиненнымъ, вдвое почти надежнѣе, нежели по медленію, въ Камчаткѣ и Европѣ примѣченному, опредѣлится. Острова, по Южному морю разсѣянные, еще выгоднѣе положеніе имѣютъ, нежели берега американскіе; но я ихъ въ счетъ не принимаю для того, что еще неизвѣстно, отправлены ли будутъ на нихъ астрономы.

«Я уже выше сказалъ, что камчатское наблюденіе будетъ почти безполезно, ежели одинъ только входъ или выходъ примѣченъ будетъ. Теперь спрашивается, чего можно вѣроятнѣе надѣяться, чтобъ въ Камчаткѣ цѣлое венеры медленіе примѣчено было, или въ Америкѣ одинъ только входъ или выходъ? Въ Америку и Францiя и Англія, а можетъ быть не по одному астроному отправитъ. Посему, ежели цѣлаго медленія имъ примѣтить не удастся, то вѣроятно можно надѣяться, что они входъ или выходъ примѣтятъ. На Камчаткѣ же, по словамъ господина Красильникова, ясное небо бываетъ только тогда, когда дуетъ

сѣверный вѣтръ, и во все лѣто больше двадцати дней ясныхъ не случается. Такъ не отъ слѣпаго ли счастія зависѣть будетъ успѣхъ камчатскаго наблюденія?

«По сіе время говорилъ я какъ астрономъ; теперь буду говорить, можно ли обсерватору поспѣть на Камчатку. Я о семъ пространно говорилъ съ господиномъ Красильниковымъ, который, кромѣ другихъ затрудненій, въ пути послѣдовать могущихъ, слѣдующее сказывалъ:

«Когда бы обсерваторъ, на Камчатку назначенный, въ путь ни отправился, пріѣхавши въ Иркутскъ, а потомъ въ Киренгскій острогъ, долженъ дожидаться вскрытія рѣки Лены, которая не прежде, какъ въ началѣ мая, отъ льду очищается; оттуда плыть въ Якутскъ и тѣмъ же лѣтомъ доѣхать до Охотскаго острогу. Какъ бы обсерваторъ путь свой поспѣшно ни продолжалъ, и хотя бы никакихъ, кромѣ обыкновенныхъ, въ пути затрудненій не имѣлъ, однако не можетъ онъ въ Охотскъ ранѣе поспѣть, какъ въ исходѣ сентября, а понеже изъ Охотска два раза только суда ѣздятъ на Камчатку—весною и въ исходѣ августа мѣсяца, то обсерваторъ, принужденъ будучи прозимовать въ Охотскѣ, уже на Камчатку къ надлежащему времени не поспѣетъ. И такъ, ежели наступающею зимою за благо разсуждено будетъ въ Сибирь отправить обсерватора, то далѣе Охотска доѣхать не можетъ, и развѣ тамъ дѣлать будетъ наблюденіе, отъ котораго еще меньше выгодъ, нежели отъ камчатскаго, надѣяться должно, потому что медленіе, въ Охотскѣ примѣченное, долѣе будетъ около двухъ минутъ камчатскаго и короче $5^3/_4$ только минутами кольскаго.

«И такъ, хотя причины, выше сего мною предложенныя не будутъ уважены, и академія приметъ намѣреніе слѣдовать предложенію г. Мортона, однако обсерватору далѣе Охотска доѣхать не можно. А польза, которую отъ охотскаго наблюденія астрономія пріобрѣсть можетъ, стоитъ ли иждивенія, — академіи отдаю на разсужденіе» [82]).

Мнѣніе Румовскаго имѣло рѣшительное вліяніе на выборъ

мѣстностей для производства наблюденій; нѣкоторыя перемѣны допущены только вслѣдствіе крайней необходимости. Окончательный выборъ наблюдательныхъ пунктовъ послѣдовалъ на основаніи свѣдѣній, собранныхъ или провѣренныхъ на мѣстѣ и полученныхъ отъ ближайшихъ знатокъ края. Въ предѣлахъ Россіи наблюденія были произведены въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ Петербургѣ, въ Колѣ, въ Поноѣ, въ Умбѣ, въ городкѣ Гурьевѣ, въ Оренбургѣ, въ Орскѣ и въ Якутскѣ.

Осуществленію завѣтной мысли Румовскаго всего болѣе содѣйствовала воля Екатерины II и то особенное участіе, которое принимала она въ снаряженіи и судьбѣ русской астрономической экспедиціи. Екатерина настаивала, чтобы ученые снабжены были всѣми научными пособіями, велѣла заказать инструменты у лучшихъ иностранныхъ мастеровъ и принимала мѣры, чтобы ученые путешественники поставлены были въ самыя благопріятныя условія въ отношеніи матеріальныхъ средствъ. Она не жалѣла денегъ, назначала вдвое и втрое болѣе просимой суммы, лишь бы дѣло ведено было такъ, какъ требовала польза науки и важность предпринятаго труда. Екатерина до того интересовалась прохожденіемъ венеры, что сама наблюдала его близъ Ораніенбаума, дожидалась восхожденія солнца и видѣла выходъ венеры изъ солнечнаго диска.

Подробное и обстоятельное изложеніе замѣчательнаго астрономическаго событія находится въ книгѣ Румовскаго, изданной подъ заглавіемъ: «наблюденія явленія венеры въ солнцѣ» и посвященной императрицѣ Екатеринѣ II [83]). Существенное достоинство книги заключается въ ея точности и достовѣрности. «Академія наукъ, — говоритъ Румовскій, — за должность почтя издать въ свѣтъ описаніе сего достопамятнаго произшествія, сочиненіе онаго мнѣ препоручить за благо разсудила. Довѣренность, которой академія меня удостоивала, служила мнѣ ободреніемъ; но внутреннее признаніе въ недостаткѣ дара краснорѣчія, сему описанію приличнаго, меня устрашало, и долго я колебался, какимъ образомъ приступить къ дѣлу, силы мои превосходящему.

Наконецъ, разсудя, что при описаніи дѣлъ славныхъ не столько нужно велерѣчіе, сколько вѣрность; что посторонними украшеніями природная красота больше помрачается, нежели возвышается, почелъ лучше въ краснорѣчіи показать недостатокъ, нежели тщетною сдѣлать довѣренность ко мнѣ академіи. Она, стараясь облегчить трудъ мой, сообщила мнѣ всѣ принадлежащія къ сему извѣстія; изъ сего источника почерпнуто сіе описаніе, и оно не что иное есть, какъ собраніе произшествій по порядку расположенныхъ, которыхъ академія и я очевидными были свидѣтелями». Историческое введеніе, весьма пространное, занимаетъ около трети всей книги. Остальное содержаніе книги состоитъ изъ ряда наблюденій, въ числѣ которыхъ помѣщено и наблюденіе Румовскаго надъ прохожденіемъ венеры и солнечнымъ затмѣніемъ [84]).

Тяжолое чувство неудачи, испытанной въ первое путешествіе, долго не покидало Румовскаго. Тревожное состояніе духа, раздумье и сомнѣніе обнаруживаются, болѣе или менѣе ясно, въ письмахъ Румовскаго по поводу ожидаемаго событія. Онъ готовъ былъ вѣрить даже народнымъ примѣтамъ лишь бы отдѣлаться отъ непріятнаго воспоминанія. Въ письмѣ изъ Колы, отъ 4 апрѣля 1769 года, онъ говоритъ: «Обсерваторія совсѣмъ почти готова; осталось только полъ устлать въ ней кирпичами, и въ караульнѣ для солдатъ сдѣлать печь. Ежели бы жестокіе и сильные вѣтры не препятствовали, то бы еще скоряе могла быть построена. Оставшаяся работа непремѣнно дни черезъ четыре будетъ окончена. Тогда, ежели дни будутъ ясные, коихъ по сю пору очень было мало, можно будетъ начать дѣлать наблюденія. Римляне о успѣхѣ начинаемыхъ дѣлъ предвозвѣщали себѣ по полету птицъ. Хотя я и не римлянинъ, и вѣрить сему смѣшно; однако, желая и для своей и для общей пользы успѣху въ порученномъ мнѣ дѣлѣ, несмотря на вѣтреную и по большей части пасмурную продолжающуюся здѣсь погоду, ласкаю себя нѣсколько надеждою, что буду имѣть счастіе въ наблюденіи. Не мнѣ одному сродно легко вѣрить тому, чего желаемъ. Работ-

ники, строившіе обсерваторію, сказываютъ, что лишь только они поставили главные четыре столба для обсерваторіи, то, спустясь съ верху, орелъ сѣлъ на одинъ изъ нихъ. Я въ томъ только сомнѣваюсь, не почли ли они ворона за орла» [85]).

Астрономическая экспедиція для наблюденія венеры послужила поводомъ къ другимъ научнымъ путешествіямъ по Россіи. Академія наукъ признала полезнымъ, чтобы вмѣстѣ съ астрономами посылаемы были и натуралисты, которые бы занимались изслѣдованіемъ и описаніемъ произведеній природы. Положено было, чтобы ученые, отправляемые академіею наукъ, прежде всего осмотрѣли и описали, что найдутъ достопримѣчательнаго въ губерніяхъ: астраханской, оренбургской и казанской и въ мѣстахъ по обѣ стороны Волги. Въ этихъ экспедиціяхъ приняли участіе: Палласъ, Лепехинъ, Гмелинъ, Гильденштедтъ и Фалькъ. Членамъ астрономической экспедиціи вмѣнено было въ обязанность опредѣлять долготу и широту различныхъ мѣстъ, дотолѣ означаемыхъ на географическихъ картахъ только по предположеніямъ, болѣе или менѣе неосновательнымъ. Таблицы географическаго положенія многихъ мѣстъ европейской и азіатской Россіи составлены Румовскимъ и помѣщены имъ въ Берлинскихъ эфемеридахъ. Данныя, находящіяся въ Connaissance des temps и сообщенныя также Румовскимъ, опредѣлены имъ большею частью на основаніи его собственныхъ наблюденій [86]).

Достоинство ученыхъ трудовъ Румовскаго и заслуги его какъ астронома-наблюдателя, пріобрѣвшаго европейскую извѣстность, признаны и оцѣнены астрономами и математиками восьмнадцатаго и девятнадцатаго столѣтія какъ русскими, такъ и иностранцыми. Эйлеръ, Варгентинъ, Эпинусъ и многіе другіе ученые выражали свое уваженіе къ дѣятельности замѣчательнаго русскаго астронома; стокгольмская академія наукъ избрала его своимъ членомъ. Извѣстный астрономъ Цахъ помѣстилъ въ своемъ періодическомъ изданіи, имѣвшемъ большой успѣхъ въ ученомъ мірѣ, біографію Румовскаго, какъ человѣка, составляющаго въ своей странѣ рѣдкое и замѣчательное явленіе, и про-

славившагося въ той области знаній, въ которой у него не было предшественниковъ въ его отечествѣ.

Въ сочиненіяхъ европейскихъ ученыхъ и въ періодическихъ изданіяхъ Германіи, Франціи, Швеціи, встрѣчаются сочувственные отзывы о трудахъ и наблюденіяхъ нашего ученаго. По поводу мемуара Румовскаго, относящагося къ такъ называемымъ въ математикѣ наибольшимъ и наименьшимъ величинамъ, иностранный рецензентъ говоритъ, что трудъ Румовскаго «отличается изяществомъ, и авторъ его преодолѣлъ величайшія трудности, которыя только могутъ встрѣтиться при анализѣ. Вопросъ состоитъ въ томъ, чтобы при данной высотѣ конуса опредѣлить основаніе, которое при одинаковомъ объемѣ давало бы наименьшую поверхность, или — другими словами — какой изъ конусовъ одинаковой высоты и одинаковой поверхности заключаетъ въ себѣ наибольшій объемъ. Рѣшеніе подобныхъ вопросовъ заслуживаетъ особеннаго вниманія и проливаетъ свѣтъ на другіе, въ высшей степени любопытные предметы»[87]).

Вопросъ о наибольшихъ и наименьшимъ величинахъ занимаетъ первостепенныхъ математиковъ нашего времени, и тѣсно связанъ съ насущными потребностями не только науки, но и жизни. «Сближеніе теоріи съ практикою — говоритъ академикъ П. Л. Чебышевъ — даетъ самые благотворные результаты, и не одна только практика отъ этого выигрываетъ; сами науки развиваются подъ вліяніемъ ея: она открываетъ имъ новые предметы для изслѣдованія или новыя стороны въ предметахъ давно извѣстныхъ. Практическая дѣятельность человѣка представляетъ чрезвычайное разнообразіе, и для удовлетворенія всѣхъ ея требованій, разумѣется, не достаетъ наукѣ многихъ и различныхъ методъ. Но изъ нихъ особенную важность имѣютъ тѣ, которыя необходимы для рѣшенія различныхъ видоизмѣненій одной и той же задачи, общей для всей практической дѣятельности человѣка: какъ располагать средствами своими для достиженія по возможности большей выгоды? Рѣшеніе задачъ этого рода составляетъ предметъ такъ называемой теоріи наибольшихъ и наименьшихъ

величинъ. До изобрѣтенія анализа безконечно-малыхъ извѣстны были только частные примѣры рѣшенія такихъ задачъ; но въ этихъ рѣшеніяхъ уже было начало новой, важнѣйшей отрасли математическихъ наукъ, извѣстной подъ именемъ дифференціальнаго исчисленія. Общій способъ рѣшенія задачъ этого рода, особенно важныхъ для теоретической механики, привелъ къ открытію еще новаго исчисленія — вараціоннаго... Примѣръ вопросовъ этого рода, и особенно замѣчательный, представляетъ черченіе географическихъ картъ. Какъ величина измѣненій масштаба на пространствѣ той же части поверхности бываетъ болѣе или менѣе, смотря по способу проэкціи карты, то, естественно, рождается такой вопросъ: при какой же проэкціи эти измѣненія масштаба будутъ наименьшими» [88]).

По замѣчанію извѣстнаго астронома, академика В. Я. Струве, таблицы географическихъ положеній, составленныя Румовскимъ и изданныя въ 1786 году, должны быть признаны «окончательнымъ результатомъ астрономическихъ и географическихъ работъ въ Россіи прошедшаго столѣтія. Они отличаются точностью, замѣчательною для того времени; вѣроятная погрѣшность найденныхъ тогда долготъ, которая выводится изъ сравненія этихъ послѣднихъ съ извѣстными теперь точными положеніями, не превосходитъ болѣе 32″ во времени, или 8 минутъ въ дугѣ, что соотвѣтствуетъ 8 верстамъ на параллели 55-го градуса. Старинные выводы широты даже удивительно вѣрны, а особенно тѣ изъ нихъ, которые основаны на наблюденіяхъ, сдѣланныхъ Исленьевымъ послѣ 1769 года; ихъ ошибки не достигаютъ и 5 секундъ. Небольшое число мѣстъ, которыхъ положеніе было тогда изслѣдовано, объясняется, вопервыхъ, трудностью перевозить колоссальные и тяжелые инструменты того времени, вовторыхъ необходимостью строить на каждомъ мѣстѣ временныя обсерваторіи достаточной величины для помѣщенія въ нихъ инструментовъ, и наконецъ неизбѣжнымъ пребываніемъ на одномъ и томъ же мѣстѣ втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ для наблюденій надъ затмѣніями спутниковъ юпитера, посредствомъ которыхъ

опредѣляется долгота мѣста. Эти труды весьма замѣчательны и приносятъ тѣмъ болѣе чести нашему отечеству, что во времена изданія таблицы Румовскаго ни въ Германіи, ни въ Англіи, ни во Франціи, ни въ Италіи не было такого значительнаго количества мѣстъ, опредѣленныхъ астрономическими наблюденіями. Такимъ образомъ въ восьмнадцатомъ столѣтіи русскимъ ученымъ, преимущественно передъ всѣми другими, принадлежитъ заслуга успѣшнаго примѣненія астрономіи къ географіи»[89]).

Академикъ А. Н. Савичъ признаетъ несомнѣнными заслуги Румовскаго, какъ искуснаго наблюдателя, и говоритъ: «Несмотря на худыя качества инструментовъ, которыми пользовался Румовскій, онъ опредѣлилъ географическія положенія нѣсколькихъ въ Россіи городовъ съ замѣчательною точностію. Въ 1761 году онъ отправился въ Сибирь для наблюденія прохожденія венеры черезъ солнце, и наблюдалъ это явленіе въ Селенгинскѣ; ненастная погода препятствовала наблюденіямъ, и Румовскому удалось замѣтить только послѣднее внутреннее прикосновеніе края венеры къ краю солнца, и то чрезъ облака. Поэтому наблюденіе вышло болѣе или менѣе сомнительное. Соединяя свои наблюденія съ наблюденіями астрономовъ, находившихся въ другихъ, отдаленныхъ отъ Селенгинска, мѣстахъ на земной поверхности, Румовскій находилъ средній горизонтальный параллаксъ солнца равнымъ 8",33. Въ этомъ опредѣленіи заключается погрѣшность до полусекунды; впрочемъ труды всѣхъ астрономовъ, наблюдавшихъ прохожденіе венеры черезъ солнце въ 1761 году, не привели къ удовлетворительному опредѣленію параллакса солнца. Гораздо удачнѣе было наблюденіе прохожденія венеры черезъ солнце въ 1769 году. Румовскій наблюдалъ это явленіе въ Колѣ. Ему не случилось замѣтить только послѣдней фазы — послѣдняго наружнаго прикосновенія края венеры къ краю солнца; онъ наблюдалъ остальныя три фазы, т. е. первое и послѣднее прикосновеніе внутреннія, а также первое наружное прикосновеніе краевъ венеры и солнца. Изъ сочетанія этихъ наблюденій съ наблюденіями другихъ астрономовъ Деламбръ выводилъ средній горизон-

тальный параллаксъ солнца 8″,47. Для чествованія памяти Румовскаго важно то, что въ новѣйшее время, въ 1868 и 1869 годахъ, знаменитый англійскій астрономъ Стоонъ (Stone), перечисляя вновь наблюденія надъ прохожденіемъ венеры въ 1769 году, помѣстилъ наблюденія Румовскаго въ числѣ самыхъ полныхъ и самыхъ надежныхъ. Румовскій извѣстенъ также наблюденіями надъ затмѣніемъ солнца, покрытіемъ звѣздъ луною, затмѣніемъ юпитеровыхъ спутниковъ, и многими другими. Онъ опредѣлялъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи длину секунднаго маятника; наблюденія его, для своего времени, должны быть признаны очень хорошими» [90]).

Въ честь Румовскаго названа его именемъ гора на островѣ Іессо, одномъ изъ важнѣйшихъ острововъ сѣверо-восточной Азіи. Это названіе дано Крузенштерномъ во время его кругосвѣтнаго путешествія. Близъ мыса Така-Сима на островѣ Іессо — говоритъ Крузенштернъ — «на долинѣ, покрытой густымъ кустарникомъ, видѣли мы во многихъ мѣстахъ дымъ, также и огни во время ночи; но слѣдовъ землепашества нигдѣ не примѣтили... Вѣтръ продолжалъ дуть отъ юго-востока, почему мы и должны были лавировать, чтобы зайти далѣе въ заливъ, въ коемъ ласкался я открыть проходъ. Мы часто бросали лотъ; но 150 саженями дна достать было не можно. Въ сіе время показалась намъ на юго-юго-востокѣ гора, превосходящая всѣ окружающія ее своею высотою, съ плосковатою вершиною. Сія гора, названная мною гора *Румовскаго* въ честь извѣстнаго астронома сего имени, лежитъ въ широтѣ 42°, 50′, 15″ и въ долготѣ 218°, 48′, 30″. На той же сторонѣ залива къ югу далѣе во внутренность берега видѣли мы конусообразную гору, а на сѣверѣ отъ сей другую, извергавшую дымъ и пламя; но жерла сего волкана мы не могли примѣтить» [91]).

Труды Румовскаго, въ которыхъ видна тѣсная связь между астрономіею и географіею, послужили причиною тому, что на него возложено было завѣдываніе географическимъ департаментомъ. Около сорока лѣтъ, съ 1766 по 1803 годъ, Румовскій

управлялъ географическимъ департаментомъ академіи наукъ [92]). Составленіе, повѣрка и изданіе географическихъ картъ со всѣми подробностями этой сложной и утомительной работы, стоившей Эйлеру потери зрѣнія, лежали весьма долго на Румовскомъ [93]).

Сверхъ того, ему же поручено было изданіе академическихъ календарей. Они выходили ежегодно подъ различными названіями: мѣсяцословъ, историческій мѣсяцословъ, географическій мѣсяцословъ, мѣсяцословъ историческій и географическій. Между всѣми этими изданіями много общаго, но есть и отличія, болѣе или менѣе крупныя. Такъ называемый «мѣсяцословъ, сочиненный на знатнѣйшія мѣста россійской имперіи» состоитъ главнымъ образомъ изъ трехъ отдѣловъ: въ первомъ отдѣлѣ помѣщенъ подробный астрономическій календарь съ указаніемъ долготы дней и ночей; восхожденія и захожденія солнца въ Петербургѣ и въ другихъ городахъ Россіи: Кіевѣ, Астрахани, Тобольскѣ, Ригѣ и т. д.; явленія планетъ; прохожденія луны чрезъ меридіанъ; метеорологическихъ наблюденій при академіи наукъ и т. п. Во второмъ отдѣлѣ находится росписаніе городовъ съ опредѣленіемъ разстоянія губернскихъ городовъ отъ столицъ и уѣздныхъ городовъ отъ губернскихъ и столичныхъ. Третій отдѣлъ составляютъ статьи, относящіяся къ предметамъ астрономіи, статистики и другихъ наукъ, какъ напримѣръ статья подъ названіемъ: Собраніе разныхъ астрономическихъ знаній, въ которой говорится о системахъ планетъ, о разстояніи земли отъ солнца, опредѣляемомъ въ $143\frac{1}{2}$ милліона верстъ, и т. п.; статья подъ названіемъ «Собраніе разныхъ знаній о законахъ рожденія и смертности въ родѣ человѣческомъ» и т. п.

Историческіе мѣсяцесловы, весьма незначительные по объему, заключаютъ въ себѣ сокращенный календарь и статьи такого рода: исторія о взятіи города Казани и о разореніи казанскаго царства; начертаніе общей исторіи купечества и мореплаванія, и т. п. Въ каждой книжкѣ мѣсяцеслова историческаго и географическаго помѣщалось по нѣсколько статей, относящихся преимущественно, хотя и не исключительно, къ исторіи и географіи

Россіи. Таковы статьи: о рѣкахъ россійской имперіи, впадающихъ въ Черное море; историческое и географическое описаніе города Твери и его уѣзда; географо-физическое извѣстіе объ Ишимской линіи; описаніе саратовскаго намѣстничества, и т. п. Къ мѣсяцесловамъ прилагались географическія карты различныхъ мѣстностей и портреты историческихъ лицъ, какъ напримѣръ Рюрика и царя Ивана Васильевича [94]).

Румовскій заявилъ конференціи, что онъ принимаетъ на себя изданіе календарей съ 1775 года, а въ 1801 году онъ, по свидѣтельству академика Шуберта, отказался отъ этой обязанности. Личный трудъ Румовскаго при изданіи календарей заключался преимущественно въ составленіи астрономическаго отдѣла и въ группировкѣ матеріала, доставляемаго въ академію наукъ изъ различныхъ источниковъ. Свѣдѣнія доставлялись не всегда вѣрныя и притомъ запаздывали: вмѣсто сорока двухъ губерній получались извѣстія только изъ двадцати одной, и т. п. Румовскаго особенно затрудняло то обстоятельство, что разстояніе между одними и тѣми же мѣстами россійской имперіи въ разные года показывалось различно, и опредѣлялось не на основаніи дѣйствительно существующихъ путей сообщенія, а такимъ образомъ, какъ будто бы ни въ одинъ уѣздный городъ нельзя было проѣхать изъ столицы иначе, какъ черезъ городъ губернскій. Разстояніе между Петербургомъ и Колою показано 2186 верстъ потому, что Кола городъ архангельской губерніи и воображаемый путь изъ Петербурга въ Колу идетъ черезъ Архангельскъ; дѣйствительный же путь лежалъ тогда черезъ Олонецъ и составлялъ всего 900 верстъ [95]). За появленіемъ и содержаніемъ календарей слѣдили зорко и внѣ академической среды. Императоръ Павелъ Петровичъ обращалъ на нихъ большое вниманіе и приказывалъ исправлять ихъ и перепечатывать. Разсмотрѣвши календарь, изданный академіею на 1800 годъ, императоръ Павелъ приказалъ сдѣлать въ немъ слѣдующія перемѣны: общее объясненіе о мѣсяцесловахъ вовсе исключить; польскій календарь замѣнить другимъ — на латинскомъ діалектѣ; въ числахъ 24 іюня

и 29 августа помѣстить кавалерскій праздникъ ордена св. Іоанна іерусалимскаго, и т. д. [96]).

Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія предпринято было академіею наукъ подробное и обстоятельное описаніе россійской имперіи. Оно раздѣлялось на нѣсколько отдѣловъ, обнимающихъ собою: общее географическое описаніе Россіи; общее историческое описаніе; общее статистическое описаніе; особенную географію россійскаго государства и физическое его описаніе. Румовскій принялъ на себя описаніе «положенія государства на земномъ шарѣ» и «климатовъ россійскихъ, судя по наблюденіямъ погоды» [97]).

Учено-литературная дѣятельность Румовскаго не ограничивалась избранною имъ спеціальностью; на него неоднократно возлагаемы были работы, для которыхъ требовалась общая образованность, выходящая изъ предѣловъ наукъ математическихъ. Онъ принималъ участіе въ трудахъ, относящихся къ исторіи, словесности, законодательству и т. п. Между прочимъ Румовскій доставилъ статью о русскихъ законахъ для энциклопедіи Робине. Французскій писатель Robinet (1735—1820) пользовался въ свое время извѣстностью и участвовалъ во многихъ литературныхъ предпріятіяхъ, какъ напримѣръ въ изданіи Affaires de l'Angleterre et de l'Amérique, при чемъ сотрудникомъ его былъ знаменитый Франклинъ. Робине задумалъ продолжать трудъ, прославившій парижскихъ энциклопедистовъ. Свое многотомное изданіе онъ назвалъ всеобщимъ словаремъ наукъ нравственныхъ, экономическихъ и политическихъ или библіотекою государственнаго человѣка и гражданина. Программа его чрезвычайно обширна и разнообразна; сюда должны были войти всѣ стороны общественной жизни—все, что касается быта народовъ, формы правленія, государственнаго устройства, просвѣщенія, законовъ гражданскихъ и уголовныхъ, финансовъ, промышленности, торговли, и т. д. У Робине были сотрудники во всѣхъ странахъ Европы; болѣе пятнадцати лѣтъ продолжалось собираніе матеріаловъ, и при этомъ приходилось дѣлать извлеченія и

переводы изъ нѣсколькихъ тысячъ книгъ на различныхъ европейскихъ языкахъ. Сверхъ того множество статей написано вновь, и не только людьми науки, но и членами правительственныхъ учрежденій, близко знакомыхъ съ администраціею и съ практическою стороною жизни: этому обстоятельству издатель придавалъ особенное значеніе. Существеннымъ условіемъ онъ поставлялъ безпристрастіе, посвящая свой трудъ времени и истинѣ — au temps et à la vérité. Редакторы — говоритъ онъ — не принадлежатъ одному какому-либо народу или какой-либо сектѣ; они — не французы и не англичане, ни виги и не тори, ни энтузіасты и ни фрондеры; они любятъ все человѣчество и ненавидятъ всѣ пороки, сохраняя впрочемъ состраданіе къ слабостямъ человѣческимъ и имѣя въ виду только возможныя, достижимыя блага [98]). Желая получить самыя точныя свѣдѣнія о Россіи, о ея современномъ состояніи и исторической судьбѣ, Робине обратился къ вицеканцлеру князю Голицыну, прося его содѣйствія и прямо указывая на ученыхъ петербургской академіи наукъ, какъ на лица, отъ которыхъ общество всего болѣе можетъ ожидать подобнаго рода свѣдѣній. Онъ даже намѣтилъ планъ, по которому академики могли бы распредѣлить свою работу: одни изъ нихъ изложили бы въ вѣрномъ и смѣломъ очеркѣ исторію Россіи въ ея главнѣйшихъ эпохахъ; другіе представили бы обозрѣніе политической жизни, законодательства, международныхъ сношеній и военныхъ силъ; третьи обратили бы вниманіе на исторію наукъ и искусствъ, и т. д. Россіи въ настоящее время — замѣчаетъ Робине — нечего скрываться отъ взоровъ иностранцевъ; она смѣло можетъ явиться передъ ними такою, какова она есть на самомъ дѣлѣ, и съ какой бы стороны ни взглянули на нее, никто не откажетъ ей не только въ почетѣ, но и въ удивленіи. Основываясь на подобныхъ соображеніяхъ, издатель энциклопедіи надѣялся, что и члены петербургской академіи наукъ отнесутся къ его предпріятію съ такимъ же участіемъ, какое встрѣтилъ онъ въ кругу берлинскихъ и парижскихъ академиковъ и между профессорами многихъ европейскихъ универ-

ситетовъ. Письмо Робине къ вицеканцлеру было передано, по волѣ государыни, въ академію наукъ, и въ собраніи, созванномъ именно по этому поводу, постановлено распредѣлить предстоящія занятія такимъ образомъ: отдѣлъ исторіи и географіи поручить академику Миллеру; отдѣлъ наукъ и искусствъ — академику Штелину; отдѣлъ законовъ — академику Штрубе-де-Пирмону и профессору московскаго университета Дилтею; отдѣлъ о торговлѣ обѣщалъ обработать Тепловъ; о доставленіи свѣдѣній о господствующей церкви и другихъ исповѣданіяхъ, терпимыхъ въ Россіи, положено просить тверскаго архіепископа Платона, и т. д.[99]). Штрубе-де-Пирмонъ, академикъ по каѳедрѣ юриспруденціи и политики, отклонилъ отъ себя это порученіе, сославшись на то, что свѣдѣнія о русскихъ законахъ изложены имъ въ рѣчи, произнесенной имъ въ торжественномъ собраніи академіи въ 1756 году: Discours sur l'origine et les changemens des loix russiennes, въ русскомъ переводѣ: слово о началѣ и перемѣнахъ россійскихъ законовъ. Составить извлеченіе изъ рѣчи Штрубе для энциклопедіи Робине поручено было Румовскому[100]). Штрубе говоритъ о русской правдѣ, которую сравниваетъ съ германскими и скандинавскими законами, о судебникѣ, стоглавѣ, уложеніи царя Алексѣя Михайловича и сводномъ уложеніи, составленномъ при Петрѣ Великомъ. Въ энциклопедіи Робине весьма много заимствованій изъ рѣчи Штрубе, но они изложены въ нѣсколько иномъ порядкѣ; у Робине весьма подробно говорится о законодательныхъ мѣрахъ Петра Великаго и о наказѣ Екатерины II, данномъ ею коммиссіи для составленія проекта новаго уложенія[101]).

Энциклопедія Робине пользовалась извѣстностію въ русскомъ литературномъ мірѣ и изъ нея переводились статьи для періодическихъ изданій. Членъ россійской академіи Карабановъ перевелъ изъ энциклопедіи Робине разсужденіе о происхожденіи поэзіи и качествахъ поэта или стихотворца, и академія постановила напечатать этотъ переводъ въ предпринятомъ ею изданіи — ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ[102]).

Горячо преданный своему дѣлу, Румовскій принималъ живое и постоянное участіе не только въ ученой дѣятельности академіи, но и въ академической жизни вообще. Онъ слѣдилъ съ напряженнымъ вниманіемъ за всѣми событіями этой жизни и подавалъ свой голосъ по всѣмъ болѣе или менѣе важнымъ вопросамъ, занимавшимъ ученое общество. Онъ считалъ своею нравственною обязанностью оберегать академію отъ несправедливостей и нареканій, откуда бы они ни исходили, и не скрывать своего мнѣнія о предметахъ и лицахъ, имѣющихъ вліяніе на судьбу академіи. Во взглядѣ Румовскаго на окружающую его среду, въ его сочувствіи и ненависти, замѣтно иногда увлеченіе и раздражительность, но вмѣстѣ съ тѣмъ виденъ человѣкъ живой и недюжинный, одаренный свѣтлымъ умомъ и пожертвовавшій своими убѣжденіями въ угоду авторитетамъ. Съ ранней поры его академической дѣятельности обнаружился его самостоятельный образъ мыслей и дѣйствій. За вражду ему платили враждою, а за добросовѣстные труды на пользу академіи Румовскій видѣлъ много знаковъ сочувствія и расположенія, выражавшихся особенно ярко при избраніи его въ различныя академическія званія и должности.

Первое и рѣшительное столкновеніе Румовскій имѣлъ съ свѣтиломъ тогдашней академіи Ломоносовымъ. Румовскій относился иронически къ открытіямъ Ломоносова въ области физики, а Ломоносовъ обвинялъ Румовскаго въ близкихъ сношеніяхъ съ людьми недостойными и пронырливыми, и называлъ его комнатной собачкой Тауберта [103]). Въ письмахъ Румовскаго встрѣчаются подобнаго рода отзывы о его противникахъ: «Путешествіе въ Сибирь — говоритъ онъ — до такой степени ослабило мое здоровье, что необходимы всевозможныя предосторожности, чтобы не разрушить его окончательно. Несмотря на это Ломоносовъ хочетъ принудить меня отправиться въ путь болѣе далекій и болѣе тягостный — въ географическую экспедицію. Я порѣшилъ съ собою такимъ образомъ: если Ломоносовъ доведетъ дѣло до того, что мнѣ дадутъ формальное предписаніе, я сейчасъ же

выйду въ отставку; я вышелъ бы и теперь, но надежда лучшей будущности удерживаетъ меня. Съ минуты на минуту ожидаютъ преобразованія: академія приметъ совершенно новый видъ; члены ея будутъ ограждены отъ всякихъ происковъ, и деспотическая власть, къ которой стремится Ломоносовъ, обратится въ ничто.... Котельниковъ, неизбѣжный спутникъ Ломоносова, трудится болѣе для размноженія рода человѣческаго, нежели для развитія наукъ. Если бы онъ жилъ во время Цезаря, то безъ всякаго сомнѣнія получилъ бы награду соразмѣрную съ своимъ трудолюбіемъ. Но нашъ неблагодарный вѣкъ не умѣетъ цѣнить подобныхъ подвиговъ, быть можетъ потому, что всякій можетъ совершать ихъ съ большимъ успѣхомъ. Я же, ненавидимый Ломоносовымъ, до сихъ поръ не женатъ: слѣдовательно, вопросъ о моемъ потомствѣ уничтожается самъ собою», и т. д.[104]).

При выборахъ въ академики Румовскій постоянно напоминалъ конференціи, что преимущественное право на званіе академика, на точномъ основаніи академическаго устава, принадлежитъ не иностраннымъ, а русскимъ ученымъ. Когда математикъ Фуссъ предложенъ былъ въ адъюнкты, Румовскій возразилъ, что Фуссъ—иностранецъ, а регламентъ требуетъ природнаго русскаго; тоже утверждали: Лепехинъ, Протасовъ, Котельниковъ. При выборѣ аптекаря Георги на каѳедру химіи Румовскій сдѣлалъ такое же заявленіе въ пользу природныхъ русскихъ, поддерживая его тѣмъ съ большею настойчивостью, что академія послала многихъ питомцевъ своихъ заграницу для изученія естественной исторіи и химіи, и что Георги, если бы даже онъ былъ и русскимъ, долженъ былъ бы предварительно представить какой-либо ученый трудъ изъ круга его науки. Лица, возражавшія Румовскому, не видѣли препятствія въ томъ обстоятельствѣ, что Георги не былъ въ университетѣ, и мнѣніе свое доказывали тѣмъ, что величайшіе химики восьмнадцатаго столѣтія не получили университетскаго образованія и также были аптекарями[105]).

Замѣтивши въ одной изъ статей академической газеты выходку противъ академіи наукъ, Румовскій сравнилъ эту статью

съ ея иностраннымъ подлинникомъ, и указалъ неточность и прибавки въ русскомъ переводѣ. Извѣстіе изъ Парижа, относящееся ко временамъ революціи, заимствовано петербургскими вѣдомостями изъ гамбургской газеты въ такомъ видѣ:

In der sitzung vom sonnabend ward unter andern viel über die kosten der gelehrten gesprochen. Herr Martineau eiferte sehr gegen alle diese kosten. Wir brauchen keine poeten, sagte er, sondern ackerleute, familienväter und patrioten. Die academien müssen nicht von der nation bezahlt werden. In England sind die besten academien, und die regierung giebt ihnen keinen schilling von den geldern der nation [106]).

Народное собраніе въ прошедшую субботу имѣло также разсужденіе о государственныхъ издержкахъ на ученыя общества. Г. Мартино, почитая всѣ таковые расходы излишними, говорилъ, что намъ ни надобны ни стихотворцы, ни академики, а нужны только земледѣльцы и защитники вольности. Академіи, продолжалъ онъ, должны содержать себя не иждивеніемъ народа, но собственнымъ своимъ трудолюбіемъ. Англія имѣетъ самыя лучшія академіи, но на содержаніе оныхъ не употребляетъ изъ государственныхъ доходовъ ни одного шиллинга. Какія будутъ слѣдствія отъ сей, воздвигаемой въ народномъ собраніи противъ ученыхъ бури, увидимъ современемъ [107]).

Конференція постановила просить директора академіи наукъ, княгиню Дашкову, предложить редакціи не помѣщать подобныхъ статей, которыя не имѣютъ для русскаго общества ровно никакого интереса [108]).

Постоянное участіе Румовскаго въ академическихъ дѣлахъ, его ученые труды и его заботливость о пользѣ и чести академіи

давали ему право и почетъ со стороны членовъ ученаго общества и лицъ, стоявшихъ во главѣ академіи.

Въ 1763 году президентъ академіи, графъ Разумовскій, прислалъ изъ Москвы слѣдующій ордеръ касательно нашего ученаго, тогда еще молодаго: «Обрѣтающійся при академіи адъюнктъ г. Румовскій, который о знаніи своемъ въ наукахъ, а особливо въ вышней математикѣ и астрономіи, представилъ ученому свѣту довольные опыты, и какъ оказанными понынѣ прилежными трудами, такъ и добропорядочными своими поступками, подаетъ о себѣ и впредь наилучшую надежду, симъ опредѣляется профессоромъ экстраординарнымъ при академіи и астрономомъ обсерваторомъ, на мѣсто умершаго профессора и астронома Гришова. А инструменты купно съ главною обсерваторіею на прежнемъ основаніи и подъ дирекціею г. коллежскаго совѣтника и профессора Эпинуса препоручаются ему, г. профессору Румовскому, для единственнаго его употребленія, и безъ вѣдома и допущенія его никому до нихъ не касаться, дабы впредь о чинимыхъ обсерваціяхъ никакого сумнѣнія или спора произойти не могло. Кого жъ изъ находящихся при академіи, а особливо при географическомъ департаментѣ, студентовъ онъ потребуетъ къ себѣ въ помощь и для обученія практическимъ дѣйствіямъ астрономіи, оныхъ придать ему для настоящей ихъ пользы»[109]).

По словамъ самого Румовскаго, онъ былъ бы экстраординарнымъ профессоромъ гораздо ранѣе, если бы не помѣшали этому переговоры объ его отъѣздѣ заграницу на весьма продолжительное время. Разумовскій, братъ президента, хотѣлъ отправить заграницу трехъ своихъ родственниковъ, для довершенія образованія, и искалъ для юношей надежнаго спутника и руководителя. Около двухъ лѣтъ они должны были пробыть въ Италіи, потомъ посѣтить Францію, Англію, Германію, Голландію. Тепловъ рекомендовалъ Румовскаго, принявшаго это предложеніе съ самыми свѣтлыми надеждами; но Тепловъ уѣхалъ къ президенту въ Украйну, и дѣло о заграничномъ путешествіи Румовскаго по разнымъ причинамъ не состоялось[110]).

Въ 1767 году Румовскій былъ удостоенъ званія ординарнаго профессора астрономіи по предложенію президента и по единогласному избранію членовъ ученой конференціи. Въ протоколѣ ея записано: Auf den vorschlag sr. hochgräflichen erlaucht des herrn chef und einstimmigen beifall der glieder war der herr professor extraordinarius Rumoffsky zum professor ordinarius der astronomie erkläret [111]).

Въ 1803 году Румовскій избранъ почетнымъ членомъ академіи наукъ [112]).

Втеченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ Румовскій принималъ ближайшее участіе въ управленіи академіею наукъ, будучи членомъ коммиссіи, учрежденной въ 1766 году. Поводомъ къ ея учрежденію послужила необходимость преобразованія академіи, сознанная самимъ правительствомъ. Въ указѣ правительствующаго сената говорится, что «ея императорское величество, видя съ крайнимъ сожалѣніемъ академію наукъ въ великомъ нестроеніи и почти въ совершенномъ упадкѣ, восхотѣли для скорѣйшаго поправленія ея и приведенія въ прежнее цвѣтущее состояніе взять оную въ собственное свое вѣдомство для учиненія въ ней реформы къ лучшему и полезнѣйшему ея поправленію. А какъ нынѣ исполненіе онаго дѣйствительно начаться имѣетъ, то за нужно почли опредѣлить такую повѣренную отъ ея императорскаго величества персону, чрезъ которую бы ея величество даваемыя свои повелѣнія оной академіи объявлять, такъ и нужды ея вѣдать могли. И для сего избрали впредь до указа ея императорскаго величества камеръ-юнкера графа Владимира Орлова, коего довольное въ наукахъ свѣдѣніе и охота его и склонность къ онымъ ея величеству весьма извѣстны, повелѣвая притомъ ему имѣть дирекцію канцеляріи и исполнять во всемъ по тѣмъ, отъ ея императорскаго величества ему, графу Орлову, даваемымъ повелѣніямъ, которыя, яко словесныя, онъ въ академіи записывать будетъ» [113]). Указъ сената присланъ въ академію 6 октября 1766 года, а 30 октября того же года послѣдовалъ новый указъ на имя графа Орлова: «повелѣваемъ учредить при

академіи наукъ коммиссію, которой состоять изъ членовъ академіи: статскаго совѣтника Штелина, профессора Эйлера съ сыномъ его, профессоромъ физики; профессоровъ: Лемана, Котельникова и Румовскаго. Должность всѣхъ ихъ разбирать всѣ департаменты, дабы привесть въ лучшее состояніе. Повелѣваемъ вамъ со всѣми означенными не только разсматривать всѣ дѣла, но и управлять оными»[114]).

Въ 1800 году Румовскій назначенъ вицепрезидентомъ академіи наукъ. Въ засѣданіи конференціи 3 ноября 1800 года прочитано было офиціальное письмо, въ которомъ президентъ академіи, баронъ Николаи, сообщая о послѣдовавшемъ назначеніи, поздравлялъ академиковъ съ выборомъ вицепрезидента изъ ихъ ученой среды. Извѣстіе это произвело, какъ и слѣдовало ожидать, самое благопріятное впечатлѣніе: члены конференціи единодушно и вполнѣ искренно привѣтствовали маститаго академика — le digne doyen du corps des académiciens, стяжавшаго неоспоримое право на сочувствіе и уваженіе и по своимъ глубокимъ познаніямъ и по своей долговременной опытности[115]). Въ выборѣ Румовскаго выражалась не только справедливая дань его уму и заслугамъ, но и то жизненное начало, которое необходимо для внутренней силы и значенія ученаго общества. Съ этой точки зрѣнія современные намъ ученые смотрятъ на событіе, имѣющее свой смыслъ въ исторіи нашей академіи. Въ статьѣ академика Куника подъ названіемъ: историческій взглядъ на академическое управленіе съ 1726 по 1803 годъ, помѣщенной въ ученыхъ запискахъ академіи, читаемъ слѣдующее: «Избранный въ президенты академіи императоромъ Павломъ Петровичемъ, баронъ Николаи, можетъ быть, самъ не сознавая ясно, обратился къ мысли Петра Великаго: онъ чувствовалъ, что для оживленія и возрожденія академіи надобно дать ученой конференціи право участвовать въ управленіи ея дѣлами. Онъ избралъ въ вицепрезиденты академіи изъ числа членовъ конференціи человѣка, равно уважаемаго и за ученыя и за педагогическія и за общечеловѣческія достоинства. Академикъ Румовскій былъ воспитанъ въ ака-

деміи и какъ нельзя лучше зналъ по своему опыту ея потребности, именно потребности конференціи, и своими мѣрами тотчасъ пріобрѣлъ всеобщее довѣріе. Вскорѣ по вступленіи его въ должность президента, составлена была, по повелѣнію императора Александра Павловича, коммиссія для изслѣдованія состоянія академіи и для изысканія средствъ къ ея возвышенію, не стѣсняясь никакими опасеніями. Наилучшимъ свидѣтельствомъ достоинствъ Румовскаго служитъ то, что въ 1803 году, по преобразованіи академіи, онъ снова утвержденъ былъ въ званіи вицепрезидента»[116]).

V.

Разносторонняя образованность Румовскаго, его умъ и дарованія открывали ему обширное поприще для общественной дѣятельности. Ученыя общества и учебныя заведенія обращались къ его содѣйствію, признавая его указанія важными и полезными какъ въ научномъ, такъ и въ педагогическомъ отношеніи.

Румовскому обязаны своимъ окончательнымъ образованіемъ по астрономіи нѣсколько учителей навигаціи, присланныхъ адмиралтейскою коллегіею въ академію наукъ для изученія практической астрономіи. Блестящіе успѣхи, оказанные ими въ занятіяхъ избраннымъ ими предметомъ, коллегія приписывала главнымъ образомъ просвѣщенному руководству Румовскаго. За труды свои по образованію моряковъ-астрономовъ Румовскій награжденъ, по представленію морскаго вѣдомства, чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника — отличіемъ весьма рѣдкимъ въ тѣ времена, когда и чинъ коллежскаго ассессора считался весьма видною наградою, а орденъ св. Владиміра получали изъ рукъ самой императрицы, пріѣзжая для этого въ столицу изъ отдаленныхъ краевъ Россіи[117]).

На Румовскаго возложено было, съ званіемъ инспектора, устройство учебной части въ замѣчательномъ училищѣ, основанномъ въ Петербургѣ въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія и называвшемся греческою гимназіею или гимназіею для чуже-

странныхъ единовѣрцевъ. Училище это заслуживаетъ вниманія какъ по своему составу, такъ и по цѣли учрежденія. Основаніе его относится къ той эпохѣ нашей исторической жизни, когда умы людей, направлявшихъ русскою политикою, находились подъ впечатлѣніемъ побѣдъ надъ поработителями Грековъ; турецкая война, по убѣжденію Шлецера и другихъ тогдашнихъ ученыхъ, была однимъ изъ великихъ событій не только русской, но и европейской исторіи. Екатерина II и ея литературные сотрудники, опровергая въ антидотѣ напраслины, взводимыя на русскій народъ иностраннымъ путешественникомъ, указываютъ на то обстоятельство, что наши моряки, плывя въ Средиземное море и огибая Финистерскій мысъ, слагали пѣсни, въ которыхъ предсказывали себѣ взятіе Константинополя: [118])

Не бушуйте вы, вѣтры буйные,
Вы, буйные вѣтры, осенніе!
Успокойся ты, море синее,
Не волнуй ты море средиземное!
Ты постой, постой, лѣто теплое,
Не теки, постой, солнце красное:
Не я самъ велю, вамъ указъ велитъ,—
Со страны указъ пришелъ, съ страны сѣверной.
Хоть давно течетъ солнце красное,
Что давно вѣютъ вѣтры буйные,
Не видали вы такого дива:
По указу ли царя бѣлаго,
Наказать врага вѣроломнаго,
На восточную дальну сторону
Снаряжался флотъ со бѣлой Руси,
Со бреговъ Невы рѣки славныя;
Снарядившись, протекалъ моря,
Всѣ препятства ни во что вмѣнялъ.
Приближаяся ко Царю граду,
Адмиралъ вскричалъ громкимъ голосомъ:
Ой ты гой еси, невѣрный царь!
Прогнѣвилъ ты своею гордостью
Нашу мудрую государыню,

Прогнѣвляешь ты самого Творца:
Я за то присланъ наказать тебя;
Поспѣши упасть ко стопамъ ея,
Ты успѣй просить прощенія;
Не успѣешь ты просить прощенія,
Опровергну тронъ невѣрнаго [119]).

Давнее преданіе о томъ, что владѣтелемъ Константинополя будетъ пришедшій съ сѣвера царь Константинъ, получило новую жизнь, и дѣйствовало тѣмъ сильнѣе на чувство и воображеніе, что рядъ блестящихъ побѣдъ, одержанныхъ русскими, открывалъ имъ путь въ столицу турецкой имперіи. И въ Россіи и въ западной Европѣ многіе вѣрили тому, что дни мусульманскаго владычества въ европейскихъ предѣлахъ сочтены, и что на развалинахъ его утвердится могущественная, одновѣрная съ Греціей, христіанская держава. Греки и другіе христіанскіе народы, порабощенные турками, ожидали избавителя, который, по общему вѣрованью, долженъ былъ прійти съ сѣвера и называться священнымъ для византійцевъ именемъ Константина. Въ русскомъ обществѣ мысль о взятіи Константинополя не оставалась одною только праздною мечтою, а готова была, повидимому, перейти въ дѣйствительность. Екатерина II, Потемкинъ и другіе государственные умы Россіи восьмнадцатаго столѣтія видѣли въ осуществленіи этой мысли историческое призваніе Россіи. Державинъ въ одѣ своей на взятіе Измаила говоритъ, что Русскіе предназначены судьбою

Отмстить крестовые походы,
Очистить іордански воды,
Священный гробъ освободить,
Аѳинамъ возвратить Аѳину,
Градъ Константиновъ Константину.

Послѣдніе два стиха самъ Державинъ объясняетъ такимъ образомъ: «городъ Аѳины возвратить богинѣ Минервѣ, подъ которою разумѣется Екатерина; Константинополь подвергнуть

державѣ великаго князя Константина Павловича, къ чему покойная государыня всѣ мысли свои устремляла»[120]). Самое воспитаніе Константина Павловича и вся его обстановка направлены были къ тому, чтобы образовать достойнаго правителя державы византійскихъ императоровъ. Съ первыхъ дней жизни великаго князя (род. въ 1779 г.) и во время его дѣтства всѣ окружающія лица: кормилицы, няньки, гувернантки, учителя и т. д. были гречанки и греки, постоянно говорившіе съ своимъ питомцемъ по-гречески; греческій языкъ сдѣлался для него роднымъ съ самой колыбели. Убранство дѣтской комнаты, въ которой великій князь Константинъ жилъ съ братомъ своимъ Александромъ Павловичемъ, вело къ той же цѣли, напоминая о будущемъ призваніи царственныхъ юношей. Противъ изголовья ихъ, прямо передъ ихъ глазами висѣли портреты, на которыхъ изображены: Александръ Павловичъ, будущій царь Россіи,— въ роскошной шубѣ, съ царскимъ скипетромъ въ рукѣ и съ царскою короною на головѣ, а Константинъ Павловичъ, будущій владыка Византіи, — въ греческомъ нарядѣ и держащимъ въ рукахъ знамя (labarum) Константина Великаго и ключи отъ св. Софіи[121]).

По случаю рожденія Константина Павловича Потемкинъ устроилъ великолѣпное празднество, въ которомъ пѣлись гимны на греческомъ языкѣ: [122])

Ὅς εὔπνον θάλλει
Λειμῶν᾽ ἀνθηρὸν κρίνον,
Ἐίκελος κάλλει στίλβει
Σπαργάνοις Κωνσταντίνος....

Какъ благовонный взрастаетъ
На полѣ цвѣтоносномъ кринъ,
Подобной красотой блистаетъ
Во колыбели Константинъ....

Яркимъ выраженіемъ сочувствія къ судьбѣ грековъ и другихъ христіанъ, бывшихъ подъ турецкимъ владычествомъ, служитъ открытіе въ Петербургѣ училища съ тою цѣлью, чтобы

греки, которые намъ «доброхотствовали» во время турецкой войны, и всѣ одновѣрцы наши, лишенные способовъ къ воспитанію дѣтей, могли постоянно пользоваться защитою и покровительствомъ Россіи. Въ греческой гимназіи научное образованіе должно было идти рука объ руку съ развитіемъ національнаго чувства, и наставники обязаны были не терять изъ виду политической судьбы грековъ и напоминать своимъ питомцамъ, что они — потомки древнихъ грековъ, и что слава ихъ отечества въ лучшую пору его исторической жизни основывалась преимущественно на процвѣтаніи въ немъ наукъ и искусствъ. Въ учредительномъ актѣ находятся черты, знакомящія съ тогдашними понятіями о научномъ и нравственномъ образованіи. Тамъ говорится: «Языкамъ обучать въ сей гимназіи: россійскому, нѣмецкому, французскому, италіанскому, турецкому и греческому; но не всѣмъ вдругъ, а распредѣляя такимъ образомъ, чтобъ учащіеся не болѣе двухъ языковъ въ одно время были обучаемы, дабы множествомъ чужестранныхъ словъ не затьмить понятія и тѣмъ не отнять способности къ обученію другихъ полезныхъ наукъ. Ариѳметика, алгебра простая и геометрія — науки, изощряющія разумъ, ежели не всему ученію, то по крайней мѣрѣ многимъ языкамъ должны предшествовать. Знаніе исторіи и географіи политической нужно также всякому, въ какую бъ кто службу себя ни приготовлялъ, изъ коихъ первая откроетъ имъ великихъ мужей, отмѣнившихъ [123]) себя ученіемъ и важными дѣлами, служащими въ пользу ихъ государей и отечества, а вторая подастъ знаніе о качествахъ и свойствѣ всякаго народа, о состояніи ихъ земель, и въ чемъ они имѣютъ изобиліе или недостатокъ. Тѣхъ, которые будутъ имѣть дарованія и охоту къ словеснымъ наукамъ и высшей математикѣ, обучать при семъ училищѣ, трактуя логику, мораль, красный слогъ, физику и прочія нужнѣйшія части нравоучительной философіи, на россійскомъ и французскомъ языкахъ, а высшую математику до интеграла и диференціала; для обученія же оныхъ и прочихъ математическихъ высшихъ наукъ имѣющихъ особливую склонность и природную

остроту отсылать въ академію наукъ.... Учителей въ сію гимназію безъ строгаго экзамена отнюдь принимать не должно, хотя бъ они отъ прежнихъ мѣстъ и аттестаты себѣ имѣли. Свирѣпость, вспыльчивость и досадительныя учительскія слова затьмѣваютъ въ дѣтяхъ понятіе, смущаютъ вниманіе и наконецъ приводятъ къ тому, что ученіе кажется имъ несносною работою. Надлежитъ почасту имъ внушать, чего отъ прилежанія къ ученію и отъ небреженія объ ономъ ожидать должно; представлять достохвальные примѣры изъ исторіи о предкахъ ихъ, грекахъ, доказывая, что бывшею ихъ великостію одолжены они были наукамъ и художествамъ, а презрѣніе оныхъ подало причину къ паденію»[124]).

При учрежденіи греческой гимназіи начальникомъ артиллерійскаго и инженернаго корпуса, при которомъ открывалась гимназія, былъ Мордвиновъ, генералъ-инженеръ и директоръ строенія государственныхъ дорогъ, пріобрѣвшій большую опытность на педагогическомъ поприщѣ[125]). По убѣжденію Мордвинова, существенный вопросъ для училища заключается въ счастливомъ выборѣ инспектора, которому должно предоставить самую полную свободу и независимость при устройствѣ учебной части. Но для этого должно быть избрано лицо, вполнѣ заслуживающее довѣрія по своему уму, по обширности и глубинѣ своихъ познаній и по нравственному достоинству. Въ докладѣ, представленномъ Мордвиновымъ, сказано: «Ничто такъ не приноситъ пользы при обученіи юношества, какъ порядочное расположеніе времени ученія и всегдашнее надъ онымъ надзираніе, для чего необходимо должно имѣть такого инспектора, который бы не только что въ наукахъ и разныхъ языкахъ имѣлъ довольное знаніе, но и служилъ бы всегда примѣромъ въ поведеніи своимъ подчиненнымъ. Всѣ учители имѣютъ состоять подъ точнымъ его управленіемъ, и никакихъ въ ученіи перемѣнъ безъ повелѣнія инспектора дѣлать не должны. Учители по классамъ зависятъ во всемъ отъ инспектора, и никому, кромѣ его, ни въ чемъ отвѣтствовать не должны», и т. д. При такой требовательности въ отношеніи къ инспектору, избраніе въ эту должность нашего академика служитъ очевид-

нымъ доказательствомъ того уваженія, которымъ онъ пользовался въ образованномъ кругу тогдашняго общества.

Румовскій былъ инспекторомъ классовъ греческой гимназіи съ 1776 по 1783 годъ; въ этомъ году послѣдовалъ указъ о переводѣ гимназіи въ Херсонъ подъ главное начальство Потемкина, но распоряженіе это было отмѣнено по разнымъ причинамъ, и училище осталось попрежнему въ Петербургѣ. Директоромъ назначенъ въ 1789 году Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, сочленъ Румовскаго по россійской академіи. Благодаря Мордвинову, Румовскому и ихъ достойнымъ преемникамъ, гимназія для чужестранныхъ одновѣрцевъ была въ свое время однимъ изъ лучшихъ учебныхъ заведеній въ Петербургѣ, и пользовалась большимъ довѣріемъ въ обществѣ; многіе изъ дворянъ отдавали туда дѣтей своихъ пансіонерами [126]).

При первомъ торжественномъ собраніи, происходившемъ въ греческой гимназіи, произнесена была рѣчь, имѣющая непосредственное отношеніе къ событію, вызвавшему учрежденіе училища. Всего скорѣе можно бы предполагать, что авторомъ ея былъ Румовскій; но она издана безъ имени автора. Во всякомъ случаѣ она заслуживаетъ вниманія по выраженнымъ въ ней мыслямъ. «Ежели войны — говоритъ авторъ — числить пріобрѣтаемыми отъ нихъ выгодами, то Россія, сколько ни прославилась побѣдами, отъ начала сего столѣтія до временъ нашихъ двѣ только считать можетъ». Эти двѣ войны — шведская, веденная при Петрѣ Великомъ и возвратившая Россіи нѣкогда отторгнутыя отъ нея области, и турецкая, прославившая царствованіе Екатерины II. «Вела Россія — продолжаетъ авторъ — и прежде сего съ тѣмъ же непріятелемъ кровавыя войны; но о таковыхъ ополченіяхъ, каковыхъ мы были свидѣтелями, и помышлять не дерзала. Одушевленный взоромъ монархини своей флотъ россійскій исходитъ изъ балтійскихъ водъ, ему послушныхъ, обтекаетъ Европу, и смѣлостію предпріятія удивляя всѣ народы, достигаетъ до бреговъ непріятельскихъ. Враги имени христіанскаго и наши содрагаются, видя внезапное возвѣяніе россійскаго флага у бре-

говъ своихъ; многія тысящи уступаютъ малѣйшему числу россійскихъ воиновъ, и предаютъ укрѣпленные свои грады въ руки наши. Славно было начало сего предпріятія; но несравненно славнѣе окончаніе. Изумленный Архипелагъ преклонился самодержицѣ всероссійской; сокровища, соперникамъ везомыя, обратилися россіанамъ въ орудіе къ новымъ завоеваніямъ, и вліяніе побѣдъ ихъ и владычества надъ Архипелагомъ распростерлися до бреговъ сирскихъ и египетскихъ.... Истребитель чесменскій турецкаго флота, когда ищетъ побѣдъ надъ непріятелемъ, ополчается мужествомъ; когда взираетъ на славный въ древности народъ, стенящій подъ игомъ варваровъ, исполняется великодушіемъ, и ходатайствуетъ о немъ предъ престоломъ россійскимъ. Народъ, едину вѣру съ нами исповѣдующій, пріемлется въ покровительство, и разсѣянныя его чада преселяются въ тѣ мѣста, въ которыя науки отъ предковъ ихъ преселилися. Свободное исповѣданіе вѣры и безпрепятственное отправленіе истиннаго богослуженія ему утверждается; желающимъ оставить отечество грекамъ дозволяется населять брега Чернаго моря, а сирыя ихъ чада побѣдоносными россійскимъ флотомъ, въ Россію возвращающимся изъ Италіи, преселяются въ градъ сей, и, питаемые щедротою монархини нашея, наставляются здѣсь мудрости и благонравію. Побѣды, пріобрѣтеніе новыхъ земель и портовъ, есть и будетъ предметъ, привлекающій на себя вниманіе историка и политика; но учрежденіе училища сего будетъ упражненіемъ любомудрца и человѣка. Основатель россійскаго флота, когда первый корабль приближался къ сошествію на невскія струи, желая предъ вельможами своими наукамъ отдать достойную справедливость и показать, сколь они къ благосостоянію общества нужны, уподоблялъ ихъ обращенію крови въ тѣлѣ человѣческомъ, и пророческимъ духомъ предвѣщалъ, что науки со временемъ изъ Россіи придутъ въ Грецію, древнее ихъ обиталище. Се нынѣ полагается здѣсь начало къ исполненію сего пророчества. Велико дѣло есть избавленіе отъ ига единаго человѣка; но сколь несравненно большее — избавляя знатную часть

народа, открыть ему путь къ возвращенію древняго своего достоянія» [127]).

VI.

Вѣщомъ общественной дѣятельности Румовскаго были труды его по устройству казанскаго университета и учебнаго округа. Румовскій призванъ былъ къ этому дѣлу въ замѣчательную эпоху нашей исторической жизни. Начало девятнадцатаго столѣтія ознаменовано было для Россіи учрежденіемъ университетовъ, въ которомъ лучшіе умы того времени видѣли прочный залогъ и наиболѣе вѣрное средство для распространенія знаній среди русскаго общества, на благо русскаго народа. Соединяя въ себѣ умственныя силы людей науки, содѣйствующихъ ея движенію и развитію, давая питомцамъ своимъ общечеловѣческое образованіе, необходимое для разумнаго исполненія общественныхъ обязанностей, университеты вмѣстѣ съ тѣмъ готовили для среднихъ учебныхъ заведеній достойныхъ преподавателей, которые въ свою очередь приготовляли учителей для низшихъ школъ или, какъ обыкновенно говорятъ, для народа. Для достиженія высокой цѣли, съ которою учреждались университеты, требовалось особенной внимательности и умѣнья въ выборѣ лицъ, которымъ можно было ввѣрить дѣло народнаго образованія. Выборъ этотъ возложенъ былъ на попечителей. При первомъ образованіи учебныхъ округовъ въ попечители ихъ преимущественно назначаемы были лица, пользовавшіяся большимъ довѣріемъ у государя и извѣстныя своей любовью къ литературѣ и наукѣ. Попечителемъ московскаго учебнаго округа назначенъ одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени, писатель М. Н. Муравьевъ; попечителемъ харьковскаго округа назначенъ графъ Северинъ Потоцкій и т. д. Румовскій избранъ попечителемъ какъ знаменитый русскій ученый, и поставляя его во главѣ обширнаго округа, правительство выражало надежду, что маститый академикъ не перестанетъ трудиться и для науки. Въ указѣ о его назначеніи говорится: «по отсутствію, и надолго, тайнаго совѣтника графа

Мантейфеля, опредѣляемъ въ попечителя казанскому университету вицепрезидента академіи наукъ Румовскаго. Мы уповаемъ, что и въ настоящемъ званіи, колико возможетъ, продолжитъ онъ быть полезнымъ академіи, содѣйствуя трудомъ и своими знаніями къ успѣху наукъ»[128]).

Важнѣйшею задачею, предстоявшею Румовскому какъ попечителю, было основаніе университета, который долженъ былъ служить просвѣтительнымъ центромъ для восточнаго края Россіи. Прежде всего необходимо было найти ученыхъ, обладавшихъ тѣми качествами, безъ которыхъ немыслима университетская наука и преподаваніе. Два существенныя условія заключались въ знаніи предмета и въ знаніи языка и быта той среды, въ которой должны будутъ находиться учащіе и учащіеся. Для удовлетворенія перваго условія не доставало силъ въ русскомъ обществѣ; единственный до того времени университетъ въ Россіи, московскій, не въ состояніи былъ надѣлить своихъ новыхъ собратовъ, нуждавшихся въ большомъ количествѣ ученыхъ преподавателей: онъ самъ прибѣгалъ къ иностранной помощи. Оставался одинъ выходъ изъ крайне затруднительнаго положенія — обращаться къ иностраннымъ ученымъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда не представлялось возможности замѣстить тѣ или другія каѳедры природными русскими профессорами.

Постоянно слѣдя за движеніемъ науки и образованія въ Россіи, живя въ кругу русскихъ ученыхъ и писателей, Румовскій зналъ, кого изъ своихъ соотечественниковъ избрать въ члены созидаемаго имъ ученаго общества. Находясь же въ сношеніяхъ и перепискѣ со многими иностранными учеными, Румовскій могъ обратиться къ ихъ содѣйствію, а обладая замѣчательною ученостью, могъ судить о достоинствѣ и недостаткахъ лицъ, указываемыхъ иностранными корреспондентами. Онъ дѣятельно старался о замѣщеніи каѳедръ, разумно и добросовѣстно оцѣнивалъ права каждаго изъ кандидатовъ, читалъ ихъ сочиненія, печатныя и рукописныя, собиралъ свѣдѣнія отъ лицъ вполнѣ компетентныхъ, подвергалъ предварительному испытанію, и т. п. Лучшимъ дока-

зательствомъ того, что Румовскій стоялъ на высотѣ своего призванія, служатъ самыя имена выбранныхъ имъ профессоровъ, между которыми находились лица, занимавшія почетное мѣсто въ европейскомъ ученомъ мірѣ. Довольно вспомнить Бартельса, котораго Лапласъ признавалъ первымъ математикомъ Германіи.

О Бартельсѣ Румовскій писалъ: «Членъ главнаго правленія Фусъ за нѣсколько предъ симъ сообщилъ мнѣ рукописныя сочиненія, до высшей маѳематики касающіяся, доктора Бартельса, профессора въ центральномъ училищѣ въ Арау въ Швейцаріи, и притомъ увѣдомилъ меня, что творецъ оныхъ желаетъ вступить въ россійскую службу и что онъ — ученикъ славныхъ нѣмецкихъ маѳематиковъ Пфафа и Кестнера. Разсматривая его сочиненія, съ удовольствіемъ увидѣлъ я, что г. Бартельсъ толь глубокія и превосходныя имѣетъ въ высшей маѳематикѣ свѣдѣнія, что безъ всякаго прекословія можетъ онъ занять мѣсто въ числѣ искуснѣйшихъ маѳематиковъ въ нѣмецкой землѣ.... Почитаю пріобрѣтеніе толь искуснаго маѳематика драгоцѣннымъ, которому вся Германія имѣетъ мало подобныхъ» [129]).

Прочитавши нѣсколько астрономическихъ сочиненій, на латинскомъ языкѣ, краковскаго профессора Литрова, присланныхъ княземъ Голицынымъ изъ главной квартиры, города Тарнова, министру Завадовскому, Румовскій сообщилъ министру: «судя по сочиненіямъ, представленнымъ князю Голицыну, Литровъ равно искусенъ какъ въ высшей математикѣ, такъ и въ астрономіи, и во всей нѣмецкой землѣ мало сыщется такихъ людей, коимъ предъ Литровымъ должно отдать преимущество, и пріобрѣтеніе его для всякаго въ Россіи университета почитаю я драгоцѣннымъ» [130]).

Не на одни только математическія каѳедры Румовскій выбиралъ съ горячимъ усердіемъ и полнымъ знаніемъ дѣла. Какъ бы отклоняя отъ себя упрекъ въ пристрастіи и односторонности, Румовскій неоднократно упоминаетъ о томъ, что онъ съ особенною заботливостью старается пріискать достойныхъ преподавателей для факультета словесныхъ наукъ. Съ этою цѣлью онъ

предлагалъ каѳедру греческаго языка и словесности магистру словесныхъ наукъ, Винценту Сторлю, жившему тогда въ Дрезденѣ. «Къ предложенію сему — поясняетъ Румовскій — побужденъ я былъ присланными къ князю Чарторыскому переводомъ съ греческаго на латинскій, французскій и италіянскій языкъ Bachus et piratae, и изящнымъ сочиненіемъ его на нѣмецкомъ языкѣ подъ названіемъ: Начертаніе нравственнаго воспитанія по образу Эпиктета» и т. д. [131]).

Избирая Германа профессоромъ древностей и классическихъ языковъ, Румовскій писалъ: «Долгомъ почитаю стараться о наполненіи университета достойными профессорами преимущественно такихъ наукъ, коимъ предварительно должны учиться всѣ, желающіе быть полезными себѣ и отечеству или, короче сказать, мужами, кои бы составили отдѣленіе словесныхъ наукъ. И для этого честь имѣю представить доктора Мартына Готфрида Германа въ званіе профессора древностей и языковъ греческаго и латинскаго. Изданныя имъ сочиненія: въ трехъ томахъ состоящія — о миѳологіи древнихъ народовъ, и въ двухъ — о празднованіяхъ особливо грековъ, доказываютъ его раченіе и обширное свѣдѣніе древностей и греческаго языка. Первому сочиненію, въ 1790 году изданному, геттингскія и іенскія ученыя вѣдомости отдаютъ похвалу, и готайскія въ 1790 г. № 82 отозвались объ немъ слѣдующимъ образомъ: Начальныя основанія миѳологіи М. Г. Германа есть сочиненіе весьма драгоцѣнное; въ изъясненіи притчей творецъ оказываетъ сколько учености, столько и остроумія; догадки его суть отважны, но онъ ихъ предлагаетъ только вѣроятными, а не выдаетъ ихъ за несумнѣнныя истины, и проч. Равнымъ образомъ судилъ о семъ сочиненіи и искуснѣйшій въ семъ родѣ ученія человѣкъ — геттинскій профессоръ Гейне, въ предисловіи, предъ сочиненіемъ его напечатанномъ, присовокупя въ оправданіе его, что изслѣдованія сего рода ни на чемъ иномъ, какъ на догадкахъ, основаны быть могутъ. О другомъ его сочиненіи, въ 1803 только году изданномъ и мало еще извѣстномъ, въ ученыхъ вѣдомостяхъ сужденія замѣтить еще не

случилось. Поелику сочиненія его писаны на нѣмецкомъ языкѣ, то для удостовѣренія его о знаніи латинскаго языка препоручилъ я ему сдѣлать краткое описаніе жизни Катона утикскаго — M. P. Catonis uticensis ingenium. Сіе небольшое сочиненіе, сколько я судить могу, чистымъ латинскимъ языкомъ написанное, честь имѣю представить», и т. д.[132]).

Въ другомъ письмѣ къ министру народнаго просвѣщенія Румовскій говоритъ по поводу лица, предлагаемаго на каѳедру политической экономіи, гражданскаго права и уголовнаго судопроизводства въ Россіи: «Неоднократно бесѣдовалъ я съ юрисконсультомъ Нейманомъ, находящимся при коммиссіи для составленія законовъ. Въ немъ нашелъ я все, что писалъ ко мнѣ Фуссъ о его способностяхъ и знаніяхъ, и особливо увѣряютъ объ опытъ сочиненія его, мнѣ доставленныя: 1) Plan pour l'enseignement de la science du droit russe concernant le cours des leçons et les autres travaux littéraires qu'on y doit suivre; 2) Plan pour l'enseignement de l'économie politique. Опыты сіи знаній Неймана показываютъ, что онъ имѣетъ обширное свѣдѣніе о писателяхъ, особливо политической экономіи, и планы сіи толь основательно, кажется мнѣ, начертаны, что искуснѣйшій правовѣдецъ и политикъ отдастъ имъ достойную похвалу. Онъ препроводилъ въ Россіи съ лишкомъ два года, и, служа при коммиссіи о составленіи законовъ, пріобрѣлъ не только достаточное свѣдѣніе о законахъ россійскихъ, но и способность писать и изъяснять себя на россійскомъ языкѣ»[133]).

На каѳедру русской исторіи Румовскій пригласилъ Яковкина, въ которомъ Шлецеръ признавалъ обширныя свѣдѣнія и замѣчательный тактъ, обнаруживающійся въ томъ, что въ своемъ учебникѣ по русской исторіи Яковкинъ обращалъ вниманіе не только на политическую судьбу государства, но и на внутреннюю жизнь народа[134]).

Выбирая Протасова профессоромъ патологіи, терапіи и клиники, Румовскій основывался на его трудахъ, заслужившихъ одобреніе медицинской коллегіи, каковы: исторія врачебнаго

искусства; о переломѣ челюстной кости; о пользѣ и злоупотребленіи ртути; о сохраненіи здоровья солдатъ; о причинахъ чесотки у евреевъ; de perfecta ulcerum venereorum curatione ope myrrha et gummi arabica, и др. [185]).

Румовскій, какъ и другіе попечители учебныхъ округовъ, жилъ въ Петербургѣ, участвуя въ занятіяхъ главнаго правленія училищъ, въ которомъ сосредоточивалась дѣятельность министерства народнаго просвѣщенія по устройству учебныхъ заведеній на всемъ пространствѣ имперіи. Спустя около полутора года послѣ своего назначенія казанскимъ попечителемъ Румовскій посѣтилъ Казань для открытія университета и перваго выбора студентовъ. При тогдашнихъ условіяхъ путешествія переѣздъ изъ Петербурга въ Казань былъ для семидесятилѣтняго старика своего рода подвигомъ. Румовскому пришлось быть въ дорогѣ около двухъ недѣль. Онъ такъ описываетъ свои дорожныя невзгоды: «Отправясь изъ С. Петербурга генваря 29 дня и продолжая путь днемъ и ночью, не могъ пріѣхать въ Казань прежде февраля 11 дня. Дважды отъ академіи отправляемъ я былъ въ путешествіе для наблюденія венеры въ солнцѣ: въ первый разъ въ 1761 году въ Селенгинскъ, а другой разъ въ 1769 году въ Колу. Въ первое путешествіе слѣдовалъ я точно тѣмъ путемъ, которымъ нынѣ слѣдовалъ, но по причинѣ избитой дороги и перемѣны мыслей народа испыталъ я нынѣ несравненно большія въ пути затрудненія, нежели въ 1761 году. Впродолженіе пути за малѣйшую кибиткѣ починку долженъ былъ платить неимовѣрную цѣну, а за одинъ только входъ въ крестьянскую избу во время перемѣны лошадей должно было хозяину за тепло дѣлать плату, чего въ прежнія мои путешествія и слышать мнѣ не случалось. Столь великая въ страннопріимствѣ народа послѣдовала перемѣна» [136]).

Живя вдали отъ университета и его округа, Румовскій тѣмъ не менѣе принималъ живое и зоркое участіе въ университетской жизни. Онъ уважалъ права совѣта, не стѣсняя свободы его дѣйствій, и только въ исключительныхъ случаяхъ отступалъ отъ на-

чала невмѣшательства, которое такъ согласно съ достоинствомъ ученой корпораціи и съ духомъ перваго устава русскихъ университетовъ — прекраснаго памятника александровскаго времени. Враждебныя столкновенія въ средѣ профессоровъ казанскаго университета, пререканія между ними, ссоры и взаимныя рѣзкія обвиненія и жалобы, доходившія до Румовскаго, заставляли его взяться за перо, и въ его словахъ слышится такая же иронія, какъ и въ отзывахъ его о нѣкоторыхъ членахъ академіи наукъ.

Три иностранные профессора настаивали на опредѣленіи своего кліента надзирателемъ надъ воспитанниками, и въ доказательство его правъ на это званіе ссылались на его формуляръ, въ которомъ, по ихъ словамъ, заключаются точныя и лестныя свѣдѣнія о службѣ и заслугахъ предлагаемаго кандидата. Въ отвѣтъ на это домогательство Румовскій пишетъ: «Разсматривая столбецъ, въ которомъ показывается, когда вступилъ въ службу и какими чинами происходилъ, между прочимъ нашелъ, что въ 1801 году перемѣщенъ онъ въ вѣдомство государственной экспедиціи конскихъ заводовъ, броницкаго конскаго завода въ смотрители. Я думаю, что весь совѣтъ согласится со мною, что должность надзирателя надъ воспитанниками отъ должности частнаго пристава и смотрителя конскаго завода разнствуетъ какъ небо отъ земли. Если бы не предостерегъ меня г. директоръ доставленіемъ аттестатовъ (другаго претендента), то, къ неизгладимому стыду моему, человѣкъ, оказавшій способность быть надзирателемъ конскаго завода, принятъ бы былъ къ надзиранію надъ воспитываемымъ юношествомъ. Сей страшный случай принуждаетъ меня просить директора, чтобы онъ и впредь по долгу своему доставлялъ мнѣ полезныя для меня и всего общества свѣдѣнія» и т. д.[187]).

Члены совѣта потребовали разсмотрѣнія одной жалобы, не подлежащей ихъ обсужденію; спорный вопросъ пересланъ былъ Румовскому и рѣшенъ имъ въ такомъ смыслѣ: «совѣтъ вопрошаетъ меня, какимъ образомъ въ подобныхъ случаяхъ поступать

онъ долженъ: на сіе предлагаю, чтобы совѣтъ пра̀ва, которое ему не дано, самовольно себѣ не присвоялъ, и не занимался бы дѣлами, до него не принадлежащими».

Совѣтъ вступалъ въ свои права постепенно, по мѣрѣ образованія университета. Въ первый годъ своего существованія совѣтъ не пользовался еще своими правами во всемъ ихъ объемѣ, и по этому поводу одинъ изъ адъюнктовъ заявилъ, что кругъ дѣятельности совѣта черезчуръ ограниченъ. Румовскій поручилъ сообщить адъюнкту, что если онъ находитъ кругъ совѣта для себя ограниченнымъ и тѣснымъ, то въ его волѣ состоитъ искать себѣ другаго, обширнѣйшаго [138]).

Претендентъ на каѳедру всеобщей исторіи въ письмѣ къ Румовскому говоритъ о себѣ между прочимъ слѣдующее: comme j'ai mis l'étude de ma vie à vivre en bonne harmonie avec tout le monde et à eviter soigneusement tout ce qui pourrait blesser ou offenser les autres, j'espère qu'avec des sentiments si paisibles je ne manquerai pas de gagner la confience et l'amitié de messieurs mes collègues futurs. Румовскій замѣчаетъ по этому поводу: «Въ короткое время попечительства моего я испыталъ, колико нужно таковое качество для спокойствія всего ученаго сословія и, смѣю сказать, для моего» [139]).

Румовскій былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ главнаго правленія училищъ, участвуя въ разработкѣ всѣхъ существенныхъ вопросовъ, обсуждавшихся въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. На Румовскаго и двухъ другихъ академиковъ и сочленовъ его по главному правленію училищъ, Озерецковскаго и Фусса, возложено было разсмотрѣніе учебныхъ книгъ и руководствъ для среднихъ, низшихъ и народныхъ училищъ. Румовскій и его сотрудники держались того мнѣнія, что слѣдуетъ сохранить все, что есть хорошаго въ русской учебной литературѣ, и замѣнять старое лишь въ такомъ случаѣ, когда новое будетъ не только новымъ, но и лучшимъ. Они полагали, что надо удержать въ употребленіи книги, изданныя бывшею коммиссіею о народныхъ училищахъ, а если между ними не окажется соотвѣт-

ствующихъ намѣренію главнаго правленія училищъ, то составить новыя или же перевести съ иностранныхъ языковъ [140]).

Та же строгая обдуманность и послѣдовательность, нетерпящая насилія и скачковъ, то же стремленіе постепенно улучшать существующее, не уничтожая его ради одной погони за новизной, обнаруживается во всѣхъ дѣйствіяхъ Румовскаго по управленію ввѣреннымъ ему учебнымъ округомъ. Румовскій предлагалъ открывать училища постепенно, сперва въ тѣхъ мѣстахъ, которыя многолюднѣе, каковы: Казань, Астрахань, Тобольскъ, Симбирскъ, Нижній Новгородъ, Тамбовъ и Пенза; гимназіи открывать одна за другою по мѣрѣ того, какъ университетъ будетъ приготовлять учителей. Поэтому онъ считалъ необходимымъ продолжить существованіе казанской гимназіи, и въ ней содержать сорокъ воспитанниковъ на казенномъ иждивеніи, которые бы, по окончаніи университетскаго курса, заняли мѣста учителей гимназіи; на своекоштныхъ же воспитанниковъ гимназіи разсчитывать нельзя, ибо — говоритъ онъ — «рѣдко кто, развѣ по особливой къ наукамъ склонности, окончивъ гимназическое ученіе, въ университетъ вступить пожелаетъ». Самыя цыфры, приводимыя Румовскимъ, довольно краснорѣчивы. По его исчисленію, для училищъ казанскаго округа требуется болѣе 290 учителей языковъ и наукъ и 159 учителей рисованья, не считая настоящихъ 94 учителей и выключая томскую губернію [141]).

Со времени назначенія своего членомъ главнаго правленія училищъ и до смерти своей Румовскій усердно посѣщалъ засѣданія правленія, и весьма часто бывалъ въ нихъ только втроемъ— съ сочленами своими Озерецковскимъ и Фуссомъ. Въ первый разъ Румовскій былъ въ главномъ правленіи училищъ 27 іюня 1803 года, а послѣдній разъ — 27 же іюня 1812 года. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, 7 іюля 1812 года, старшій письмоводитель канцеляріи попечителя казанскаго учебнаго округа донесъ исправляющему должность министра народнаго просвѣщенія, князю Александру Николаевичу Голицыну, что попечитель С. Я. Румовскій «по кратковременному припадку отъ паралича въ почи

въ 12-мъ часу на 7-е число сего іюля волею Божіею скончался»[142]).

VII.

Въ ряду общественныхъ дѣятелей, служившихъ дѣлу народнаго образованія, какъ и въ ряду добросовѣстныхъ и даровитыхъ тружениковъ науки, Румовскій занимаетъ почетное мѣсто. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ трудился для русскаго языка и для русской словесности, доказательствомъ чего служитъ значительное количество произведеній оригинальныхъ и переводныхъ. Оригинальныя его произведенія состоятъ изъ рѣчей, которыя онъ произносилъ въ академическихъ собраніяхъ, и изъ научно-литературныхъ статей, помѣщавшихся въ лучшихъ повременныхъ изданіяхъ, какъ напримѣръ въ новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ и другихъ. И рѣчи и статьи его показываютъ въ авторѣ человѣка, стоящаго на высотѣ тогдашней науки и владѣющаго умѣньемъ говорить съ читателями общедоступнымъ языкомъ, давая вѣрное и ясное понятіе о научныхъ истинахъ, открытіяхъ и стремленіяхъ.

Въ рѣчи о началѣ и приращеніи оптики авторъ излагаетъ судьбу этой науки отъ первыхъ ея зародышей до настоящаго времени, говоритъ болѣе или менѣе подробно объ Эвклидѣ, Архимедѣ, Кеплерѣ, Ньютонѣ и многихъ другихъ ученыхъ, содѣйствовавшихъ развитію науки и усовершенствованію орудій, необходимыхъ для наблюдателя. При обозрѣніи періода относительно новаго требовалось изслѣдованіе данныхъ въ отношеніи ихъ внутренней состоятельности, а не фактической достовѣрности; въ извѣстіяхъ же о временахъ древнихъ приходилось имѣть дѣло съ вещами болѣе или менѣе сомнительными. Къ числу такихъ загадочныхъ событій принадлежитъ и сожженіе римскаго флота зеркалами Архимеда «быстротою и проницаніемъ разума подобнаго Невтону»,— выражаясь словами Румовскаго, напоминающими эпитетъ, употребленный Ломоносовымъ: «и быстрыхъ разумовъ Невтоновъ». Извѣстіе о подвигѣ Архимеда кажется

Румовскому сомнительнымъ уже потому, что оно встрѣчается у позднѣйшихъ, византійскихъ писателей, между тѣмъ какъ древніе, Титъ Ливій и особенно Полибій, искусный инженеръ и математикъ, пространно описывая осаду Сиракузъ и подвиги Архимеда на защиту отечества, ничего не говорятъ о сожженіи римскаго флота. Но такъ какъ у византійцевъ сохранилось описаніе не только происшествія, но и самого зеркала, то одинъ изъ ученыхъ семнадцатаго столѣтія отправился въ Сиракузы, устроилъ такое же точно зеркало, и производилъ посредствомъ него опыты, оказавшіеся впрочемъ безполезными. Только Бюффону удалось наконецъ составить сложное зеркало, изъ четырехъ сотъ плоскихъ зеркалъ, которое отражало солнечный лучъ съ такою силою, что на значительномъ разстояніи растоплялись свинецъ и олово, а дерево обращалось въ пепелъ. Въ рѣчи своей Румовскій касается самыхъ живыхъ вопросовъ тогдашней науки и между прочимъ вопроса о происхожденіи свѣта. Ровно за семь лѣтъ до Румовскаго въ торжественномъ собраніи академіи Ломоносовъ говорилъ рѣчь о происхожденіи свѣта, заключающую въ себѣ новую теорію о цвѣтахъ. Объ этомъ произведеніи современные намъ ученые отзываются такимъ образомъ: «объяснивъ двѣ извѣстныя уже тогда теоріи — истеченія, которой держался Ньютонъ, и волненія, которую развилъ Гюйгенсъ, Ломоносовъ становится на сторонѣ послѣдней, несмотря на то, что большая часть современныхъ ему ученыхъ отвергали эту теорію, и держались теоріи особенной свѣтовой матеріи. Съ необыкновеннымъ остроуміемъ и основательностію опровергаетъ онъ мнѣніе знаменитаго Ньютона, и доказываетъ необходимость держаться теоріи волненія, принятой въ настоящее время почти всѣми физиками» [143]). Но доводы Ломоносова не представлялись вполнѣ убѣдительными для Румовскаго, какъ видно изъ слѣдующаго мѣста его рѣчи: «Одни говорятъ, что свѣтъ солнечный простирается отъ солнца на подобіе колокольнаго звука, а другіе утверждаютъ, что изъ солнца, такъ какъ изъ пахучихъ тѣлъ, частицы истекаютъ. Первое мнѣніе начало получило отъ Картезія, и съ нѣкоторою отмѣ-

ною новѣйшими философами, особливо г. Эйлеромъ, на высочайшемъ степени вѣроятности поставлено. Втораго Невтонъ былъ начальникъ, и ежели не большее, то по крайней мѣрѣ равное число ученыхъ ему послѣдуютъ. Много есть явленій, которыя помощію перваго только изъяснены быть могутъ, и много такихъ, къ истолкованію которыхъ послѣднее путь показываетъ, такъ что трудно или совсѣмъ невозможно еще рѣшить, которое изъ нихъ за истинное признавать должно» [144]). Слова эти, повидимому вовсе безобидныя, показались Ломоносову вызовомъ со стороны Румовскаго: Ломоносовъ находилъ, что они приплетены некстати, безъ всякой связи съ предъидущимъ, и видѣлъ въ нихъ злобный умыселъ. Но совершенно такимъ же образомъ связаны между собою и другія мѣста въ рѣчи Румовскаго. Авторъ желалъ въ бѣгломъ очеркѣ дать понятіе о различныхъ предметахъ, входящихъ въ кругъ оптики: о зрительныхъ трубахъ, о зажигательныхъ стеклахъ, о происхожденіи цвѣтовъ, о радугѣ, и т. п.; переходы отъ одного предмета къ другому въ такомъ родѣ: «до оптики принадлежатъ зажигательныя стекла и зеркала, и для того о изобрѣтеніи оныхъ здѣсь не меньше упомянуть должно» и т. п. Если Ломоносовъ принялъ къ сердцу заключительныя слова Румовскаго, то единственно вслѣдствіе увѣренности въ томъ, что намекъ, для того времени весьма прозрачный, выходилъ изъ враждебнаго лагеря. Это очевидно изъ слѣдующаго мѣста въ любопытной запискѣ о поведеніи академической канцеляріи: «Румовскій обѣщаніями и ласканіями Таубертовыми склонился къ тому, чтобы помогать оному противъ Ломоносова и другихъ своихъ одноземцовъ... Что жъ Румовскій наущенъ на Ломоносова, то явствуетъ заключеніе его оптическихъ извѣстій, читанное въ публичномъ собраніи, гдѣ не кстати прилѣплена теорія о свѣтѣ; но Румовскаго въ сей матеріи одобреніе не важно и охуленіе не опасно, какъ отъ человѣка въ физикѣ незнающаго» [145]).

Въ статьѣ о предсказаніи погодъ авторъ перебираетъ различныя примѣты, существующія у народа и въ обществѣ, какъ

напримѣръ: ясность неба при захожденіи солнца, пѣніе пѣтуховъ, ломъ въ костяхъ, и т. п., и говоритъ о способахъ и теоріяхъ, придуманныхъ наукою, объ устройствѣ барометра и объ открытіи постояннаго круга погодъ, дающемъ поводъ ко многимъ и основательнымъ возраженіямъ. Для того, чтобы достигнуть истины или по крайней мѣрѣ сколько возможно болѣе приблизиться къ ней въ рѣшеніи этого любопытнаго и важнаго вопроса въ области метеорологіи, необходимы, по мнѣнію Румовскаго, два существенныя условія. Вопервыхъ — во многихъ мѣстахъ и втеченіе весьма долгаго времени записывать воздушныя перемѣны, потому что состояніе атмосферы каждаго мѣста зависитъ отъ состоянія воздуха въ окрестностяхъ. Вовторыхъ — чтобы орудія, посредствомъ которыхъ наблюдаются перемѣны, происходящія въ воздухѣ, были сколько возможно совершенны и одинаковы, ибо по многимъ примѣрамъ извѣстно, что небольшія невѣрности въ наблюденіи приводятъ къ ложнымъ заключеніямъ, и т. д. [146]).

Длинный рядъ наблюденій, произведенныхъ шведскими учеными, показалъ, что воды, омывающія берега Швеціи, ежегодно уменьшаются. По этому поводу Румовскій ставитъ такой вопросъ: совершается ли подобная убыль воды на всемъ земномъ шарѣ или же замѣченное явленіе есть только отливъ, и вода беретъ свое въ другихъ мѣстахъ. По мнѣнію Румовскаго, только одно лицо въ Европѣ можетъ рѣшить этотъ важный вопросъ съ очевидною, фактическою доказательностью: лицо это—русская императрица, имѣющая въ рукахъ своихъ всѣ средства для того, чтобы, по волѣ ея, произведены были наблюденія во всѣхъ прибрежьяхъ обширнаго русскаго государства. Въ статьѣ своей, посвященной вопросу о томъ, сохраняется ли на земномъ шарѣ одно и тоже количество воды или же она постоянно убываетъ, Румовскій ссылается на наблюденія натуралистовъ, а также и на свидѣтельства историческихъ памятниковъ и на соображенія филологическія, указывая на то, что мѣста, далеко отстоящія теперь отъ озера или моря, называются однакоже Гольмъ, Викъ,

Зундъ, Насъ, Форсъ, Стромъ и пр., что значитъ: *островъ, заливъ, проливъ, полуостровъ, рѣка, озеро, болото* [147]).

Подъ нѣкоторыми статьями Румовскаго поставлены С. Р.— первыя буквы его имени и фамиліи; но другія статьи его напечатаны безъ подписи, и потому нельзя сказать положительно, изъ многихъ неподписанныхъ статей, помѣщенныхъ въ журналахъ, въ которыхъ участвовалъ Румовскій, какія принадлежатъ именно ему, а не кому-либо другому изъ академиковъ, занимавшихся науками естественными и математическими. Весьма возможно, что статья о системѣ міра, помѣщенная въ Собесѣдникѣ, принадлежитъ Румовскому или по крайней мѣрѣ составлена при его близкомъ участіи, на основаніи сообщенныхъ имъ свѣдѣній [148]). На такую мысль наводитъ какъ содержаніе статьи, посвященной преимущественно изложенію и доказательству истины коперниковой системы, такъ и то обстоятельство, что Румовскій въ письмахъ къ Миллеру говоритъ о своемъ сочиненіи о системѣ міра, предпринятомъ по вызову Соймонова. Румовскій пишетъ, что у него вполнѣ готовы четыре главы: въ первой дается общее понятіе о системѣ міра; во второй доказывается истина коперниковой системы; въ третьей сообщаются подробности о разстояніи и фигурѣ земли; въ четвертой объясняются основные законы движенія тѣлъ, чтобы ознакомить читателей съ системою Ньютона [149]).

Во всѣхъ своихъ статьяхъ Румовскій обнаруживаетъ самое полное безпристрастіе; излагая мнѣнія ученыхъ о различныхъ научныхъ вопросахъ, онъ отдаетъ каждому свое и одинаково чуждъ и восторженныхъ похвалъ и рѣзкихъ порицаній. Съ откровенностію, достойною истиннаго ученаго, онъ сознаетъ невѣрность и своихъ собственныхъ выводовъ, если находитъ болѣе убѣдительными доказательства, приводимыя другими изслѣдователями. Не отваживаясь создавать новыя теоріи, Румовскій не беретъ на себя и окончательнаго рѣшенія того или другаго вопроса и ограничивается замѣчаніемъ, что въ каждомъ изъ разнообразныхъ мнѣній есть своя доля истины, а для раскрытія

истины во всей ея полнотѣ требуется настойчивая пытливость и неутомимые труды многихъ и многихъ поколѣній. Мысль о несовершенствѣ знаній, доступныхъ современному человѣку, развившаяся, быть можетъ, отчасти вслѣдствіе крайней неудовлетворительности тогдашнихъ средствъ для производства наблюденій, проникаетъ всѣ сочиненія Румовскаго. Съ грустью говоритъ онъ, что результаты виднѣются гдѣ-то тамъ, въ недосягаемой дали, и что человѣчеству суждено тяжелымъ и долгимъ опытомъ добывать истину по самымъ крохотнымъ долямъ. Но это грустное чувство умѣряется мыслію, что долгій путь не долженъ смущать тружениковъ науки: дѣятельность ихъ, рано или поздно, принесетъ обильные плоды, и никакая сила не остановитъ движенія самой науки къ большему и большему совершенству. Вотъ собственныя слова его: «Трудно натура съ тайностями своими разлучается. Самые великіе люди, бывшіе ея любимцы, для коихъ она ничего сокровеннаго не имѣла, наконецъ принуждены были, остановясь, молчать со удивленіемъ.... Надобны цѣлые вѣки или множество опыхъ, чтобы удостовѣриться о дѣйствіяхъ природы и познать законы, по которымъ она дѣйствія свои ускоряетъ или продолжаетъ. Весь родъ человѣческій надобно себѣ представлять какъ одного человѣка, который въ разныя времена покушался проникнуть въ ея тайны, но въ короткое время утомившись медленностію своихъ опытовъ, и желая поспѣшить въ познаніи природы, прибѣгъ къ догадкамъ; отъ скорости дѣлаемыя ошибки понудили его возвратиться на старыя стези, паки вопрошать природу, описать оную въ такомъ видѣ, въ какомъ ему представлялась, и въ какомъ теперь представляется. Сицевымъ образомъ человѣкъ пріуготовляетъ и располагаетъ припасы, чтобы наблюдатели въ будущіе вѣки могли воздвигнуть зданіе, которому бы опыты и наблюденія какъ въ прошедшія, такъ и въ настоящія времена учиненныя, служили основаніемъ.... Положимъ, что по прошествіи нѣкоторыхъ вѣковъ покушенія наши останутся тщетны. При настоящемъ вещей положеніи не видно еще слѣдовъ къ сему откровенію, потому что мало еще

дѣлано наблюденій, а тѣмъ меньше сравненій ихъ между собою; но польза, которую откровеніе сіе потомству принесть можетъ, сугубое въ ученыхъ возбуждаетъ нынѣ раченіе. Людей, о совершенствѣ наукъ старающихся, участь такова, что трудами ихъ больше пользуются потомки, нежели современники: и сія есть истинная причина, для которой труды ученыхъ современниками бываютъ не уважаемы, а иногда презираемы.... Что нынѣшнему вѣку отказано, то можетъ быть предоставлено нашимъ потомкамъ. Науки безспорно, какъ до нашихъ временъ, такъ и въ последующія, всегда на большую степень совершенства восходить будутъ»[150]).

Знаніе иностранныхъ языковъ послужило Румовскому богатымъ пособіемъ для усвоенія русской литературѣ произведеній, которыми по справедливости гордятся литературы западно-европейскія. Онъ переводилъ и отдѣльныя статьи и цѣлыя, и притомъ обширныя, сочиненія съ языковъ: латинскаго, французскаго и нѣмецкаго.

Румовскій перевелъ на русскій языкъ знаменитое произведеніе римской исторической литературы — анналы Тацита. Къ труду своему Румовскій приступилъ по вызову россійской академіи, которая и разсматривала переводъ въ своихъ ученыхъ собраніяхъ, и издала его съ цѣлью принести посильную пользу русскому образованному обществу и любителямъ отечественной словесности. Въ апрѣлѣ 1802 года Румовскій изъявилъ согласіе заняться переводомъ Тацита; въ октябрѣ 1804 академія получила начало перевода въ рукописи, а въ 1806 году эта часть труда появилась въ печати. Втеченіе этого времени рукописи пришлось пройти черезъ многія руки; отзывы нѣкоторыхъ рецензентовъ казались Румовскому въ высшей степени оскорбительными. Онъ съ большимъ упорствомъ отстаивалъ свой способъ перевода, не соглашался почти ни на какія уступки и даже выражалъ твердую рѣшимость скорѣе вовсе отказаться отъ предпріятія, нежели подвергать его суду тѣхъ, за которыми онъ не признавалъ права быть судьями въ подобномъ дѣлѣ. А судей

было довольно много: и отдѣльныя лица, и особый комитетъ, и общее собраніе членовъ россійской академіи. Когда представленъ былъ въ академію рукописный переводъ первыхъ трехъ книгъ анналовъ, то положено было передать его предварительно на разсмотрѣніе членамъ россійской академіи: Иринею, архіепископу псковскому, и Меѳодію, архіепископу тверскому. Преосвященный Ириней словесно заявилъ собранію, что онъ прочиталъ двѣ книги, и находитъ, что переводъ исправенъ и весьма сходенъ съ латинскимъ подлинникомъ. Къ другому заключенію пришелъ преосвященный Меѳодій, слывшій отличнымъ знатокомъ древнихъ языковъ: онъ полагалъ, что во многихъ случаяхъ Румовскій держался болѣе французскаго перевода, нежели латинскаго подлинника. Съ этимъ мнѣніемъ согласились и другіе члены россійской академіи. Оно же выражается и въ словахъ митрополита Евгенія, что Румовскій перевелъ лѣтописи Тацита съ латинскаго, а болѣе парафрастически съ французскаго [151]). Къ труду Румовскаго академія отнеслась съ особеннымъ вниманіемъ; но это самое обстоятельство и сдѣлало невозможнымъ разсматриваніе перевода въ общихъ собраніяхъ россійской академіи. Въ два собранія успѣли прочитать только двѣ главы, слѣдовательно на прочтеніе представленныхъ трехъ книгъ, заключающихъ въ себѣ 235 главъ, пришлось бы употребить по крайней мѣрѣ четыре года, втеченіе которыхъ академія должна была бы отказаться отъ всѣхъ другихъ занятій. Поэтому рѣшено было разсматривать переводъ въ комитетѣ, который состоялъ изъ пяти членовъ: президента россійской академіи, Андрея Андреевича Нартова, Александра Сергѣевича Никольскаго, Петра Матвѣевича Карабанова, Ивана Аѳанасьевича Дмитревскаго и секретаря россійской академіи Петра Ивановича Соколова. Комитетъ велъ дѣло гораздо скорѣе, прочитывая въ каждое засѣданіе перевода на цѣлый листъ, а нерѣдко и на два печатныхъ листа. Еще до внесенія своего перевода въ академію Румовскій представилъ его министру народнаго просвѣщенія, графу Завадовскому, бывшему питомцу кіевской академіи, въ которой господствовалъ латинскій

языкъ. Завадовскій былъ большимъ любителемъ римской литературы, часто приводилъ цитаты изъ латинскихъ писателей, и даже въ его собственномъ, русскомъ, слогѣ замѣтно вліяніе латинскаго склада рѣчи[152]). Замѣчанія Завадовскаго приняты переводчикомъ съ гораздо большею уступчивостью, нежели замѣчанія членовъ россійской академіи. Исторія перевода представляетъ нѣсколько любопытныхъ чертъ для характеристики, какъ самого Румовскаго, такъ и литературныхъ понятій его времени. Изложимъ весь ходъ дѣла на основаніи рукописныхъ данныхъ, сохранившихся въ различныхъ архивахъ.

Въ засѣданіи россійской академіи 5 апрѣля 1802 года прочитано было предложеніе президента академіи Нартова слѣдующаго содержанія: «Россійская академія обязана пещися о доставленіи любителямъ россійской словесности избраннѣйшихъ и подражанія достойныхъ образцовъ и примѣровъ. Къ таковому, полезнѣйшему для общества и для россійской словесности, намѣренію академія достигнуть можетъ, издавая ежемѣсячныя, прозаическія и стихотворческія свои сочиненія, и прелагая на языкъ отечественный творенія знаменитыхъ классическихъ писателей, каковы суть: Тацитъ, Плутархъ, Ѳукидидъ, Титъ Ливій, Демосѳенъ, Цицеронъ, Виргилій, Овидій, Ювеналъ, Горацій, и проч.»

По прочтеніи этого предложенія, президентъ «просилъ члена академіи Степана Яковлевича Румовскаго, яко мужа, явившаго многіе опыты отличнаго своего знанія въ языкѣ латинскомъ и россійскомъ, принять на себя трудъ перевести на языкъ отечественный исторію Тацита. С. Я. Румовскій, поблагодаривъ за таковую г. президента къ нему довѣренность, объявилъ, что онъ преложеніе на языкъ россійскій столь знаменитаго бытописателя, каковъ Тацитъ, пріемлетъ на себя съ удовольствіемъ, и по окончаніи буквы О новосочиняемаго словаря не преминетъ приступить къ сему новому подвигу»[153]).

Въ сентябрѣ 1804 года Румовскій писалъ министру Завадовскому: «Представляя краткое описаніе жизни Тацита, имѣю

честь донести, что мѣста, которыя ваше сіятельство въ переводѣ замѣтить изволили, мною поправлены:

1. Вмѣсто: Ни Цинна, ни Сулла не долго властвовали — Ни Цинны, ни Суллы власть была недолговременна.

2. Temporibus Augusti dicendis non defuere decora ingenia donec gliscente adulatione deterrerentur. И иные читаютъ deterererentur. Полагая, что должно читать deterrerentur, переводъ будетъ: И въ Августовы времена не было недостатка въ изящныхъ дѣеписателяхъ, доколѣ усиливающееся ласкательство умовъ ихъ не *отвратило*. А ежели читать deterererentur, — умовъ ихъ не притупило. Даламберту и многимъ другимъ кажется, что должно читать deterrerentur.

3. Interfecto Antonio — вмѣсто «по убіеніи Антонія» можно сказать: «по самоубійствѣ Антоніевомъ» или «по самовольной смерти Антонія».

Что касается до слова *покамѣстъ*, во время печатанія постараюсь вездѣ поставить *доколѣ*».

Письмо Румовскаго писано 29 сентября, а 3 октября 1804 года полученъ слѣдующій отвѣтъ министра: «Съ особеннымъ удовольствіемъ читалъ я мѣста изъ Тацита такъ, какъ вы хотите поправить оныя въ вашемъ переводѣ, равно и краткое описаніе жизни Тацита, при семъ возвращаемое. Относительно замѣчанія вашего о словѣ deterererentur скажу мое мнѣніе. Если я постигаю мысль Тацита, то онъ хотѣлъ сказать deterererentur съ однимъ r. Мы имѣемъ у себя для выраженія сего глагола слово, употребляемое въ церковныхъ книгахъ: *сотренны быша;* въ семъ же знаменованіи и въ просторѣчіи говорится: *его затерли.* И мнѣ кажется, смыслъ метафоры Тацитовой donec gliscente adulatione deterererentur можно удержать россійскимъ: *ползущею лестію не были сотрены.* Не говорю утвердительно, поелику оба языка вы лучше меня знаете. Какъ трудъ вашъ для россійской словесности драгоцѣненъ, то я не только совѣтую, но и прошу представить его въ россійскую академію для напечатанія» [154]).

При чтеніи перевода въ общихъ собраніяхъ академіи дѣлаемы были такого рода замѣчанія:

По поводу слова *диктатура*, которое переведено Румовскимъ *власть диктаторская*, общимъ согласіемъ присутствовавшихъ членовъ положено: То иностранное слово, означающее чинъ, достоинство или обрядъ у древнихъ римлянъ, которое однимъ равносильнымъ русскимъ словомъ еще не переведено или и совсѣмъ переведено быть не можетъ, — оставлять безъ перевода, сдѣлавъ въ концѣ страницы объясненіе, что оно означаетъ. Напротивъ того, ежели иностранное слово можно перевести однимъ равносильнымъ ему русскимъ, то ставить въ переводѣ русское названіе съ присовокупленіемъ иностраннаго, напримѣръ: *десятоначальникъ* (децемвиръ); *гадатель* (авгуръ), и проч.

Сличая переводъ Румовскаго съ латинскимъ подлинникомъ и желая сколько возможно болѣе приблизиться къ подлиннику, наблюдая однакоже всю силу и красоту языка россійскаго, общее собраніе членовъ академіи признало нужнымъ измѣнить нѣкоторыя выраженія, а именно:

Neque tribunorum militum consulare jus diu valuit.

Переведено:	**Поправлено:**
И трибуны военные не долго пользовались правомъ консульскимъ.	И консульское право военныхъ трибуновъ не долго пребывало въ силѣ.

Qui (Augustus) cuncta discordiis civilibus fessa nomine principis sub imperium accepit.

Переведено:	**Поправлено:**
Который (т. е. Августъ), утомленный отъ междоусобій республики, подъ именемъ верховнаго начальника правленіе на себя принялъ.	Который подъ именемъ единоначальника принялъ на себя правленіе всей, отъ междоусобій утомленной, республики.

Temporibus Augusti dicendis non defuere decora ingenia, donec gliscente adulatione deterrerentur.

Переведено:	**Поправлено:**
И въ Августовы времена не было недостатка въ превосходныхъ дѣеписателяхъ, доколѣ усиливающимся ласкательствомъ умы ихъ не были сотрены.	Къ повѣствованію о временахъ Августовыхъ не недоставало изящныхъ умовъ, доколѣ они вкравшимся ласкательствомъ не были устрашены.

Присутствовавшій въ собраніи архіепископъ Меѳодій заявилъ, что онъ, сличая переводъ Румовскаго съ латинскимъ подлинникомъ и съ французскимъ переводомъ, находилъ многія мѣста, которыя даютъ поводъ заключать, что трудившійся въ преложеніи Тацитовой лѣтописи на россійскій языкъ во многихъ случаяхъ держался болѣе французскаго перевода, нежели подлинника. Собраніе академиковъ согласилось съ мнѣніемъ своего сочлена тѣмъ болѣе, что и само, прочтя первую главу, замѣтило тоже самое [155]).

Ударъ былъ слишкомъ чувствителенъ, и оскорбленное чувство всѣми уважаемаго писателя излилось въ обширномъ и грозномъ посланіи въ россійскую академію.

«Секретарь россійской академіи — пишетъ Румовскій — объявилъ мнѣ, что академія препоручила ему отписать ко мнѣ о доставленіи въ академію продолженія перевода моего Тацитовой лѣтописи. На сіе имѣю честь донести, что доколѣ академія не удостоитъ меня увѣдомленія, какое она намѣрена изъ перевода моего сдѣлать употребленіе, дотолѣ доставить ей онаго рѣшиться не могу, и въ оправданіе мое долгомъ почитаю объявить тому причины.

Когда я три книги перевода моего, одобреннаго его сіятельствомъ министромъ народнаго просвѣщенія, по волѣ его представилъ академіи для напечатанія, то академія изъ сословія своего

избрала двухъ членовъ, коихъ почитала искуснѣйшими въ латинскомъ языкѣ, къ освидѣтельствованію онаго: его преосвященство Иринея, архіепископа псковскаго, и его преосвященство Меѳодія, архіепископа тверскаго. Преосвященный Ириней, какъ явствуетъ изъ дневныхъ записокъ академіи, отозвался о переводѣ моемъ съ похвалою, а преосвященный Меѳодій, не упомню котораго числа, возвратилъ мнѣ переводъ съ тѣмъ, чтобъ я, по замѣчаніямъ его поправя и вторично слича весь мой переводъ съ подлинникомъ, поправленный уже представилъ ему для дальнѣйшаго разсмотрѣнія, т. е. переводъ мой казался его преосвященству столь неудаченъ, что недостоинъ былъ его разсмотрѣнія въ томъ видѣ, въ какомъ представленъ мною академіи, и для того двѣ только онаго страницы исправить изволилъ.

Получа отъ преосвященнаго Меѳодія переводъ, къ удивленію моему увидѣлъ я, что онъ принялъ на себя образъ учителя, а мнѣ оставилъ лице ученика, и, такъ какъ водится въ семинаріяхъ, въ самой моей рукописи заблагоразсудилъ переводъ мой марать и поправлять своею рукою, позабывъ, что члены академіи не суть его ученики, и что я, когда онъ еще былъ ученикомъ, удостоенъ былъ званія члена императорской академіи наукъ.

Не взирая на сіе, и вѣдая, что излишнее упованіе на самого себя всегда бываетъ вредно, и никому полагаться на себя не прилично, спѣшилъ я воспользоваться наставленіемъ его преосвященства, со тщаніемъ разсматривалъ всѣ его поправки и примѣчанія, и не нашедъ въ нихъ почти ничего основательнаго, вмѣсто того, чтобъ обнаружить предъ академіею недостаточное его знаніе латинскаго языка, сообщилъ я ему на поправки его объясненія съ приличнымъ сану его уваженіемъ. Но его преосвященство почелъ меня недостойнымъ своего отвѣта. Я не знаю, извѣстна ли академія о поправкахъ, его преосвященствомъ учиненныхъ, и о моихъ на поправки его объясненіяхъ, и потому долгомъ поставляю упомянуть здѣсь о нѣкоторыхъ, особливо до латинскаго языка касающихся, дабы академія усмотрѣть могла, основателенъ ли былъ судъ его преосвященства о моемъ пере-

водѣ, и послѣ сего возможно ли кому отдать переводъ свой на второй подобный?

I.

Tiberii Caiique et Claudii Neronis res florentibus ipsis.

Я florentibus ipsis перевелъ *при жизни ихъ*, а преосвященный — *при царствованіи ихъ*.

1) Сумнѣваюсь я, чтобы про императора можно было сказать *при царствованіи*.

2) Кажется мнѣ, что никто порусски не скажетъ *при царствованіи Алексѣя Михайловича*, а говоримъ *въ царство* или *царствованіе Алексѣя Михайловича*, но когда рѣчь идетъ о самомъ царѣ, тогда только пишемъ и говоримъ *при царѣ Иванѣ Васильевичѣ*.

II.

Книги первой вторая глава у Тацита начинается слѣдующимъ образомъ:

Postquam Bruto et Cassio caesis, nulla jam publica arma, Pompeius apud Siciliam oppressus, exutoque Lepido, interfecto Antonio, ne Julianis quidem partibus, nisi Caesar dux reliquus.

Я перевелъ:

Когда по кончинѣ Брута и Кассія не было уже войска, которымъ бы республика располагать могла.

Преосвященный поправилъ:

Когда по умерщвленіи Брута и Кассія не было уже междоусобной брани.

Здѣсь должно примѣтить,

1) Что Брутъ и Кассій сами себя убили, и для того я написалъ *по кончинѣ*, а ежели сказать *по умерщвленіи*, то противно будетъ исторической истинѣ, и читая *по умерщвленіи*, всякъ будетъ разумѣть, что ихъ умертвилъ кто-нибудь другой.

2) Подъ словами nulla jam publica arma никто, знающій исторію, не будетъ разумѣть *не было междоусобной брани,* потому что по смерти Брута и Кассія были еще междоусобныя брани, какъ изъ самыхъ Тацитовыхъ словъ видно, что у Августа съ Помпеемъ, съ Лепидомъ и Антоніемъ оныя были. Войска, коими предводительствовали Брутъ и Кассій, принадлежали республикѣ, а Августовы — Августу. Слѣдовательно, когда Августъ одержалъ надъ ними побѣду, то республика лишилась войскъ, какими она располагала. Вѣрно преосвященный не зналъ и того, что publicus собственно значитъ communis т. е. общій.

III.

Тацитъ между прочимъ написалъ объ Августѣ:

Legata non ultra civilem modum, nisi quod populo et plebi CCCCXXXV, praetoriarum cohortium singula nummum millia.... dedit.

Я перевелъ CCCCXXXV nummum millia 43.500.000 сестерцій, а преосвященный Меѳодій многократно утверждалъ, что надобно поставить 435.000, какъ своею рукою отмѣтилъ въ моемъ переводѣ, и обвинялъ меня, будто 43.500.000 сестерцій заимствовалъ я съ французскаго перевода.

Совершенно преосвященный не зналъ, что nummus и sestertius была одна и таже монета, и что mille sestertium значитъ сто тысячъ сестерцій. Когда говорится decem, centum sestertii, то разумѣть должно десять, сто сестерцій. Но когда пишется во множественномъ числѣ сокращенно decem, centum sestertium или nummum, то число сестерцій должно умножить на сто. Основываясь на семъ, безъ французскаго перевода, не могъ я инако перевесть, какъ 43.500.000 сестерцій; но преосвященный, не зная различія между sestertius и sestertium, утверждалъ, что французскій переводъ поводомъ былъ сей, учиненной мною, по мнѣнію его, погрѣшности.

Чтобы больше увѣрить о неосновательномъ сужденіи преосвященнаго, не безполезно будетъ здѣсь на память привесть, что за

нѣсколько времени до Августова единоначалія сдѣлана была перепись въ Римѣ живущаго народа, и число жителей нашлось 450 тысячъ. По скольку же сестерцій достанется на человѣка, ежели, по мнѣнію преосвященнаго, Августъ оставилъ 435 тысячъ?

IV.

Post finem Phrahatis ob internas caedes venere in urbem legati a primoribus Parthis, qui Vononem vetustissimum liberorum ejus accirent.

Я перевелъ: По смерти Фрагата внутреннія убійства побудили главнѣйшихъ пароанъ отправить въ Римъ пословъ и требовать Вонопеса, старшаго Фрагатова сына.

1) Преосвященный вмѣсто *по смерти* поправилъ *по кончинѣ*. Ежели бъ я написалъ *по кончинѣ*, то бы онъ могъ равномѣрно поправить *по смерти*.

2) Venere in urbem legati.

Преосвященный поправилъ: *пришли въ Римъ послы*. Можетъ быть, что по славянскому нарѣчію можно сказать *пришли послы;* но кто нынѣ напишетъ о какомъ-нибудь послѣ: *пришелъ посолъ въ Петербургъ*.

3) Vononem vetustissimum liberorum ejus.

Я перевелъ *старшаго сына*, а преосвященный поправилъ *престарѣлаго*. Vetustissimus отнюдь не значитъ престарѣлаго, но старшаго.

Слово сіе истолковано въ словарѣ слѣдующимъ образомъ: dicitur de hominibus, qui vel ante caeteros nati, vel ante alios partibus suis functi. Вотъ примѣръ, доказывающій знаменованіе сего слова: quia Silani filia Neroni vetustissimo liberorum pacta erat. Годится ли здѣсь vetustissimus перевесть *престарѣлый*, когда Нерону, сыну Германикову, не было еще болѣе двадцати лѣтъ.

Поправляющему чужой переводъ непростительно не знать точнаго словъ знаменованія.

V.

Mox subit pudor, degeneravisse Parthos, petitum alio ex orbe regem, hostium artibus infectum, jam inter provincias romanes solium Arsacidarum haberi darique.

Я перевелъ:

Скоро пришли въ раскаяніе. Потеряли пареане прежнее достоинство, просили себѣ царя въ чужихъ странахъ, правилами враговъ напоеннаго. Уже царство Арсацидовъ считается за римскую провинцію, и Римъ даетъ опое, кому хочетъ.

Слѣдующій переводъ ближе подойдетъ къ подлиннику:

Но скоро объялъ ихъ стыдъ, что пареане измѣнились, и просили себѣ царя въ чужихъ странахъ, хитростями враговъ напоеннаго, и пр.

Слѣдуя поправкамъ преосвященнаго, мѣсто сіе должно быть переведено слѣдующимъ образомъ:

Но скоро возчувствовали, что они совсѣмъ не тѣ стали, просили себѣ въ чужихъ странахъ царя, опытнаго въ враждебныхъ хитростяхъ. Уже царство Арсацидовъ считается между римскими провинціями, и существуетъ.

Надлежитъ судить кому-нибудь третьему, которому изъ сихъ переводовъ дать преимущество, но не могу оставить безъ замѣчанія:

1) Что inter provincias romanas haberi нельзя перевесть *между римскими провинціями*, а по положенію царства Арсацидовъ должно неотмѣнно сказать *въ числѣ римскихъ провинцій* или *считается за римскую провинцію.*

2) Darique отнюдь не значитъ *и существуетъ.* Совершенно преосвященный вовлеченъ въ сію ошибку образомъ реченія dantur casus, in quibus licitum est etc.; но здѣсь сего смысла никоимъ образомъ принять не можно.

Между сими поправками преосвященный помѣстилъ многія другія, какъ напримѣръ:

1) Tradere я перевелъ *памяти предать*, а преосвященный поправилъ *предать потомству.*

2) Nihil primo senatus die agi passus Tiberius.

Я перевелъ *въ первомъ сената собраніи*, а преосвященный поправилъ *въ первый день сенатскаго собранія*, будто бы мы говоримъ: *сенатское* или *синодское* собраніе.

3) Caesar Vononem (regem) opibus auxit я перевелъ: Кесарь *одарилъ* щедро Вононеса, а преосвященный поправилъ *обогатилъ* Вононеса, и пр. симъ подобныя, но я ихъ прехожу молчаніемъ единственно для того, чтобы не отвлечь академію отъ важнѣйшихъ ея упражненій. Надобно быть тому въ высочайшей степени хладнокровну, кто равнодушно можетъ взирать на подобныя труда своего поправки, а трудъ свой и самого себя ненавидѣть, кто не устраняется отъ оныхъ.

И для того имѣю честь донести, что ежели академія сдѣлаетъ довѣренность и препоручитъ мнѣ изданіе лѣтописи Тацитовой, тогда я при изданіи сообщать буду переводъ мой тѣмъ изъ господъ членовъ, о коихъ я увѣренъ, что совѣты ихъ послужатъ къ совершенству онаго [156]).

Академики поспѣшили выразить довѣріе къ своему достойному сочлену. Немедленно состоялось опредѣленіе о печатаніи лѣтописи Тацита на латинскомъ и русскомъ языкахъ, и собраніе положило увѣдомить Румовскаго, что «академія отдастъ справедливость особенному его искусству въ латинскомъ и отечественномъ языкахъ, и, по желанію его, изданіе Тацитовой лѣтописи, надъ преложеніемъ которыя онъ для академіи трудится, препоручаетъ ему, г. Румовскому, и чтобы онъ благоволилъ сообщать переводъ сей въ типографію, когда россійская академія сдѣлаетъ съ нею нужныя по сему предмету условія и распоряженія» [157]).

Переводъ Румовскаго изданъ съ латинскимъ подлинникомъ. Въ началѣ помѣщены: извѣстіе о жизни Тацита, состоящее изъ бѣглыхъ замѣтокъ, и затѣмъ — Краткое изъясненіе нѣкоторыхъ словъ, встрѣчающихся въ лѣтописи Корнелія Тацита. Въ статьѣ

подъ этимъ заглавіемъ сообщаются общія свѣдѣнія о раздѣленіи римскаго народа, о военныхъ и гражданскихъ должностяхъ, о трибунахъ, консулахъ, преторахъ, начальникѣ рыцарей (magister equitum) и др., а также о лицахъ, на которыхъ возложено было отправленіе различныхъ обрядовъ богослуженія: о жрецахъ, авгурахъ, весталкахъ и т. д. [158]).

Во времена Румовскаго въ большомъ ходу были переводы съ переводовъ, и произведенія классическихъ писателей обыкновенно переводились не съ подлинниковъ, а съ французскихъ переводовъ. Главною причиною этому было незнаніе древнихъ языковъ. Но Румовскаго никакъ нельзя упрекнуть въ незнаніи латинскаго языка, съ которымъ онъ сжился и свыкся со школьной скамьи. Еще во время пребыванія своего въ академической гимназіи и университетѣ онъ слушалъ лекціи, писалъ сочиненія и говорилъ съ наставниками не иначе, какъ полатыни; втеченіе всей своей жизни онъ писалъ свои мемуары на латинскомъ языкѣ, и часто прибѣгалъ къ этому языку и въ ученой и въ дружеской перепискѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что языкъ Тацита представляетъ большія трудности даже и для того, кто усвоилъ себѣ латинскій языкъ вообще, свободно владѣя имъ и на письмѣ и въ разговорѣ. Поэтому, русскому переводчику, въ кругъ обычныхъ занятій котораго вовсе не входила классическая филологія, весьма естественно было обращаться къ иностраннымъ переводамъ и искать въ нихъ пособія и подспорья въ случаяхъ сомнѣнія или недоумѣнія. Сличая русскій переводъ Тацита съ различными французскими переводами, съ которыми могъ справляться Румовскій, мы пришли къ заключенію, что онъ пользовался преимущественно французскимъ переводомъ Дотвиля (Dotteville), изданнымъ также съ латинскимъ подлинникомъ [159]). Но Румовскій издалъ подлинникъ не по той редакціи, которая приложена къ переводу Дотвиля, какъ показываютъ весьма существенныя грамматическія отличія: у Дотвиля — quis fratrem mihi reddit; ne hostes quidem sepulturam invident; у Румовскаго — quis fra-

trem mihi redd*at*; ne hostes quidem sepultur*ae* invident, и т. п. Сходство въ нѣкоторыхъ чертахъ съ переводомъ французскимъ можно встрѣтить чуть не на каждой страницѣ русскаго перевода; примѣчанія, которыхъ вообще очень немного при русскомъ переводѣ, дословно сходны съ примѣчаніями Дотвиля, т. е. переведены съ французскаго, какъ напримѣръ: [160])

Онъ (образъ Мемнона) изсѣченъ изъ базальта. Говорятъ, что существуетъ еще и нынѣ въ Египтѣ, и что на бедрахъ высѣчены свидѣтельства древнихъ грековъ и римлянъ, слышавшихъ издаваемый голосъ.	Elle (la statue de Memnon) est de basalte. On dit qu'elle se voit encore en Egypte, et que sur ses deux jambes sont gravées des attestations d'anciens grecs et romains qui prétendaient l'avoir entendue.
Нума основателя Рима къ богамъ причислилъ, а о законахъ увѣрилъ, что преданы ему богинею.	Numa fit un dieu du fondateur de Rome, et se fit dicter des lois par une déesse.
Никто столько не охуждаетъ роскошь, сколько тѣ, кои отъ оной разоряются. Но когда народъ славу свою полагаетъ въ великолѣпіи, то всякъ вмѣняетъ себѣ за порокъ, ежели пышностію не уподобляется себѣ равнымъ.	Personne ne blâme plus sincèrement le luxe, que ceux qui s'y ruinent. Mais lorsqu'une nation semble avoir attaché l'honneur à la magnificence, chacun croirait se déshonorer, s'il étalait moins de faste que ses égaux.

Не смотря на все это, переводъ Дотвиля былъ для Румовскаго только пособіемъ, хотя и весьма значительнымъ. Но что Румовскій переводилъ съ латинскаго, очевидно изъ того, что многія слова, обороты, мелкія подробности, опущенныя французскимъ переводчикомъ, находятся у Румовскаго въ томъ видѣ, который вполнѣ соотвѣтствуетъ подлиннику; часто въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ полатыни мысль выражена главнымъ предложеніемъ съ придаточными, а во французскомъ переводѣ — одними глав-

ными предложеніями, въ русскомъ удержаны и видъ и сочетаніе предложеній латинскаго подлинника; творительный самостоятельный въ латинскомъ текстѣ порусски переведенъ дательнымъ самостоятельнымъ и т. д.

Какъ бы часто ни обращался Румовскій къ французскому переводу, дѣлая изъ него многія и весьма многія заимствованія, тѣмъ не менѣе онъ дѣлалъ это отнюдь не по незнанію латинскаго языка или для одного только облегченія своего труда, а по причинамъ гораздо болѣе основательнымъ. Для вѣрной оцѣнки перевода Румовскаго надо имѣть въ виду литературныя понятія и требованія того времени. На переводчика возложена была, какъ мы видѣли, двойная задача — держаться какъ можно ближе подлинника, и вмѣстѣ съ тѣмъ — сохранять всю силу и чистоту, т. е. духъ и особенности русскаго языка. Для удовлетворенія втораго требованія приходилось иногда невольно отступать отъ латинской конструкціи и также невольно сближаться съ конструкціей французской, болѣе близкой къ свойству русскаго языка. Румовскій переводилъ древняго классика не съ педагогическою цѣлію, не для учащихся латинскому языку, а для образованнаго общества съ цѣлью ознакомить его съ произведеніемъ историка и мыслителя, имѣющимъ высокій интересъ для просвѣщенныхъ людей вообще безъ различія вѣка и народности. Поэтому, на первомъ планѣ являлся живой смыслъ содержанія, а не точная передача грамматическихъ свойствъ языка, на которомъ написанъ подлинникъ. Если вспомнить при этомъ, что Румовскій трудился надъ своимъ переводомъ въ то время, когда въ литературѣ нашей происходила борьба стараго и новаго слога, и что въ числѣ судей перевода въ собраніяхъ россійской академіи былъ и Шишковъ, непримиримый врагъ галлицизмовъ, какого бы рода они ни были, то пріемы нашего переводчика могутъ представиться въ нѣсколько иномъ свѣтѣ. Весьма часто въ тѣхъ случаяхъ, когда та или другая мысль могла быть одинаково вѣрно выражена и въ формѣ наиболѣе близкой къ латинской и въ формѣ болѣе близкой къ французской, Румовскій выбиралъ послѣднее, какъ

сдѣлалъ бы это на его мѣстѣ и Карамзинъ. То обстоятельство, что Румовскій часто предпочиталъ французскіе обороты латинскимъ, не показываетъ ли отчасти, что онъ не былъ педантомъ, не желалъ передѣлывать русской рѣчи на несвойственный ей ладъ, а напротивъ того, понимая требованія русскаго литературнаго языка, заботился о простотѣ и естественности выраженія. Что онъ не чуждался живаго, разговорнаго начала въ языкѣ, видно изъ того, что постоянно употреблялъ слово *покамѣстъ* вмѣсто книжнаго *доколѣ* вопреки обычаю тогдашнихъ стилистовъ, и т. д.

Отношеніе перевода Румовскаго къ латинскому подлиннику и къ французскому переводу наглядно выражается въ приводимыхъ отрывкахъ; мѣста, напечатанныя курсивомъ, находятся въ ближайшей связи съ французскимъ переводомъ.

Flagrantior inde vis, plures seditionis duces: et Vibulenus quidam gregarius miles, ante tribunal Blaesi adlevatus circumstantium humeris apud turbatos, et quid pararet intentos: «vos quidem, inquit, his innocentibus et miserrimis lucem et spiritum reddidistis, sed quis fratri meo vitam, quis fratrem mihi reddat, quem missum ad vos à Germanico exercitu, de communibus commodis, nocte proximâ jugulavit per gladiatores suos, quos in exitium militum habet atque armat? Responde, Blaese, ubi cadaver abjeceris? ne hostes quidem sepulturae invident: cùm oscu-

Delà s'accroît le trouble, les chefs s'en multiplient. Un certain Vibulenus, simple soldat, s'élevant sur les épaules de ses camarades, en face du tribunal, s'attire l'attention de ces forcenés. «Vous venez de rendre l'air et la lumière à des innocens opprimés, leur di-til, mais qui rendra la vie à mon frère? qui me rendra mon frère? L'armée de Germanie vous l'envoyait pour ce concerter avec vous sur nos intérêts communs. Blesus l'a fait égorger la nuit dernière par les gladiateurs qu'il tient auprès de sa personne, et qu'il arme pour massacrer les soldats. Réponds, Blesus,

lis, cum lacrymis dolorem meum implevero, me quoque trucidari jube, dum interfectos nullum ob scelus, sed quia utilitati legionum consulebamus, hi sepeliant»....

Haec audita, quanquam abstrusum, et tristissima quaeque maximè occultantem, Tiberium perpulêre, ut Drusum filium cum primoribus civitatis, duabusque praetoriis cohortibus mitteret, nullis satis certis mandatis, ex re consulturum: et cohortes delecto milite supra solitum firmatae: additur magna pars praetoriani equitis, et robora Germanorum, qui tum custodes imperatori aderant: simul praetorii prefectus Aelius Sejanus, collega Straboni patri suo datus, magnâ apud Tiberium auctoritate, rector juveni, et caeteris periculorum praemiorumque ostentator. Druso propinquanti, quasi per officium obviae fuêre legiones, non laetae, ut adsolet, neque insigni-

où as-tu jeté son corps? Les ennemis même laissent rendre les derniers devoirs aux morts. Lorsque j'aurai rassasié ma douleur en embrassant le corps de mon frère, en le baignant de mes larmes, fais-moi poignarder aussi, pourvu que mes camarades ensévelissent deux infortunés, dont l'unique crime est d'avoir soutenu les intérêts des légions»....

Quelque dissimulé que fût Tibère, surtout à l'égard des novelles fâcheuses, il résolut, en apprenant celle-ci, d'envoyer Drusus avec deux cohortes prétoriennes et les principaux de Rome en Pannonie, sans autre ordre que de prendre conseil des conjonctures. Il renforça l'escorte d'un nombre extraordinaire de gens d'élite, y joignit une grande partie de la cavalerie prétorienne, et les plus braves des Germains qui composaient alors sa garde. (Elius) Sejan, collègue de Strabon, son père, dans la charge de prefet du prétoire, et fort en crédit auprès de l'empereur, devait servir de gouverneur au jeune prince, et être regardé de tout le reste comme l'arbitre des fa-

bus fulgentes, sed inluvie deformi, et vultu, quanquam moestitiam imitarentur, contumaciae propiores....

Sed Tiberius, vim principatûs sibi firmans, imaginem antiquitatis senatui praebebat, postulata provinciarun ad disquisitionem patrum mittendo. Crebrescebat enim graecas per urbes licentia atque impunitas asyla statuendi: complebantur templa pessimis servitiorum, eodem subsidio obaerati adversum creditores, suspectique capitalium criminum receptabantur. Nec ullum satis validum imperium erat coercendis seditionibus populi, flagitia hominum, ut caeremonias deûm protegentis. Igitur placitum, ut mitterent civitates jura atque legatos. Et quaedam, quod falsò usurpaverant, sponte omisêre: multae vetustis superstitionibus aut meritis in populum ro-

veurs et des disgraçes. Les légions, à l'approche de Drusus, vinrent au devant de lui, comme par honneur; mais au lieu de la joie et des ornemens militaires qu'on se pique à l'envi de faire briller en pareille conjoncture, elles ne présentaient rien que de sombre et de négligé, et quoiqu'elles affectassent de la tristesse, leurs visages annonçaient plutôt de la mutinerie....

Tandis que Tibère s'assurait la réalité du pauvoir suprême, il affectait de donner au sénat les apparences des anciennes prérogatives, et renvoyait les requetes des provinces à la décision des pères. La licence d'établir des asiles, ou de s'en attribuer impunément, se multipliait de jour en jour dans les villes de la Grèce. Les temples se remplissaient de tout ce qu'il y avait de scélerats parmi les esclaves: les débiteurs s'y dérobaient à leurs créanciers; les coupables, à la justice. Il n'était point d'autorité capable de refréner une populace qui s'armait en faveur du crime des hommes, comme pour le culte des dieux. Les cités eurent donc ordre d'envoyer leurs titres avec

manum fidebant. Magnaque hujus diei species fuit, quo senatus beneficia, sociorum pacta, regum etiam, qui ante vim romanam valuerant, decreta, ipsorumque numinum religiones introspexit; libero, ut quondam, quid firmaret mutaretve....

des députés. Quelques unes renoncèrent d'elles mêmes à des droits qu'elles avaient usurpés; mais le grand nombre compta sur l'authenticité de ses traditions, ou sur des services envers nous. Ce jour fut vraiment glorieux au sénat: jour où les bienfaits de nos ancêtres, les traités avec nos alliés, les édits des rois maîtres de ces pays avant nous, et le culte même des dieux, furent soumises à la discussion des pères, pleinement libres, comme autrefois, de confirmer ou d'abolir ce qu'ils jugeraient à propos....

Переводъ Румовскаго:

«*Отъ сего мятежъ усиливается*, *число предводителей умножается.* Нѣкто Вибуленъ, предъ судилищемъ Блеза, ставши на плеча мятущихся и ожидающихъ конца сего пріуготовленія, вѣщаетъ: вы симъ невиннымъ и несчастнымъ возвратили свѣтъ и свободу; но кто возвратитъ жизнь брату моему, а мнѣ брата, который отъ войска, въ Германіи находящагося, отправленъ былъ къ вамъ для совѣщанія объ общихъ пользахъ, и въ прошедшую ночь убитъ отъ бойцовъ, которыхъ легатъ при себѣ содержитъ, и вооружаетъ па погибель нашу? Отвѣтствуй, Блезъ, гдѣ ты повергъ трупъ брата моего? *И враги дозволяютъ отдавать послѣдній долгъ мертвымъ.* Когда объятіями тѣла брата моего и слезами утолю скорбь мою, тогда вели убить меня, лишь бы только товарищи мои погребли тѣла убіенныхъ, коимъ вмѣнено въ беззаконіе *одно то*, что пеклися о пользѣ легіоновъ.....

Сколько Тиверій *ни былъ скрытенъ*, а *наипаче* въ печальныхъ обстоятельствахъ, однако извѣстія сія принудили его отправить сына своего Друза съ главнѣйшими изъ гражданъ и съ двумя преторіанскими когортами, *ничего не предписывая, какъ только*, чтобы принялъ мѣры смотря по обстоятельствамъ. Когорты сіи подкрѣпилъ больше обыкновеннаго отборными воинами, присовокупилъ немалую часть преторіанской конницы и сильнѣшихъ германцевъ, охранительное войско тогда *составляющихъ*. Бывшій въ великой довѣренности у Тиверія и пріобщенный отцу своему Страбону Элій Сеянъ, префектъ преторіанскаго воинства, младому Друзу данъ наставникомъ, *отъ котораго воли* должны были зависѣть награжденія и наказанія. Приближающемуся Друзу исходятъ во срѣтеніе легіоны, аки бы для оказанія почести, но вмѣсто радости, какъ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, и вмѣсто *воинскихъ украшеній*, отличаются отвратительною неопрятностію, и хотя показывали видъ печальный, но больше непокорливость *изъявляющій*.....

Тиверій, утверждая себѣ верховную власть, *обольщалъ* сенатъ видомъ древняго *правленія*, отсылая требованія провинцій на его разсмотрѣніе. Своевольство и ненаказанность строить убѣжища въ греческихъ городахъ *день отъ дня* умножалися. Храмы наполнялися злѣйшими рабами; должники укрывались въ нихъ отъ своихъ заимодавцевъ, и уголовные преступники туда же были пріемлемы. Никакая власть довольно сильна не была укротить волненія народа, беззаконія, аки богослуженіе, защищающаго. Почему заблагоразсуждено, чтобы города прислали нарочныхъ и права свои на построеніе. Нѣкоторые изъ нихъ самовольно отреклися отъ того, что ложно себѣ присвоили; многіе полагали надежду на древнія суевѣрія или на заслуги, римскому народу оказанныя. Великъ день сей былъ *для сената*, въ который благотворенія предковъ своихъ, договоры съ союзниками, постановленія царей, прежде римлянъ обладавшихъ, и самое богопочитаніе разсматривалъ съ полною властію, какъ прежде сего бывало, утверждать или перемѣнять, *что заблагоразсудитъ*...[161]).

Первое мѣсто между переводами Румовскаго съ французскаго занимаютъ письма Эйлера о различныхъ предметахъ физики и философіи къ нѣмецкой принцессѣ, Ангальтъ-Дессау, племянницѣ прусскаго короля [162]). Въ письмахъ Эйлера находится превосходная картина умственной жизни того времени; содержаніе ихъ весьма разнообразно: въ нихъ сообщается много въ высшей степени важныхъ и любопытныхъ данныхъ и соображеній, относящихся къ области наукъ естественныхъ, математическихъ и философскихъ. Съ необычайною простотою и наглядностью Эйлеръ объясняетъ понятія пространства, скорости, свойства звука, свѣта, и т. п., приводя множество общедоступныхъ примѣровъ и доказательствъ. Система міра, законы движенія свѣтилъ, явленія электричества и цѣлая вереница научныхъ вопросовъ затронуты въ длинномъ рядѣ бѣглыхъ, но мастерскихъ очерковъ. Въ области философіи Эйлеръ говоритъ о предметахъ, имѣвшихъ особенное значеніе и живой интересъ для мыслящихъ людей того времени: о духовномъ и физическомъ началѣ въ человѣкѣ, о свободной волѣ, о существенныхъ особенностяхъ господствовавшей тогда философіи Лейбница и Вольфа и т. д.

Обнимая своею геніальною мыслію всю совокупность силъ и законовъ природы, на сколько это возможно для человѣческаго ума, Эйлеръ не сочувствуетъ одностороннимъ ученымъ, отрицающимъ все, что не вкладывается въ узкія рамки ихъ спеціальности, и смѣется надъ мечтателями, самонадѣянно толкующими о вещахъ, далеко превышающихъ ихъ скудное разумѣніе. Есть люди, — говоритъ онъ — которые кричатъ, что глазъ человѣческій устроенъ изъ рукъ вонъ плохо, и вообще недовольны тѣмъ, что при мірозданіи не обращались къ нимъ за совѣтомъ: тогда бы многое было создано не въ примѣръ лучше. Но оказывается, что если устроить глазъ такъ, какъ желаютъ эти умники, то вмѣсто ясныхъ изображеній получались бы на сѣтчатой оболочкѣ какія-то пятна, и человѣкъ не могъ бы ничего разглядѣть... Невѣрность сужденій и выводовъ — замѣчаетъ Эйлеръ — часто происходитъ отъ того, что требуютъ одного только рода доказа-

тельствъ, и остаются глухи и слѣпы ко всѣмъ другимъ. Этотъ недостатокъ обыкновенно встрѣчается у одностороннихъ химиковъ, анатомовъ и физиковъ, которые всѣ ушли въ свои опыты. Все то, чего они не могутъ разложить въ ретортахъ или разрѣзать ножемъ, не производитъ на ихъ умъ никакого впечатлѣнія. Сколько бы имъ ни говорили о свойствахъ и существѣ души, они соглашаются только съ тѣмъ, что поражаетъ ихъ внѣшнія чувства, и т. д.

Весьма замѣчательно воззрѣніе Эйлера на языкъ, какъ на существенное и основное начало не только для передачи мыслей, но и для образованія ихъ и внутренняго развитія: въ самомъ актѣ мышленія слова положительно замѣняютъ собою понятія. Говоря объ относительномъ совершенствѣ языковъ, Эйлеръ замѣчаетъ, что въ русскомъ языкѣ не было слова для выраженія суда, правосудія. А до какой степени это понятіе, по мнѣнію Эйлера, было въ жизни, можно видѣть изъ объясненія, даннаго имъ прусской королевѣ. Воротившись изъ Россіи, гдѣ пережилъ тяжелыя времена бироновщины, Эйлеръ, при первомъ представленіи ко двору, на всѣ вопросы отдѣлывался краткими, односложными отвѣтами. На вопросъ королевы, отчего онъ не хочетъ съ нею говорить, Эйлеръ отвѣчалъ: parce que je viens d'un pays où, quand on parle, on est pendu [163]).

Приводимъ, въ подлинникѣ Эйлера и въ переводѣ Румовскаго, нѣсколько мѣстъ изъ писемъ, въ которыхъ говорится о значеніи языка [164]).

Le langage est nécessaire aux hommes, non seulement pour se communiquer leurs sentimens et leurs pensées, mais aussi pour cultiver leurs propre esprit et étendre leur propres connaissances. Si Adam avait été laissé tout seul dans le pa-	Языкъ нуженъ для человѣка не только для того, чтобъ другимъ сообщать свои чувства и мысли, но и для удобренія разума и распространенія своихъ знаній. Ежели бы Адамъ одинъ былъ въ раю, то безъ помощи языка пребылъ бы въ глубо-

radis, il serait resté dans la plus profonde ignorance sans le secours d'un langage. Le langage lui aurait été nécessaire non tant pour marquer de certans signes les objets individuels qui auraient frappé ses sens, mais principalement pour marquer les notions générales qu'il en aurait formé par abstraction, afin que ces signes tinssent lieu dans son esprit des ces notions mêmes.

....Un langage est aussi nécessaire aux hommes pour poursuivre et cultiver leurs propres pensées, que pour se communiquer avec les autres. Pour prouver cela, je remarque d'abord que nous n'avons presque point de mots dans les langues, dont la signification soit attachée à quelque objet individu. Si chaque cerisier, qui se trouve dans une contrée toute entiere, avait son propre nom, de même que chaque poirier et en général chaque arbre individu, quel monstre de langage n'en resulterait-il pas? Si je devais employer un mot particulier pour marquer chaque feuille de papier que j'ai dans mon bureau, ou que je donnasse par

комъ незнаніи. Языкъ ему потребенъ бы былъ не столько для отличенія знаками вещей, чувства его поражающихъ, сколько для означиванія общихъ понятій, которыя бы онъ отъ того пріобрѣлъ, чтобъ сіи знаки уму его служили вмѣсто самыхъ познаній.

...Рѣчь человѣческому роду равно нужна для продолженія и совершенства мыслей своихъ, какъ для сообщенія ихъ другимъ. Чтобъ сіе доказать, вопервыхъ примѣчаю, что ни въ которомъ языкѣ почти нѣтъ словъ, которыхъ бы знаменованіе сопряжено было съ нераздѣльнымъ предметомъ. Ежели бы всякая вишня и груша, которыя въ какомъ нибудь пространствѣ находятся, и каждое особливое дерево имѣли особливое для себя имя, то коль чудный и странный отъ того произошелъ бы языкъ? Если бы я для каждаго листа бумаги, находящагося на столѣ моемъ, долженъ былъ имѣть особливое слово и имъ называть, то бы

caprice à chacune un mot à part, cela me serait aussi peu utile à moi-même qu'aux autres. C'est donc faire une desription f rt imparfaite des langues, que de dire que les hommes ont d'abord imposé à tous les objets individus certains noms pour leur servir de signes, mais les mots d'une langue signifient des notions générales et on y en trouvera rarement un, qui ne marque qu'un seul être individu.

сіе какъ для меня, равно и для другихъ было бы безполезно. Посему, утверждающіе, что человѣкъ съ самаго начала всѣмъ нераздѣльнымъ предметамъ далъ для различія ихъ особыя имена, о языкахъ разсуждаютъ несовершенно; ибо слова каждаго языка означаютъ общія знанія, и рѣдко можно найти такое слово, которое бы означало одну особливую вещь.

L'essentiel d'une langue est plutôt, qu'elle contienne des mots pour marquer des notions générales, comme le nom d'arbre répond à une prodigieuse multitude d'êtres individus. Ces mots servent non seulement à exciter chez d'autres, qui entendent la même langue, la même idée, que j'attache à ces mots, mais ils me sont d'un grand secours pour me représenter à moi-même cette idée. Sans le mot d'arbre pour me représenter la notion d'un arbre je devrais m'imaginer à la fois un cerisier, un poirier, un pommier, un sapin etc., et en tirer par abstraction ce qu'ils ont de commun, ce qui fatiguerait

Существо языка паппаче въ томъ состоитъ, чтобъ въ немъ были слова для различія общихъ понятій; такъ напримѣръ слово *дерево* соотвѣтствуетъ преужасному множеству нераздѣльныхъ. Слова сіи споспѣшествуютъ не только къ произведенію въ другихъ, языкъ разумѣющихъ, той же мысли, которую я съ оными соединяю; но и самому мнѣ подаютъ помощь въ воображеніи онаго понятія. Безъ слова дерево, чтобъ вообразить самому себѣ общее понятіе о деревѣ, я бы долженъ былъ представить вдругъ вишню, грушу, яблонь, сосну и проч., и помощію отдѣленія произвесть оттуда то,

beaucoup l'esprit et conduirait aisément à la plus grande confusion. Mais dès que je me suis une fais déterminé à exprimer par le nom d'arbre la notion générale formée par abstraction, ce nom excite toujours dans mon âme la même notion sans que j'aie besoin de me souvenir de son origine; aussi pour la plupart le seul mot *arbre* constitue l'objet de l'âme sans qu'elle se représente quelque arbre réele. De même le nom d'*homme* est un signe pour marquer la notion générale de ce que tous les hommes ont de commun entre eux et il serait très difficile de dire ou de faire le dénombrement de tout ce que cette notion renferme. Voudrait-on dire que c'est un être vivant à deux pieds? un coq y serait aussi compris. Voudrait-on dire que c'est un être vivant à deux pieds et sans plumes, comme le grand Platon l'a defini? on n'aurait qu'à dépouiller un coq de toutes ces plumes pour avoir un homme platonicien. Je ne sais pas si ceux-là ont plus de raison qui disent qu'un homme est un être vivant doué de raison: combien

что имъ всѣмъ обще: что̀ бы удручило разумъ, и удобно бы поводъ подало къ замѣшательству. Но какъ скоро я положилъ намѣреніе чрезъ слово дерево изображать общее познаніе, чрезъ отдѣленіе пріобрѣтенное, то сіе слово въ душѣ моей произведетъ всегда тоже познаніе безъ того, чтобъ нужно было на память приводить его начало; и по большей части одно имя *дерево* составляетъ для души самый предметъ. Равнымъ образомъ слово *человѣкъ* есть знакъ для изображенія всего того, что всѣ люди общаго между собою имѣютъ, и весьма бы трудно было исчислить все, что сіе познаніе въ себѣ заключаетъ. Подъ именемъ человѣка разумѣть ли животное, двѣ ноги имѣющее? пѣтухъ былъ бы въ томъ же числѣ. Разумѣть ли живущее безъ перья, но двѣ ноги имѣющее, какъ великій Платонъ опредѣлялъ? ощипли пѣтуха, тогда ощипанный пѣтухъ будетъ платоновъ человѣкъ. Я не знаю, справедливѣе ли тѣ думаютъ, кои утверждаютъ, что человѣкъ есть животное, разумомъ одаренное: сколь часто и сколь многія су-

de fois ne prenons nous pas pour des hommes des êtres sans que nous soyons assuré de leur raison? A la vue de l'armée je ne doute pas que tous les soldats soient des hommes quoique je n'aie pas la moindre preuve de leur raison. Vaudrais-je faire un dénombrement de tous les membres nécessaires pour constituer un homme? on trouverait toujours quelques hommes aux quels un, ou peut-être plusieurs, de ces membres manqueraient ou bien on trouverait quelque bête qui eût les mêmes membres. Donc en regardant l'origine de la notion générale d'un homme, il est presque impossible de dire en quoi cette notion consiste, et cependant tout le monde n'a aucun doute sur la signification de ce mot. La raison en est que chacun en voulant exciter dans son âme cette notion ne pense qu'au nom d'*homme* comme s'il le voyait écrit sur le papier ou qu'il en entendit la pronociation selon la langue de chacun. De là on voit que pour la plupart les objets de nos pensées ne sont pas tant les choses mêmes que les mots, dont ces

щества почитаемъ мы за людей, не увѣрены будучи о ихъ разумѣ? Когда я вижу войско, то не сомнѣваюсь, чтобъ всѣ солдаты не одарены были разумомъ, хотя никакого не имѣю о томъ доказательства. Хотѣлъ ли бы кто исчислять всѣ нужные члены, человѣка составляющіе? Нашлося бы всегда нѣсколько людей, у коихъ нѣкоторыхъ, и можетъ быть многихъ, членовъ не достаетъ, или бы нашелся скотъ, который имѣетъ тѣ же самые члены. Посему, взирая на источникъ общаго познанія о человѣкѣ, почти невозможно сказать, въ чемъ состоитъ сіе познаніе; между тѣмъ никто не имѣетъ никакого сомнѣнія о знаменованіи сего слова. Причина тому та, что всякъ, желая возбудить въ душѣ сіе понятіе, не иначе думаетъ о словѣ *человѣкъ*, какъ будто бы оное видѣлъ на бумагѣ написанное или бы слышалъ произносимое. Отсюда наипаче происходитъ, что по большей части предметы нашихъ помышленій не столько суть самыя вещи, сколько слова, которыми въ языкѣ сіи вещи означаются, что̀ не мало спо-

choses sont marquées dans la langue: et cela contribue beaucoup à faciliter notre adresse à penser.

спѣшествуетъ искусству размышлять.

Une langue est toujours plus parfaite, quand elle est en état d'exprimer un plus grand nombre de notions générales formées par abstraction. C'est à l'egard de ces notions qu'il faut juger de la perfection d'une langue. Autrefois on n'avait pas dans la langue russe un mot pour marquer ce que nous nommons *justice*: c'était sans doute un grand défaut puisque l'idée de la justice est très importante dans un grand nombre de jugemens et de raisonnemens et qu'on ne saurait presque penser la chose même sans un mot qui y est attaché; aussi a-t-on suppléé à ce défaut en introduisant un mot russe qui signifie justice.

Тотъ (языкъ) всегда совершеннѣе, на которомъ можно изобразить большее число общихъ понятій, посредствомъ отдѣленія пріобрѣтенныхъ. По познаніямъ сего рода должно разсуждать о совершенствѣ языка. Прежде сего въ русскомъ языкѣ не было слова изобразить то, что мы на французскомъ называемъ justice: и безъ сомнѣнія недостатокъ сей былъ не малъ, потому что понятіе о правосудіи есть весьма важно во многихъ разсужденіяхъ, и что почти невозможно помыслить о самой вещи не имѣя слова, которое бы съ оною сопряжено было; и для того потомъ дополненъ сей недостатокъ введеніемъ россійскаго слова, justice означающаго.

Письма Эйлера высоко цѣнились какъ его современниками, такъ и позднѣйшими поколѣніями людей образованныхъ и любознательныхъ. Съ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія и до сороковыхъ годовъ настоящаго, книга Эйлера, имѣвшая обширный кругъ читателей въ различныхъ странахъ Европы, выдержала нѣсколько изданій, и въ числѣ издателей были лица, занимающія въ наукѣ болѣе или менѣе видное мѣсто. Нѣмецкіе

переводы выходили съ различными измѣненіями и дополненіями, составленными на основаніи новѣйшихъ открытій [165]). Ученые называютъ письма Эйлера образцовымъ произведеніемъ, излагающимъ съ необыкновенною ясностью важнѣйшіе вопросы механики, физики, астрономіи, оптики и т. д. [166])

Въ русской литературѣ письма Эйлера пользовались также большимъ успѣхомъ: переводъ Румовскаго нѣсколько разъ издавался втеченіе прошлаго столѣтія, а въ началѣ нынѣшняго предпринято было новое изданіе, приноровленное къ потребностямъ читателей и къ тогдашнему состоянію науки. Трудъ этотъ принялъ на себя академикъ по каѳедрѣ химіи Захаровъ. По совѣту самого Румовскаго онъ руководствовался изданіемъ Кондорсе и де ла Кроа; сверхъ того онъ пользовался нѣмецкимъ переводомъ Криза, въ которомъ есть новыя письма, и прибавилъ отъ себя много примѣчаній и дополненій, относящихся къ физическимъ предметамъ [167]).

Румовскій вмѣстѣ съ другими сочленами своими по академіи наукъ и по россійской академіи трудился надъ переводомъ съ французскаго обширнаго сочиненія Бюффона. Академики расположили свои занятія такимъ образомъ, что иную часть переводили двое, иную трое, чтобы скорѣе привести работу къ окончанію. Румовскій и Лепехинъ перевели на русскій языкъ первый томъ всеобщей и частной естественной исторіи Бюффона, заключающій въ себѣ исторію и теорію земли: здѣсь рѣчь идетъ о различныхъ системахъ міра, о разстояніи планетъ отъ солнца, о веществѣ солнца и планетъ, о происхожденіи слоевъ земныхъ, объ изобрѣтеніи компаса, и т. п.

Румовскій перевелъ съ французскаго похвальное слово Эйлеру, составленное Фуссомъ, которое, вмѣстѣ съ похвальнымъ словомъ Кондорсе, служило долгое время главнымъ источникомъ для біографическихъ свѣдѣній о знаменитомъ математикѣ, появлявшихся въ европейской литературѣ. Переводъ Румовскаго помѣщенъ въ первой части академическихъ сочиненій, выбранныхъ

изъ латинскаго изданія академіи наукъ — nova acta academiae petropolitanae [168]).

Въ переводахъ съ французскаго Румовскій вообще держался довольно близко подлинника, уклоняясь отъ него только въ тѣхъ случаяхъ, когда находилъ, что мысль выражена достаточно ясно, и не нуждается въ дальнѣйшихъ поясненіяхъ: поэтому онъ пропускалъ два-три слова, а иногда и цѣлое предложеніе, если видѣлъ въ немъ повтореніе того, что уже сказано въ предъидущемъ. Онъ старался быть особенно точнымъ въ переводѣ словъ, употребляемыхъ въ смыслѣ болѣе или менѣе исключительномъ, имѣющихъ до нѣкоторой степени значеніе терминовъ. Замѣчаемое иногда колебаніе объясняется тогдашнимъ состояніемъ нашей научной терминологіи. Не полагаясь на свои собственныя свѣдѣнія, онъ обращался къ людямъ, вполнѣ знакомымъ со всѣми подробностями той или другой отрасли, и если ему не удавалось добыть существующее, невѣдомо для него, въ русскомъ языкѣ слово, то онъ позволялъ себѣ замѣнять его такимъ, какое, по его мнѣнію, согласно было съ сущностью обозначаемаго предмета. Въ письмѣ къ Миллеру, имѣвшему большой кругъ знакомствъ и сношеній съ людьми различныхъ слоевъ общества, Румовскій проситъ узнать отъ тѣхъ, кому это должно быть извѣстно, какъ называются порусски предметы, обозначаемые пофранцузски словами: cuvette, ecluses de retenue ou de reserve и ecluses de decharge. Не получивъ отвѣта, перевелъ: ecluses de retenue ou de reserve — запасные слюзы, ecluses de decharge — отводные слюзы, а слово cuvette оставилъ до поры до времени безъ перевода [169]). Слово entendement переводитъ — разумъ; distraction — задумчивость; l'imputabilité — вмѣняемость; esprits-forts — непокорнымъ разумомъ одаренные; idialistes, materialistes, egoistes — идеалисты, матеріалисты, эгоисты; l'harmonie préétablie — предопредѣленное согласіе; l'étendue — протяженіе; l'inertie — грубость; l'impénétrabilité — непроницаемость, и т. д.

Съ нѣмецкаго Румовскій перевелъ руководство къ астроно-

мическимъ наблюденіямъ, составленное академикомъ Шубертомъ. Въ предувѣдомленіи къ своему переводу Румовскій говоритъ: «Руководство, г. академикомъ и кавалеромъ Фридерикомъ Ѳедоромъ Шубертомъ на нѣмецкомъ языкѣ изданное, отличается отъ протчихъ подобнаго рода сочиненій ясностію и подробностію такъ, что всякъ, слѣдуя предписаннымъ въ ономъ правиламъ, не только можетъ навыкнуть дѣлать наблюденія, къ опредѣленію долготы и широты мѣста служащія, но и вычислять оныя, зная первыя только основанія маѳематики. Нѣтъ сомнѣнія, что знаменитому сочинителю ничего легче быть не могло, какъ приложить доказательства всѣхъ правилъ и дѣйствій, здѣсь показанныхъ; но для уразумѣнія оныхъ потребно бы было большее свѣдѣніе маѳематики, особливо сферической тригонометріи, нежели какое онъ предполагаетъ въ читателѣ. Желаніе оказать услугу соотчичамъ моимъ, по склонности или по должности упражненіями сего рода занимающимся, поводомъ было къ переводу сего сочиненія. И есть причина думать, что оно не безполезно будетъ не только г. офицерамъ генеральнаго штаба, но и морскимъ, потому что употребленіе секстанта всякому изъ нихъ извѣстно, и рѣшеніе главной въ мореплаваніи задачи — изъ усмотрѣннаго разстоянія луны отъ солнца или звѣзды найти долготу мѣста — предложено здѣсь съ отмѣнною подробностію». Переводъ Румовскаго вышелъ въ томъ же, 1803 году, какъ и нѣмецкій подлинникъ [170]). Вообще Румовскій старался знакомить своихъ соотечественниковъ съ произведеніями иностранныхъ литературъ немедленно по появленіи этихъ произведеній въ подлинникѣ; первый томъ писемъ Эйлера вышелъ въ свѣтъ въ 1768 году, и въ томъ же году явился и русскій переводъ Румовскаго.

Почти въ одно время съ изданіемъ своего перевода астрономическаго сочиненія Шуберта Румовскій представилъ въ россійскую академію переведенную имъ также съ нѣмецкаго рѣчь Геллерта — о причинахъ преимущества древнихъ писателей предъ новѣйшими, особливо въ стихотворствѣ и краснорѣчіи.

Суду Румовскаго, какъ писателя съ многостороннимъ обра-

зованіемъ, подвергаемы были сочиненія и переводы, представляемые различными лицами въ академію наукъ. На томъ же основаніи его избирали редакторомъ журналовъ, и ввѣряли ему изданіе произведеній русскихъ писателей, составлявшихъ красу и гордость русской литературы.

Румовскій былъ втеченіе нѣкотораго времени редакторомъ Академическихъ извѣстій — журнала, къ которому русское общество отнеслось съ большимъ сочувствіемъ; впослѣдствіи, онъ былъ редакторомъ Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненій, занимающихъ видное мѣсто въ исторіи нашей журналистики восьмнадцатаго столѣтія [171]).

Въ 1784 году Румовскому вмѣстѣ съ Лепехинымъ и Озерецковскимъ поручено было приступить къ изданію второй и слѣдующихъ частей новаго собранія сочиненій Ломоносова, и канцелярія академіи наукъ обязана была доставить издателямъ всѣ матеріалы и бумаги Ломоносова, которые находились въ ея вѣдѣніи [172]).

Наконецъ, при обозрѣніи литературной дѣятельности Румовскаго надо упомянуть и о томъ, что по обычаю того времени онъ въ молодыя лѣта писалъ и стихотворенія, и по свидѣтельству Новикова «весьма изрядныя», хотя они и не появлялись въ печати. Неизвѣстно, какъ думалъ онъ впослѣдствіи о стихотворствѣ, какъ предметѣ занятій, но о русскихъ стихотворцахъ Румовскій былъ вообще весьма невысокаго мнѣнія, какъ можно заключить изъ слѣдующаго его отзыва: «молодые люди требуютъ одобренія, но ежели одобренія дѣланы будутъ по ихъ предразсудкамъ и по высокимъ о себѣ мыслямъ, то они, возмечтавъ о достоинствахъ своихъ, перестанутъ напрягать силы разума своего, и останутся навѣкъ полуучеными: мы видимъ живой сему примѣръ въ россійскихъ стихотворцахъ» [173]).

VIII.

Изъ предложеннаго обзора можно видѣть, что Румовскій обладалъ всѣми условіями для вступленія въ избранное общество

ревнителей русскаго языка и словесности. При учрежденіи россійской академіи Румовскій пользовался почетною извѣстностью въ литературномъ кругу, какъ просвѣщенный писатель, представившій образцы ученаго краснорѣчія, владѣвшій вмѣстѣ съ тѣмъ и стихомъ, какъ авторъ общедоступныхъ статей научнаго содержанія, какъ переводчикъ писемъ Эйлера и какъ отличный знатокъ отечественнаго и иностранныхъ языковъ. Такія силы нужны были для академіи, и потому весьма естественно, что Румовскій является въ ней съ самаго ея основанія. Въ спискѣ членовъ академіи наукъ, вступившихъ въ россійскую академію и провозглашенныхъ въ день ея открытія, первымъ помѣщенъ «Степанъ Яковлевичъ Румовскій, профессоръ астрономіи санктпетербургской императорской академіи наукъ и королевской стокгольмской академіи наукъ членъ, надворный совѣтникъ».

Втеченіе почти тридцати лѣтъ, до самой кончины своей, Румовскій былъ членомъ россійской академіи и, несмотря на свои лѣта и многосложныя занятія, добросовѣстно и неутомимо исполнялъ всѣ обязанности, всѣ порученія, возлагаемыя на него академіею. Во времена Румовскаго россійская академія занималась составленіемъ словарей, словопроизводнаго и азбучнаго, изданіемъ переводовъ и ежемѣсячныхъ сочиненій, разборомъ трудовъ, представляемыхъ для соисканія наградъ, и т. д. И во всѣхъ этихъ занятіяхъ Румовскій принималъ самое видное участіе. Разсмотрѣніе словарей и грамматики, по мѣрѣ окончанія подготовительныхъ работъ, потребовало длиннаго ряда засѣданій, на которыя ушли цѣлые года, и Румовскій постоянно присутствовалъ при обсужденіи вопросовъ грамматическихъ и словарныхъ, относясь къ нимъ съ полнымъ вниманіемъ и готовностью помогать успѣшному ходу дѣла и своимъ личнымъ трудомъ — собираніемъ и объясненіемъ матеріаловъ, и разумнымъ совѣтомъ. Румовскій былъ дѣятельнымъ членомъ всѣхъ важнѣйшихъ отдѣловъ, какъ постоянныхъ, такъ и временныхъ, по общимъ и частнымъ вопросамъ, относящимся къ кругу предметовъ, занимавшихъ ученолитературное общество. Не преувеличивая заслугъ Румовскаго,

но и не умаляя ихъ, можемъ сказать, что Румовскій былъ украшеніемъ россійской академіи втеченіе трехъ періодовъ ея существованія. Труженикъ по призванію и убѣжденію, онъ работалъ съ искреннею любовію къ наукѣ и литературѣ и съ тою неослабѣвающею энергіею, которая отличаетъ людей недюжинныхъ. Въ обращеніи его съ фактами языка замѣтны отчасти пріемы математика и натуралиста: для выясненія истины онъ производитъ своего рода наблюденія надъ языкомъ, сопоставляя съ большою осторожностью черты общія и однородныя и не позволяя себѣ произвольныхъ догадокъ и предположеній. Подобно тому какъ въ вопросахъ математики и физики онъ повѣрялъ свои воззрѣнія изслѣдованіями и наблюденіями другихъ, такъ и въ области филологіи онъ представлялъ свои недоумѣнія на судъ сочленовъ и, убѣдившись въ невѣрности защищаемаго имъ мнѣнія, отказывался отъ него, и соглашался со взглядомъ противоположнымъ. Оставаясь въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ на общемъ уровнѣ филологическихъ и литературныхъ понятій того времени, Румовскій возвышался надъ ними научною основательностью своихъ соображеній и требованій; онъ сознавалъ необходимость обращаться къ исторіи языка, приводилъ свидѣтельства изъ древнихъ и старинныхъ памятниковъ, и для объясненія свойствъ и корней русскаго языка указывалъ на родственные ему языки славянскіе. Въ литературныхъ сужденіяхъ Румовскаго слышится голосъ человѣка мыслящаго, щедро надѣленнаго здравымъ смысломъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ проглядываетъ иронія, которая составляла одну изъ особенностей его мысли, обнаруживаясь во многомъ, что выходило изъ подъ его пера — отъ задушевной переписки съ друзьями до официальныхъ бумагъ, отправляемыхъ въ различныя вѣдомства.

О степени очевидной, бросающейся въ глаза, исправности Румовскаго въ исполненіи обязанностей, принятыхъ имъ на себя добровольно, можно судить уже по самой цифрѣ посѣщенія имъ академическихъ засѣданій. Съ 1783 по 1796 годъ онъ былъ въ 280 засѣданіяхъ; съ 1797 по 1804 годъ посѣщалъ академію

весьма усердно, бывая почти во всѣхъ ея собраніяхъ; всего рѣже бывалъ въ академіи въ 1805 и въ 1806 годахъ, а съ 1807 и до 1812 года число посѣщеній его постепенно увеличивается: въ 1809 году онъ былъ двадцать четыре раза, въ 1810 — двадцать шесть, въ 1811 — тридцать два. Послѣдній разъ онъ былъ въ академіи 8 іюня 1812 года — за мѣсяцъ до своей смерти.

Первымъ шагомъ къ осуществленію предпріятія, которымъ новая академія открыла свои дѣйствія, было составленіе общаго, руководящаго плана для работъ по словарю; затѣмъ слѣдовало собраніе матеріаловъ, т. е. выборъ словъ и приведеніе ихъ въ порядокъ; наконецъ собранные матеріалы разрабатывались въ различныхъ отдѣлахъ, выбранныхъ изъ среды академиковъ.

Составленіе общаго плана толковаго словаря возложено было на Румовскаго, Фонъ-Визина и трехъ сочленовъ ихъ по россійской академіи; планъ этотъ признанъ удовлетворительнымъ и вполнѣ соотвѣтствующимъ цѣли академіи въ отношеніи словаря [174]).

Румовскій принялъ на себя выборъ словъ изъ новгородскаго лѣтописца, изданнаго во второмъ томѣ продолженія древней россійской вивліоѳики [175]). Выборъ источника весьма удаченъ особенно потому, что изданіе это строго держится рукописи: уклоненіе отъ нея заключается въ томъ, что умный издатель разставилъ знаки препинанія, чтобы скорѣе можно было добиться смысла, да тѣ слова, которыя написаны подъ титлами, напечатаны въ томъ видѣ какъ они выговариваются. Самъ Шлецеръ, не особенно щедрый на похвалы, весьма хорошо отзывается объ этомъ изданіи, говоря, что этотъ важный списокъ напечатанъ очень вѣрно [176]).

Румовскимъ же приведено въ порядокъ и доставлено въ академію собраніе словъ, начинающихся съ буквы Е [177]).

Какъ человѣкъ необыкновенно дѣятельный, многосторонне образованный и ученый, Румовскій приглашаемъ былъ къ участію въ трудахъ различныхъ отдѣленій, называвшихся тогда

отрядами; онъ былъ членомъ отдѣловъ: объяснительнаго, техническаго, словопроизводнаго, областнаго, редакціоннаго и общаго, замѣнившаго собою почти всѣ другіе отдѣлы.

По утвержденіи общаго начертанія о словарѣ, составленнаго при участіи Румовскаго, образовано было три отдѣла: грамматикальный, объяснительный и издательный, и Румовскій вмѣстѣ съ сочленами своими по академіи наукъ избранъ въ отдѣлъ объяснительный, задача котораго состояла въ точномъ опредѣленіи смысла и значенія словъ и въ объясненіи ихъ сословами, примѣрами, и т. п.[178]).

Въ толковомъ словарѣ должны были найти мѣсто многія слова, употребляемыя въ наукахъ, художествахъ, рукодѣліяхъ и ремеслахъ, а также и слова, служащія для названія предметовъ естественныхъ, которыя всѣ «одинъ человѣкъ въ понятіи своемъ вмѣстить не можетъ»: поэтому положено было образовать особый отдѣлъ для объясненія словъ техническихъ. Въ составъ этого отдѣла также вошелъ Румовскій, а равно и нѣкоторые другіе члены академіи наукъ. Румовскій принялъ на себя объясненіе словъ, относящихся къ математикѣ и астрономіи[179]).

При опредѣленіи корней словъ встрѣчались большія затрудненія касательно словопроизводства, и приходилось имѣть дѣло съ словами и формами, болѣе или менѣе древними, вышедшими изъ употребленія и потерявшими первоначальный смыслъ. Для устраненія этого неудобства учрежденъ былъ отдѣлъ съ цѣлью вести подготовительныя работы по словопроизводству; онъ составился изъ нѣсколькихъ членовъ россійской академіи, и первымъ изъ нихъ былъ Румовскій[180]).

Въ академію поступали собранія словъ и отъ постороннихъ лицъ. Весьма цѣнный вкладъ сдѣланъ былъ маіоромъ Челищевымъ. Онъ представилъ въ академію собраніе словъ областныхъ, могущихъ замѣнить иностранныя. Для разсмотрѣнія этого любопытнаго сборника составленъ былъ отдѣлъ изъ трехъ членовъ, и первымъ названъ также Румовскій. Румовскій и его сотрудники нашли, что нѣкоторыя изъ словъ, собранныхъ Челищевымъ,

ѐсть уже въ академическомъ словарѣ, а другія могутъ быть помѣщены въ немъ и замѣнить собою иностранныя слова, принятыя въ русскій языкъ [181]).

Для облегченія трудовъ по окончательной обработкѣ и изданію словаря признано было необходимымъ составить комитетъ изъ нѣсколькихъ членовъ, которые бы «попечительствовали о приведеніи въ лучшій порядокъ объясненія словъ, и представивъ оныя на примѣчаніе и разсмотрѣніе академіи, соображали въ академіи утвержденное, и прилагали бы стараніе о изданіи словаря набѣло». Въ члены этого комитета, который названъ издательнымъ, избраны: Румовскій, Иноходцевъ и Озерецковскій «по извѣстному ихъ отличному знанію языка россійскаго и по пріобрѣтеннымъ познаніямъ въ разныхъ наукахъ». Румовскій и его сочлены сознавали, что вся обработка словаря, за исключеніемъ грамматическаго отдѣла, вся тяжесть труда падала на нихъ; но тѣмъ не менѣе не уклонялись отъ возлагаемой на нихъ обязанности, и въ запискахъ академіи неоднократно упоминается имя Румовскаго, какъ издателя той или другой части академическаго словаря [182]).

Въ замѣнъ нѣсколькихъ прежнихъ отдѣловъ составленъ былъ новый отдѣлъ изъ десяти членовъ, разсматривавшій все, что было приготовлено совокупными трудами академиковъ; благодаря его заботливости, устранены многія затрудненія и обезпечивался все болѣе и болѣе успѣхъ важнаго академическаго предпріятія [183]).

Блестящій успѣхъ этимологическаго словаря, изданнаго россійскою академіею, послужилъ поводомъ къ тому, что Румовскій, какъ одинъ изъ издателей, призванъ былъ къ новому труду — къ участію въ составленіи словаря азбучнаго, т. е. такого, въ которомъ слова расположены не по порядку корней, а по порядку начальныхъ буквъ, общепринятому въ азбукѣ. Сотрудниками Румовскаго по изданію новаго словаря были также его сочлены по академіи наукъ, бывшіе вмѣстѣ съ тѣмъ членами россійской академіи. Имъ и Озерецковскимъ составлено предварительное начертаніе или планъ словаря, расположеннаго по азбучному порядку. Онъ былъ членомъ комитета, на который главнымъ образомъ

возложено было все веденіе дѣла. Комитетъ долженъ былъ «заниматься разсматриваніемъ трудовъ, сочинителями словаря доставляемыхъ, поправленіемъ, гдѣ будетъ нужно, опредѣленій и пополненіемъ опущенныхъ знаменованій, словъ, реченій и пословицъ» и т. д. Румовскій названъ первымъ въ числѣ академиковъ, которые приносятъ особенную пользу обществу и которыхъ «трудолюбію, раченію и усердію академія одолжена, что новоиздаваемый россійскій словарь, какъ азбучнымъ своимъ расположеніемъ, такъ и вновь учиненными поправками и пополненіями, гораздо противу прежняго исправнѣйшій, къ употребленію способнѣйшій, и слѣдственно полезнѣйшій, приведенъ къ окончанію и въ академію представленъ». Румовскій сообщилъ для словаря объясненіе словъ и реченій, начинающихся съ буквы О, приведя ихъ въ азбучный порядокъ и сдѣлавъ различныя исправленія и дополненія [184]).

Не подлежитъ сомнѣнію, что присутствіе Румовскаго въ собраніяхъ россійской академіи приносило существенную пользу дѣлу. Онъ принималъ живое участіе въ академическихъ совѣщаніяхъ и преніяхъ, не любилъ оставлять вопроса нерѣшеннымъ, вдумывался въ него и представлялъ на судъ собранія свои соображенія, подкрѣпляя ихъ фактическими доказательствами и примѣрами. Румовскій высказывался по всѣмъ спорнымъ вопросамъ, возникавшимъ въ собраніяхъ при чтеніи листовъ словаря и грамматики, — отъ опредѣленія корней и смысла словъ до мелкихъ подробностей и пріемовъ при обозначеніи той или другой формы.

Въ первоначальной редакціи словаря глаголъ *алчу* названъ недостаточнымъ; но нѣкоторые изъ членовъ находили, что было бы правильнѣе считать его сокращеніемъ неупотребительнаго глагола *алкаю* и спрягать по образцу *плачу*, *плакалъ*, и т. д. Румовскій привелъ нѣсколько примѣровъ въ такомъ родѣ:

сижу, *сидѣть* — *сажаю*, *сажать*.
вижу, *видѣть* — *видаю*, *видать*.
паду, *пасть* — *падаю*, *падать*, и проч.

На основаніи подобныхъ примѣровъ онъ полагалъ, что *алкать* должно производить отъ *алкаю*. Глаголъ же *алчу* имѣетъ въ неопредѣленномъ наклоненіи *алкнуть*, подобно тому какъ

каплю — *капнуть*, а *капаю* — *капать*.
кличу — *кликнуть*, а *кликаю* — *кликать*.
движу — *двинуть*, а *двигаю* — *двигать*.

Или же оба глагола *алчу* и *алкаю* имѣютъ одинаковое неокончательное наклоненіе *алкать*, подобно тому какъ

стражду и *страдаю* — *страдать*.
жажду и *жаждаю* — *жаждать*.
прячу и *прятаю* — *прятать*.

Есть и такіе глаголы — продолжалъ онъ — по примѣру коихъ *алкать* можно бы производить отъ *алчу*, а именно: *ворчу* — *ворчать; торчу* — *торчать; рычу* — *рычать* и *рыкнуть*, и проч. Но эти глаголы въ неопредѣленномъ учащательномъ, или кончащемся на *ать*, имѣютъ удареніе на томъ слогѣ, на который падаетъ оно въ первомъ лицѣ изъявительнаго настоящаго времени. Исключеніе составляютъ немногіе сомнительные глаголы и глаголы сложные, въ которыхъ удареніе иногда переносится на другой слогъ, преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда въ составъ сложнаго глагола входитъ частица *вы*, какъ напримѣръ: *сушу* — *высушить*, и т. п. Наконецъ, глаголы: *верчу*, *трачу*, *кричу*, *стучу*, имѣющіе въ прошедшемъ времени *вертѣлъ*, *тратилъ*, *кричалъ*, *стучалъ*, показываютъ, что не во всѣхъ глаголахъ *чу* перемѣняется въ прошедшемъ времени на *ка*. Все это склоняло Румовскаго къ тому мнѣнію, что *алкать* справедливѣе производить отъ *алкаю*, нежели отъ *алчу* [185]).

При распредѣленіи матеріаловъ, вошедшихъ въ составъ второй части этимологическаго словаря, глаголъ *имаю* поставленъ былъ подъ буквою Е на томъ основаніи, что онъ происходитъ отъ глагола *емлю*. Румовскій возражалъ противъ этого, и собраніе, вникая въ производство временъ того и другаго глагола и

согласно съ доказательствами, представленными Румовскимъ, положило: глаголъ *имаю* поставить подъ буквою И, какъ самостоятельный, со всѣми его производными.

По поводу тѣхъ же глаголовъ Румовскій сообщилъ собранію, что онъ, перебирая всѣ глаголы, зависящіе отъ *емлю* и *имаю*, нашелъ только два глагола, а именно *вынимаю* и *пронимаю*, которые представляютъ нѣкоторое препятствіе для соединенія глаголовъ *емлю* и *имаю*, ибо *выемлю* и *проемлю* или вовсе не находятся въ славянскихъ книгахъ или по крайней мѣрѣ до сихъ поръ не отысканы. Поэтому онъ и предлагалъ на рѣшеніе собранію, какъ поступить въ настоящемъ случаѣ: поставить ли глаголы *выемлю* и *проемлю* съ замѣчаніемъ, что они неупотребительны, или же, совсѣмъ ихъ опуская, внесть въ своемъ мѣстѣ глаголы *вынимаю* и *пронимаю* съ ихъ производными. Собраніе рѣшило— поставить, потому что есть слова: *выемка*, *выемный*, *проемъ*, *проемный*, и проч. [186]).

Румовскій предлагалъ, чтобы глаголъ *шествую*, производимый отъ прошедшаго времени глагола *иду*, поставить самостоятельнымъ къ буквѣ Ш, подобно глаголу *шагаю*. Собраніе согласилось съ этимъ; но передумавши дѣло, положило глаголъ *шествую* оставить попрежнему при глаголѣ *иду* на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Глаголъ *шествую* происходитъ отъ слова *шествіе*, а слово *шествіе* происходитъ отъ *шелъ*.

2) Что глаголъ *шествую* не есть коренной, доказываютъ всѣ сложныя слова, которыя должны бы отъ него происходить, напримѣръ: *восшествіе*, *зашествіе*, *отшествіе*, *пришельствіе* [187]), ибо «глаголъ сей тѣхъ значеній не имѣетъ, и не имѣетъ сложности съ глаголами, отъ коихъ бы оныя слова произвести должно».

3) Всѣ глаголы на *ствую* производятся отъ именъ на *ство* или *ствіе* или отъ другихъ, неимѣющихъ такого окончанія, какъ напримѣръ: отъ слова *блаженство* происходитъ *блаженствую*, отъ слова *слѣпота* — *слѣпотствую*, и проч. [188]).

Въ свою очередь Румовскій иногда самъ признавалъ невѣр-

нымъ свое прежнее мнѣніе, глубже вдумываясь въ предметъ, и взвѣшивая доводы противниковъ. Допуская, что глаголъ *помню* съ его производными должно производить отъ глагола *мню*, онъ предлагалъ вмѣстѣ съ тѣмъ считать слово *памятъ* самостоятельнымъ и производить отъ него слово *памятую* и другія. Но въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій Румовскій заявилъ, что онъ отступаетъ отъ своего прежняго мнѣнія, находя основательнымъ производство словъ *помню*, *память* и др. отъ глагола *мню* [189]).

При чтеніи замѣчаній на словарь, сдѣланныхъ членами, Румовскій предложилъ, чтобы въ прошедшихъ временахъ глаголовъ, въ особенности сложныхъ, въ которыхъ удареніе нерѣдко переходитъ на другой слогъ, писать эти времена не сокращенно, но прописью, и ставить на нихъ удареніе, чтобы иностранцы, которые будутъ пользоваться нашимъ словаремъ, могли и въ настоящемъ случаѣ произносить слова правильно; напримѣръ: *иду́ — выхожу́*, *вы́шелъ; ска́зываю — выска́зываю*, *вы́сказалъ*, и проч. Собраніе постановило — принять это предложеніе и слѣдовать ему при изданіи словаря.

Такимъ же образомъ одобрено и принято къ руководству замѣчаніе Румовскаго, что въ словарѣ слѣдовало бы помѣщать будущее время глаголовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда глаголы, особенно сложные, имѣютъ не одно только будущее простое, или же когда будущее производится не по обыкновеннымъ правиламъ, напримѣръ: *заброжу*, *забреду; набраживаюсь — наброжусь; выбрасываю*, *выброшу* и *выбросаю*, и проч. [190]).

Въ отношеніи къ спорному вопросу о правописаніи предлоговъ, долго занимавшему россійскую академію, Румовскій былъ того мнѣнія, что слѣдуетъ держаться начала словопроизводства, а не произношенія. Онъ писалъ въ академію: «Къ причинамъ утверждающихъ, что во всѣхъ словахъ сложныхъ съ предлогами *без*, *воз* или *вз*, *из*, *низ*, *раз* и пр. лучше слѣдовать словопроизводству, нежели произношенію, присовокупить еще честь имѣю, что ежели въ одномъ случаѣ слѣдовать произношенію, то основательно можно требовать, чтобы и въ другихъ случаяхъ оному

было слѣдовано. И потому, вмѣсто: пре*д*теча, по*д*твердить, по*д*тереть, пре*дъ* тобою, по*дъ* тобою и пр., должно писать: пре*т*теча, по*т*твердить, по*т*тереть, пре*тъ* тобою, по*тъ* тобою и пр. Вообще почти всѣ гласную букву *о* выговариваютъ такъ, что въ произношеніи сливается она съ буквою *а*, и многіе оную совершенно какъ *а* произносятъ, выключая тѣ случаи, когда на букву *о* падаетъ удареніе. Посему, утверждающіе, что слова съ предлогами *без*, *воз*, *низ*, *раз* и пр. должно писать слѣдуя произношенію, могутъ требовать, чтобы вмѣсто *о* вездѣ писано было *а*. По симъ причинамъ и по тѣмъ, кои во мнѣніи, присланномъ ко мнѣ изображены, я такого мнѣнія, что въ правописаніи должно слѣдовать словопроизводству, а не произношенію». Выражая подобное мнѣніе при изданіи новаго академическаго словаря, Румовскій защищалъ начало, котораго держалась академія въ своемъ первомъ словарѣ, печатая: източникъ, изтреблять, разкрыть, а не источникъ, истреблять, раскрыть, и т. п.

Соображая грамматическія правила о производствѣ прошедшихъ временъ въ глаголахъ, Румовскій предложилъ собранію, не удобнѣе ли будетъ производить ихъ отъ неокончательнаго наклоненія: неопредѣленнаго, совершеннаго и многократнаго. Собраніе, войдя въ разбирательство этого дѣла, признало, что такое производство болѣе подходитъ къ свойству языка и правиламъ любомудрія, опредѣлило: передѣлать упомянутое производство отъ неокончательнаго наклоненія, возложивъ это на члена академіи, занимающагося, по ея порученію, составленіемъ русской грамматики [191]).

Поводомъ къ разногласію въ академическомъ собраніи послужило слово *важу* съ производными отъ него *вваживаю*, *приваживаю*, *поваживаю* и др. Для объясненія смысла этого слова, означающаго *приманиваю*, *пріучаю*, приведены примѣры изъ никоновской лѣтописи и ратнаго устава: любовію *вадяще* его; что мя *привадили*; воинскіе люди на то *вадились*, и т. д. Нѣкоторымъ казалось, что всѣ подобныя слова могутъ быть произведены отъ глагола *вожу*. Но Румовскій, сравнивая будущія времена глаго-

ловъ *веду* и *важу*, особенно же производныхъ отъ нихъ, нашелъ большое различіе: *веду* — *поведу*, *введу*, *буду водить*, и проч.; *важу* — *вважу*, *приваживаю*, *поважу*, и т. д., и вслѣдствіе этого признавалъ неоспоримымъ существованіе глагола *важу* въ значеніи *пріучаю*, *приманиваю*. Согласно съ мнѣніемъ Румовскаго, слово *важа* признано кореннымъ, а производными отъ него — слова: *повадить*, *привадить*, *ввадить*, *повадка*, и др. [192]).

Опредѣленіе корня слова *воскресеніе* было предметомъ долгихъ и оживленныхъ преній. Съ своей стороны Румовскій высказалъ мнѣніе слѣдующаго содержанія: «Въ россійскомъ языкѣ— говоритъ онъ — глаголамъ *воскресаю* и *воскрешаю* находится много подобныхъ, напримѣръ: *погасаю* и *погашаю; перегниваю* и *перегнаиваю; погрузаю* и *погружаю*. Сіи и подобные имъ сложные глаголы спрягаются всѣ одинакимъ образомъ, и въ будущихъ временахъ показываютъ, отъ какихъ глаголовъ они происходятъ; напримѣръ:

погасаю,	будущее	*погасну*,	корень	его	*гасну*.
перегниваю	»	*перегнію*	»	»	*гнію*.
погрузаю	»	*погрузну*	»	»	*грузну*.
погашаю	»	*погашу*	»	»	*гашу*.
перегнаиваю	»	*перегною*	»	»	*гною*.
погружаю	»	*погружу*	»	»	*гружу*.

Сей порядокъ не только въ упомянутыхъ мною, но и во всѣхъ почти сложныхъ глаголахъ наблюдается, а какъ глаголы *воскресаю* и *воскрешаю* въ спряженіяхъ такимъ же измѣненіямъ послѣдуютъ, какъ мною упомянутые, то ежели по подобію заключать позволено, корень перваго долженъ быть *кресну*, а втораго — *крешу*. Но глаголовъ *кресну* и *крешу* нѣтъ въ нынѣшнемъ россійскомъ языкѣ, почему мнится мнѣ, что ихъ самихъ и знаменованія ихъ должно искать въ другихъ, отъ одного и того же корня съ россійскимъ произшедшихъ». Мнѣніе Румовскаго одобрено собраніемъ, и одинъ изъ членовъ россійской академіи, именно Болтинъ, принялъ на себя объясненіе загадочнаго корня [193]).

Въ словарѣ россійской академіи одно изъ значеній слова *князь* опредѣлено такимъ образомъ: «конь, конекъ, самый верхній брусъ на кровлѣ у деревяннаго строенія; или верхнее бревно, перекладина на воротахъ: возьмите, врата, князи ваша» [194]). Основываясь на томъ, что въ лѣтописяхъ и въ словѣ о полку Игоревѣ слово *князь* встрѣчается въ формѣ *кнесъ*, нѣкоторые изъ академиковъ порѣшили, что буква *к* по ошибкѣ поставлена вмѣсто *г*, и потому утверждали, что вмѣсто слова *князь*, когда оно означаетъ верхній брусъ на кровлѣ, слѣдуетъ писать *гнесъ*, и для слова *гнесъ* придумана и соотвѣтствующая этимологія: его производили отъ глагола *гнету*. Но подобное предположеніе показалось Румовскому черезчуръ страннымъ, и онъ далъ такой отзывъ: «Хотя въ древнихъ лѣтописяхъ и писано *кнесъ* вмѣсто *князь*, однако не слѣдуетъ изъ того, чтобы нужно было вмѣсто слова, вѣками утвержденнаго, вводить новое *гнесъ*, утверждаясь единственно на производеніи. Ежели производеніе должно служить правиломъ, а не употребленіе, то отъ глагола *гнету* имѣя слово *гнетъ*, справедливѣе было бы ввесть слово *гнетъ* для означенія бруса, полагаемаго на столпы воротъ или на стропила; но не думаю я, чтобы академія на сіе согласиться могла» [195]).

Румовскій предложилъ, чтобы при опредѣленіи слова *вѣра* привести и старинное его значеніе — *присяга: привести къ вѣрѣ* значило *привести къ присягѣ*. Собраніе воспользовалось указаніемъ Румовскаго, и въ академическомъ словарѣ въ примѣръ слова *вѣра* въ смыслѣ присяги, клятвеннаго увѣренія, приведено мѣсто изъ уложенія: иноземцовъ къ вѣрѣ приводити по ихъ вѣрѣ въ приказѣхъ.

Стараясь замѣнять иностранныя слова русскими, академія рѣшила вмѣсто греческаго слова *фанатикъ* ввести коренное русское *изувѣръ*. Сообразно съ этимъ Румовскій настаивалъ на замѣнѣ существительнаго *фанатизмъ* равносильнымъ ему русскимъ словомъ, и собраніе постановило вмѣсто *фанатизмъ* употреблять *изувѣрство* [196]).

По случаю разсужденія о словѣ *вѣче*, о его значеніи и спо-

собѣ написанія — *вѣче* или *вече*, Румовскій доказывалъ, что надо писать *е*, а не *ѣ*, хотя въ старинныхъ книгахъ встрѣчается иногда и *ѣ*; для опредѣленія же смысла этого слова онъ привелъ рядъ примѣровъ изъ новгородской лѣтописи:

сташа прочаа чадь и сътвориша *вече*.

хоромы ихъ развозиша, а Семена Внучька убиша на *вѣчѣ*.

и Онцифоръ съ Матфѣемъ възвони *вече* у святѣи Софіи, а Федоръ и Ондрюшка другое съзвониша *вече* на Ярославлѣ дворѣ.

и сташа славляне не по князѣ, и поставиша *вече* на Ярославлѣ дворѣ, а другое *вече* у святѣй Софеи.

начаша іереи обѣдиюю пѣти, а новогородци сташа *вечемъ* у святѣй Софѣи.

всташа три конци софѣйской стороны на посадника, и възвонивъше *вече* у святѣй Софіи, и поидоша на дворъ его, акы рать силпаа.

и ставъ *вѣчемъ* у святѣй Софѣи, положиша три жребіи на престолѣ.

вынесе на *вѣче* Лвовъ жребій.

Что касается до значенія этого слова, — говоритъ Румовскій, — то изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что *вече* значило собраніе или родъ сейма, какіе видимъ въ казацкихъ обществахъ; въ богемскомъ же языкѣ, весьма сходномъ съ славянскимъ, *вечъ* называется башня или колокольня [197]). Латинское forum Румовскій переводилъ иногда словомъ *вѣче*. Въ академическомъ словарѣ опредѣленія словъ *вече* и *вечъ* видимо составлены подъ вліяніемъ мнѣнія Румовскаго: «*вечь* — башня или колокольня; *вече*, въ старинныхъ книгахъ иногда писалося чрезъ *ѣ*, — сеймъ, общенародное собраніе, для какого ни есть совѣта, которое обыкновенно дѣлалося на площади». Примѣры взяты изъ царственнаго лѣтописца и новгородской лѣтописи.

Россійская академія принимала вообще съ большимъ сочувствіемъ предложенія, замѣчанія и доводы Румовскаго, дорожа

его совѣтами и указаніями, и руководствуясь ими при составленіи и изданіи своихъ трудовъ. Довѣріе къ его обширнымъ познаніямъ и безпристрастію выражается и въ томъ, что суду его подвергаемы были многія изъ поступавшихъ въ академію работъ какъ постороннихъ лицъ, такъ и самихъ академиковъ, трудившихся надъ разработкою того или другаго предмета по порученію академіи. Румовскому приходилось писать разборы и давать отзывы о вещахъ самаго разнообразнаго содержанія — отъ смутной въ то время области сравнительной филологіи до изысканныхъ цвѣтовъ ораторскаго краснорѣчія.

Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ прислалъ въ россійскую академію «послѣдній плодъ» покойнаго академика Штрубе де-Пирмона — русскій этимологическій словарь. Въ этомъ обширномъ трудѣ Штрубе де-Пирмонъ разбираетъ сочиненія по теоріи языка и сравнительной филологіи различныхъ писателей: Куръ де-Жебелена, Монбоддо, Аделунга и многихъ другихъ, и излагаетъ свою собственную этимологическую систему. Онъ не стѣсняется выборомъ данныхъ, сравнивая и сближая слова языковъ сродныхъ и несродныхъ, и въ подтвержденіе своихъ догадокъ приводя множество примѣровъ изъ языковъ древнихъ и новыхъ, общеизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ, европейскихъ, азіатскихъ, африканскихъ и американскихъ. Авторъ подробно разсуждаетъ о происхожденіи русскаго языка, и указываетъ отношеніе русскаго языка къ языкамъ европейскимъ и азіатскимъ, древнимъ и новымъ, находящимся съ нимъ въ болѣе или менѣе близкомъ сродствѣ. Разсмотрѣть представленный трудъ и опредѣлить степень его достоинства поручено было Румовскому и тремъ сочленамъ его по россійской академіи [198]).

На Румовскаго же вмѣстѣ съ нѣсколькими другими академиками возложено было разсмотрѣніе правилъ русскаго правописанія, собранныхъ членомъ россійской академіи В. Г. Григорьевымъ, и руководства къ логикѣ, составляемаго И. С. Рижскимъ, профессоромъ и первымъ ректоромъ харьковскаго университета.

Въ собраніи россійской академіи 30 октября 1787 года пред-

ставлено было сообщеніе шляхетскаго кадетскаго корпуса, которымъ предлагается на разсмотрѣніе и утвержденіе академіи переведенное на русскій языкъ образцовое расположеніе человѣческихъ познаній, которое прежде просмотрѣно и поправлено было членомъ академіи г. *Румовскимъ*, коему кадетскій корпусъ отдаетъ справедливость за удачно переведенныя многія реченія [199]).

Академикъ Н. Я. Озерецковскій представилъ въ россійскую академію планъ риторики, составляемой имъ по порученію академіи. По разсмотрѣніи плана Румовскій прислалъ такого рода отзывъ: «Судить о представленномъ риторики расположеніи право принадлежитъ тѣмъ, кои въ риторикѣ упражнялись и показали опыты своего знанія. Но какъ упражненія мои никогда не касались до сего рода познаній, то я предпочитаю удержаться отъ сужденія о расположеніи риторики, господиномъ статскимъ совѣтникомъ и академикомъ Озерецковскимъ представленномъ, нежели судить наудачу. Между тѣмъ не могу преминуть, чтобы не изъявить моего мнѣнія въ разсужденіи онаго о томъ, о чемъ всякъ, не будучи риторъ, судить можетъ. Представленное расположеніе риторики почти все взято изъ риторики Фридерика Бургія, въ Москвѣ въ 1776 году изданной. Самъ сочинитель Фридерикъ Бургій говоритъ, что она сочинена для употребленія въ гимназіяхъ. И потому кажется мнѣ, что искусившимся въ семъ дѣлѣ принадлежитъ напередъ сравнить сію риторику съ прочими, и ежели она расположеніемъ и содержаніемъ найдена будетъ превосходнѣе прочихъ, въ свѣтъ изданныхъ, въ такомъ случаѣ въ сочиненіи риторики слѣдовать будетъ можно риторикѣ г. Бургія. Не сдѣлавъ же напередъ подобнаго сравненія, академія можетъ подвергнуть себя нареканію, что не только сама сочинить риторики, но и хорошаго выбора сдѣлать не могла» [200]).

Съ цѣлію возбуждать соревнованіе въ писателяхъ и содѣйствовать обогащенію отечественной литературы, россійская академія предлагала отъ времени до времени задачи для соисканія наградъ. Любители словесности приглашались къ сочиненію тра-

гедій, ироидъ, похвальныхъ словъ и т. п. Вслѣдствіе подобнаго вызова было прислано въ академію нѣсколькихъ похвальныхъ словъ царю Ивану Васильевичу IV. Одно изъ нихъ, подъ девизомъ: «единъ онъ былъ и начало царей, и новый законодатель, и отецъ своего народа, и славнѣйшій своего вѣка герой, и купно благочестивѣйшій и ревностнѣйшій христіанинъ» — передано на разсмотрѣніе Румовскому. Прочитавши произведеніе неизвѣстнаго автора, Румовскій представилъ въ академію довольно подробный разборъ слѣдующаго содержанія:

«Слогъ слова сего во многихъ мѣстахъ не вразумителенъ, и не рѣдко встрѣчаются погрѣшности противъ россійскаго языка. Въ примѣръ сему представляю самый первый періодъ:

«Ежели кому другимъ, то намъ наипаче ощутительнѣйшимъ образомъ можно понимать, какъ то слава царей есть слава и блаженство ихъ царствъ. Россія, сіе древнее наше отечество, отъ самыхъ извѣстнѣйшихъ временъ своего бытія по нынѣ, многихъ уже таковыхъ своихъ обладателей препокоила въ блаженной своей памяти, которыхъ слава умамъ истинныхъ сыновъ отечества даетъ счастливое нѣкое просвѣщеніе, и въ очахъ незазорныхъ созерцателей ея блистаетъ какъ свѣтъ невечерній».

Здѣсь во-первыхъ замѣчаю, что мы не говоримъ: ежели *кому другимъ*, а говоримъ: ежели *кому другому*. Не говоримъ также: *то намъ наипаче ощутительнѣйшимъ образомъ можно понимать, какъ то слава царей есть слава и блаженство ихъ царствъ*; но говоримъ: можно понимать, что и пр.

Потомъ, я признаюсь, что не понимаю ясно, что такое значитъ: *многихъ своихъ обладателей препокоила въ блаженной своей памяти, которыхъ слава даетъ счастливое нѣкое просвѣщеніе, и въ очахъ незазорныхъ созерцателей* и пр.

Съ подобными оборотами невразумительныя мѣста въ словѣ семъ нерѣдко встрѣчаются; а особливо прилагательныя, въ превосходномъ степени безъ нужды поставленныя, толь часто попадаются, что утомляютъ вниманіе читателя. Такъ напримѣръ писатель дѣлаетъ вопросъ: почему царь Іоаннъ не былъ толь же-

стокъ при жизни *первѣйшей* своей супруги? Будто прежде первой супруги бываетъ первѣйшая.

Тоже самое можно сказать о новыхъ, сочинителемъ слова вводимыхъ, реченіяхъ, такъ напримѣръ *вседержительное государя мановеніе*; *составъ благодѣяній*, *прежде нѣсколькихъ вѣковъ вознамѣренныхъ*; *заобыкновенность*; *соодолѣть*; *возспособствовать*, *любоглаголивое реніе*; *овладѣвать*; *сотребователь*, и пр.

Сверхъ сего есть мѣста, о коихъ можно сказать, что лучше бы было, ежели бы они исключены были, особливо, когда желая возвеличить своего героя, о подданныхъ его и другихъ государяхъ говоритъ оскорбительнымъ образомъ. Такъ напримѣръ, говоря о Казани: *Ты втеченіе нѣсколькихъ вѣковъ, гдѣ не возмогла чего чинить противъ Россіи наглостію, то успѣвала въ томъ лукавствомъ, ослѣпляя мздою очи нѣкоторыхъ неистовыхъ сыновъ отечества.* Потомъ о государяхъ: *упреждающаго сопредѣльныхъ державъ государей, жаждущихъ человѣческой крови.* Ибо хулою чужихъ государей не возвышается слава своего государя. На той же, кажется, страницѣ помѣщена мысль, не приносящая чести царю Іоанну Васильевичу, что обязывалъ иногда подданныхъ своихъ въ преданности и повиновеніи подписками.

Умалчивая о прочихъ подобныхъ выраженіяхъ, долгомъ почитаю сказать о нѣкоторыхъ событіяхъ, писателю служившихъ основаніемъ къ прославленію своего героя, что многія изъ нихъ насильно притянуты. Какъ-то:

1.

Чудное, какъ говоритъ писатель, избраніе его на царство. Я съ моей стороны ничего не нахожу въ немъ чрезвычайнаго. По кончинѣ царя Василья Ивановича оставался въ живыхъ одинъ его сынъ, царь Іоаннъ Васильевичъ II, на четвертомъ году своего возраста. Слѣдовательно, онъ былъ законный наслѣдникъ престола. Сочинитель слова для утвержденія мнѣнія своего вопрошаетъ: *что мы скажемъ о томъ изреченіи, которое простерто было предъ кончиною отъ государя, родителя Іоаннова, къ пред-*

стоящему духовному и свѣтскому начальству: сей Іоаннъ вамъ будетъ царь и самодержецъ; онъ отыметъ слезы христіанскія, и смиритъ языческая шатанія, и всѣхъ враговъ своихъ побѣдитъ. На сіе сказать можно, что не извѣстно, откуда взято сіе изреченіе родителя о сынѣ, и хотя бы въ лѣтописи какой-нибудь о немъ было упомянуто, однако за пророчество оное принято быть не можетъ, потому что царь Іоаннъ Васильевичъ не всѣхъ побѣдилъ враговъ своихъ.

2.

Сочинитель похвальнаго слова утверждаетъ, что онъ первый наименованъ царемъ россійскимъ. Покойный и извѣстный по россійской исторіи мужъ, Миллеръ, въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ говоритъ, что царь Іоаннъ Васильевичъ самъ себѣ повелѣлъ приложить сей титулъ. Онъ повѣствуетъ:

а) Псковитяне подавали уже дѣду Ивану Васильевичу челобитную, въ которой они царемъ его именовали.

б) Что ему приложенъ титулъ царскій подданными, и еще чаще сыну его князю Василью Ивановичу, но они его не употребляли, а сынъ сего послѣдняго при короновапіи въ 1547 повелѣлъ приложить себѣ оный титулъ.

Здѣсь нужно прочесть повѣствованіе самого писателя, чтобы академія по заключенію, при семъ случаѣ сдѣланному, могла заключить и о другихъ его умствованіяхъ.

3.

О уничтоженіи мѣстничества самъ сочинитель повѣствуетъ, что конечное истребленіе онаго послѣдовало по указу царя Ѳеодора Алексѣевича; но первоначальное произшествіе было, говоритъ, изобрѣтеніе ума Іоанна Васильевича I. Но есть явные слѣды, что Іоаннъ Васильевичъ I и сынъ его Василій Ивановичъ по самодержавію своему мѣстничество уничтожать начинали.

4.

Въ достоинство вмѣняется царю Іоанну Васильевичу II учрежденіе опричины. Здѣсь сочинитель предаетъ на разсужденіе, ху-

до ли имѣть государю особенныхъ при себѣ тѣлохранитей. Всѣ ему скажутъ, что не худо, когда служатъ къ безопасности государя. Но тотъ же именитый мужъ Миллеръ пишетъ, что опричники часъ отъ часу больше своевольствовали, и какъ имъ подозрѣніе царя на знатныхъ было извѣстно, то они старались больше увеличить, и можетъ статься на нѣкоторыхъ и ложно доносили, дабы можно было дѣлить по себѣ имѣнія осужденныхъ. Самъ сочинитель говоритъ, что и духовенство на нихъ вопіяло.

5.

Сочинитель слова, приписывая царю Іоанну Васильевичу распространеніе предѣловъ государства и пріобрѣтеніе царства сибирскаго, самъ говоритъ, что не самъ царь и не оружіемъ своимъ покорилъ оное царство своему скипетру, но пріобрѣлъ отъ нѣкотораго своего подданнаго; однако возглашаетъ, что все сіе по уставу предвѣчнаго правителя міра состоялося къ особенной славѣ и величеству царя всероссійскаго. Во славу царя Ивана Васильевича то только обращается, что покореніе сіе послѣдовало въ его царство.

Главныя дѣянія, кои царя Іоанна Васильевича II дѣлаютъ достопамятнымъ для Россіи суть покореніе царства казанскаго и астраханскаго. На нихъ надлежало бы сочинителю долѣе остановиться и возвеличить своего героя; но онъ не долѣе останавливается какъ на прочихъ.

Что касается до мыслей сего слова, то хотя и встрѣчаются иногда похвалы достойныя, но пріятность ихъ заглушается скучнымъ многоглаголаніемъ.

Все сіе собравъ воедино, слово сіе по мнѣнію моему не заслуживаетъ обѣщаннаго награжденія» [201]).

Ежегодныя приглашенія къ соисканію наградъ, печатаемыя въ вѣдомостяхъ, не привели къ желаемой цѣли: въ большей части случаевъ приходилось давать отвѣты отрицательные. Вещей присылалось довольно много, но не оказывалось ни нужды, ни даже возможности печатать измышленія бездарности въ родѣ по-

хвальнаго слова, которое разбиралъ Румовскій. Гораздо болѣе посчастливилось академіи въ другомъ ея предпріятіи на пользу общества и литературы — въ переводѣ на русскій языкъ писателей классической древности. Самый обширный трудъ этого рода составляетъ заслугу Румовскаго.

Переводъ Тацитовыхъ анналовъ принадлежитъ къ числу самыхъ важныхъ фактовъ въ дѣятельности Румовскаго какъ члена россійской академіи. Мы весьма подробно говорили объ этомъ переводѣ при обозрѣніи литературныхъ трудовъ нашего академика.

Литературный органъ россійской академіи — періодическое изданіе сочиненій и переводовъ — возникъ при содѣйствіи и непосредственномъ участіи Румовскаго. Онъ былъ членомъ комитета, на который возложена обязанность разсматривать всѣ статьи съ самою строгою разборчивостью и представлять въ собраніе тѣ изъ нихъ, которыя могутъ и должны быть помѣщены въ академическомъ журналѣ. Какъ редакторъ и сотрудникъ предпринятаго изданія, Румовскій внесъ въ него одинъ изъ первыхъ вкладовъ — свой переводъ рѣчи Геллерта о превосходствѣ древнихъ писателей передъ новыми въ отношеніи стихотворства и краснорѣчія, которая, «принята отъ всего собранія съ удовольствіемъ и со изъявленіемъ своей благодарности» [202]).

Участіе Румовскаго проявлялось главнымъ образомъ въ умственной жизни академіи, въ ея научныхъ трудахъ, предпріятіяхъ, совѣщаніяхъ и т. п. Но и другая сторона академической жизни не оставалась чуждою для нашего ученаго. Онъ содѣйствовалъ не только литературнымъ успѣхамъ академіи, но и ея матеріальному благосостоянію. Румовскій былъ избранъ членомъ комитета для завѣдыванія дѣломъ въ высшей степени важнымъ, именно — постройкою академическихъ зданій, которая была крайне необходима вслѣдствіе обстоятельствъ, сложившихся до того невыгодно для академіи, что ей приходилось остаться безъ пріюта. Комитету предоставлялось полное право и власть дѣлать торги, заключать отъ имени академіи контракты съ подрядчиками и произво-

дить всѣ дѣла, касающіяся до постройки академическихъ зданій. Болѣе двухъ лѣтъ дѣйствовалъ комитетъ, и окончилъ возложенное на него порученіе съ самымъ полнымъ успѣхомъ. По разсмотрѣніи всѣхъ отчетовъ и документовъ, академія нашла, что сумма, употребленная на постройку домовъ весьма умѣренна, и приписывала это единственно распорядительности и бережливости комитета. Въ уваженіе отличнаго усердія къ пользамъ академіи и особенныхъ трудовъ членовъ комитета, академія признала справедливымъ почтить ихъ достойнымъ воздаяніемъ, предоставляя выборъ его министерству народнаго просвѣщенія [203]).

Труды и заслуги Румовскаго давали ему неотъемлемое право на довѣріе, почетъ и уваженіе со стороны его сочленовъ. Россійская академія много разъ выражала свое сочувствіе къ добросовѣстному труженику, свидѣтельствуя о его заслугахъ и устно, и письменно, и печатно. При обзорѣ академической дѣятельности, при отчетѣ о занятіяхъ академиковъ, при указаніи лицъ, особенно потрудившихся на общую пользу, имя Румовскаго является на первомъ планѣ, наряду съ тѣми именами, которыя не должны быть забыты въ исторіи русской образованности.

Въ отчетѣ или «краткомъ изображеніи трудовъ, членами россійской академіи употребленныхъ, отъ начала ея основанія» до изданія второй части словопроизводнаго словоря сказано:

Степанъ Яковлевичъ Румовскій «собиралъ слова, буквеннымъ порядкомъ, съ письмени Е начинающіяся; сообщалъ слова, выписываемыя имъ изъ древнихъ лѣтописей; соучаствовалъ въ отдѣлѣ, разсматривающемъ и поправляющемъ предварительно труды сочинителей; предназначилъ нѣкоторыя правила, къ сочиненію грамматики послужить могущія; объяснялъ слова въ астрономіи и маѳематикѣ употребительныя; участвовалъ въ составленіи правилъ, до сочиненія словаря касающихся; и почти всегдашнимъ присутствіемъ въ собраніяхъ академіи много вспомоществовалъ своими примѣчаніями въ трудахъ академіи» [204]).

Тоже самое помѣщено и во введеніи ко второй части словопроизводнаго словаря.

При изданіи третьей части словаря говорится о Румовскомъ: «почти всегда присутствуя въ академическихъ собраніяхъ, и сообщая свои примѣчанія, споспѣшествовалъ къ составленію сея части; особенно же опредѣлялъ слова, до звѣздословія касающіяся».

При изданіи четвертой части: «во всѣхъ собраніяхъ академіи участвуя, продолжалъ опредѣлять слова, до звѣздословія касающіяся».

При изданіи пятой части: «сверхъ всегдашняго участвованія въ собраніяхъ академіи и сообщенія примѣчаній, особенно продолжалъ опредѣлять слова, до звѣздословія касающіяся».

При изданіи шестой и послѣдней части: «сверхъ примѣчаній и пополненій на разсматриваемые листы въ академіи, такожде всегдашняго соучаствованія въ собраніяхъ, продолжалъ особенно опредѣлять слова, въ звѣздословіи употребительныя».

Въ запискѣ о трудахъ и занятіяхъ членовъ, составленной въ 1802 году, говорится о Румовскомъ: «Почти всегдашнимъ своимъ присутствіемъ въ собраніяхъ академіи и въ комитетѣ, разсматривавшемъ труды сочинителей россійскаго словаря, мнѣніями своими и совѣтами вспомоществовалъ къ приведенію въ возможное совершенство правилъ языка и словаря, буквеннымъ порядкомъ располагаемаго. Приведя въ азбучный порядокъ, поправивъ и пополнивъ, сообщилъ въ академію букву О. Принялъ на себя трудъ преложить съ латинскаго языка на россійскій творенія знаменитаго древняго бытописателя Тацита; и наконецъ всегда присутствовалъ въ комитетѣ для строенія домовъ академіи. Сверхъ сего трудился надъ вторымъ изданіемъ первой части этимологическаго словаря» [205]).

По окончаніи втораго тома словопроизводнаго словаря положено было увѣнчать золотою медалью труды того, кто всего болѣе содѣйствовалъ успѣху предпріятія. При этомъ приняты во вниманіе свѣдѣнія о занятіяхъ каждаго члена, помѣщенныя и въ

печатномъ изданіи, а также и ревностное посѣщеніе академическихъ собраній. Послѣднее обстоятельство считали важнымъ потому, что присутствующіе, сверхъ замѣчаній, которыя они дѣлали на объясненія словъ, разсматриваемыя въ собраніяхъ, «разсужденіями своими спюсобствовали къ утвержденію обще всѣхъ предлагаемыхъ поправленій, и слѣдовательно, наиболѣе споспѣшествовали къ усовершенствованію общаго труда». На этомъ основаніи произведена балотировка, вслѣдствіе которой золотыя медали присуждены двумъ лицамъ: Дашковой и Румовскому, получившему одиннадцать одобрительныхъ голосовъ и только одинъ отрицательный [206]).

Въ собраніи россійской академіи 13 іюля 1812 г. заявлено было о кончинѣ Румовскаго. Заявленіе это сдѣлано въ самой офиціальной формѣ: «возвѣщено собранію о кончинѣ члена академіи Степана Яковлевича Румовскаго, дѣйствительнаго статскаго совѣтника и ордена св. Владиміра третьей степени и св. Анны втораго класса кавалера, воспослѣдовавшей сего іюля 6 числа» [207]). Не прибавлено ни единаго слова о заслугахъ покойнаго, не высказано сожалѣнія объ утратѣ, понесенной академіею. Не кроется ли причина такой холодности въ разнаго рода столкновеніяхъ, неизбѣжныхъ въ жизни человѣка съ сильнымъ характеромъ и независимымъ образомъ мыслей? Насколько можно уловить давноминувшія отношенія, они не всегда отличались тѣмъ благодушіемъ, которое сливается съ представленіемъ о добромъ старомъ времени. Не особенно мягокъ приведенный нами отзывъ Румовскаго о трудѣ своего сочлена Озерецковскаго. Не замѣтно большой пріязни и въ словахъ Озерецковскаго: впродолженіе двухъ лѣтъ— говоритъ онъ — академія наукъ лишилась шестерыхъ членовъ, двое умерли, а четыре выбыли, и въ числѣ ихъ Румовскій: «сей послѣдній, сдѣлавшись вице-президентомъ, отказался отъ всѣхъ должностей академика, и потому изъ числа членовъ выбылымъ по справедливости почитаться долженъ» [208]). Но съ другой стороны цѣлый рядъ неопровержимыхъ фактовъ удостовѣряетъ, что, несмотря на нѣкоторую раздражительность и желчность, онъ поль-

зовался въ академической средѣ общимъ и вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ; его друзья и недруги отдавали справедливость его уму, его энергіи, и въ большинствѣ случаевъ его образу мыслей и дѣйствій. Вѣрнѣе, можетъ быть, видѣть въ свойствѣ сдѣланнаго заявленія признакъ времени, невольную дань формальностямъ, все болѣе и болѣе входившимъ въ академическую жизнь. Впрочемъ, каковы бы ни были посмертные отзывы о нашемъ академикѣ, не ими опредѣляется его настоящее значеніе. Никакія случайности, никакія личныя отношенія не могутъ умалить несомнѣнныхъ достоинствъ Румовскаго, и какъ ученаго и какъ человѣка. Нерѣдко то, въ чемъ современники видятъ рѣзкій намекъ и личную вражду, является для потомства свидѣтельствомъ благородной прямоты и честности, недопускающей сдѣлокъ ни съ своею совѣстью, ни съ своими убѣжденіями. На страницахъ различныхъ академическихъ изданій множество доказательствъ учености и трудолюбія Румовскаго, его любви къ наукѣ и къ литературѣ. Если вникнуть въ смыслъ его разнообразной и неутомимой дѣятельности, то нельзя не прійти къ заключенію, что имя Румовскаго, какъ замѣчательнаго русскаго ученаго своего времени, должно по справедливости занять почетное мѣсто и въ исторіи академіи наукъ и въ исторіи россійской академіи.

И. И. ЛЕПЕХИНЪ.

Академическая канцелярія и университетъ. — Страсбургскій университетъ.— Учено-литературные труды и дѣятельность въ академіи наукъ. — Путешествіе по Россіи. — Россійская академія.

I.

Иванъ Ивановичъ Лепехинъ (1740—1802) родился въ Петербургѣ 10 сентября 1740 года [209]). Отецъ его былъ солдатомъ семеновскаго полка. Полкъ этотъ ведетъ свое начало отъ потѣш-

ныхъ Петра Великаго, переведенныхъ въ село Семеновское и получившихъ названіе лейбъ-гвардіи. Существуя съ 1695 года, семеновскій полкъ участвовалъ во многихъ походахъ и сраженіяхъ, въ знаменитой полтавской битвѣ и при взятіи городовъ и крѣпостей: Азова, Шлиссельбурга, Хотина, Фридрихсгама и др.[210]). Наградою за храбрость служили разныя отличія и преимущества, простиравшіяся и на нижнихъ чиновъ полка. Солдаты имѣли право въ день своихъ семейныхъ праздниковъ являться къ императору и къ императрицѣ; каждому рядовому отпускаемы были именинныя деньги, и сверхъ того выдавалась особая сумма на крестины дѣтей, и т. п. Солдатскимъ дѣтямъ открытъ былъ путь къ полученію не только начальнаго, но и высшаго образованія. Казармы нижнихъ чиновъ преображенскаго и семеновскаго полковъ были колыбелью нѣсколькихъ русскихъ ученыхъ и писателей. Дѣти солдатъ, подобно дѣтямъ дворянъ и служилыхъ людей вообще, могли и должны были являться на смотры, учрежденные для разбора недорослей и опредѣленія ихъ въ учебныя заведенія.

Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія много разъ повторялось требованіе правительства высылать недорослей на смотръ по достиженіи ими опредѣленнаго возраста: на первый смотръ должны были являться семилѣтніе, на второй — двѣнадцатилѣтніе, на третій — шестнадцатилѣтніе недоросли. Ко второму смотру недоросли обязаны были обучиться «дѣйствительно и совершенно грамотѣ читать и чисто писать. Которыхъ отцы — прибавлено въ указѣ — имѣютъ менѣе ста душъ, таковыхъ записывать, по ихъ склонности, въ государственныя академіи и другія школы, какъ кто къ чему способенъ явится, ибо такіе малопомѣстные, иногда не разсуждая не токмо о государственной, но и о собственной своей пользѣ, хотя способовъ къ обученію своихъ дѣтей и не имѣютъ, однакожъ того ради дѣтей при себѣ оставить желаютъ, дабы оныхъ по сродной своей горячести подъ видомъ науки всегда предъ глазами своими имѣть». Для обученія недорослей учреждены были школы; но несмотря на

строгія и настойчивыя требованія, многія изъ дѣтей дворянскихъ, солдатскихъ и всякаго званія служилыхъ чиновъ скрывались подъ разными предлогами. Вслѣдствіе этого указомъ императрицы Елисаветы Петровны предписано было не принимать недорослей ни въ какую службу безъ вѣдома сената и сенатской конторы и безъ удостовѣренія въ томъ, что въ точности исполнено требованіе закона о смотрахъ въ опредѣленные сроки [211]).

Подобно другимъ недорослямъ являлся на смотры въ герольдмейстерскую контору и сынъ солдата Лепехина. Въ первый разъ малолѣтній Иванъ Лепехинъ явился на смотръ на восьмомъ году отъ роду и отданъ былъ отцу для основательнаго изученія русской грамоты. Пробывши въ домѣ отца около двухъ лѣтъ, онъ пожелалъ поступить въ академическую гимназію, и для этого долженъ былъ снова явиться на смотръ. Въ журналѣ академической канцеляріи 24 сентября 1750 года читаемъ: «Канцелярія академіи наукъ, слушавъ поданной во оную канцелярію челобитной обрѣтающаго лейбгвардіи семеновскаго полку при церкви Казанской Богородицы надзирателя, отставнаго солдата Ивана Лепехина, коею объявляетъ въ прошломъ де 1748 году по опредѣленію герольдмейстерской конторы въ недоросли его велѣно ему, для основательнаго изученія россійской грамотѣ писать и читать, быть при отцѣ его до будущаго 1753 году, и онъ, Лепехинъ, россійской грамотѣ читать и писать изучился, а нынѣ онъ желаетъ обучаться иностранныхъ языковъ, яко-то: латинскаго, нѣмецкаго и французскаго, и проситъ о принятіи его въ академію въ ученики со опредѣленіемъ жалованья, и при томъ челобитьи приложена съ того пашпорта копія, въ коей значится, что оный проситель, по желанію помянутаго отца его, для обученія россійской грамотѣ читать и писать со основаніемъ отданъ ему до указныхъ двѣнадцати лѣтъ, а когда онъ будетъ въ двѣнадцать лѣтъ, и ему еще явиться на смотръ въ 1753 году въ генварѣ мѣсяцѣ неотложно, гдѣ надлежитъ. А понеже въ томъ пашпортѣ того, чтобъ ему, Лепехину, по желанію его, гдѣ опредѣлиться, не написано, и для того, такожъ и за вышеозначеннымъ положен-

нымъ срокомъ, канцелярія академіи наукъ опредѣлить безъ особливаго правительствующаго сената указа не можетъ. Того ради приказали: его, Ивана Лепехина, въ академію въ ученики на жалованье не опредѣлять, а ежели онъ пожелаетъ тѣмъ языкамъ обучаться на своемъ коштѣ, то его принять и обучать, и о томъ ему, Лепехину, объявить въ канцеляріи» [212]).

Такое опредѣленіе академической канцеляріи заставило Лепехина обратиться въ сенатъ, который и далъ десятилѣтнему недорослю желаемое разрѣшеніе. 29 марта 1751 года послѣдовалъ указъ правительствующаго сената. «Недоросля Ивана Лепехина, который въ герольдмейстерской конторѣ явился ко второму смотру и сказкою показалъ: отъ роду ему десять лѣтъ, не изъ дворянъ, солдатскій сынъ, грамотѣ россійской и писать обученъ; крестьянъ за нимъ нѣтъ, а имѣетъ отецъ его въ симбирскомъ уѣздѣ помѣстной земли двадцать четвертей, — опредѣлить въ десіансъ-академію въ ученики» [213]).

По полученіи указа сената академическое начальство поручило инспектору гимназіи, академику Крашенинникову освидѣтельствовать, чему и какъ учился Лепехинъ и чему еще желаетъ обучаться. Въ рапортѣ своемъ академикъ Крашенинниковъ сообщаетъ, что Лепехинъ кромѣ русской грамоты ничему не обучился, и поступилъ въ классы для обученія нѣмецкому языку и ариѳметикѣ. Спустя три съ половиною мѣсяца тотъ же инспекторъ гимназіи представилъ о Лепехинѣ, что онъ по понятію и прилежанію своему достоинъ быть ученикомъ при гимназіи на жалованьѣ. Поэтому канцелярія академіи наукъ опредѣлила: оному Лепехину быть при той гимназіи ученикомъ съ жалованьемъ по двѣнадцати рублей въ годъ [214]).

Не задолго до поступленія Лепехина въ гимназію утвержденъ былъ уставъ академическаго университета и гимназіи. Въ распредѣленіи учебныхъ занятій, въ преподаваніи и въ устройствѣ гимназіи вообще заведены были такіе порядки:

— Ежедневно три учителя должны были обучать первымъ

основаніямъ латинскаго, нѣмецкаго и французскаго языковъ, читать, писать, склонять и спрягать, — и задавать вокабулы.

Во второмъ классѣ — продолжать склоненія и спряженія; обучать сочиненію и просодіи; толковать Ланговы разговоры, и изъ краткаго Целларіева лексикона задавать урокъ для ученія на память.

Въ третьемъ классѣ толковать Юстина, Корнелія Непота, Овидіевы книги называемыя тристіумъ; дѣлать экзерциціи въ прозѣ и стихами; учить генеральной исторіи по Курасову руководству, и продолжать задачи изъ Целларіева лексикона.

Россійскимъ ученикамъ священнику показывать основанія православныя грекороссійскія вѣры.

Обучать политической географіи и показывать на глобусѣ. Обучать: всей ариѳметикѣ, геометріи и тригонометріи, французскому языку, рисовальному художеству и калиграфіи съ самаго начала до письмъ, называемыхъ канцлей фрактуръ и италіанскихъ.

Понеже обществу и похвалѣ служитъ, чтобъ стараніе прилагать о большемъ совершенствѣ не токмо души, но и тѣла подданныхъ, то танцмейстеру обучать танцованію своихъ учениковъ.

Ежели ученики произойдутъ далеко въ своихъ успѣхахъ, то учредить еще латинскій классъ, въ которомъ толковать труднѣйшихъ авторовъ, какъ въ прозѣ, такъ и стихами, также и греческому языку обучать.

Академическимъ жалованнымъ ученикамъ, которые должны искать своего содержанія отъ наукъ, надлежитъ по предписанному образцу обучиться означеннымъ языкамъ и наукамъ. Но ежели по экзаменѣ явится, что кто-нибудь изъ нихъ не имѣетъ къ наукамъ дарованія или не прилагаетъ прилежанія, то опредѣлить его къ другому дѣлу, и на его мѣсто принять другаго.

Ни профессорамъ, ни учителямъ не имѣть другихъ праздничныхъ дней, кромѣ положенныхъ святѣйшимъ правительствующимъ синодомъ въ табели, въ календарѣ сообщенной [215]).

Нѣкоторыя черты и особенности въ устройствѣ академической гимназіи, являясь какъ бы уступкою духу времени и настроенію общества, возникли отчасти подъ вліяніемъ иностранныхъ, преимущественно нѣмецкихъ, образцовъ. Сословная рознь, которая такъ рѣзко обнаруживалась въ учебныхъ заведеніяхъ Германіи въ семнадцатомъ и въ первой половинѣ восьмнадцатаго столѣтія, замѣтна и въ порядкахъ, допущенныхъ въ академической гимназіи. Во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ студенты изъ высшаго дворянства пользовались исключительнымъ положеніемъ, разнаго рода правами и преимуществами, отличавшими ихъ отъ студентовъ незнатнаго происхожденія. На лекціяхъ студенты аристократы сидѣли за особеннымъ столомъ, на возвышенномъ, ближайшемъ къ каѳедрѣ, мѣстѣ; имена ихъ съ изображеніемъ гербовъ вносились въ особую книгу; въ торжественныхъ собраніяхъ юные графы и бароны, посѣщавшіе университетскія аудиторіи, занимали мѣста выше своихъ наставниковъ, и т. п. [216]). Въ нашихъ училищахъ старались избѣжать по крайней мѣрѣ послѣдняго обстоятельства, но различіе сословій было наблюдаемо и выражалось самымъ нагляднымъ образомъ. Канцелярія академіи наукъ приказала: «обучающимся въ гимназіи изъ шляхетства и другихъ знатныхъ чиновъ людей дѣтямъ сидѣть за особливымъ столомъ, а которые не знатныхъ отцовъ дѣти, тѣхъ особливо отдѣлить» [217]). Признано нужнымъ не только отдѣлить знатныхъ воспитанниковъ отъ незнатныхъ, помѣстивъ ихъ за разными столами, но и самымъ столамъ придать особый видъ, который бы указывалъ на сословное неравенство. «Помянутому столу, также и лавкѣ, на чемъ имъ сидѣть, надлежитъ имѣть отъ другихъ и нѣкоторую отмѣну. Сверхъ того, объявленное шляхетство не въ одномъ классѣ обучается, то надобно будетъ и не въ одномъ классѣ по такому столу и по лавкѣ. Того ради не повелѣно ли будетъ сдѣлать такихъ столовъ и лавокъ дворянскихъ до шести, а именно два во французскіе, три въ математическіе да одинъ въ высшій латинскій классъ, изъ которыхъ бы за каждымъ человѣкъ до десяти могло умѣститься. А какимъ образомъ тѣ столы и лав-

ки отличить отъ другихъ; оное на разсужденіе канцеляріи академіи наукъ оставляется. Впрочемъ, ежели угодно будетъ, чтобъ помянутые столы и лавки сукномъ обиты были, то необходимо надобно будетъ чтобъ и столы, за которыми сидятъ учители, сукномъ же покрыты были, дабы столы учительскіе не гнусняе были ученическихъ» [218]).

Устройство академической гимназіи представляло много недостатковъ и служило поводомъ къ безпрестаннымъ столкновеніямъ и пререканіямъ въ канцеляріи. Чтобы положить конецъ неурядицѣ, президентъ академіи наукъ счелъ за лучшее передать дѣло въ одни надежныя руки, и избралъ для этого Ломоносова, который находился тогда на верху своей славы. «Черезъ разные опыты я усмотрѣлъ, — пишетъ графъ Разумовскій въ канцелярію академіи наукъ — что учрежденію и распорядку, а особливо сочиненію регламентовъ гимназіи и университета, отъ несогласія разныхъ мнѣній, также и надлежащему происхожденію сихъ департаментовъ чинится остановка, и уже многіе годы минули не съ такимъ успѣхомъ и пользою, каковыхъ бы по справедливости ожидать должно было. И сверхъ того сумма, опредѣленная на университетъ, исходила по сіе время по большей части на другіе расходы, такъ что академическое комисарство должно стало университету многія тысячи. Того ради прошедшаго 1758 году данъ былъ отъ меня ордеръ господину коллежскому совѣтнику Ломоносову, чтобы онъ сочинилъ регламенты для университета и гимназіи, которые имъ сочинены, и по ордеру моему отданы въ канцелярію для общаго разсмотрѣнія и для поданія мнѣ на апробацію. Но какъ я еще вижу, что дѣло сіе по прежнему отъ несогласныхъ мнѣній претерпѣваетъ остановку, а господинъ Ломоносовъ между тѣмъ, по сочиненному отъ него регламенту гимназіи поступая съ моего позволенія, привелъ своимъ стараніемъ гимназію во много лучшее состояніе передъ прежнимъ. Того ради, по данной мнѣ отъ ея императорскаго величества власти, поручаю учрежденіе и весь распорядокъ университета и гимназіи единственно оному господину совѣтнику Ломоносову по сочинен-

нымъ отъ него регламентамъ, полагаясь на его знаніе и усердіе, и уповая, что онъ въ произведеніи до цвѣтущаго состоянія оныхъ двухъ департаментовъ по должности сына отечества со всякимъ прилежаніемъ и усердіемъ поступать будетъ. И посему академической канцеляріи чинить ему въ произведеній сей, на него единственно положенной, должности всякое споможеніе, чтобы никакой больше остановки не учинилось въ семъ нужномъ дѣлѣ къ приращенію наукъ въ отечествѣ. А особливо чтобы опредѣленную на университетъ сумму не токмо не употреблять ни на какіе другіе расходы; но и недоимочную на прошлые годы, въ случаѣ надобности для помянутаго учрежденія, выдавать по частямъ изъ академической суммы или изъ книжныхъ лавокъ въ разные термины, чтобы въ двѣнадцать лѣтъ расходъ на университетъ съ прочими департаментами пришелъ въ равновѣсіе противъ штата. А оный господинъ Ломоносовъ имѣетъ мнѣ рапортовать о всемъ онаго происхожденіи на каждую треть года, дабы я могъ видѣть всего онаго дѣла теченіе и успѣхи» [219]).

Управленіе академическимъ университетомъ и гимназіею составляетъ видную черту въ общественной дѣятельности Ломоносова. Его независимый образъ дѣйствій нажилъ ему много враговъ, и отголоски старой вражды къ сожалѣнію слышатся даже и въ наше время и притомъ въ отзывахъ лицъ, отъ которыхъ всего болѣе можно было бы ожидать безпристрастія. Тѣмъ умѣстнѣе находимъ привести слова писателя, умѣвшаго избѣжать противоположныхъ крайностей порицанія и восхваленія, и съ одинаковою правдивостью указавшаго и свѣтлыя и темныя стороны въ дѣятельности Ломоносова, имѣвшаго сильное вліяніе на судьбу академіи и существовавшихъ при ней учрежденій. «Нельзя не замѣтить, — говоритъ академикъ Пекарскій — что Ломоносовъ, часто жаловавшійся до поступленія своего въ канцелярію на деспотизмъ ея, когда достигнулъ званія члена ея, поступалъ, гдѣ представлялся случай и возможность, не менѣе самовластно, чѣмъ Шумахеръ и Таубертъ. Притомъ знаменитый академикъ, въ запальчивости и раздраженіи, не рѣдко увлекался чувствами личной не-

пріязни. Впрочемъ, несмотря на страстность Ломоносова и выдававшійся даже и въ тѣ суровыя времена крутой нравъ его, безпристрастный изслѣдователь все таки не въ состояніи будетъ отказать ему въ своемъ сочувствіи, потому что во всѣхъ дѣйствіяхъ Ломоносова проглядывало чрезвычайно много благороднаго, возвышеннаго и геніальнаго. Онъ отличался безкорыстіемъ и честностью. Его прямая душа гнушалась канцелярскихъ каверзъ и всякаго крючкотворства. Всѣ его поступки какъ ученаго и администратора проникнуты были неподдѣльною любовью къ родинѣ; помыслы и желанія его были направлены къ прославленію Россіи и русскихъ и къ возбужденію уваженія къ нимъ въ Европѣ» [220]).

Съ 1751 до начала 1760 года Лепехинъ находился въ академической гимназіи, и по окончаніи въ ней курса удостоенъ званія студента. На окончательномъ экзаменѣ изъ двѣнадцати учениковъ восемь оказали удовлетворительные успѣхи, и изъ гимназіи переведены въ университетъ. Испытаніе производили академики, а также адъюнкты и магистры, именно: Фишеръ, Браунъ, Поповъ, Модерахъ, Котельниковъ, Румовскій, Мотонисъ, Козицкій. Въ донесеніи испытательной коммиссіи сказано: «Оные ученики публично экзаминованы, и что касается до ихъ успѣховъ въ латинскомъ языкѣ, то въ первый день задана была имъ задача для переводу съ латинскаго языка на русскій, а въ другой день — съ русскаго на латинскій. Послѣ гг. профессоры вмѣстѣ съ адъюнктами и магистрами прилежно разсматривали тѣ переводы, и нашли, что оные годятся (angehen), и о успѣхѣ помянутыхъ учениковъ въ латинскомъ языкѣ подаютъ добрую надежду. Чего ради думаемъ мы, что первые восемь учениковъ въ состояніи съ пользою слушать у гг. профессоровъ лекціи на латинскомъ языкѣ, и потому достойны приняты быть въ число студентовъ. Они хотя не всѣ одинаковыхъ успѣховъ, но одинъ другаго превосходитъ понятіемъ и способностію». Первымъ по успѣхамъ названъ Матвѣевъ, вторымъ — Лепехинъ. Профессоръ Браунъ сообщилъ: «экзаминовалъ я гимназическихъ учениковъ верхняго класса въ

ихъ успѣхахъ, и оказалось, что старшіе изъ нихъ восемь человѣкъ первыя начала логики нарочито поняли (bene comprehendisse)». Котельниковъ и Румовскій замѣтили: «Иванъ Лепехинъ не столько въ ариѳметикѣ, сколько въ геометріи, а въ геометріи успѣлъ изрядно» [221]).

19 января 1760 года послѣдовалъ указъ изъ академической канцеляріи — быть Ивану Лепехину студентомъ, дать ему шпагу и привести его къ присягѣ. 11 февраля того же года сдѣлано было распоряженіе, за подписью Ломоносова, начать въ университетѣ лекціи непремѣнно на будущей недѣлѣ, и каждому профессору читать по четыре лекціи.

Профессору Фишеру предоставлено было толковать латинскихъ авторовъ, какаго онъ самъ заблагоразсудитъ. Онъ избралъ для объясненія рѣчи Цицерона.

На профессора Брауна возложено было чтеніе «курса философическаго, включая экспериментальную и теорическую физику, затѣмъ что господинъ профессоръ Эпинусъ представилъ такія кондиціи, по которымъ лекціи студентамъ съ надлежащимъ успѣхомъ слушать нельзя». Браунъ читалъ Вольфову философію по сокращенію Тиммигову.

Профессоръ Котельниковъ преподавалъ математику — курсъ всей математики, по Вольфовымъ первымъ основаніямъ.

Адъюнктъ Козицкій излагалъ краснорѣчіе латинскаго и греческаго языка; показывалъ риторическія правила и чистоту латинскаго штиля [222]).

Въ объявленіи о лекціяхъ въ университетѣ на 1761 годъ, которыя должны были начаться 22 января, показано:

Иванъ Эбергардъ Фишеръ, исторіи и древностей римскихъ профессоръ, — изъяснять будетъ Цицероновы рѣчи, а по окончаніи сего станетъ толковать Плиніеву натуральную исторію.

Іосифъ Адамъ Браунъ, теоретической и практической философіи профессоръ, — будетъ показывать и объяснять физическіе опыты, окончавъ метафизическія лекціи.

Семенъ Котельниковъ, высшей математики профессоръ, —

будетъ давать наставленія всей математики по сокращеніямъ Вольфовыхъ первыхъ основаній.

Георгъ Фридерикъ Федоро́вичь, профессоръ юриспруденціи, — исторію о правахъ и первыя ихъ основанія изъяснять будетъ.

Алексѣй Протасовъ, адъюнктъ академіи, — показывать станетъ анатомію, начавъ отъ остеологіи или строенія частей человѣческаго тѣла, а потомъ и слѣдующія части оныя науки.

Григорій Козицкій, адъюнктъ академіи, — первыя основанія риторики будетъ показывать по Эрнестову латинскому оныхъ сочиненію, съ упражненіемъ въ латинскомъ штилѣ. Притомъ станетъ изъяснять Гораціевы оды [223]).

Въ 1762 году лекціи начались 7 января, и въ объявленіи о нихъ названы слѣдующіе лица и предметы:

Профессоръ Фишеръ — будетъ изъяснять Горація о стихотворствѣ и прочія онаго письма и сатиры, сочиненныя о стихотворствѣ и о стихотворцахъ.

Профессоръ Браунъ — по окончаніи экспериментальной физики приступитъ къ чтенію натуральной философіи.

Профессоръ Котельниковъ — будетъ показывать алгебру, по окончаніи которой станетъ изъяснять диференціальныя и интегральныя выкладки, показавъ напередъ въ высшую геометрію краткое руководство; между тѣмъ будетъ задавать своимъ слушателямъ вопросы рѣшить разные.

Профессоръ Федоро́вичь—по окончаніи исторіи европейскаго универсальнаго права начавъ преподавать начала гражданской юриспруденціи, и по изъясненіи права собственнаго и требовательнаго, происходящаго отъ позволеннаго обязательства, наконецъ будетъ изъяснять гражданское право.

Профессоръ Леманъ — будетъ преподавать своимъ слушателямъ химическія лекціи, показывая притомъ нужнѣйшіе опыты.

Адъюнктъ Протасовъ учить будетъ анатоміи, начиная отъ остеологіи; по окончаніи оныя показывать будетъ въ удобное

время и прочія той науки части, по обыкновенію другихъ университетовъ.

Адъюнктъ Козицкій — слушавшимъ начала риторики будетъ показывать упражненія въ стилѣ по книгѣ Іоанна Шефера, продолжая между тѣмъ читать Гораціевы оды [224]).

Въ именномъ спискѣ студентовъ, 1762 года, значится: Иванъ Лепехинъ, студентъ химіи, въ гимназіи съ 22 апрѣля 1751 года, произведенъ въ студенты 26 января 1760 года; слушалъ лекціи профессоровъ: Фишера — съ 22 февраля 1760 года, Брауна — съ 21 февраля 1760 года, Лемана — съ 9 января 1762 года, Казицкаго — съ 21 февраля 1760 года [225]).

II.

Пробывши въ академическомъ университетѣ два съ половиною года, студентъ Лепехинъ просилъ академію наукъ послать его заграницу для довершенія научнаго образованія. Поводомъ къ такой просьбѣ послужили прежніе примѣры, а главнымъ образомъ то обстоятельство, что въ петербургской академіи наукъ не было профессора естественной исторіи, и занятія по химіи и анатоміи не достигали желаемой цѣли. Всѣ, знавшіе Лепехина, академики засвидѣтельствовали, что онъ по своимъ познаніямъ, по своей даровитости и нравственнымъ качествамъ подаетъ самыя лучшія надежды, и вполнѣ заслуживаетъ поддержки и содѣйствія его дальнѣйшему образованію. Осуществленіе всякаго рода плановъ и проэктовъ, касающихся ученой корпораціи, зависѣло отъ канцеляріи академіи наукъ, и студентъ Лепехинъ представилъ въ канцелярію всепокорнѣйшее доношеніе, въ которомъ объяснялъ: «Въ силу полученнаго въ началѣ сего 1762 года отъ его высокоблагородія г. коллежскаго совѣтника Ломоносова приказа, по которому велѣно было здѣшнимъ студентамъ апликовать себя, всякому по желанію и способности своей, къ какой-нибудь одной наукѣ, я, нижеименованный, хотя и чувствовалъ въ себѣ издавна особливую склонность къ натуральной исторіи; но за неимѣніемъ въ здѣшней академіи наукъ такого профессора, который бы могъ

обучать сей наукѣ, не могъ въ оную вступить. Однакожъ въ ожиданіи случая напослѣдокъ апликовать себя единственно къ помянутой наукѣ, вѣдая, что къ будущему моему лучшему въ оной успѣху не токмо много способствуетъ, но и совершенно нужна химія, вступилъ я въ оную; въ ней теперь между тѣмъ у господина профессора Лемана и упражняюсь. А понеже въ намѣреніи скорѣйшаго распространенія наукъ между природными россійскаго государства подданными, какъ изъ московскаго университета и медицинскаго факультета, такъ и изъ здѣшней академіи наукъ, для обученія разнымъ наукамъ посыланы были многіе въ чужіе краи на казенномъ ея императорскаго величества содержаніи. Того ради, побужденъ таковыми примѣрами, канцелярію академіи наукъ всенижайше прошу, дабы для обученія по склонности моей къ вышепоказанной натуральной исторіи соблаговолено было, по примѣру г. профессора Котельникова, адъюнктовъ Протасова и Румовскаго, послать и меня, нижайшаго, въ иностранное училище, въ какое канцелярія академіи наукъ благоизволитъ» [226]). Въ экстраординарномъ собраніи академіи наукъ положено: студента Лепехина отпустить для обученія исторіи натуральной либо въ Упсалу къ славному г. Линнею, либо въ какую-нибудь иную иностранную академію, потому что онъ въ фундаментальныхъ наукахъ и языкахъ нарочитые успѣхи имѣетъ, да сверхъ того онъ понятенъ и добронравенъ [227]). Канцелярія академіи наукъ опредѣлила послать Лепехина въ нѣмецкіе университеты, предоставляя выборъ ихъ академическому собранію. Собраніе избрало Страсбургъ, отчасти руководствуясь при этомъ тогдашними политическими обстоятельствами Европы: въ то время пребываніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи представляло большую или меньшую опасность вслѣдствіе семилѣтней войны (1756—1763). Вмѣстѣ съ Лепехинымъ и съ тою же цѣлью — довершенія образованія отправленъ былъ заграницу и другой питомецъ академическаго университета — Полѣновъ. Полѣновъ занимался преимущественно юридическими науками. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ, писавшихъ въ Россіи объ уничтоженіи крѣ-

постнаго права [223]). Академическое собраніе признало нужнымъ, чтобы «студентъ Лепехинъ и переводчикъ Полѣновъ посланы были съ адъюнктомъ г. Протасовымъ въ Страсбургъ, потому что тамъ отъ воинскихъ дѣйствіевъ спокойно, и дешевле жить, нежели въ Саксоніи; также тамъ г. Протасовъ можетъ имъ служить предводителемъ на первый случай. Тутъ же есть почетный членъ г. Шепфлинъ, который надъ ними надзирать можетъ. Да сверхъ того г. профессоръ Леманъ обѣщалъ писать о Лепехинѣ къ тамошнему своему корреспонденту профессору Шпильману, дабы онъ наставлялъ его во всемъ, чему обучаться долженъ».

При отъѣздѣ заграницу Лепехинъ получилъ отъ академіи наукъ такого рода инструкцію:

1.

Во первыхъ долженъ ты имѣть страхъ Божій, и православную греко-россійскую вѣру содержать по крайней возможности всецѣло, а притомъ, охраняя честь академіи, отправившей тебя для продолженія наукъ, имѣть благочинное и постоянное житіе, и отъ всякихъ пороковъ, а паче отъ пьянства̀, которое есть всему злу корень, удаляться.

2.

А понеже ты имѣешь отсюда отправиться обще съ адъюнктомъ г. Протасовымъ въ Страсбургъ, гдѣ пріѣдучи обучаться тебѣ во первыхъ гуманіорамъ, нѣмецкому и французскому языкамъ, со всякимъ прилежаніемъ, а потомъ упражняться во всѣхъ частяхъ исторіи натуральной, и сверхъ подаваемыхъ тебѣ отъ профессоровъ лекцій и собственнаго приватнаго ученія ходить часто собирать и описывать всякія травы и другія натуральныя вещи.

3.

Ѣдучи дорогою, въ знатныхъ городахъ, а особливо гдѣ есть университеты, то̀, что̀ до наукъ касается, примѣчать, и вести для себя краткій журналъ.

4.

Изъ Страсбурга присылать тебѣ въ академическую канцелярію о успѣхахъ своихъ отчеты и рапорты съ засвидѣтельствованіемъ тамошнихъ господъ профессоровъ, и пока повелѣнія отъ канцеляріи не будетъ, сюда не возвращаться.

5.

Когда жъ покажется тебѣ, что довольно жилъ въ Страсбургѣ, а захочешь ѣхать въ какую-либо другую академію, тогда тебѣ о томъ представить канцеляріи заблаговременно, и ожидать резолюціи, а собою ни подъ какимъ видомъ не выѣзжать.

6.

Отъ академіи жалованье имѣешь получать по двѣсти рублевъ въ годъ, изъ чего тебѣ расходы свои какъ на собственное содержаніе, такъ на платежъ за лекціи и на покупку нужнѣйшихъ книгъ располагать, и въ долги не входить, а если окажутся, оныхъ академія платить не будетъ. И о всякихъ расходахъ присылать въ канцелярію по третямъ года подробные отчеты непремѣнно.

7.

Ежели противъ предписанныхъ въ сей инструкціи пунктовъ что̀ пренебрежешь и исполнять не будешь, за то имѣешь быть штрафованъ неупустительно [229]).

Страсбургскій университетъ пользовался громкою извѣстностью въ восьмнадцатомъ столѣтіи, и привлекалъ въ свои аудиторіи молодыхъ людей изъ различныхъ странъ Европы. Самое географическое положеніе Страсбурга дѣлало его сборнымъ мѣстомъ для путешественниковъ, отправлявшихся въ Италію, Францію, Швейцарію, Германію. Къ этому надо прибавить, съ одной стороны, благопріятный климатъ, красивое мѣстоположеніе, нравы и обычаи жителей, а съ другой стороны — европейскую извѣстность нѣкоторыхъ профессоровъ, а также выборъ предметовъ для университетскаго преподаванія, разсчитанный на при-

влеченіе возможно большаго количества слушателей. Не смотря на то, что Страсбургъ давно уже принадлежалъ Франціи, уроженцы Германіи охотно предпочитали его чисто-нѣмецкимъ городамъ, и въ числѣ студентовъ страсбургскаго университета было много нѣмцевъ изъ близкихъ и дальнихъ мѣстъ Германіи. Почти въ одно время съ Лепехинымъ и у тѣхъ же самыхъ профессоровъ, именно Шпильмана и Лобштейна, слушалъ лекціи въ страсбургскомъ университетѣ начинавшій уже свою литературную дѣятельность знаменитый Гете. Большинство иностранцевъ приходилось на долю сѣверянъ — шведовъ и русскихъ. Шведская колонія, состоявшая преимущественно изъ офицеровъ, вступившихъ во французскую службу, и ихъ семействъ, оказывала благотворное вліяніе на мѣстное общество, сближая и сглаживая болѣе или менѣе рѣзкія крайности. Въ обществѣ происходила борьба двухъ началъ, враждебныхъ и въ національномъ и въ религіозномъ отношеніи: съ присоединеніемъ края къ Франціи нѣмцы-протестанты поставлены были лицомъ къ лицу съ французами-католиками. Нейтральную почву представляли шведы, родственные нѣмцамъ по вѣрѣ и происхожденію, и вполнѣ сочувствовавшіе французамъ, усвоивши ихъ образъ жизни, обычаи и пріемы французскаго общежитія. Городскія власти съ своей стороны заботились объ уничтоженіи розни, и съ одинаковымъ радушіемъ принимали у себя представителей различныхъ народностей. На вечерахъ страсбургскихъ аристократовъ можно было потолковать съ маршаломъ Кантадомъ о политикѣ, узнать придворныя новости отъ лицъ, близкихъ къ шведскому королю, услышать разсказъ гетмана Разумовскаго о смерти Петра III, и знакомиться съ мѣстными памятниками исторической старины изъ бесѣдъ съ профессоромъ Шепфлиномъ [230]).

Въ числѣ студентовъ страсбургскаго университета было весьма много русскихъ. Въ 1785—1787 годахъ считалось между знатными (vom Stande) студентами: 17 нѣмцевъ, 16 французовъ, 23 англичанина и 44 русскихъ, включая въ это число и лифляндцевъ. Страсбургскіе ученые и литераторы находились въ постоян-

ныхъ сношеніяхъ съ Петербургомъ, доставляя воспитателей и спутниковъ въ заграничныхъ путешествіяхъ для молодыхъ людей высшаго круга. Изъ Страсбурга прибылъ въ Россію нѣмецкій писатель Николаи, извѣстный своими поэмами во вкусѣ Аріоста, въ которыхъ видѣли и грацію и разнообразіе картинъ и знаніе человѣческаго сердца. Несчастная любовь заставила поэта покинуть родину и переселиться въ Россію; въ своемъ новомъ отечествѣ онъ началъ карьеру библіотекаремъ великаго князя Павла Петровича, а кончилъ — президентомъ академіи наукъ. Николаи родился въ Страсбургѣ, а умеръ въ Выборгѣ, въ Монрепо.

Привлекательная сила Страсбурга и вмѣстѣ его существенная особенность заключалась въ присутствіи двухъ началъ, двухъ цивилизацій — романской и германской. Оно высказывалось всюду — на улицахъ и въ гостиныхъ, въ одеждѣ и въ языкѣ, въ устройствѣ жилищъ и въ составѣ и характерѣ университетскихъ курсовъ. Борьба велась упорная, и побѣда постепенно переходила на сторону Франціи, вербовавшей все болѣе и болѣе приверженцевъ въ рядахъ самыхъ усердныхъ нѣкогда защитниковъ Германіи и всего нѣмецкаго. Втеченіе нѣкотораго времени и Гете находился на распутіи двухъ міровъ, и едва-едва не перешелъ во французскій лагерь. Гете не скрываетъ этого обстоятельства, и хотя старается выгородить себя различными соображеніями, болѣе или менѣе возвышенными, но въ словахъ его просвѣчиваетъ настоящая суть дѣла, которое можно объяснить и гораздо проще. Очевидно, что Гете находился подъ сильнымъ вліяніемъ Франціи, и говори онъ пофранцузски какъ французъ, а не съ рѣзкимъ нѣмецкимъ акцентомъ, самолюбіе его было бы успокоено, и поэтъ-космополитъ могъ бы безъ особенной душевной боли промѣнять Веймаръ на Версаль. Въ своей автобіографіи Гете говоритъ, что онъ былъ на сторонѣ Франціи, и снова перешелъ на сторону Германіи послѣ долгаго и долгаго раздумья. Его оттолкнулъ отъ Франціи устарѣлый и чванный тонъ французской литературы, несогласный съ юношескими стремленіями къ жизни и свободѣ; онъ не выносилъ пристрастнаго и недобро-

совѣстнаго отношенія Вольтера къ наукѣ: чтобы обезсилить преданіе о потопѣ, Вольтеръ отвергалъ несомнѣнныя научныя истины, и явленія, замѣчаемыя при постепенномъ образованіи суши и совершающіяся по непреложнымъ законамъ, считалъ простою игрою природы. Всего же болѣе возмущало Гете упорное со стороны французовъ отрицаніе вкуса у нѣмцевъ вообще и у галломана Фридриха II въ особенности, и непомѣрная, хотя и замаскированная, требовательность въ отношеніи чистоты выговора и произношенія. Французы слушали иностранцевъ съ снисходительнымъ вниманіемъ, не позволяя себѣ ни малѣйшей насмѣшки надъ промахами собесѣдника; но эта самая снисходительность дѣйствовала на Гете подавляющимъ образомъ: онъ падалъ духомъ при мысли, что ему не одолѣть предстоящихъ трудностей; что въ его французской фразѣ вѣчно будетъ проглядывать нѣмецъ, и ему никогда не войти въ сонмъ блаженныхъ, говорящихъ чистѣйшимъ французскимъ языкомъ и свободныхъ отъ всякаго грѣха и въ произношеніи и въ употребленіи словъ и оборотовъ [231]). О настроеніи и взглядахъ нѣмецкаго общества можно судить по тогдашней литературѣ дня, по книгамъ и брошюрамъ, выходившимъ въ Страсбургѣ и разсуждавшимъ о вопросахъ умственной и общественной жизни. Въ одной изъ нихъ, авторъ которой скрылъ себя подъ именемъ нѣмецкаго патріота, находимъ такое сравненіе французовъ съ нѣмцами, любопытное во многихъ отношеніяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что во Франціи дворянство, люди военные и буржуазія болѣе образованы, нежели въ Германіи; но это происходитъ не столько отъ любознательности, сколько отъ климата и темперамента. Вслѣдствіе малаго количества пищи, употребляемой французами, и слабости пищеваренія, а также и отъ тонкости французскихъ винъ, неимѣющихъ ничего общаго съ тяжелымъ нѣмецкимъ пивомъ, у французовъ работа мысли совершается живѣе и свободнѣе, нежели въ головахъ нѣмцевъ, и возникаетъ природная наклонность къ веселости и шуткѣ. Веселый, словоохотливый французъ, пересыпающій рѣчь свою остроумными шутками, слыветъ въ нѣмецкомъ обществѣ обра-

зованнѣйшимъ человѣкомъ, хотя если разузнать поближе, то окажется, что онъ былъ въ своемъ отечествѣ не болѣе какъ какимъ нибудь разносчикомъ или перчаточникомъ. Французы говорятъ и читаютъ въ то время, когда нѣмцы еще спятъ или ѣдятъ, пьютъ, играютъ. Французы любятъ разсуждать и писать о политикѣ и общественныхъ вопросахъ, чего вовсе не водится между нѣмцами къ явному ущербу для народной образованности.... Тогдашній взглядъ на меценатство выражается въ замѣчаніи нѣмецкаго патріота, что въ той странѣ, гдѣ дворъ покровительствуетъ занятіямъ естественными науками, тамъ простой деревенскій пасторъ можетъ дѣлать такія же великія открытія, какъ и Линней, и т. п. [232]).

Каковы бы ни были взгляды и сужденія какъ сторонниковъ, такъ и противниковъ французскаго вліянія, для нашей цѣли достаточно указать на то, что въ восьмнадцатомъ столѣтіи, во второй половинѣ его, именно въ то время, когда Лепехинъ былъ студентомъ страсбургскаго университета, французское начало обнаруживалось весьма ярко и въ университетскихъ курсахъ и въ дѣятельности представителей науки. Главное вниманіе обращаемо было на реальную сторону изучаемаго предмета и его практическую примѣнимость; все же отвлеченное и метафизическое оставлялось въ тѣни или отбрасывалось какъ ненужное бремя. Профессора старались познакомить своихъ слушателей съ основными идеями и общимъ содержаніемъ науки, избѣгая мелочей и подробностей, препятствующихъ ясному представленію научной истины; наглядность изложенія и богатство пособій для производства опытовъ считались необходимымъ условіемъ и существеннымъ требованіемъ университетскаго преподаванія. Въ Страсбургѣ особенно цѣнились и процвѣтали тѣ отрасли знаній, которыя находятся въ ближайшей связи съ общественною жизнію и съ реальными потребностями человѣка; таковы: политическія науки, медицина, и т. п.

Для врачей и натуралистовъ страсбургскій университетъ представлялъ много привлекательнаго не только по своимъ кур-

самъ, но и по различнымъ учрежденіямъ, необходимымъ для всесторонняго изученія предмета, а равно по возможности и удобству предпринимать экскурсіи съ научною цѣлью. Еще въ первой половинѣ прошлаго столѣтія учреждена при университетѣ родовспомогательная школа, теоретическая и практическая, изъ которой вышло много замѣчательныхъ акушеровъ Германіи, Голландіи, Швейцаріи, Швеціи и Россіи. Университетъ по справедливости могъ гордиться своимъ натуральнымъ кабинетомъ (naturaliencabinet), составлявшимъ драгоцѣнное, незамѣнимое пособіе при изложеніи естественной исторіи, и своимъ ботаническимъ садомъ. Учрежденіе ботаническихъ садовъ при университетахъ восходитъ къ довольно давнему времени и происходило главнымъ образомъ съ цѣлью собирать цѣлебныя растенія, которымъ придавали особенную важность въ медицинскомъ отношеніи. Первый ботаническій садъ въ Европѣ учрежденъ въ шестнадцатомъ столѣтіи въ Павіи; затѣмъ послѣдовали въ томъ же столѣтіи сады: въ Пизѣ, въ Болоньи, въ Лейпцигѣ, въ Лейденѣ, въ Гейдельбергѣ и въ Монпелье, а въ началѣ семнадцатаго столѣтія — въ Гиссенѣ и въ Страсбургѣ. Страсбургскій садъ, девятый по времени появленія, основанъ въ 1619 году: онъ представлялъ тѣмъ большій интересъ для русскаго натуралиста, что петербургскій садъ находился въ крайне неудовлетворительномъ состояніи. По свидѣтельству академика Гмелина «едва во всей Европѣ сыщется ботаническій садъ, который бы былъ въ толь жалостномъ состояніи, въ какомъ здѣшній, и онъ обширностію своею весьма малъ, и не можно достичь того намѣренія, съ которымъ ботаническіе сады строятся»[233]).

Во время пребыванія своего въ Страсбургѣ и занятій въ тамошнемъ университетѣ Лепехинъ пользовался обществомъ, совѣтами и указаніями профессоровъ: Шепфлина, Шпильмана, Германна, Лобштейна, Пфефингера, Шурера и другихъ. Страсбургскіе профессора оказывали большое участіе и вниманіе русскому студенту, руководили его занятіями, открыли ему свободный доступъ въ свои библіотеки и въ музеи, снабжали научными посо-

біями, брали его съ собою къ больнымъ, чтобы ознакомить на практикѣ съ ходомъ и лѣченіемъ различныхъ болѣзней, и т. п.

Между страсбургскими учеными того времени звѣздою первой величины былъ профессоръ Шепфлинъ (1694—1771), превосходный знатокъ исторіи и древностей края[234]). Въ молодыхъ лѣтахъ онъ занялъ каѳедру исторіи, краснорѣчія и классической словесности, и своимъ талантомъ, разнообразіемъ знаній и увлекательностію чтеній всего болѣе содѣйствовалъ извѣстности страсбургскаго университета, распространившейся далеко за предѣлы Франціи. Молодой ученый получалъ лестныя для него приглашенія отъ различныхъ университетовъ и академій Германіи, Швеціи, Голландіи, Россіи. При учрежденіи академіи наукъ въ Петербургѣ Шепфлину предложено было отъ имени императрицы Екатерины I мѣсто профессора исторіи и званіе императорскаго исторіографа. Онъ изъявилъ согласіе, но университетское начальство и магистратъ города Страсбурга употребили всѣ усилія, чтобы удержать у себя ученую знаменитость. Городъ предоставилъ ему совершить на общественныя средства продолжительное, двухлѣтнее путешествіе по Франціи, Италіи и Англіи. Путешествію этому онъ придалъ характеръ преимущественно археологическій, и для достиженія своей цѣли обрекъ себя на борьбу со всѣми затрудненіями, которыя приходилось ему испытывать трудясь на неразработанной нивѣ. Знаменитыя открытія и раскопки, давшія твердую основу и руководящую нить для археологическихъ изслѣдованій, произведены впослѣдствіи, и неутомимый собиратель древностей долженъ былъ самъ себѣ прокладывать дорогу и на своихъ плечахъ выносить всю ея тяжесть и невзгоды. Со страстью археолога по призванію онъ собиралъ старинныя книги, рукописи, монеты, медали, сосуды, печати и т. п. Богатое собраніе свое онъ принесъ въ даръ родному городу, давшему возможность исполнить предпринятый трудъ.

По возвращеніи въ Страсбургъ Шепфлинъ продолжалъ свои ученыя занятія, и археологія постоянно была у него на первомъ планѣ. Принадлежа страсбургскому университету до конца своей

жизни, Шепфлинъ ознаменовалъ свое ученое поприще составленіемъ въ высшей степени замѣчательнаго музея древностей, отечественныхъ и иностранныхъ, и многими учено-литературными трудами, рядъ которыхъ начинается съ того времени, когда автору было всего семнадцать лѣтъ отъ роду, и продолжается до самой смерти семидесятисемилѣтняго старца. Достойнымъ памятникомъ многолѣтнихъ работъ и археологическаго изученія края служитъ капитальный трудъ Шепфлина: Alsatia illustrata, заключающій въ себѣ изслѣдованія объ исторической судьбѣ Альзаса во времена владычества кельтовъ, римлянъ, франковъ, германцевъ и французовъ. Дополненіе къ этому обширному труду составляетъ Alsatia diplomatica — сборникъ письменныхъ памятниковъ старины, послужившихъ однимъ изъ главныхъ источниковъ для сочиненія. Для собиранія и изученія матеріаловъ во всей ихъ полнотѣ и разнообразіи трудолюбивый ученый исходилъ страну вдоль и поперегъ, не пропуская ни одного мѣстечка, ни одного захолустья, представляющаго хотя малѣйшій интересъ въ археологическомъ отношеніи, и всюду собиралъ рукописныя и вещественныя древности. При тогдашнемъ состояніи палеографіи требовалось много усилій и труда для разбора и объясненія грамотъ и другихъ древнихъ и старинныхъ рукописей, собранныхъ въ огромномъ количествѣ и относящихся къ различнымъ періодамъ, начиная отъ временъ Меровинговъ и до второй половины восьмнадцатаго столѣтія.

Независимо отъ заслугъ Шепфлина какъ ученаго и какъ профессора, мѣстное общество дорожило имъ и потому, что онъ болѣе, нежели кто-либо изъ его собратовъ, содѣйствовалъ сліянію двухъ національностей, совмѣщая въ себѣ лучшія качества обѣихъ: съ нѣмецкимъ содержаніемъ онъ соединялъ французскую форму; пофранцузски и понѣмецки говорилъ и писалъ одинаково свободно, съ одинаковымъ достоинствомъ и изяществомъ выраженія. Шепфлинъ принадлежалъ къ тѣмъ счастливцамъ, которые умѣютъ сближать прошедшее съ настоящимъ, и историческимъ изслѣдованіямъ придаютъ живой интересъ современности. Бога-

тый дарами духа, Шепфлинъ дѣйствовалъ благотворно и на тѣхъ, которые не были съ нимъ въ близкихъ сношеніяхъ; самое пребываніе съ такими свѣтилами возвышаетъ и облагороживаетъ окружающую ихъ среду. Такъ отзывался о Шепфлинѣ студентъ Гете, выражая не только свое личное мнѣніе, но и то, что думалось и говорилось въ кругу его многочисленныхъ товарищей. Гораздо проще, не такъ цвѣтистъ отзывъ Лепехина о Шепфлинѣ; но и въ немногихъ словахъ нашего соотечественника видно, что академія не напрасно поручала своего питомца вниманію и надзору старѣйшаго изъ профессоровъ страсбургскаго университета. Лепехинъ говоритъ, что Шепфлинъ относился къ нему съ большимъ участіемъ и полною готовностью оказывать ему содѣйствіе и поддержку, которыя такъ необходимы были для молодаго человѣка, поставленнаго на чужбинѣ въ новыя, непривычныя для него условія быта, вдали отъ родины и близкихъ къ нему людей.

Непосредственнымъ руководителемъ Лепехина въ его научныхъ занятіяхъ былъ профессоръ медицины Шпильманъ (1722—1783). Онъ родился въ Страсбургѣ, гдѣ отецъ, дѣдъ и предки его въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ были аптекарями. Вѣрный семейному преданію, онъ самъ началъ свое поприще аптекаремъ, и это оказалось весьма важнымъ подспорьемъ для его университетскихъ лекцій по химіи и медицинѣ. Научное образованіе Шпильманъ началъ въ аптекѣ своего отца, а продолжалъ и довершилъ частію въ Страсбургѣ, частію въ Берлинѣ, Фрейбергѣ и Парижѣ. У страсбургскихъ профессоровъ онъ слушалъ лекціи исторіи, философіи, физики, анатоміи; металлургію и горное дѣло изучалъ въ Фрейбергѣ подъ руководствомъ Генкеля, у котораго незадолго до того занимался этими предметами Ломоносовъ. Ученые труды Шпильмана: Основанія химіи, Описаніе страсбургской флоры, Основанія «медицинской или лѣкарственной матеріи» (institutiones materiae medicae), Общая фармакопея, и мн. др. пользовались въ свое время большимъ уваженіемъ; нѣкоторые изъ нихъ служили руководствомъ во многихъ университе-

тахъ и переведены съ латинскаго языка на французскій, нѣмецкій, итальянскій. По отзыву спеціалистовъ, отличительныя черты ученыхъ трудовъ Шпильмана заключаются: въ ясности и опредѣлительности идей и строго послѣдовательномъ изложеніи; въ постоянномъ стремленіи уразумѣть наблюдаемое явленіе со всѣми его условіями; въ уклоненіи отъ всякихъ произвольныхъ толкованій; въ признаніи только того, что доступно чувствамъ и доказано опытами и наблюденіями, и наконецъ — въ подробномъ указаніи литературы излагаемой отрасли, посредствомъ котораго всѣ открытія возводятся къ своему источнику, и каждому трудившемуся въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ отдается должная справедливость по мѣрѣ его заслугъ и его участія въ общемъ движеніи и постепенномъ развитіи науки. Лекціи Шпильмана также отличались ясностью и послѣдовательностью, и вмѣстѣ съ тѣмъ наглядностью; пользуясь своею аптекою, онъ передъ глазами слушателей приготовлялъ то, съ чѣмъ они теоретически были знакомы по его учебникамъ. Съ тою же цѣлью нагляднаго ознакомленія съ предметами природы, онъ отправлялся со студентами въ близкія и дальнія мѣста Альзаса и на Вогезскія горы, и въ этихъ экскурсіяхъ не ограничивался одною ботаникою, но имѣлъ въ виду и другія отрасли естественныхъ наукъ.

Собственно спеціальностію Шпильмана была медицина, каѳедру которой онъ и занималъ съ званіемъ ординарнаго профессора. Но въ то время области различныхъ наукъ не были еще такъ рѣзко размежеваны, какъ это произошло впослѣдствіи, и нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ ботаника, а отчасти и другія естественныя науки, считались не болѣе, какъ пособіемъ, какъ средствомъ для изученія предмета, имѣющаго цѣль практическую, именно медицины. На Шпильмана возложено было преподаваніе и медицины, и химіи, и ботаники. Если такое соединеніе предметовъ объясняется общимъ состояніемъ тогдашней науки, то другая особенность зависѣла отъ мѣстныхъ условій страсбургскаго университета. Врачъ и натуралистъ Шпильманъ читалъ втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ теорію поэзіи (dichtkunst).

По статуту университета допускалось самое ограниченное число ординарныхъ каѳедръ, пріуроченныхъ къ опредѣленнымъ предметамъ, и по мѣрѣ открывавшихся вакансій ихъ занимали профессора безъ различія специальностей; такимъ образомъ случалось, что профессоръ естественной исторіи назначаемъ былъ на каѳедру логики и метафизики, а профессоръ медицины — на каѳедру поэзіи, получая посредствомъ этого мѣсто и право голоса въ философскомъ факультетѣ. Шпильманъ старался извлечь сколько возможно больше пользы для слушателей-врачей изъ предмета, для нихъ вовсе посторонняго. Онъ открылъ свой курсъ рѣчью о пользѣ, которую можетъ доставить врачу чтеніе древнихъ писателей, и на лекціяхъ своихъ занимался объясненіемъ Лукреція.

Въ особенную заслугу Шпильману должно поставить его участливое отношеніе къ слушателямъ и желаніе поддержать и развить ихъ любознательность; съ величайшею охотою онъ дѣлился съ ними самыми цѣнными вещами своей библіотеки, и вникалъ въ подробности распредѣленія и хода ихъ занятій. По свидѣтельству лица, близко знавшаго Шпильмана и какъ профессора и какъ человѣка, этотъ достойный ученый любилъ студентовъ искреннею, безкорыстною любовью, возбуждая ихъ къ дѣятельности, поддерживая и укрѣпляя; каждому изъ нихъ, кто только желалъ, былъ истиннымъ отцомъ, и многіе питали къ нему сыновнюю привязанность; желать бо́льшаго отъ профессора значитъ предъявлять требованія невыполнимыя и сверхчеловѣческія [235]). Цѣня заботливость Шпильмана о русскихъ студентахъ, находившихся заграницею, петербургская академія наукъ избрала его своимъ почетнымъ членомъ [236]).

Курсъ естественной исторіи, каѳедру которой занялъ впослѣдствіи Лепехинъ въ академіи наукъ, читалъ профессоръ Германъ (1738—1800), занимавшій въ страсбургскомъ университетѣ, одна за другою, нѣсколько каѳедръ: медицины, философіи, патологіи, ботаники, химіи, формакологіи. Его сочиненіе о сродствѣ животныхъ — tabula affinitatum animalium — заключаетъ

въ себѣ много въ высшей степени дѣльныхъ и остроумныхъ соображеній и превосходныхъ замѣчаній, основанныхъ на самыхъ точныхъ наблюденіяхъ. Авторъ утверждаетъ, что въ разнообразномъ мірѣ животныхъ между всѣми видами находится связь, и каждый изъ нихъ сближается нѣкоторыми чертами съ другими видами, болѣе или менѣе отдаленными. Такъ, въ отношеніи къ способу добыванія или схватыванія (prehension) пищи и предметовъ вообще обезьяны, употребляющія для этого пальцы, сближаются съ грызунами. Но если обратить вниманіе на зубы, то отъ обезьянъ слѣдуетъ перейти къ плотояднымъ, а не къ грызунамъ, потому что по расположенію зубовъ нѣкоторыя изъ плотоядныхъ представляютъ чрезвычайное сходство съ животными четверорукими. Однимъ изъ признаковъ для распредѣленія животныхъ на группы служитъ мѣсто питательнаго органа — сосковъ: находятся ли они на груди или же сзади тѣла. Въ этомъ отношеніи съ обезьянами сближаются тихоходы, летучія мыши, и т. п. Основываясь на подобныхъ фактахъ, Германъ отвергаетъ систему животнаго царства, изображаемую прежними натуралистами въ видѣ лѣстницы, и представляетъ ее въ видѣ сѣти со множествомъ развѣтвленій. Вникая въ общія основныя начала зоологіи Германъ глубиною своихъ идей превосходитъ весьма многихъ не только изъ предшествующихъ, но и изъ современныхъ ему ученыхъ. Знаменитый Кювье въ своей исторіи естественныхъ наукъ указываетъ важное значеніе трудовъ Германа, книгу котораго о сродствѣ животныхъ признаетъ существенно полезною и необходимою и для ученыхъ и для учащихся. Германъ принадлежалъ къ числу трудолюбивѣйшихъ ученыхъ своего времени; не говоря о вещахъ напечатанныхъ, если бы собрать его неизданныя сочиненія и всѣ замѣтки, сдѣланныя имъ на поляхъ книгъ, то составилось бы около тридцати томовъ. По разнообразію эрудиціи, его можно бы назвать epitome omnium scientiarum et homo omnium populorum. Онъ извѣстенъ былъ не только какъ естествоиспытатель, но и какъ лингвистъ; съ особенною любовью изучалъ онъ мѣстныя нарѣчія нѣмецкаго языка, и

составилъ словарь этихъ нарѣчій. Герману обязанъ университетъ устройствомъ и развитіемъ двухъ научныхъ учрежденій: ботаническаго сада и кабинета естественныхъ наукъ. Принявъ въ свое завѣдываніе ботаническій садъ, Германъ привелъ его въ цвѣтущее состояніе, обогатилъ его множествомъ растеній, которыми дорожилъ какъ существенно важными пріобрѣтеніями въ глазахъ каждаго любителя и знатока ботаники. Но это обстоятельство вызвало противъ себя страшную бурю во времена революціи, которая считала научныя учрежденія безполезными затѣями, и грозила уничтожить любимое дѣтище нашего ученаго; революціонеры простирали свою ненависть къ аристократизму и на растительное царство, и требовали истребленія пальмъ и лавровъ въ ботаническихъ садахъ. Въ садъ Германа явился террористъ Шнейдеръ, прозванный страсбургскимъ Маратомъ, и указывая на рѣдкія растенія, обратился къ ботанику съ такими словами: «гражданинъ, въ саду твоемъ пропасть аристократовъ; слѣдуетъ разводить не пальмы и лавры, а коноплю и картофель, чтобы было во что одѣвать нашихъ солдатъ и чѣмъ ихъ кормить». Герману удалось однакоже не только спасти свой садъ отъ разоренія, но и самому попасть въ число лицъ, за которыми конвентъ призналъ право на вознагражденіе со стороны націи. Но ничто не могло примирить труженика науки съ революціей, противъ которой направлены многія изъ его эпиграммъ, какъ напримѣръ:

Quis nobis nunc esse neget Saturnia regna?
Nonne vorat gnatos Gallia dura suos?

Другое учрежденіе, связанное съ именемъ Германа, кабинетъ естественной исторіи (naturalien-cabinet) возбуждалъ удивленіе современниковъ. Нужна была необычайная сила воли и настойчивость труда, чтобы почти безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ привести къ концу задуманное Германомъ дѣло: съ неутомимымъ рвеніемъ онъ и самъ собиралъ предметы изъ области естественныхъ наукъ, и добывалъ ихъ изъ различныхъ странъ черезъ посредство людей, понимавшихъ значеніе и важность

предпріятія. Множество животныхъ, рыбъ, птицъ, насѣкомыхъ, растеній, минераловъ, окаменѣлостей и т. п. вошли въ богатое и образцовое собраніе, составленное Германомъ съ большимъ искусствомъ и съ полнымъ знаніемъ дѣла [237]).

Сверхъ курсовъ Шпильмана и Германа и приватныхъ занятій съ этими учеными, Лепехинъ посѣщалъ лекціи и участвовалъ въ работахъ: профессора анатоміи, хирургіи и патологіи Лобштейна (1736—1784), пріобрѣвшаго извѣстность операціями и лѣченіемъ каменной болѣзни и катаракта; профессора анатоміи и хирургіи Пфеффингера и профессора физики Шурера (1734—1792). У Лобштейна, также какъ у Шпильмана, было особенно много слушателей между студентами медицинскаго факультета, изъ которыхъ шестую часть составляли русскіе. Весьма многія диссертаціи анатомическаго и хирургическаго содержанія, появлявшіяся въ то время въ Страсбургѣ, составлены при такомъ сильномъ и полномъ участіи Лобштейна, что по справедливости должны быть признаны его собственными произведеніями. Лекціи, читанныя имъ на латинскомъ языкѣ, которымъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ, считались образцами академическаго краснорѣчія. Несмотря на всю свою требовательность Лобштейнъ пользовался сочувствіемъ и уваженіемъ слушателей; но ему пришлось много вытерпѣть отъ недоброжелательства нѣмецкихъ врачей, которыхъ онъ очень не жаловалъ, и называлъ брадобрѣями и неучами въ сравненіи съ научно-образованными французскими хирургами [238]).

Въ письмахъ и отчетахъ Лепехина находимъ слѣдующія свѣдѣнія о научныхъ занятіяхъ его въ Страсбургѣ:

6 января 1763 года Лепехинъ писалъ изъ Страсбурга: «По отъѣздѣ нашемъ 13 сентября (1762 года) изъ Санктпетербурга, а изъ Кронштадта 23 того же мѣсяца, 19 ноября минувшаго 1762 года пріѣхали въ Страсбургъ, гдѣ, записавшися въ число студентовъ 22 того же мѣсяца, началъ ходить на нижеслѣдующія лекціи: къ господину профессору Шпильману на химію; къ господину профессору Пфеффингеру на анатомію; нанялъ учи-

теля французскаго языка, который мнѣ притомъ и въ нѣмецкомъ языкѣ можетъ быть предводителемъ. А когда къ моему намѣренію неотмѣнно нужно знать и рисовальное искусство, то нанялъ также и рисовальщика. Хотя въ данной мнѣ отъ канцеляріи академіи наукъ инструкціи и предписано, чтобы спачала, прежде нежели приступлю къ натуральной исторіи, упражняться въ гуманіорахъ, однако я къ сему удобнаго теперь случая здѣсь не нахожу. Ибо, что касается до латинскаго языка, господинъ профессоръ Лоренцъ толкуетъ своимъ слушателямъ Тацита и Цицероновы рѣчи на нѣмецкомъ языкѣ, на которыхъ лекціяхъ для малаго моего упражненія въ нѣмецкомъ языкѣ довольно успѣть бы не могъ или, лучше сказать, время и иждивеніе утратилъ бы напрасно; но когда къ сему буду имѣть удобный случай, то онаго не премину употребить въ мою пользу. А между тѣмъ собственнымъ моимъ прилежаніемъ буду упражняться въ латинскомъ языкѣ, къ чему уже мнѣ предводительствомъ господина профессора Фишера ясный путь показанъ. Что касается до философіи, то я логику и метафизику, какъ въ гимназіи, такъ и въ университетѣ, слушалъ довольно, въ чемъ могу свидѣтельствоваться господиномъ профессоромъ Брауномъ. А когда начнутся физическія лекціи, то на оныя ходить не премину, несмотря на то, что экспериментальную и двѣ части натуральной физики также въ моемъ отечествѣ выслушалъ, потому что надлежащихъ до экспериментальной физики инструментовъ не доставало».

22 іюня 1763 года: «Въ посланномъ мною генваря 6 числа рапортѣ канцеляріи академіи наукъ доносилъ я, что по пріѣздѣ моемъ въ Страсбургъ 22 ноября прошедшаго 1762 году началъ слушать анатомію и химію, изъ которыхъ анатомію окончалъ 26 марта, а химію въ скоромъ времени къ окончанію привесть надѣюся. Выслушавъ анатомію, 28 того же мѣсяца началъ ходить на физіологію, преподаваемую здѣсь приватно господиномъ докторомъ Лобштейномъ. Съ 18 апрѣля слушаю экспериментальную физику у господина профессора Шурера. 20 мая при начатіи ботаническихъ лекцій приступилъ я съ прочими къ слушанію

ботаники, и сверхъ преподаваемыхъ въ оной господиномъ профессоромъ Шпильманомъ наставленій, въ свободное время хожу для собиранія травъ, и дѣлаю для себя травникъ. Продолжаю упражняться въ рисовальномъ искусствѣ и французскомъ языкѣ. А чтобы канцелярія академіи наукъ была увѣрена, что я не тщетно проводилъ время въ Страсбургѣ, сообщаю при семъ данныя мнѣ отъ господъ профессоровъ свидѣтельства».

8 декабря 1763 года: «Въ посланномъ мною 21 іюня сего 1763 году рапортѣ канцеляріи академіи наукъ доносилъ я, что у г. профессора Шпильмана слушаю химію, у г. профессора Шурера эксперементальную физику, у г. доктора Лобштейна физіологію, изъ которыхъ химію кончилъ 20 іюля, ботанику 13 сентября, и физіологію декабря 2; физику еще слушать продолжаю. Выслушавъ химію и ботанику, при начатіи г. профессоромъ Шпильманомъ 25 іюля патологіи и 13 октября медической матеріи, приступилъ къ слушанію оныхъ коллегій. 29 сентября вторично началъ слушать анатомію, и чтобы яснѣйшее имѣть понятіе о частяхъ, человѣческое тѣло составляющихъ, подъ предводительствомъ г. профессора Пфеффингера упражняюсь въ разрѣзываніи кадаверовъ. Во время ботаническихъ наставленій, какъ съ г. профессоромъ Шпильманомъ, такъ и собственнымъ любопытствомъ, собралъ 519 разныхъ травъ, которыя, высушивъ и приклеивъ на бумагу, расположилъ по системѣ г. Линнея. Впродолженіе физіологическаго курса для большаго успѣха въ сей части медицины, сколько случай допустить могъ, дѣлалъ опыты надъ живыми животными. 11 сентября оставилъ французскаго учителя, и собственнымъ прилежаніемъ далѣе въ ономъ языкѣ упражняюся. Для важнѣйшихъ коллегій не имѣя свободнаго времени ходить къ рисовальному мастеру, 1 октября я онаго оставить принужденъ былъ, а какъ скоро получу свободное время, далѣе въ ономъ искусствѣ упражняться не оставлю».

9 апрѣля 1764 года: «Патологію кончилъ 24 марта, физику 18 марта, анатомію 29 марта, матерію медическую еще слушать продолжаю. Вторично зачалъ слушать физіологію у господина

доктора Лобштейна. Вскорѣ по пасхѣ приступлю также къ слушанію ботаники, буду продолжать увеличивать мой травникъ, упражняться въ языкахъ и рисовальномъ искусствѣ. Сверхъ сего, ежели еще какая коллегія, служащая къ моему намѣренію, начнется, не премину оныя употребить въ мою пользу». Въ письмѣ къ совѣтнику Тауберту, отъ того же числа, Лепехинъ говоритъ: «Господинъ профессоръ и докторъ Протасовъ писалъ именемъ вашего высокородія, что вы твердое положили намѣреніе, дабы я еще по крайней мѣрѣ одинъ годъ остался въ Страсбургѣ на такой конецъ, чтобы пройти весь медическій курсъ, не только теоретическій, но и практическій; что по окончаніи надлежащимъ образомъ медическаго курса академія намѣрена просить г. профессора Шпильмана, дабы онъ позволилъ мнѣ чрезъ нѣсколько времени въ собственной его апотекѣ такъ какъ лаборатору поработать. Между тѣмъ долженъ я стараться о ботаникѣ, французскомъ языкѣ, осмотрѣть здѣсь находящіеся кабинеты и описать птицъ и рыбъ; въ свободное лѣтомъ время ѣздить къ г. профессору Кельрейтеру (Koelreuter) и снискивать у него потребныя наставленія въ исторіи натуральной. Для совершеннаго окончанія моей науки посланъ я буду въ Цюрихъ къ г. Геснеру на годъ; оттуда переѣду во Францію, дабы пересмотрѣть кабинеты; изъ Франціи — въ Голландію; наконецъ — изъ Голландіи въ Англію. Всѣ сіи предписанія не иное что явствуютъ, какъ истинное и несумнѣнное вашего высокородія обо мнѣ попеченіе. Ибо что касается до медицины, лучшаго мѣста для меня желать не могу: здѣсь въ Страсбургѣ великія предъ другими университетами имѣю преимущества для сей науки. Кромѣ довольнаго искусства г. профессора Шпильмана въ медицинѣ и особливой его ко мнѣ предъ прочими благосклонности, наипудобнѣйшій имѣю способъ упражняться въ анатоміи, какъ основаніи всея медицины. Да и самая способность къ успѣхамъ въ практикѣ ни мало не уступаетъ анатоміи. Здѣсь учреждены двѣ госпитали: воинская и гражданская, куда всякому ходить дозволено и примѣчать болѣзни. Сверхъ сего какъ для г. профессора и доктора Протасова,

такъ и по рекомендаціи г. профессора Шпильмана, пользуюсь дружескимъ со мною обхожденіемъ находящагося здѣсь доктора г. Лобштейна. Оный, какъ прежде во всемъ способствовалъ моимъ успѣхамъ, такъ и будущею зимою, если буду слушать практику, обѣщался меня брать съ собою къ паціентамъ, дабы тѣмъ мнѣ удобнѣе изъяснить натуру болѣзней, теченіе и перемѣну оныхъ, употребленіе и дѣйствіе медикаментовъ и обхожденіе съ больными. Въ ботаникѣ нынѣшнее лѣто надѣюся большихъ успѣховъ, ибо стараніемъ г. профессора Шпильмана въ ботаническомъ саду насѣяны новыя рѣдкія планты, а особливо растущія на мысу Доброй надежды. Что касается до г. профессора Кельрейтера, то, улуча способное время, не премину употребить въ мою пользу наставленія онаго. Хотя еще ботаническая коллегія не началася, однако я уже недѣли съ четыре въ свободное время хожу на поля для эксаминованія и собиранія травъ, имѣя предводителемъ систему натуры г. Линнея. Если обстоятельства мои допустятъ, не премину посмотрѣть и находящихся въ Эльзасѣ рудокопныхъ заводовъ, и собирать, сколько можно, инсекта. Вразсужденіи же того требованія, чтобы осмотрѣть здѣсь кабинеты и описать рыбъ и птицъ, ничего сказать не могу, но въ ономъ, какъ и во всемъ прочемъ, буду слѣдовать совѣтамъ г. профессора Шпильмана, и ничего не упущу, что къ собственной моей и отечества пользѣ служить можетъ. Ваши же повелѣнія были, суть и будутъ всегда для меня законами».

6 октября 1764 года: «Въ посланномъ мною 9 апрѣля сего 1764 году рапортѣ, доносилъ я, что у господина профессора Шпильмана продолжаю слушать матерію медическую (materia medica) и ботанику; у господина доктора Лобштейна — физіологію. Изъ оныхъ матерію медическую кончилъ 9 іюля; ботанику — 4 сентября, а съ окончаніемъ нынѣшняго мѣсяца надѣюся кончить и повтореніе физіологіи. 25 апрѣля приступилъ къ слушанію натуральной исторіи вообще, преподаваемой здѣсь господиномъ докторомъ Германомъ, изъ которой уже выслушалъ о четвероногихъ животныхъ, пресмыкающихся, птицахъ и рыбахъ.

Во время ботаническаго курса, какъ въ ботаническомъ саду, такъ и на поляхъ собралъ еще 110 травъ, которыхъ прошлаго 1763 году достать случая не имѣлъ. Оныя, высушивъ, прибавилъ къ моему травнику, стараяся притомъ замѣчать употребленіе оныхъ въ экономіи и медицинѣ. Сверхъ сего собралъ еще разныхъ 108 насѣкомыхъ. Слѣдующаго мѣсяца господинъ профессоръ Шпильманъ начнетъ читать химію и патологію, а господинъ профессоръ Пфеффингеръ — анатомію, чего я не упущу употребить въ мою пользу, и въ анатоміи, сколько можно будетъ пройду практикою. Но какъ каждая земля собственными себѣ отъ натуры одарена преимуществами, и чѣмъ одна изобилуетъ, то̀ въ другой за рѣдкость почитается, то я думаю, что мой трудъ не безплоденъ будетъ, если сообщу при семъ реестры всѣмъ находящимся здѣсь птицамъ и рыбамъ».

9 апрѣля 1765 года: «Физіологію кончилъ октября 26 дня прошлаго 1764 году; химію и патологію еще повторять продолжаю. Натуральной исторіи коллегію, которая для наступившей зимы оставлена была, паки началъ, 15 апрѣля сего 1765 году, съ той части животнаго царства, которая о насѣкомыхъ называется. Прошедшею зимою третій разъ слушалъ курсъ анатоміи подъ предводительствомъ господина профессора Пфеффингера, и самъ прошелъ практикою всѣ внутренности и нервы; сверхъ сего, на вскрываемыхъ въ анатомическомъ театрѣ младенцахъ, тѣ части, которыхъ на взрослыхъ субъектахъ видѣть не можно. 12 апрѣля приступилъ къ слушанію самой медической практики, преподаваемой здѣсь господиномъ докторомъ Лобштейномъ. Наступающимъ нынѣ лѣтомъ не премину далѣе упражняться въ познаніи травъ и насѣкомыхъ. Для удостовѣренія моего здѣсь поведенія, какъ въ разсужденіи моего ученія, такъ и моихъ поступокъ, посылаю данное мнѣ отъ здѣшняго медицинскаго факультета свидѣтельство... На нынѣ текущій годъ поставилъ особливый предметъ моимъ упражненіямъ въ медицинской практикѣ, которую уже дѣйствительно началъ подъ предводительствомъ господина доктора Лобштейна; я съ нимъ хожу къ его паціентамъ, гдѣ,

особливо на тѣ болѣзни, которыя онъ въ коллегіи истолковалъ теоріею, прописываю рецепты. Господинъ профессоръ Шепфлинъ оказываетъ намъ особливо свою благосклонность, и обнадежилъ во всемъ вспомоществовать нашимъ успѣхамъ своею рекомендаціею. Я, сколько силъ моихъ есть, не премину употребить въ мою пользу предстательства такого мужа, который не только здѣсь, но и во всемъ ученомъ свѣтѣ знатный аукторитетъ имѣетъ; а особливо, что я надѣюся его предстательствомъ вразсужденіи медической практики не малый получить авантажъ во французской военной больницѣ. Сихъ ради преимуществъ, которыми теперь здѣсь пользуюся, всепокорнѣйше прошу дозволить мнѣ еще сей годъ остаться въ Страсбургѣ, дабы я могъ совершенно кончить медическій курсъ, и, выѣхавъ изъ Страсбурга, единственно прилежать къ натуральной исторіи».

2 сентября 1765 года: «Въ посланномъ мною рапортѣ доносилъ я, что у господина профессора Шпильмана вторично слушаю химію и патологію; у господина доктора и продемонстратора Лобштейна — практику; у господина доктора Германа — курсъ натуральной исторіи. Изъ оныхъ: химію кончилъ 7 іюля, а патологію 18 того же мѣсяца; натуральной исторіи ту часть, которая о всѣхъ животныхъ разсуждаетъ, кончилъ 13 августа; теперь надѣюся вскорѣ и остальныя ея части привесть къ окончанію. Нынѣ слушаю въ третій разъ курсъ ботаники въ здѣшнемъ ботаническомъ саду. Сверхъ сихъ коллегій для собственнаго моего упражненія собиралъ травы и насѣкомыя; старался познавать строеніе, превращеніе и размноженіе себѣ подобныхъ разныхъ родовъ и видовъ насѣкомыхъ, послѣдуя въ семъ правиламъ и описаніямъ славнаго насѣкомыхъ испытателя господина Реомюра.... Какъ скоро уже приближающееся осеннее ненастье прекратитъ мои ботаническія и до насѣкомыхъ касающіяся упражненія, сверхъ медической матеріи, которыя повтореніе мнѣ неотмѣнно нужно, анатоміи и практики, буду упражняться въ сравнительной анатоміи, разсматривать здѣшнія рыбы, а особливо мелкія, въ надѣяніи если не сыскать чего новаго, по крайней

мѣрѣ утвердиться въ методѣ. Не упущу въ Страсбургѣ пріобрѣсть лучшаго знанія книгъ, до моего ученія касающихся, въ чемъ я, по совѣту господина Шпильмана и господина доктора Лобштейна, особливому слѣдую порядку: хожу въ здѣшнюю библіотеку, и разсматриваю нужныя мнѣ книги; чего тутъ не достаетъ, то награждаю благосклонностію г. профессора Шпильмана и господина доктора Лобштейна, имѣя свободный входъ въ ихъ библіотеки. Если получу рекомендательное письмо къ г. профессору Кельрейтеру, съ особливою охотою, въ какое бы то время ни было, съѣзжу къ Карлсругъ (sic) для принятія наставленія отъ сего ученаго мужа къ продолженію моего ученія».

13 марта 1766 года: «Курсъ натуральной исторіи кончилъ 15 октября; ботанику — 9 числа того же мѣсяца; медическую практику привелъ къ окончанію марта 4 дня сего 1766 году. Чрезъ всю зиму въ здѣшнемъ анатомическомъ театрѣ упражнялся въ анатоміи. Начатыя мною въ прошломъ году повторенія патологіи и матеріи медической у господина профессора Шпильмана еще продолжаю. Наступающею весною и въ послѣдующее время буду упражняться въ ботаникѣ и инсектологіи»[239]).

6 августа 1766 года: «Изъ прежде посылаемыхъ мною рапортовъ канцелярія академіи наукъ довольно усмотрѣть могла мои здѣсь упражненія, гдѣ я кромѣ коллегіи исторіи натуральной слушалъ и весь курсъ медицины съ его повтореніемъ. Сколь много мнѣ можно было успѣвать въ исторіи натуральной въ Страсбургѣ, не упускалъ ничего, въ чемъ могу свидѣтельствоваться здѣшними господами профессорами. Но нынѣ, не имѣя дальной способности пріобрѣсть знанія минераловъ кромѣ тѣхъ, о которыхъ матерія медическая разсуждаетъ, всепокорнѣйше прошу дозволить мнѣ ѣхать въ другой какой университетъ, гдѣ бы я могъ съ большимъ успѣхомъ упражняться въ минералогіи. Къ отъѣзду моему буду готовъ черезъ три мѣсяца, въ которые надѣюся кончить совершенно тѣ коллегіи, которыя еще теперь фреквентую, и безъ всякаго ущерба въ ботаникѣ и инсектологіи могу ѣхать въ назначенное мнѣ мѣсто. Если въ семъ случаѣ доз-

волите мнѣ сдѣлать выборъ, то я желалъ бы, отъѣхавъ изъ Страсбурга, предпочесть всѣмъ другимъ мѣстамъ Цюрихъ. Господинъ профессоръ Геснеръ снабденъ достаточнымъ минеральнымъ кабинетомъ, притомъ и не такъ много обязанъ дѣлами, какъ университетскіе профессора. Ботаника наилучшій свой показываетъ видъ въ Швейцаріи, какъ всякому извѣстно; я думаю, что и инсекты особливое свое ищутъ на горахъ прибѣжище. Спознаться съ господиномъ профессоромъ Кельрейтеромъ, который теперь живетъ въ Карлсругѣ, отъѣзжая изъ Страсбурга, не премину; кромѣ его наставленій повижу также и натуральныя въ маркграфскомъ кабинетѣ вещи» [240]).

Профессоръ Шпильманъ свидѣтельствовалъ, что на лекціяхъ химіи и въ экскурсіяхъ и демонстраціяхъ ботаническихъ Лепехинъ обнаруживаетъ большое прилежаніе, внимательность и много ума, а своимъ образомъ жизни заслуживаетъ справедливую похвалу.

По отзыву доктора Лобштейна, Лепехинъ, ревностно изучающій физіологію, пріобрѣлъ въ этой наукѣ свѣдѣнія, выходящія изъ ряду обыкновенныхъ.

По свидѣтельству профессора Шурера, Лепехинъ, усердно посѣщавшій лекціи физики и спеціально занимавшійся естественною исторіею, обладаетъ большою эрудиціею въ области философіи природы (in philosophia naturali).

Профессоръ Пфеффингеръ удостовѣрялъ, что слушателя его Лепехина, изучающаго подъ его руководствомъ анатомію, по справедливости должно причислить къ тѣмъ, которые отличаются неутомимымъ прилежаніемъ и прекрасными нравственными свойствами.

Независимо отъ заявленій отдѣльныхъ профессоровъ, медицинскій факультетъ страсбургскаго университета отъ лица всѣхъ своихъ сочленовъ свидѣтельствовалъ и выдалъ коллективное удостовѣреніе въ томъ, что Лепехинъ заслужилъ всеобщее одобреніе по своимъ, всѣми признаннымъ и несомнѣнно доказаннымъ, успѣхамъ въ анатоміи, физіологіи, естественной исторіи, химіи,

фармакологіи (materia medica), общей патологіи и въ изученіи мѣстной флоры [241]).

5 мая 1767 года страсбургскій университетъ удостоилъ Лепехина степени доктора медицины: докторская диссертація его подъ названіемъ: de acetificatione напечатана въ Страсбургѣ, и представлена авторомъ въ петербургскую академію наукъ [242]).

Ввѣренный руководству иностранныхъ профессоровъ, Лепехинъ находился вмѣстѣ съ тѣмъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ отечественными учеными, съ членами петербургской академіи наукъ, на судъ которыхъ присылалъ отчеты о своихъ занятіяхъ. Академикъ Протасовъ былъ нѣкоторое время спутникомъ Лепехина и сожителемъ его въ Страсбургѣ, а по возвращеніи въ Россію Протасовъ служилъ посредникомъ въ сношеніяхъ академіи наукъ съ русскими студентами, находившимися заграницею. Онъ совѣтовалъ Лепехину какъ можно подробнѣе ознакомиться съ литературою изучаемыхъ предметовъ, и ходатайствовалъ о снабженіи его и его товарища русскими книгами, которыя, по его мнѣнію, могли принести большую пользу для молодыхъ людей, удаленныхъ отъ русскаго общества и неслыхавшихъ въ окружающей средѣ звуковъ русскаго языка. «За излишнее почитаю напоминать вамъ, — писалъ Протасовъ Лепехину — сколь нужна исторія литеральная всякому ученому той науки, въ которой онъ намѣренъ съ успѣхомъ упражняться, и должно ли вамъ имѣть не только довольное, но и совершенное знаніе всѣхъ писателей исторіи натуральной, какъ такому человѣку, который назначенъ къ тому, чтобы напослѣдокъ могъ ученому свѣту показать, сколь много въ обширномъ россійскомъ государствѣ находится такихъ натуральныхъ вещей, которыя еще никому не были по сіе время извѣстны». Въ представленіи своемъ въ канцелярію академіи наукъ Протасовъ говоритъ: «Переводчикъ Полѣновъ и студентъ Лепехинъ, отдалившись отъ сообщества россійскаго, не имѣютъ теперь довольнаго случая обращаться съ одноземцами въ природномъ своемъ языкѣ, то для отвращенія нѣкоторымъ образомъ такого ихъ въ семъ недостатка, не соблаговолитъ ли кан-

целярія академіи наукъ опредѣлить переслать къ нимъ нѣкоторыя пристойныя и нужнѣйшія каждому по ихъ наукѣ на россійскомъ языкѣ книги, дабы они, пользуясь чтеніемъ оныхъ, могли будто бы и протверживать природный свой языкъ и привыкать между тѣмъ къ употребляемымъ нынѣ особливо въ наукахъ терминамъ. Вслѣдствіе чего для студента Лепехина нахожу я пристойныя слѣдующія книги:

1) Первыя основанія металлургіи сочиненія г. штатскаго совѣтника Ломоносова.

2) Его же перевода Вольфіанскую экспериментальную физику.

3) Валеріеву минералогію переводу дѣйствительнаго штатскаго совѣтника г. Шлаттера.

4) Содержанія здѣшней академіи комментаріевъ на россійскомъ языкѣ.

5) На латинскомъ языкѣ Floram ingricam, собранную изъ записокъ покойнаго профессора Крашенинникова, и изданную въ печать г. Гортеромъ, которая книжка ему необходимо нужна тѣмъ, что онъ въ состояніи будетъ по оной видѣть, какія произрастенія общи тамошней и здѣшней землѣ» [243]).

Лѣтомъ 1767 года Лепехинъ выѣхалъ изъ Страсбурга, и на возвратномъ пути въ Россію посѣтилъ Голландію, гдѣ познакомился со многими учеными, преимущественно съ профессорами лейденскаго университета: Альбиномъ, Фан-Ройеномъ, Гаубе, Алламаномъ и др. Альбинъ (Albinus, 1697—1770) занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду замѣчательнѣйшихъ анатомовъ того времени. Фан-Ройенъ (van Royen, ум. 1779 г.) врачъ и ботаникъ, авторъ описанія лейденской флоры, былъ директоромъ лейденскаго ботаническаго сада. Гаубе (Gaubius, Gaube, 1705—1780) — профессоръ медицины и химіи, ученикъ знаменитаго Бургаве (Boerhaave) и преемникъ его по каѳедрѣ химіи. Алламанъ (Allamand, 1713—1787) — профессоръ философіи и естественной исторіи; онъ обогатилъ лейденскій садъ и натуральный кабинетъ многими важными пріобрѣтеніями: голландскіе моряки,

возвращаясь изъ отдаленныхъ плаваній, привозили ему рѣдкіе экземпляры растеній, животныхъ, ископаемыхъ, и т. п. Онъ сдѣлалъ нѣсколько открытій въ электричествѣ, и первый объяснилъ явленіе такъ называемой лейденской банки.

Осенью 1767 года Лепехинъ былъ уже въ Петербургѣ. Въ журналѣ коммиссіи академіи наукъ 15 октября 1767 года читаемъ: «Бывшій академическій студентъ, который нынѣ докторомъ, изъ-за моря возвратился,... почему и разсуждено: гг. профессорамъ Гмелину и Палласу его, Лепехина, приличнымъ и вѣжливымъ образомъ освидѣтельствовать, сколь далеки успѣхи въ ботаникѣ и исторіи натуральной, и о семъ Коммиссію письменно увѣдомить, а ему, доктору Лепехину, быть при помянутыхъ профессорахъ до дальнѣйшаго разсмотрѣнія». Но академики, на которыхъ возлагалось производство испытанія, признали болѣе умѣстнымъ другой способъ удостовѣриться въ познаніяхъ, пріобрѣтенныхъ молодымъ русскимъ ученымъ заграницею. Въ журналѣ академической коммиссіи 2 ноября 1767 года говорится: «Хотя прежде сего и даны были повелѣнія гг. профессорамъ Гмелину и Палласу, чтобъ ласковымъ и пристойнымъ образомъ освидѣтельствовали доктора Лепехина, и представили Коммиссіи объ успѣхахъ его свои мнѣнія. Однако они словесно объявили, что пристойнѣе ему препоручить сдѣлать описанія нѣкоторыхъ натуральныхъ вещей, взятыхъ изъ кунсткамеры, кои и представили, а именно: пять банокъ съ разными животными, три птицы и нѣсколько травъ. И для того за благо разсуждено: представленныя гг. профессорами натуральныя вещи отослать при ордерѣ къ г. доктору Лепехину съ тѣмъ, чтобъ онъ ихъ обстоятельно описалъ, и описанія подалъ въ Коммиссію, вмѣстѣ и сочиненную имъ диссертацію, по которой произведенъ въ доктора» [244]). Представленныя работы заслужили общее одобреніе ученыхъ судей, какъ доказываетъ единогласное избраніе Лепехина адъюнктомъ академіи наукъ.

III.

Въ 1768 году Лепехинъ избранъ былъ адъюнктомъ, а въ 1771 году академикомъ по каѳедрѣ естественной исторіи. Въ собраніи конференціи 23 мая 1768 года происходилъ выборъ Лепехина въ адъюнкты академіи наукъ: всѣ голоса были поданы въ его пользу. Въ собраніи 8 апрѣля 1771 года директоромъ академіи наукъ графомъ Владиміромъ Григорьевичемъ Орловымъ были предложены адъюнкты: Лексель — въ академики по астрономіи, Крафтъ—въ академики по экспериментальной физикѣ, Лепехинъ — въ академики по естественной исторіи и Гильденштедтъ—также въ академики по естественной исторіи. Конференція единогласно признала ихъ достойными званія академиковъ «за ихъ искусство и извѣстныя заслуги» — wegen ihrer geschiklichkeit und bekanten verdiensten [245]).

Вскорѣ по избраніи въ адъюнкты академіи наукъ Лепехинъ отправился въ ученое путешествіе по Россіи. Оно продолжалось втеченіе шести лѣтъ, много содѣйствовало изученію Россіи, и прославило имя Лепехина. Обзору этого путешествія мы посвятимъ особую главу, а теперь укажемъ на учено литературные труды Лепехина и вообще на его дѣятельность въ академіи наукъ.

Рядъ мемуаровъ и статей Лепехина, помѣщенныхъ въ періодическихъ изданіяхъ академіи наукъ, продолжается до года его смерти. Двѣ трети изъ нихъ писаны полатыни и одна треть порусски; нѣкоторыя переведены и на французскій языкъ. Въ латинскихъ мемуарахъ своихъ Лепехинъ описываетъ преимущественно открытыя имъ новыя породы животныхъ и растеній. Здѣсь находятся описанія животныхъ, открытыхъ имъ въ путешествіи, каковы: князекъ, чеграва, малорослая цапля, плешанка и слѣпышекъ; двухъ новыхъ породъ овсянокъ: чеканчика и ушастой долгохвостой совки; двухъ породъ бѣломорскихъ тюленей: крылатки и морскаго зайца; разныхъ породъ перпатокъ и хрящевокъ; четырехъ породъ морской капусты, найденной въ Кан-

далакской губѣ, и др. Онъ описалъ также препровожденнаго къ нему для осмотра гермафродита, взятаго въ рекруты изъ верхневажескаго уѣзда архангельской губерніи, и т. д.

Статьи Лепехина на русскомъ языкѣ помѣщены въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ: въ Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ; въ Собраніи сочиненій, выбранныхъ изъ мѣсяцослововъ; въ Академическихъ сочиненіяхъ, выбранныхъ изъ новыхъ актовъ академіи наукъ; въ Технологическомъ журналѣ; въ Трудахъ вольнаго экономическаго общества. Отдѣльно изданы: Руководство къ разведенію шелка въ Россіи; Способы къ отвращенію падежа въ рогатомъ скотѣ, и т. д.[246]).

Въ сочиненіи о необходимости испытывать лѣкарственную силу собственныхъ произрастеній Лепехинъ замѣчаетъ, что при первомъ водвореніи медицинской науки въ Россіи всѣ лѣкарственныя травы, даже самыя простыя и растущія у насъ въ величайшемъ изобиліи, выписывались изъ-заграницы; но съ развитіемъ врачебныхъ познаній распространялось и собираніе природныхъ растеній, которыя во многихъ случаяхъ могутъ быть употребляемы съ большою пользою. Таковы: горькая трава, гребникъ или гравилатъ, марьинъ корень — какъ средства противолихорадочныя; кашкара или пьяная трава, употребляемая жителями гористыхъ мѣстностей, страдающихъ ломотою отъ усталости; степная малина, производящая сильную испарину; толокнянка, оказавшаяся однимъ изъ лучшихъ средствъ въ почечныхъ болѣзняхъ, также какъ и рябина, которую обыкновенно оставляютъ на съѣденіе птицамъ. Вмѣсто корня салепъ, вывозимаго изъ Турціи, стали употреблять корни сѣверныхъ растеній, извѣстныхъ подъ названіемъ кокушкиныхъ слезъ. Багульникъ или клоповникъ, украшающій наши болота, служитъ надежнымъ средствомъ въ судорожномъ кашлѣ, и обѣщаетъ «героическое» пособіе во всѣхъ болѣзняхъ этого рода. Упомянувъ о рукшинѣ, придорожной иголкѣ, баранцѣ, павилишныхъ колокольчикахъ, сухомъ froстѣ и др., авторъ заключаетъ свое исчисленіе словами: «И прежде не достанетъ намъ времени, нежели примѣ-

ровъ.... И посему, коликій новый озарилъ бы свѣтъ врачебное искусство, когда бы мы со временемъ, усугубивъ свое раченіе, всѣхъ своихъ произрастеній силы и дѣйствія, соотвѣтственно ихъ природному мѣсту, познали».

Въ статьѣ о домашнихъ средствахъ, употребляемыхъ въ болѣзняхъ простымъ народомъ, отчетливо описываются средства, къ которымъ прибѣгаетъ народъ преимущественно въ двухъ болѣзняхъ, свирѣпствующихъ съ особенною силою: въ венерическихъ и въ лихорадкѣ. «Невоздержность въ дѣлахъ любовныхъ— говоритъ Лепехинъ — и между чернью такъ размножила нечистую болѣзнь, что и въ крестьянскомъ быту, даже и въ самыхъ отдаленныхъ областяхъ, увидишь не только оною обезображенныхъ, но и изувѣченныхъ людей». Средства противъ нея, употребляемыя народомъ: большой прикрытъ, пѣтушокъ или чистякъ, истодъ трава, измодень полевой, черноголовникъ, сулема и др. Отъ лихорадокъ: крушина, молочай, заплиса или луговая рута, конская грива или коноплянка, стародубка, горчанка, золототысячникъ, бобровка, змѣевикъ, трилистникъ водяной, и др. Рядомъ съ внутренними средствами идутъ наружныя, которымъ народъ придаетъ таинственное значеніе. «Отмѣнитые врачи — говоритъ Лепехинъ — въ опредѣленіи естества лихорадки между собою несогласны, и разныя отличительныя ей свойства поставляютъ, да и наши простолюдины не безъ умствованія о лихорадкѣ судятъ. Языческая праотцевъ нашихъ древность, не вѣдущая причинъ при дѣйствіи естества, въ истолкованіи оныхъ прибѣгала къ вещамъ чрезъестественнымъ, а многобожіе ихъ всегда доставляло имъ суевѣрныя причины; невидимые же благіе и злые духи, или благодарностію или умилостивленіемъ чувствуемые, и въ болѣзняхъ главнѣйшее ихъ убѣжище составляли. Самое названіе *лихорадки* доказываетъ суевѣрное свое происхожденіе, и значитъ *жену радѣющую* или *радующуюся о лихъ*. Таковыхъ поставляютъ быть седмь женъ; всѣхъ ихъ имена мнѣ неизвѣстны, а знаемыя прилагаю. Первая лихорадка называется *кумаха* или *кума*, вторая — *знобиха*, третья — *гнетуха*, чет-

вертая — *огневица* и пр. Истолкованіе сихъ именъ, и какое понятіе съ оными простолюдины соединяютъ — какъ излишнее, такъ и скучное было бы дѣло; довольно сего сказать, что къ такому умствованію и понынѣ чернь привязана, и считаетъ оное за былицу. Изъ сего слѣдуютъ всѣ тѣ странные образы лѣченія, состоящіе или въ наговорахъ, или въ зловонныхъ вещахъ или въ тѣлахъ остроконечныхъ, коихъ толикое множество, что одно исчисленіе именъ заняло бы многія страницы. Довольно сказать, что сюда принадлежатъ и многія сего рода тисненію преданныя средства, какъ то архангелогородцевъ и всѣхъ поморцевъ надежное средство — голова морской рыбы, называемой *зубатка*, которую кладутъ подъ головы больному; внутренняя отопка сыраго яйца, коею обвертываютъ мизинецъ при лихорадочномъ приступѣ; правый медвѣжій глазъ, привязанный къ лѣвой рукѣ и проч. Таковыя и подобныя симъ средства утвердилися между простолюдинами наиболѣе потому, что при употребленіи разныхъ изъ сихъ способовъ проходитъ время: природа, работая, очищаетъ и наконецъ совершенно извергаетъ непріязненное и вредное изъ тѣла вещество».

Въ руководствѣ къ разведенію шелка въ Россіи подробно говорится о различныхъ породахъ тутоваго дерева, о способахъ разведенія его, объ уходѣ за шелковичными червями, о свиваніи шелка съ гнѣздъ или коконовъ и т. п., и вкратцѣ — о постепенномъ распространеніи шелководства въ Европѣ. Въ древнія времена шелкъ былъ величайшею рѣдкостью и продовался по такой высокой цѣнѣ, что шелковыя платья были недоступны даже для семействъ римскихъ императоровъ. Только въ половинѣ шестаго вѣка, при императорѣ Юстиніанѣ, сѣмена шелковыхъ червей были привезены изъ Индіи въ Константинополь. Изъ Аѳинъ, Коринѳа и Ѳивъ шелководство перешло въ Италію, изъ Италіи во Францію, изъ Франціи въ Германію, и т. д. Россія, довольствуясь большею частью шелкомъ персидскимъ и китайскимъ, первоначально имѣла одно только тутовое заведеніе, на волжскомъ рукавѣ Ахтубѣ, повыше города Царицына, да и то принадлежало

безъ всякаго сомнѣнія, волжскимъ болгарамъ. Шелководство въ Россіи начинается со времени Петра Великаго, и можетъ послужитъ новымъ источникомъ богатства и дать работу многимъ тысячамъ народа при своемъ дальнѣйшемъ развитіи.

Предлагая способы къ отвращенію въ рогатомъ скотѣ падежа, Лепехинъ говоритъ во введеніи къ своей книгѣ: «Стараяся быть полезнымъ любителямъ скотоводства и сообщить имъ мои разсужденія и средства къ предупрежденію и исцѣленію скотской, часто къ разорительному несчастію въ стадахъ рогатаго скота случающейся болѣзни, подъ названіемъ падежа или повала извѣстной, выводилъ я мои заключенія не токмо изъ трупоразъятія падшаго скота, но изо многихъ примѣчаній, дѣланныхъ мною во время моего путешествія и разныхъ домашнихъ опытовъ. Сверхъ сего тщился употребить слогъ простой и внятный, и приводилъ въ свидѣтельство такія писанія, каковыя всякъ на природномъ языкѣ читать и по онымъ справки свои дѣлать можетъ».

Въ сочиненіяхъ своихъ Лепехинъ пользовался богатымъ матеріаломъ, собраннымъ имъ во время путешествія, отчасти также и собраніями другихъ натуралистовъ, сочленовъ его по академіи наукъ, совершившихъ, подобно ему, ученыя путешествія по Россіи. Подробно описывая произведенія природы, которыя разсѣяны по всему пространству русской земли, Лепехинъ обращаетъ вниманіе на цѣлебное свойство многихъ травъ и растеній, дающее имъ несомнѣнное преимущество сравнительно съ произведеніями чужестранными, которыя выписываются издалека, и вслѣдствіе различныхъ причинъ весьма часто оказываются непригодными для врачебнаго употребленія. Труды Лепехина пользовались общимъ и вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ въ ученомъ мірѣ; одно изъ главнѣйшихъ и существенныхъ достоинствъ ихъ въ научномъ отношеніи заключается въ точности и отчетливости наблюденій и описаній. Сообщая множество фактическихъ свѣдѣній, Лепехинъ высказываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и свой взглядъ на природу и на разнообразныя дѣйствія ея творческой силы.

Воззрѣнія свои онъ не излагаетъ въ видѣ строгой системы; но по поводу отдѣльныхъ фактовъ приводитъ и соображенія общія, обнимающія всю совокупность явленій, и знакомящія съ тогдашнимъ состояніемъ наукъ. Согласно съ господствовавшими тогда идеями онъ признавалъ внутреннюю связь, соотвѣтствіе и взаимодѣйствіе силъ и явленій природы и существованіе цѣлесообразности, проявляющейся какъ въ растительномъ, такъ и въ животномъ царствѣ. Лепехинъ говоритъ: «Вникая въ намѣренія природы, сколько изъ употребленія прозябаемыхъ заключать возможно, вѣроятнымъ быть кажется, что прозябаемыя ею по всему лицу земному, опредѣленному для обитанія и человѣческому роду, такъ расположены, чтобы человѣкъ и другія животныя, на земномъ шарѣ живущія, находить могли нужное къ своему содержанію. Посему между нашими прирастеніями обрѣтаемъ мы злаки, въ снѣдь человѣку назначенные, и травы, хозяйственнымъ нашимъ нуждамъ удовлетворяющія; находимъ и такіе, коими мѣстные болѣзненные припадки врачевать можемъ. Для животныхъ, по всей вселенной разсѣянныхъ, по качеству климата произрастаютъ былія въ изобиліи, въ снѣдь имъ опредѣленныя. Есть и такія, которыя, кажется, служатъ токмо украшеніемъ лицу земному, или, покрывая неизсыхаемыя блата, скрываютъ отъ глазъ нашихъ пасмурный ихъ видъ, и удерживаютъ излишнюю, изъ нихъ испареніемъ исходящую, влагу, или, распространяя свои корни въ пескахъ зыбучихъ, связуютъ ихъ зыблемость, и возвышая свои съ листами стебли, привлекаютъ ненужные мокрые пары изъ атмосферы. Поросты, коими многія морскія животныя питаются, указуютъ въ водахъ мели и близость береговъ. Словомъ, нѣтъ ни единаго на лицѣ земномъ былія, которое бы не приносило пользы во всей вселенной живущимъ. Посему знаніе произрастеній не токмо уже извѣстныхъ, но и вновь находимыхъ, весьма полезно и необходимо нужно, а паипаче тѣхъ, которыя или во врачеваніи или въ домостроительствѣ могутъ приносить каковую-либо пользу [247]). . . . . Изъ всѣхъ предметовъ, возбуждающихъ наше любопытство, съ благоговѣніемъ сопряженное,

предложимъ тѣ великолѣпія, коими лице земное повсемѣстно одѣвается, и въ коихъ польза обитающихъ на ономъ наиболѣе ощутительна. Мы знаемъ, что они разсѣяны по всему нашему шару, и различныя былія занимаютъ различныя мѣста на ономъ. Главнѣйшая причина сего въ прозябаемыхъ различія зависитъ отъ различнаго раздѣленія по лицу земному теплоты, проистекающей отъ благотворнаго свѣтила, согрѣвающаго и освѣщающаго съ прочими нашего міра тѣлами и обитаемый нами шаръ, къ пути своему наклоненіе имѣющій. И посему, если бы возможно было намъ обозрѣть половину нашего шара, какое преузорочное и испещренное поле открылось бы глазамъ нашимъ! Преходя отъ знойныхъ странъ до послѣднихъ земли предѣловъ, простирающихся къ сѣверу, усмотрѣли бы мы во всякомъ климатѣ собственныя и отмѣнитыя произрастенія. Тамъ, гдѣ вѣчный господствуетъ зной, увидѣли бы мы разновидныя сочныя и рыхлыя растенія, самою малѣйшею влагою питающіяся. Лѣса, составленные изъ разныхъ пальмъ всегда зеленѣющихъ, которыя обнаженными своими пнями возвышаяся и сплетшися одними косматыми вершинами, непроницаемую солнечному зною составляютъ тѣнь, подъ коею жители находятъ свое отъ онаго убѣжище. Разныхъ плодоносныхъ деревъ сонмъ усладилъ бы нашъ взоръ, благовонныя же древа и травы обоняніе. Но если бы мы обратили свой взоръ на сѣверныя земли конечности, то на первый взглядъ показалось бы намъ все унынія полно; однако, разсмотрѣвъ прилежно, открыли бы и тамъ великое множество растеній, десницею содержащею вся насажденныхъ, которыя, большею частью неизсыхаемыя покрывая блата, малосочнымъ уже себя довольно отдѣляютъ видомъ. Преходя же средину между сими крайними предѣлами теплоты и стужи, повсюду встрѣтили бы насъ удивительныя въ растеніяхъ перемѣны, пріумноженныя и другими обстоятельствами. Высочайшіе горные хребты, покрытые снѣгами, и въ самыхъ знойныхъ климатахъ глубокимъ сѣвернымъ странамъ уподобляющіеся, собственными себѣ красуются быліями; пространныя степи, неизмѣримыя моря, рѣки, пески и проч. особенными гордятся произра-

стеніями. Таковое различное земнаго лица прозябаемыми украшеніе предопредѣлено къ очевиднымъ выгодамъ обитающихъ на немъ, ибо равнымъ образомъ извѣстно, что земля населена разными животными, изъ коихъ большей части отъ былія питаться повелѣно. И для того каждому изъ нихъ даны особливое тѣлосложеніе, разный составъ, отмѣнныя склонности, особенная пища, различные способы доставлять себѣ оную. И по сему опредѣлены каждому извѣстные предѣлы къ пребыванію, за кои преступить безъ опасности ихъ жизни не могутъ, развѣ вспомоществуемыя человѣческимъ о нихъ попеченіемъ. Такъ напримѣръ видимъ мы, что огромнымъ китамъ и другимъ ледовитыхъ морей обитателямъ пріятны мѣста, всегда объятыя стужею, отъ коей толстый подкожный слой тука служитъ имъ защитою, и который въ знойной странѣ былъ бы имъ тягостію. Льву дана горячая природа, и сильный внутренній его жаръ, отъ стремительнѣйшаго движенія крови предъ прочими животными происходящій, дѣлаетъ ему не только сноснымъ, но необходимо нужнымъ знойныя африканскія страны, ибо если бы онъ возчувствовалъ сѣверныхъ странъ стужу, поистинѣ много бы охладѣла его ярость. Лапландскій олень, весьма густымъ одѣтый подсѣдомъ, безбѣздно сноситъ стѣснявшую все сѣверную стужу; ягель же, составляя пріятнѣйшую пищу, содѣлываетъ его обитателемъ и безплодныхъ сѣверныхъ тундръ. Въ песчаныхъ и почти безводныхъ африканскихъ пустыняхъ удобно обитаетъ тяглый верблюдъ, снабженъ будучи многими отдѣленіями въ желудкѣ для содержанія воды въ запасѣ, и посему удобно несетъ служеніе странствующимъ въ дебряхъ безводныхъ и непроходныхъ. И если мы разсмотримъ всѣ роды животныхъ, обитающихъ на землѣ, кроющихся въ водахъ, парящихъ по воздуху, и несмѣтное множество насѣкомыхъ, то при каждомъ ясно усмотрѣть можемъ врожденныя и непреоборимыя причины, обязывающія жить извѣстнаго животнаго въ извѣстныхъ на земли предѣлахъ [248])..... Нѣтъ сумнѣнія, что праотцы человѣческаго рода, обитавшіе въ началѣ вѣка въ мѣстахъ блаженныхъ, гдѣ природа, одѣяшая вѣчнующею весною,

сама собою все нужное человѣку производитъ, питалися быліями и плодами древесными; по времени же, содѣлавъ ручными нѣкоторыхъ животныхъ, употребляли въ снѣдь себѣ млеко отъ стадъ ихъ, а наконецъ и мясо ихъ въ пищу себѣ обращать начали. Почему извѣстныя четвероногія животныя содѣлалися почти всеобщими на земномъ шарѣ животными въ снѣдь употребляемыми. Но съ размноженіемъ человѣческаго рода, переселяяся далѣе отъ блаженныхъ мѣстъ, по нуждѣ научилися снѣдныя произрастенія, а наипаче дающія питательную муку, размножать и произращать при помощи искусства; тѣ же, коимъ опредѣлилъ жребій обитать въ конечностяхъ земли, а наипаче сѣверныхъ, гдѣ природа, угнетенная всегдашнею стужею, кажется въ произведеніи былій весьма недостаточествуетъ, и коея недостатковъ ни самое рачительнѣйшее человѣческое попеченіе дополнить не въ силахъ, принуждены питаться наипаче плотію животныхъ. Но какъ четвероногія животныя, служащія пищею человѣческому роду въ другихъ мѣстахъ, въ толь суровыхъ климатахъ едва размножаемы и содержимы быть могутъ, жители же по существу самаго климата требуютъ крѣпчайшей пищи; почему разныя морскія животныя служатъ наиpріятнѣйшею и полезнѣйшею имъ снѣдію, коихъ плоть не столь удобоварима, и требуетъ отмѣнной крѣпости желудка, которая, поддерживаема будучи сжимающею все стужею, дѣлаетъ таковую неудобоваримую пищу соотвѣтственною силамъ ихъ пищеварительныхъ орудій. И посему читаемъ мы не безъ удивленія, съ какими обрядами, впрочемъ суевѣрными, наши курильцы, олюторы, чукчи, и проч. не менѣе радости и удовольствія въ поймании кита оказываютъ, какъ бы пріобрѣли нѣкое отмѣнное сокровище» [249]). . . . .

Природа оказываетъ неоспоримое и сильное вліяніе на образъ жизни человѣка, измѣняющійся по климатическимъ и другимъ мѣстнымъ условіямъ, и на самыя религіозныя вѣрованія. «Плодоносное земное нѣдро, обильно производя потребные на пищу человѣку плоды, обезпечиваетъ его жизнь въ доставленіи себѣ оной. Поистинѣ не недостатокъ другой пищи обязываетъ восточ-

ныхъ народовъ питаться земными произращеніями, но самый климатъ и сохраненіе въ ономъ безболѣзненной жизни. Плоть животныхъ, склонная къ тлѣнію и превращающаяся удобно въ гнилость, при ослабляемыхъ зноемъ тоя страны органахъ, къ варенію пищи опредѣленныхъ, безъ сумнѣнія легко бы могла сообщить оную сокамъ тѣлеснымъ и тѣмъ увеличить къ гнилости расположеніе. Напротивъ того древесные плоды и былія нѣжною своею клейкостію и ма́сляными частицами удобно возобновляютъ части тѣла, которыя чрезъ самую жизнь, какъ то извѣстно, ежеминутно теряются. Кислота въ нихъ или явная или скрытно содержащаяся исправляетъ наклонность къ гнилости, соединяся съ щелочною солью, претворенною чрезъ самое крови обращеніе въ таковое свойство, и составляетъ тѣмъ среднюю смѣсь. Сокъ ихъ въ видѣ соединяющаго вещества очищаетъ и выводитъ оставшіяся въ питательномъ каналѣ нечистоты; смѣсясь же съ кровію, удобно разбиваетъ въ ней вязкость, и тѣмъ уменьшая въ сосудахъ треніе, все тѣло содержитъ въ прохлажденіи. Но какъ плоды много содержатъ въ себѣ запертаго воздуха, который могъ бы вредить ихъ слабымъ желудкамъ, то обильно произрастающая трость, дающая сахаръ, не только отвращаетъ сіе неудобство, но и пріумножаетъ своею сладостію питаніе, и т. д. Хотя ученіе восточныхъ мудрецовъ, проповѣданное послѣ Пиѳагоромъ въ Греціи, о преселеніи душъ непроницаемою завѣсою древности сокрыто, и составляетъ суевѣрный и жалостному заблужденію подверженный членъ ихъ закона, однако, кажется, съ вѣроятностью заключать можно, что сему въ прочемъ замысловатому ученію самая нужда была путеводительницею. Когда ненасытное человѣческаго чрева желаніе къ перемѣнѣ яствъ побуждало ихъ къ насыщенію себя плотію животныхъ, отчего неминуемо должны были произойти гнилыя болѣзни, какъ то̀ и до нынѣ примѣчается въ индійцахъ и египтянахъ, питающихся рыбами и другими животными, которые разными наружными нечистями, а иногда и самою язвою заражаются, и посему мудрые люди, вперяя въ народъ мнѣніе о преселеніи душъ, отъ употребленія на пищу животныхъ отвратить и

происходящее оттуда зло пресѣчь старался. На заблужденіи восточныхъ народовъ основанный другой членъ вѣры не мало способствуетъ къ сохраненію между ими здоровья, ибо всякому извѣстно, сколь многія причины обязываютъ ихъ законное наблюдать очищеніе, состоящее въ омовеніи всего тѣла водою; но сіе наблюденіе, очищая ихъ мнимое душевное паденіе, очищаетъ и прилипшія къ тѣлу остроты, потомъ извергнутыя, и тѣмъ предохраняетъ отъ многихъ нечистей. Чѣмъ отдаленнѣе люди живутъ отъ экватора, и чѣмъ чувствительнѣе становится зима, тѣмъ болѣе употребляютъ на пищу животныхъ. Въ самыхъ же сѣверныхъ земли конечностяхъ почти однимъ питаются мясомъ, какъ-то гренландцы, лопари, исландцы, и по всему берегу Ледовитаго океана кочующіе народы. Между всѣми сими народами суровостію жизни, чему мы очевидными были свидѣтелями, отличны семояды, по тундренымъ берегамъ Ледовитаго океана кочующіе. Когда мы представимъ образъ жизни сихъ народовъ, и сравнимъ оный съ образомъ жизни народовъ, обитающихъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ земное нѣдро само собою все нужное человѣку производитъ, то на первый взглядъ покажется намъ, что сіи блаженную, оные же преисполненную труда и золъ влачатъ жизнь. Но природа все творитъ на пользу человѣку, и сія самая суровѣйшая жизнь составляетъ блаженство, т. е. здравіе живущихъ въ сихъ холодныхъ мѣстахъ. Когда мы разсмотримъ дѣйствіе стужи надъ тѣлами, то ясно сіе уразумѣть можемъ» и т. д. [250]).

Допуская начало цѣлесообразности, Лепехинъ далекъ былъ отъ всякихъ произвольныхъ теорій, догадокъ и сближеній, не основанныхъ на данныхъ представляемыхъ самою природою, а порождаемыхъ игрою болѣе или менѣе изобрѣтательнаго воображенія. «Хотя сіе неоспоримо, — говоритъ онъ — что праотцамъ человѣческаго рода для обитанія вначалѣ опредѣлены были теплыя страны, между тропиками лежащія, гдѣ почти вѣчное господствуетъ лѣто, и гдѣ земля сама собою во всякое время со изобиліемъ производитъ все нужное на снѣдь человѣку, ибо разумъ человѣческій одними опытами доходитъ до того, что можетъ

обращать въ пользу, и къ чему много требуется времени, чтобы человѣкъ вымыслилъ оружіе и способы низлагать и уловлять животныхъ и сооружать себѣ довольныя отъ воздушныхъ перемѣнъ защиты, какъ то̀ изъ исторіи человѣческаго разума весьма явствуетъ. Но чтобы человѣкъ для сихъ такъ называемыхъ блаженныхъ мѣстъ сотворенъ былъ, какъ нѣкоторые творцы системъ изъ наготы человѣческаго тѣла и безоружности его членовъ заключаютъ, — противно опыту и поставленному въ природѣ благоустройству. Ибо и животныя, коимъ предопредѣлено жить въ знойныхъ странахъ, и коихъ во свидѣтельство своему заключенію поставляютъ, не всѣ безшерстны, но многія изъ нихъ оною одѣты, примѣромъ всѣхъ породъ обезьянъ, льва, верблюда и проч., и коимъ бы, по ихъ умствованію, надлежало обитать во странахъ, гдѣ стужа и зной разныя попремѣнно времена занимаютъ года; разумъ же человѣческій доставляетъ людямъ оружіе, превышающее всякое вооруженіе, коимъ прочія снабжены животныя»[251]).

По убѣжденію Лепехина, ученому, посвящающему себя изученію естественныхъ наукъ и въ особенности медицины, необходимо ознакомиться съ мѣстною флорою и съ такъ называемыми народными средствами лѣченія различныхъ болѣзней. Къ этому побуждаетъ то обстоятельство, что нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ и дѣйствительно цѣлебныхъ растеній открыты простымъ народомъ, и отъ него уже перешли ко врачамъ, и сдѣлались достояніемъ науки. «Исторія врачебнаго искусства — говоритъ Лепехинъ—научаетъ насъ, что первыя онаго основанія отъ простаго употребленія травъ начало свое восприяли. Древніе греки, удручаемые болѣзнями, пытались всякими средствами укрощать свирѣпство оныхъ, и память тѣхъ лѣкарствъ, о коихъ пользѣ научалъ ихъ самый опытъ, изсѣкали на дскахъ, и вывѣшивали оныя во храмѣ Эскулапія. Обычай вывозить болящихъ на распутія, дабы мимоходящіе, видя жалостное ихъ состояніе, могли сообщать средства, въ подобныхъ болѣзняхъ употребленныя, служилъ къ распространенію врачебныхъ травъ. Но несытая

алчба корысти и въ семъ случаѣ довела смертныхъ къ сокрытію въ тайнѣ многихъ лѣкарствъ, человѣческіе недуги врачующихъ. Знаніе оныхъ преходило отъ отца къ дѣтямъ, которыя сохраняли оное для своего потомства какъ нѣкое богатое наслѣдство. И сей то есть главнѣйшій источникъ таинственныхъ врачеваній, неизсякшій и въ наши просвѣщенныя времена, ибо сколь многія изъ оныхъ куплены щедростію государей для всеобщаго употребленія, всякому, думаю, извѣстно. Но сколь впрочемъ ни недостаточенъ былъ способъ лѣчить болѣзни, употребляемый простымъ народомъ, не имущимъ никакого знанія ни о сложеніи человѣческаго тѣла, ни о дѣйствіи частей онаго въ здравомъ состояніи, ни о разности причинъ, производящихъ по наружному виду одинакія болѣзни, ни о сплетеніи самыхъ болѣзней между собою, ни о составительныхъ частяхъ лѣкарствъ и пр.; однако должно признаться, что лучшія лѣкарственныя средства не умствованіемъ врачей, но употребленіемъ простолюдимовъ открыты были. Такъ напримѣръ неизмѣняемое оружіе къ укрощенію лихорадокъ — кору хину получили мы отъ дикихъ американцевъ; отъ нихъ же переняли употребленіе рвотнаго камня; ихъ опытами удостовѣрилися мы о усмиряющемъ змѣиный ядъ корнѣ сенегѣ, равнымъ образомъ и о корѣ, унимающей поносы, о корнѣ кровочистительномъ и о многихъ другихъ. Нашу кашкару, которая съ толикою пользою пріумножаетъ нынѣ врачебный припасъ, и надежное составляетъ пристанище обуреваемымъ ломотными болѣзнями, простое же сибиряковъ употребленіе открыло. Наиглавнѣйшее средство, простымъ народомъ употребляемое во французской болѣзни, есть такого рода, коимъ первенствующіе въ Европѣ врачи до самаго высочайшаго степени достигшую сію болѣзнь излѣчали. Я разумѣю сулему (mercurius sublimatus), которая между нашими простяками введена, можетъ быть, прежде въ употребленіе, нежели врачи внутрь ее давать осмѣлились [252])... Поистинѣ не недостатку въ природныхъ растеніяхъ, врачебною силою снабдѣнныхъ, по нашему предразсужденію приписывать должно, что мы, оставляя втунѣ собственныя, въ коихъ природа,

кажется, впечатлѣла лѣкарственныя силы, обстоятельствамъ климата соотвѣтствующія, большее же упованіе на произрастенія отдаленнѣйшихъ странъ возлагая, въ ожиданіи нашемъ часто обманываемся. Врачамъ сіе, къ прискорбію ихъ, извѣстно, сколь часто получаемъ мы восточныхъ странъ и Америки произведенія, важнѣйшую часть врачебнаго припаса составляющія, которыя или отъ долговременности или отъ небреженія или, что нерѣдко случается, отъ подмѣна и примѣсу корыстолюбивыми людьми, истинной своей лишаются силы, чего въ природныхъ растеніяхъ избѣжать можно.... Хина и доднесь единственнымъ средствомъ въ усыпленіи лихорадочныхъ движеній почитаемая, наиболѣе обличаетъ нерадѣніе наше въ испытаніи силы природныхъ растеній. Не можно себѣ вообразить, чтобы благотворящая во всемъ природа не произвела помѣстныхъ средствъ противу всеобщей почти болѣзни, а снабдила единственно онымъ перувіанское королевство»[253]).

Что касается языка и слога, то сочиненія Лепехина отличаются обиліемъ народныхъ русскихъ названій, преимущественно ботаническихъ, особенностями порядка словъ, размѣщенія дополняемыхъ и дополненій и т. п., и симметріею въ устройствѣ и расположеніи періодовъ, заключающихся большею частью словами съ дактилическимъ окончаніемъ, которое такъ любилъ Карамзинъ. Приведемъ въ примѣръ два отрывка противоположнаго содержанія: «Разсматривая обитаемый нами шаръ, повсюду зримъ неизрѣченную Творца премудрость и благость; чудимся тѣмъ его уставамъ, по коимъ земля наша, въ неизмѣримомъ небесъ пространствѣ повѣшенная, непремѣнное свое и другимъ тѣламъ небеснымъ соотвѣтственное сохраняетъ движеніе. Священный восторгъ плѣняетъ умъ нашъ, когда умственно измѣряемъ соравновѣсную тяжесть суши, оба полушарія составляющей, объемлемой непостижимыми водъ безднами. Съ благоговѣніемъ ко Творцу взираемъ на разныя протяженія горныхъ хребтовъ, коихъ знаменитыя вершины доставляютъ намъ источники чистѣйшихъ водъ, привлеченныхъ съ окружающей ихъ атмосферы;

нѣдра же ихъ раждаютъ намъ металлы, нужные къ облегченію трудовъ, и къ украшенію служащіе. Словомъ: всякое на нашемъ шарѣ произведеніе, всякое явленіе, когда въ нихъ вникаемъ, ясно изображаютъ намъ всесильную Творца десницу, давшую бытіе онымъ, и устроившую неразрывный союзъ въ природѣ ко взаимной пользѣ всея твари».... [254]).

«Пахатныя растенія, ввѣренныя земному нѣдру, прежде нежели могутъ достигнуть совершенной своей зрѣлости, разнымъ бываютъ подвержены случайностямъ, на ихъ вредъ, а иногда и на самую гибель стремящимся. Иногда долговременная засуха, изсушивъ земную поверхность, изнуряетъ растенія гладомъ; иногда чрезмѣрная мокрота дѣлаетъ въ нихъ сверх-обыкновенную полность, и пресѣкши должную испарину, собственною оныя удручаетъ тяжестію. Нерѣдко вихри, сильные вѣтры, градъ и участные средилѣтніе морозы съ чувствительнымъ вредомъ общества труды сельскихъ жителей упустошаютъ. Всѣ сіи случайности, такъ сказать, противъестественны въ разсужденіи прозябаемыхъ бываютъ; но есть и такія, которыя къ урожаю пахатныхъ растеній неотмѣнно потребны и вмѣстѣ вредительны быть могутъ. Дѣло всѣмъ извѣстное, что жаркіе дни необходимо нужны, когда хлѣбъ колосится, цвѣтетъ, наливается и зрѣетъ; но самое же сіе нужное жаркое время рождаетъ вредныя росы, которыя пахари медвяною росою или ржою называютъ, и о которой мы теперь предложить намѣрены. Подъ именемъ ржи разумѣется роса, къ которой примѣсились минеральныя выдохновенія, отчего она получаетъ ржавый цвѣтъ, нѣкоторую вязкость, также и солодковатый вкусъ, отъ котораго хлѣбопашцы ржою и медвяною росою называютъ. Павшая ржа на стебли, листье и колосъ, оные переѣдаетъ, отчего листья и колосъ изсыхаютъ, стебель отъ малаго вѣтру ломается, и изломавшись пресѣкаетъ путь движущимся питательнымъ сокамъ къ верхнимъ частямъ растенія» [255]).

Лепехинъ обогатилъ русскую литературу переводомъ классическаго произведенія Бюффона — естественной исторіи человѣка

и животныхъ. Подобно знаменитому Линнею, Бюффонъ (1707—1788) почитается замѣчательнѣйшимъ представителемъ естествознанія и свѣтиломъ науки своего времени[256]). Посвятивши себя наукѣ съ самой ранней молодости, несмотря на всѣ приманки своего общественнаго положенія и богатства, Бюффонъ возбудилъ общее вниманіе и сочувствіе ученыхъ изслѣдованіями своими въ области геометріи, физики и сельскаго хозяйства и переводомъ одного изъ сочиненій Ньютона. Двадцати шести лѣтъ отъ роду Бюффонъ избранъ былъ членомъ академіи наукъ. Важнымъ событіемъ въ его жизни, имѣвшимъ сильное вліяніе на его ученую дѣятельность, было назначеніе его директоромъ ботаническаго сада (intendant du jardin du roi). Основанный въ первой половинѣ семнадцатаго столѣтія, парижскій ботаническій садъ находился въ рукахъ придворныхъ врачей, которые смотрѣли на него какъ на доходную статью, и старались извлекать изъ него какъ можно болѣе, но отнюдь не для науки, а для своего кармана. Бюффонъ придалъ учрежденію и новый обширный объемъ и новый духъ. Садъ, назначенный первоначально для разведенія врачебныхъ травъ и растеній, обратился въ музеумъ естественной исторіи, куда стекались произведенія трехъ царствъ природы изъ всѣхъ частей свѣта, благодаря дѣятельности и славѣ знаменитаго натуралиста. Сосредоточивъ свои занятія въ предѣлахъ музеума, постоянно умножавшаго свои научныя богатства, Бюффонъ предался изученію и описанію природы со всею настойчивостью неутомимаго трудолюбія, оправдавшею на дѣлѣ его собственныя слова, что геній есть постоянный трудъ и терпѣніе. Памятникомъ этого геніальнаго терпѣнія служитъ естественная исторія, всеобщая и частная, составляющая одно цѣлое съ описаніемъ королевскаго сада или кабинета рѣдкостей, какъ называется онъ въ русскомъ переводѣ. Классическій трудъ Бюффона вышелъ подъ названіемъ: Histoire naturelle, générale et particulière, avec la description du cabinet du roi. Въ составъ этого труда во всемъ его объемѣ входятъ: естественная исторія человѣка, животныхъ, птицъ, рыбъ, описаніе минераловъ, теорія

земли и эпохи природы. Сотрудникомъ и помощникомъ Бюффона и въ завѣдываніи кабинетомъ естественной исторіи и въ научныхъ работахъ и описаніяхъ, былъ ученый врачъ Добантонъ (Daubenton), извѣстный своими познаніями въ зоологіи и анатоміи.

Бюффонъ первый написалъ естественную исторію человѣка. До него ученые разсматривали родъ человѣческій то съ физіологической или медицинской точки зрѣнія, то съ нравственной и политической, не вдаваясь въ изслѣдованіе различныхъ расъ, обитающихъ на земномъ шарѣ, и взаимныхъ отношеній между ихъ физическими и духовными свойствами. Бюффонъ наблюдаетъ человѣка съ его появленія на свѣтъ, указываетъ существенныя особенности человѣческой природы и тѣ измѣненія, которымъ она подвергается. Онъ первый пытался опредѣлить отличительныя свойства расъ, и если стремленія его не увѣнчались полнымъ успѣхомъ, чего невозможно и требовать отъ первыхъ опытовъ, то во всякомъ случаѣ ему принадлежитъ заслуга разумнаго и плодотворнаго почина: онъ проложилъ путь, по которому шли послѣдующіе естествоиспытатели. Съ обширною, многостороннею ученостью Бюффонъ соединялъ рѣдкую проницательность, духъ критики и умѣнье овладѣть матеріаломъ, извлеченнымъ изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ. Онъ сообщалъ всѣ свѣдѣнія, встрѣчаемыя у натуралистовъ, географовъ, путешественниковъ, сравнивалъ ихъ между собою, критически оцѣнивалъ ихъ, отдѣляя истинное отъ сомнительнаго и ложнаго, и изъ разсѣянныхъ чертъ и отрывковъ создавалъ стройное цѣлое. Въ естественную исторію Бюффонъ внесъ начало критическое: оно выразилось въ сравненіи различныхъ видовъ, въ указаніи ихъ свойствъ и особенностей, въ объясненіи ихъ именъ, и т. п. По его мнѣнію, въ естественной исторіи животныхъ весьма важна номенклатура, и поэтому необходимо подвергнуть строгому разбору названія, усвоенныя животнымъ, и опредѣлить, насколько возможно, различіе между видами, названными одними и тѣми же именами, и т. д.

Произведенія Бюффона при своемъ научномъ достоинствѣ представляютъ цѣлый рядъ мастерскихъ картинъ, упрочившихъ за ученымъ натуралистомъ славу писателя-художника. Французскіе критики признавали и признаютъ сочиненія его образцовыми какъ по содержанію, такъ и по внѣшней отдѣлкѣ и слогу. Слова: le style c'est de l'homme même сдѣлались афоризмомъ, повторяемымъ безчисленное множество разъ, но не въ томъ самомъ видѣ какъ у Бюффона, а въ такой передѣлкѣ: le style c'est l'homme. Бюффонъ придавалъ весьма важное значеніе слогу, доказывая его внутреннюю, неразрывную связь съ мыслію и содержаніемъ произведенія. Для того, чтобы хорошо писать—говоритъ онъ—надо хорошо думать, хорошо чувствовать, и вѣрно передавать свои мысли и чувства; надо обладать умомъ, душою и вкусомъ. Слогъ требуетъ соединенія и дѣйствія всѣхъ духовныхъ способностей; основу слога составляютъ мысли, а красота и гармонія словъ играетъ роль второстепенную, и зависитъ отъ степени чувствительности органовъ. Только тѣ произведенія перейдутъ въ потомство, которыя написаны хорошимъ слогомъ. Обиліе свѣдѣній, новость фактовъ и даже открытія не спасутъ отъ забвенія, если все содержаніе книги, въ которой они находятся, не отличается особеннымъ достоинствомъ, а въ изложеніи нѣтъ яркихъ признаковъ вкуса, благородства и таланта; свѣдѣнія, факты, открытія весьма удобно переходятъ въ другія книги, и много выигрываютъ попадая въ руки болѣе искусныя. Все это берется извнѣ, только слогъ исходитъ отъ самого человѣка: ces choses sont hors de l'homme, le style est de l'homme même. Слогъ не заимствуется, не переносится, не исчезаетъ; онъ прекрасенъ только тогда, когда выражаетъ истину, а безсмертіе — удѣлъ истины и только истины. Поэзія, исторія, философія имѣютъ одну общую и великую задачу — изображеніе природы и человѣка, и т. д.[257]).

Появленіе труда Бюффона произвело сильное дѣйствіе на умы современниковъ, привѣтствовавшихъ въ авторѣ соединеніе глубокой учености съ блестящимъ художественнымъ талантомъ. Но

съ другой стороны послышались голоса и не въ пользу автора, и всего опаснѣе для него были обвиненія въ свободномысліи и въ противорѣчіи и несогласіи его идей съ истинами священнаго писанія. Объ этомъ обстоятельствѣ слѣдуетъ упомянуть по нѣкоторой связи его съ судьбою русскаго перевода. Богословскій факультетъ въ Парижѣ подвергъ книгу Бюффона строгому разбору, и извлекъ изъ нея нѣсколько положеній, заслуживающихъ по его мнѣнію порицанія, какъ напримѣръ: Воды морей произвели горы и долины земли; воды неба возвратятъ землю морямъ: они покроютъ ее постепенно, образуя въ иныхъ мѣстахъ материки, подобные тѣмъ, на которыхъ мы обитаемъ. По всей вѣроятности солнце потухнетъ, когда уничтожится въ немъ горючій матеріалъ: земля тоже была нѣкогда горючею, расплавленною массою... Душа по существу своему безстрастна. Нравственныя истины болѣе или менѣе произвольны, будучи основаны на разнаго рода соображеніяхъ и предположеніяхъ, и т. п. Бюффонъ поспѣшилъ отвѣтить сорбоннѣ, что онъ вовсе не намѣренъ противорѣчить священному писанію, и твердо вѣритъ всему, что говорится у Моисея какъ о времени и порядкѣ мірозданія, такъ и обо всѣхъ обстоятельствахъ, которыми сопровождалось сотвореніе человѣка, земли и всей вселенной. Въ пространномъ и уклончивомъ отвѣтѣ Бюффона недостаетъ одного только условія — искренности; но ученые сорбонны, довольные тѣмъ, что возраженія ихъ Бюффонъ напечаталъ въ своей книгѣ, сдѣлали видъ, что вполнѣ удовлетворены его будто-бы чистосердечными объясненіями [258]). Вообще Бюффонъ отличался искусствомъ ладить съ сильными міра, не позволялъ себѣ задѣвать ни духовныхъ, ни свѣтскихъ властей, и дѣйствовалъ съ такою осторожностью и разсчетомъ, что, по замѣчанію одного писателя, охотно бы призналъ землю неподвижною, если бы ея кругообращеніе сколько нибудь угрожало его личной безопасности.

Въ сужденіяхъ и отзывахъ о трудѣ Бюффона, высказанныхъ по поводу русскаго перевода, отражаются до нѣкоторой степени измѣненія и колебанія, происходившія въ умственной жизни рус-

скаго общества. Въ концѣ восьмнадцатаго столѣтія, главнымъ образомъ вслѣдствіе французской революціи, у насъ подвергались запрещенію тѣ самыя книги, которыя незадолго до того не только были терпимы, но и распространялись въ обществѣ какъ образцовыя произведенія. Екатерина II переписывалась съ Бюффономъ, читала его естественную исторію, и восхищалась его эпохами природы. Ваши эпохи природы — писала она Бюффону — открыли мнѣ новый міръ, лѣтописи котораго были погружены доселѣ въ глубочайшее забвеніе; только геній, вооруженный такою великою ученостью, въ состояніи отгадывать минувшее, опираясь на факты неизбѣжные, и объяснять исторію изъ обширной книги природы. Въ свою очередь Бюффонъ писалъ Екатеринѣ, что сѣверъ есть истинная колыбель всего великаго, произведеннаго природою въ первобытную эпоху ея творчества, и выражалъ надежду и желаніе, чтобы снова сѣверъ оказалъ благотворное дѣйствіе на другія страны Европы: mes voeux seraient de voir cette belle nature et les arts descendre une seconde fois du nord au midi; en attendant ce moment qui ferait la réhabilitation de cette partie croupissante de l'Europe [259]).... Такимъ образомъ Бюффонъ употребилъ буквально тотъ же самый эпитетъ о западной Европѣ, который былъ предметомъ такихъ ожесточенныхъ нападокъ во время литературной борьбы славянофиловъ съ западниками.

По волѣ императрицы Екатерины II академія наукъ предприняла русскій переводъ естественной исторіи Бюффона. Въ собраніи академической конференціи 5 ноября 1787 года Лепехинъ объявилъ отъ имени Дашковой, что государыня желаетъ, чтобы всѣ сочиненія Бюффона были переведены на русскій языкъ. Вслѣдствіе такого заявленія нѣсколько академиковъ, природныхъ русскихъ, взяли на себя этотъ трудъ, раздѣливъ его между собою по спеціальности занятій каждаго изъ нихъ [260]). Въ переводѣ участвовали: Румовскій, Котельниковъ, Протасовъ, Иноходцевъ, Озерецковскій, Соколовъ, Зуевъ, и всѣхъ болѣе — Лепехинъ. Русскій переводъ состоитъ изъ десяти томовъ; изъ нихъ шесть,

отъ пятаго и до послѣдняго, переведены однимъ Лепехинымъ, а первый переведенъ имъ же вмѣстѣ съ Румовскимъ.

Въ началѣ 1789 года Румовскій и Лепехинъ представили конференціи первый томъ русскаго перевода. Втеченіе трехъ лѣтъ издано пять томовъ; на пятомъ томѣ, вышедшемъ въ 1792 году, изданіе остановилось по распоряженію или во всякомъ случаѣ съ вѣдома княгини Дашковой. Спустя нѣсколько лѣтъ, во время отсутствія Дашковой, поднятъ былъ вопросъ о причинѣ прекращенія изданія, и канцелярія академіи наукъ предписала немедленно приступить къ продолженію труда, возложеннаго на русскихъ академиковъ. Для выясненія дѣла признано необходимымъ предварительно переговорить съ Лепехинымъ, въ то время больнымъ, черезъ руки котораго проходило все, касающееся до перевода Бюффона на русскій языкъ. Слѣдствіемъ этихъ переговоровъ и обсужденія вопроса академиками, участвовавшими въ переводѣ, было со стороны ихъ коллективное заявленіе такого содержанія:

«Когда ея сіятельство академіи наукъ директоръ и кавалеръ княгиня Екатерина Романова Дашкова предложила ученому собранію, что ея императорскому величеству нашей всемилостивѣйшей государынѣ благоугодно было, чтобы творенія графа Бюффона преложены были на языкъ россійскій, тогда русскіе академики: Котельниковъ, Румовскій, Протасовъ, Лепехинъ, Иноходцевъ, Озерецковскій, Соколовъ и Зуевъ, пріявъ съ достодолжнымъ благоговѣніемъ высочайшее повелѣніе, немедленно приступили къ возложенному на нихъ труду, и чтобы скорѣе исполнить высокомонаршую волю, первыя части Бюффоновыхъ твореній раздѣлили между собою такъ, что иную часть переводили двое, иную же и трое, и симъ способомъ въ непродолжительномъ времени изданы были пять частей сего творенія, составляющія собственно введеніе въ естественную исторію, каковыя токмо и на нѣмецкій языкъ преложены. Остаются кромѣ сихъ нѣкоторыя другія, къ сему предмету относящіяся; но сіи такого свойства, что одержа въ себѣ одни токмо пылкія умствованія и вычисленія,

никакой пользы россійскому читателю принесть не могутъ, какъ-то ѳеорія о простываніи земнаго шара и прочихъ планетъ, основанная на произвольномъ и неимовѣрномъ положеніи. Другія же, какова есть эпохи природы, совсѣмъ не согласуютъ съ преданіями священнаго писанія, и безъ позволенія святѣйшаго прави тельствующаго синода никакъ изданы быть не могутъ. Что касается до исторіи естественной собственно такъ называемой, то и сію надобно раздѣлить на три части. Первая содержитъ въ себѣ собственное графа Бюффона ума произведеніе, въ коемъ привлекательнымъ и ему токмо свойственнымъ слогомъ описываются отличительныя животныхъ свойства; наружные же знаки изображены словами, отъ знатоковъ охотниковъ, птицелововъ, скотоводцевъ и проч. употребляемыми, каковыхъ на россійскомъ языкѣ отыскать не можно, поелику всѣ искусства обращаться съ животными не вошли еще въ употребленіе. Вторая часть составляетъ трупоразъятіе и размѣръ животныхъ, которая выработана г. Добантономъ, и токмо для однихъ ученыхъ, въ сей наукѣ упражняющихся, а не для всякаго читателя, можетъ быть полезна. Третья часть состоитъ изъ описанія королевскаго кабинета, гдѣ исчисляются чучелы и всякія части животныхъ, съ краткимъ описаніемъ; но и сія часть для большаго числа читателей никакого удовольствія принесть не можетъ. Изъ сего явствуетъ, что продолженіе преложенія Бюффоновой естественной исторіи на отечественный языкъ нашъ сопряжено съ великими затрудненіями. Ибо, чтобы предпріятіе сего труда могло соотвѣтствовать чести академіи, непремѣнно нужно вопервыхъ утвердить всѣ употребительныя реченія въ сей наукѣ, дабы преложеніе единообразно и соотвѣтственно быть могло; вовторыхъ необходимо требуется собрать всѣ слова, охотниками, птицеловами, конскихъ заводовъ содержателями и другими скотоводцами и промышленниками употребляемыя, и тѣмъ привесть въ состояніе предпріемлющихъ трудъ преложенія знаменательно изображать таковыя слова, въ подлинникѣ находящіяся. Ибо и славный графъ де-Бюффонъ не все сіе вмѣщалъ въ своемъ понятіи, но имѣлъ къ тому многораз-

личныя пособія, каковыхъ мы сами по себѣ имѣть не можемъ; но если они доставлены будутъ, то мы трудъ сей продолжать готовы» [261]).

Но ожидаемыхъ пособій ни отъ кого доставляемо не было, и Лепехинъ одинъ занимался приготовленіемъ необходимыхъ данныхъ; благодаря собраннымъ имъ матеріаламъ явилась возможность продолжать предпринятый трудъ. Въ предисловіи Лепехина къ переведенному имъ шестому тому, изданному въ 1801 году, находятся любопытныя свѣдѣнія, касающіяся русскаго перевода и дѣятельности переводчика. Лепехинъ говоритъ: «Императрица Екатерина великая, желая распространить повсюду просвѣщеніе и свѣдѣнія въ отечествѣ нашемъ, повелѣть соизволила россійскимъ академіи наукъ членамъ преложить на отечественный языкъ творенія славнаго графа де-Бюффона, къ естественной исторіи животныхъ относящіяся. Что трудъ сей благосклонно принятъ былъ обществомъ, доказываетъ то, что уже третьимъ тисненіемъ издана первая часть сего сочиненія. Впрочемъ, не обинуясь сказать можно, что всѣ пять частей содержатъ въ себѣ токмо всеобщее введеніе въ естественную исторію четвероногихъ животныхъ, въ коемъ пылкое воображеніе сочинителя нерѣдко увлекало его отъ общаго о вещахъ понятія, и онъ умозрѣніе свое индѣ на зыблемомъ полагалъ основаніи, что̀ изъ приложенныхъ примѣчаній трудившимися въ преложеніи усмотрѣть можно. Но какъ въ слѣдующихъ частяхъ изобразилъ онъ намъ самихъ животныхъ, описывая ихъ родъ жизни, средства нужныя къ снисканію ихъ пропитанія, нравы, особенныя склонности, образъ и время, къ размноженію своего племени употребляемые, и продолженіе ношенія самокъ щенныхъ, всѣ способы для домашняго скотовъ содержанія нужные, и каковой кормъ вреденъ имъ быть можетъ: все же сіе выражалъ онъ реченіями, на заводахъ конскихъ, въ скотоводствѣ, въ охотѣ и въ промыслахъ употребляемыми, имѣя довольно способовъ къ полученію таковыхъ реченій и всего, до естества животныхъ касающагося, или отъ людей, помянутыми упражненіями занимающихся, или воспитывая раз-

ныхъ животныхъ въ своемъ помѣстьѣ и въ домѣ, и дѣлая надъ ними возможныя наблюденія, — то трудившіеся доселѣ въ преложеніи, лишены будучи таковыхъ пособій, принужденными нашлися удержаться отъ продолженія начатаго ими труда, пока не представится случай собрать все нужное къ окончанію онаго. Между тѣмъ цѣлая половина изъ трудившихся въ переводѣ убыла, да изъ оставшихся нѣкоторые другими, а не исторіи естественной, учеными предметами занимаются. Посему, собравъ нѣкоторыя реченія въ природномъ языкѣ нашемъ извѣстныя, мнилъ я быть въ состояніи начатой продолжать трудъ, но время показало, что нѣкоторыя реченія не такъ выражены, какъ надлежало. Почему и прошу покорнѣйше всѣхъ любителей россійскаго слова и знающихъ прямо предлагаемыхъ животныхъ вразумить меня въ тѣхъ названіяхъ, которыя, можетъ быть, неправильно мною употреблены: таковою благосклонностію при второмъ изданіи воспользоваться съ должною благодарностію не упущу. Впрочемъ я старался, сколько могъ, сохранить мысли и выраженія сего краснорѣчиваго писателя, наблюдая притомъ и цѣлость природнаго языка нашего, и преложилъ токмо разсужденія г. Бюффона о животныхъ, ихъ природѣ, нравахъ и проч. Описаніе же наружныхъ частей каждаго животнаго дополнялъ описаніемъ г. Добантона, въ томъ же твореніи помѣщеннымъ, заключая все прибавленіемъ размѣра въ частяхъ наружныхъ, яко нужнаго къ точному различенію животныхъ, а наипаче такихъ, которыя по наружному ихъ виду почти сходными быть кажутся. Трупоразъятельную же часть, какъ для многихъ читателей ненужную и только въ трупоразъятіи сравнительномъ упражняющимся пользу принесть могущую, равнымъ образомъ и описаніе частей предложенныхъ животныхъ, въ королевскомъ кабинетѣ рѣдкостей хранящихся, опустилъ я, со всѣмъ до нихъ не касаяся. Но вмѣсто сего тщился собирать и прибавлять собственныя мои и разныхъ писателей, а болѣе г. Мартини пополненія, какъ для лучшаго и прямаго разумѣнія сочинителя, такъ и до воспитанія и употребленія домоводственнаго животныхъ касающіяся. Накопецъ, сіе токмо

сказать остается, за сею шестою частію непосредственно слѣдовать будутъ и прочія части по порядку, изъ коихъ нѣкоторыя уже переведены и здѣшнею санктпетербургскою цензурою одобрены» [262]).

Для сличенія перевода Лепехина съ французскимъ подлинникомъ приводимъ нѣсколько мѣстъ, въ которыхъ говорится о двухъ разнородныхъ началахъ въ человѣческой природѣ и объ особенностяхъ ея сравнительно съ міромъ животныхъ [263]).

L'homme intérieur est double, il est composé de deux principes différens par leur nature et contraires par leur action. L'âme, ce principe spirituel, ce principe de toute connaissance, est toujours en opposition avec cet autre principe animal et purement matériel: le premier est une lumière pure qu'accompagnent le calme et la sérénité, une source salutaire dont émanent la science, la raison, la sagesse; l'autre est une fausse lueur qui ne brille que par la tempête et dans l'obscurité, un torrent impétueux qui roule et entraine à sa suite les passions et les erreurs.... Il est aisé, en rentrant dans soi-même, de reconnaître l'existence de ces deux principes: il y a des instans dans la vie, il y a même des heures, des jours, des saisons où nous pouvons juger non

Внутренній человѣкъ есть двойственнень; онъ по существу своему составленъ изъ двухъ различныхъ началъ и противныхъ одно другому по ихъ дѣйствіямъ. Душа, сіе духовное начало, начало всякаго познанія, всегда противуборствуетъ другому, животному началу, прямо вещественному. Первое есть ясный свѣтъ, сопровождаемый тишиною и безмятежіемъ, спасительный источникъ, изъ коего проистекаютъ познаніе, разумъ и премудрость; другое же есть ложный блескъ, являющійся токмо въ бурное время и во тьмѣ, потокъ стремительный, увлекающій за собою страсти и заблужденія.... Входя въ самого себя, не трудно познать бытіе сихъ двухъ началъ: есть минуты въ жизни нашей, даже часы, дни и времена, въ кои мы судить мо-

seulement de la certitude de leur existence, mais aussi de leur contrariété d'action. Je veux parler de ces temps d'ennui, d'indolence, de dégoût où nous ne pouvons nous déterminer à rien, où nous voulons ce que nous ne faisons pas et faisons ce que nous ne voulons pas; de cet état ou de cette maladie à laquelle on a donné le nom de *vapeurs*, état où se trouvent si souvent les hommes oisifs et même les hommes qu'aucun travail ne commande. Si nous nous observons dans cet état, notre *moi* nous paraîtra divisé en deux personnes, dont la première qui représente la faculté raisonnable, blâme ce qui fait la seconde, mais n'est pas assez forte pour s'y opposer efficacement et la vaincre; au contraire, cette dernière étant formée des toutes les illusions de nos sens et de notre imagination, elle contraint, elle enchaîne et souvent elle accable la première, et nous fait agir contre ce que nous pensons, ou nous force à l'inaction, quoique nous ayons la volonté d'agir....

Amour! desir inné, âme de

жемъ не токмо о безсумнѣнности бытія оныхъ, но и о противуборствіи въ ихъ дѣйствіяхъ. Я говорю о томъ времени скуки, безпечности, отвращенія, въ которое мы ни за что приняться не хочемъ, или желаемъ дѣлать то, чего не дѣлывали, дѣлаемъ же то, чего дѣлать не хотимъ; въ такомъ состояніи сего припадка, который называется *истерикою* или *ипохондріею*, коимъ подвержены люди праздные, люди трудиться не обязанные. Если мы сами себя въ семъ состояніи примѣчать будемъ, то мы сами себѣ покажемся раздѣленными на двѣ ипостаси, изъ коихъ первая, составляющая разумную нашу способность, охуждаетъ дѣянія другія; но не имѣетъ столько силы, чтобы воспротивиться и побѣдить оную. Напротивъ того, сія вторая, будучи составлена изъ мечты нашихъ чувствъ и воображенія всякаго рода, принуждаетъ первую, связуетъ путами, часто удручаетъ оную, и принуждаетъ насъ поступать противъ нашего размышленія, или нудитъ насъ къ недѣйствію, хотя мы дѣйствовать желаемъ...

Любовь! врожденное вожде-

la nature, principe inépuisable de l'existence! pourquoi fais-tu l'état heureux de tous les êtres et le malheur de l'homme? C'est qu'il n'y a que le physique de cette passion qui soit bon, ce que, malgré ce que peuvent dire les gens épris, le moral n'en vaut rien. Qu'est ce en effet que le moral de l'amour? la vanité; vanité dans le plaisir de la conquête, erreur qui vient de ce qu'on en fait trop de cas; vanité dans le desir de le conserver exclusivement, état malheureux qu'accompagne toujours la jalousie, petite passion, si basse qu'on voudrait la cacher; vanité dans la manière d'en jouir, qui fait qu'on ne multiplie que ses gestes et ses efforts sans multiplier ses plaisirs; vanité dans la façon même de la perdre, on veut rompre le premier; car si l'on est quitté, quelle humiliation! et cette humiliation se tourne en désespoir lorsqu' on vient à reconnaître qu'on a été longtemps dupe et trompé. Les animaux ne sont point sujets à toutes ces misères, ils ne cherchent pas des plaisirs où il ne peut y avoir; guidés par le sen-

лѣніе, душа природы, неисчерпаемый источникъ бытія! для чего ты рождаешь счастливое состояніе всѣхъ тварей, несчастіе же человѣка? Сіе происходитъ отъ того, что естественное токмо сея страсти состояніе хорошо; нравственное же, сколько бы предразсудки ни одобряли онаго, никуда не годится. Что же такое въ самомъ дѣлѣ есть нравственное въ любви? Суета; суета въ удовольствіи своея побѣды; заблужденіе, происходящее отъ почитанія за велико таковыя побѣды; суета въ желаніи сохранить ее исключительно токмо для себя; злосчастное состояніе, сопровождаемое всегда ревнивостію, столь попосною страстію, каковую стараемся утаевать отъ всѣхъ; суета въ образѣ наслажденія оною, который производитъ то, что мы увеличиваемъ токмо наши тѣлодвиженія и усиленія, а не удовольствія! Суета и въ томъ, какимъ образомъ мы оную теряемъ; мы хотимъ первые разорвать оную, ибо если оставляемы бываемъ, какое для насъ униженіе! И сіе униженіе обращается въ отчаяніе, когда узнаемъ, что уже за

timent seul, ils ne se trompent jamais dans leur choix, leurs desirs sont toujours proportionnés à la puissance de jouir, ils sentent autant qu'ils jouissent, et ne jouissent qu'autant qu'ils sentent; l'homme au contraire, en voulant inventer des plaisirs, n'a fait que gâter la nature, en voulant se forcer sur le sentiment il ne fait qu'abuser de son être et creuser dans son coeur un vide que rien ensuite n'est capable de remplir....

долгое время прежде мы были обмануты. Животныя всѣмъ симъ бѣдствіямъ не подвержены; они не ищутъ удовольствія тамъ, гдѣ онаго имѣть не можно; будучи водимы однимъ чувствованіемъ, никогда въ избраніи онаго не ошибаются; вождельнія ихъ всегда соразмѣрны силѣ наслажденія; они столько же чувствуютъ, сколько наслаждаться могутъ, и наслаждаются столько, сколько чувствуютъ. Напротивъ того, человѣкъ, стараяся изыскивать увеселенія, портитъ свою природу; желая принудить себя къ чувствованію, во зло употребляетъ токмо бытіе свое, и содѣлываетъ въ сердцѣ своемъ пустоту, которую потомъ ничѣмъ наполнить не можно....

Y a-t-il rien de comparable à l'attachement du chien pour la personne de son maitre? on en a vu mourir sur le tombeau qui la renfermait. Que de mouvemens, que d'inquietudes, que de chagrins s'il est absent; que de joie lorsqu'il se retrouve! à tous ces traits peut-on méconnaître l'amitié? se marque-t-elle même parmi nous par des caractères aussi énergiques? Il

Можно ли что сравнить съ привязанностію собаки къ своему господину? видали собакъ умирающихъ на могилѣ своихъ хозяевъ. Какія движенія, какія безпокойства, какія прискорбія объ отсутствіи господина; какая радость о возвращеніи его! При всѣхъ сихъ знакахъ можно ли не опознать дружбы? И оказывается ли оная между нами столь изразительными знаками?

en est de cette amitié comme de celle d'une femme pour son serin, d'un enfant pour son jouet etc. Toutes deux sont aussi peu réfléchies, toutes deux ne sont qu'un sentiment aveugle; celui de l'animal est seulement plus naturel, puisqu'il est fondé sur le besoin, tandis que l'autre n'a pour objet qu'un insipide amusement au quel l'âme n'a point de part. Ces habitudes puériles ne durent que par le désoeuvrement, et n'ont de force que par le vide de la tête; et le goût pour les magots et le culte des idoles, l'attachement en un mot aux choses inanimées, n'est il pas le dernier degré de la stupidité? Cependant que de créateurs d'idoles et de magots dans ce monde! que de gens adorent l'argile qu'ils sont paîtrie! combien d'autres sont amoureux de la glêbe qu'ils ont remuée! L'amitié suppose cette puissance de réfléchir, c'est de tous les attachemens le plus digne de l'homme et le seul qui ne le dégrade point; l'amitié n'émane que de la raison, l'impression des sens n'y fait rien, c'est l'âme de son ami qu'on aime, et pour aimer

Таковая дружба сходна со склонностію женщины къ ея чижику или дитяти къ его куклѣ. Для той и другой не много потребно размышленія, и обѣ являють слѣпое возчувствованіе. Но дружба животнаго болѣе естественна, поелику она основана на нуждѣ; напротивъ того, другая имѣетъ предметомъ безполезное провожденіе времени, въ коемъ душа ни мало не участвуетъ. Сія дѣтская забава происходитъ единственно отъ праздности, и занимаетъ токмо пустыя головы. Вкусъ къ морскимъ кошкамъ и почитаніе идоловъ, словомъ, прилѣпленіе къ вещамъ неодушевленнымъ, не суть ли послѣдняя степень безумія? Но сколько притомъ есть еще въ свѣтѣ семъ творенiй и обезьянъ, коимъ бы не приносили идольскаго служенія? Сколько людей покланяются глинѣ, изъ коей содѣлали они изображенія? Сколько влюбленныхъ въ глыбу земли, которую они сами вращали? Дружество предполагаетъ непремѣнно размышленіе, и изъ всѣхъ нашихъ склонностей есть наидостойнѣйшее человѣка, и оно одно токмо его не унижаетъ;

une âme, il faut en avoir une. Ainsi l'amitié n'appartient qu'à l'homme, et l'attachement peut appartenir aux animaux....

Nos observateurs admirent à l'envi l'intelligence et les talens des abeilles; elles ont, disent-ils, un génie particulier, un art qui n'appartient qu'à elles, l'art de se bien gouverner. Une ruche est une république où chaque individu ne travaille que pour la société, où tout est ordonné, distribué, réparti avec une prévoyance, une équité, une prudence admirable. Athènes n'était pas mieux conduite, ni mieux policée. Y a-t-il en effet rien de plus gratuit que cette admiration pour les mouches et que ces vues morales qu'on voudrait leur prêter, que cet amour du bien commun qu'on leur suppose, que cet instinct singulier qui équivaut à la géométrie la plus sublime, instinct qu'on leur a nouvellement accordé, par lequel les

дружба проистекаетъ отъ разума; впечатлѣнія на чувства наши ни малѣйшаго не имѣютъ въ нѣй участія, но токмо душа друга, коего мы любимъ, а чтобы возлюбить душу, должно самому имѣть оную. И такъ дружество принадлежитъ единому человѣку; прилѣпленность же могутъ имѣть животныя....

Наши наблюдатели наперехватъ удивляются знанію и дарованіямъ пчелъ; онѣ, говорятъ, имѣютъ особливый разумъ, искусство имъ токмо собственное, искусство хорошо управлять самихъ себя. Улей есть общество, въ коемъ всякій частный работаетъ для общества, гдѣ распредѣлено, раздѣлено и роздано съ предвидѣніемъ, съ справедливостію и благоразуміемъ удивительнымъ: Аѳины не съ лучшимъ порядкомъ были правимы и благоучреждены. Можетъ ли въ самомъ дѣлѣ быть что-нибудь болѣе произвольное, какъ таковое удивленіе пчеламъ, какъ таковые нравственные виды, каковые имъ приписывать стараются, какъ предполагаемая между ими любовь къ общественному благу; сіе чудное естественное

abeilles résolvent sans hésiter le problème de *bâtir le plus solidement qu'il soit possible dans le moindre espace possible et avec la plus grande économie possible?* Ces cellules des abeilles, ces hexagones tant vantés, tant admirés, me fournissent une preuve de plus contre l'enthousiasme et l'admiration: cette figure toute géometrique et toute régulière qu'elle nous paraît, et qu'elle est en effet dans la spéculation, n'est ici qu'un résultat mécanique et assez imparfait qui se trouve souvent dans la nature, et qu'on remarque même dans ses productions les plus brutes; les cristaux et plusieurs autres pierres, quelques sels etc. prennent constamment cette figure dans leur formation. Qu'on observe les petites écailles de la peau d'une roussette, on verra qu'elles sont hexagones, parce que chaque écaille croissant en même temps se fait obstacle, et tend à occuper le plus d'espace qu'il est possible dans un espace donné: on voit ces mêmes hexagones dans le second estomac des animaux ruminans, on les trouve dans les graines,

побужденіе, которое недавно пчеламъ приписали, не уступаетъ и самой высокой геометріи, и помощію котораго онѣ безъ дальняго размышленія слѣдующую задачу *соорудить зданіе съ возможною твердостію на малѣйшемъ пространствѣ и съ возможною бережливостію* рѣшили.... Сіи пчелиныя ячейки, сіи шестиугольники, толико славимые, толикое удивленіе возбуждающіе, подаютъ мнѣ наисильнѣйшее средство къ опроверженію изступленія и удивленія. Сіе очертаніе при всей кажущейся намъ геометрической строгости, при всей своей правильности, каковыя и въ самомъ дѣлѣ, если разсмотрѣть пристально, находятся, не иное что суть, какъ слѣдствія механическія, и довольно несовершенныя, часто въ природѣ встрѣчающіяся, и каковыя примѣчаемъ даже въ самыхъ нестройныхъ природы произведеніяхъ; кристаллы и многіе другіе камни, нѣкоторыя соли и проч. постоянно таковое очертаніе получаютъ при своемъ происхожденіи. Если разсмотримъ чешую на морскомъ псѣ, то увидимъ, что

dans leurs capsules, dans certaines fleurs etc. Qu'on remplisse un vaisseau de pois ou plutôt de quelque autre graine cylindrique, et qu'on le ferme exactement après y avoir versé autant d'eau que les intervalles qui restent entre ces graines peuvent en recevoir; qu'on fasse bouillir cette eau, tous ces cylindres deviendront des colonnes à six pans. On en voit clairement la raison, qui est purement mécanique: chaque graine, dont la figure est cylindrique, tend par son renflement à occuper le plus d'espace possible dans un espace donné, elles deviennent donc toutes nécessairement hèxagones par la compression réciproque. Chaque abeille cherche à occuper de même le plus d'espace possible dans un espace donné, il est donc nécessaire aussi, puisque le corps des abeilles est cylindrique, que leurs cellules soient hexagones par la même raison des obstacles réciproques....

оная шестиугольна, поелику всякая чешуйка, выростая въ одно время съ прочими, находитъ отъ другихъ препятствіе, и старается занять сколько возможно болѣе пространства въ данномъ мѣстѣ. Видимъ также шестиугольники въ рубцѣ живущихъ животныхъ; примѣчаемъ оныя и въ зернахъ, въ вмѣстилищахъ оныя содержащихъ, въ нѣкоторыхъ цвѣтахъ и проч. Если наполнимъ сосудъ горохомъ или другими какими зернами цилиндрическими, и наливъ на оныя столько воды, чтобы оною наполнилися всѣ промежутки, покроемъ плотно и станемъ варить, то всѣ сіи цилиндрическія зерна сдѣлаются шестигранными столбиками. Причина сему явственна, и прямо механическая. Всякое зерно, имѣющее видъ цилиндра, по разбухлости своей стремится наиболѣе, сколько возможно, занять мѣста въ данномъ пространствѣ, почему отъ взаимнаго давленія неотмѣнно должны всѣ принять на себя видъ шестиугольной призмы. Каждая пчела ищетъ равнымъ образомъ наиболѣе, сколько возможно, занять мѣста въ дан-

номъ пространствѣ: слѣдовательно, такъ же необходимо, чтобы пчелиныя ячеи, поелику пчелы имѣютъ цилиндрическое тѣло, были шестисторонны по причинѣ взаимнаго препятствія....

Toutes ces manoeuvres sont relatives à leur organisation et dépendantes du sentiment qui ne peut, à quelque dégré qu'il soit, produire le raisonnement et encore moins donner cette prévision intuitive, cette connaissance certaine de l'avenir, qu'on leur suppose. Une poule ne distingue pas ses oeufs de ceux d'un autre oiseau, elle ne voit point que les petits canards qu'elle vient de faire éclore ne lui appartiennent point, elle couve des oeufs de craie, dont il ne doit rien résulter, avec autant d'attention que ses propres oeufs; elle ne connait donc ni le passé, ni l'avenir, et se trompe encore sur le présent. Les nids des oiseaux, les cellules des mouches, les provisions des abeilles, des fourmis, des mulots, ne supposent donc aucune intilligence dans l'animal, et n'émanent pas de quelques loix particulièrement

Всѣ сіи сооруженія суть соотвѣтственны ихъ сложенію и зависятъ отъ чувствованія, немогущаго произвести ни малѣйшаго разсужденія, а еще менѣе преподать сіе воззрительное предузнаніе, сіе точное знаніе будущаго, каковыя предполагаютъ. Курица не распознаетъ своихъ яицъ отъ яицъ другой птицы; она не узнаетъ утятъ ею выведенныхъ, но ни мало ей не принадлежащихъ; она сидитъ на яйцахъ мѣловыхъ, изъ коихъ ничего вытти не можетъ, съ такимъ раченіемъ какъ на своихъ собственныхъ: слѣдовательно, она не знаетъ ни мало прошедшаго, ни будущаго, и обманывается притомъ настоящимъ. И такъ гнѣзда птичьи, соты пчелиные, запасъ оныхъ, запасъ муравьевъ, полевыхъ крысъ, никакого разумѣнія не предполагаютъ въ животномъ, и не проистекаютъ ни отъ какихъ законовъ,

établies pour chaque espèce, mais dépendent, comme toutes les autres opérations des animaux, du nombre, de la figure, du mouvement, de l'organisation et du sentiment, qui sont les loix de la Nature, générales et communes à tous les êtres animés. Il n'est pas étonnant que l'homme, qui se connait si peu lui-même, qui confond si souvent ses sensations et ses idées, qui distingue si peu le produit de son âme de celui de son cerveau, se compare aux animaux, et n'admette entr'eux et lui qu'une nuance, dépendante d'un peu plus ou d'un peu moins de perfection dans les organes; il n'est pas étonnant qu'il les fasse raisonner, s'entendre et se déterminer comme lui, et qu'il leur attribue non seulement les qualités qu'il a, mais encore celles qui lui manquent. Mais que l'homme s'examine, s'analyse et s'approfondisse, il reconnâitra bientôt la noblesse de son être, il sentira l'existence de son âme, il cessera de s'avilir et verra d'un coup d'oeil la distance infinie que l'être suprême a mise entre les bêtes et lui. Dieu seul con-

но зависятъ, какъ и всѣ прочія дѣйствія животныхъ, отъ числа, наружнаго вида, движенія, строенія и чувствованія, которыя суть законы природы всеобщіе всѣмъ одушевленнымъ тварямъ. Почему и не удивительно, что человѣкъ, столь мало самъ себя знающій, столь часто смѣшивающій свои чувствованія и свои понятія, толь мало различающій произведенія души своея отъ произведеній своего мозга, примѣняетъ себя къ животнымъ, и допускаетъ между собою и оными токмо различія тѣнь, зависящую отъ нѣсколько большаго или нѣсколько меньшаго совершенства орудій. Слѣдовательно, и не удивительно, что онъ приписуетъ имъ способность размышлять, разумѣть другъ друга взаимно, и предпринимать, какъ онъ и самъ, все съ намѣреніемъ; что онъ присвояетъ не токмо тѣ качества, каковыя самъ имѣетъ, но еще и такія, каковыхъ онъ лишенъ. Но если человѣкъ разберетъ самъ себя, и углубится въ сіе разбирательство, то вскорѣ познàетъ достоинство своего существованія, почувствуетъ бытіе души

nait le passé, le présent et l'avenir, il est de tous les temps et voit dans tous les temps: l'homme, dont la durée est de si peu d'instans, ne voit que ces instans; mais une Puissance vive, immortelle, compare ces instans, les distingue, les ordonne, c'est par Elle qu'il connait le présent, qu'il juge du passé, et qu'il prévoit l'avenir. Otez à l'homme cette lumière divine, vous effacez, vous obcurcissez son être, il ne restera que l'animal; il ignorera le passé, ne soupçonnera pas l'avenir et ne saurra même ce que c'est que le présent....

своея, престанетъ унижать себя, и единымъ воззрѣніемъ усмотритъ безконечное разстояніе, каковое Всевышнее существо положило между имъ и прочими животными. Единый Богъ вѣдаетъ прошедшее, настоящее и будущее, онъ сый прежде всѣхъ вѣковъ, и зритъ во вся грядущіе вѣки: человѣкъ, коего существованіе столь кратковременно, видитъ токмо настоящее; но животворящая и безсмертная сила сравниваетъ сіе настоящее, различаетъ оное, и онымъ учреждаетъ; ею вспомоществуемый познаѐтъ онъ настоящее, судитъ о прошедшемъ и предвидитъ будущее. Отымите отъ человѣка сей божественный свѣтъ, вы угасите, вы потемните его сущность, и онъ останется токмо животное; онъ не будетъ знать прошедшаго, ни подозрѣвать о будущемъ, даже не познаѐтъ и самого настоящаго....

Много времени и труда стоило Лепехину разсмотрѣніе тѣхъ многочисленныхъ переводовъ съ иностранныхъ языковъ на русскій, которые поступали въ коммиссію для изданія переводовъ, учрежденную Екатериною II. Эту обязанность Лепехинъ исполнялъ со времени возвращенія своего изъ путешествія по Россіи и до открытія россійской академіи. На Лепехина, вмѣстѣ съ Ру-

мовскимъ и Озерецковскимъ, возложено было изданіе сочиненій Ломоносова: мы упомянули объ этомъ при обзорѣ дѣятельности Румовскаго. Лепехинъ былъ также редакторомъ академическаго журнала — Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненій, и разбиралъ статьи и цѣлыя книги, присылаемыя въ академію наукъ для разсмотрѣнія [264]). Въ разборахъ своихъ и отзывахъ Лепехинъ не ограничивался бѣглыми замѣтками, а подробно знакомилъ съ содержаніемъ книги, съ ея достоинствами и недостатками, подтверждая выводы свои рядомъ фактическихъ доказательствъ. По поводу книги Антоновскаго, изданной подъ названіемъ Новѣйшаго повѣствовательнаго землеописанія всѣхъ четырехъ частей свѣта, Лепехинъ написалъ обширную рецензію, изъ которой можно видѣть какъ относился онъ къ своей задачѣ. Михаилъ Ивановичъ Антоновскій извѣстенъ въ литературѣ сочиненіями своими и переводами съ французскаго и нѣмецкаго, между прочимъ переводомъ переписки Екатерины съ Вольтеромъ, а также изданіемъ двухъ журналовъ: Бесѣдующій гражданинъ и Вечерняя заря, служившая продолженіемъ Утренняго свѣта [265]).

Судьба Бесѣдующаго гражданина убѣдила издателя, по его собственному свидѣтельству, въ томъ, что въ русскомъ обществѣ всего болѣе имѣютъ успѣхъ статьи историческаго содержанія. Вотъ собственныя слова издателя, наивно сопоставляющаго произведенія Вольтера, Руссо, Гете съ издѣліями лубочной литературы. «Издавая въ свѣтъ ежемѣсячное изданіе подъ названіемъ *Бесѣдующій гражданинъ*, и помѣщая въ оное главнѣйшихъ трехъ родовъ сочиненія и переводы, нравоучительныя, историческія и касающіяся до изящныхъ наукъ, съ тѣмъ единственно намѣреніемъ, дабы узнать вкусъ народный, и къ которому наиболѣе оный изъ сихъ трехъ родовъ склоненъ,—къ несказанному обрадованію нашему увидѣли мы, и удостовѣрились опытомъ, что, во опроверженіе тѣхъ обидныхъ для россійскаго народа мнѣній, яко бы оный больше влеченія имѣетъ къ чтенію поглощающихъ умъ и благонравіе растлѣвающихъ книгъ, каковы: Фоблазы, Гостиные сыны, Два турка, Родственники Магометовы, Новыя

Элоизы, Кандиды, Вертеры, Поизмятыя розы, Совѣстьдралы, глупыя и невкусныя площадныя сказки о Бовахъ и Еруслапахъ, и симъ подобныхъ,—во опровержение, говоримъ, толь обидныхъ мнѣній, россійскій народъ наиглавнѣйшее имѣетъ устремленіе къ чтенію отечественнаго, а купно и другихъ народовъ, землеописанія и исторіи, яко первоначальнаго источника просвѣщенія и вѣрнѣйшей указательницы прямаго пути ко всѣмъ прочимъ полезнымъ для рода человѣческаго познаніямъ — прилѣпленіе, дѣлающее величайшую честь сердцамъ и умамъ россійскаго народа! Посему-то съ того же самаго времени и предпринято нами сочиненіе сего, издаваемаго нынѣ, всеобщаго повѣствовательнаго землеописанія, обращая наиболѣе стараніе наше къ отечественному. Для сего употребили мы самые вѣрные источники — домашнихъ и чужестранныхъ писателей описанія и записки, какъ изданныя уже частію въ свѣтъ, такъ и понынѣ еще остававшіяся безъ обпародованія»[206]). Повѣствовательное землеописаніе издано безъ имени автора, и въ пространномъ заглавіи сказано только, что книга сочинена и почерпнута изъ вѣрнѣйшихъ источниковъ «учеными россіанами».

Повѣствовательное землеописаніе появилось въ такое время, когда событія, происходившія во Франціи, возбуждали опасенія въ правительственныхъ сферахъ; свѣдѣнія о Франціи и преимущественно о французской революціи послужили главнымъ поводомъ къ запрещенію книги. Въ ней встрѣчаются такого рода мѣста: «Въ древнѣйшія времена, франкскіе короли ежегодными собраніями народа были весьма ограничены. Въ XV столѣтіи сдѣлалась перемѣна въ семъ правленіи. Власть короля весьма увеличилась отобраніемъ многихъ знатныхъ помѣстьевъ. Карлъ VII учредилъ непремѣнное войско, и онъ, или сынъ его Людовикъ XI, присвоилъ себѣ право налагать подати безъ согласія государственныхъ чиновъ. Людовикъ XI управлялъ самодержавно или лучше сказать тирански. Впослѣдствіи чины государственные (etats généraux) хотя и были по временамъ сзываемы, но ихъ жалобы и представленія неограниченною властію королей уничто-

жались. Кардинала Ришелье, министра Людовика XIII, казалось единственное стараніе состояло въ томъ, чтобы власть короля увеличить уничтоженіемъ вольности и священныхъ правъ народа. Въ правленіе Людвика XIV деспотизмъ вошелъ на высочайшую степень. Людвикъ XV наслѣдовалъ всю неограниченную власть своего предшественника; но какъ не наслѣдовалъ онъ тѣхъ же блистательныхъ дарованій, и предался величайшимъ распутствамъ, оставя правленіе своимъ министрамъ и любовницамъ, то подданные его начали скучать таковымъ поноснымъ игомъ, которое въ правленіе Людвика XIV частію сами на себя возложили. Хотя въ его время и менѣе было стихотворцевъ съ прекрасными дарованіями, нежели во время его предшественника; но оное произвело философовъ, которые при свѣтѣ разума открыли права государя и гражданина, и доставили всему народу новый оборотъ въ умахъ. Американская война, въ которой Людовикъ XVI скоро по вступленіи своемъ на престолъ принялъ участіе, показала подданнымъ его на самомъ дѣлѣ тѣ новыя правила, кои проповѣдывали имъ тѣ философы, и возбудила въ нихъ величайшее желаніе вольности и основаннаго на правотѣ постановленія. Упадокъ доходовъ, причиненный несчастливымъ правленіемъ Людовика XV и который легкомысліе и расточительность министровъ и двора Людовика XVI въ его юности привели до крайности, сдѣлалъ наконецъ необходимымъ сзывъ чиновъ государства яко послѣднее средство къ уврачеванію сего зла. Государственные чины воспользовались благопріятствующими обстоятельствами, въ которыхъ они находились, и просвѣщеніемъ своего времени къ искорененію старыхъ злоупотребленій и къ сочиненію для государства новаго постановленія. Основаній, принятыхъ для сего новаго постановленія преимущественно три. Первое — сохраненіе естественныхъ и непремѣнныхъ правъ человѣка, то есть: *свободы* въ торговлѣ, мысляхъ, рѣчахъ и сочиненіяхъ, съ тѣмъ, чтобы оныя не были вредны прочимъ сочленамъ общества; права *собственности*, личной *безопасности* и совершеннаго *равенства* въ разсужденіи законовъ. Второе —

всякое самодержавіе принадлежитъ первоначально народу, почему въ обществѣ никакая власть существовать не можетъ, которая не отъ него происходитъ, и не основывается на благѣ его. Третіе — въ свободномъ государствѣ должно отдѣлить многія права самодержавія. Двѣ власти во Франціи различествуютъ одна отъ другой: *постановляющая* и *постановленная* — le pouvoir constituant et les pouvoirs constitués. Постановляющая власть есть народное собраніе» и т. д. [267]). Подобныя указанія на свободу и равенство гражданъ и на верховныя права народа не могли быть встрѣчены сочувственно въ кругахъ, осудившихъ путешествіе Радищева какъ опасное порожденіе духа революціи, охватившей Францію и гибельной для всей Европы. Генералъ-прокуроръ Самойловъ въ письмѣ къ управляющему академіею наукъ объявилъ высочайшую волю, чтобы «книгу подъ заглавіемъ: Новѣйшее повѣствовательное землеописаніе, по причинѣ помѣщенія въ оной непозволенныхъ выраженій продажею остановленную, отослать въ академію наукъ съ тѣмъ, дабы оная, вынявъ изъ нея совсѣмъ артикулъ о Франціи, прочее точнѣйшимъ образомъ пересмотрѣла, и ничего не оставила такого, что противно законному и самодержавному правленію и самой благопристойности, а потомъ напечатавъ выпустила въ публичную продажу». Канцелярія академіи наукъ препроводила книгу къ Румовскому, поручая ему сдѣлать въ ней перемѣны по своему усмотрѣнію, и возлагая на него, какъ необходимое условіе, чтеніе послѣдней корректуры. Румовскій сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній, но вмѣстѣ съ тѣмъ заявилъ, что самъ собою, одинъ, онъ не рѣшается что-либо измѣнить, выпустить или прибавить. Вслѣдствіе этого академическое собраніе составило изъ русскихъ академиковъ комитетъ для разсмотрѣнія присланной генералъ-прокуроромъ книги. Лепехинъ, какъ членъ комитета, представилъ слѣдующее мнѣніе, въ которомъ разбираетъ книгу не въ политическомъ или нравственномъ, а въ научномъ отношеніи, опредѣляя степень ея научнаго достоинства и пригодности для нашей литературы:

«Книгу подъ заглавіемъ *повѣствовательнаго землеописанія*,

издаваемую неизвѣстнымъ сочинителемъ, ввѣренную мнѣ отъ ученаго собранія для просмотрѣнія и объявленія моего мнѣнія, проходилъ я съ возможнымъ вниманіемъ, и нахожу къ донесенію высокопочтенному собранію слѣдующее.

«По мнѣнію моему, говоря токмо объ одной Россіи, неизвѣстный сочинитель предпріялъ трудъ, превосходящій его силы и знанія; ибо не токмо входя въ глубочайшую древность о происхожденіи россійскаго народа, о различныхъ переселеніяхъ народовъ, ихъ сродненія и проч., зашелъ онъ во глубину никѣмъ не измѣримую, или исчисляя разныя статьи, силу, обиліе и благосостояніе государства составляющія, хотѣлъ проникнуть безъ всякаго основанія въ свѣдѣнія, у нѣкоторыхъ токмо государственныхъ особъ хранимыя; но и въ другихъ своихъ повѣствованіяхъ, болѣе уже извѣстныхъ, кажется, ясно доказалъ недостатокъ своихъ познаній.

«Въ самомъ началѣ вступленія (стр. 6), говоря о Европѣ вообще, почитаетъ оную многолюднѣе прочихъ частей свѣта, и полагаетъ въ оной жителей 160 миліоновъ. Если исчисленіе сіе принять за истинное, не говоря о томъ, что сочинитель дѣлаетъ сравненіе съ числомъ неизвѣстнымъ, то и тутъ неосмотрительность его ощутительна, когда въ одномъ китайскомъ государствѣ числится жителей до 200 миліоновъ, каковое исчисленіе утверждается на томъ, что въ Китаѣ каждый хозяинъ обязанъ на дверяхъ дома своего выставлять доску съ показаніемъ числа своего семейства. Если къ сему присовокупить, не упоминая о другихъ владѣніяхъ, Индію, Турцію, Персію и россійскія области, въ Азіи лежащія, то грубая сія ошибка сочинителя весьма будетъ ясна; и нѣкоторые писатели полагаютъ въ Азіи число народа до 650 миліоновъ.

«На той же страницѣ сочинитель, говоря о монархическомъ правленіи, полагаетъ оный токмо въ Россіи, Пруссіи и Даніи; но кому не извѣстно, что Испанія, Португаллія, Неаполь съ Сициліею, наслѣдныя австрійскія земли и Швеція состоятъ подъ монархическимъ правленіемъ.

«На стр. 7, въ раздѣленіи европейскихъ владѣній поставляетъ сочинитель имперіи, королевства, республики и независимыя духовныя княжества; въ число сихъ послѣднихъ — папа и мальтійскіе кавалеры. Но забылъ онъ въ роспись сію помѣстить курфирстовъ, въ числѣ коихъ трое духовныхъ, и о коихъ упомянуть необходимо нужно было, а потомъ привесть и о другихъ княжескихъ домахъ, носящихъ титло эрцгерцоговъ, герцоговъ, князей, ландграфовъ и маркграфовъ, а мальтійскіе кавалеры особой статьи въ Европѣ не составляютъ, но зависятъ отъ папы и отъ тѣхъ государей, во владѣніяхъ коихъ находится жалованное имъ имѣніе.

«На стр. 9 написано, что европейская Россія раздѣляется отъ Азіи Карскимъ заливомъ, Уральскимъ хребтомъ, Кайгородомъ въ вятскомъ намѣстничествѣ, рѣкою Волгою, вытекающею изъ нижегородскаго намѣстничества и протекающею даже до Царицына и пр. Хотя между европейскою и азіатскою Россіею нѣтъ точно узаконенныхъ предѣловъ, и разные писатели различно оные полагаютъ, однако новѣйшими землеописателями, начиная отъ Страленберга, согласно полагается предѣломъ, самою природою поставленнымъ, хребетъ Уральскихъ горъ, начинающихся Великимъ мысомъ съ западной стороны Обской губы, о коемъ и самъ говоритъ сочинитель. Но чтобы Карскій заливъ, находящійся между устьями рѣкъ Печоры и Оби, прозванный по небольшой рѣчкѣ Карѣ, въ него впадающей, и который потомъ отъ него названъ моремъ, входилъ въ отдѣлительные рубежи между европейскою и азіатскою Россіею, — дѣло, до сего времени неслыханное. Еще неосновательнѣе бѣдный Кайгородъ, лежащій по сю сторону Урала въ болотной лощинѣ, поставленъ между отличительными знаками сказаннаго предѣла. Говоря же о продолженіи сего предѣла, составляемаго Волгою, сочинитель не умѣлъ изъяснить и мыслей своихъ, и поставилъ, яко бы Волга начало свое имѣла въ нижегородскомъ намѣстничествѣ, а устье при Царицынѣ.

«На стр. 10, исчисляя сочинитель острова и полуострова, въ

европейской Россіи находящіеся, поставилъ и островъ Котку, по самоновѣйшимъ токмо начинаніямъ извѣстный, и пропустилъ острова Соловецкій и Анзерскій, на Бѣломъ морѣ находящіеся, которые и по исторіи церковной заслуживаютъ вниманіе.

«На стр. 11 пишетъ сочинитель, что зимою стужи даже и въ самой сѣверной части не такъ жестоки, какъ умозрительные описатели представляютъ оныя свѣту. Не говоря о дальнѣйшей сѣверной части Сибири, довольно будетъ привесть въ доказательство противнаго одинъ городъ Устюгъ, гдѣ въ извѣстныя зимы отъ естественной стужи ртуть въ тепломѣрѣ сама собою замерзаетъ.

«На стр. 11 — 14, сочинитель, входя въ исчисленіе естественныхъ произведеній, именно въ европейской токмо части Россіи находящихся, представляетъ оное не токмо въ весьма недостаточномъ и поверхностномъ видѣ; но полагаетъ въ числѣ оныхъ такія, каковыхъ не только въ европейской части Россіи, но и въ областяхъ ея азіатскихъ не находится. Приписывая же многимъ изъ нихъ превосходныя качества, обнажаетъ въ сей части свое незнаніе. Ибо, говоря о нашихъ мраморахъ, называетъ ихъ наилучшими, а гранитъ нашъ почитаетъ превосходнѣйшимъ гранитомъ въ свѣтѣ; въ число камней, какъ нѣчто изящное, помѣщаетъ мергель; упоминаетъ о базальтѣ, котораго, сколько мнѣ извѣстно, въ Россіи не находится; полагаетъ въ росписи камней малахитъ, но сей собственно составляетъ богатую мѣдную руду, и лучшій находится въ гумешевскомъ рудникѣ по ту сторону Урала, и слѣдовательно не въ европейской части Россіи; исчисляетъ топазы, аметисты, аквамарины, ониксы, сердолики, перелифты, опалы и проч.; но лучшіе изъ сихъ находятся въ азіатской части. О сурмѣ, упоминаемой сочинителемъ, я не слыхивалъ, чтобы сія находилася въ Россіи. Колчеданы, причисленные имъ къ камнямъ, безъ сумнѣнія надлежало бы причислить къ рудамъ. Что касается до упоминаемой имъ ртути, то не токмо ее никогда въ Россіи чистой или самородной отыскано не было, но и въ видѣ киновари найдены были томко признаки въ михайловскомъ покойнаго Сибирякова рудникѣ въ нерчинской округѣ.

«Въ разсужденіи прозябаемыхъ еще меньшее сочинитель явилъ свое знаніе не токмо весьма недостаточнымъ исчисленіемъ оныхъ, но и присвоеніемъ европейской Россіи такихъ, каковыхъ въ оной не находится. Ибо кедръ и пихта суть сибирскія произведенія, и первый совершенно различествуетъ отъ настоящаго или ливанскаго кедра, и потому называется сибирскимъ. Такъ названная имъ *бѣлая и черная топола* хотя суть древа, растущія въ южной полосѣ европейской Россіи, однако первое называется просто тополью, а другое осокорью. Буковое, оливковое, гранатное, аминдальное дерева, смоковница и каштаны суть собственно произведенія Таврическія области. Упоминаемаго же сочинителемъ древеснаго хлопчатника отечество есть Индія. Черница и голубица, и малымъ ребятамъ извѣстные ягодные кусты, весьма между собою различны. Розу и шиповникъ ни коимъ образомъ къ ягоднымъ кустамъ относить не можно. Не знаю также, въ какихъ огородахъ нашелъ нашъ сочинитель ананасы, когда сіи въ теплицахъ и парникахъ не безъ труда воспитываются. Между полевыми быліями въ европейской Россіи полагаетъ сочинитель *сарсапариллъ*, *ревень* и *шафранъ*. Но кому не извѣстно, что истинная сарсапарилла растетъ въ Китаѣ и полуденной Америкѣ; настоящаго же или такъ называемаго копытчатаго ревня не токмо въ европейской, но и въ азіатской части Россіи не находится; дикій же шафранъ извѣстенъ токмо въ Тавридѣ, и проч.

«О животныхъ, Россіи собственныхъ, сочинитель столь же малое имѣетъ понятіе, какъ и о предшедшихъ частяхъ естественной исторіи, ибо въ число животныхъ, въ европейской части Россіи водящихся, включаетъ онъ буйволовъ съ лошадинымъ хвостомъ и короткохвостыхъ. Если чрезъ первую породу разумѣетъ такъ называемаго тангутскаго вола и корову, а чрезъ другую обыкновеннаго буйвола, то та и другая, собственно суть животныя азіатскія, и я не слыхивалъ, чтобы первое когда-либо причислялося къ скотамъ домашнимъ. Въ числѣ домашняго же скота почитаемыя имъ обѣ породы верблюдовъ собственно обитаютъ

въ азіатскихъ степяхъ; держатъ же ихъ наши въ азіатской части кочующіе народы какъ скотъ тяглой, и то въ маломъ числѣ. Дикихъ лошадей въ европейской части Россіи не видимо, но водятся въ степяхъ Великой Татаріи. Порода сайгаковъ паипаче водится въ теплыхъ азіатскихъ степяхъ, нежели въ Европѣ. Никто, кромѣ нашего сочинителя, утверждать не будетъ, чтобы гіены и чакалки водилися въ Европѣ, ибо отечество ихъ есть знойныя мѣста Азіи. Соболь также весьма рѣдкій гость въ Европѣ, а собственно водится въ сѣверныхъ странахъ Азіи и Америки. Морскихъ львовъ не токмо въ европейскихъ, но и въ азіатскихъ моряхъ не видывалъ; водится же онъ въ южной полосѣ земнаго шара около Америки. Морскіе медвѣди, уповательно по переводу такъ сочинителемъ названные, извѣстны у насъ подъ именемъ *морскихъ котовъ*, и придержатся сѣверной части Тихаго моря, откуда преплаваютъ въ южный океанъ. Подъ именемъ морской лошади, помѣщенной имъ въ росписи морскихъ европейскихъ животныхъ, разумѣется отъ нашихъ естественной исторіи писателей бегемотъ или иппопотамъ; но сей водится въ Африкѣ около Нила и другихъ большихъ тамъ рѣкъ. Полагаемая имъ въ числѣ же европейскихъ морскихъ животныхъ *морская корова* (манати) водится при морскихъ берегахъ теплѣйшихъ странъ обоего свѣта; не рѣдка она и въ Камчатскомъ морѣ, но сіе почитаютъ за отмѣнную породу.

«Въ исчисленіи и названіи птицъ, рыбъ и насѣкомыхъ писатель нашъ столько же недостаточенъ и неоснователенъ, какъ и въ вышеприведенныхъ статьяхъ, ибо павлина причисляетъ онъ къ нашимъ дворовымъ птицамъ, бабу-птицу и фазана полагаетъ въ числѣ птицъ европейскихъ, и пр., и пр.

«Таковаго рода погрѣшностей, почти на всякой строкѣ встрѣчающихся, всякъ удобно при маломъ раченіи избѣжать бы могъ, поелику о всемъ вышеприведенномъ удобно можно было выправиться въ книгахъ, на россійскомъ языкѣ изданныхъ. Однако сочинитель, не чувствуя своея слабости, не устыдился повѣствовать о разныхъ прехожденіяхъ, смѣшеніяхъ и прозменованіяхъ

славено-россскаго народа, и входя въ глубочайшую и неудобь испытуемую онаго древность, утверждать не сумнится, яко бы всѣ писатели въ томъ согласны, что народъ россійскій есть потомство *Мосоха*, сына Іафетова, и пр., и пр.

«Правда, Абульгази, въ родословной своей исторіи о татарахъ производитъ славянъ отъ *Саклаба*, сына Іафетова, а другіе отъ *Руса*, Іафетова же сына. Но какъ имя того и другаго сумнительно, и въ священномъ писаніи не упоминается, то сочинителю нашему и пригодился *Мосохъ*, дабы безъ сумнѣнія удобнѣе произвесть отъ него москвитянъ. Впрочемъ Іосифъ Флавій, мужъ всякаго вѣроятія достойный, и которому предъ древними греческими писателями первое мѣсто уступить должно, точно назначаетъ мѣста, гдѣ сыны Іафетовы поселилися. *Магогъ* поселился въ землѣ, названной по его имени, *магоговъ*, отъ грековъ скиѳами именуемыхъ. *Ѳовелъ* былъ родоначальникомъ *ѳовелянъ*, названныхъ послѣ *иверянами*. Отъ *Мосоха* произошли *мосхи*, именуемые потомъ капподокіанами. Въ древней географіи, Скиѳія горою Имаусомъ раздѣлялася такъ, какъ Индія рѣкою Гангомъ: съ одной стороны сопредѣльна была Согдіанѣ, а съ другой простиралася до сѣверныхъ странъ Китая. Одна часть Скиѳіи начиналася отъ рѣки *Іаксарта*, неправедно греками Танаисомъ названной: въ послѣдующія же времена сей Іаксартъ почтенъ былъ рѣкою Дономъ, и такъ, не размышляя вдаль, поселили потомъ скиѳовъ на Дону. Народы въ древней Скиѳіи назывался *магини*, *даги*, *массагеты*, *габазы*, *абіи*, *саки;* остальная же часть Скиѳіи была неизвѣстна, и географъ Птоломей поселилъ въ оной какихъ-то народовъ *иппофаговъ* (конеядцевъ) и *антропофаговъ* (человѣкоядцевъ).

«Иверія лежитъ между Колхидою и Албаніею; Колхида подлѣ Чернаго моря, куда аргонауты ѣздили, Албанія же подлѣ Каспійскаго. Мосхи и Мосхицкія горы положеніе имѣютъ ближе къ Черному, нежели къ Каспійскому морю, а за горами Мосхицкими начинается Арменія; Каппадокія же отстояла отъ оныхъ далеко всторону, ниже Ѳракіи и Понта. Впрочемъ рѣка Киръ, которой

сочинитель даетъ имя *Росъ*, недалеко отъ Мосхицкихъ горъ имѣетъ свое начало.

«Европейская Сармація показана на картѣ между рѣками Днѣпромъ и Дономъ, азіатская же между Волгою и Азовскимъ моремъ, и въ европейской Сармаціи показаны между прочими народами алауны и роксоланы.

«И такъ необходимо нужно, чтобы сочинитель привелъ тѣхъ писателей, откуда почерпнулъ онъ о россійской древности столь утверждаемое имъ повѣствованіе. Иначе, все сіе будетъ походить на выдумку, каковую истинная исторія совершенно отмещетъ.

«Впрочемъ смѣю сказать, что сіе сочинителемъ предлагаемое повѣствованіе о глубокой древности россійскаго народа мнѣ тѣмъ сумнительнѣе кажется, что онъ и въ томъ, слишкомъ имъ сокращенномъ, періодѣ россійской исторіи, въ коемъ уже несумнѣнныя находятся доказательства, явно противу исторической истины погрѣшаетъ. Ибо

«1) пишетъ онъ, будто славено-россы сѣверные, будучи въ общевредномъ положеніи, призвали единоплеменныхъ своихъ князей варяжскихъ для начальствованія надъ собою, князей-братьевъ: *Рурика*, *Синава* и *Трувора*. Напротивъ того, всѣ россійскіе бытописатели въ томъ согласны, что *Гостомыслъ*, по пресѣченіи княжескаго колѣна въ сыновьяхъ его, въ глубочайшей своей старости, и предвидя скорый конецъ жизни своея, по общему согласію всѣхъ старѣйшинъ, избралъ преемникомъ славено-россійскаго княженія Рурика, внука своего, а сына Умилы, средней своей дщери, бывшей въ супружествѣ за королемъ финскимъ.

«2) Безразсудно искажаетъ имена *Святослава*, называя его *Свѣтославомъ*, такъ какъ и *Святополка* именуя *Свѣтополкомъ*, коего далѣе, умножая свою погрѣшность, называетъ сыномъ Владимира; но онъ былъ сынъ братнинъ и отъ Владимира токмо усыновленный, и слѣдовательно убіеннымъ отъ него тремъ братьямъ былъ не родной, а двоюродный братъ.

«3) Неосновательно называетъ святаго Александра Невскаго

великимъ княземъ новгородскимъ, ибо въ Новѣгородѣ былъ онъ просто княземъ, поелику великокняжескаго престола въ Новѣгородѣ не бывало; потомъ княземъ переславскимъ, послѣди же великимъ княземъ владимирскимъ или всероссійскимъ.

«4) Великаго князя *Іоанна Васильевича* называетъ *Іоанномъ первымъ;* но онъ былъ третій великій князь сего имени: первымъ назывался *Іоаннъ Даниловичъ Калита*, II-й—*Іоаннъ Іоанновичъ красный;* слѣдовательно и внукъ его *царь Іоаннъ Васильевичъ* не былъ *Іоаннъ II-й*, какъ его сочинитель именуетъ, но *Іоаннъ IV-й*; впрочемъ отъ восприятія царскаго титла могъ онъ назваться *Іоанномъ первымъ.* Несправедливо и то имъ сказано, яко бы Новъгородъ при великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ отдался подъ покровительство короля польскаго, поелику оный никогда совершенно не отдавался, а граждане его только имѣли таковое намѣреніе.

«5) Вопреки истинѣ и то пишетъ сочинитель, яко бы отъ *Іоанна*, по его названію *втораго*, россійскіе обладатели стали называться царями, поелику уже родитель его, Василій IV или Василій Іоанновичъ, носилъ сіе титло, и пр., и пр.

«Изъ всего вышеприведеннаго, кажется, необходимо слѣдуетъ, сколь мало можно полагаться на другія сочинителя повѣствованія, каковыхъ въ книгахъ печатныхъ отыскать не можно, и каковыя извѣстнымъ токмо въ государствѣ особамъ свѣдомы. Для примѣра довольно привести статью о разныхъ государственныхъ доходахъ и о количествѣ различной монеты, въ обращеніи находящейся; но впрочемъ то извѣстно, что высочайше учрежденная коммиссія о сочиненіи проэкта новаго уложенія таковаго свѣдѣнія, по тогдашней оныя надобности, получить не могла.

«Посему я весьма согласенъ съ господиномъ коллежскимъ совѣтникомъ и академикомъ Румовскимъ, что мы требуемаго поправленія въ точности исполнить не можемъ, развѣ академическая канцелярія несумнѣнныя свѣдѣнія и разрѣшенія на пункты, г. Румовскимъ замѣченные какъ въ разсужденіи нашего отечества, такъ и другихъ земель, исключая токмо статью о есте-

ственныхъ произведеніяхъ, доставить возможетъ. Если же, напротивъ того, всѣ сіи статьи, яко недовольно извѣстныя, сумнительныя, а нѣкоторыя и непозволенныя, выпустить, то описаніе сіе ни въ чемъ не будетъ превосходить другія описанія, о семъ предметѣ уже изданныя» [268]).

Учено-литературные труды не исчерпывали всей академической дѣятельности Лепехина. Въ составъ ея входили и занятія другаго рода, тѣсно связанныя впрочемъ съ научными цѣлями и стремленіями академіи. Лепехину ввѣрена была академическая гимназія — учрежденіе весьма важное и принесшее немалую пользу русскому обществу. Съ рѣдкимъ самоотверженіемъ Лепехинъ исполнялъ возложенную на него обязанность. Дѣло образованія и воспитанія сроднилось съ его душой; онъ вникалъ въ нужды и потребности учащихся со всею внимательностью просвѣщеннаго и любящаго наставника, самъ занимался съ ними, разсматривалъ и исправлялъ ихъ работы, и своимъ участіемъ весьма много содѣйствовалъ какъ научнымъ успѣхамъ воспитанниковъ, такъ и развитію въ нихъ нравственнаго чувства. Около пятнадцати лѣтъ Лепехинъ былъ инспекторомъ академической гимназіи, и трудился въ буквальномъ смыслѣ слова безкорыстно, никогда и ни отъ кого не получая за эти труды никакого вознагражденія. Нравственною и единственною для него наградою была привязанность къ нему академическихъ питомцевъ, сохранявшихъ втеченіе всей жизни своей благодарное воспоминаніе о достойномъ руководителѣ. Въ ней, въ этой привязанности, вытекавшей изъ самаго чистаго источника, академикъ нашъ находилъ утѣшеніе въ невзгодахъ, которыхъ не миновала и его безупречная, вся посвященная благу питомцевъ, педагогическая дѣятельность. Ему приходилось переживать горькія минуты, выслушивать замѣчанія и упреки, нисколько имъ не заслуженные. Заботясь о ввѣренномъ ему училищѣ, Лепехинъ не могъ и не долженъ былъ скрывать его недостатковъ, и дѣйствительно указывалъ ихъ; въ отвѣтъ на это начальникъ академіи Домашневъ замѣтилъ и велѣлъ занести въ протоколъ, что Лепехинъ не сообщалъ ему о положеніи гим-

назіи. Такой поступокъ вынудилъ благодушнаго Лепехина представить въ академическое собраніе изложеніе своего образа дѣйствій, доказывающее неосновательность и несправедливость взводимыхъ на него обвиненій. Лепехинъ писалъ:

«Его превосходительство, двора ея императорскаго величества дѣйствительный камергеръ и академіи наукъ господинъ директоръ Сергѣй Герасимовичъ Домашневъ, въ ученомъ собраніи сего октября 21 дня присутствуя, по причинѣ упоминаемаго состоянія гимназіи въ журналѣ сего собранія отъ 17 числа конференцъ-секретарю господину Эйлеру въ особенномъ журналѣ замѣтить приказалъ, будто бы я, яко инспекторъ гимназіи, со времени отбытія его въ путешествіе до сего времени никакъ о гимназіи не увѣдомлялъ. На что̀ почтеннѣйшему собранію имѣю честь объяснить слѣдующее:

«Его превосходительство, будучи главный въ академіи начальникъ, въ случаѣ каковаго-либо съ моей стороны упущенія, имѣлъ всегда совершенное право требовать отъ меня отчету въ управленіи такимъ департаментомъ, въ коемъ воспитывается юношество, имѣющее заступить первѣйшія по академіи должности. Но что я въ семъ не дѣлалъ упущенія, доказываетъ то̀:

«1) По возвращеніи его превосходительства въ Санктпетербургъ изъ путешествія въ исходѣ ноября мѣсяца 1781 году, не упустилъ я письменно донести его превосходительству, что въ отсутствіе его ученіе въ гимназіи продолжаемо было обыкновеннымъ порядкомъ; что учитель нижняго французскаго класса Тирри отрѣшенъ отъ гимназіи за данное имъ именемъ академіи свидѣтельство въ знаніи французскаго языка пріѣзжему чужестранцу; что я, дабы сей классъ не былъ празденъ до прінсканія новаго учителя, склонилъ г. учителя Фоссе принять на себя обученіе сего класса, съ обѣщаніемъ того жалованья въ прибавокъ, которое получалъ помянутый Тирри. Фоссе обучалъ сей классъ съ 22 октября 1781 года по генварь мѣсяцъ 1782 года, однако за сей излишній трудъ еще и по сіе время не заплаченъ.

«2) Когда по публикаціи, сдѣланной со стороны коммиссіи,

явились охочіе французы для принятія на себя учительской должности, то всѣ сіи отсылаемы были его превосходительствомъ въ коммиссію. Сія поручила мнѣ сдѣлать выборъ изъ кандидатовъ, изъ коихъ и былъ удостоенъ по всѣмъ преимуществамъ г. Лельіотъ, о чемъ я коммиссіи донесъ письменно рапортомъ, кой и представленъ былъ въ коммисскомъ журналѣ его превосходительству. Да и я не упустилъ ему же о семъ донести словесно, однако у сего учителя чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ удерживаемо было жалованье по причинамъ, мнѣ неизвѣстнымъ.

«3) Что я въ февралѣ мѣсяцѣ сего года представлялъ его превосходительству о недостаточномъ числѣ на академическомъ иждивеніи содержащихся гимназистовъ, доказываетъ тò данное имъ, господиномъ директоромъ, коммиссіи предложеніе о принятіи двухъ вольныхъ учениковъ, Севергина и Александрова, на казенное содержаніе, и въ коемъ его превосходительство упомянуть изволилъ, что они пріемлются по моей рекомендаціи.

«4) Въ мартѣ мѣсяцѣ имѣлъ я честь увѣдомить его превосходительство письменно о всѣхъ учителяхъ, въ гимназіи находящихся, и какимъ обученіемъ каждый изъ нихъ занятъ.

«5) Тогда же увѣдомлялъ я его превосходительство о состояніи студентовъ, что число ихъ только двое составляютъ, а именно Петровъ и Васильевъ, и что по сей причинѣ г. адъюнктъ Гакманнъ, бывшій тогда конректоромъ гимназіи, не могъ давать своихъ наставленій; но и изъ сихъ Васильевъ отпущенъ былъ въ орловскій уѣздъ.

«6) Въ остальное время наиболѣе надлежало мнѣ попечительствовать о испрошеніи денегъ на содержаніе гимназистовъ, ибо экономъ удержаніемъ оныхъ доводимъ былъ часто до крайности. Таковыя представленія принужденъ я былъ дѣлать его превосходительству троекратно, изъ коихъ на послѣднее, писанное 30 сентября, имѣю и письменный отзывъ; но и за тѣмъ выдача послѣднихъ денегъ не прежде какъ 19 сего мѣсяца воспослѣдовала; удержанные же за прошедшій годъ 232 рубли еще и по сіе время не выданы.

«Сіи крайности принуждали меня приносить жалобы между сочленами академическаго собранія, что обучающіеся на казенномъ иждивеніи гимназисты доходятъ до крайности; что малое ихъ число — ибо нынѣ дѣйствительно учащихся только двадцать восемь человѣкъ, а по штату академическому надлежало имъ быть пятдесяти, кромѣ 40 тѣхъ, коихъ академія въ силу высочайшаго именнаго повелѣнія обязана воспитывать и наставлять въ россійскомъ правописаніи для наполненія ими приказныхъ мѣстъ, — не можетъ удовлетворить тѣмъ ожиданіямъ, каковыхъ отъ сего училища по справедливости требовать надлежитъ. Сіе самое подало поводъ г. академику Крафту, при разсужденіи о задаваемыхъ вопросахъ, замѣтить, что опредѣляемыя за рѣшеніе сихъ вопросовъ деньги лучше употребить на поправленіе, то есть на содержаніе полнаго числа учащихся въ гимназіи, нежели платить чужеземцамъ.

«Въ заключеніе за нужное почитаю присовокупить, что я во все время надзиранія моего надъ гимназіею, — къ чему побуждало меня единое усердіе, а не каковое-либо награжденіе, ибо я сего никогда не желалъ и не получалъ, — никогда не выпускалъ изъ виду моей обязанности, и старался доводить молодыхъ людей, сколько гимназическія ученія споспѣшествовать могутъ, до того, чтобъ они были полезны и академіи и обществу, что̀ самымъ опытомъ доказать не трудно. И посему часто я бывалъ въ гимназіи; свидѣтельствовалъ успѣхи учащихся и труды учащихъ, въ чемъ могу свидѣтельствоваться учащими и учащимися; надзиралъ строго надъ пріѣзжими учителями, требующими отъ академіи свидѣтельства, присутствуя почти всегда самъ при таковыхъ экзаменахъ. Но сколь мое усердіе ни велико и въ семъ званіи быть академіи полезнымъ, однако нынѣшнія обстоятельства принуждаютъ меня всепокорно испрашивать отъ сей должности увольненія» [269]).

Слова Лепехина о томъ, что онъ исполнялъ свои обязанности съ любовью къ дѣлу и искреннимъ желаніемъ воспитать людей полезныхъ академіи и обществу, вполнѣ подтверждаются отзы-

вами лицъ, бывшихъ ближайшими свидѣтелями его образа дѣйствій. Одинъ изъ питомцевъ академической гимназіи временъ Лепехина, академикъ Севастьяновъ, такими чертами рисуетъ своего наставника и руководителя. «Въ 1777 году — говоритъ онъ — ввѣрено было Ивану Ивановичу Лепехину главное смотрѣніе надъ академическою гимназіею. Тутъ-то показалъ онъ во всей полнотѣ благородную свою душу и сердце, человѣколюбіемъ исполненное. Помня, что самъ первыя основанія въ наукахъ получилъ въ семъ благотворномъ учрежденіи, изъ котораго вышло столько полезныхъ обществу людей и достойныхъ ученыхъ, безъ жалованія и безъ всякаго особливаго воздаянія управлялъ онъ гимназіею цѣлыя пятнадцать лѣтъ изъ единыя благодарности, свойственной благородному сердцу. Безъ искренняго благоговѣнія къ сему почтенному мужу не могу я воспомнить о тѣхъ мудрыхъ наставленіяхъ, о томъ отеческомъ попеченіи, каковое имѣлъ онъ обо всѣхъ обучавшихся въ гимназіи. Нерѣдко случалось, что онъ, видя чистосердечное раскаяніе впадшаго въ погрѣшность, проливалъ слезы, давая мудрые совѣты, и принимающаго оные также заставлялъ ихъ проливать, ибо увѣщевалъ онъ со всею нѣжностью и кротостью чадолюбиваго отца. Таковыми средствами часто истреблялъ онъ закоснѣлые пороки, и развратившихся обращалъ на путь добродѣтели. Таковымъ благороднымъ снисхожденіемъ поселилъ онъ въ нѣжныхъ сердцахъ искреннее къ себѣ почтеніе, привязанность и любовь, и вѣчную благодарность въ тѣхъ, кто имѣлъ счастіе обучаться въ гимназіи академической во время его надъ оною смотрѣнія»[270]).

IV.

Путешествія по Россіи, совершенныя нашими академиками въ прошломъ столѣтіи, по справедливости считаются событіями, составляющими славу академіи и великую заслугу тружениковъ науки, послужившихъ прекрасной цѣли съ самымъ полнымъ самоотверженіемъ и энергіею. Ученыя путешествія сдѣлались драгоцѣннымъ преданіемъ академіи и лучшимъ правомъ ея на вниманіе

правительства и сочувствіе просвѣщеннаго общества. Въ уставѣ академіи наукъ, дарованномъ ей въ началѣ девятнадцатаго столѣтія, они признаются подвигомъ, доказывающимъ дѣятельность академіи на пользу науки и Россіи. «Всѣ просвѣщенные народы— говорится въ уставѣ—въ разныя времена испытали, колико споспѣшествуетъ успѣхамъ наукъ соединеніе многихъ ученыхъ, одушевляемыхъ единою ревностію къ усовершенствованію оныхъ. Учрежденныя въ ихъ нѣдрахъ академіи и ученыя общества, обративъ дѣятельность членовъ своихъ къ единой цѣли, предпринимали и совершили важныя дѣла, и обогатили науки открытіями, которыя безъ того счастливаго соединенія ревности и знаній, можетъ быть, невозвратно бы погибли для рода человѣческаго. Такъ и Россія раздѣляетъ съ ними славу распространенія предметовъ наукъ. Академія наукъ неоднократно доказала ту пользу, какую подобныя заведенія могутъ принести государству, что свидѣтельствуютъ многіе подвиги, паипаче же славныя и съ успѣхомъ оконченныя путешествія для изслѣдованія и описанія естественныхъ произведеній Россіи, и экспедиція для астрономическихъ наблюденій» [271]).

Путешествія предназначались преимущественно для изслѣдованія и описанія Россіи въ отношеніи къ предметамъ, входящимъ въ кругъ наукъ естественныхъ. Но этимъ не исчерпывалась задача ученыхъ путешественниковъ; она замѣчательна по своему разнообразію, придающему особенный интересъ и значеніе трудамъ академиковъ, описавшихъ свои путешествія по Россіи. При снаряженіи экспедицій академія наукъ вмѣнила въ обязанность участвующимъ въ нихъ ученымъ дѣлать точныя изслѣдованія: о свойствѣ почвы и воды; о состояніи земледѣлія; о скотоводствѣ, пчеловодствѣ и шелководствѣ; о рыбномъ и звѣриномъ промыслѣ; о наиболѣе распространенныхъ болѣзняхъ у людей и скота, и о средствахъ лѣчить и предупреждать эти болѣзни; объ искусствахъ, ремеслахъ и другихъ предметахъ промышленности; стараться открывать достопримѣчательныя растенія; заниматься повѣркою положенія мѣстъ, наблюденіями географическими и метеорологическими; со-

бирать все, касающееся нравовъ, обычаевъ, древностей, языковъ, преданій; вообще замѣчать съ точностію все, что заслуживаетъ вниманія въ томъ или другомъ отношеніи и знакомить съ естественными условіями страны и бытомъ народа.

Академія наукъ, изыскивая всевозможные способы къ полученію наибольшихъ успѣховъ отъ снаряжаемыхъ ею экспедицій, обратилась къ содѣйствію медицинской коллегіи, коммерц-коллегіи и вольнаго экономическаго общества, приглашая ихъ сообщить свои соображенія о предметахъ, заслуживающихъ особеннаго вниманія въ видахъ общественной пользы. Медицинская коллегія считала въ высшей степени важнымъ: наблюденія надъ эпидеміями; собраніе точныхъ свѣдѣній о мѣстонахожденіи и свойствахъ различныхъ предметовъ, употребляемыхъ въ медицинѣ; открытіе признаковъ славившагося въ прежнія времена петровскаго цѣлебнаго источника близъ Астрахани, и т. п. Вольное экономическое общество прислало цѣлый рядъ вопросовъ, ожидающихъ отвѣта отъ ученыхъ путешественниковъ по Россіи [272]).

По преобладающей цѣли, экспедиціи назывались физическими, а по мѣстностямъ, куда они направлялись, одни изъ экспедицій названы астраханскими, другія — оренбургскими. «Въ оренбургскую посылку — говоритъ Лепехинъ — назначены были трое: академикъ Палласъ, профессоръ Фалькъ и я; жребій палъ на меня открыть нашему сообществу путь». Названія, данныя экспедиціямъ, опредѣляютъ, и то только отчасти, ихъ направленіе, но отнюдь не объемъ и предѣлы, которые были несравненно обширнѣе. Около шести лѣтъ продолжалось путешествіе Лепехина, посѣтившаго множество городовъ, селъ и деревень на пространствѣ между Бѣлымъ и Каспійскимъ морями, между Ураломъ и Волгою по всему ея теченію и т. д., отъ Сибири до Бѣлоруссіи и отъ Астрахани до Архангельска.

Путешествіе Лепехина издано въ четырехъ томахъ подъ названіемъ дневныхъ записокъ; оно обнимаетъ время отъ 8 іюня 1768 года до 30 іюня 1772 года. Три тома вышли при жизни

автора, четвертый томъ изданъ по смерти Лепехина спутникомъ его Озерецковскимъ [273]).

Дневныя записки Лепехина представляютъ рядъ описаній разнообразныхъ предметовъ изъ области естествознанія и этнографіи. Авторъ описываетъ травы, растенія, животныхъ, птицъ, рыбъ, насѣкомыхъ; говоритъ о земледѣліи, о рыбной и звѣриной ловлѣ, о различныхъ заводахъ, и т. п.; вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаетъ весьма много свѣдѣній о бытѣ народа, правахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, языкѣ.

Въ дневникѣ Лепехина исчислено и описано множество травъ и растеній. Это исчисленіе и описаніе, важное въ научномъ отношеніи, въ высшей степени лыбопытно потому, что знакомитъ насъ съ чисто-русскою научною терминологіею. Путешественникъ нашъ, по его собственному свидѣтельству, пропускалъ весьма многое по причинѣ неисчерпаемаго богатства матеріала, которымъ имѣлъ намѣреніе воспользоваться въ особомъ сочиненіи, обѣщая сообщить и народный способъ употребленія травъ и растеній. Лепехинъ постоянно имѣлъ въ виду изученіе Россіи, такъ сказать, въ ней самой, познаніе естественныхъ средствъ, которыми обладаетъ она, и способа, какимъ пользуются ими для своихъ нуждъ и потребностей жители различныхъ мѣстностей, стоящіе по своему образу жизни лицомъ къ лицу съ природой. Въ описаніи травъ, растеній, минераловъ и природы вообще, авторъ любитъ останавливаться на явленіяхъ, въ которыхъ проглядываетъ вѣрное народное чутье, вполнѣ оправдываемое и научными наблюденіями. «Если мы вникнемъ — говоритъ онъ — въ порядокъ между животными и прозябаемыми, отъ премудраго Творца устроенный, и если сей возьмемъ себѣ правиломъ въ сельскихъ нашихъ примѣчаніяхъ, безъ сумнѣнія, съ приращеніемъ наблюденій возрастутъ и наши угадыванія. Что сибиряки отъ насѣкомыхъ берутъ свои примѣты въ предузнаваніи ясной и пасмурной погоды, такъ же сходствуетъ съ естественнымъ уставомъ. Физикамъ извѣстно, что ясный воздухъ не всегда бываетъ безъ постороннихъ, а особливо водяныхъ частицъ, которыя со-

временемъ, скопившись, въ дождевыя сгущаются капли. Но какъ крылья насѣкомыхъ ко всякой влагѣ гораздо чувствительны, то при такомъ расположеніи воздуха томное въ нихъ примѣчается летаніе, и чѣмъ болѣе отъ паровъ тяжелѣетъ воздухъ, тѣмъ менѣе они отъ земной отдаляются поверхности.... Можетъ статься, что крестьянскія упражненія, принуждая ихъ къ сильному и безпрестанному тѣлодвиженію, много сохраняютъ ихъ соки въ надлежащемъ соединеніи. Но мнѣ кажется, что впеременную съ молодыхъ лѣтъ каждому привычку древесные весною употреблять соки главнѣйшею причиною ихъ сохраненія почитать должно. У каждаго крестьянина съ весны на дворѣ увидишь костеръ молодыхъ облупленныхъ сосенъ, съ которыхъ они, слупивъ наружную кору, вязкій, къ дереву прилипшій сокъ, имѣющій на будущій годъ составить новый дерева слой, соскабливаютъ и ѣдятъ, какъ малыя дѣти, такъ и взрослые. Всякъ, кто слыхалъ только о врачебной наукѣ, довольно понять можетъ, сколь сіи соки съ весны, когда самая томящая и удручающая въ болотныхъ мѣстахъ бываетъ влага, къ раздѣленію сгущающейся оттого крови способствуютъ, и тѣмъ предохраняютъ отъ цынги и другихъ болѣзней, которыя отъ слабости сосудовъ и умножающихся оттого мокротъ начало свое имѣютъ. Правда, крестьяна употребляютъ сіе средство не вѣдая его дѣйствія, ниже понимая происходящія отъ того выгоды; но сама природа вложила имъ побужденіе и склонность къ тому, что къ сохраненію ихъ тѣла по обстоятельствамъ мѣста много способствуетъ»....

Дорожа каждою чертою быта и понятій народа, Лепехинъ приводитъ народныя преданья, примѣты, повѣрья. Такъ объ одной изъ травъ, которымъ народъ приписываетъ чудесную силу, замѣчаетъ: «Большой прикрытъ (cacalia hastata) изобиловалъ при дорожныхъ падяхъ, и будущимъ невѣстамъ благополучное обѣщалъ совершеніе брака. Сибиряки траву сію въ лѣкарственныхъ употребляютъ случаяхъ, то есть пьютъ отъ нея уваръ въ наружныхъ нечистяхъ. Она же имъ служитъ, по ихъ мнѣнію, и противу свадебныхъ ворожей: когда невѣста отъ вѣнца приво-

зится въ домъ жениховъ, то оную траву кладутъ въ такое мѣсто, гдѣ бы невѣста нечаянно чрезъ нее перешагнуть могла, и тогда, по ихъ сказкамъ, никакіе не берутъ невѣсту уроки» и т. д. [274]).

Описаніе міра животныхъ представляетъ также богатый матеріалъ для русской народной терминологіи. Путешественникъ нашъ говоритъ, что онъ описываетъ животныхъ «природными словами», и подробность описаній и новость словъ заставили его выдѣлить эту часть изъ общаго разсказа и соединивъ въ особую, обширную главу, изложить ее въ видѣ прибавленій ко второму и третьему томамъ путевыхъ записокъ. Русскія названія животныхъ, равно какъ и растеній, встрѣчающіяся въ путешествіи Лепехина, помѣщены нами въ приложеніи къ нашему труду [275]). Сообщая подробныя свѣдѣнія о различныхъ животныхъ, Лепехинъ указываетъ, гдѣ они водятся, говоритъ о ихъ нравахъ, и предлагаетъ точное описаніе особенно замѣчательныхъ животныхъ, опредѣляя ихъ внѣшній видъ, величину, размѣры частей и т. п. Въ запискахъ своихъ онъ обращаетъ особенное вниманіе на новые, еще никѣмъ неописанные виды животныхъ. Описанія его въ такомъ родѣ:

«Чайка поваръ или Разбойникъ или Ѳомка. Природа чайку сію одарила весьма скорымъ и проворнымъ полетомъ, но не дала ей способности самой себѣ промышлять пищу, какъ то̀ другія дѣлаютъ чайки въ морѣ. Короткій ея носъ лишилъ бы ее всеконечно пропитанія, если бы въ природѣ не постановлено ей было другое къ пропитанію средство. Быстрое ея око всегда надзираетъ надъ другаго рода чайками, кои какъ скоро поймаютъ какую рыбку, то поваръ до тѣхъ поръ гоняется за ними, пока они добычу свою, хотя уже возпоглощенную, не выпустятъ, и сію онъ на воздухѣ подхватываетъ. Около сельдяныхъ промышленниковъ всегда они вьются, потому что сіи не рѣдко, для забавы, мелкихъ селедокъ бросаютъ на воздухъ, которыхъ повара подхватываютъ. Разбойничій поистинѣ родъ жизни принуждаетъ ихъ летать особнячкомъ, и они никогда не стадятся, какъ то̀ дѣлаютъ другія чайки. Къ сохраненію своихъ яицъ, которыя они кладутъ на песчаныхъ косахъ или островахъ просто, смѣшную

и удивительную употребляютъ хитрость. Когда къ такой косѣ или острову, гдѣ поваровы лежатъ яйца или молодыя дѣти, пристанетъ судно, а наипаче когда выдетъ человѣкъ, тогда разбойникъ, отбѣжавъ или отлетѣвъ нѣсколько со всевозможнымъ крикомъ останавливается, и смотритъ, въ которую сторону пойдетъ человѣкъ: если поворотитъ онъ къ гнѣзду, тогда ложится на спину, бьетъ крыльями, трепещется и представляется изнемогающимъ или умирающимъ, чтобы отманить человѣка. Когда же человѣкъ къ нему подходить станетъ, то вдругъ, однако томнымъ полетомъ, отлетаетъ далѣе, и то же самое дѣйствіе производитъ. Но когда всѣ его хитрости останутся тщетными, и человѣкъ возьметъ яйца или дѣтей, тогда взлетаетъ на воздухъ, и вьется надъ онымъ съ превеликимъ крикомъ, и испражняя оба свои концы, старается опакостить похитителя, и тѣмъ нѣсколько удовлетворить своей печали. Эдуардомъ представлено изображеніе повара въ совершенномъ возрастѣ, а я присовокупляю еще не перелинялаго изображеніе и описаніе. Ноги, когти и носъ — черные, лоснящіеся; такого же цвѣту и перепонка, пальцы соединяющая. Верхъ головы отъ основанія зѣва до самаго затылка покрываютъ черныя перья; шея, зобъ и исподъ брюха изчерна-пепельнаго цвѣта; междукрыліе и спина въ разсужденіи брюха черныя, а въ разсужденіи перьевъ, верхъ головы покрывающихъ, блѣдныя. Крыльныя перья снаружи черны, совнутри же нѣсколько бѣлѣютъ, но стволъ у каждаго пера совсѣмъ бѣлый; хвостъ черный, въ коемъ два среднія пера весьма длинныя». Затѣмъ обозначается размѣръ птицы, длина ея отъ конца носа до конца хвоста, толщина носа при основаніи и при концѣ, длина крыльевъ у сидячей птицы, разстояніе между концами распростертыхъ крыльевъ, и т. д.

«Песецъ. Животное сіе не только въ Сибири, но и въ архангелогородской губерніи, а особливо въ уѣздахъ кольскомъ и пустозерскомъ, также и на Новой землѣ обильно водится. Песцовъ два рода почитается: бѣлые и голубые, изъ коихъ послѣднихъ болѣе на Новой землѣ ловятъ. Но какъ песцы между пу-

шистыми звѣрями не послѣднее занимаютъ мѣсто, то и шкурки ихъ на разныя руки разбиваются. Молодые песцы, какъ скоро начинаютъ выходить изъ своихъ норъ, которыя имъ отцы въ землѣ съ разными выходами вырываютъ, называются *норники*. Четырехмѣсячные становятся уже бѣлы, кромѣ сѣрой спины и части, лежащей при лопаткахъ, гдѣ сѣрая же полоса спинную пересѣкаетъ, почему и называются *крестовиками* или *крестоватиками*. Голубые песцы сіе же имѣютъ раздѣленіе потому, что прочія части голубѣютъ, а спина и надлопаточная часть еще сѣры остаются. Около конца октября мѣсяца песцы бываютъ уже одноцвѣтны, но шерсть ихъ еще надлежащей длины и мягкости не получаетъ, почему и называются *недопесцами*. Въ декабрѣ мѣсяцѣ, со дня праздника Николая чудотворца, совершенную ось получаютъ песцы, и называются просто *песцами* или *рослопесцами*. Въ слѣдующую весну въ маѣ мѣсяцѣ паки шерсть свою теряютъ, и называются *вешняками*, и въ исходѣ сего мѣсяца уже новыхъ щенятъ кидаютъ. Наружный песцовъ видъ и тѣлосложеніе весьма близко подходитъ къ лисицѣ, но они не столь хитры, какъ оная. Рыло у нихъ тупяе, и уши небольшія кругловатыя, напротивъ того у лисицы долгія острыя. Голосъ совсѣмъ отъ лисьяго отмѣнный, гораздо сиповатѣе и толще. Удобно, когда вынутъ ихъ изъ норы, привыкаютъ къ людямъ, и весьма ручными становятся. Я держалъ песца съ лисицами въ одномъ анбарѣ; лисицы между собою вязалися, напротивъ того съ песцомъ никакого союза примѣтить не могъ»....

«Наиболѣе всего насъ увеселяли горностаи и ласки. Сіи два небольшія животныя особливою суровостію и проворствомъ одарены отъ природы, и по справедливости къ хищнымъ звѣрямъ причисляются. Мы держали ихъ въ желѣзныхъ клѣткахъ, гдѣ слѣдующее за ними примѣтили. Чрезъ весь день пребываютъ они въ покоѣ, и наслаждаются сномъ, а какъ скоро наступитъ вечеръ — обыкновенное ихъ время къ похищенію предназначенной имъ пищи, всячески стараются выбиться изъ своего заключенія, и такъ крѣпко грызутъ свою темницу, что въ короткое

время и толстое дерево перепилить могутъ, притомъ такъ прожорливы, что въ день гораздо больше поглощаютъ, нежели сколько все ихъ составляетъ тѣло. Горностай суровѣе противъ ласки, ибо хотя долгое время его питаешь, никогда смириться не можетъ, но упорно всегда наблюдаетъ хищную свою ухватку. Пищу свою хватаетъ изъ рукъ съ отрывомъ, и будучи раздразненъ кидается на дразнящій его предметъ борзо, шипитъ и стрекочетъ поворобьиному, имѣя блистающіе и кровавые глаза. Наибольшая алчность сихъ звѣрковъ примѣчается, когда они забираются въ овины къ житничкамъ, и если ихъ тутъ найдутся тысячи, ни одного не покинутъ вживѣ, но всѣхъ безъ милости убиваютъ: почему крестьяна тѣхъ горностаевъ и ластокъ, которые близъ скирдовъ и житницъ водятся, никогда не убиваютъ, но паче ихъ сберегаютъ. Проворство горностая столь велико, что онъ смѣло напускаетъ и на величайшихъ крысъ въ ихъ норѣ. Провидѣніе природы къ сохраненію жизни каждаго животнаго видно наиболѣе въ тѣхъ звѣряхъ, которые цвѣтъ шерсти своей въ разныя времена года перемѣняютъ. Къ симъ звѣрямъ должно причислить горностая и ласку. Горностай и ласка лѣтомъ бываютъ со спины темнорыжіе, а зимою всѣ бѣлые, потому что лѣтомъ бѣлизна между зеленостію, а зимою рыжій цвѣтъ между снѣгомъ могли бы ихъ скоро предать въ руки гонящихъ. Сія есть истинная причина прозорливой природы перемѣны въ цвѣтахъ животныхъ, но отчего сія перемѣна бываетъ, я не знаю. Сіе только скажу, что и подмѣнная теплота, представляющая весеннюю пору, такую же въ горностаяхъ производитъ перемѣну, ибо въ самую глубокую зиму горностаи и ласки, будучи согрѣваемы избною теплотою, цвѣтъ свой перемѣняли» [276]).

Весьма подробно описываются минеральныя богатства Россіи, рудники и заводы «мѣдиплавильные, желѣзодѣлаемые, доменные и молотовые», также заводы кожевенные, винокуренные, мыловарни и соловарни. При всѣхъ подобныхъ описаніяхъ авторъ имѣетъ въ виду какъ цѣли промышленныя, такъ и требованія науки, и настаивая на необходимости изученія силъ и законовъ

природы, тщательно отмѣчаетъ и тѣ явленія, въ которыхъ теорія, болѣе или менѣе односторонняя, разбивается при встрѣчѣ съ природою, какъ она есть въ дѣйствительности. «Книги минералоговъ — замѣчаетъ онъ — наполнены правилами, что самовысочайшія горы къ рожденію металловъ не удобны; напротивъ того низменныя, которыя съ высочайшими сообщеніе имѣютъ, за жилище оныхъ почитаются. Но что такія правила не всегда бываютъ вѣрны, и что натура не всегда одинакому послѣдуетъ правилу, научаетъ Конжековскій камень. Безлѣсіе его верха, повсюду лежащія снѣжныя кучи въ лѣтній мѣсяцъ, и не рѣдко среди самаго лѣта сѣдѣющая его вершина довольно высоту онаго доказываетъ; но несмотря на сіе не только хребетъ, но и самые гребни наполнены были мѣдною рудою, и чѣмъ выше и острѣе былъ гребень, тѣмъ изобильнѣе она показывалася; всѣ тончайшія разсѣлины камней улѣплены были зеленою тонкою плевою, которая самую руду составляла.... Кому не извѣстны доказательства физиковъ о чистотѣ водныхъ паровъ? Кто бы похотѣлъ сумнѣваться о химическихъ опытахъ? Всѣ химики единогласно утверждаютъ состоятельность поваренной соли, которая бываетъ непремѣнна развѣ отъ безпрерывнаго варенія. Я въ заключеніе только скажу, что въ яицкой степи природа ни физическому остроумію, ни химическимъ опытамъ не слѣдуетъ. Теперь не трудно истолковать и то, для чего насъ жажда болѣе мучила на переметѣ, нежели на песчаной части степи: ибо она изобиловала прѣсною водою, которая безъ сумнѣнія соленые пары размывала. Сіе особливое и, сколько мнѣ помнится, еще никѣмъ не примѣченное явленіе соленыхъ паровъ заслуживаетъ большаго вниманія и дальнѣйшихъ опытовъ» [277]).

Въ путевыхъ запискахъ Лепехина находится много свѣдѣній о бытѣ какъ русскихъ крестьянъ, такъ и инородцевъ. Описаніе различныхъ предметовъ изъ народнаго быта переноситъ насъ въ минувшія времена, и правдивый разсказъ очевидца заключаетъ въ себѣ не мало яркихъ чертъ для внутренней исторіи народа. Авторъ вникаетъ въ бытовыя условія, занятія и образъ

жизни крестьянъ, описываетъ устройство волжскихъ судовъ, подробно говоритъ о хлѣбопашествѣ и о разныхъ промыслахъ съ ихъ выдающимися особенностями, не забывая при этомъ указывать на недостатки и даже на вредъ того или другаго обычая, издавна укоренившагося въ народѣ.

Говоря о хлѣбопашествѣ, Лепехинъ доказываетъ вредъ такъ называемыхъ новинъ, и защищаетъ соху, видя въ ней одно изъ лучшихъ хлѣбопашныхъ орудій преимущественно въ мѣстахъ песчаныхъ. Къ числу вредныхъ вещей въ крестьянскомъ обиходѣ онъ относитъ и лапти. «Дѣло, кажется, ясно, — замѣчаетъ онъ по этому поводу, — но не безпрекословно. Любители лаптей могутъ много говорить вопреки. Они приводятъ крестьянскую бѣдность, скорый подростъ липы и не малый въ томъ крестьянскій промыселъ. Правда, крестьянинъ нашъ имѣетъ даровую обувь, но не вездѣ. Нѣтъ ли такихъ мѣстъ, гдѣ лыки покупаются, и лапти крестьянину становятся въ четыре и пять копѣекъ? Липовыя лутошки безспорно скоро подростаютъ, но не соотвѣтственно ихъ вырубанію. Я не силенъ въ математикѣ, да кажется и по пальцамъ сіе вычислить можно. Для каждыхъ лаптей потребны двѣ толстыя лутошки, а мелкихъ три и четыре надобно. Въ зимнюю пору мужикъ проноситъ лапти десять дней, а въ рабочую лѣтнюю пору иногда и въ четыре дни истопчетъ. И такъ ему надобно въ годъ по крайней мѣрѣ пятьдесятъ паръ, на которыя, взявъ среднее число, до 150 лутошекъ потребно. Каждый отпрыскъ лутошки на влажныхъ мѣстахъ не прежде трехъ лѣтъ можетъ быть годнымъ для дранія лыкъ, а на крѣпкой землѣ еще болѣе требуетъ времени: почему липнякъ завсегда вдвое уменьшается противъ своего приросту. Если къ сему прибавить неумѣренное мочалъ употребленіе и сдираніе лубья, то ясно понять можно, для чего мужики, когда какая деревня нѣсколько лѣтъ простоитъ при лѣсѣ, изобилующемъ липою, уже не около двора своего дерутъ лыки, но иногда верстъ за десять и далѣе ѣздить принуждены бываютъ. Крестьянскій прибытокъ отъ промыслу лаптей знатенъ быть не можетъ. Гдѣ довольно липоваго

лѣсу, тамъ крестьянинъ получитъ за лапти одну копѣйку, и много три деньги; но если онъ время, потребное на плетеніе лаптей, употребитъ на другой какой лѣсной промыселъ, какъ на пріуготовленіе изъ листовъ сажи, золы для поташу, на собираніе сѣры съ сосенъ, елей, отъ которой другія государства, лѣсами не такъ богатыя, какъ мы, знатную получаютъ прибыль, — то, безъ сомнѣнія, съ общенародною пользою и свою прибыль умножитъ. Я стою на краю лѣса, и вижу только его опушку, почему едва до злоупотребленія онаго коснуться могъ. Вычислить всѣ преимущества лѣсныхъ угодьевъ и небережливое съ ними обращеніе нашихъ крестьянъ неотмѣнно нужно, чтобы далѣе подвинуться въ лѣсъ. Но я по лѣсамъ мало хаживалъ, и во внутрь онаго безъ проводника пуститься не смѣю, дабы, заблудясь, вмѣсто показанія праваго пути, не услышать откликовъ: безъ тебя то знаемъ, безъ тебя много о семъ писано»[278]).

При описаніи различныхъ способовъ и пріемовъ, употребляемыхъ въ ремеслахъ и промыслахъ, авторъ дѣлаетъ иногда любопытныя сравненія русскихъ обычаевъ съ западноевропейскими. «Мнѣ не рѣдко слыхать случалося—говоритъ онъ—разсужденія добромыслящихъ о своемъ отечествѣ, для какой причины наши, притомъ самыя простыя, художества, не могутъ придти до такого совершенства, какъ напримѣръ у другихъ народовъ. Умалчивая о другихъ препятствіяхъ, кажется мнѣ, что смѣшеніе разныхъ промысловъ не малую въ томъ имѣетъ участь. Кто бывалъ въ отдаленныхъ нашихъ городахъ, тотъ знаетъ, что купецъ вмѣстѣ и пахарь. Рукомесленный отнимаетъ хлѣбъ у купца, а пахарь занимаетъ мѣсто рукомесленника. Кому неизвѣстно, что въ деревнѣ живущій дешевле себя содержать можетъ, нежели городской обыватель: то деревенскій рукомесленникъ по мѣрѣ дешевизны въ содержаніи продаетъ и сдѣланные имъ товары. И такъ городскій рукодѣльный принужденъ бываетъ употреблять въ своей работѣ скорость, дабы униженную цѣну чрезъ деревенскихъ рукодѣльныхъ наградить поспѣшностію; но что сдѣлано чрезъ мѣру скоро, то, говорятъ, бываетъ не здорово»[279]).

Волжскія суда, сравниваемыя съ рейнскими, описываются такимъ образомъ: «Они походятъ носомъ своимъ на галеры, и для способности рабочимъ людямъ дѣлаются на нихъ широкія и за бортъ спущенныя настилы, которыя всѣ огораживаются перилами, и служатъ судну кровлею. Посреди́нѣ судна ставится нарочито высокая мачта со своими канатными прикрѣпами, на которой во время поносу или повѣтру распускается широкій прямой парусъ. Гребными называются они единственно по товару, какой на нихъ везется. Если товаръ будетъ купецкій, то, какой бы онъ ни былъ, судно называется гребное. Напротивъ того, то же самое судно, если будетъ нагружено солью, уже и не удостоиваютъ его назвать гребнымъ, но прозываютъ солянымъ судномъ. Такія суда по Волгѣ вверхъ ходятъ или по поносу на парусѣ, или бечевою, или по канату, то есть завозомъ. На каждомъ суднѣ по крайней мѣрѣ до 100 человѣкъ рабочихъ людей бываетъ, а иногда и болѣе. Такія суда, а особливо гребныя, вооружаются по нѣскольку пушекъ на вертлугахъ для безопасности отъ разъѣзжающихъ по Волгѣ удальцевъ. Тяжелый грузъ и нарочито стремительное теченіе Волги великихъ требуетъ издержекъ, чтобы поднять такое судно вверхъ: почему тщательные общаго добра искатели старалися облегчить сіе затрудненіе новымъ изобрѣтеніемъ. Они выдумали махину, состоящую изъ колеса и вала, въ которой ходили быки; однако сіе механическое облегченіе вскорости было оставлено повидимому за неудобствомъ. Если мы сравнимъ волжское стремленіе со стремленіемъ Рейна, то великую найдемъ разность. Рейнъ безъ сумнѣнія быстриною своею превзойдетъ двоекратно Волгу. Берега его столь же крутояры, какъ и волжскіе; однако купецкія суда, величиною своею по истинѣ волжскія превышающія, какія напримѣръ ходятъ изъ Голландіи въ Кельнъ, всегда подымаются лошадьми. Я не знаю, что̀ бы и у насъ могло воспрепятствовать такой же ввести порядокъ. По Волгѣ во многихъ мѣстахъ изрядная находится бечевая; а гдѣ оная залегла, то не естественнымъ препятствіямъ, но единственно нераченію о бечевой приписывать должно, и если бы о бечевой должное прилагали

17*

стараніе, то бы вмѣсто кучи народу, которая для бечевки требуется, довольно было пяти, а и много шести лошадей. Симъ способомъ вывозимые изъ Астрахани товары и соляные отпуски гораздо меньшаго потребовали бы иждивенія на провозъ. Волжскіе жители получили бы новую отрасль промысла, а отдаленныхъ городовъ хлѣбопашцы, оставя любимое для ихъ бурлачество, по нѣскольку тысячъ четвертей ежегодно бы присѣвали» [280]).

Въ путевыхъ запискахъ Лепехина встрѣчаются и замѣтки о народномъ образованіи. Обученіе крестьянскихъ дѣтей было тогда большою рѣдкостью, и помѣщики вовсе о немъ не заботились. Исключеніе составляли владѣльцы горныхъ заводовъ, нуждавшіеся въ грамотныхъ крестьянахъ для своихъ личныхъ выгодъ. «Въ селѣ Исаковѣ — разсказываетъ Лепехинъ — должно намъ было перемѣнить лошадей, гдѣ мы отъ дождя зашедъ къ священнику, въ первый разъ увидѣли попеченіе помѣщицы о воспитаніи крестьянскихъ дѣтей, которая на своемъ иждивеніи обучаетъ ихъ россійской грамотѣ, въ чемъ священникъ съ причетниками руководствуетъ... Какъ заводчики собственныхъ имѣютъ крестьянъ, то и особливое раченіе о воспитаніи малолѣтнихъ крестьянскихъ дѣтей у нихъ видно. На каждомъ заводѣ учреждены для малолѣтнихъ училища, гдѣ обучаютъ россійской грамотѣ, и по успѣхамъ ихъ опредѣляются въ разныя заводскія отмѣнныя должности» [281]).

Много страницъ въ дневникѣ Лепехина посвящено описанію быта инородцевъ: мордвы, чувашъ, зырянъ, вогуличей, татаръ, калмыковъ, киргизовъ, башкиръ. Авторъ весьма подробно говоритъ о ихъ образѣ жизни, нравахъ, обычаяхъ, любимыхъ занятіяхъ и т. д.; о хлѣбопашествѣ, скотоводствѣ, пчеловодствѣ; объ одеждѣ, пищѣ и напиткахъ; о свадьбахъ, родинахъ и похоронахъ; о проявленіяхъ умственной и нравственной жизни, о законахъ, о религіозныхъ вѣрованіяхъ и обрядахъ, и т. п.

Главные законы калмыковъ состоятъ въ слѣдующемъ. Если подданный дерзнетъ обидѣть словомъ, рукою или злоумышленнымъ коварствомъ кого-либо изъ ханской фамиліи, то виновнаго

казнятъ смертію, и искореняютъ весь родъ его, а скотъ и все имущество, сколько бы его ни было, забираютъ на хана. Военачальника, бѣжавшаго съ поля битвы, одѣваютъ въ женское платье, выводятъ на позоръ, и записываютъ въ рядовые, а всѣ улусы забираются на хана. Въ случаѣ убійства, какъ умышленнаго, такъ и неумышленнаго, убійцу бьютъ плетьми нещадно, и ломаютъ ему правую руку и лѣвую ногу, взыскавъ пять сотъ овецъ черноголовыхъ бѣлыхъ, одного верблюда и одну лошадь: овецъ отдаютъ наслѣдникамъ убитаго, верблюда — хану, а лошадь палачу вмѣсто жалованья, и т. д.

По космогоническимъ преданіямъ калмыковъ, міръ произошелъ изъ первобытной, никѣмъ не созданной, отъ вѣка существующей пропасти или бездны. Изъ нея поднялись золотыя облака, изъ облаковъ пошелъ сильный дождь, отчего образовалось море-океанъ, изъ котораго произошло всякое дыханіе, всѣ животныя и растенія. Солнце сдѣлано изъ огня и стекла, мѣсяцъ — изъ стекла и воды; звѣздъ на небѣ болѣе десяти тысячъ миліоновъ. Безплотныя силы рождаются отъ объятій и поцалуевъ, отъ любовнаго взора и усмѣшки. Первобытные люди рождались черезъ переселеніе душъ, отличались необыкновенною силою и долговѣчностью, имѣли крылья, сіяли свѣтлостію, и въ великомъ были прохлажденіи. Но когда приспѣло несчастное время, свѣтлость ихъ померкла, летаніе миновалось, и пища, сладкая какъ медъ, перевелася. Тогда люди стали питаться тростникомъ, но пользовались имъ недолго, ибо некущійся объ утреннемъ запасся тростникомъ на будущій день; примѣру его послѣдовали и другіе, отчего тростникъ уменьшился, а въ скоромъ времени и совсѣмъ исчезъ. По прошествіи многихъ вѣковъ начали умаляться и блаженное состояніе и число лѣтъ. Напослѣдокъ люди дошли до того, что жили не болѣе десяти лѣтъ, и пятимѣсячный младенецъ вступалъ въ супружество; вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшался и ростъ: люди были величиною въ локоть, а лошади — съ зайца; наконецъ сдѣлались тяжкія болѣзни и моръ, отчего тогдашніе люди и перевелися»[262].

Извѣстія, и весьма подробныя, о понятіяхъ и вѣрованіяхъ калмыковъ Лепехинъ заимствовалъ изъ туземныхъ источниковъ, пользуясь переводомъ ставропольскаго протоіерея отца Дубовскаго, знатока калмыцкаго языка и усерднаго распространителя вѣры и грамотности между инородцами, весьма охотно отдававшими дѣтей своихъ въ школу, находившуюся подъ его надзоромъ въ Ставрополѣ. Постепенно сливаясь съ окружающимъ ихъ русскимъ населеніемъ, инородцы все болѣе и болѣе усвоивали себѣ русскіе обычаи, одежду, религіозныя празднества и обряды. Это видно изъ слѣдующихъ данныхъ, сообщаемыхъ Лепехинымъ о чувашахъ и мордвѣ: «Кромѣ всеобщаго богомолія бываетъ у нихъ участное, которое отправляется у каждаго въ домѣ. Время богомолія избираютъ они передъ обѣдомъ, приготовя овцу или гуся, которые должны быть доморощенные, ибо на молитву покупать животныхъ за грѣхъ вмѣняется, а бѣдные въ случаѣ недостатка на мольбу употребляютъ густую кашу. Нарядивъ на столъ, ставятъ за оный всѣхъ своихъ домашнихъ, не выключая и женатыхъ дѣтей, а степенные или старикъ со старухою, ставъ у дверей и отворивъ оныя, молятся. Если того дому старикъ не въ состояніи отправлять сего богослуженія, то просятъ посторонняго человѣка, старику солѣтняго или старше, а моложе брать не дозволяется. Такія участныя богомолія ввелися у нихъ въ то время, когда они болѣе стали быть знакомы съ россіянами, и переняли у нихъ такъ называемые годовые праздники. Первѣе изъ всѣхъ пріобыкли они почитать Николая чудотворца, въ праздникъ котораго приходили къ нашимъ церквамъ, и приносили свѣчи и воскъ съ тѣмъ, чтобъ они предъ образомъ Николая чудотворца теплилися, и сдѣлавъ ему поклоненіе, молилися сими словами: *трятонъ вактонъ*, придая: Николай милостивый». При такомъ расположеніи инородцевъ къ христіанству, при ревностномъ посѣщеніи дѣтьми калмыковъ школы, въ которой они учились русской грамотѣ и закону Божію, не было повидимому надобности въ какихъ-либо принудительныхъ мѣрахъ и всего менѣе въ тѣлесныхъ наказаніяхъ. А между прочимъ встрѣчаемъ

подобнаго рода извѣстіе «о православіи у калмыковъ: Ставропольское духовенство крайне старается соблюсти въ нихъ цѣлость нашего закона, почему учрежденный въ Ставрополѣ протопопъ, отецъ Дубовской, искусный въ калмыцкомъ языкѣ, не рѣдко объѣзжаетъ всѣ ихъ улусы, и смотритъ, не имѣютъ ли они какихъ развращенныхъ книгъ. Если у кого такія книги найдутся, то отецъ протоіерей имѣетъ власть не только отнимать такія книги, но по духовенству и наказывать плетьми, что̀ о калмыцкой подлости разумѣть должно» [233]).

Лепехинъ вносилъ въ свои дневныя записки все, что удавалось ему собрать относительно быта, обычаевъ, вѣрованій и суевѣрій инородцевъ. Сообщивъ нѣсколько этнографическихъ данныхъ о вогуличахъ, Лепехинъ продолжаетъ: «О древнемъ ихъ законѣ ничего точнаго вывѣдать я не могъ; но сіе только сказываютъ, что дерево лиственница была въ числѣ обожаемыхъ ими вещей, а по какой причинѣ, того не знаютъ: можетъ быть, что они отъ лиственницы видѣли больше выгодъ, нежели отъ другаго какого дерева. Съ лиственницы собираютъ они клей, и употребляютъ какъ на домашнія подѣлки, такъ и на снарядъ охотничій. Притомъ лиственничная сѣра служитъ вогуличанамъ вмѣсто лѣкарства и вмѣсто лакомства, которые, такъ какъ и башкиры, часто ее жуютъ, и сказываютъ, что отъ сѣры бываетъ чистъ ротъ, бѣлѣютъ зубы, и всякая нечистота во рту очищается. Нѣкоторыя примѣты, до звѣроловства касающіяся, можетъ быть отъ древняго ихъ суевѣрія происходятъ. Всякій промышленникъ, когда собирается на промыселъ, беретъ съ собою какую-нибудь вещь для счастія, напримѣръ изъ чурки выдѣланную колодицу съ пришибеннымъ соболемъ или въ капканѣ пойманнаго звѣря, и сему подобныя другія. Оную вещь столь долго хранятъ и почитаютъ, пока бываетъ удача въ промыслѣ; въ противномъ случаѣ бросаютъ съ презрѣніемъ, ломаютъ, и ругаются ей, такъ какъ вредной вещи, придавая ей прозваніе шайтана, то есть обладаемой нечистымъ духомъ. Изъ чего заключить можно, что праотцовская ихъ вѣра уподоблялася вѣрамъ другихъ многихъ дикихъ на-

родовъ, почитающихъ ту вещь за свято, отъ которой какой-нибудь себѣ пользы надѣются» [284]).

Лепехинъ старался собирать самыя точныя и полныя свѣдѣнія о посѣщаемыхъ имъ мѣстностяхъ и обо всемъ томъ, что находилъ въ нихъ достопримѣчательнаго въ какомъ-бы то ни было отношеніи. Говоря о мѣстахъ, имѣющихъ историческое прошлое, онъ основывается на свидѣтельствѣ памятниковъ, сохранившихъ извѣстія о событіяхъ минувшаго времени. Онъ пользовался матеріалами не только печатными, но и рукописными, приводя данныя, и иногда въ весьма большомъ количествѣ, изъ различныхъ источниковъ: изъ двинскаго лѣтописца, изданнаго вольнымъ россійскимъ собраніемъ при московскомъ университетѣ; изъ судебника 1550 года; изъ рукописнаго собранія церковныхъ правилъ, какъ греческихъ, такъ и русскихъ; изъ рукописной лѣтописи соловецкаго монастыря, и т. п. Приводя во всей подробности «законы, данные великимъ Ярославомъ, сыномъ Володимировымъ» или такъ называемый Ярославовъ уставъ, по списку найденному въ окрестностяхъ Архангельска, Лепехинъ замѣчаетъ, что этотъ важный памятникъ древняго быта «достоинъ избавленъ быть отъ общаго забвенія». О рукописи онъ говоритъ: «Сіи законы списаны изъ книги, содержащей въ себѣ собраніе церковныхъ правилъ, древними греческими соборами и нѣкоторыми россійскими архіереями изданныхъ. Въ ней начертаніе буквъ уставное, старинное и читать трудное не за обыкновеннымъ за тѣмъ, что цѣлая строка однимъ реченіемъ кажется по нераздѣлимости словъ одного отъ другаго» [285]). Приписка въ концѣ рукописи относится къ 1541 году. Излагая содержаніе грамоты царя Ивана Васильевича, хранящейся въ архангельскомъ монастырѣ вмѣстѣ съ другими старинными грамотами, объясняетъ въ ней нѣкоторыя мѣста, находящіяся въ современномъ ей памятникѣ — судебникѣ. При изложеніи историческихъ свидѣтельствъ указываетъ несходство извѣстій болѣе древнихъ съ позднѣйшими. Сказаніе соловецкой лѣтописи о томъ, что каменная крѣпость для защиты поморянъ отъ нашествія шведовъ, заложенная по волѣ царя Θедора Ива-

новича, построена монастырскими крестьянами, не согласно съ повѣствованіемъ Ломоносова въ поэмѣ его Петръ Великій:

Спросилъ наставника: кто сими васъ горами
Толь крѣпко оградилъ, приставя ихъ руками?
Великій Іоаннъ, твой сродникъ и примѣръ,
Что россовъ превознесъ, и злыхъ агарянъ стеръ,
Онъ, жертву принося за помощь въ браняхъ Богу,
Межъ прочими и здѣсь далъ милостыню многу:
Пять сотъ измѣнниковъ пойманныхъ татаръ,
Имъ въ казнь, обители прислалъ до смерти въ даръ, —
Работою ихъ рукъ сіи воздвиглись стѣны, и проч.

Лепехинъ понималъ важность археологическихъ изслѣдованій, и собралъ для этого не мало матеріаловъ во время своего путешествія. Онъ самъ говоритъ, что если современемъ ученые объяснятъ и опишутъ всѣ монеты, которыя онъ собралъ по берегамъ Волги, то безъ сомнѣнія многое раскроется касательно волжскихъ древностей[286]). Онъ обратилъ вниманіе на курганы, на предметы въ нихъ находимые и на разнообразіе внѣшняго вида кургановъ. Описываетъ старинныя пушки, прозванныя затинными, относящіяся ко временамъ Ермака и дающія достаточное понятіе о тогдашнемъ огнестрѣльномъ ломовомъ орудіи и т. п. Сообщеніе археологическихъ свѣдѣній сопряжено было съ большими трудностями, какъ видно изъ словъ Лепехина: «Названія и раздѣленія бывшей монеты спровѣдать я не могъ, потому что у насъ обыкновенно, когда отъ какой канцеляріи потребуешь древнихъ извѣстій, отговариваются бывшими пожарами, въ коихъ всѣ извѣстія истребилися»[287]).

Древность и старина народа хранятся не въ однихъ только письменныхъ и вещественныхъ памятникахъ, но и въ устныхъ преданіяхъ, измѣняемыхъ временемъ и другими обстоятельствами, но любопытныхъ и важныхъ для археолога, историка и этнографа. Лепехинъ называетъ подобныя преданія баснями и сказками, но тѣмъ не менѣе дорожитъ ими, излагая ихъ весьма подробно, и сопровождая излагаемое извѣстіе своими объясненіями и

замѣчаніями. Слова Лепехина, что онъ сообщаетъ то или другое преданіе, не вдаваясь въ изслѣдованіе его достовѣрности, а единственно потому, что въ достовѣрности его убѣждены мѣстные жители; обнаруживаютъ въ нашемъ путешественникѣ вѣрный тактъ ученаго, вникающаго въ народную жизнь и во всѣ особенности господствующихъ въ ней понятій и воззрѣній. Для изслѣдователей народнаго быта имѣетъ значеніе всякій фактъ, въ которомъ выражаются понятія и вѣрованія народа.

Производя названіе Пьяной рѣки отъ ея излучистаго и криваго теченія, Лепехинъ счелъ нужнымъ привести и другое производство, основанное на народномъ преданіи: «Нѣкогда двое князей имѣли между собою брань, которыхъ иные русскими, другіе ордынскими почитаютъ. Изъ нихъ одинъ одолѣлъ другаго, и торжествуя о своей побѣдѣ, остановился при помянутой рѣкѣ. Во время торжества воины упилися виномъ, и оставя воинскій порядокъ, шаталися повсюду. Побѣжденные, услышали нестройность своихъ побѣдителей, собравъ раздробленныя свои силы, и напавши незапно на своихъ непріятелей, на голову ихъ побили, и отъ побѣды надъ пьяными, въ знакъ памяти, рѣку назвали Пьяною»[288]).

При описаніи города Владимира Лепехинъ передаетъ слѣдующую легенду о такъ называемомъ Пловучемъ озерѣ. Великій князь Юрій Долгорукій, обозрѣвая свои владѣнія, проѣзжалъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ теперь Москва; они принадлежали тогда боярину Кучковичу. Князь Юрій потребовалъ его къ себѣ на поклонъ, но гордый бояринъ сказалъ, что онъ не хочетъ кланяться, и что онъ самъ властелинъ въ своей маленькой землицѣ. Раздраженный князь велѣлъ привести Кучковича насильно, и лишилъ его жизни. Дочь и сынъ Кучковича пришли оплакивать своего отца. Тронутый ихъ горестью, князь взялъ ихъ съ собою, и впослѣдствіи женилъ сына своего Андрея на дочери Кучковича. Князь Андрей, любя уединеніе, проводилъ время большею частью въ монастырѣ Боголюбовѣ, отчего и прозванъ боголюбскимъ. Здѣсь онъ и былъ убитъ вельможами, подговоренными

его женою, ненавидѣвшею своего мужа. На мѣсто его возведенъ на престолъ братъ жестокой княгини Кучковичь. Братъ убитаго, князь Михаилъ, узнавши о печальной судьбѣ своего брата, собралъ полки, и подступилъ къ Владиміру. Жители безъ всякаго сопротивленія отворили городскія ворота, и впустили князя Михаила, который, «изымавъ Кучковича и осудивъ праведнымъ судомъ княгиню, опредѣлилъ имъ сію казнь: зашивъ ихъ въ коробы, приказалъ бросить въ озеро, нынѣ Пловучимъ называемое. Не мое дѣло испытывать справедливость сея повѣсти. Для меня довольно сказать, что сія повѣсть во Владимирѣ, за истину почитается, и люди думаютъ, что сихъ утопленниковъ за ихъ безпримѣрный знакъ неблагодарности и злобы земля не принимаетъ, и такъ они до сихъ поръ по оному озеру плаваютъ. Состояніе озера удобно всякаго можетъ увѣрить о людскомъ заблужденіи, и не малаго стоитъ удивленія, что и отмѣнитые люди къ такому заблужденію поползновенны. Князей по повѣсти было потоплено двое, но воображаемыхъ коробовъ иногда великое число по озеру плаваетъ, и которые не иное что суть, какъ кочки, обросшія вѣтвистымъ мохомъ, который на нѣсколько саженъ отъ береговъ покрываетъ вода. Коренья и вѣтви онаго такъ крѣпко между собою сплелися, что по немъ, какъ по зыблемому полу, ходить можно, однако не безъ опасности. Обширность озерныхъ водъ, обуреваемыхъ вѣтрами, не рѣдко отрываетъ цѣлыя глыбы или большія кочки помянутаго мха, и носитъ ихъ по озеру, отчего и заблужденіе происходитъ народное» [289]). Объясненіемъ Лепехина воспользовался и Карамзинъ въ своей исторіи.

Въ числѣ предметовъ, привлекавшихъ особенное вниманіе нашего путешественника, былъ языкъ инородцевъ. Лепехинъ приводитъ нѣсколько образцевъ разнообразнаго содержанія, преимущественно на зырянскомъ языкѣ. «Зыряне — говоритъ онъ — всѣ по русски разумѣютъ. Я сколько можно старался отыскать ихъ древнюю грамоту, но не могъ; однако у нѣкоторыхъ любопытныхъ людей нашелъ только названія нѣкоторымъ буквамъ и переводъ обѣденныхъ молитвъ, которыя при семъ при-

лагаю» [290]). Приложенныя имъ молитвы обѣденныя, т. е. читаемыя при совершеніи обѣдни, составляютъ часть обѣдни св. Іоанна Златоуста съ заупокойными евангеліемъ и апостоломъ. Это обстоятельство, а равно и то̀, что въ зырянскомъ переводѣ помѣщены лишь тѣ молитвы, которыя читаются и поются для народа, а нѣтъ ни эктеній, ни молитвъ священническихъ, привело митрополита Евгенія къ мысли, что богослуженіе у зырянъ совершалось частію на зырянскомъ, частію на славянскомъ языкѣ, и на зырянскомъ совершались преимущественно заупокойныя обѣдни [291]). Сверхъ отрывка изъ литургіи Лепехинъ приводитъ названія металловъ, животныхъ, частей тѣла, имена числительныя и нѣсколько фразъ на зырянскомъ языкѣ, а также пятьдесятъ пермскихъ словъ. Для образца языка мордвы и чувашъ приводитъ нѣсколько молитвъ, обращенныхъ къ божеству и свѣтиламъ небеснымъ, такого содержанія: Богъ, великій государь! чего прошу, того дай: посѣяннаго хлѣба, скотины больше дай, дай ребятъ за скотиною ходить, дай здоровья и больше денегъ, аминь. Мѣсяцъ свѣтитъ во все царство: освѣщай насъ и хлѣбъ нашъ [292]).

Въ одномъ изъ академическихъ мемуаровъ Лепехинъ сообщилъ извѣстіе о древней зырянской надписи и о св. Стефанѣ пермскомъ, просвѣтителѣ зырянъ и изобрѣтателѣ зырянской азбуки. Надпись эта снята съ иконы и доставлена Лепехину мѣстнымъ жителемъ вологодскаго края Фрисомъ, штабъ-лѣкаремъ въ Устюгѣ-великомъ и членомъ корреспондентомъ академіи наукъ. Икона съ зырянской надписью, о которой говоритъ Лепехинъ, изображаетъ св. Троицу въ видѣ трехъ ангеловъ, принимаемыхъ Авраамомъ (la visitation d'Abraham), и находится въ церкви, построенной, какъ предполагалъ Фрисъ, св. Стефаномъ пермскимъ, въ Вошемскомъ погостѣ, въ сорока верстахъ отъ Яренска на правомъ берегу Вычегды [293]).

Инородцы, издавна обитавшіе въ предѣлахъ Россіи, находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ природными русскими, а потому весьма естественно предположить заимствованіе другъ у

друга какъ различныхъ предметовъ, относящихся къ народному быту, такъ и словъ для выраженія этихъ предметовъ. Руководствуясь такимъ взглядомъ, Лепехинъ пытался объяснить нѣкоторыя русскія названія при помощи подобнозвучныхъ имъ словъ въ языкѣ инородцевъ. «Любопытному читателю — говоритъ Лепехинъ — могу объяснить, откуда названіе *полушка* и по сіе время въ нашей монетѣ осталося. Между мѣхами, въ счетѣ мѣсто имѣющими, за послѣдній считается заячій мѣхъ, который на татарскомъ языкѣ и на всѣхъ другихъ, съ татарскимъ нѣкое сходство имѣющихъ, называется *ушканъ*, которое слово въ смежныхъ съ сими народами русскихъ селеніяхъ и по сіе время осталося, и тамъ зайца какъ бы природнымъ словомъ *ушканомъ* называютъ. Самая малѣйшая вещь цѣнилася противу половины заячей шкурки, и такъ русаки назвали ее *полушканомъ*, отъ коего слова родилася, какъ я думаю, *полушка*, и нынѣ самомалѣйшую монету означающая» [294]).

У Лепехина встрѣчается также объясненіе пословицъ и поговорокъ, какъ напримѣръ:

«Поморская страна обижена хлѣбородіемъ, ибо и въ тѣхъ мѣстахъ поморья, гдѣ нѣсколько сѣютъ хлѣба, благовременно наступающіе морозы трудъ и иждивеніе пахарей не рѣдко погубляютъ. Опасные и губительные недозрѣвшему хлѣбу морозы случаются въ исходѣ іюля. Отъ сего старинная на Двинѣ носится пословица: *пронеси, Господи, калинники морокомъ;* подъ именемъ калинниковъ разумѣютъ 23 и 29 іюля.

«Во время выхода съ моря промышленныхъ судовъ иногда постигаетъ ихъ несчастіе: во льдахъ отрываетъ у нихъ добычу, которую послѣ выкидываетъ на морскіе берега, и тогда достается она въ руки счастливому, который на нее найдетъ, ибо выкинутымъ изъ моря богатствомъ всякому владѣть безъ отысканія позволяется. И посему у поморовъ есть пословица: *Богу дать, и въ окошко подастъ*» [295]).

«Молодые башкирцы смѣшное къ бритью бороды употребляютъ средство. Они натираютъ себѣ бороду каленою золою, и

ссучивъ круто нитку, съ отмѣннымъ проворствомъ и искусствомъ вкручиваютъ волоса по два и вырываютъ. Зола, по ихъ примѣчанію, слабитъ кожу, и утоляетъ ту боль, какая отъ щипанія волосъ произойти должна. И такъ, кому извѣстна пословица *брить ниткою*, теперь знаетъ ея начало» [296]).

Приведя изъ судебника мѣсто о полѣ или поединкѣ, Лепехинъ прибавляетъ: «Изъ чего, кажется, всѣмъ вѣдомыя у насъ пословицы произошли: *кому на полѣ Божья помочь*; — *чья сильнѣе, та и правѣе*» [297]).

Богатство матеріаловъ, собранныхъ въ путевыхъ запискахъ Лепехина, свидѣтельствуетъ о неутомимой дѣятельности путешественника, понимавшаго всю цѣну разносторонняго изученія своего отечества. Почти всѣ матеріалы добыты личнымъ трудомъ автора, вносившаго, какъ самъ говоритъ, въ свои записки только тò, чтò видѣлъ собственными глазами, удаляясь, сколько возможно, отъ чужихъ разсказовъ. Внимательно знакомясь со всѣмъ достопримѣчательнымъ, повѣряя собственными наблюденіями извѣстія и наблюденія другихъ, Лепехинъ исправлялъ неточности и погрѣшности, встрѣчаемыя какъ въ русскихъ, такъ и иностранныхъ изданіяхъ и ученыхъ трудахъ. Онъ замѣчаетъ, что городъ Владиміръ стоитъ на лѣвомъ берегу Клязьмы по ея теченію, а не на правомъ, какъ обозначено въ россійскомъ атласѣ; указываетъ ошибку Линнея, утверждавшаго, что бѣлужья кожа даетъ самые лучшіе каретныя ремни: «славный Линней безъ сумнѣнія обманулся названіемъ бѣлухи, которая есть видъ дельфина, и ловится въ океанѣ и Бѣломъ морѣ, однако и сей кожа употребляется токмо на сыромятные ремни и на шлеи хомутныя»; и т. д. [298]).

Но при всей самостоятельности наблюденій и научныхъ работъ Лепехина ему невозможно было обойтись безъ посторонней помощи, преимущественно при описаніи тѣхъ предметовъ, для изученія которыхъ требовалось и особой подготовки и болѣе продолжительнаго времени, необходимаго для знакомства съ вещами и мѣстностями, замѣчательными въ историческомъ и археологическомъ отношеніи. Мы уже упомянули о томъ, что когда поиски

его относительно древнихъ памятниковъ зырянскаго языка не увѣнчались успѣхомъ, онъ обратился къ содѣйствію лицъ «любопытныхъ», т. е. любознательныхъ, дорожившихъ мѣстными древностями. Историческія свѣдѣнія о двинскомъ краѣ Лепехинъ сообщаетъ на основаніи «критическихъ примѣчаній, собранныхъ обществомъ любопытныхъ людей въ городѣ Архангельскомъ» [299]). Изъ лицъ, болѣе или менѣе содѣйствовавшихъ Лепехину въ достиженіи его цѣли, особенно важна для него была встрѣча съ замѣчательнымъ человѣкомъ своего времени и превосходнымъ знатокомъ своего края, Петромъ Ивановичемъ Рычковымъ, память о которомъ сохранена въ почтенномъ трудѣ академика Пекарскаго. Лепехинъ пользовался совѣтами и указаніями Рычкова, какъ человѣка «знаменитаго у насъ отмѣнными любопытными упражненіями». О сношеніяхъ Лепехина съ Рычковымъ обстоятельно говорится въ монографіи Пекарскаго [300]).

Спутникомъ и до нѣкоторой степени сотрудникомъ Лепехина былъ даровитый студентъ академическаго университета Озерецковскій, занявшій впослѣдствіи каѳедру естественной исторіи въ академіи наукъ. «Для большаго успѣха въ дѣлахъ намъ порученныхъ — говоритъ Лепехинъ — отправилъ я изъ Симбирска студента Николая Озерецковскаго, на котораго предъ другими больше полагалъ надежды, въ городъ Саратовъ для собранія тамъ временныхъ птицъ и весеннихъ травъ, давъ ему въ помощники чучельника и стрѣлка» и т. д. Въ другомъ мѣстѣ дневника сказано: «Студентъ Николай Озерецковскій, ѣздивши въ Казань, имѣлъ случай осмотрѣть и описать остатки Болгаровъ, древняго татарскаго города», и затѣмъ помѣщено довольно подробное археологическое описаніе болгарскихъ развалинъ, къ которому приложено около пятидесяти армянскихъ и арабскихъ надписей въ русскомъ переводѣ [301]). Отправляя вмѣстѣ съ Лепехинымъ нѣсколькихъ студентовъ, ввѣряемыхъ его надзору и руководству, академія имѣла въ виду расширить кругъ свѣдѣній своихъ питомцевъ, развить ихъ любознательность, и приготовить въ нихъ достойныхъ дѣятелей науки, соединяющихъ ученость съ знаніемъ

своего отечества. Научныя занятія Лепехина съ его молодыми спутниками составляютъ заслуживающую вниманія сторону его путешествія: она стушевывается въ печатной редакціи записокъ, но ясно обнаруживается въ рукописныхъ отчетахъ, уцѣлѣвшихъ въ академическомъ архивѣ. Лепехинъ писалъ: «Находящіеся при мнѣ гимназисты: Тимоѳей Мальгинъ, Николай Озерецковскій и Андрей Лебедевъ, какъ въ разсужденіи послушанія, такъ и прочихъ поступокъ, заслуживаютъ всякую похвалу.... Чрезъ все время, которое я препроводилъ въ Москвѣ, дѣлалъ небольшія экскурсіи около Москвы какъ для собиранія травъ, такъ и инсектовъ, и старался дать понятіе находящимся при мнѣ гимназистамъ объ ихтіологіи, и велъ дневную записку въ разсужденіи перемѣнъ воздуха», и т. д. [302]).

При изданіи своего труда Лепехинъ имѣлъ въ виду не однихъ только спеціалистовъ, но образованныхъ людей вообще, и потому старался придать описанію предметовъ природы сколько возможно болѣе и общедоступности и занимательности. Съ этою цѣлью все то, что доступно и важно исключительно для спеціалистовъ, соединено авторомъ въ отдѣльныя группы въ видѣ приложеній. Вслѣдствіе этой же причины въ способѣ изложенія замѣчаются: съ одной стороны обычные пріемы, сравненія, образы и т. п., тогдашней литературы; съ другой — простота разсказа, чуждаго всякаго педантизма, тонъ полусерьезный и полушутливый, частое употребленіе пословицъ и поговорокъ, и т. п. Приводимъ нѣсколько образцовъ знакомящихъ съ литературными пріемами автора и любимымъ его способомъ изложенія:

«Сѣнокосная страда представила намъ пріятное позорище въ видѣ трудящихся сельскихъ жителей. Всякій здѣсь со своимъ семействомъ прилагалъ труды къ трудамъ, и сельскія нимфы облегчали трудъ возлюбленныхъ для ихъ предметовъ простымъ своимъ пѣніемъ, споспѣшествуя при томъ по силѣ своей и общему труду ворочаніемъ и граблені емъ подкошенной травы.... Страдная пора, которая отъ сельскихъ жителей потому называется, что въ сію пору начинается сѣнокосъ, за которымъ слѣдуетъ

жатва и прочія сельскія трудныя упражненія, сдѣлала начало и къ нашему состраданію: ибо принявшіеся за работу крестьяна оставляютъ свои домы почти пусты, такъ что ни подводъ, ни проводниковъ въ скорости и безъ хлопотъ получить не можно..... Другое позорище представили намъ посаженные тарантулы въ хрустальную банку. Ихъ въ тюрьмѣ сидѣло два десятка. Сперва они покушались вырваться изъ заключенія, и всякъ про себя дѣлалъ паутинную лѣстницу, по которой взбиралися вверхъ, и суетясь другъ передъ другомъ выдти изъ банки, пришли въ суматоху, отъ которой произошло кровавое сраженіе. Побѣжденные и уязвленные старалися отъ побѣдителей спасаться бѣгствомъ; но побѣдители всегда за ними гоняясь, налагали новыя раны до тѣхъ поръ, пока непріятелей своихъ не положили на мѣстѣ. Симъ они еще не были довольны; но, по примѣру нѣкоторыхъ древнихъ американцевъ, пожирали тѣла, оставшіяся на сраженіи. Вражда ихъ еще совсѣмъ не миновалася, но они продолжали свой бой, по русской пословицѣ: *кто кого смога, тотъ того и въ рога*, до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ всѣхъ остался побѣдоносцемъ.... Хотя воевода сызранскій совѣтовалъ намъ болѣе взять съ собою оружейныхъ людей для безопасности отъ появившихся на Волгѣ косныхъ съ удалыми; однако мы, имѣя въ головѣ русскую пословицу: *убить насъ некого, да и снять съ насъ нечего*, за лучше почли ѣхать тихонько, и охранителей оставить при обозѣ, который того же дня отправленъ былъ въ Саратовъ».... Обращаясь къ читателямъ, Лепехинъ говоритъ: судите книгу мою какъ хотите, но прошу припомнить изрѣченіе стихотворца: если все, написанное мною, станете бранить, то обнаружите свою злобу; если же все будете хвалить, то покажете свою глупость, и т. п. [303]).

Подобныя мѣста нѣсколько озадачивали какъ современныхъ автору критиковъ, такъ и послѣдующихъ издателей его книги. Академикъ Протасовъ, разсматривавшій книгу Лепехина по порученію академіи наукъ, представилъ въ академическое собраніе такого рода отзывъ: «Въ запискахъ г. Лепехина не нахожу я ничего та-

кого, что бы могло препятствовать печатанію оныхъ, выключая небольшія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ шутливыя выраженія, которыя, кажется мнѣ, не соотвѣтствуютъ прочему его слогу, писанному вездѣ дѣльно. Оныя выраженія представляю на разсмотрѣніе почтенному собранію» [304]). При новомъ изданіи путешествія Лепехина слогъ автора оставленъ безъ перемѣны за исключеніемъ, какъ сказано въ предисловіи, нѣкоторыхъ обветшалыхъ выраженій и излишнихъ пословицъ.

По возвращеніи въ исходѣ 1772 года изъ пятилѣтняго путешествія по восточному краю Россіи Лепехинъ предпринялъ въ 1773 году новое путешествіе на русскій западъ, изслѣдовалъ мѣстности, лежащія вокругъ Пскова, Великихъ Лукъ, Торопца, и другія части Псковской и Могилевской губерніи, а также пространство по берегамъ западной Двины и Балтійскаго моря. Изъ втораго своего путешествія или «экспедиціи въ Великія Луки и въ провинціи Бѣлорусской губерніи» Лепехинъ возвратился 15 декабря 1773 года. Какъ ни важны были результаты ученыхъ путешествій Лепехина, Палласа и другихъ академиковъ, посѣщавшихъ преимущественно восточныя и западныя мѣста европейской Россіи и Сибирь, Лепехинъ указывалъ на сѣверъ европейской Россіи какъ на край почти невѣдомый для науки, но заключающій въ себѣ богатѣйшій матеріалъ для ученыхъ наблюденій и изслѣдованій. «Какъ отдаленныя провинціи нашего отечества — писалъ Лепехинъ — осматривалъ я большею частію съ г. академикомъ Палласомъ, то и объ оставшихся отъ нашего осмотру примѣчанія достойныхъ мѣстахъ ничего мнѣ, кромѣ повторенія о сказанномъ имъ, не остается. Но я думаю, что и ближайшія наши провинціи не менѣе заслуживаютъ вниманія, какъ и самыя отдаленныя, а открытія въ нихъ предъ отдаленными гораздо полезнѣе быть могутъ. Самая Ингермоландія и Финландія никѣмъ съ должнымъ раченіемъ еще не были осмотрѣны. Находящіяся въ сихъ провинціяхъ горы испытателя трудъ наградить и любопытство удовольствовать могутъ: доказываютъ тò отъ времени до времени самыми простолюдинами открываемые разные

мраморы; должно думать, что и высокихъ металловъ породы въ нихъ находятся. Олонецкая провинція, частію изъ сихъ горъ составленная, давала намъ свое желѣзо, наконецъ даетъ и самое золото. Правда, что сіи провинціи ничего важнаго въ разсужденіи прозябаемыхъ и животныхъ не обѣщаютъ, и требуютъ къ своему разсмотрѣнію только знающаго минералога; но первоначальные сихъ горъ хребты, и въ нашей Лапландіи находящіеся, довольно дадутъ упражненія и ботанику, а сосѣдственное море, коего многообразныя произведенія никогда не оскудѣваютъ, не тщетнымъ сдѣлаетъ пребываніе и цоолога, да и минералога осмотръ не безполезенъ будетъ. Мнѣ самому случилося видѣть серебряной руды несумнѣнные признаки на устьѣ рѣки Умбы, о чемъ отъ меня изъ города Архангельскаго въ императорскую академію наукъ въ свое время и представлено было. Изъ Лапландіи не неудобно будетъ испытателю осмотрѣть и острова, къ Новой землѣ лежащіе, да и самую Новую землю сколько возможно, которая не только для обильныхъ морскихъ произведеній, но и для высочайшихъ на ней находящихся горъ особливаго примѣчанія достойна. . . . Если ближайшія къ сѣверу лежащія земли приняты будутъ въ уваженіе, то думаю, что россійская Лапландія, изобилующая горными хребтами, откроетъ любопытному оку свои сокровища. Надежду сію утверждаетъ Медвѣжій островъ, въ Кандалакской губѣ Бѣлаго моря находящійся, изобиловавшій свѣтлякомъ и самымъ сливнымъ серебромъ. Многіе сего металла несумнѣнные признаки обысканы были и по самому берегу Кандалакской губы, какъ-то около береговъ рѣки Умбы и далѣе около кута сего залива, гдѣ шпатъ, наполняющій разсѣлины дресвяка, испещренъ былъ свѣтлякомъ, а мѣстами сей послѣдній и цѣлыя составлялъ прожилы. Въ заливахъ близъ Попоя обыскана была мѣдная руда. Сколь изящныя можно тамъ открыть растенія, доказываетъ то лапландская флора г. Линнея. Въ Колѣ можетъ себя обогатить испытатель морскими произведеніями не только ближайшаго берега, но и находящимися въ норвежскихъ заливахъ. Изъ Колы удобнѣе, нежели изъ другихъ мѣстъ, будетъ ему посѣтить Грумантъ

(Шпицбергенъ), куда наши промышленники нерѣдко ѣздятъ, и утвердить своимъ опытомъ удобность морскихъ промысловъ, на которые не малое иждивеніе другіе народы употребляютъ. Равнымъ образомъ изъ Колы открытъ ему будетъ путь и на Новую землю, гдѣ еще никто изъ испытателей не былъ. Гористое сего острова положеніе, можетъ быть, откроетъ его прозорливости не мало любопытныхъ и полезныхъ вещей, а окружающее его море безъ сумнѣнія трудъ его наградитъ многими рѣдкостями изъ морскихъ произведеній. При осмотрѣ Новой земли не неудобно будетъ путешественнику находить себѣ убѣжище во время зимы въ Пустозерскѣ, а слѣдующею весною изъ онаго далѣе продолжать свои осмотры и примѣчанія въ разсужденіи Новой земли; да во время неудобнаго на оную проѣзда ближайшіе острова и морской берегъ подадутъ ему довольно упражненія, и займутъ его любопытство» [305]).

Важное значеніе путевыхъ записокъ и другихъ трудовъ Лепехина, заключающихъ въ себѣ много новыхъ и замѣчательныхъ данныхъ, признаваемо было какъ отечественными, такъ и иностранными учеными. Появленіе книги Лепехина въ нѣмецкомъ переводѣ содѣйствовало извѣстности ея заграницею, и представители науки не замедлили выразить сочувствіе русскому натуралисту, труды котораго ставили рядомъ съ произведеніями знаменитаго Палласа. Признаніе заслугъ Лепехина европейскими учеными выразилось въ лестныхъ отзывахъ о его путевыхъ запискахъ, въ ботаническихъ и другихъ названіяхъ, данныхъ въ честь его и сдѣлавшихся терминами въ наукѣ; въ избраніи его членомъ различныхъ обществъ, вызванныхъ движеніемъ умственной жизни Европы, и т. п.

Въ иностранныхъ періодическихъ изданіяхъ того времени находятся такого рода отзывы о нашемъ соотечественникѣ: Въ путевыхъ запискахъ своихъ Лепехинъ является и ученымъ наблюдателемъ и просвѣщеннымъ мыслителемъ; онъ обогатилъ естественныя науки многими открытіями, преимущественно въ области зоологіи и энтомологіи; у него описаны новые виды рыбъ,

птицъ, млекопитающихъ, земноводныхъ; онъ имѣлъ то важное преимущество передъ иностранными путешественниками, что, будучи природнымъ русскимъ и владѣя языкомъ страны, вступалъ въ непосредственныя сношенія съ жителями, и могъ получать свѣдѣнія и болѣе вѣрныя и болѣе подробныя; путешествіе Лепехина, по своему научному достоинству, стоитъ на одной высотѣ съ путешествіемъ Палласа, и т. д. [306]).

Извѣстный ученый Вильденовъ (Willdenow) назвалъ въ честь русскаго естествоиспытателя Лепехиніею (Lepechinia) одно изъ рѣдкихъ растеній, о которомъ говоритъ при описаніи берлинскаго ботаническаго сада; подробнѣе описано оно у Декандоля [307]). Въ честь Лепехина названы два новые вида насѣкомыхъ, описанные имъ въ его путешествіи — божья синеголовая коровка и полосатый кузнечикъ. Лепехинъ описываетъ ихъ такимъ образомъ: «Между насѣкомыми (въ окрестностяхъ Мурома) примѣчанія достойна божья синеголовая коровка съ красною грудью и красными твердокрыліями, по которымъ двѣ лазоревыя протянуты повязки. Полосатый кузнечикъ: длина всего тѣла 6 лин.; кузнечикъ сей во всемъ схожъ съ кузнечикомъ, двоеточнымъ прозываемымъ (gryllus bipunctatus, Linn.), и разнится тѣмъ, что, начиная отъ самаго лба, чрезъ грудь и все тѣло покрывающій загрудный щитокъ бѣлая посрединѣ проведена черта» [308]). Къ дневнику своему Лепехинъ приложилъ и изображеніе этихъ насѣкомыхъ. Впослѣдствіи они названы: божья синеголовая коровка—chrysomela Lepechini, полосатый кузнечикъ—gryllus Lepechini. Такія названія находятся въ «системѣ натуры» Линнея, изданной Іоганномъ Фридрихомъ Гмелиномъ, профессоромъ философіи и медицины въ Геттингенѣ [309]).

Въ 1776 году Лепехинъ избранъ членомъ берлинскаго общества испытателей природы, а въ 1778 году — членомъ гессенъ-гомбургскаго патріотическаго общества.

Берлинское общество естествоиспытателей—gesellschaft naturforschender freunde, основанное частными лицами, принимало въ свои дѣйствительные члены только такихъ знатоковъ и люби-

телей естественныхъ наукъ, которые сами собирали рѣдкія произведенія природы или физическіе и оптическіе инструменты и препараты, и постоянно заботились о расширеніи и усовершенствованіи своихъ познаній. Выборъ какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ членовъ происходилъ по большинству голосовъ посредствомъ балотированія. Въ числѣ членовъ, избранныхъ въ промежутокъ времени съ іюня 1776 года по октябрь 1777 года, названъ докторъ Иванъ Лепехинъ, членъ россійско-императорской академіи наукъ, петербургскаго вольнаго экономическаго общества и цензоръ при переводческомъ институтѣ въ Петербургѣ [310]).

Гессенъ-гомбургское патріотическое общество учреждено съ цѣлію самою широкою — содѣйствовать умственному и нравственному развитію человѣчества, распространенію полезныхъ знаній и общественныхъ добродѣтелей. Подобная цѣль представляется чѣмъ-то довольно неопредѣленнымъ и въ сущности безсодержательнымъ, но тѣмъ не менѣе во имя ея учредители обращались къ друзьямъ человѣчества, въ какой бы странѣ они ни жили, призывая ихъ работать на пользу и славу не одной только своей земли (patrie naturelle), но и обширнаго общечеловѣческаго отечества (patrie universelle). Въ отношеніи Россіи общество считало необходимымъ для большаго сближенія съ нею принять въ число своихъ членовъ нѣсколькихъ русскихъ академиковъ, наиболѣе замѣчательныхъ и дѣятельныхъ — membres les plus distingués et les plus laborieux de l'académie impériale de S.-Pétersbourg. Выборъ остановился на Палласѣ и Лепехинѣ. Въ извѣстіи изъ Петербурга отъ 23 мая 1778 года, помѣщенномъ въ литературномъ органѣ гессенъ-гомбургскаго патріотическаго общества, говорится: академики Палласъ и Лепехинъ изъявили согласіе быть членами нашего общества; Лепехинъ извѣстенъ описаніемъ своего путешествія по Россіи, многими и превосходными статьями на русскомъ языкѣ и столь же драгоцѣнными мемуарами на латинскомъ языкѣ, помѣщенными въ ученыхъ изданіяхъ петербургской академіи наукъ [311]).

Труды Лепехина, цѣнимые и уважаемые въ западной Евро-

нѣ, имѣли особенное значеніе для Россіи какъ безотносительно — по своему внутреннему достоинству, такъ и въ отношеніи къ тогдашнему состоянію у насъ науки и литературы. Русскія ученыя общества и учрежденія выражали свое сочувствіе и уваженіе достойному представителю науки, много сдѣлавшему для изученія своего отечества и для распространенія въ немъ научныхъ свѣдѣній и любознательности. Въ 1794 году Лепехинъ избранъ почетнымъ членомъ государственной медицинской коллегіи, которой ввѣрены были заботы о развитіи врачебной отрасли въ Россіи и о поднятіи уровня медицинскаго образованія. Въ учредительномъ актѣ сказано: «Чрезъ сіе учреждаемъ медицинскаго факультета коллегію. Два предлога сей коллегіи главными почитаться должны: 1) сохраненіе врачеваніемъ народа въ имперіи; 2) заведеніе россійскихъ докторовъ, лѣкарей, операторовъ и аптекарей, а ктому содержаніе порядочное аптекъ и добрая ихъ экономія. Всѣхъ докторовъ, операторовъ, лѣкарей и аптекарей экзаминовать со всякою строгостію по наукѣ ихъ въ коллегіи. Всѣ между докторами ученые споры по ихъ наукѣ коллегія рѣшать имѣетъ. Главное попеченіе коллегіи быть должно, чтобъ часъ отъ часу больше просвѣщать докторскую науку саму по себѣ» и т. д. [312]).

Независимо отъ своего научнаго значенія, путевыя записки и другіе труды Лепехина высоко цѣнились современниками, съ одной стороны, по множеству полезныхъ свѣдѣній касательно сельскаго хозяйства и промышленности; съ другой — по своему литературному достоинству, по изложенію и языку. Первое послужило поводомъ къ избранію Лепехина въ члены вольнаго экономическаго общества; второе дало нашему ученому несомнѣнное право на вступленіе въ академію русскаго языка и словесности. Членомъ вольнаго экономическаго общества Лепехинъ избранъ въ 1770 году во время своего путешествія по Россіи. Членомъ россійской академіи онъ избранъ при самомъ ея учрежденіи.

V.

Въ самый день открытія россійской академіи провозглашенъ не только дѣйствительнымъ членомъ, но и непремѣннымъ секретаремъ открываемой академіи «Иванъ Ивановичъ Лепехинъ, исторіи натуральной профессоръ, докторъ медицины, императорской санктпетербургской академіи наукъ, обществъ: вольнаго санктпетербургскаго экономическаго, берлинскаго друзей природы испытателей и гессенъ-гомбургскаго патріотическаго членъ». Должность непремѣннаго секретаря Лепехинъ исполнялъ съ учрежденія россійской академіи до самой своей смерти. Онъ долженъ былъ составлять протоколы, хранить рукописные подлинники и вести всѣ дѣла по академіи. Обязанность эта требовала чрезвычайно много и времени и заботъ, вслѣдствіе чего по уставу россійской академіи полагалось два непремѣнные секретаря. Но Лепехинъ принялъ весь трудъ на себя, и въ буквальномъ смыслѣ слова работалъ за двухъ. Сверхъ того постоянно, во всѣхъ случаяхъ, замѣнялъ собою переводчика, положеннаго по штату академіи. Такою неутомимою и вмѣстѣ съ тѣмъ безкорыстною дѣятельностію Лепехинъ не мало способствовалъ матеріальному благосостоянію академіи, давая ей возможность употреблять на научныя предпріятія тѣ средства, которыя предназначаемы были на вознагражденіе двумъ лицамъ: переводчику и второму непремѣнному секретарю.

Лепехинъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ участниковъ во всѣхъ трудахъ и предпріятіяхъ академіи, каковы: начертаніе плана для различныхъ академическихъ работъ; собраніе матеріаловъ для словаря; объясненіе ихъ; приведеніе ихъ въ порядокъ и систематическое расположеніе, и наконецъ изданіе словарей, какъ словопроизводнаго, такъ и азбучнаго.

Работы по словопроизводному словарю начались составленіемъ общаго плана: онъ возложенъ былъ на нѣсколько членовъ, и однимъ изъ нихъ былъ Лепехинъ. Составленіе плана для другаго словаря «аналогическимъ порядкомъ» принялъ на себя также

Лепехинъ, и притомъ одинъ, безъ посторонней помощи. Въ одномъ изъ засѣданій россійской академіи читано было представленное Лепехинымъ начертаніе о приведеніи славянорусскаго этимологическаго слова въ буквенный порядокъ; собраніе замѣтило, что при краткомъ описаніи естественныхъ вещей не нужно описывать ихъ употребленіе въ общежитіи. Преемникъ Дашковой по управленію россійскою академіею Бакунинъ признавалъ необходимымъ, чтобы академія для утвержденія, обогащенія и распространенія русскаго языка приглашала знатоковъ отечественнаго и иностранныхъ языковъ заниматься переводомъ общеполезныхъ книгъ на русскій языкъ, и предлагала «упражняющимся въ сочиненіяхъ задачи, какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ, заслуживающія общее вниманіе, и которыя сочиненія могли бы служить не токмо украшеніемъ россійскому слову, но и объясняли бы какой-либо историческій предметъ или дѣянія великихъ людей, каковыми отечество наше хвалиться можетъ или бы возвышали и вперяли нравственныя качества». Для приведенія этой мысли въ исполненіе Лепехину поручено было составить предначертаніе порядка и правилъ, необходимыхъ для успѣшнаго рода предпринимаемыхъ работъ [313]).

Лепехинъ собиралъ для этимологическаго словаря, и представилъ въ академію слова на буквы *р*, *у*, *ѣ* и *ѳ*, а для словаря азбучнаго обработывалъ слова на буквы *ц* и *ч*. Онъ представилъ собранію слѣдующія слова и реченія, которыя не находятся въ прежнемъ словарѣ: *расщепъ* — divisura calicis; *сѣменная коробочка* — capsula; *гнѣздышко* — loculus; *цапъ* — малая, узкая, внизу загнутая желѣзная лопатка, употребляемая для пропалыванія арбузныхъ и другими овощами засѣянныхъ пашенъ; *отолачивать сѣмена* — толченіемъ разбивать шелуху; *масленыя била* — тиски или жомы въ маслобойнахъ» [314]).

Лепехинъ былъ членомъ отдѣловъ: объяснительнаго, занимавшагося объясненіемъ смысла и значенія словъ; словопроизводнаго, опредѣлявшаго корни и происхожденіе словъ; техническаго, объяснявшаго названія и термины, употреблявшіеся въ

наукахъ, художествахъ, ремеслахъ и промыслахъ, и т. д. Онъ принялъ на себя объясненіе названій, относящихся къ естественной исторіи, и опредѣлялъ «всѣ слова, изъявляющія естественныя произведенія въ отечествѣ нашемъ, также орудія, въ рыбныхъ и звѣриныхъ промыслахъ употребляемыя». Имъ же представлено въ академію собраніе и опредѣленіе словъ, вошедшихъ въ нашъ языкъ изъ языковъ азіатскихъ [315]).

Будучи дѣятельнымъ участникомъ во всѣхъ академическихъ работахъ, Лепехинъ представлялъ собранію свои соображенія о пріемахъ и порядкѣ этихъ работъ, имѣя постоянно въ виду придать имъ наиболѣе единства и послѣдовательности. Въ отношеніи къ словарю онъ предлагалъ собранію: Имена уменьшительныя ставить при ихъ положительныхъ въ одной строкѣ; имена женскія—при мужскихъ; глаголы учащательные—при простыхъ глаголахъ, безъ всякаго объясненія и примѣровъ, исключая тѣ случаи, когда эти формы, т. е. уменьшительныя, учащательныя, и т. д., заключаютъ въ себѣ особливое какое-либо значеніе или переносный смыслъ, напримѣръ: *валяю*—часто повергаю, роню, и *валяю* — съ боку на бокъ, со стороны на сторону роняю;—и тогда ставить ихъ по порядку азбучному въ особливой строкѣ съ присовокупленіемъ объясненій и примѣровъ. Какъ глаголы, такъ и имена и прочія части рѣчи, измѣняющіе свой смыслъ въ соединеніи съ другими словами, напримѣръ: *возводить кого на что* — вести вверхъ, возвышать; *возводить на кого что* — слагать на кого что, клеветать на кого,—не въ разныхъ писать строкахъ, но въ одномъ составѣ, раздѣляя разныя ихъ смыслы числами, и присоединяя подъ объясненіемъ каждаго примѣры. Имена уменьшительныя ставить въ одной строкѣ съ ихъ коренными по примѣру новѣйшихъ словарей на европейскихъ языкахъ, исключая однакоже тѣ случаи, въ которыхъ уменьшительныя обозначаютъ опредѣленную мѣру или вѣсъ, какъ напримѣръ *бутыль* и *бутылка*, и т. п. [316]).

Нѣкоторыя изъ заявленій Лепехина относятся къ спорнымъ вопросамъ нашего правописанія. Онъ указывалъ на необходи-

мость привести правописаніе къ единству, основанному на разумномъ употребленіи и твердыхъ началахъ. Въ одномъ изъ представленій своихъ по этому поводу онъ говорилъ: «Двое знаменитыхъ въ россійскомъ языкѣ писателей, покойные Михайло Васильевичъ Ломоносовъ и Григорій Васильевичъ Козицкій, въ правописаніи, а особливо буквъ *з* и *с*, различнымъ слѣдовали основаніямъ. Первый держался правописанія славянскихъ и церковныхъ книгъ, и употреблялъ въ сложныхъ словахъ изъ предлоговъ *из*, *вз*, *воз*, *низ*, *раз*, *со*, когда послѣ оныхъ слѣдуетъ согласная твердая, каковы суть *к*, *п*, *с*, *т*, *ф*, *х*, *ц*, *ч*, *ш*, — букву *с*. Предъ мягкими же буквами, каковы суть *б*, *г*, *д*, *ж*, *з* и плавными *в*, *л*, *м*, *н*, *р*, употреблялъ *з*. Второй же наипаче слѣдовалъ произведенію словъ, и писалъ вмѣсто: *здѣлать* — *сдѣлать*; *здирать* — *сдирать*; *збирать* — *сбирать*; *зборъ* — *сборъ* и пр. Нѣкоторые же изъ послѣдующихъ писателей, ни того, ни другаго не держася основанія, безъ разбора употребляютъ въ помянутыхъ сложныхъ словахъ *з* и *с*. Почему не угодно ли будетъ академіи взойти въ сіе представленіе и наложить на кого изъ членовъ вывесть основательное правило единожды на всегда для употребленія упомянутыхъ буквъ»[317]).

Въ вопросахъ о происхожденіи словъ, особенно сложныхъ, Лепехинъ является сторонникомъ близкой родственной связи русскаго языка съ другими славянскими языками. Онъ «утверждалъ, что академія, обязавшись торжественно издавать словопроизводный словарь, меньшему подвергнетъ себя сужденію, заимствуя корень изъ сродныхъ славянскихъ языковъ, нежели ставя слова ясно сложныя за коренныя» и т. д.[318]).

Изданіе этимологическаго словаря, возложено было на Лепехина и его товарищей по академіи наукъ и россійской академіи — Румовскаго, Иноходцева и Озерецковскаго. Изданіе азбучнаго словаря поручено было также Лепехину; сотрудниками его въ этомъ дѣлѣ были члены россійской академіи Дмитрій Михайловичъ и Петръ Ивановичъ Соколовы[319]).

Всѣ безъ исключенія труды, поступавшіе въ россійскую ака-

демію, предварительно разсматривались Лепехинымъ; нѣкоторые изъ нихъ онъ разсматривалъ съ особенною внимательностью, принимая на себя званіе члена различныхъ коммиссій, избираемыхъ для оцѣнки вносимыхъ въ академію сочиненій. Вмѣстѣ съ сочленами своими по россійской академіи: Румовскимъ, Болтинымъ и Иннокентіемъ Полянскимъ, Лепехинъ разсматривалъ правила русскаго правописанія, составленныя членомъ россійской академіи о. Василіемъ Григорьевымъ. Вмѣстѣ съ Румовскимъ и Соколовыми Лепехинъ разбиралъ трудъ академика Штрубе — де-Пирмона - русскій этимологическій словарь, о которомъ мы говорили при изложеніи дѣятельности Румовскаго. Разсмотрѣвъ планъ риторики, составленный академикомъ Озерецковскимъ, Лепехинъ «во мнѣніи своемъ изъявляетъ желаніе видѣть въ расположеніи россійской риторики тѣ правила утвержденными, по которымъ бы можно было слѣдовать тому, что̀ непремѣнно нужно, и избѣгать того, что̀ не нужно по свойству отечественнаго нашего языка, и тѣмъ самымъ показать, что академія въ сочиненіи семъ избрала настоящую стезю, и ни мало не слѣдовала школьнымъ забобонамъ»[320].

Кромѣ отзывовъ объ отдѣльныхъ произведеніяхъ Лепехинъ постоянно составлялъ подробные обзоры какъ общей дѣятельности россійской академіи, такъ и трудовъ каждаго изъ ея членовъ. Отчеты Лепехина, обыкновенно читавшіеся имъ въ торжественныхъ собраніяхъ академіи, знакомили общество съ жизнію и занятіями этого учрежденія; извлеченія изъ отчетовъ помѣщались при каждой части этимологическаго словаря, начиная со второй. Любопытное предисловіе къ первому тому словаря принадлежитъ также Лепехину. Свѣдѣнія, сообщаемыя имъ въ видѣ отчетовъ, рѣчей или «изображенія трудовъ» и сохранившіяся въ академическомъ архивѣ, заключаютъ въ себѣ драгоцѣнныя данныя для исторіи россійской академіи и важнѣйшаго изъ научныхъ ея предпріятій въ первый періодъ ея существованія. «Россійская академія — говоритъ Лепехинъ — тщилася вопервыхъ начертать правила своего устава, утверждающія ея существованіе и

укрѣпляющія союзъ между членовъ оныя къ единодушнымъ трудамъ въ очищеніи и обогащеніи языка россійскаго. Потомъ первымъ себѣ поставила долгомъ вникнуть, такъ сказать, въ стихіи языка своего и разсмотрѣть всѣ буквы или письмена, въ азбукѣ употребляемыя. Разбирая же внимательно каждаго изъ нихъ употребленіе, произглашеніе и знаменательность, относительно къ правиламъ правописанія и смыслу реченій, нашла нѣкоторыя изъ нихъ неупотребительными, а другія ненужными; въ разсужденіи же нынѣ употребительнаго во многихъ реченіяхъ произношенія, не меньше же и для точнѣйшаго изображенія иностранныхъ словъ, чувствительный въ нѣсколькихъ буквахъ недостатокъ. Ибо, не взирая на превосходное нашего алфавита предъ всѣми европейскими въ буквахъ обиліе, подающее россіянамъ способность въ чистомъ выговорѣ словъ чужестранныхъ, большее наше сообщеніе съ сосѣдними народами и многія другія причины и обстоятельства ввели въ языкъ нашъ новые звуки, кои буквами нашими мы изобразить не можемъ, и коихъ употребленіе сдѣлалося всеобщимъ, почему и начертаніе ихъ, паче же для различенія такихъ реченій, коихъ смыслъ произношеніемъ сихъ токмо звуковъ отличается отъ смысла другихъ собуквенныхъ имъ словъ, стало необходимымъ. Для сего академія къ означенію двухъ нужнѣйшихъ изъ сихъ буквъ сочла за необходимость принять въ алфавитъ нашъ двѣ новыя буквы, изъ коихъ бы одна во всемъ соотвѣтствовала выговору греческія γ или латинскаго g, а другая выражала бы іоту. Входя же въ подлежащіе упражненіямъ своимъ предметы, имѣя уже нѣкоторыя основанія грамматическихъ правилъ, искусными въ россійскомъ словѣ мужами предначертанныхъ, рѣшилася приступить къ сочиненію словаря славеноросссійскаго, признавая оный необходимымъ для пріобрѣтенія въ предпріемлемыхъ трудахъ желаемаго успѣха. Ибо безъ полнаго собранія словъ и реченій, и не опредѣля точнаго имъ знаменованія, смысла и употребленія, не можно ни утвердительно сказать, въ чемъ состоитъ обиліе, красота, важность и сила языка славенороссійскаго, ниже пользоваться ими въ произведе-

ніяхъ разума съ безсомнѣнною точностію, могущею послужить для подражанія примѣромъ. Имѣя сотрудниками себѣ многихъ въ знаніи отечественнаго языка искусныхъ мужей, какъ здѣсь пребываніе свое имѣющихъ, такъ и по разнымъ мѣстамъ въ отдаленности отсюда живущихъ, за необходимо нужное сочла для большаго преуспѣянія въ трудахъ своихъ поставить непремѣнныя правила, и каждаго члена извѣстить объ оныхъ, дабы каждый изъ нихъ, держася сихъ, единообразно въ общемъ трудѣ соучаствовать могъ. Сими правилами предписаны были предѣлы въ собраніи и выборѣ словъ, долженствующихъ составить словарь славенороссійскій; показанъ примѣръ нужнымъ грамматическимъ надъ словами примѣчаніямъ; какимъ образомъ поступать при объясненіи знаменованія словъ; какого держаться способа, и какія въ семъ пособія и изъятія потребны. Наконецъ, по довольнымъ разсужденіямъ о чинѣ или порядкѣ реченій словаря, предлежащаго къ составленію, рѣшилася расположить оный по коренымъ словамъ, разсуждая, что такимъ образомъ удобнѣе будетъ опредѣлять словъ и реченій знаменованія, когда первообразность, происхожденіе и сложеніе оныхъ, разное ихъ уклоненіе отъ своего корени, прехожденіе въ другой смыслъ, употребленіе въ различныхъ случахъ и слогахъ, въ одномъ мѣстѣ означатся и истолкуются. Трудность же въ пріисканіи рѣчей росписью всѣхъ словъ, азбучнымъ порядкомъ расположенною, отвратить положила. Утвердивъ такимъ образомъ академія нужныя къ составленію словаря правила, пеклася о сыскапіи потребныхъ къ тому пособій, и за первый поставила себѣ предметъ собрать всѣ извѣстныя слова по буквенному чину, употребя къ сему основаніемъ не токмо тисненію доселѣ преданныя, но и многія рукописныя оныхъ собранія. Трудъ сей раздѣленъ былъ между членами академіи, и симъ способомъ въ краткое время почти на всѣ буквы собрано было толикое обиліе словъ, каковаго доселѣ никогда въ одномъ составѣ не было. Ибо къ дополненію сихъ многіе изъ господъ членовъ приняли на себя трудъ выбирать слова изъ всѣхъ книгъ церковныхъ и лучшихъ изъ числа свѣтскихъ

сочиненій, лѣтописей разныхъ, законодательствъ, какъ древнихъ, такъ и нынѣ царствующею надъ нами Екатериною II къ непоколебимому основанію нашего и будущихъ родовъ блаженства преданныхъ. Къ вящшей же удобности полнѣйшаго собранія словъ академія опредѣлила всѣ, пріисканныя и въ составъ подъ едину букву совокупленныя, слова напечатать азбучнымъ порядкомъ, по числу членовъ, академію составляющихъ, принявъ на первый случай для единообразія правописаніе книгъ церковныхъ, и всѣмъ разослать по два таковыхъ образца для внесенія словъ, въ нихъ недостающихъ. Симъ средствомъ каждому члену доставлена способность дѣлать свои примѣчанія и дополненія. Они, внося въ свои листы пропущенныя слова, въ отдаленности же отъ столицы пребываніе свое имѣющіе прибавляя и употребительныя въ тѣхъ мѣстахъ *нарѣчія*, по крайней мѣрѣ третіею частію сдѣлали приращеніе. Таковое словъ собраніе, когда и на прочія буквы высокопочтеннымъ господамъ членамъ угодно будетъ сообщить академіи свои дополненія и примѣчанія, можно почесть сокровищемъ отечественнаго языка нашего, ибо первоначальныя пять буквъ наполняютъ уже 520 четвертныхъ страницъ, въ два столбца напечатанныхъ, словами въ одинакомъ токмо смыслѣ взятыми, кромѣ прибавленныхъ господами членами, кои, какъ сказано, третію часть присовокупленія составляютъ. Изъ сего источника нынѣ академія почерпаетъ все нужное къ совершенію предпріятаго сю труда; изъ него изводится удобность къ утвержденію правилъ ударенія словъ, которое основано было токмо на печати книгъ церковныхъ; отсюду открылися случаи академіи входить въ разныя подробности россійскаго правописанія. Самое же сіе собраніе словъ, а наипаче объясненія и примѣры на оныя, споспѣшествовать будутъ къ утвержденію прочихъ грамматическихъ правилъ, — что̀ все привести въ совершенство разные академіи члены предпріяли. Въ отдаленности отъ столицъ употребляемыя слова, и названія орудій, художникамъ, ремесленникамъ и промышленникамъ извѣстныя, послужатъ къ замѣнѣ введенныхъ многихъ словъ иностранныхъ. Упражняющіеся въ наукахъ, при-

писывая въ листахъ своихъ слова, имъ знаемыя, и составляя новыя по правиламъ производства словъ, обогащаютъ языкъ нашъ. Имена россійскія животныхъ, прозябеній и ископаемыхъ, съ краткимъ описаніемъ въ словарѣ помѣщаемыя, обѣщаваютъ чрезъ оный большее и общее понятіе о произведеніяхъ отечества нашего. Замѣчаемыя древнія слова, хотя на первый случай неудобь-вразумительными кажущіяся, откроютъ со временемъ обширное поле къ размышленіямъ или объ историческихъ истинахъ или о древности языка праотцевъ нашихъ.... Академія, входя во всѣ подробности, узрѣла необходимость дополнять то, чего въ начертаніи правилъ о сочиненіи словаря, въ началѣ академіи утвержденномъ, предвидѣть невозможно было. Напримѣръ: академія опредѣлила сперва назвать словарь свой толковымъ словаремъ языка славенороссійскаго; но слѣдствіе разсужденія ея доказало, что сіе названіе не соотвѣтствуетъ содержанію онаго, ибо многія обстоятельства ввели въ языкъ нашъ слова чужеземныя, ни славенскому, ни россійскому языку не свойственныя, изъ коихъ многія такого рода академія отмѣнить или замѣнить другими права имѣть не можетъ. И такъ, для предваренія несоотвѣтственности сей названію словаря, за лучшее судили назвать его просто словаремъ россійскія академіи. Впрочемъ многія другія постановлены правила, относящіяся къ большему совершенству предпріятаго ею творенія, касательно правописанія, знаменательности, употребленія пословицъ, и проч. Видя преуспѣяніе въ трудахъ своихъ академія, и стараяся благовременнѣе удовлетворить ожиданію общества, рѣшилася въ одно время и продолжать сочиненіе свое и пещися объ изданіи онаго. Ибо другія словесныя академіи, имѣя впрочемъ большія пособія, не соблюдя сего, весьма долгое время на сочиненіе словарей своихъ употребляли. Такъ напримѣръ славная флорентинская академія, *де-ла-круска* называемая, въ сочиненіи словаря препроводила сорокъ лѣтъ. Но большее еще употребила время въ пріумноженіи и приведеніи онаго въ совершенство академія французская: исключая частныя предшедшія ея собранія, въ 1635 году учрежденная, не прежде

могла сдѣлать первое, и то весьма недостаточное, изданіе словаря своего, какъ въ 1694 году, и слѣдовательно чрезъ 59 лѣтъ отъ своего учрежденія», и т. д. [321]).

Въ собраніи россійской академіи 27 октября 1800 года, происходившемъ въ новопожалованномъ ей домѣ, Лепехинъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Высокопочтенные господа академіи члены,

милостивые государи!

«Императорская россійская академія, чрезъ 17 лѣтъ своего существованія упражняяся безпрерывно въ предлежащихъ ей трудахъ, будучи оживотворяема щедротами и покровительствомъ своихъ самодержцевъ, подкрѣпляема совѣтами и ободреніемъ бывшихъ ея начальниковъ, и вспомоществуема усердными трудами своихъ гг. сочленовъ, сочинила и издала словарь подъ названіемъ словаря россійскія академіи по чину словопроизводному, въ шести частяхъ состоящій, каковымъ прежнія сословія, на такой же конецъ заводимыя, похвалиться не могутъ. Время показало, что польза труда сего просвѣщенной публикѣ становится извѣстнѣе, ибо уже нынѣ ревностно онаго ищутъ, когда напечатанные экземпляры онаго почти всѣ раскуплены. Если мы возьмемъ въ разсужденіе время, на трудъ сей употребленное, то и оное послужитъ къ чести академіи и трудившихся, поелику совершенъ въ десять лѣтъ, когда другія подобныя сословія, съ бо́льшими пособіями, на таковый же трудъ употребили почти вчетверо времени, и представили оный соотчичамъ своимъ, можетъ быть, въ меньшемъ совершенствѣ и болѣе недостаточномъ обиліи словъ, реченій и проч.

«По совершеніи труда сего академія, не упуская времени, приступила къ другому. Она знала, что доселѣ изданныя правила языка отечественнаго во многомъ были недостаточны; разсматривая же въ собраніяхъ своихъ сей новый трудъ, утвердила она

многія правила, доселѣ упущенныя, и тѣмъ положила предѣлы нѣкоторымъ злоупотребленіямъ, введеннымъ въ языкъ нашъ или невѣдущими истиннаго его свойства, или почерпаемымъ изъ состава языковъ иностранныхъ. Предпріятіе сіе давно было приведено академіею къ своему окончанію, но она за нужное судила вторичнымъ въ собраніяхъ своихъ разбирательствомъ наипаче утвердить и на незыблемомъ устроить основаніи правила языка своего.

«Болѣе всего затрудняло академію правило, принятое отъ временъ Максима грека, а потомъ во всѣхъ изданныхъ, какъ славенскихъ, такъ и россійскихъ, грамматикахъ безъ дальняго изслѣдованія повторяемое, по которому всѣ сочинители правилъ языка славенороссійскаго довольны были двойственнымъ числомъ спряженій, и раздѣляли оныя по окончанію втораго лица единственнаго числа настоящаго времени на *ешь* и на *ишь*. Но какъ многіе глаголы находятся въ языкѣ нашемъ недостаточные, настоящаго времени неимѣющіе, то и не всегда удобно было опредѣлить, къ которому изъ сихъ двухъ спряженій оные принадлежать должны. Сверхъ сего самые глаголы, по принятому прежде правилу къ одному спряженію причисляемые, въ прочихъ временахъ между собою несогласны, какъ-то: *иду*, *дешь* — *шелъ*; *брѣю*, *ешь* — *брилъ*; *бываю*, *ешь* — *былъ*, и *верчу*, *тишь* — *вертѣлъ*; *хвалю*, *лишь* — *хвалилъ*; *держу*, *держишь* — *держалъ*, и проч. Посему академія, видя недостатокъ сей въ правилахъ языка, тщилася оный дополнить, и нашла путь къ удобнѣйшему раздѣленію спряженій по наклоненіямъ неокончательнымъ, извлекши изъ того правила для четырехъ спряженій глаголовъ правильныхъ.

«Изъ сего-то труда любители россійскаго слова усмотрятъ происходящую отъ нашего сословія пользу, къ правильному отечественнаго языка употребленію ведущую.

«Найдутся, можетъ быть, люди, которые, научася чрезъ употребленіе природному языку своему, трудъ нашъ почитать будутъ безплоднымъ, приводя самихъ себя въ примѣръ, что они

безъ грамматическихъ правилъ мысли свои другимъ сообщать могутъ. Но таковое возраженіе оставимъ до времени безъ отвѣта, а паче воззримъ на высокомонаршія щедроты, даровавшія намъ новое пристанище къ безпрепятственному продолженію трудовъ нашихъ, и въ знакъ всеподданнической и напчувствительнѣйшей нашей благодарности да усугубимъ раченіе наше, да приложимъ труды къ трудамъ, и тѣмъ да явимъ себя не недостойными воззрѣнія и покровительства его императорскаго величества, нашего всемилостивѣйшаго государя» [322]).

Въ приложенномъ ко второму тому словаря начертанію трудовъ россійской академіи со времени ея учрежденія до изданія второй части, вышедшей въ 1790 году, сказано о Лепехинѣ: «Сообщилъ академіи слова на буквы Р, У, Ѣ и О; описывалъ произведенія природы, кои въ языкѣ нашемъ имѣютъ свои названія, съ краткимъ показаніемъ употребленія оныхъ произведеній, также орудія и снасти, въ рыбныхъ и звѣриныхъ промыслахъ употребляемыя; участвовалъ во всѣхъ отдѣлахъ, собраніемъ академіи назначаемыхъ, и сообщалъ свои примѣчанія на листы, разсматриваемые въ собраніяхъ академіи».

Въ перечнѣ именъ академиковъ, участвовавшихъ въ составленіи третьей части словаря, изданной въ 1792 году: «Иванъ Ивановичъ Лепехинъ, участвуя во всѣхъ академіи собраніяхъ, особенно опредѣлялъ слова, означающія естественныя произведенія; также орудія и снасти, въ рыбныхъ и звѣриныхъ промыслахъ употребляемыя».

Въ перечнѣ четвертой части, вышедшей въ 1793 году: «Продолжалъ особенно опредѣлять слова, означающія естественныя произведенія, также и орудія, въ промыслахъ употребляемыя».

Въ пятой части, изданной въ 1794 году: «Соучаствуя во всѣхъ собраніяхъ, и сообщая свои примѣчанія, особенно продолжалъ опредѣлять слова, означающія естественныя произведенія; также орудія, въ промыслахъ употребляемыя».

Въ шестой и послѣдней части словаря, вышедшей въ томъ же 1794 году: «Кромѣ всегдашняго соучаствованія въ собраніяхъ

академіи и сообщенія своихъ замѣчаній, продолжалъ особенно опредѣлять слова, естественныя произведенія означающія, описывая и орудія, въ промыслахъ употребляемыя».

Вполнѣ знакомый съ ходомъ дѣлъ россійской академіи и со всѣми ихъ подробностями, Лепехинъ былъ необходимымъ членомъ въ академическихъ засѣданіяхъ. Онъ присутствовалъ почти во всѣхъ безъ исключенія собраніяхъ, происходившихъ во все то время, когда онъ былъ членомъ россійской академіи, т. е. съ самаго учрежденія академіи, съ 1783 года по 1802—годъ его смерти. Числа засѣданій, въ которыхъ онъ принималъ непосредственное участіе, нельзя опредѣлить съ математическою точностью потому, что при составленіи протоколовъ онъ весьма часто не упоминалъ о себѣ въ перечнѣ наличныхъ членовъ, вѣроятно на томъ основаніи, что присутствіе непремѣннаго секретаря подразумѣвается само собою. Во многихъ изъ тѣхъ протоколовъ, гдѣ не названо его имени, весьма обстоятельно говорится о заявленіяхъ, сдѣланныхъ лично Лепехинымъ. Такимъ образомъ въ протоколѣ одного изъ выдающихся собраній россійской академіи поименованы только слѣдующія лица: княгиня Дашкова, Болтинъ, Мусинъ-Пушкинъ, Румовскій, Протасовъ, Озерецковскій, Соколовъ, Иноходцевъ, Богдановичь, Красовскій, и въ началѣ того же самаго протокола сказано: «Секретарь представилъ и читалъ краткое изображеніе трудовъ, членами императорской россійской академіи употребленныхъ отъ начала ея основанія до изданія второй части, въ слѣдующихъ словахъ состоящее: всѣмъ извѣстна и неоспорима сія истина» и т. д. Въ другомъ протоколѣ, гдѣ названы всѣ присутствовавшіе члены за исключеніемъ Лепехина, приводится мнѣніе члена россійской академіи Янковича, читанное въ томъ же засѣданіи непремѣннымъ секретаремъ академіи Лепехинымъ. Тоже самое находимъ и въ запискахъ засѣданія, въ которомъ Лепехинъ читалъ мнѣніе Болтина, и т. д. Въ приведенныхъ нами извѣстіяхъ о дѣятельности россійской академіи, обнародованныхъ въ 1792 и въ 1794 годахъ, говорится, что Лепехинъ участвовалъ во *всѣхъ* собраніяхъ россійской

академіи. Въ отношеніи послѣдующаго времени, изъ точнаго указанія и перечней академическихъ протоколовъ положительно извѣстно, что въ 1797 и въ 1799 годахъ Лепехинъ посѣщалъ всѣ засѣданія россійской академіи безъ исключенія, въ 1798 году не былъ только въ одномъ изъ засѣданій, и т. п.

За труды свои по академіи Лепехинъ, первый изъ членовъ россійской академіи, получилъ золотую медаль, присуждаемую, на основаніи академическаго устава, тому изъ членовъ, который наиболѣе «отличился трудомъ и пользою». Присужденіе награды Лепехину послѣдовало такимъ образомъ. Въ торжественномъ собраніи 25 ноября 1784 года, когда россійская академія праздновала первую годовщину своего существованія, Дашкова обратилась къ членамъ съ приглашеніемъ избрать лицо, имѣющее право на награду золотою медалью. Въ отвѣтъ на это первенствующій членъ митрополитъ Гавріилъ высказалъ мнѣніе, что первая награда должна по всей справедливости принадлежать предсѣдателю академіи, который былъ первымъ виновникомъ и единственнымъ ходатаемъ объ учрежденіи россійской академіи, и который ревностно заботится обо всемъ, касающемся ея пользы, и въ трудахъ членовъ академіи принимаетъ болѣе нежели равное участіе. Мнѣніе митрополита Гавріила поддерживалъ и Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Дашкова возразила, что ей весьма легко было у просвѣщенной государыни, преисполненной любовью къ отечеству и его языку, испросить открытіе академіи, отъ которой ожидается возращеніе и обогащеніе отечественнаго языка, и что ея ходатайство вполнѣ награждено самымъ его осуществленіемъ, и никакая другая награда не можетъ сравниться съ тѣмъ чувствомъ чистѣйшаго удовольствія, которое возобновляется въ ея душѣ при каждомъ собраніи академіи. «Поелику во всѣхъ трудахъ академіи, — прибавила она — чрезъ теченіе года подъятыхъ, главнѣйшее участіе имѣлъ непремѣнный секретарь оныя, не столько по долгу званія, сколько по усердію и ревности своей къ пользѣ и спѣянію россійскаго слова, то не угодно ли будетъ господамъ членамъ въ признаніе сихъ его трудовъ и усердія от-

личить его почестію медали». Когда всѣ единодушно согласились на это, Дашкова, обращаясь къ первенствующему члену академіи, сказала: «чтобъ не уменьшить почести сего награжденія, давъ ему видъ, что г. секретарю даю то, отъ чего сама отрекалася, прошу вашего высокопреосвященства, чтобъ онъ получилъ медаль отъ рукъ вашихъ», — что̀ и было исполнено [323]).

Сочувствіе къ дѣятельности Лепехина и къ его достоинствамъ, и какъ ученаго и какъ человѣка, выразилось и въ отзывахъ о немъ русской и иностранной печати, и въ заявленіяхъ его сочленовъ, какъ напримѣръ въ томъ единодушіи, съ которымъ принято было ими предложеніе поставить портретъ Лепехина въ залѣ академическихъ собраній. Это предложеніе сдѣлано академикомъ Севастьяновымъ, произнесшимъ въ собраніи россійской академіи 27 октября 1800 года слѣдующую рѣчь:

«Всѣ академіи и прочія ученыя сословія подаютъ намъ весьма изящные примѣры того почтенія, которое онѣ оказываютъ знаменитымъ своимъ сочленамъ, прославившимся ученостью, полезными трудами, а наипаче украшающими болѣе всего человѣчество добродѣтелями, предавая потомству ихъ изображенія, и украшая оными то мѣсто, гдѣ составляющіе сіи почтенныя общества мужи для полезныхъ трудовъ своихъ собираются. Сіе обыкновеніе сколь изящно, столь и полезно, ибо посредствомъ онаго всякое ученое общество, воздавая должную достоинствамъ дань одному изъ своихъ членовъ, возбуждаетъ и въ другихъ благородное честолюбіе, побуждая ихъ въ полезныхъ трудахъ упражняться, видя, что оные не остаются безъ награжденія, а отъ сихъ взаимныхъ усилій и усерднаго къ общей пользѣ стремленія самое сословіе процвѣтаетъ и возвышается. Чей духъ не воспламенится любовью къ наукамъ, взирая на лица ученыхъ мужей, взирая на лицо Ломоносова, животворною кистью на холстѣ потомству преданное? Чье сердце не оживится любовью къ добродѣтели, когда познаетъ, что тотъ, коего черты предъ собою видитъ, и коего познаніямъ въ наукахъ удивляется, не только оными приносилъ обществу пользу, но и гражданскими и домаш-

ними добродѣтелями украшался? Я увѣренъ, почтеннѣйшіе и знаменитые мои сочлены, что вы догадываетесь, къ чему слово мое стремится. Вы, вѣрно, согласитесь со мною, когда я вамъ скажу, что въ семъ собраніи есть мужъ, котораго заслуги, ученость и добродѣтели, сѣдинами украшенныя, достойны сего воздаянія. Я не имѣю почти нужды произнести его имени, ибо взоры ваши на него обращаются, и желаніе сердецъ вашихъ слова мои предупреждаетъ. Онъ тотъ знаменитый путешественникъ, который, обозрѣвъ большую часть Россіи, столь изящнымъ слогомъ описалъ дары природы, столь щедро на государство сіе Создателемъ изліянные, и всѣ онаго богатства, показавъ, что̀ въ немъ и на какую пользу служить можетъ. Подъ его руководствомъ образовались юноши, которые наукамъ и благонравію отъ него самого научась, учинились полезными общества членами и усердными подданными государя. Я разумѣю здѣсь надзираніе надъ гимназіею императорской академіи наукъ втеченіе пятнадцати лѣтъ безъ всякаго возмездія, изъ единаго къ академіи усердія и благодарности. О заслугахъ его оказанныхъ сему знаменитому сословію упоминать нужды не имѣю, ибо вы, милостивые государи, долговременнѣйшіе, нежели я, трудовъ сего почтеннаго мужа свидѣтели. Хотя, по принятому обычаю, котораго причины я не могу постигнуть, должную достоинствамъ награду воздаютъ только по смерти, но можетъ ли оная быть пріятна хладному, безчувственному праху? То, что я здѣсь сказалъ, не можетъ почтено быть похвалою, ибо я слишкомъ мало имѣю дарованій, чтобы произнести хвалу столь почтенному мужу, а и того менѣе лестью, къ которой я не способенъ. Слова сіи суть изліяніе чистѣйшей благодарности, и я не осмѣлился бы ихъ произнести, ежели бы внутренно не былъ увѣренъ, что вы, почтеннѣйшіе сочлены и милостивые государи, умѣя цѣнить и любя награждать достоинства и заслуги, одно и то же со мною мыслить и чувствовать будете. И такъ.... отдадимъ должную честь нашему почтенному непремѣнному секретарю, Ивану Ивановичу Лепехину, положивъ украсить сіе зало собранія его изображеніемъ» [324]).

Въ первоначальной редакціи рѣчи Севастьянова сказано было о Лепехинѣ: «уже не многое число лѣтъ съ нимъ бесѣдовать будемъ». Въ словахъ этихъ заключалась печальная истина. Лепехинъ не прожилъ и полутора года послѣ собранія, постановившаго увѣковѣчить въ россійской академіи память ея перваго непремѣннаго секретаря. Лепехинъ скончался 6 апрѣля 1802 года, на шестьдесятъ второмъ году своей жизни (61 годъ, 6 мѣсяцевъ и 27 дней). За много лѣтъ до предсмертной болѣзни онъ жаловался на ослабленіе зрѣнія, а въ послѣдніе года испытывалъ тяжкія страданія отъ водяной, развивавшейся въ груди съ неодолимою и разрушительною силою. 29 марта 1802 года Лепехинъ былъ еще въ засѣданіи россійской академіи, а чрезвычайное собраніе 7 апрѣля 1802 года открыто «печальнымъ возвѣщеніемъ о кончинѣ достойнаго члена и непремѣннаго россійской академіи секретаря Ивана Ивановича Лепехина, воспослѣдовавшей въ 6-й день сего апрѣля, мужа, отличными своими познаніями и твореніями великую пользу отечеству принесшаго, въ ученомъ свѣтѣ неувядаемую славу снискавшаго, а добродѣтелями своими любовь и почтеніе отъ всѣхъ пріобрѣвшаго, который кромѣ обязанностей, со званіемъ непремѣннаго секретаря сопряженныхъ, ревностно участвовалъ во всѣхъ упражненіяхъ академіи, и тѣмъ вспомоществовалъ къ усовершенію общихъ ея трудовъ. Чувствуя всю цѣну и важность сея потери, всѣ присутствовавшіе сочлены почтили память его изъявленіемъ сердечнаго своего прискорбія и сожалѣнія». Прекрасная душа Лепехина невольно привязывала къ нему всѣхъ и каждаго, кто имѣлъ возможность узнать его, и находился съ нимъ въ сношеніяхъ. Его чистая, безупречная жизнь; его благородная дѣятельность, вся посвященная наукѣ и Россіи, и проникнутая любовью къ ближнему, привлекала общее сочувствіе къ безкорыстному труженику, котораго всѣ уважали какъ ученаго, и любили какъ человѣка.

Первою заботою друзей и почитателей Лепехина и первою данью уваженія къ памяти почившаго было обезпеченье его семейства, оставленнаго безъ всякихъ средствъ къ существованію.

Временное пособіе вдовѣ Лепехина выдано академіею наукъ, а пожизненная пенсія назначена по ходатайству россійской академіи. Вслѣдствіе словеснаго предложенія президента академіи наукъ барона Николаи постановлено было выдать «въ два случая» изъ экономическихъ суммъ академіи годовое жалованье Лепехина, тысячу двѣсти рублей, вдовѣ его «въ знакъ признательности академіи къ покойному за отличные его, съ пользою и честію ея сопряженные, труды и за особенную ревность, съ коею онъ разныя проходилъ по академіи должности, и многіе годы безъ всякаго возмездія управляя академическою гимназіею, употреблялъ всевозможное стараніе къ лучшему преуспѣянію и образованію воспитывающагося юношества» [325]). Въ чрезвычайномъ собраніи, созванномъ по случаю смерти Лепехина, президентъ россійской академіи Нартовъ изъявилъ готовность ходатайствовать о пенсіи вдовѣ покойнаго, Варварѣ Степановнѣ Лепехиной, оставшейся «въ бѣдности и безъ всякихъ пособій къ отвращенію оныя». Ходатайство это, при посредствѣ Д. П. Трощинскаго, увѣнчалось скорымъ успѣхомъ. 11 апрѣля 1802 года послѣдовалъ указъ кабинету: «Вдовѣ умершаго академика, статскаго совѣтника Ивана Лепехина, за сорока-двухлѣтнюю усердную его службу повелѣваю производить половину жалованья, которое онъ изъ разныхъ мѣстъ получалъ, по тысячи по сту рублей на годъ, въ пенсіонъ по смерть ея» [326]).

Портретъ Лепехина былъ однимъ изъ первыхъ портретовъ, которыми россійская академія пожелала украсить залу своихъ засѣданій, какъ изображеніями лицъ, прославившихся трудами своими въ пользу отечественнаго языка и «знаменитыхъ особеннымъ знаніемъ и сочиненіями въ россійской словесности». Въ 1808 году представленъ былъ въ россійскую академію портретъ Лепехина, сдѣланный по заказу академіи, живописцемъ П. Алькининымъ [327]).

Академикъ Озерецковскій посвятилъ памяти Лепехина — humanissimo Lepechinii genio sacrum — четвертый томъ путешествія, совершеннаго Лепехинымъ съ цѣлью изученія Россіи.

Академикъ Севастьяновъ принялъ на себя написать похвальное слово Лепехину [323]).

Лепехинъ похороненъ 8 апрѣля 1802 года на «кладбищѣ Волковскомъ» [329]). Знаменитый ревнитель просвѣщенія Михаилъ Никитичъ Муравьевъ предложилъ академіи художествъ премію за лучшій проэктъ надгробнаго памятника Лепехину. Премію эту получилъ пенсіонеръ академіи художествъ, по классу архитектуры, Дмитрій Калашниковъ [330]). Но въ архивѣ академіи художествъ сохранились матеріалы, въ которыхъ проэктъ памятника приписывается другому лицу, именно товарищу Калашникова по академіи, Аврааму Мельникову, бывшему впослѣдствіи ректоромъ академіи художествъ и образовавшему весьма много архитекторовъ. Нѣкоторыя работы исполнены Мельниковымъ вмѣстѣ съ Калашниковымъ; быть можетъ, они вмѣстѣ трудились и надъ памятникомъ Лепехину. Въ «описаніи прожектовъ и прочихъ рисунковъ пенсіонера Мельникова», находящемся въ архивѣ академіи художествъ, названъ и «павиліонъ и монументъ г. Лепехину». Въ спискѣ же работъ Калашникова не упоминается объ этомъ монументѣ [331]). Озерецковскій почтилъ память своего наставника, спутника и сочлена слѣдующею надгробною надписью: [332])

Здѣсь славный въ свѣтѣ мужъ Лепехинъ почиваетъ,
Котораго труды отечество все знаетъ.
Онъ, свѣтомъ озарясь естественныхъ наукъ,
Изслѣдовалъ вездѣ творенья Божьихъ рукъ;
Отъ сѣвера прошелъ претрудными путями
До моря, что Кавказъ своими жметъ хребтами;
Безводную едва прешелъ уральску степь,
Рифейскихъ дикихъ горъ противу стала цѣпь;
Восходитъ на верхи съ солончатыхъ долинъ,
Сибирскихъ чрезъ Уралъ касается равнинъ;
Потомъ изъ дали въ даль еще онъ поспѣшаетъ,
На Бѣломъ морѣ самъ шнякою управляетъ.
Трудился на землѣ, трудится на водахъ.
Тамъ звѣри плаваютъ въ безчисленныхъ стадахъ;
Щадятъ киты, моря, прекротку добродѣтель;

Остался я тому живой теперь свидѣтель:
Богъ моря и земли Лепехина спасалъ.
Какихъ же почестей онъ въ свѣтѣ не снискалъ!
Въ ученыхъ обществахъ мѣста ему давали,
По имени его растенья называли;
По смерти ужъ ему другъ книгу посвятилъ,
А Муравьевъ надъ нимъ самъ камень положилъ.
Потомство камень сей слезами орошаетъ,
Блаженства вѣчнаго Лепехину желаетъ.

Н. Я. ОЗЕРЕЦКОВСКІЙ.

Путешествіе по Россіи и пребываніе заграницею. — Академія наукъ. — Учено-литературная дѣятельность. — Эпоха Александра I. — Россійская академія.

I.

Николай Яковлевичъ Озерецковскій (1750—1827) получилъ свое прозвище отъ имени села Озерецкаго: отецъ нашего академика былъ священникомъ въ селѣ Озерецкомъ дмитровскаго уѣзда московской губерніи [333]). Озерецковскій родился въ 1750 году, а въ началѣ 1758 года отданъ въ семинарію троицко-сергіевой лавры, гдѣ и оставался до конца 1769 года. Архимандритомъ лавры и главою семинаріи былъ въ то время знаменитый Платонъ Левшинъ, впослѣдствіи митрополитъ московскій. Благодаря образу мыслей и дѣйствій этого замѣчательнаго человѣка троицкое училище заняло видное мѣсто въ ряду тогдашнихъ учебныхъ заведеній, и обратило на себя вниманіе людей, слѣдившихъ за ходомъ образованія въ Россіи. Въ характерѣ преподаванія, въ составѣ и содержаніи учебныхъ курсовъ, читанныхъ въ троицкой семинаріи во времена Платона, хотя и преобладаютъ черты, общія духовнымъ училищамъ восьмнадцатаго столѣтія, но вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣчаются и выдающіяся особенности какъ въ науч-

номъ, такъ и воспитательномъ отношеніи. Не говоря о богословіи, котораго не слушалъ Озерецковскій, будучи взятъ въ академію наукъ до поступленія въ богословскій классъ, особеннымъ почетомъ между всѣми другими предметами пользовалась риторика. Руководствомъ при ея преподаваніи служила риторика, изданная въ Бреславлѣ — elementa oratoria, Wratislaviae edita. Для ознакомленія слушателей съ образцами краснорѣчія преподаватель избралъ рѣчи Цицерона противъ Катилины и исторію Курція; но Платонъ замѣтилъ, что слѣдовало начать съ писемъ Цицерона, и потомъ уже перейти къ разбору его рѣчей, предоставивъ чтеніе Курція домашнему занятію учениковъ. Вопреки схоластическому обычаю, Платонъ утверждалъ, что упражненія воспитанниковъ должны быть составляемы не исключительно на латинскомъ языкѣ, а попеременно — на латинскомъ и русскомъ, ибо «нелѣпо пріучать къ языку латинскому, а родную рѣчь бросать». Не отвергая бреславскаго руководства, Платонъ указывалъ какъ на одно изъ лучшихъ пособій на риторику Ломоносова. Риторическія занятія не ограничивались классомъ собственно риторики, а соединялись съ изложеніемъ и другихъ предметовъ. Платонъ настаивалъ, чтобы студенты философіи занимались не одними только умозрѣніями, но и сочиненіемъ писемъ, хрій и рѣчей, и не только на латинскомъ, но непремѣнно и на русскомъ языкѣ. Философія читалась по Баумейстеру, и въ кругъ ея входила и физика, излагавшаяся по Эрнести.

Стараясь освободить школьную науку отъ безусловнаго господства латинскаго языка и предоставить должныя права языку отечественному, Платонъ вводилъ въ преподаваніе новое и жизненное начало. До какой степени простиралось господство латинскаго языка, и какъ подчинялись ему даже люди, сознававшіе необходимость преобразованія, видно изъ слѣдующихъ словъ почтеннаго историка троицкой лаврской семинаріи: «Изученію латинскаго языка, начинавшемуся съ малыхъ классовъ, посвящалась большая часть времени занятій наставниковъ съ учениками. Въ среднихъ классахъ ученики уже говорили полатыни, и поощряемые

calculus'омъ переходили въ философскій классъ съ отличнымъ знаніемъ, легко читали классиковъ, свободно писали латинскіе стихи, которые, какъ показываютъ уцѣлѣвшія ихъ произведенія, были несравненно лучше ихъ русскихъ стихотворныхъ произведеній. Лекціи во всѣхъ классахъ читались на латинскомъ языкѣ. Начальство семинаріи и наставники до того свыкались съ латынью, что когда представлялась нужда написать порусски, то въ русскую рѣчь какъ бы невольно вторгались латинскія фразы. Въ самыхъ резолюціяхъ Платона часто встрѣчаемъ такую смѣсь русскихъ словъ съ латинскими; списки учениковъ, отзывы о преподаваніи писались наставниками полатыни. Ученики до того привыкали къ латинскому языку, что когда случалось имъ записывать высказанныя порусски ученыя объясненія наставника, они вмѣшивали въ русскую рѣчь слова латинскія. Такъ студентъ, слушавшій лекціи ректора Аполлоса, записывалъ его объясненія въ такомъ видѣ: Animus levis, qui большія дѣла за малыя почитаетъ. Въ чемъ еще образъ Божій? Въ томъ, что вся тварь повиновалась: иногда левъ лизалъ ноги человѣку, ut Gerasimo въ чет. мин. Для чего нынѣ не всѣмъ управляетъ человѣкъ? Для того, что отъ defectu разума способа не находитъ, а тогда in statu integritatis зналъ», и т. д. [334]).

Дѣйствія Платона относительно образа жизни и воспитанія семинаристовъ стремились къ водворенію въ училищной средѣ началъ строгой нравственности; вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлись въ виду и условія общежитія. Отъ семинаристовъ требовалось «имѣть между собою обхожденіе вѣжливое и дружелюбное и не чинить никакихъ ссоръ; каждому называть другъ друга именемъ его и отечествомъ и прозваніемъ съ приложеніемъ слова: господинъ». Для истребленія дикости въ воспитанникахъ предлагалось наставникамъ вести въ присутствіи учениковъ разговоры какъ серьезные, такъ и забавные, отъ чего можно «научиться лучшему между людьми обхожденію и пристойной смѣлости». Съ цѣлью удалить всякую мысль о неравенствѣ между учащимися запрещалось употребленіе вещей, доступныхъ только для нѣкоторыхъ,

потому что большинство состояло изъ бѣдняковъ. Предписывалось «наблюдать, чтобъ въ семинарскіе покои или близко оныхъ ничего съѣстнаго, что къ лакомству служить можетъ, для продажи никогда приносимо не было, дабы между семинаристами равенство потеряно не было» [335]).

Добрая слава троицкаго училища достигла Петербурга, и когда встрѣтилась надобность въ выборѣ воспитанниковъ, всего болѣе пришлось на долю троицкой семинаріи. Въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія при снаряженіи ученыхъ путешествій по Россіи положено было отправить съ академиками нѣсколько молодыхъ людей, достаточно приготовленныхъ для того, чтобы подъ руководствомъ академиковъ изучать естественныя науки и знакомиться съ произведеніями русской природы. 14 ноября 1767 года директоръ академіи наукъ графъ В. Г. Орловъ писалъ св. синоду: «Академіи настоитъ теперь нужда въ молодыхъ людяхъ отъ пятнадцати до двадцати лѣтъ, а не болѣе, поведенія добраго и незазорнаго, и разумѣющихъ латинскій языкъ, то прошу святѣйшаго правительствующаго синода, не угодно ли будетъ приказать дать академіи таковыхъ качествъ пять человѣкъ изъ иконоспасской академіи, десять изъ троицкой сергіевой лавры, семь изъ тверской да пять изъ псковской семинаріевъ». Св. синодъ изъявилъ свое согласіе на просьбу графа Орлова, и постановилъ произвести выборъ изъ семинаристовъ, удовлетворяющихъ предложеннымъ условіямъ и притомъ «самохотно желающихъ» избранія [336]). Назначеніе изъ троицкой семинаріи сравнительно большаго числа воспитанниковъ начальникъ ея архимандритъ Платонъ Левшинъ, основываясь на словахъ самого Орлова, объяснялъ тѣмъ, что о ней имѣли лучшее понятіе, нежели о другихъ, и потому съ своей стороны оказывалъ полное содѣйствіе, и писалъ ректору и префекту семинаріи: «дабы ученики имѣли самохотное желаніе, въ томъ ихъ стараться увѣрять, что они берутся въ знатное мѣсто и для такихъ же и другихъ полезныхъ наукъ, и чрезъ то могутъ имѣть лучшее благополучіе». Въ распоряженіяхъ Платона есть черта, заслуживающая особеннаго

вниманія: онъ распространилъ выборъ и на людей несвободныхъ и именно потому, чтобы доставить имъ свободу — «надлежитъ отобрать лучшихъ, не исключая изъ того числа и такихъ, кои будутъ хотя и въ подушный окладъ положенные, ибо оные чрезъ то могутъ имѣть надежду получить свободу» [337]).

7 января 1768 года законоучитель наслѣдника престола и архимандритъ троицкосергіевой лавры Платонъ донесъ св. синоду, что выбранные изъ троицкой семинаріи десять учениковъ представлены 17 декабря 1767 года графу Орлову, и по принятіи графомъ куда надлежитъ отправлены [338]). Воспитанники выбраны изъ классовъ: богословія, философіи, риторики и синтаксіи; въ числѣ студентовъ философіи находился и «Николай Озерецковскій, села Озерецкаго священниковъ сынъ».

Присланные изъ Москвы семинаристы помѣщены въ зданіи, занимаемомъ гимназіею академіи наукъ; въ офиціальныхъ бумагахъ они и называются большею частью гимназистами. Въ журналѣ коммиссіи академіи наукъ 10 января 1768 года находится такое постановленіе: «Присланнымъ изъ Москвы отъ его сіятельства графа Владиміра Григорьевича Орлова выбраннымъ изъ разныхъ училищей (sic) семинаристамъ 16 человѣкамъ для житья отвесть покои въ строгановскомъ домѣ и въ анатомическомъ театрѣ. А какъ они люди заѣзжіе и объявляютъ, что у многихъ нѣкоторыхъ нужныхъ вещей, а особливо постелей, нѣтъ, того ради какъ постели и подъ нихъ кровати, такъ и другія, самонужныя вещи, безъ которыхъ обойтись не можно, искупить. А пищею въ ужинъ и обѣдъ содержать всѣхъ эконому, за что платить ему за всякаго человѣка по той же цѣнѣ, почему положено за взрослыхъ гимназистовъ, а именно по 9 копѣекъ на день. А дабы они жили порядочно, въ томъ поручить смотрѣніе изъ нихъ же старшему» [339]).

Вскорѣ по пріѣздѣ семинаристовъ въ Петербургъ начались приготовленія къ ученымъ путешествіямъ по Россіи. Ввѣряя молодыхъ людей надзору и руководству лицъ, поставляемыхъ во главѣ различныхъ экспедицій, академія наукъ напутствовала се-

минаристовъ-гимназистовъ, назначенныхъ въ физическія экспедиціи, такого рода наставленіями:

1.

Академія наукъ желаетъ, чтобъ вы всѣ учились натуральной исторіи вообще, а именно: зоологіи, ботаникѣ, минералогіи, дабы вы современемъ могли себя оказать въ сей наукѣ и при академіи опредѣлены быть съ пользою. А посему и напоминается вамъ, чтобы вы, въ сходственность съ сими и для васъ самихъ толь полезными намѣреніями академіи наукъ, показывали себя прилежными, рачительными и добропорядочными, и чрезъ то̀ бы заслуживали не токмо состоящее въ 20 рубляхъ награжденіе, которое оказывающимъ себя того достойными давано будетъ ежегодно, но и оказывали бы заслуги къ будущему вашему произвожденію.

2.

Предводителямъ экспедиціи, а вашимъ учителямъ должны вы во всемъ быть послушны, потому что онымъ поручено не токмо стараться васъ обучать, но и смотрѣніе имѣть надъ вашимъ поведеніемъ. Вслѣдствіе чего обязаны вы въ потребныхъ случаяхъ давать вашимъ наставникамъ отвѣтъ въ вашихъ упражненіяхъ и отчетъ денежнымъ расходамъ, и безъ позволенія ихъ не отлучаться отъ экспедиціоннаго общества.

3.

Всѣ, касающіяся до вашей науки, случающіяся въ экспедиціи и поручаемыя вамъ отъ начальниковъ вашихъ дѣла исполнять вамъ охотно, вѣрно и по наилучшей вашей возможности. И такъ должны вы быть послушными во всемъ, что вамъ приказано будетъ, какъ напримѣръ: собирать и приготовлять натуральныя вещи, сушить травы, копировать журналы, описанія и другія ученыя дѣла; также при случаяхъ переводить, исправлять особливыя малыя посылки и коммиссіи, если вы найдетесь къ тому способными.

4.

Во все время экспедиціи, по наставленію вашихъ начальниковъ, быть вамъ рачительнымъ и не токмо съ похвальнымъ любопытствомъ приносить къ вашему учителю все то, что вамъ покажется примѣчанія достойнымъ, по особливо тѣ вещи, которыя вамъ учитель покажетъ, собирать прилежно и осторожно и помогать оныя соблюдать, съ ожиданіемъ за то награжденія, которое, по благоразсужденію вашихъ учителей, опредѣлено вопервыхъ давать ежегодно изъ васъ тѣмъ, которые окажутъ истинные успѣхи въ наукѣ, а потомъ тѣмъ, которые покажутъ прилежаніе въ собираніи, и наконецъ за множество собранныхъ каждымъ достопамятныхъ натуральныхъ вещей.

5.

Всякій изъ васъ, который будетъ вести журналъ экспедиціи и, по наставленію своего учителя, записывать все тò, чтò ему покажется достойнымъ примѣчанія, получитъ въ разсужденіи прочихъ своихъ заслугъ еще особливое ободреніе. Когда бы учитель ни потребовалъ, должны вы читать ему сіи журналы, однако ничего написаннаго въ оныхъ не перемѣнять.

6.

Ежегодно, а особливо во время зимованія, каждаго изъ васъ труды изъ той части натуральной исторіи, къ которой кто наибольше прилеженъ, присыланы быть имѣютъ въ академію чрезъ учителя съ засвидѣтельствованіемъ и о поведеніи вашемъ, чтобы можно было разсуждать о вашихъ успѣхахъ и заслугахъ. Если сіи ваши труды касаться будутъ до такихъ вещей, которыя вы найдете сами собою, то оныя будутъ академіи тѣмъ пріятнѣе.

7.

Опредѣленное вамъ жалованье по 144 рубля въ годъ должны ваши учители по прошествіи каждаго мѣсяца выдавать вамъ по

12 рублей, а учителямъ въ началѣ года получать на то довольную сумму. Въ пріемѣ денегъ расписываться вамъ въ особливой книгѣ. И изъ сего жалованья должны вы не токмо довольствовать себя пищею, но и платьемъ, бѣльемъ и другими мелкими вещами; но ничего напрасно не тратить.

8.

Каждый изъ васъ, который при добропорядочномъ поведеніи больше будетъ прилежать къ своей наукѣ, и окажетъ въ ней отмѣнные предъ прочими товарищами своими успѣхи, по засвидѣтельствованію своего начальника, можетъ ожидать себѣ награжденія прибавкою жалованья. И какъ будущее ваше по возвращеніи благополучіе должно зависѣть отъ собственныхъ вашихъ въ наукѣ успѣховъ и добрыхъ поступокъ, то академія наукъ уповаетъ, что и сами вы не преминете приложить всевозможнаго къ достиженію онаго старанія [340]).

Озерецковскій, вмѣстѣ съ Мальгинымъ, назначенъ былъ въ экспедицію Лепехина, и находился при этомъ академикѣ во все время путешествія, съ 8 іюня 1768 до 15 декабря 1773 года, разлучаясь съ своимъ руководителемъ только по необходимости— для производства научныхъ разысканій и наблюденій. Лепехинъ не рѣдко поручалъ Озерецковскому работы самостоятельныя, посылалъ его въ тѣ или другія мѣстности для собиранія и описанія естественныхъ произведеній, отчасти также для описанія историческихъ памятниковъ древности и старины. О первыхъ трудахъ студента-путешественника мы будемъ говорить при общемъ обозрѣніи учено-литературной дѣятельности Озерецковскаго, обнимающей собою болѣе полустолѣтія. Во время продолжительнаго путешествія по Россіи Лепехинъ постоянно отзывался о своемъ молодомъ спутникѣ и сотрудникѣ съ большою похвалою, свидѣтельствовалъ передъ академіею наукъ о его успѣхахъ, и признавалъ его вполнѣ заслуживающимъ награды, одобренія и поддержки.

Вскорѣ по возвращеніи своемъ изъ путешествія по Россіи

студентъ Озерецковскій подвергнутъ былъ испытанію въ присутствіи всей ученой конференціи академіи наукъ: ему предлагаемы были различные вопросы изъ естественной исторіи, и затѣмъ дано было нѣсколько предметовъ изъ академическаго кабинета для описанія ихъ и классификаціи. Академики Лепехинъ и Лаксманъ представили конференціи самый выгодный отзывъ объ успѣхахъ Озерецковскаго, хвалили его прилежаніе и даровитость, и находили его достойнымъ повышенія. Но конференція не рѣшилась произвести Озерецковскаго въ адъюнкты, потому что для этого званія требовалось серьезной научной работы; а такъ какъ въ уставѣ академіи не полагалось званія средняго между студентомъ и адъюнктомъ, то конференція предоставляла коммиссіи академіи наукъ выразить свое вниманіе къ Озерецковскому какимъ-либо другимъ способомъ. Конференція вообще отнеслась неблагосклонно къ Озерецковскому и его товарищу Мальгину, отказалась составить для нихъ планъ занятій, и заявила, что ничего нѣтъ предосудительнѣе и для науки и для общаго блага, какъ насильно заставлять заниматься и посѣщать профессорскія лекціи такихъ молодыхъ людей, которые, подобно двумъ названнымъ, не обнаруживаютъ къ этому ни малѣйшаго желанія. Но участіе Лепехина и Лаксмана удержало Озерецковскаго на научномъ поприщѣ. Лучшею и наиболѣе полезною наградою для молодаго человѣка, даровитаго и любознательнаго, признано было отправленіе его заграницу съ цѣлью усовершенствованія въ избранной имъ отрасли знаній [341]).

Въ журналѣ коммиссіи академіи наукъ, 2 апрѣля 1774 года, читаемъ: «Что касается до студента Николая Озерецковскаго, котораго въ разсужденіи его прилежанія, охоты и понятія къ познанію натуральной исторіи за полезное признано отправить для бо̀льшаго его въ оной совершенства за море, то поручить гг. академикамъ Лаксману и Лепехину, чтобъ они сдѣлали планъ ученію его, Озерецковскаго, касательно всей науки, взятой вообще, смотря по нынѣшнимъ его въ оной успѣхамъ, и сообщили бы оный планъ въ коммиссію». Лепехинъ и Лаксманъ засвидѣтель-

ствовали объ Озерецковскомъ, что они «изъ экзамена и описаній его самыхъ рѣдкихъ натуральныхъ вещей, также и изъ особливыхъ его съ ними разговоровъ усмотрѣли больше въ немъ, нежели посредственное его знаніе и успѣхи въ натуральной исторіи, и, смотря по его прилежанію, охотѣ къ познанію и понятію, объявили, что академія можетъ всегда ожидать отъ него истинной пользы, ежели онъ для большаго его въ оной наукѣ совершенства посланъ будетъ за море». Коммиссія академіи наукъ, располагавшая судьбами академіи, постановила отправить Озерецковскаго, съ первыми кораблями, въ лейденскій университетъ, какъ въ такое мѣсто, которому, по мнѣнію академиковъ, должно на первый случай отдать предпочтеніе передъ прочими [342]).

Коммиссія академіи наукъ, отправляя студента Озерецковскаго въ иностранные университеты, предписала ему, какъ ему будучи тамъ поступать и чему именно обучаться:

1.

Вопервыхъ долженъ ты всегда имѣть страхъ Божій и православную грекороссійскую вѣру по крайней возможности содержать всецѣло, также вести благочинное и постоянное житіе.

2.

Ея императорскаго величества высокому интересу и чести академіи стараться всякимъ образомъ споспѣшествовать.

3.

Какъ ты посылаешься въ чужіе краи для изученія натуральной исторіи, то къ достиженію въ оной скорѣйшаго совершенства стараться тебѣ по пріѣздѣ твоемъ въ Лейденъ положить сперва твердое основаніе въ физикѣ, химіи, анатоміи и физіологіи, не упуская притомъ и всѣхъ частей натуральной исторіи.

4.

А какъ ты будешь тамъ имѣть довольно случаевъ видѣть въ Гагѣ, Амстердамѣ и въ другихъ ближайшихъ городахъ разныя

собранія натуральныхъ кабинетовъ, то стараться тебѣ осматривать оные со всякимъ раченіемъ; рѣдкимъ вещамъ дѣлать для себя точныя описанія и вносить оныя въ особливую книгу; не упуская также случаевъ ходить въ свободное время на находящіеся вблизости морскіе берега и собирать тамъ выбрасываемыя изъ моря вещи, дѣлать имъ описанія и приводя въ порядокъ, при удобныхъ случаяхъ присылать въ академію описанія оныхъ.

5.

Кромѣ того стараться тебѣ о совершеніи себя въ гуманіорахъ, также о изученіи иностранныхъ языковъ; и какія когда намѣренъ будешь слушать лекціи, увѣдомлять тебѣ о томъ заблаговременно коммиссію, а по окончаніи каждаго курса присылать въ оную свидѣтельства отъ тѣхъ, у которыхъ оныя лекціи выслушаешь.

6.

Какъ жалованья отъ академіи имѣешь ты получать только по триста по пятнадцати рублевъ въ годъ, то надобно тебѣ расходы на содержаніе твое пищею, квартирою, платьемъ, также на покупку нужныхъ книгъ и на платежъ профессорамъ за лекціи располагать смотря по приходу, и всячески воздерживаться отъ долговъ, ибо академія платить оныхъ за тебя не будетъ.

7.

И въ исполненіе того по всѣмъ вышеписаннымъ пунктамъ сей инструкціи поступать тебѣ непремѣнно. Если же по онымъ исполненія тобою чинено не будетъ, то ты въ свое время по надлежащему за то штрафованъ быть имѣешь[343]).

На содержаніе пищею и платьемъ, на покупку книгъ и плату за слушаніе лекцій назначено было 315 рублей въ годъ; на проѣздъ изъ Петербурга въ Лейденъ — сто рублей. Впослѣдствіи, именно въ 1776 году, Озерецковскому и его товарищу Зуеву прибавлено жалованья по тридцати пяти рублей въ годъ за ока-

занные молодыми учеными «въ наукахъ ихъ прилежаніе и успѣхи, и чтобъ они, имѣя больше удобности въ своемъ содержаніи, тѣмъ вящше и съ бо̀льшею охотою могли въ оныхъ простираться» [344]).

Озерецковскій пробылъ заграницею около пяти лѣтъ. Въ 1774 году онъ отправился въ Лейденъ, а въ 1775 году вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ Зуевымъ заявилъ академіи наукъ о безполезности дальнѣйшаго пребыванія въ лейденскомъ университетѣ какъ для изученія иностранныхъ языковъ, такъ и для научнаго образованія вообще. Вслѣдствіе этого Озерецковскій и Зуевъ просили перевести ихъ въ страсбургскій университетъ, гдѣ они надѣялись и скорѣе и удобнѣе пріобрѣсти тѣ познанія, которыхъ требовала отъ нихъ данная имъ инструкція. Академія наукъ согласилась съ изложенными въ представленіи доводами, и разрѣшила своимъ питомцамъ переселиться изъ Лейдена въ Страсбургъ [345]).

Въ отчетахъ своихъ академіи наукъ Озерецковскій говоритъ, что въ Лейденѣ занимался онъ физикою, химіею, анатоміею, физіологіею, ботаникою и другими частями естественной исторіи, а въ Страсбургѣ—преимущественно химіею, анатоміею и ботаникою. Сообщая, въ опредѣленные сроки, о ходѣ своихъ научныхъ работъ и о томъ, какіе предметы и у кого изъ профессоровъ слушалъ онъ въ страсбургскомъ университетѣ, Озерецковскій въ доказательство своихъ занятій прислалъ изъ Страсбурга, въ сентябрѣ 1776 года, сочиненіе свое: De muscis — Specimen botanicum de muscis, ubi contrariae de eorum generatione sententiae exponuntur et evolutiva horum vegetabilium generatio approbatur. Академики, разсматривавшіе работу студента Озерецковскаго, отдавали полную справедливость знаніямъ и трудолюбію молодаго автора [346]).

Въ 1778 году Озерецковскій удостоенъ страсбургскимъ университетомъ степени доктора медицины за диссертацію подъ заглавіемъ: De spiritu ardente ex lacte bubulo [347]).

II.

Въ маѣ 1779 года Озерецковскій и его товарищи, Зуевъ и Моисеенко, возвратились изъ-за границы. По предложенію директора академіи наукъ, имъ заданы были работы по естественной исторіи, химіи и металлургіи, и затѣмъ назначено испытаніе въ полномъ собраніи ученой конференціи. Озерецковскій представилъ сочиненіе: De plantis parasiticis. Академики: Палласъ, Гильденштедтъ, Георги и Вольфъ нашли, что трудъ Озерецковскаго вполнѣ соотвѣтствуетъ своему предмету, и отличается ясностію и послѣдовательностью изложенія, хотя и не заключаетъ въ себѣ чего-либо новаго.

Въ собраніи академіи наукъ 23 сентября 1779 года Озерецковскій единогласно избранъ адъюнктомъ по естественной исторіи, и опредѣленъ помощникомъ академика Гильденштедта съ подчиненіемъ ему — pour être attaché et subordonné à m. le professeur Güldenstädt. Въ торжественномъ собраніи академіи 12 октября 1779 года Озерецковскій провозглашенъ адъюнктомъ академіи наукъ [348]).

При самомъ вступленіи Озерецковскаго въ академію обстоятельства сложились такимъ образомъ, что начало академической службы было весьма непривѣтно для молодаго ученаго. Не прошло и двухъ мѣсяцовъ со времени провозглашенія Озерецковскаго адъюнктомъ, и онъ уже заявляетъ собранію, что намѣренъ покинуть академію. На такое заявленіе члены конференціи замѣтили, что академія наукъ по существу своему есть собраніе людей, посвятившихъ себя наукѣ вполнѣ добровольно, которые помогаютъ другъ другу въ ученыхъ изысканіяхъ, и трудятся на избранномъ пути совершенно свободно, безъ всякаго принужденія и насилія; поэтому ни коимъ образомъ нельзя препятствовать никому, кто по собственному побужденію желаетъ оставить ученое общество. Несмотря на подобный отзывъ, дѣло повидимому скоро уладилось, и Озерецковскій не вышелъ изъ академической семьи, которой и принадлежалъ до конца своей жизни —

около сорока восьми лѣтъ со времени избранія въ адъюнкты и около шестидесяти лѣтъ со времени вызова изъ троицкой семинаріи [349]).

Втеченіе своего долголѣтняго академическаго поприща Озерецковскій встрѣчалъ сочувствіе и поддержку какъ во многихъ изъ своихъ товарищей по академіи, такъ и въ лицахъ, стоявшихъ во главѣ управленія и заботившихся о выборѣ достойныхъ дѣятелей въ области народнаго образованія. По случайному совпаденію обстоятельствъ, сама Екатерина II обратила особенное вниманіе на нашего ученаго, и произвела его изъ адъюнктовъ въ академики. Екатерина ввѣрила надзору и руководству Озерецковскаго юношу, надѣлавшаго впослѣдствіи много горя какъ самой государынѣ, такъ и другимъ, болѣе или менѣе близкимъ къ нему людямъ. Этотъ юноша—питомецъ графа Григорія Орлова, Алексѣй Григорьевичъ Бобринскій (1762—1813). Екатерина принимала въ Бобринскомъ большое участіе, и желая избрать ему просвѣщеннаго руководителя во время путешествія по Россіи, возложила эту обязанность на Озерецковскаго. По другимъ извѣстіямъ, Озерецковскій сопутствовалъ Бобринскому не только въ Россіи, но и заграницею. Въ одно время съ избраніемъ въ спутники и менторы Бобринскому Озерецковскій возведенъ былъ, по волѣ государыни, въ званіе академика. 13 мая 1782 года генералъ-прокуроръ князь Вяземскій прислалъ коммиссіи, учрежденной для управленія академіею наукъ слѣдующее предложеніе: «Ея императорское величество указать мнѣ соизволила объявить академіи наукъ о всемилостивѣйшемъ пожалованіи адъюнкта натуральной исторіи и доктора медицины Николая Озерецковскаго въ академики, считая его въ посылкѣ по высочайшему ея величества соизволенію, о чемъ чрезъ сіе и объявляю для надлежащаго свѣдѣнія и исполненія» [350]). Бобринскій не оправдалъ заботливости о немъ Екатерины. По свидѣтельству лицъ, знавшихъ его заграницею, онъ велъ жизнь разгульную, цѣлыя почи проигрывалъ въ карты, и надѣлалъ множество долговъ. Въ Парижѣ Бобринскій находился подъ присмотромъ русскаго посланника и

барона Гримма, а въ Россіи дѣлами его завѣдывалъ, на правахъ опекуна, графъ П. В. Завадовскій, бывшій впослѣдствіи министромъ народнаго просвѣщенія. Во время войны Россіи съ Турціею и Швеціею Бобринскій, бывшій тогда ротмистромъ конной гвардіи, просилъ разрѣшенія воротиться въ Россію и снова вступить въ военную службу. Но лишь только доѣхалъ онъ до русской границы, его отвезли въ Ревель, гдѣ онъ и пробылъ до восшествія на престолъ императора Павла I. Черезъ нѣсколько дней по вступленіи своемъ на престолъ Павелъ I возвелъ Бобринскаго въ графское достоинство. Есть извѣстіе, что Озерецковскій, не будучи въ состояніи поладить съ Бобринскимъ, возвратился изъ Парижа въ Россію пѣшкомъ [351]).

Возвратившись въ отечество, Озерецковскій снова и навсегда вступилъ въ академическую среду. Дѣятельность его, какъ члена академіи наукъ, выразилась главнымъ образомъ: въ многочисленныхъ мемуарахъ о предметахъ естествознанія; въ описаніи путешествій, совершенныхъ имъ съ ученою цѣлью по порученію академіи наукъ; въ собраніи естественныхъ произведеній Россіи, которыми онъ обогатилъ академическіе кабинеты. Чтобы не дробить на части то, что въ сущности составляетъ одно цѣлое, и даетъ черты для характеристики Озерецковскаго какъ ученаго и писателя, мы говоримъ о различныхъ трудахъ его въ одномъ общемъ очеркѣ, которому и посвящаемъ слѣдующую главу. Большинство произведеній его состоитъ изъ трудовъ ученаго содержанія, читанныхъ въ собраніяхъ академіи, и помѣщенныхъ въ ея изданіяхъ. Поэтому говорить объ учено-литературныхъ трудахъ Озерецковскаго значитъ знакомить съ существенною стороною его академической дѣятельности.

Дѣятельность Озерецковскаго привлекала къ себѣ вполнѣ заслуженное уваженіе и сочувствіе образованнѣйшей части тогдашняго русскаго общества. Однимъ изъ доказательствъ этого служитъ представленіе княгини Дашковой, въ которомъ она, по званію директора академіи наукъ, проситъ правительствующій сенатъ «достойнаго удостоить» награды; ходатайство Дашковой

увѣнчалось успѣхомъ: Озерецковскій получилъ орденъ св. Владиміра, четвертой степени, за ученые труды и заслуги. Представленіе Дашковой заключаетъ въ себѣ любопытныя данныя для знакомства съ учено-литературною дѣятельностью Озерецковскаго. О его трудахъ и заслугахъ Дашкова говоритъ:

«Онъ для изслѣдованія натуральныхъ вещей цѣлые восемь лѣтъ путешествовалъ по Россіи какъ сухимъ путемъ, такъ и морями, собирая всѣ естественныя произведенія для академіи. И въ послѣднемъ своемъ путешествіи по озерамъ Ладожскому и Онежскому, которымъ описаніе издалъ онъ въ свѣтъ, открылъ гору, гранатами изобилующую, близъ Ладожскаго озера, желѣзную руду на островѣ Валаамѣ и множество мрамора на рѣкѣ Пяльмѣ, впадающей въ Онежское озеро. Сверхъ того собралъ знатное количество различныхъ минераловъ и другихъ натуральныхъ тѣлъ, которыми пріумножилъ собраніе рѣдкостей въ императорской кунсткамерѣ.

«Онъ, какъ профессоръ естественной исторіи, преподавая для публики пять лѣтъ сряду наставленія въ своей наукѣ, собралъ для показу слушателямъ до восьми сотъ россійскихъ и иностранныхъ минераловъ, кои нынѣ принесъ въ даръ академіи, предпочтя ея пользу собственному своему прибытку.

«Онъ по способности своей во все время правленія моего академіею безпрерывно занятъ былъ изданіемъ сочиненій какъ его собственныхъ, такъ и другихъ, имъ пересматриваемыхъ, которыми академія и нынѣ пріумножаетъ экономическую свою сумму, и всегда пользоваться ими будетъ, когда бы уже издателя оныхъ и на свѣтѣ не было.

«Онъ, какъ докторъ медицины, не малую услугу оказалъ своимъ соотчичамъ исправнымъ своимъ на россійскій языкъ переводомъ полезной книги—Тиссотова наставленія народу въ разсужденіи здоровья, которую не только перевелъ, но объяснилъ своими примѣчаніями, и сколько можно приноровилъ къ употребленію россійскихъ жителей.

«Но не описывая подробно всѣхъ его заслугъ, въ заключеніе

присовокуплю одно только сіе, что онъ трудами своими между учеными людьми въ Европѣ не только сдѣлался извѣстенъ, но и много отличился, такъ что бернское ученое общество, что въ Швейцаріи, давно уже сдѣлало его своимъ членомъ; не упоминая того, что онъ и здѣсь также членъ императорской россійской академіи, вольнаго экономическаго общества, и профессоръ въ россійскомъ словѣ при императорскомъ сухопутномъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ» [352]).

Публичныя лекціи, о которыхъ говорится въ представленіи Дашковой, относящемся къ 1792 году, читались Озерецковскимъ и въ послѣдующіе года. Содержаніе лекцій, способъ изложенія и самый выборъ предметовъ находились въ связи съ потребностями общества и съ тогдашнимъ состояніемъ науки и ея языка. Такъ въ 1795 году Озерецковскій заявилъ, что намѣренъ читать лекціи по естественной исторіи, т. е. по зоологіи, ориктологіи, амфибіологіи и энтомологіи, не видя возможности читать публичныхъ лекцій по ботаникѣ по той причинѣ, что на русскій языкъ до сихъ поръ еще не переведены техническіе термины этой науки, и т. п. По свидѣтельству лицъ, посѣщавшихъ публичныя лекціи Озерецковскаго, онъ читалъ умно, ясно и увлекательно, но не отличался строгою разборчивостью выраженій, и въ свою русскую рѣчь примѣшивалъ черезчуръ много латыни. Его обвиняли также въ томъ, что онъ слишкомъ откровенно и свободно высказывалъ на лекціяхъ свои сужденія о религіозныхъ предметахъ [353]).

Съ любовью къ естественнымъ наукамъ Озерецковскій соединялъ любовь къ отечественной словесности, что̀ показываютъ какъ его прозаическія статьи, такъ и появлявшіяся отъ времени до времени стихотворенія. Онъ принималъ на себя составленіе руководствъ по словесности и преподаваніе ея въ учебныхъ заведеніяхъ. Онъ былъ преподавателемъ русской словесности въ сухопутномъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, занявши это мѣсто по смерти извѣстнаго писателя Княжнина, читавшаго русскую словесность въ высшихъ классахъ корпуса. Въ литературныхъ

взглядахъ Княжнина и Озерецковскаго было замѣтное различіе, выражавшееся особенно ярко въ сужденіяхъ о самомъ живомъ литературномъ вопросѣ того времени — о достоинствѣ произведеній Карамзина. По свидѣтельству бывшаго слушателя Княжнина и Озерецковскаго, С. Н. Глинки, Княжнинъ, съ наслажденіемъ читавшій письма русскаго путешественника еще въ рукописи, говорилъ о Карамзинѣ, что этотъ молодой человѣкъ проложитъ новое поприще въ словесности. «Мѣсто Княжнина (умершаго въ самомъ началѣ 1791 года) — продолжаетъ С. Г. Глинка — занялъ у насъ Н. Я. Озерецковскій, академикъ, естествологъ и врачъ; словомъ, мужъ ученый, обладавшій многоразличными свѣдѣніям. Онъ сопровождалъ по чужимъ краямъ графа ***. Когда Екатерина укоряла его имъ, Озерецковскій добродушно и откровенно отвѣчалъ: «матушка, вѣдь я человѣкъ; одинъ Богъ дѣлаетъ что̀ хочетъ, а я сдѣлалъ что̀ могъ». Лице Озерецковскаго было здоровое и свѣжее. Онъ былъ нѣсколько сутуловатъ и еще болѣе сгибался, когда, держа въ рукахъ табакерку, выхватывалъ изъ нея табакъ щепотку за щепоткой, торопливо нюхалъ, мѣрными шагами ходилъ по классу, пріискивая надлежащее слово, и отыскавъ его говорилъ: «да, вотъ такъ надобно». Тутъ рѣчь его текла плохо, но свободно. О Карамзинѣ онъ былъ совершенно различнаго мнѣнія съ Княжнинымъ. Однажды онъ заставилъ меня читать вслухъ письма Карамзина о горахъ альпійскихъ. Послѣ чтенія Озерецковскій угрюмо сказалъ: «ну, что это такое? пышный, вычурный слогъ; пузырь, надутый вѣтромъ: кольни булавкой, вѣтеръ вылетитъ, и останется пустота. Я самъ былъ на Альпахъ, но не видалъ того сумбура, который забрелъ въ это письмо». Случилось мнѣ въ другой разъ читать Озерецковскому переводъ Карамзина Вольтерова эклезіаста; при стихѣ:

Ничто не ново подъ луною,

онъ разсердился, и проворчалъ: «неправда, не подъ *луною*, а подъ *солнцемъ:* на что̀ такъ срамить землю?» Для дополненія разсказа о Николаѣ Яковлевичѣ скажу, что въ 1825 году встрѣтилъ я его

у тогдашняго министра народнаго просвѣщенія А. С. Шишкова. Онъ былъ еще довольно крѣпокъ на ногахъ, но на лицѣ его проглядывало изнеможеніе — предвѣстіе близкой смерти. Онъ мнѣ очень обрадовался, и сказалъ:—ты много трудишься, братъ, это хорошо. — Тружусь много, отвѣчалъ я, потому что привыкъ къ труду, да проку теперь мало. — Нѣтъ нужды, братъ, возразилъ онъ, въ трудѣ всегда есть прокъ; я и постарѣе тебя, но не прочь отъ труда. — Въ *путешествіи* Озерецковскаго по Россіи есть много полезнаго по части внутренняго нашего хозяйства»[354]).

Извѣстность, которою пользовался Озерецковскій въ кругу людей ученыхъ и образованныхъ, и уваженіе къ трудамъ и заслугамъ нашего академика выражаются въ избраніи его въ члены различныхъ ученыхъ обществъ и учрежденій, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ[355]).

Въ 1780	году	Озерецковскій	избранъ	членомъ бернскаго экономическаго общества.
» 1783	»	»	»	членомъ россійской академіи.
» 1785	»	»	»	членомъ вольнаго экономическаго общества.
» 1797	»	»	»	почетнымъ членомъ медицинской коллегіи.
» 1800	»	»	»	членомъ великобританскаго общества земледѣлія.
» 1801	»	»	»	членомъ королевской стокгольмской академіи наукъ.
» 1804	»	»	»	почетнымъ членомъ физико-медицинскаго общества московскаго университета.
» 1805	»	»	»	почетнымъ членомъ московскаго общества испытателей природы.
—		»	»	почетнымъ членомъ воль-

				наго общества любителей наукъ, словесности и художествъ.
Въ 1811	году	Озерецковскій	избранъ	членомъ харьковскаго университета.
—		»	»	членомъ ветеравскаго общества испытателей природы.
» 1813	»	»	»	членомъ медико-хирургической академіи.
» 1819	»	»	»	членомъ московскаго университета.
—		»	»	членомъ фармацевтическаго общества.

III.

Путешествіемъ началось научное образованіе Озерецковскаго; путешествія, предпринимаемыя имъ впослѣдствіи, доставили богатые матеріалы для трудовъ, которыми онъ пріобрѣлъ себѣ почетную извѣстность въ наукѣ и литературѣ [356]). «Я путешествовалъ много лѣтъ по разнымъ странамъ и государствамъ, чтобы чему-нибудь научиться»—говоритъ Озерецковскій. Описанія путешествій Озерецковскаго замѣчательны по разнообразію своего содержанія и по обилію свѣдѣній, любопытныхъ и важныхъ во многихъ отношеніяхъ. Онъ сообщаетъ извѣстія о предметахъ, относящихся къ области естествознанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ знакомитъ съ особенностями народной жизни, съ нравами и обычаями, съ памятниками минувшаго быта и съ современнымъ его состояніемъ. Вслѣдствіе этого путевыя записки Озерецковскаго представляютъ много весьма цѣнныхъ данныхъ для исторіи и статистики посѣщенныхъ имъ мѣстностей. Не задаваясь какою-либо исключительною цѣлію, путешественникъ нашъ описывалъ все достопримѣчательное, заслуживающее вниманіе человѣка просвѣщеннаго и мыслящаго. Пріемы натуралиста обнаруживаются

въ описаніи предметовъ природы съ точнымъ опредѣленіемъ признаковъ и указаніемъ мѣста, занимаемаго тѣмъ или другимъ видомъ въ системѣ животнаго или растительнаго царства. Складъ ума и образъ мыслей автора проявляются въ тонѣ изложенія и въ замѣчаніяхъ, которыми сопровождаются нѣкоторыя изъ сообщаемыхъ извѣстій. Въ путешествіяхъ своихъ Озерецковскій постоянно обращалъ вниманіе какъ на то, что представляетъ интересъ въ чисто-научномъ отношеніи, такъ и на то, отъ чего можно ожидать существенно полезнаго примѣненія къ нуждамъ и потребностямъ народной жизни.

Уже въ самомъ началѣ своего перваго путешествія Озерецковскому, находившемуся тогда при Лепехинѣ, удалось сдѣлать находку весьма важную для ученыхъ по свидѣтельству Лепехина: студенты Озерецковскій и Соколовъ, ходя по заводи рѣки Клязьмы, набрали удивительный родъ животно-растенія, описанный въ дневникѣ Лепехина подъ 19 іюля 1768 года. Въ томъ же году Озерецковскій осмотрѣлъ и описалъ «остатки Болгаровъ, древняго татарскаго города»; описаніе это помѣщено въ дневникѣ Лепехина подъ 15 декабря 1768 года. Въ мартѣ 1769 года Лепехинъ отправилъ Озерецковскаго для собиранія растеній, насѣкомыхъ и птицъ въ «привольныя саратовскія мѣста», оттуда въ Царицынъ, и изъ Царицына по линіи въ Донскую крѣпость, гдѣ Озерецковскій долженъ былъ ожидать пріѣзда Лепехина, прибывшаго туда въ половинѣ іюля. Описывая архангелогородскую провинцію, занимающую весь приморскій край, Лепехинъ замѣчаетъ, что кольскій уѣздъ этой провинціи заслуживаетъ особеннаго вниманія какъ по своему мѣстоположенію, такъ и по физическимъ достопамятностямъ: подробныя и достовѣрныя извѣстія о кольскомъ уѣздѣ собраны студентомъ Озерецковскимъ, котораго посылалъ туда Лепехинъ въ 1771 году. Озерецковскій пробылъ тамъ четыре мѣсяца, и втеченіе этого времени, по его собственнымъ словамъ, «довольно насмотрѣлся, какъ живутъ тамошніе обыватели; притомъ не упускалъ испытывать и то, какъ имъ жить лучше можно» [857]).

Лепехинъ не окончилъ описанія своего путешествія, и начало четвертаго тома, напечатанное при жизни автора, не выходило въ свѣтъ до тѣхъ поръ, пока Озерецковскій не предложилъ взять на себя продолженіе труда и дополнить его собственными наблюденіями во время путешествія, совершеннаго имъ вмѣстѣ съ Лепехинымъ[358]). Дневныя записки путешествія Озерецковскаго начинаются съ 14 іюня 1772 года. Озерецковскій путешествовалъ съ Лепехинымъ до исхода 1773 года, и затѣмъ нѣсколько лѣтъ провелъ заграницею. Въ 1782 году Озерецковскій снова отправился въ путешествіе по Россіи. Въ 1785 году онъ совершилъ путешествіе на озера Ладожское и Онежское; въ 1805 году путешествовалъ къ верховьямъ Волги и на озеро Селигеръ, и т. д.

Во всѣхъ своихъ путешествіяхъ Озерецковскій, какъ естествоиспытатель, производилъ наблюденія надъ предметами природы, занимался собираніемъ растеній, насѣкомыхъ, ловлею рыбъ и т. п. Онъ вносилъ въ свои путевыя записки все, что привлекало къ себѣ пытливость натуралиста, и при этомъ, подобно своему наставнику и руководителю Лепехину, отмѣчалъ и народныя названія различныхъ предметовъ, что̀ имѣетъ безспорное значеніе для русской научной терминологіи.

«Отъ устья Ви́жаса — говоритъ Озерецковскій — до рѣки Сно́пы, за неимѣніемъ безопасной лодки, ѣхалъ я на оленяхъ, которые по кочкамъ и по тундрѣ тащили меня въ саночкахъ съ полозка̀ми. Между рѣками Вижасомъ, Омою и Снопою на *лайдахъ* (равнинахъ, съ весны водою понимаемыхъ) встрѣчались мнѣ бѣлыя цапли (ardea ciconia), которыхъ тамъ *ко́лпицами* называютъ. По лайдамъ онымъ въ разныхъ мѣстахъ примѣчаются накипи горючей сѣры, подъ которыми находится весьма черная земля, издающая сѣрный тяжелый запахъ. По лайдамъ же на мокроватыхъ мшаристыхъ мѣстахъ часто попадалась мнѣ неизвѣстная трава, которой имени, не имѣя при себѣ никакихъ книгъ, опредѣлить я не могъ, а теперь нахожу только въ моихъ запискахъ, что цвѣтная чашечка была у ней о пяти раздѣленныхъ ле-

пестках; цвѣточные или вѣночные лепестки отъ ноготковъ до половины темноцвѣтные съ продолговатою съ обоихъ боковъ трубочкою; тычекъ было на цвѣткѣ десять, которыхъ величина попеременно возвышалась и уменьшалась. Маточника или пестикова ствола она не имѣла, а устье пестика, на двое раздѣленное, сближалось одно съ другимъ. Въ гнѣздѣ или въ сѣменникѣ находилось много сѣмечекъ. Будущіе путешественники, пріѣхавъ на оныя лайды, найдутъ описанную мною траву, а ботаники на досугѣ и нынѣ назовутъ ее по имени, если описаніе мое къ тому достаточно... [359]).

«Изъ растеній, полевой хмѣль (trolleus europaeus) украшалъ въ лѣсу всѣ полянки. На берегахъ Сѣвернаго моря имѣетъ онъ тотъ же прекрасный желтый цвѣтъ и такой же пріятный запахъ, какимъ отличается въ Азіи и въ Европѣ; равно какъ и приморскіе жители ни крѣпостію тѣлесныхъ, ни твердостію душевныхъ силъ не уступаютъ не только азіатцамъ, но и вообще всѣмъ европейцамъ. Маленькія дѣти ходили тогда въ лѣсъ и на луга за дудками, кои называли *девятиричною травою;* приносили оныя домой, и облупя ѣли ихъ сырыя съ бабушками, матерьми и сестрами. Дудки оныя собираемы были большею частію отъ такого растенія, которое совершенно походитъ на *дятлину*, *дерезу* или *эспарцетъ* (hedysarum onobrychis, sain foin, esparcette). Стволы сего растенія, дудками называемые, пока молоды, служатъ лакомствомъ людямъ, а когда состарѣются, вмѣстѣ съ другими травами составляютъ прездоровое сѣно. Ѣдучи отъ устья Двины до деревни Большихъ Козелъ, видѣлъ я на приморскомъ кряжѣ кустарникъ, который россійскіе естествоиспытатели въ книгахъ своихъ называютъ *ломоносомъ* (clematis), и мнѣ казалось, что *ломоносъ* оный былъ *восточный* (orientalis); но какая бы порода онаго ни была, всегда достойна вниманія по тому, что ростетъ при берегахъ Бѣлаго моря, и современемъ обращена будетъ въ хозяйствѣ на обсадку хижинъ, на крашенье тканей» и пр. [360]).

«Близъ рѣчки Неси собралъ нѣсколько травъ, которымъ проводники мои знали русскія тамошнія названія, какъ напримѣръ:

піоны называли они *марьиными ягодами*;
волчій корень (aconitum lycoctonum)—*омегомъ*, и сказывали, что корнемъ сего растенія окармливаютъ звѣрей;
дикую рябину (tanacetum vulgare)—*романникомъ*;
царицу луговъ (spiraea ulmaria)—*бѣлоголовкою*...[361]).

«Далѣе отъ Рыбачьей слободы къ селу Ижорѣ на крутомъ берегу Невы цвѣли уже тогда:
вѣтреница лѣсная—anemone nemorosa,
кислица—oxalis acetosella,
змѣевикъ двудомный—gnaphalium dioicum,
віолетка собачья—viola canina,
мать и мачиха—tussilago farfara,
курослѣпъ болотный—caltha palustris,
золотолистникъ круглолистый—chrysosplenium alternifolium, и пр.[362]).

«Отъ мыса Иголки къ деревнѣ Тàйболѣ берегъ идетъ песчаный и мягкій. На мокрыхъ мѣстахъ близъ берега часто встрѣчается растеніе, называемое въ ижорскомъ травникѣ (flora ingrica) *солнечною росою*, а въ простомъ народѣ во многихъ мѣстахъ, особливо около Москвы, подъ именемъ *царскихъ очей* извѣстное, которое тѣмъ примѣчательно, что цвѣтъ свой отворяетъ въ іюлѣ мѣсяцѣ только въ девятомъ часу поутру, а въ двѣнадцатомъ предъ полуднемъ паки его скрываетъ; и что отъ травки сей, когда она будучи измята положится въ прѣсное молоко, жидкость сія ссѣдается. Славный Гофманъ говоритъ, что траву сію, для ея красоты и дѣйствія, надобно назвать *венерушкою* (venerilla). Нѣкоторые невѣжды, слывущіе ворожеями, почитаютъ ее приворотною травою, и обманываютъ ею влюбленныхъ слѣпцовъ» и т. д.[363]).

При описаніи какъ предметовъ природы, такъ и способа ими пользоваться, Озерецковскій постоянно имѣлъ въ виду важное значеніе науки не только для умственнаго развитія, но и для матеріальнаго благосостоянія народа. «Мѣста, мною осмотрѣнныя,— говоритъ онъ—не обижены отъ натуры ни животными, ни про-

израстеніями, ниже тѣлами ископаемыми. Кромѣ множества птицъ, рыбъ и прозябеній, видѣлъ каменныя горы, изъ которыхъ воздвигнуть можно каменныя зданія; видѣлъ и разсматривалъ соленыя воды, изъ которыхъ вывариваетя столовая соль съ истребленіемъ лѣсовъ, и по вкусу воды заключилъ, что когда въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ изслѣдовать станемъ земныя нѣдра, то можетъ быть откроемъ слои каменной соли, и будемъ ломать ее желѣзомъ, а не огнемъ изъ воды вываривать»[364]).

Озерецковскій съ большимъ сочувствіемъ говоритъ о тѣхъ явленіяхъ изъ жизни животныхъ, которыя, по его мнѣнію, сближаютъ ихъ съ хорошими сторонами человѣческой природы, и съ другой стороны во многихъ дѣйствіяхъ людей видитъ, говоря позднѣйшимъ языкомъ, такое же табунное чувство, какимъ руководствуются и животныя. Съ затаенной ироніей относится онъ къ выдѣленію человѣка изъ общаго міра животныхъ, и допускаетъ близкое родство между тѣмъ и другимъ не только въ физическомъ отношеніи, въ устройствѣ тѣла и его органовъ, но и въ проявленіи того начала, которое обыкновенно называютъ духовнымъ, и приписываютъ исключительно человѣку. Вотъ нѣсколько данныхъ, выясняющихъ отчасти воззрѣнія Озерецковскаго, какъ мыслителя-натуралиста.

«Въ пустомъ и безмолвномъ Кексгольмѣ — разсказываетъ онъ — появился народъ, который толпами стекался къ пристани, гдѣ я стоялъ на суднѣ, и оказалось тутъ много лодокъ для отвоза людей на островъ Валаамъ, на которомъ передъ Петровымъ днемъ годовая бываетъ ярмарка. Въ походъ сей собирались и старые и молодые, и малые и большіе обоего пола люди, такъ что онъ походилъ на течу лапландскихъ пеструшекъ (mus lemmus), которыя по временамъ такія же дѣлаютъ путешествія, и берутся невѣдома откуда. Притомъ какъ звѣркамъ симъ во время течи нерѣдко случается родить, такъ и съ кексгольмскими ѣздоками тоже самое приключается. По крайней мѣрѣ при мнѣ сіе сдѣлалось, что на одной непокрытой лодкѣ, людьми наполненной, беременная женщина среди озера благополучно разрѣшилась отъ

21*

бремени, съ которымъ поѣхала изъ Кексгольма на валаамскую ярмарку. Я навѣдывался о причинѣ, побудившей оную женщину въ тяжеломъ ея состояніи ѣхать на Валаамъ, и мнѣ сказано, что она поѣхала только для прогулки, и наипаче для того, что другіе туда же ѣхали»... [365]).

Озерецковскій былъ очевидцемъ явленія, которое описываетъ такимъ образомъ: «Молоденькіе голубятки лишились своей матери; оставался отецъ, который приносилъ имъ пищу, но и онъ съ тоски по голубкѣ своей умеръ; безперые голубятки остались въ гнѣздѣ безъ матери и безъ отца. Другіе голуби, ихъ сосѣди, видя ребятишекъ голодныхъ, слабыхъ, летать не могущихъ, сжалились надъ ними, заступили мѣсто опекуновъ, какіе въ сихъ птицахъ не уступаютъ опекунамъ человѣческаго рода. Они, набравши въ свой зобъ зеренъ для собственныхъ своихъ дѣтенышей, прилетали къ сиротамъ, кормили ихъ изъ своего зоба, и съ остатками возвращались къ своимъ собственнымъ дѣтямъ. Къ такимъ дѣйствіямъ побуждаются твари сіи не однимъ инстинкомъ, а, вѣрно, нѣкоторымъ чувствованіемъ, отъ соображенія происходящимъ»... [366]).

Слѣдя за проявленіемъ умственной силы въ жизни животныхъ, Озерецковскій дѣлаетъ такое замѣчаніе о медвѣдяхъ: «Сперва слышалъ, а потомъ самъ я видѣлъ, что мужики наши обучаютъ ихъ разумѣть человѣческія рѣчи и движенія, и, науча, ходятъ съ ними по деревнямъ, селамъ и городамъ, гдѣ медвѣди показываютъ свою науку, которой мужики ихъ научили, и показываютъ такъ хорошо, что кажется, весь умъ учителей къ нимъ перешелъ. Какъ близко разстояніе отъ ученаго медвѣдя къ необразованному человѣку! Если бы медвѣдь столь же долго жилъ, какъ живетъ человѣкъ, и переходилъ отъ однихъ учителей къ другимъ, то онъ способностями своими превзошелъ бы, можетъ быть, первыхъ своихъ учителей. Но медвѣдь живетъ только до тридцати лѣтъ или немного больше; напротивъ того, человѣкъ можетъ жить сто лѣтъ, а по долготѣ возраста своего, который продолжается до двадцати лѣтъ, могъ бы онъ прожить болѣе полутора-

ста лѣтъ. Однако медвѣдь въ короткую свою жизнь научается многому, а иной человѣкъ долго живетъ, и учится безъ успѣха! Не одинакаго ли свойства то существо, которое способно къ наученію въ человѣкѣ и медвѣдѣ?» и т. д. [367]).

Посѣщая ту или другую мѣстность, Озерецковскій отмѣчалъ всѣ сколько-нибудь выдающіяся ея особенности. Это можно видѣть изъ его описанія Гатчины, Луги, Осташкова и многихъ другихъ мѣстъ, отъ городовъ и монастырей до деревень и погостовъ. Онъ помѣстилъ въ своихъ путевыхъ запискахъ весьма подробное исчисленіе селъ, деревень и урочищъ, лежащихъ отъ Подгорья по лѣвую сторону озера Селигера, отъ Лодейнаго поля вверхъ по Свири и отъ Сыцкой губы до Новагорода, при чемъ не забыты и Матренинъ носъ, и берегъ Ряпино, и рѣчка Хохоль, и берегъ Ѳедоровскій до камня Голубца, который лежитъ на озерѣ отъ берега во 150 саженяхъ, и островокъ Телятникъ, и рѣка Лопань, и островъ Глазки, воротокъ Ящеровскій, берегъ Переръвинскій носъ и т. д. «Кто съ сею росписью мѣстъ — говоритъ Озерецковскій — поѣдетъ осматривать Ильмень, тотъ самъ увидитъ всѣ оныя урочища, и въ нихъ рыбную ловлю; летающихъ во множествѣ большихъ и малыхъ чаекъ съ морскими ласточками; бѣгающихъ по берегамъ куличковъ; плавающихъ дикихъ утокъ, дикихъ гусей, казарокъ, крахалей, и пр. Я бы еще съ охотою поѣхалъ на Ильмень съ тѣмъ, чтобъ для подробнѣйшихъ наблюденій прожить тамъ цѣлый годъ». Озерецковскій не ограничивается однимъ исчисленіемъ урочищъ, а сопровождаетъ свой перечень различнаго рода замѣтками, иногда довольно подробными. Въ погостѣ Рагозѣ есть цѣлебный источникъ, помогающій отъ скорбута и отъ глазной боли. Въ деревнѣ Усланкѣ, на жестяной фабрикѣ у кузнечнаго мастера, Озерецковскій видѣлъ висящую на потолкѣ сивую воронку (coracias garrula), застрѣленную въ ближайшемъ лѣсу: птичка эта въ тамошнемъ краю большая рѣдкость, ибо собственно водится она только въ южной Россіи. Въ бытность свою въ сельцѣ Иваньковѣ Озерецковскій видѣлъ особенный способъ, какимъ женщины брали въ полѣ ленъ,

и подробно описалъ этотъ способъ, не похожій на общепринятый въ другихъ мѣстностяхъ, и т. п. [368]).

Опредѣленіе пространства, занимаемаго каждою изъ населенныхъ мѣстностей, указаніе ея границъ, большихъ и малыхъ рѣкъ и озеръ и т. п. представляютъ цѣнный матеріалъ для географіи Россіи. Въ путевыхъ запискахъ Озерецковскаго встрѣчается также не мало данныхъ и для исторіи края. Описывая различныя достопримѣчательности, Озерецковскій собиралъ и свѣдѣнія историческія, основываясь на доступныхъ ему памятникахъ мѣстной древности и старины. Такъ онъ передаетъ историческія извѣстія о древности олонецкаго края и о народахъ, тамъ обитавшихъ, и приводитъ самые памятники, какъ напримѣръ жалованныя грамоты царя Михаила Ѳедоровича вотчинникамъ селенія Челмужи, царя Алексѣя Михайловича осташамъ на владѣніе водами озера Селигера, и т. п.

Матеріаломъ для статистическаго изученія края могутъ служить таблицы, приложенныя Озерецковскимъ къ описанію его путешествій. Таковы таблицы, относящіяся къ олонецкому намѣстничеству: о числѣ селъ и деревень, какъ казенныхъ, такъ и владѣльческихъ; о числѣ жителей по сословіямъ и по роду занятій; о торгахъ и промыслахъ; о заводахъ, фабрикахъ и корабельныхъ верфяхъ; объ урожаяхъ; о цѣнахъ на хлѣбъ и на другіе съѣстные припасы; о количествѣ пахатной земли и недостаточности ея сравнительно съ населеніемъ, и пр. Сюда же относится вѣдомость о вещахъ, приготовляемыхъ на ижорскихъ заводахъ, и т. п. [369]).

При собраніи свѣдѣній о различныхъ отрасляхъ народной жизни, о ея прошломъ и настоящемъ, Озерецковскій обращался къ образованнѣйшимъ изъ мѣстныхъ жителей, любителямъ древностей и знатокамъ края. Онъ пользовался указаніями знаменитаго Евгенія Болховитинова, бывшаго тогда епископомъ старорусскимъ. Евгеній сообщилъ ему списокъ съ мстиславской граматы, который и напечатанъ имъ въ описаніи путешествія отъ Петербурга до Старой Русы (стр. 23). Отъ Евгенія узналъ Озерецковскій,

что въ новгородскомъ софійскомъ соборѣ находится до тысячи разныхъ рукописей, и въ числѣ ихъ евангелія XIV и XV вѣка, также рѣдкое собраніе печатныхъ славянскихъ книгъ перваго выхода, а въ антоніевомъ монастырѣ — три евангелія, писанныя, какъ должно полагать, въ XIV и XV столѣтіяхъ. Подробныя и обстоятельныя извѣстія о Новой землѣ, о бѣломорскихъ животныхъ, и многія другія свѣдѣнія, составляющія обширныя статьи, Озерецковскій получилъ отъ замѣчательныхъ по своей любознательности архангелородскихъ гражданъ Александра Ивановича Фомина и Василія Васильевича Крестинина, избранныхъ впослѣдствіи въ члены-корреспонденты академіи наукъ. Сообщаемыя Озерецковскимъ свѣдѣнія о первоначальной судьбѣ Ломоносова, полученныя отъ Степана Кочнева, принадлежатъ къ числу самыхъ цѣнныхъ матеріаловъ для біографіи Ломоносова. Путешественникъ нашъ старался расширить кругъ своихъ сношеній съ мѣстными жителями, внимательно распрашивалъ ихъ обо всемъ достопримѣчательномъ, и получилъ весьма много любопытныхъ свѣдѣній отъ лицъ различныхъ слоевъ общества, отъ олонецкаго вицегубернатора Зиновьева и маркшейдера Карамышева до рыболововъ и проводниковъ, при помощи которыхъ пробирался по сѣвернымъ тундрамъ. Многими и лучшими свѣдѣніями о деревняхъ и селахъ Озерецковскій обязанъ, какъ самъ говоритъ, мѣстному духовенству, къ содѣйствію котораго онъ постоянно обращался во время своего путешествія.

Добывая матеріалы изъ различныхъ источниковъ, Озерецковскій пользовался ими съ осторожностію и должнымъ выборомъ, тщательно отмѣчая, что̀ видѣлъ и наблюдалъ самъ, и что̀ извѣстно ему по разсказамъ очевидцевъ и по свидѣтельству людей свѣдущихъ, заслуживающихъ полнаго довѣрія. Иныя извѣстія, признаваемыя исторически достовѣрными, казались нашему путешественнику сомнительными и неправдоподобными, и онъ отвергалъ ихъ руководствуясь соображеніями натуралиста. Свидѣтельства не только лицъ, но и самыхъ памятниковъ онъ повѣрялъ, по мѣрѣ возможности, другими болѣе убѣдительными данными. Утверж-

даютъ, — говоритъ онъ — что Новгородъ встарину былъ весьма обширенъ; по этому весьма трудно вѣрить, потому что въ окружности нынѣшняго города верхній слой земли ни мало не толстъ, и тотчасъ подъ нимъ слѣдуетъ либо песокъ, либо глина; но если бы тамъ изстари было населеніе, то черноземъ или насыпная земля составляли бы большую толщину [370]).

Открытіе цѣлебныхъ марціальныхъ водъ въ олонецкой губерніи, приписываемое обыкновенно олонецкому коменданту, родомъ нѣмцу, принадлежитъ не ему, а молотовому работнику. Въ бесѣдкѣ, окружающей марціальный колодезь, виситъ чугунная доска съ надписью: «сей источникъ исцѣлительной марціальной воды сыскапъ для пользы его царскаго величества и для всенародной пользы тщаніемъ и искусствомъ полковника и коменданта олонецкаго Георгія Вильгельма Геннина; рожденіе его въ Насо-Сигенъ». Но Озерецковскій говоритъ, что воды эти открыты не полковникомъ Генниномъ, а молотовымъ работникомъ Иваномъ Ребоевымъ, и въ доказательство приводитъ челобитную Ребоева съ собственноручною резолюціею Петра Великаго. «Въ прошломъ 714 году — пишетъ Ребоевъ — былъ я, нижайшій, посланъ за урядомъ въ зимнее время надъ рудяными возаками у желѣзной руды на Равъ болотѣ, и до того я, нижайшій, скорбѣлъ многіе годы сердечною болѣзнію, а изъ которыхъ мѣстъ со онаго болота крестьяне руду возили, а я, нижайшій, за оною болѣзнію чуть живъ волочился. И пришедъ къ колодезю, и сталъ воду пить, и началъ Богу молиться, чтобъ Богъ со оной воды далъ исцѣленіе, и я, нижайшій, изъ онаго колодезя ради своей болѣзни по три дни воды пилъ, и отъ того сталъ здравъ, и нынѣ ни въ чемъ не болѣзную. И въ то время я, нижайшій, обвѣстилъ на мѣдныхъ заводахъ господину плавильщику, и по тому моему доношенію вѣдомо учинилось господину артиллеріи полковнику и коменданту Вилиму Ивановичу Геннину, и пропустя время оную воду въ лѣкарство покладали, и въ лѣкарствѣ стало ладно» и т. д. На челобитной рукою Петра Великаго написано: «за объявленіе сего, что первый знакъ лѣченія на немъ означился, свобождается

онъ и домъ его отъ всѣхъ работъ и податей на мѣдныхъ заводахъ» [371]).

Общительность, пытливый умъ и наблюдательность нашего путешественника дали ему возможность ознакомиться съ бытомъ мѣстныхъ жителей во всѣхъ его подробностяхъ, съ его свѣтлыми и темными сторонами. Приводимъ нѣсколько бытовыхъ чертъ, встрѣчающихся въ значительномъ количествѣ въ описаніи путешествій Озерецковскаго по различнымъ мѣстамъ сѣвернаго и сѣверо-западнаго края Россіи.

«Въ селѣ Видлицѣ былъ я въ праздникъ Иліи пророка. По окончаніи обѣдни, женскій полъ разбрелся по кладбищу, церковь окружающему, и каждая женщина, поклонясь со знакомою ей могилою, обнимала оную обѣими руками. Тоже самое дѣлали онѣ и между собою при свиданьи одной съ другою: охватывались только руками, а не цаловались. Такое повѣрье во всей странѣ сей есть общее. Другое обыкновеніе — строить въ деревняхъ и въ лѣсу часовни, ставить въ нихъ образа, изъ коихъ всегда бываетъ одинъ мѣстный, то есть такой, которому предпочтительно передъ другими часовня посвящается. Большая часть часовень посвящены Иліѣ пророку и святителю Николаю» [372]).

О жителяхъ города Луги Озерецковскій говоритъ: «Между ими находятся купцы и мѣщане; изъ нихъ нѣкоторые гонятъ смолу, деготь и пр.; другіе пашутъ землю, которую, за недостаткомъ пахатныхъ земель въ городскихъ дачахъ, погодно нанимаютъ у помѣщиковъ. Тамъ сапожникъ, портной, кузнецъ, мясникъ, — либо изъ купцовъ, либо изъ мѣщанъ, да и нельзя иначе быть, потому что всѣ жители въ немъ сволочь. Есть пришельцы изъ другихъ городовъ, находятся люди исключенные изъ духовнаго званія или разстриги; находятся крестьяне, отпущенные на волю; поселились также чухонцы, цыгане и выходцы изъ-заграницы. Изъ такихъ людей составился городъ Луга» [373]).

«По Рыбачьей слободѣ слишкомъ много шаталось юродивыхъ людей, ханжей и нищихъ, кои всѣ испрашивали милостыню особливыми своими ремеслами: юродивые болтали вздоръ, которымъ

простыхъ людей обманывали; ханжи пѣли всячину зажмурившись, а нищіе кричали подъ окнами. Обыватели сдѣлали къ нимъ привычку, и охотно подаютъ имъ милостыни» [374]).

«Въ Старой Русѣ середа и пятница — дни весьма непріятные и тягостные отъ бродягъ, приходящихъ въ городъ изъ всего округа не просить, а требовать милостыни отъ всякаго дома, по заведенному тамъ обыкновенію. Не успѣетъ хозяинъ или хозяйка дома одѣлить копѣйками мужиковъ, бабъ, дѣвченокъ, ребятишекъ и пр., какъ тотчасъ приходятъ къ окну другіе канюки, которымъ нѣтъ счету, сколько ихъ по середамъ и по пятницамъ въ городѣ таскается. Въ другіе дни ихъ не бываетъ. Бродяги сіи не отходятъ отъ дому, развѣ отгонишь ихъ тѣмъ, когда позовешь мужика покопать въ огородѣ землю, а женщину или дѣвку вымыть полъ въ горницѣ».

Въ сельцѣ Милоховѣ «крестьянскіе домы превосходили многіе господскіе, какъ наружностію, такъ и внутренностію. Кто повѣритъ, что у крестьянина въ горницѣ находятся большія зеркала, утвари изъ краснаго дерева, разные иностранные напитки для угощенія, и вѣжливость съ ласковостію для принятія гостя? Зажиточные крестьяне во всемъ сообразуются своему господину, у котораго и въ отсутствіе его гости принимаются съ равнымъ усердіемъ какъ бы и въ его присутствіи. Онъ всегда дома, когда его тамъ и нѣтъ». Владѣльцемъ сельца Милохова былъ на ту пору генералъ-лейтенантъ Александръ Дмитріевичъ Буткевичъ [375]).

Во время ярмарки на Валаамѣ «деревенскія женщины и дѣвки ранѣе всѣхъ отъ сна пробуждались, и вставши, немедленно бросались къ водѣ, чтобъ умываться. Дѣйствіе сіе продолжается у нихъ не мало времени, потому что онѣ вопервыхъ полощутся водою, потомъ моются мыломъ, которое смывъ, натираются бѣлилами, и натершись, стоятъ или сидятъ на судахъ безъ всякаго дѣйствія, давая время бѣлиламъ хорошенько вобраться въ кожу. Послѣ сего бережно смываютъ ихъ съ лица, и какъ многія изъ нихъ зеркалъ не имѣютъ, то смотрятся въ воду, и помощію сего

зеркала уравниваютъ на себѣ подложную бѣлизну, которую наконецъ прикрашиваютъ румянами; надѣваютъ на себя кумачные сарафаны, и повязываются алыми платками или лентами, и тогда уже съ судовъ своихъ сходятъ. Многіе безъ сумнѣнія уборку сію похулятъ, особливо за излишнее употребленіе бѣлилъ, которыя составляются изъ вредной свинцовой извести; но поелику деревенскія женщины убираются такимъ образомъ только во время ярманки, а въ домахъ у себя въ одни большіе праздники, то бѣленье сіе ни мало лицъ у нихъ не портитъ, а доказываетъ напротивъ того ихъ опрятность, веселость духа и охоту нравиться, когда есть кому казаться. Изъ сего ясно также видѣть можно, что въ нравахъ ихъ грубости нѣтъ, и что народъ, который печется о убранствѣ, весьма способенъ къ принятію просвѣщенія, ему приличнаго» [376]).

Въ Осташковѣ «женщины носятъ кокошники съ высокими очельями, унизанными жемчугомъ по парчѣ или другой дорогой ткани, такъ что одинъ кокошникъ цѣною бываетъ въ 4000 рублей, да и посредственный стоитъ не менѣе тысячи рублей. У дѣвицъ на головахъ широкія ленты или вѣнцы такой же цѣны; сверхъ сихъ уборовъ покрываются длинными фатами, по большей части бѣлыми Въ душегрѣйкахъ и ферезяхъ (потамошнему *сташники*), обшитыхъ *плетенькомъ* (кружевомъ), по воскреснымъ днямъ ходятъ прогуливаться подъ вечеръ вокругъ знаменскаго монастыря; погулявши тамъ, сходятся на площадь *беззаботную*, гдѣ, до ночи прохаживаясь, поютъ пѣсенки, и какъ станетъ темно, расходятся по домамъ своимъ, каменнымъ и деревяннымъ. На сихъ прогулкахъ всегда бываютъ и мужчины, которые одѣваются въ хорошіе кафтаны. Изъ сего ихъ убранства явствуетъ, что осташи отъ промысловъ своихъ зажиточны. Роскошь есть дочь избытка; избытокъ же пріобрѣтается промышленностію, которая у осташей есть разныхъ родовъ», и т. д. [377]).

Если въ иныхъ мѣстахъ обнаруживались несомнѣнные признаки благосостоянія и довольства, то въ другихъ замѣтны были явленія противоположныя, зависѣвшія отчасти отъ тогдашнихъ

порядковъ и посторонняго вмѣшательства, крайне неблагопріятнаго для развитія общественной и народной жизни. До какой степени народъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ былъ жертвою самоуправства, произвола и разнаго рода незаконныхъ поборовъ, видно изъ слѣдующаго происшествія, въ которомъ Озерецковскій былъ дѣйствующимъ лицомъ. «При устьѣ Большой Инцы — говоритъ онъ — жилъ одинъ только крестьянинъ, который, испужавшись ночнаго моего пріѣзда, въ клѣти своей, за одною только отъ меня перегородкою, вслухъ совѣтуется съ женою своею, чѣмъ меня подарить. По окончаніи совѣта, который весь я слышалъ, приноситъ онъ мнѣ рублевикъ съ боязнію, со страхомъ, чтобъ я малымъ его подаркомъ не огорчился. На вопросъ мой, за что̀ даетъ онъ мнѣ рубль, отвѣчалъ онъ, чтобы я его не обидѣлъ. Поди съ твоимъ рублемъ, сказалъ я; мнѣ обидѣть тебя нѐзачто. Когда мужикъ вышелъ отъ меня въ сѣнцы къ женѣ своей, и отдалъ ей рубль, то она сказала: другому офицеру пригодится. Такимъ-то образомъ бѣдные люди отъ проѣзжающихъ безчинниковъ тамъ откупаются» [378]).

Проведя много времени лицомъ къ лицу съ народомъ, Озерецковскій не могъ не обратить вниманія на одну изъ яркихъ особенностей въ бытѣ и понятіяхъ народа, именно на расколъ. Путешественникъ нашъ довольно подробно описываетъ раскольничьи монастыри и передаетъ свои бесѣды съ раскольниками. Одинъ изъ нихъ доказывалъ, что «брадобритіе само по себѣ не есть грѣхъ; что оно человѣка дѣлаетъ опрятнѣе и молодитъ; но тѣмъ самымъ отнимаетъ у него мужественный видъ, и дѣлаетъ его подобнымъ женщинѣ. Возьми, говорилъ онъ, въ примѣръ солдата, который носитъ только усы: какая величавость въ его видѣ! Одни усы дѣлаютъ его страшнымъ непріятелю. Но наипаче старался онъ доказать, что брадобритіе ввело за собою много разврата, поелику оно скрываетъ лѣта человѣка, и часто сорокалѣтняго представляетъ двадцатилѣтнимъ, такъ что въ немъ обманется самая невинность, которую скорѣе онъ уловитъ, нежели обросшій волосами сатиръ». На доводы Озерецковскаго о

пользѣ употребленія нюхальнаго табаку раскольники возражали, что табакъ родился изъ блудной женщины, и въ доказательство ссылались на книгу, писаную въ листъ полууставомъ, гдѣ прегрубо изображена женщина, изъ которой выходитъ табакъ. Несмотря на дикость понятій, господствовавшихъ въ раскольничьей средѣ, Озерецковскій отзывается о ней безъ малѣйшей тѣни нетерпимости. Раскольники — говоритъ онъ — «такіе же христіане, какъ я и всякъ мнѣ подобный, но думаютъ, что особливыми своими обрядами въ богослуженіи лучше угождаютъ Богу; у всѣхъ сего рода людей спасеніе души есть главная причина ихъ заблужденій» [379]).

Озерецковскій, какъ истинный сынъ восьмнадцатаго вѣка, снисходительно смотритъ на людскія заблужденія, и какъ бы не рѣшается провести опредѣленной грани между вѣрою и суевѣріемъ. Не одна какая-либо система вѣрованій и обрядовъ, а разнообразіе и творческая сила природы производили сильное дѣйствіе на его душу, и возбуждали въ ней религіозное чувство. Любуясь красотою поростовъ, поднимавшихся у береговъ со дна морскаго, онъ «видѣлъ въ пучинѣ слѣды Господни»....

Вѣрный своему образу мыслей и духу своего вѣка, Озерецковскій съ замѣтнымъ нерасположеніемъ говоритъ о монастыряхъ, на которые смотритъ съ точки зрѣнія общественной, т. е. примѣняя къ нимъ требованія общей пользы и справедливаго воздаянія за труды. На островѣ Валаамѣ нѣкоторые изъ монаховъ удаляются отъ своей собратіи и по нѣскольку недѣль и мѣсяцовъ живутъ въ пустынькахъ, для которыхъ «избраны мѣста самыя красивыя, гдѣ взоръ наслаждается пріятностію деревъ, произрастеній, каменныхъ утесовъ и долинъ, а душа питается размышленіями, кои рождаетъ тишина и уединеніе. Но и безъ сихъ пустынекъ пребываніе въ самомъ монастырѣ столь уединенно, что кромѣ годовой ярманки очень рѣдко бываютъ тамъ проѣзжіе люди. Окружающее островъ сей Ладожское озеро отдѣляетъ валаамскихъ пустынниковъ отъ сообщенія съ набережными жителями, и никто изъ нихъ туда не ѣздитъ какъ развѣ

послучаю. Потому валаамскій монастырь наиспокойнѣйшимъ можетъ быть убѣжищемъ для такихъ людей, кои въ обществѣ исполнили долгъ человѣка и гражданина, и тѣмъ заслужили, чтобъ оно позволило имъ препровождать остальную жизнь въ совершенномъ спокойствіи, не требуя отъ нихъ больше никакого служенія. Но грѣшно бы было, если бы такое спокойствіе безъ разбору давалось людямъ, обществу не служившимъ, которые однимъ только отрицаніемъ отъ міра право на то снискиваютъ». Монастырь, находящійся на Черменецкомъ озерѣ, близъ Луги, имѣетъ «собственное землепашество, скотоводство и рыбную ловлю. Разумѣется, что монахи сами ни земли не пашутъ, ни скота не пасутъ, ни рыбы не ловятъ, а отдаютъ угодья свои крестьянамъ; сами жъ живутъ какъ помѣщики, имѣя превыгодныя мѣста, на какихъ лежатъ всѣ въ Европѣ монастыри, которыхъ многое множество» и т. д. [380]).

Особенное вниманіе и сочувствіе Озерецковскаго привлекала судьба народнаго образованія, для котораго онъ такъ много потрудился въ своей жизни. Во всѣхъ своихъ путешествіяхъ, при посѣщеніи различныхъ мѣстностей, Озерецковскій вникалъ во всѣ подробности касательно устройства и состоянія народныхъ училищъ, собирая о нихъ возможно полныя и точныя свѣдѣнія.

Въ бытность Озерецковскаго, т. е. въ 1805 году, во всѣхъ народныхъ училищахъ новгородской губерніи считалось учениковъ 486, а именно: въ новгородскомъ училищѣ 140, въ боровицкомъ 112, въ старорусскомъ 69, въ бѣлозерскомъ 56, въ тихвинскомъ 50, въ валдайскомъ 36, въ устюжскомъ 17. Но во всѣхъ этихъ городахъ было только три ученицы. Озерецковскій замѣчаетъ по этому поводу: «видно матери не хотятъ, чтобы дочери ихъ знали по крайней мѣрѣ первыя начала нравственности, поелику сами онѣ съ молоду тому не учились, нынѣ ихъ не разумѣютъ и имъ не слѣдуютъ. Дѣвушки не обучаются тамъ вмѣстѣ съ мальчиками, и учатся ли грамотѣ въ домахъ своихъ родителей, изъ обхожденія взрослыхъ заключить того не можно. Для сего пола полезно бы было завести особливое училище и препо-

давать такія наставленія, съ которыми бы купецкія дочери могли сидѣть въ шелковыхъ и полотняныхъ лавкахъ со своими матерьми и продавать нѣжные товары; сіе бы сдѣлало красу гостиному ряду, и нравственность въ открытомъ обращеніи съ людьми ни мало бы не повредилась».

Народное училище въ Новгородѣ, по замѣчанію Озерецковскаго, полезнѣе для города всѣхъ другихъ заведеній. Въ немъ обучаются дѣти дворянскія, офицерскія, чиновничьи, купеческія, мѣщанскія и крестьянскія. Крестьяне коростынской волости содержатъ въ училищѣ трехъ мальчиковъ на своемъ иждивеніи, и тѣмъ даютъ хорошій примѣръ для другихъ волостей, которыя всѣ могутъ обучать на свой счетъ въ училищѣ по нѣскольку крестьянскихъ дѣтей. По выходѣ изъ училища молодые крестьяне могли бы въ свою очередь заниматься обученіемъ дѣтей въ своемъ селѣ или деревнѣ. Такимъ путемъ крестьяне постоянно бы имѣли сельскихъ учителей изъ своей собственной среды, и не нуждались бы въ наемныхъ чтецахъ или такъ называемыхъ *земскихъ*, которые толкуютъ имъ подорожныя проѣзжихъ людей и приказы капитановъ исправниковъ. «Когда бы симъ деревенскимъ учителямъ наскучила учительская должность, то мѣста ихъ заступили бы другіе, отъ нихъ уже научившіеся. Такимъ образомъ тягостное учительское званіе сдѣлалось бы легкимъ или по крайней мѣрѣ сноснымъ, и никогда бы въ учителяхъ недостатка не было».

Въ Старой Русѣ продавцами сидятъ въ разныхъ лавкахъ бывшіе ученики мѣстнаго народнаго училища. Они хорошо читаютъ, пишутъ, и помнятъ ариѳметику. Ихъ въ низшемъ классѣ учили познанію буквъ и складамъ, россійскому букварю, правиламъ для учащихся, сокращенному катихизису, руководству къ чистописанію, священной исторіи и писать съ прописей. Въ высшемъ классѣ учитель толковалъ имъ о должностяхъ человѣка и гражданина, пространный катихизисъ, священную исторію, первую и вторую часть ариѳметики, русскую грамматику, таблицы о складахъ, чтеніи и правописаніи, руководство къ чистописанію, и училъ писать съ прописей.

«Прохаживаясь по городу (Олонцу) — говоритъ Озерецковскій — въ бѣдной избушкѣ услышалъ я шумъ многихъ ребятъ въ одно время лепечущихъ; любопытство заставило меня войти въ оную хижину, въ которой нашелъ я маленькихъ мальчиковъ и дѣвушекъ, сидящихъ за азбуками, часовниками и псалтырями. Ихъ обучалъ грамотѣ бѣдный пожилыхъ лѣтъ мѣщанинъ за весьма малую плату; ученики его хорошо выговаривали слова, и ясно читали, а учитель весьма казался быть доволенъ, что такою должностію занимается, и видитъ въ ученикахъ своихъ успѣхи. Посѣщеніе мое было ему весьма пріятно, хотя я трудовъ его ничѣмъ больше, какъ только ласковыми словами ободрить не могъ».

Другаго рода впечатлѣніе вынесъ Озерецковскій изъ училища въ Старой Ладогѣ. Городское училище помѣщалось въ старомъ деревянномъ домикѣ, подъ которымъ внизу поставлена была гауптвахта мушкатерскаго полка, а на дворѣ училищнаго дома нерѣдко ставили порохъ. «Учитель напрягалъ всѣ свои силы, чтобъ ученики слышали его наставленія, а на гауптвахтѣ, въ нижнемъ жильѣ училища, солдаты пѣли пѣсни, такъ что нельзя было узнать, что̀ ученики перенимали: учительскія рѣчи или солдатскую музыку? Всѣ настоянія учителевы у градскаго головы о починкѣ училищнаго дома, о выводѣ солдатъ изъ-подъ училища, о прибавкѣ денегъ на содержаніе онаго, съ 1786 года по 1806 годъ и далѣе, были безуспѣшны, безплодны и тщетны. Казалось, что городской голова хотѣлъ, чтобъ ученики имѣли на себѣ его голову, а не учительскую» [381]).

При описаніи различныхъ сторонъ народной жизни Озерецковскій сообщаетъ и любопытныя данныя касательно народнаго языка, приводя названія, употребляемыя въ мѣстныхъ говорахъ народа, и нѣсколько пословицъ и поговорокъ:

«Плавающіе по Ладожскому озеру и живущіе вокругъ онаго россіяне обыкли называть главные вѣтры русскими наименованіями, кои почти тѣ же самыя, какія въ употребленіи у всѣхъ нашихъ поморцевъ, около Бѣлаго моря и по берегамъ Сѣвернаго

океана живущихъ. Сіи названія *вѣтровъ* суть слѣдующія: *востокъ*, *зимнякъ*, *полуденникъ*, *шолонникъ*, *западъ*, *подсѣверный*, *сѣверикъ* и *межéнецъ*. Порядокъ, какимъ я имена ихъ здѣсь поставилъ, уже довольно воказываетъ, которое изъ нихъ къ какому вѣтру относится. Набережные жители Онежскаго озера такъ же ихъ называютъ».

«Въ здѣшней странѣ (по рѣкѣ Ловоти) употребляются разныя вещей названія, отъ другихъ мѣстъ отличныя, какъ напримѣръ:

бредина называется ива, съ которой дерутъ кожу для кожевенныхъ заводовъ.

вылюдье значитъ нѣкоторую красу, какъ видно изъ тамошней поговорки: *хотя то вылюдье, что передніе зубы цѣлы*.

жагра — губка, изъ которой дѣлаютъ трутъ для присѣканія огня.

замолотникъ — господскій крестьянинъ, который смотритъ за молоченьемъ хлѣба, за топленіемъ овина или риги, вѣетъ и убираетъ хлѣбъ въ житницы.

куча сѣна — тоже, что копна.

окрутникъ — кто о святкахъ переряжается въ маскарадное платье, и въ маскѣ ходитъ по домамъ для увеселенія хозяевъ.

паренина — паръ или паровая пашня.

помельщикъ — кто пріѣзжаетъ на мельницу молоть свой хлѣбъ.

пріузень — цѣпъ, которымъ молотятъ хлѣбъ.

пуни — сараи для поклажи яровой соломы.

толока — помощь отъ сосѣднихъ крестьянъ въ сельскихъ работахъ.

осыпался улей пчелъ; *осыпалось* стадо скота — перевелись пчелы; перевелся скотъ.

Есть тамъ и особливыя привѣтствія, какъ напримѣръ, доильщицѣ коровы говорятъ: *море подъ корову;* ищеѣ въ волосахъ

насѣкомыхъ: *моръ на вши*, а шутя привѣтствуютъ и такъ: *вши въ голову*. Тамошнія пословицы:

на огонь сѣна не напасешься.

гдѣ двѣ бабы, тамъ суёмъ (сходбище для разговора), *а гдѣ три, тамъ содомъ*».

«Когда умножится число поучившихся въ народныхъ училищахъ, то въ Осташковѣ не будутъ употреблять дательный падежъ вмѣсто родительнаго, что̀ теперь во всеобщемъ употребленіи: вмѣсто *хочется поѣсть кашки*, говорятъ *кашкѣ* и проч. Въ глаголахъ дѣйствительныхъ и среднихъ настоящаго и будущаго времени въ третьемъ лицѣ обоихъ чиселъ не договариваютъ *тъ*, напримѣръ: вмѣсто *читаетъ*, *хвалитъ*, говорятъ *читае*, *хвали;* вмѣсто *сидитъ*, *спитъ* — *сиди*, *спи; кольнетъ*, *выпьетъ* — *кольне*, *выпье* и проч. Тамъ есть слова совсѣмъ отличныя отъ другихъ мѣстъ; напримѣръ:

богатырь — картина.

бреднякъ — ивовая и дубовая кора.

вѣнецъ — головная лента или повязка.

добой — маленькій сапожный гвоздь.

жишка — поросенокъ.

изобка — маленькая горенка.

клуша — галка.

кожанъ — летучая мышь.

латка — противень, на которомъ жарятъ.

лука — заливъ.

ляготка — лягушка.

макса — рыбьи молоки.

маторъ — коромысло, водоносъ.

мень — налимъ.

павокъ — паукъ.

пещерикъ — маленькій кулечекъ.

поварешка — уполовникъ, разливная ложка.

взбулгатиться — рано проснуться, встревожиться.

воложитъ — маслить, мазать.

драчить — гладить, нѣжить.

взаболь — вправду, и проч.[382]).

Учено-литературная дѣятельность Озерецковскаго выразилась какъ въ описаніи его путешествій такъ и въ многочисленныхъ мемуарахъ и статьяхъ, появлявшихся на страницахъ почти всѣхъ, русскихъ и иностранныхъ, періодическихъ изданій петербургской академіи наукъ, выходившихъ съ конца семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія и до начала двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія. Труды нашего академика, хронологическій указатель которыхъ мы помѣстили въ приложеніи, весьма разнообразны: по содержанію своему они относятся къ естественнымъ наукамъ во всемъ ихъ объемѣ, а также къ медицинѣ, географіи, этнографіи, технологіи, рыбной и звѣриной ловлѣ, и т. п.

Мемуары Озерецковскаго, помѣщенные въ иностранныхъ изданіяхъ академіи, выходившихъ подъ названіемъ: acta academiae scientiarum petropolitanae, nova acta academiae petropolitanae и mémoires de l'académie des sciences, относятся преимущественно къ зоологіи, а нѣкоторые изъ нихъ—къ минералогіи, технологіи, ботаникѣ и физикѣ, и заключаютъ въ себѣ описаніе предметовъ природы, сообразное съ общеупотребительными у натуралистовъ пріемами и съ тогдашнимъ состояніемъ науки. Въ своихъ наблюденіяхъ и выводахъ Озерецковскій держался начала, выраженнаго знаменитымъ Линнеемъ въ такой формѣ: classis et ordo est sapientiae, genus et species naturae opus. Руководствуясь этимъ началомъ, ученый нашъ при опредѣленіи рода и вида описываемаго предмета всего болѣе заботился о строгой точности и послѣдовательности, не позволяя себѣ произвола и уклоненій отъ того, что̀ представляютъ самые факты природы, разсматриваемые въ ихъ совокупности и взаимной связи. Предметы для своихъ научныхъ описаній и изслѣдованій Озерецковскій бралъ преимущественно изъ русской природы, отъ рыбъ и звѣрей до человѣка, разсматриваемаго въ отношеніи его физическихъ свойствъ. Въ одномъ изъ латинскихъ мемуаровъ Озерецковскій описываетъ необыкновенное проявленіе электричества въ

человѣческомъ тѣлѣ: тобольскій житель Михайло Пушкинъ до такой степени обладалъ электрическою силою, что прикасавшіеся къ нему чувствовали ударъ и сотрясеніе, и сила эта перешла и къ женѣ Пушкина, поцалуи которой при встрѣчѣ съ знакомыми женщинами производили на нихъ дѣйствіе электрической искры. Въ доказательство возможности подобнаго явленія Озерецковскій ссылается на свидѣтельство ученаго путешественника Кассини, который видѣлъ въ Италіи русскаго вельможу, обладавшаго, по его словамъ, въ разные года своей жизни чрезвычайною электрическою силою [383]). Такъ какъ Озерецковскій описывалъ предметы русской природы и жизни со всевозможною точностью, удерживая при этомъ всѣ мѣстныя названія, относящіяся къ наблюдаемымъ явленіямъ, то въ его латинскихъ мемуарахъ встрѣчается много чисто-русскихъ терминовъ, предающихъ особенный видъ его полурусской и полулатинской рѣчи, какъ напримѣръ: *Красная рыба* certum emigrationis, quae apud piscatores dicitur *ходъ рыбъ*, tempus agnoscit... Circa loca ejusmodi natans *бѣлуга* dicitur *на ямы ложится*, quae loca versus mare tantum observantur. Celebriora ex illis sunt: *чаганская*, *учаринская*, *кумузяцская*, *коловертная* et *кольская*... Triplicis generis *снасти* usus in Volga datur; haec, quam descripsi, audit *бальбирошная* vel *самоловная*, altera vocatur *кусковая*... Ad *неводъ* fluviatilem requiruntur 10 operarii, et undecimus, qui audit *неводчикъ*; ad *ильменной* vero, incluso *неводчикъ 10*, totidem et ad *распорной*... *Волокуша* et *поѣздуха* sunt etiam species *невода*... Ad unamquemque talem *скобка* piscis *севрюги* vesiculae tres requiruntur; *осетровая* una sufficit; ex *belugae* vero unica tres parari solent. In pondere rossico *pud* mille *скобки* numerantur... [384]).

Изъ періодическихъ изданій академіи наукъ, выходившихъ на русскомъ языкѣ, Озерецковскій участвовалъ въ слѣдующихъ: въ мѣсяцословахъ историческихъ и географическихъ и съ наставленіями, служившихъ въ свое время однимъ изъ средствъ для распространенія знаній въ обществѣ; въ новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ; въ технологическомъ журналѣ, содержаніе котораго

гораздо шире названія, представляя собою нѣчто въ родѣ энциклопедіи естественныхъ наукъ; въ прибавленіи къ техническому журналу и въ продолженіи техническаго журнала; въ умозрительныхъ изслѣдованіяхъ и въ трудахъ академіи наукъ, въ составъ которыхъ входили мемуары какъ переводные, такъ и написанные порусски и имѣвшіе въ виду потребности русскаго читающаго общества.

Въ русскихъ академическихъ изданіяхъ находятся такого рода статьи Озерецковскаго: о жизни и свойствахъ животныхъ; разсужденія о животныхъ и насѣкомыхъ; о породахъ болотныхъ птицъ; особенные виды рыбной и звѣриной ловли; описаніе моржеваго промысла; объ употребленіи птичьихъ шкурокъ и пуха; о поваренной соли; объ употребленіи дикой бальзамины въ сибирской язвѣ; о показателѣ сухости и влажности воздуха; описаніе нѣсколькихъ озеръ; о вершинѣ рѣки Волги, и т. д.

Съ началомъ 1802 года прибавленіе къ академической газетѣ получило нѣсколько новый видъ. Въ письмѣ на имя президента академіи наукъ барона Николаи Д. П. Трощинскій объявилъ волю государя, чтобы «въ изданіи при вѣдомостяхъ любопытныхъ извѣстій академія не ограничивала себя одними ремеслами, художествами и земледѣліемъ, но помѣщала бы въ нихъ краткія понятія о всѣхъ новыхъ открытіяхъ въ разныхъ частяхъ наукъ, а особливо къ познанію природы относящіяся и могущія служить къ возбужденію общей дѣятельности испытаній и вкуса къ просвѣщенію». Озерецковскимъ представлено для академической газеты довольно много статей такого содержанія: успѣхи прививанія коровьей оспы; о посѣвѣ гречи; о снѣ; какъ достигнуть можно глубокой, здоровой и веселой старости; какъ утушать пожары въ зимнее время; о египетскихъ крокодилахъ; замѣтки о древностяхъ, и т. п.[365]).

Нѣкоторыя изъ статей представлены Озерецковскимъ въ конференцію безъ означенія того изданія, для котораго предназначались они авторомъ. Таковы: объ озерныхъ соляхъ или самосадкахъ; о второзачатіи въ животныхъ и въ растеніяхъ; о про-

стопародныхъ средствахъ, употребляемыхъ въ окрестностяхъ Москвы въ различныхъ болѣзняхъ, и др. Мемуаръ Озерецковскаго: de usu radicis fumariae bulbosae, a russis *растъ* dictae, apud carelos, конференція поручила разсмотрѣть академику Захарову, который и представилъ свое заключеніе, состоящее въ томъ, что такъ какъ содержаніе мемуара относится къ области медицины, то онъ былъ бы гораздо умѣстнѣе въ какомъ-либо медицинскомъ изданіи, нежели въ трудахъ академіи наукъ [386]). По поводу грибовъ, найденныхъ академикомъ Смѣловскимъ и представленныхъ имъ въ конференцію какъ образецъ удивительной игры природы, Озерецковскій писалъ непремѣнному секретарю: «Препровождаю два изображенія яблока и гриба, въ которыхъ вы увидите игрушку природы гораздо яснѣе, нежели въ грибахъ г. Смѣловскаго. Я бы не смѣлъ грибковъ оныхъ представить въ ученое собраніе академіи наукъ, и надобно быть Смѣловскимъ, чтобы на это осмѣлиться. О грибѣ и яблокѣ, здѣсь изображенныхъ, написано было мною двѣ диссертаціи, которыхъ отыскать не могу, и долженъ писать о нихъ снова, держась того мнѣнія, что какъ въ животныхъ, такъ и въ растеніяхъ бываетъ superfoetatio» [386]).

Озерецковскій помѣщалъ также статьи свои и въ трудахъ вольнаго экономическаго общества, представлявшихъ по своей цѣли и содержанію не мало сходнаго съ нѣкоторыми повременными изданіями академіи наукъ.

Будучи дѣятельнымъ сотрудникомъ литературныхъ органовъ академіи, и помѣщая въ нихъ статьи на русскомъ, латинскомъ и французскомъ языкахъ, Озерецковскій принималъ на себя и редакцію нѣкоторыхъ изъ академическихъ изданій.

Имя Озерецковскаго встрѣчается въ числѣ редакторовъ академическихъ извѣстій, предпринятыхъ «нѣкоторымъ обществомъ при санктпетербургской академіи наукъ» съ цѣлію «распространенія полезныхъ знаній и возбужденія любопытства къ онымъ». Для достиженія этой цѣли принято за основаніе вопервыхъ дать понятіе о предметѣ всѣхъ наукъ, изобразить ихъ начало, разви-

тіе и вліяніе на общество; вовторыхъ — доказывать ихъ пользу и приложеніе къ общественнымъ нуждамъ. Главное стараніе издателей заключалось въ распространеніи возможно-полныхъ и всестороннихъ свѣдѣній объ отечествѣ. Программа изданія весьма широкая: въ немъ должны были помѣщаться изслѣдованія физическія и моральныя, и все то, что «можетъ отличить или усвойствовать человѣческій разумъ и воображеніе для пользы и увеселенія читателей; избранныя, примѣчательныя и отличныя предпріятія; дѣйствія, изреченія знаменитыхъ людей; главныя черты ихъ жизни, привлекающія вниманіе; суды разныхъ въ Европѣ трибуналовъ» и т. п.[387]).

Озерецковскій былъ редакторомъ сборника, предпринятаго академіею наукъ подъ названіемъ: собраніе сочиненій, выбранныхъ изъ мѣсяцослововъ на разные годы. Мѣсяцословы, ежегодно выходившіе при академіи съ двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія, заключали въ себѣ не мало статей, и любопытныхъ и весьма дѣльныхъ, для которыхъ въ свое время не было достаточно читателей; но число ихъ постепенно увеличивалось, и потому явилась надобность перепечатывать вещи, непотерявшія своего значенія, и вообще заслуживающія вниманія, но составлявшія уже библіографическую рѣдкость. Выбирая изъ календарей за многіе года только матеріалъ дѣйствительно цѣнный, Озерецковскій пропускалъ статьи въ родѣ толкованій о выгодныхъ дняхъ для кровопусканія, которымъ въ его время никто разумный больше не вѣрилъ. Дорожа дѣльностію содержанія, Озерецковскій, какъ издатель, мирился съ недостатками устарѣвшаго слога, къ которымъ до того привыкъ, что они его нисколько не поражали. Читатель — говоритъ онъ — «не найдетъ въ старинныхъ сихъ сочиненіяхъ желаемой чистоты слога, который хотя я выправлять и старался, но совершенно очистить его не могъ, ибо причитавшись къ симъ твореніямъ, нечувствительно привыкалъ и къ самымъ выраженіямъ, которыя хотя мѣстами и шероховаты, но мнѣ уже казались гладкими. Однакожъ неровности сіи не убавятъ цѣны такихъ сочиненій, коимъ подобныхъ на россійскомъ

языкѣ не имѣется, и никто написать не въ состояніи кромѣ такого общества, какова есть академія наукъ» [388]).

Озерецковскому принадлежитъ трудъ и честь изданія перваго литературнаго органа министерства народнаго просвѣщенія въ лучшую пору его дѣятельности — «періодическаго сочиненія о успѣхахъ народнаго просвѣщенія». Озерецковскій былъ редакторомъ втеченіе пятнадцати лѣтъ, съ 1803 по 1817 годъ, и издалъ сорокъ три части. Въ составъ изданія входили всѣ постановленія по министерству народнаго просвѣщенія, мѣры къ учрежденію и развитію университетовъ и подвѣдомыхъ имъ училищъ, извѣстія о состояніи учебныхъ заведеній въ различныхъ мѣстахъ Россіи, и т. п. «Сверхъ того,— говорится въ предувѣдомленіи— чтобы наиболѣе подать способовъ къ народному просвѣщенію, присовокупляемы будутъ сочиненія, переводы и извѣстія, служащія къ наставленію юношества въ наукахъ, въ домоводствѣ, въ торговлѣ и земледѣліи. А поелику всѣ сіи предметы отъ подвиговъ и упражненій человѣка новыя получаютъ приращенія, то помѣщаемы здѣсь будутъ всякаго рода открытія и изобрѣтенія. Наконецъ приводимы будутъ самыя книги, какъ иностранныя, такъ и россійскія, которыхъ сочинителямъ отдаваема будетъ должная справедливость въ изящности слога, въ чистотѣ нравоученія и благонамѣренныхъ трудахъ ихъ для потомства».

Въ періодическомъ сочиненіи о успѣхахъ народнаго просвѣщенія находятся самыя точныя свѣдѣнія обо всѣхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, отъ университетовъ до народныхъ школъ; о перемѣнахъ въ личномъ составѣ преподавателей; объ ученикахъ, оказавшихъ отличные успѣхи въ наукахъ, и т. п. Извѣстія объ училищахъ помѣщались изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, и эти ежемѣсячныя извѣстія служатъ превосходнымъ матеріаломъ для знакомства какъ съ самими фактами училищной жизни, такъ и съ тѣми началами, которымъ слѣдовали ея руководители. Что касается свойства и подробности сообщеній, то объ этомъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ въ отдѣлѣ разныхъ извѣстій, относящихся къ 1809 году. Купцы и

мѣщане владимірской губерніи опредѣлили давать ежегодно на содержаніе приходскихъ училищъ: владимірскіе по 200 рублей; муромскіе, переславскіе, юрьевскіе, шуйскіе и вязниковскіе по 150, а покровскіе, александровскіе, ковровскіе и меленковскіе по 100 рублей. Для образованія дарованій, особенно въ словесности, заведены въ гимназіи ежемѣсячныя собранія, въ которыхъ учителя поочередно говорятъ разсужденія, относящіяся до преподаваемыхъ имъ предметовъ, а ученики читаютъ краткія рѣчи и стихи. При разныхъ приходскихъ училищахъ заведены небольшія библіотеки, состоящія изъ книгъ и учебныхъ пособій для бѣдныхъ учениковъ; гимназическая библіотека умножена значительнымъ количествомъ книгъ, преимущественно изъ доходовъ отъ сочиненій, подаренныхъ гимназіи княземъ Иваномъ Михайловичемъ Долгорукимъ. Во многихъ городахъ и селеніяхъ доселѣ обучали русской грамотѣ крестьяне, подьячіе и женщины раскольничьей секты; но съ учрежденіемъ приходскихъ училищъ эти учителя-самозванцы болѣе грамотѣ не обучаютъ. Въ ярославской губерніи число учащихся во всѣхъ училищахъ 729; выбыло окончившихъ ученіе 55, неокончившихъ 103; число учащихся болѣе прошлогодняго 49 учениками, и т. д. Вмѣстѣ съ подробными свѣдѣніями о современномъ состояніи училищъ помѣщались иногда и историческіе обзоры учебныхъ заведеній края. Въ статьѣ объ училищахъ иркутской губерніи говорится о заслугахъ «любителя учености» Кличкн, который, будучи губернаторомъ въ Иркутскѣ, основалъ и обогатилъ публичную библіотеку, и много содѣйствовалъ народному образованію. Учрежденіе въ 1792 году класса японскаго языка при иркутскомъ народномъ училищѣ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что двое изъ японцевъ, спасшіеся отъ кораблекрушенія при алеутскихъ островахъ и привезенные въ Иркутскъ, приняли христіанскую вѣру, и вслѣдствіе этого не могли уже возвратиться въ отечество; поэтому велѣно было употребить ихъ для обученія японскому языку, который могъ быть весьма нуженъ при установленіи торговыхъ сношеній нашихъ съ Японіей, и т. д.

Журналъ, издаваемый Озерецковскимъ, знакомилъ читателей какъ съ судьбами народнаго образованія въ Россіи и отчасти въ западной Европѣ—въ статьяхъ: о геттингенскомъ университетѣ, о народномъ просвѣщеніи во Франціи и др., такъ и съ тогдашнимъ состояніемъ образованности, насколько оно выразилось въ количествѣ и качествѣ выходившихъ въ Россіи книгъ. О литературной производительности того времени можно судить по извѣстіямъ журнала о книгахъ, одобренныхъ университетскими цензурными комитетами, и по статьямъ, появлявшимся въ журналѣ, изъ которыхъ нѣкоторыя принадлежатъ замѣчательнымъ русскимъ ученымъ, какъ напримѣръ: Успенскому, Мудрову и самому Озерецковскому. Въ періодическомъ сочиненіи объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія помѣщены: рѣчь профессора русской исторіи въ харьковскомъ университетѣ Успенскаго—о состояніи военныхъ силъ въ Россіи до временъ императора Петра Великаго; рѣчь профессора медицины въ московскомъ университетѣ Мудрова—о пользѣ и предметахъ военной гигіены; статьи Озерецковскаго—о причинахъ различія между земледѣліемъ французскимъ и англійскимъ; объ употребленіи костей въ пищу; о русскомъ переводѣ сочиненія Лонгина, и т. д.

Въ статьѣ объ употребленіи костей, напечатанной въ первой книжкѣ журнала 1803 года, Озерецковскій говоритъ: «Вся Европа за новое почла открытіе, что кости снѣдныхъ животныхъ можно употреблять въ пищу; но открытіе сіе съ невѣдомыхъ временъ извѣстно нашимъ самоѣдамъ и россіянамъ, которые живутъ по берегу Ледовитаго моря отъ Канина носа къ Пустозерску. За тридцать лѣтъ отъ сего времени замѣтилъ я о семъ употребленіи костей въ моихъ путешественныхъ запискахъ (записки сіи въ свѣтъ не изданы), которыя дѣлалъ объѣзжая Ледовитымъ моремъ берега, лежащіе между Канинымъ носомъ и рѣкою Печорою. Думать надобно, что поселившіеся тамъ россіяне спознали про сіе употребленіе отъ тамошнихъ самоѣдовъ, потому что сіи послѣдніе обыкновенно то дѣлаютъ. Русскіе, зная сіе, собираютъ всѣ кости отъ животныхъ, въ пищу употребляемыхъ, и въ чер-

ныхъ своихъ избахъ кладутъ ихъ на полавочники, или на широкія доски, между лавками, на которыя садятся, и потолокомъ къ стѣнамъ избы прибитыя. На полавочникахъ держатъ оныя по два, по три и по четыре мѣсяца, чтобъ кости отъ избной теплоты, которая къ потолоку всегда сильнѣе, сдѣлались совершенно сухи и легки. По прошествіи сказаннаго времени, кости оныя по большей части отдаютъ сямоѣдамъ, которые пасутъ у русскихъ оленей. Сямоѣды, истолокши сухія кости, кладутъ въ котелъ, наливаютъ водою, и варятъ. Отъ сего варенья толченыя кости разрушаются въ мелкій порошокъ, и даютъ отъ себя много сала, которое собирается на поверхность воды. Сало сіе счерпываютъ для употребленія въ пищу, потому что оно вкусомъ пріятно, и на приправу яствъ служитъ вмѣсто коровьяго масла. Самую же воду, въ которой кости варились, засыпаютъ крупою, и кашицу сію ѣдятъ со вкусомъ. Примѣру сямоѣдовъ послѣдуютъ и русскіе тамошніе жители, что̀ на рѣкѣ Вижасѣ за Канинымъ носомъ видѣлъ я собственными моими глазами. Такимъ образомъ остается истина сія всегда непоколебимою, что не всѣ открытія почитать должно за новыя». Озерецковскій называетъ самоѣдовъ *сямоѣдами*, основываясь на мѣстномъ произношеніи и отчасти на словопроизводствѣ. На самоѣдскомъ языкѣ слово *сямай* значитъ *поганый*. «Я вошелъ въ распросъ, — говоритъ Озерецковскій — чѣмъ сямоѣды питаются, и услышалъ, что они ѣдятъ всякаго звѣря живаго и мертваго. Истину сію подтвердили тамошніе россіяне, которые говорили, что сямоѣдъ жретъ всякую падаль, *потому и зовемъ его сямоѣдомъ*, то есть *поганоѣдомъ*»[389]).

По поводу выхода сочиненія Лонгина о высокомъ или великолѣпномъ въ русскомъ переводѣ Мартынова, съ примѣчаніями переводчика, Озерецковскій говоритъ: «Переводъ сей Лонгинова творенія о высокомъ въ словѣ или сочиненіи столь исправенъ, что для упражняющихся въ переводѣ книгъ о словесныхъ наукахъ наилучшимъ служить можетъ образцомъ. Примѣры, изъ россійскихъ писателей г. переводчикомъ приведенные, столь прекрасны, что честь дѣлаютъ его вкусу и разборчивости. Объясненія на

нѣкоторыя мѣста самаго Лонгина весьма остроумны. Наконецъ вся книга сія съ толикимъ издана тщаніемъ, что любители словесныхъ наукъ за трудъ сей будутъ г. Мартынова благодарить и просить, чтобъ онъ и впредь подобными переводами обогащалъ россійскую литературу» [390]). Мартыновъ приводитъ примѣры изъ Ломоносова, Державина, Хераскова, Княжнина, Крылова и другихъ писателей, и говоритъ: «Нѣтъ сомнѣнія, что Ломосósовъ, не смотря на нѣкоторыя неисправности въ языкѣ и на восторги, вышедшіе, какъ многіе говорятъ, изъ моды, равно какъ Державинъ и Херасковъ, суть писатели всѣхъ вѣковъ. Несомнительно также, что Княжнинъ дружески принятъ въ храмъ безсмертія Расиномъ, Дмитріевъ также принятъ будетъ Лафонтенемъ, и Карамзинъ не тщетно трудится надъ своимъ памятникомъ. Сюда можно было бы включить еще нѣсколько писателей, о коихъ безсмертіи сомнѣваться не можно. Особливо заслуживаютъ сіе образцовый, единственный въ своемъ родѣ баснописецъ Крыловъ и величественный трагикъ Озеровъ. Г. Крыловъ совершенно владѣетъ какъ вообще русскимъ языкомъ, такъ и въ особенности простонародными словами. Хотя басня есть такой родъ сочиненія, который и самъ собою требуетъ словъ простонародныхъ; однако искусство употреблять оныя кстати г. Крылову принадлежитъ, кажется, преимущественно. Почти въ каждой баснѣ его можно найдти довольно сему примѣровъ:

Какой-то всадникъ такъ коня себѣ *нашколилъ*,
Что дѣлалъ изъ него все, что изволилъ,
Не *шевеля* почти и поводовъ.
Конь болѣ лишь *серчалъ* и рвался....
То надъ носомъ *юлитъ* у коренной....
Я *затяну*, и вы не отставай....
Псы *залились* въ хлѣвахъ, и рвутся вонъ на драку»....

Къ числу трудовъ, которыми Озерецковскій пріобрѣлъ извѣстность въ литературѣ нашей конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, принадлежатъ и его переводы съ иностранныхъ язы-

ковъ: латинскаго, французскаго и нѣмецкаго. Подобно Румовскому, онъ переводилъ и отдѣльныя статьи и цѣлыя сочиненія.

По вызову россійской академіи Озерецковскій принялъ на себя перевести съ латинскаго сочиненія Саллустія. Президентъ академіи Нартовъ, имѣя въ виду обогащеніе русской словесности переводами классическихъ писателей древняго міра, предложилъ Озерецковскому перевести на русскій языкъ описаніе войнъ Катилины и Югурты. Озерецковскій принялъ это предложеніе весьма охотно, и исполнилъ его весьма скоро. Въ академическомъ собраніи 8 августа 1808 года Озерецковскому предложено было заняться переводомъ; въ собраніи 28 ноября прочитано нѣсколько главъ изъ войны Катилины. Члены россійской академіи выслушали ихъ съ большимъ удовольствіемъ, и просили переводчика прочитать ихъ въ торжественномъ собраніи академіи, происходившемъ 8 декабря; а въ слѣдующемъ, 1809 году, переводъ во всемъ его объемѣ появился уже въ печати. Переводъ Озерецковскаго предпринятъ съ тою же цѣлью, и исполненъ при тѣхъ же литературныхъ условіяхъ, какъ и переводъ Тацита Румовскаго. Но Озерецковскій болѣе и значительно болѣе, нежели Румовскій, пользовался французскимъ переводомъ Дотвиля. Многіе обороты, вставки словъ и отступленія отъ подлинника появились въ русскомъ переводѣ очевидно подъ вліяніемъ французскаго. Но съ другой стороны иныя мѣста въ русскомъ переводѣ представляютъ во всѣхъ отношеніяхъ болѣе сходства съ латинскимъ подлинникомъ, нежели съ французскимъ переводомъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ переводъ Дотвиля выражаетъ мысль подлинника описательно или съ большими распространеніями. Для доказательства предлагаемъ нѣсколько мѣстъ: изъ подлинника въ той его редакціи, въ которой онъ приложенъ къ переводу Озерецковскаго, изданному россійскою академіей; изъ французскаго перевода Дотвиля, и изъ русскаго перевода Озерецковскаго.

Pulchrum est benè facere reipublicae: etiam benè dicere	Il est beau de servir l'Etat; il l'est aussi de se distinguer

haud absurdum est; vel pace, vel bello, clarum fieri licet: et qui fecêre, et qui facta aliorum scripsêre, multi laudantur. Ac mihi quidem, tametsi haudquaquam par gloria sequatur scriptorem et auctorem rerum, tamen in primis arduum videtur res gestas scribere: primùm, quòd facta dictis sunt exaequanda; dehinc, quia plerique, quae delicta reprehenderis, malevolentiâ et invidiâ dicta putant: ubi de magnâ virtute et gloriâ bonorum memores, quae sibi quisque facilia factu putat, aequo animo accipit; supra ea, veluti ficta, pro falsis ducit. Sed ego adolescentulus, initio, sicuti plerique, studio ad rempublicam latus sum, ibique mihi advorsa multa fuêre. Nam pro pudore, pro abstinentiâ, pro virtute, audacia, largitio, avaritia vigebant. Quae tametsi animus aspernabatur, insolens malarum artium, tamen inter tanta vitia, imbecilla aetas, ambitione corrupta tenebatur. Ac me, cum ab reliquorum malis moribus dissentirem, nihilominùs honoris cupido eadem, quae ceteros, fama atque invidia vexabat.

par son éloquence. La paix a ses lauriers comme la guèrre; et si on loue ceux qui ont fait de belles actions, on ne laisse pas sans éloges ceux qui les ont écrites. Quoique la gloire de ces derniers soit d'un genre inférieur, leur entreprise me parait des plus difficiles. Il faut d'abord une espèce de proportion entre les paroles et les faits; de plus, on taxe de jalousie et de malignité la censure des fautes; et, lorsque vous parlez d'actions héroïques et vertueuses, le lecteur n'en adopte que ce qu'il se sent capable de faire lui-même, et rejette tout le reste comme faussement inventé. Pour moi, je me sentis, comme la plupart, porté, dès ma plus tendre jeunesse, à rechercher les emplois de la république. J'y éprouvai bien des traverses; aulieu de la pudeur, de désintéressement et de la vertu, régnaient l'audace, la corruption des suffrages et l'avarice. Quoique plein d'horreur pour des excès auxquels je n'étais point fait, je me trouvais comme enchaîné au milieu de tant de vices, parce que la faiblesse de mon âge s'était laissé séduire à l'attrait des honneurs.

Irréprochable sur tout le reste, j'étais, ainsi que les autres, le jouet de l'ambition, de la renommée et de l'envie.

— Государству служить похвально; но не постыдно также отличаться и краснорѣчіемъ. Слава пріобрѣтается какъ миромъ, такъ и войною; и если прославляются тѣ, которые великія дѣла учинили, то не остаются безъ похвалы и тѣ, которые дѣла сіи описали. Хотя писатели равной славы не достигаютъ, но предпріятіе ихъ кажется мнѣ весьма труднымъ, потому что между словами и дѣяніями вопервыхъ соблюсти надобно соразмѣрность; сверхъ того приводимыя погрѣшности многіе приписываютъ зависти и недоброжелательству, и когда говоришь о дѣлахъ великихъ и весьма славныхъ, то читатель вѣритъ только тому, къ чему самъ себя находитъ способнымъ, а прочее отвергаетъ какъ вымышленное. Что до меня касается, то я, равно какъ и многіе другіе, съ малыхъ лѣтъ старался быть при должностяхъ республики. Много претерпѣлъ я тамъ противностей; вмѣсто стыдливости, безкорыстія и добродѣтели, господствовали тамъ наглость, потворство и сребролюбіе. Хотя я симъ и гнушался, будучи къ тому несроденъ; но среди толь многихъ пороковъ держался какъ бы связанъ, потому что слабость лѣтъ моихъ прелестію честей была подстрекаема. При цѣломудріи моемъ во всемъ прочемъ, былъ я, какъ и другіе, игралищемъ честолюбія, славы и зависти. —

Qui ubi primùm adolevit, pollens viribus, decorâ facie, sed multò maxumè ingenio validus, non se luxui neque inertiae corrumpendum dedit. Sed, utì mos gentis illius est, equitare, jaculari, cursu cum aequalibus

Ce jeune prince, d'une forte complexion, d'un extérieur aimable, et encore mieux avantagé du côté de l'esprit, ne se laissa point corrompre par le luxe. et la mollesse. Il s'exerçait, suivant l'usage de sa na-

certare: et, cùm omnîs gloriâ anteïret, omnibus tamen carus esse; ad hoc, pleraque tempora in venando agere; leonem atque alias feras primus, aut in primis ferire; plurimùm facere, et minimùm ipse de se loqui. Quibus rebus Micipsa tametsi initio laetus fuerat, existumans virtutem Jugurthae regno suo gloriae fore: tamen postquam hominem adolescentem, exactâ aetate suâ, et parvis liberis, magìs magìsque crescere intelligit, vehementer eo negotio permotus, multa cum animo suo volvebat....

tion, à monter à cheval, à lancer le javelot, à disputer le prix de la course à ceux de son âge. Il les effaçait tous et savait s'en faire aimer. Il s'adonnait aussi à la chasse, portait les premiers coups aux lions et aux autres bêtes féroces, se distinguait le plus en tout, et se louait le moins. Ses belles qualités donnèrent d'abord de la joie à Micipsa. Il se flattait qu'elles contribueraient à la gloire de son royaume. Maís venant ensuite à réfléchir sur sa viellesse et sur l'âge encore tendre de ses enfans, tandis que Jugurtha, dont la gloire croissait de jour en jour, était presque formé; il en conçu les plus vives inquiétudes....

Per idem tempus Uticae fortè C. Mario, per hostias diis supplicanti, *magna, atque mirabilia portendi haruspex* dixerat: *proinde, quae animo agitabat, fretus diis ageret; fortunam quam saepissume experiretur; cuncta prosperè eventura.* At illum jam antea consulatus ingens cupido exagitabat: ad quem capiundum, praeter vetustatem familiae, alia omnia abundè erant; industria, probitas, militiae magna

Tandis que ceci se passait, un aruspice dit à Marius, un jour qu'il offrait un sacrifice à Utique, que «les entrailles des victimes lui présagaient une destinée aussi glorieuse que surprenante; qu'il n'avait, avec le secours des dieux, qu'à poursuivre ce qu'il méditait; et qu'il ne pouvait trop souvent tenter la fortune, parce qu'elle le favoriserait toujours». Or, il y avait longtemps que Marius

scientia, animus belli ingens, domi modicus, lubidinis et divitiarum victor, tantum modo gloriae avidus. Sed is natus et omnem pueritiam Arpini altus, ubi primùm aetas militiae patiens fuit, stipendiis faciundis, non graecâ facundiâ, neque urbanis munditiis sese exercuit: ità inter artîs bonas integrum ingenium brevì adolevit. Ergo ubi primùm tribunatum militarem à populo petit, plerisque faciem ejus ignorantibus, facilè notus, per omnîs tribus declaratur. Deinde ab eo magistratu, alium post alium sibi peperit: semperque in potestatibus eo modo agitabat, ut ampliore, quàm gerebat, dignus haberetur. Tamen is ad id locorum talis vir (nam postea ambitione praeceps datus est) consulatum appetere non audebat. Etiam tum alios magistratus plebes, consulatum nobilitas inter se per manus tradebat. Novus nemo tam clarus, neque tam egregiis factis erat, quin is indignus illo honore, et quasi pollutus haberetur.

brûlait de parvenir au consulat. Industrieux, plein de probité, consommé dans l'art militaire, intrépide dans les combats, modeste en sa façon de vivre, indifférent pour les plaisirs et les richesses, uniquement avide de gloire, rien ne manquait à ce grand homme pour parvenir à son but, qu'une naissance illustre. Ayant passé son enfance à Arpinum où il était né; dès qu'il avait été en âge de supporter les fatigues de la guerre, il s'était formé, non à l'éloquence des grecs où à la politesse de nos villes, mais aux exercices militaires. Comme son esprit n' était ni distrait ni préoccupé d'autres soins, il y eut bientôt fait de grands progrès. Lorsqu'il demanda au peuple la charge de tribun militaire, personne ne le connaissait de visage. Il l'obtint cependant tout d'une voix, parce que tout le monde était déjà instruit de son mérite. De ce premier grade, il parvint successivement à d'autres, et s'y conduisit de façon qu'on le jugea toujours digne d'en posséder un plus éminent. Un si grand homme n'osait encore élever ses vues jusqu'au consulat.

Dans la suite, l'ambition ne le porta que trop loin. Le peuple, en ce temps-là, disposait encore des autres charges, mais la noblesse était en possession du consulat qu'elle se passait comme de main en main. A ses yeux, tout homme nouveau, quelque gloire qu'il se fût acquise par son mérite et par ses services, en était indigne, et l'aurait souillé.

— Югурөа, пришедши въ возрастъ, былъ крѣпкаго сложенія, пріятную имѣлъ наружность, а еще болѣе одаренъ былъ великимъ умомъ, и не вдался ни въ роскошь, ни въ празднолюбіе. Онъ, по обыкновенію своего народа, упражнялся въ верховой ѣздѣ, въ метаніи дротиковъ, и въ бѣганіи въ запуски съ своими сверстниками. Хотя всѣхъ ихъ помрачалъ онъ своею славою, однако былъ ими любимъ. Часто также упражнялся въ звѣриной ловлѣ. Первый нападалъ на львовъ и на другихъ свирѣпыхъ звѣрей. Во всемъ отличался наиболѣе, а хвалился наименѣе. Миципса превосходнымъ симъ качествамъ сначала радовался, въ томъ чаяніи, что оныя послужатъ къ славѣ его государства. Потомъ, размышляя о своей старости и о малолѣтствѣ своихъ дѣтей, между тѣмъ какъ Югурөа, котораго слава часъ отъ часу болѣе умножалась, былъ почти въ совершенныхъ лѣтахъ, въ великое пришелъ отъ того безпокойство....

— Въ тоже почти время Марій въ Утикѣ приносилъ богамъ жертву, при чемъ жрецъ предсказывалъ, *что ему предстоитъ великая и удивительная участь, и потому, въ упованіи на боговъ, предпринималъ бы онъ то, о чемъ помышляетъ, и счастіе свое сколько можно больше испытывалъ; во всемъ будетъ имѣть успѣхъ.* Марій давно уже великое питалъ въ себѣ желаніе до-

стигнуть консульскаго достоинства, къ полученію котораго не имѣлъ качества кромѣ древности поколѣнія: былъ дѣятеленъ, честенъ, весьма искусенъ въ военномъ дѣлѣ, великъ на войнѣ, умѣренъ въ домашней жизни, воздерженъ и нелюбостяжателенъ, а только славолюбивъ. Онъ родился и выросъ въ Арпинѣ. Какъ скоро лѣта позволили ему вступить въ военную службу, то походы составляли всѣ его упражненія. Греческая ученость и тонкости свѣтскаго обращенія были ему незнакомы. Такимъ образомъ неиспорченныя ума его способности на поприщѣ чести въ короткое время созрѣли. Посему, когда въ первый разъ просилъ у народа военнаго трибунства, хотя многіе въ лицо его не знали, но яко извѣстный избранъ въ оное по общему согласію всего собранія. Съ первой сей степени возвышался онъ постепенно, и начальствуя поступалъ такъ, что всегда почитали его высшей степени достойнымъ. Хотя онъ доселѣ такимъ оказывалъ себя мужемъ (ибо послѣ честолюбіе увлекло его далеко), однако не осмѣливался простирать видовъ своихъ къ консульскому достоинству. Въ то время низшія начальства раздавалъ народъ, а консульство между знатностію переходило изъ однихъ рукъ въ другія. Всякъ не имѣвшій предковъ, при всемъ своемъ достоинствѣ и заслугахъ, почитался онаго недостойнымъ и какъ бы очерненнымъ.

...Ità ipsi clari potentesque fieri. Contra eos summâ ope nitebatur pleraque nobilitas senatûs sub specie, pro suâ magnitudine. Namque, uti paucis verum absolvam, per illa tempora quicumque rempublic. agitavêre, honestis nominibus, alii, sicuti jura populi defenderent, pars, quó senatûs auctoritas maxuma foret, *bonum publicum*

...Ils s'acquirent ainsi du crédit et de l'éclat. La plupart des nobles, de leur côté, s'opposaient à eux de tout leur pouvoir, en apparence, pour défendre le sénat, et réellement à fin de soutenir leur propre grandeur. Car, pour le dire en un mot, le nom spécieux de bien public n'était qu'un voile dont se couvraient tous ceux

simulantes, pro suâ quisque potentiâ certabant: neque illis modestia, neque modus contentionis erat: utrique victoriam crudeliter exercebant.

qui, dans ce temps-là, troublèrent l'Etat, sous prétexte de soutenir les intérêts du peuple, ou de procurer au sénat la plus grande autorité; leur élévation particulière était le seul motif de tant de combats. Ils ne gardèrent aucun ménagement dans leurs disputes, et les deux partis furent également cruels dans la victoire.

...Такимъ образомъ пришли въ довѣренность и силу. Противъ нихъ всѣми силами вооружалась большая часть знатныхъ, держа повидимому сторону сената, а въ самомъ дѣлѣ подкрѣпляя свое господство. Ибо, коротко сказать, всѣ, возмущавшіе тогда покой республики, иные какъ бы защищая права народа, другіе будто бы подкрѣпляя власть сената, подъ видомъ *общественной пользы*, ссорились за свое собственное могущество. Въ спорахъ своихъ не соблюдали они ни благопристойности, ни умѣренности, и обѣ стороны, одержавъ верхъ или побѣду, равно были жестоки [391]).

Озерецковскій участвовалъ въ переводѣ съ французскаго языка на русскій естественной исторіи Бюффона. Вторая часть труда Бюффона, заключающая въ себѣ теорію земли, переведена на русскій языкъ Озерецковскимъ вмѣстѣ съ Иноходцевымъ. Съ французскаго же перевелъ Озерецковскій: наставленія народу въ разсужденіи его здоровья, соч. Тиссо; всеобщую исторію о звѣриныхъ и рыбныхъ промыслахъ, соч. Ноэля; статью о различіи между французскимъ и англійскимъ земледѣліемъ — изъ bibliothèque physico-économique, instructive et amusante; опытъ о похвальныхъ словахъ, соч. Тома, и др. Переводъ опыта о похвальныхъ словахъ не одобренъ россійскою академіею, и не признанъ ею заслуживающимъ изданія. Такъ какъ изданіе образ-

цовыхъ переводовъ составляло одну изъ существенныхъ задачъ россійской академіи, и въ сужденіяхъ ея выражаются, въ большей или меньшей степени, тогдашнія литературныя понятія и требованія, то мы помѣщаемъ, въ приложеніи, отзывъ о переводѣ Озерецковскаго членовъ россійской академіи, которые разсматривали этотъ переводъ, и не поскупились на выдержки изъ него для доказательства справедливости своего приговора [392]).

Съ нѣмецкаго Озерецковскій перевелъ для русскихъ академическихъ изданій: статью о животныхъ — изъ сочиненія эрлангенскаго профессора Миллера; о русской торговлѣ по каспійскому морю — изъ путешествія академика Гмелина, и т. д.

Въ заключеніе обзора литературной дѣятельности Озерецковскаго упомянемъ о его стихотвореніяхъ, составляющихъ библіографическую рѣдкость, каковы: надгробная надпись Лепехину, приведенная нами въ его біографіи; надгробная надпись академику Иноходцеву, состоящая изъ четырехъ стиховъ; пѣснь на новый 1797 годъ, помѣщаемая нами въ приложеніи, и т. п. [393]). Въ пространной пѣсни на 1797 годъ авторъ привѣтствуетъ начало царствованія императора Павла I, принесшее съ собою много свѣтлыхъ надеждъ:

Свободные пути всѣмъ подданнымъ открылись,
И двери радости къ престолу отворились.
Терпѣніе къ царю безъ трудности идетъ,
И хартію свою въ рукахъ къ нему несетъ....
Забвенное потомъ достоинство въ сѣдинѣ,
При близости къ своей, съ унынія, судьбинѣ,
Забывшее пути къ Величеству въ чертогъ,
Шагами слабыми колеблющихся ногъ,
До внутреннихъ царя покоевъ достигаетъ,
И двери царскія отверсты обрѣтаетъ....
Неволя, наконецъ, стѣнами ограждена
Иль въ разныя мѣста Россіи отдаленна,
Лишенна способовъ себя освободить,
Чтобъ въ милостяхъ его участницею быть,
Сквозь стѣны издали свой громкій гласъ возноситъ,
Свободы у царя изъ заточенья проситъ....

Хвалебная пѣснь Озерецковскаго заслуживаетъ вниманія не по художественному достоинству, котораго она вовсе не имѣетъ, а по вѣрной передачѣ того, что было въ дѣйствительности. Озерецковскій изложилъ въ стихахъ содержаніе нѣсколькихъ указовъ и повелѣній, послѣдовавшихъ въ первый мѣсяцъ царствованія императора Павла, и изъ нихъ выбралъ именно тѣ, которые всего болѣе возбуждали сочувствіе въ тогдашнемъ образованномъ обществѣ. Немедленно по вступленіи на престолъ императоръ Павелъ распространилъ право награжденія орденами и на духовное сословіе: право это возвышало общественное значеніе духовенства, призваніе котораго заключается въ умственномъ и нравственномъ просвѣщеніи народа. 10 ноября 1796 года послѣдовалъ указъ объ отмѣнѣ рекрутскаго набора: «повелѣнный (Екатериною II) рекрутскій наборъ съ 500 душъ по 5 рекрутъ, равно и опредѣленное взысканіе съ купечества деньгами, на сей разъ отмѣняя, соизволяемъ оному набору не быть». 12 ноября отданъ при паролѣ высочайшій приказъ: «подать списки о выслужившихъ безпорочно 20 лѣтъ, какъ унтеръ-офицерамъ, такъ и рядовымъ, для которыхъ и учреждается знакъ ленты св. Анны въ петлицу, получившіе который изъемлются отъ всякаго тѣлеснаго наказанія». 16 ноября повелѣно немедленно освободить изъ подъ стражи всѣхъ нижнихъ чиновъ, находившихся подъ судомъ и слѣдствіемъ не за важныя преступленія. Въ указѣ 29 ноября 1796 года сказано: «пріявъ намѣреніе оказать милость нашу подпавшимъ подъ наказаніе, заточеніе и ссылку по случаю бывшихъ въ Польшѣ замѣшательствъ, повелѣваемъ всѣхъ таковыхъ освободить и отпустить въ прежнія ихъ жилища» [394]). Императоръ Павелъ посѣтилъ польскаго вождя Костюшко въ его заключеніи, долго бесѣдовалъ съ замѣчательнымъ плѣнникомъ, и освободилъ его, и т. п. Все это производило впечатлѣніе на умы современниковъ, которое выражается и въ стихахъ Озерецковскаго, несмотря на ихъ риторическую приправу, неизбѣжную по литературнымъ понятіямъ того времени.

IV.

Имя Озерецковскаго неразрывно связано съ достопамятною эпохою нашей исторической жизни, когда вырабатывалась система народнаго образованія, и учреждаемы были университеты, гимназіи, городскія и сельскія училища. Въ этомъ великомъ дѣлѣ умный и многосторонне образованный Озерецковскій былъ однимъ изъ главнѣйшихъ участниковъ. Его разумная и плодотворная дѣятельность упрочила за нимъ почетное мѣсто въ исторіи русской образованности и народнаго просвѣщенія. Въ качествѣ члена главнаго правленія училищъ Озерецковскій участвовалъ въ обсужденіи и рѣшеніи всѣхъ существенныхъ вопросовъ по устройству ученыхъ и учебныхъ учрежденій, и все, что вышло изъ подъ пера этого замѣчательнаго человѣка, свидѣтельствуетъ о его свѣтломъ умѣ, и проникнуто истинно просвѣщенными началами. Мысли, высказанныя Озерецковскимъ, имѣютъ важное значеніе для характеристики какъ его самого, такъ и его времени. Онъ былъ искреннимъ, разумнымъ и неутомимымъ поборникомъ свободы изслѣдованія и преподаванія, употребляя всѣ усилія, чтобы освободить науку и ея представителей отъ посторонняго вмѣшательства, несправедливаго по своему существу и гибельнаго по своимъ послѣдствіямъ. Сознавая права и требованія науки, Озерецковскій вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо зналъ и понималъ тѣ условія, среди которыхъ должны были дѣйствовать труженики науки для распространенія знаній въ русскомъ обществѣ и народѣ. Оттого-то все, написанное Озерецковскимъ съ научно-общественною цѣлію, обнаруживаетъ въ немъ и высоту просвѣщенной мысли и основательное, собственнымъ опытомъ добытое, знаніе своего отечества. Озерецковскій работалъ надъ составленіемъ уставовъ: академіи наукъ, университетовъ, гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, и составилъ проэктъ цензурнаго устава.

Въ концѣ восьмнадцатаго и началѣ девятнадцатаго столѣтія академія наукъ видимо приходила въ упадокъ, и со стороны ака-

демиковъ слышались постоянныя жалобы на тогдашніе порядки, крайне неблагопріятные для ученыхъ занятій. Объ этомъ говорили всѣ и каждый изъ членовъ академіи: одни изъ нихъ ограничивались намеками, болѣе или менѣе прозрачными, другіе заявляли свои мнѣнія открыто и прямо, какъ сдѣлалъ это Озерецковскій. Нужды и потребности академіи наукъ высказаны имъ коротко и ясно въ собственноручной его запискѣ, чрезвычайно замѣчательной по своему содержанію.

«1) Чтобы академія наукъ полезна была государству, непремѣнно надобно возбуждать и поддерживать дѣятельность въ ея членахъ, доставляя имъ способы къ новымъ въ наукахъ открытіямъ.

2) Потому надобно, чтобы физики имѣли кабинетъ, снабженный лучшими орудіями для дѣланія физическихъ опытовъ, и въ порядкѣ оный содержали.

3) Астрономы во всѣхъ своихъ надобностяхъ относиться должны къ министру.

4) Надобно, чтобы химики имѣли лабораторіи со всѣми нужными припасами и сосудами.

5) Ботаники имѣютъ надобность и въ лучшемъ садѣ, нежели какой нынѣ имѣетъ академія, и въ большемъ числѣ растеній, особливо россійскихъ, которыя климатъ нашъ безвредно сносить могутъ.

6) Собраніе естественныхъ вещей, въ кунст-камерѣ находящихся, должно получать непрерывное приращеніе, потому что вещи оныя и время съѣдаетъ и моль ежегодно портитъ.

7) Минералогъ не можетъ сдѣлать новыхъ открытій, не имѣя новыхъ предметовъ изъ царства ископаемыхъ, равнымъ образомъ зоологъ и ботаникъ не сдѣлаютъ приращенія въ своихъ наукахъ, ежели не будутъ имѣть случаевъ къ открытію неописанныхъ еще животныхъ и растеній. Потому всегда останется на попеченіи министра, чтобы испытатели природы посылаемы были въ разныя области россійской имперіи, обильнѣйшей всѣми природы произведеніями.

8) Анатомикъ и вмѣстѣ физіологъ можетъ также дѣлать открытія въ тѣлахъ животныхъ: потому нужно имѣть при академіи анатомическій театръ, который бы никогда не былъ разрушаемъ.

9) А чтобы при академіи никогда не было недостатка въ ученыхъ людяхъ во всѣхъ упомянутыхъ наукахъ, то возстановленіе академическаго училища должно быть главнымъ министра попеченіемъ.

10) Поелику академія трудами своими и честь себѣ дѣлать и пользу государству приносить долженствуетъ, то министръ требовать отъ академіи долженъ, чтобы она всѣ полезныя сочиненія на россійскомъ языкѣ издавала.

11) Ежели академія наукъ по существу своему важнѣе всякаго университета, то члены ея наименѣе порабощены быть должны, потому что всякая излишняя власть оскорбляетъ ученыхъ, и самыя ихъ упражненія дѣлаетъ имъ непріятными. И такъ для академіи довольно имѣть своимъ начальникомъ одного только министра; для отправленія-жъ учебныхъ и экономическихъ дѣлъ надобно предоставить ей право ежегодно избирать старѣйшинъ изъ своихъ членовъ, не давая имъ имени ни президентовъ, ни вице-президентовъ» [395]).

Печальное состояніе академіи и средства къ ея возрожденію указаны въ слѣдующемъ письмѣ къ императору Александру I академика Озерецковскаго и двухъ его сочленовъ по академіи наукъ, Гурьева и Севастьянова:

«Всемилостивѣйшій Государь!

Когда въ природѣ необыкновенныя бываютъ явленія, какъ напримѣръ, землетрясенія, бури, наводненія и проч., тогда люди съ мольбами своими обыкновенно къ Творцу оныя прибѣгаютъ, чтобъ онъ повелѣлъ ей итти стройно и порядочно. Такъ равно въ явленіяхъ, паденіемъ и разрушеніемъ вашей академіи угрожаю-

щихъ, прибѣгаемъ мы къ вашему императорскому величеству, моля всеподданнѣйше, принять и разсмотрѣть наши доказательства, единственно на усердіи къ отечеству основанныя.

1.

Собраніе академіи наукъ, впродолженіе двухъ лѣтъ изъ 19 своихъ членовъ лишилось шестерыхъ, изъ коихъ двое, Эйлеръ и Вовилье, умерли, а четверо: Буссе, Гаври, Германъ и Румовскій *) выбыли; къ чему и оставшіеся члены стремятся, то есть, или по старости лѣтъ къ смерти, или по неустройству, существующему въ академіи, къ другимъ мѣстамъ.

Изъ сихъ краткихъ словъ видно уже, что академія вашего императорскаго величества, убывая, не примѣтнымъ образомъ *истаеваетъ*. Но впослѣдствіи окажется, что если къ отвращенію ея разрушенія надлежащихъ мѣръ принято не будетъ, то ей долго не возстановиться.

2.

Училище при академіи, по регламенту оной положенное и состоять долженствующее изъ гимназіи, въ 20-ти ученикахъ, и университета, въ 30-ти студентахъ, нынѣ столь разстроено, что совсѣмъ не походитъ на то мѣсто, въ которомъ основаніе просвѣщенія своего получили толь славные мужи, каковы суть: Ломоносовъ; Барсовъ, Поповскій—первые столпы процвѣтающаго нынѣ московскаго университета, и многіе другіе, честь россіянамъ приносящіе. Ибо училище сіе, въ нынѣшнемъ его состояніи, если не хуже, что въ Англіи называютъ школами подаянія (school of charity), то равняется онымъ, но и то можетъ быть въ содержаніи, а не въ учебныхъ пособіяхъ. Ректоръ, учредитель учебнаго въономъ распорядка, есть иностранецъ, академіи неизвѣстный, безъ испытанія ея принятый, и по всѣмъ извѣстіямъ,

*) Сей послѣдній, сдѣлавшись вице-президентомъ, отказался отъ всѣхъ должностей академика, и потому изъ числа членовъ выбылымъ по справедливости почитаться долженъ.

до членовъ академіи доходящимъ, совершенно о должности своей не брегущій; столь же мало и можетъ быть еще меньше извѣстны учители сего училища; предметы ученія безъ цѣли и системы преподаются; словомъ училище сіе, долженствующее, по регламенту, наполнять корпусъ академическій и доставлять во всѣ мѣста россійскаго государства ученыхъ людей, въ нынѣшнемъ состояніи своемъ не соотвѣтствуетъ никакому предопредѣленію, и не можетъ доставить годныхъ людей ни къ которому состоянію: военному ли, гражданскому или ученому, — что̀ послѣ учиненнаго испытанія, однимъ изъ экзаминаторовъ въ 1800 году письменно представлено было, и даже сказано, что «съ симъ распорядкомъ понапрасну иждивеніе государства тратится». Но не смотря на сіе учебный распорядокъ въ томъ же неизмѣнномъ худомъ состояніи пребылъ даже и до сихъ поръ.

3.

И такъ академія вашего императорскаго величества истаеваетъ всесовершенно. Ибо изъ предъидущаго описанія академическаго училища явствуетъ, что отъ онаго не можно ожидать студентовъ, годныхъ для обученія у академиковъ съ предписаннымъ въ регламентѣ намѣреніемъ, чтобы академики изъ оныхъ пріуготовили себѣ адъюнктовъ, могущихъ современемъ заступить ихъ мѣсто *).

4.

Когда бы академикъ и получилъ изъ онаго училища какого нибудь воспитанника, не могъ бы однакожъ усовершенствовать его въ своей наукѣ; потому что: 1) ни одинъ изъ трехъ химиковъ, при академіи находящихся, не имѣетъ лабораторіи; 2) для физиковъ нѣтъ достаточнаго кабинета, а находятся токмо нѣкоторыя

*) Что подтверждается недавно утвержденнымъ представленіемъ академика Гурьева объ опредѣленіи къ нему въ училище корабельной архитектуры двухъ студентовъ, взятыхъ изъ народныхъ училищъ, коихъ бы надлежало взять изъ академіи въ силу ея регламента.

разстроенныя орудія, хранящіяся въ такомъ покоѣ, куда солнечный свѣтъ никогда не досязаетъ, и гдѣ никакого почти электрическаго опыта сдѣлать не можно; 3) не только анатомическаго театра, но и самаго анатомика около 10-ти лѣтъ академія не имѣетъ; 4) ботаническій садъ находится въ такомъ состояніи, что онаго ботаническимъ садомъ назвать не можно; 5) астрономическая обсерваторія, лишившаяся астронома вступленіемъ онаго въ званіе вице президента, стоитъ нынѣ безъ всякаго употребленія; 6) кунст-камера не только не пріумножается, но еще убываетъ, ибо истребляющіяся отъ времени вещи не возобновляются другими, даже такими, которыя въ областяхъ Россіи въ изобиліи находятся; и наконецъ, 7) библіотека академическая оставлена въ прежнемъ старомъ состояніи, почти безъ всякаго приращенія, отчего академики всѣхъ четырехъ классовъ много терпятъ, не видя новыхъ открытій, содержащихся въ издаваемыхъ нынѣ сочиненіяхъ; хотя впрочемъ на пріумноженіе библіотеки и кунст-камеры казна вашего императорскаго величества безостановочно отпускается.

5.

Но несмотря на всѣ сіи недостатки въ средствахъ, усердіе національныхъ академиковъ къ отечеству своему всѣ препоны превозмогло бы, а намѣреніе великаго основателя академіи давно бы было исполнено, если бы оная какъ училищемъ своимъ, такъ и собою располагать могла. Петръ Великій, дѣлая проэктъ академіи, и положивъ выписать для оной многихъ ученыхъ мужей, предопредѣлилъ, чтобы чрезъ 30 лѣтъ отъ заведенія академіи, всѣ члены оной были изъ природныхъ россіянъ, — что спустя 20 лѣтъ подтвердила и достойная дщерь его, кроткая и милосердая Елисавета, сказавъ въ регламентѣ академіи: «Россія «не можетъ еще тѣмъ довольствоваться, чтобъ только имѣть лю«дей ученыхъ, которые уже плоды науками своими приносятъ, но «чтобы всегда на ихъ мѣста заблаговременно наставлять въ нау«кахъ молодыхъ людей, а особливо что на первый случай учреж-

«деніе академическое не можетъ быть сочинено инако, какъ изъ «иностранныхъ по большей части людей, а впредь должно оно со-«стоять изъ природныхъ россійскихъ; того ради къ академіи «другая ея часть присоединяется — университетъ». Премудрый государь и достойная его дщерь проникли, что отъ чужестранцевъ для пользы Россіи ожидать многаго не можно. Лефортъ, будучи самъ чужестранецъ, сказалъ Петру Великому слѣдующее: «Для «твоихъ великихъ предпріятій вызванные нарочно люди не могли «бы быть удовлетворительны. Они должны быть вызваны, но «употреблены не яко законодатели въ преображеніи твоего наро-«да, но яко орудія твоихъ повелѣній. Впрочемъ, государь, остав-«ляющіе свою отчизну для службы другой землѣ не всѣ имѣютъ «виды чистые и безкорыстные; сверхъ многихъ ошибокъ, ко-«имъ они неминуемо должны подвергнуться, всѣ ли они будутъ «искренно радѣтельны къ благу столь желаемому тобою быть «видимымъ между твоими подданными? Не изъ самолюбія и хва-«стовства присовокуплю: всѣ ли они будутъ Лефорты?»

Сверхъ сей общей предосторожности противу чужестранцевъ, относительно къ академіи съ основаніемъ утверждать можно, что чужестранные оной члены для Россіи совсѣмъ безполезны. Ибо всякій чужестранецъ, пиша не на русскомъ языкѣ, сообщаетъ свои труды не Россіи собственно, но тому государству, на языкѣ котораго пишетъ, и если малая часть Россіи трудами на чужестранномъ языкѣ писанными пользоваться можетъ, то и тогда бы пользовалась, когда бы сочинитель жилъ въ своей землѣ, сколь бы оная отъ Россіи ни была отдалена. Лагранжы, Лапласы, Форкроа и другіе великіе мужи живутъ во Франціи, и конечно — счастія своего въ другомъ государствѣ искать не будутъ; несмотря на то, мы ихъ не только сами читаемъ, но еще и для соотчичей своихъ перелагаемъ ихъ сочиненія на россійской языкъ, чего иностранные академики, служа въ академіи, дѣлать совсѣмъ не могутъ. Впрочемъ вся разность въ пользѣ, происходящей отъ ученаго чужестранца, живущаго и издающаго труды свои здѣсь, и того, который живетъ въ своей землѣ, состоитъ въ томъ, что

послѣдняго книга для Россіи стоитъ нѣсколько гривенъ, а перваго нѣсколько тысячъ рублей.

6.

Изъ сего явствуетъ, сколь не основательно мнѣніе тѣхъ, которые думаютъ всегда выписывать академиковъ, запустивъ и разстроивъ академическое училище до самой крайности. Подобное разстройство существуетъ и въ другихъ департаментахъ академіи, какъ то въ типографіи, гравировальной палатѣ и проч.

7.

Къ отвращенію всѣхъ разстройствъ и безпорядковъ, существующихъ въ академіи, и происходящихъ единственно отъ самопроизвольной власти перемѣняющихся и погрѣшностями своими къ сугубому разстройству академію влекущихъ начальниковъ, мы, нижеподписавшіеся, почитаемъ единымъ надежнѣйшимъ средствомъ слѣдующій распорядокъ:

1) Чтобы академія или собраніе оной само избирало себѣ президента по балламъ, на каждый годъ, какъ водится въ другихъ академіяхъ и въ здѣшнемъ экономическомъ обществѣ.

2) Чтобы сей избранный президентъ былъ токмо наблюдатель порядка и предстатель у монаршаго престола, а не распологатель дѣлъ, коими всѣми безъ изъятія надобно, чтобы само собраніе академіи располагало.

3) Чтобы при академіи приказныхъ людей, нынѣ многолюдную канцелярію составляющихъ и жалованьемъ отъ академіи пользующихся, совсѣмъ не было, потому что въ академіи никакихъ судебныхъ дѣлъ не бываетъ, а экономическими дѣлами сами академики попеременно управлять могутъ.

4) Чтобы училище академическое совершенно зависѣло отъ собранія академіи, которое бы пріемомъ въ оное какъ учениковъ, такъ и учителей и другихъ чиновъ непосредственно располагало, которое бы изъ своихъ даже членовъ могло по надобности упо-

треблять къ обученію или надзиранію, и наконецъ, которое бы совершенно и отвѣчало за все произходящее въ училищѣ.

5) Чтобы собраніе академіи наукъ могло безпрепятственно требовать и брать изъ всѣхъ въ Россіи существующихъ училищъ особыми дарованіями отличившихся учениковъ, съ ихъ на то согласія.

6) Чтобы пріуготовленныхъ въ училищѣ учениковъ и поучившихся потомъ у академиковъ, академія могла отправлять въ чужіе края.

7) По сіе время въ россійской академіи наукъ не токмо труды академиковъ, но и самые даже записки ея засѣданій пишутся на иностранныхъ языкахъ, какъ будто бы академія для иностранцевъ была основана. Очевидная польза требуетъ, чтобы сіе отмѣнено было.

Если сей распорядокъ благоугодно принять будетъ, то клятвенно удостовѣрить можемъ, что чрезъ десять лѣтъ академія съ нынѣшнимъ ея жалованьемъ, безъ всякой прибавки, природными россіянами наполнена будетъ. Впродолженіе же 20 лѣтъ доставлены быть могутъ изъ академическаго училища во всѣ мѣста россійскаго государства потребные ученые люди.

Но при нынѣшнемъ состояніи академіи мы, какъ вѣрноподданнѣйшіе вашего императорскаго величества и усердные сыны отечества, не можемъ быть столько полезны, сколько бы желали. Потому всеподданнѣйше просимъ вашего императорскаго величества употребить насъ, если не для пользы академіи, то для другихъ мѣстъ и должностей, по способностямъ и знаніямъ нашимъ» [396]).

Коллективное письмо академиковъ, заключающее въ себѣ свидѣтельство, исходящее изъ самой академіи и обращенное къ верховной власти, имѣетъ неоспоримое значеніе для исторіи академіи. Сравнивая данныя и соображенія, приводимыя Озерецковскимъ и другими русскими академиками, съ заявленіями противной стороны, представителемъ которой является академикъ Фуссъ, бывшій также членомъ главнаго правленія училищъ, мы замѣ-

чаемъ во многомъ поразительное сходство, и только въ одномъ— рѣзкое и существенное различіе.

Подобно Озерецковскому, Фуссъ признаетъ необходимымъ преобразованіе академіи, прославленной именами Эйлера, Бернулли, Байера, Гмелина, Миллера и другихъ, но едва сохраняющей слабую тѣнь своей прежней славы. Раскрывая, какъ самъ говоритъ, тайныя язвы, разъѣдающія академію — les playes secrètes qui ont fait tomber ce corps autrefois si sain et si robuste, Фуссъ видитъ главную причину зла въ преобладаніи канцелярскаго начала, стѣснительнаго и враждебнаго для ученой дѣятельности, не встрѣчающей ни малѣйшаго участія и поддержки. Единственное, но знаменательное различіе во взглядахъ Озерецковскаго и его сочлена Фусса заключается въ томъ, что Озерецковскій признавалъ необходимымъ существованіе университета при академіи наукъ, а Фуссъ вовсе умалчиваетъ объ университетѣ, и это умолчаніе отозвалось бы невыгодно на судьбѣ самой академіи, если бы проэктъ Фусса принятъ былъ главнымъ правленіемъ училищъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что академія наукъ и университетъ — учрежденія, различныя по своимъ цѣлямъ, должны существовать самостоятельно и независимо другъ отъ друга, какъ это превосходно понималъ и самъ Озерецковскій, который въ настоящемъ случаѣ дѣлалъ уступку обстоятельствамъ, руководствуясь не отвлеченными теоретическими соображеніями, а требованіями дѣйствительной жизни — современнымъ ему состояніемъ образованности въ Россіи. Дѣло въ томъ, что большинство академиковъ состояло постоянно изъ иностранцевъ, а меньшинство — изъ природныхъ русскихъ, которые всѣ или почти всѣ получили свое образованіе въ академическомъ университетѣ. Другихъ университетовъ, за исключеніемъ московскаго, въ Россіи не было, и единственнымъ разсадникомъ будущихъ академиковъ служилъ академическій университетъ: поэтому уничтожить его значило закрыть природнымъ русскимъ доступъ въ академію наукъ если не навсегда, то по крайней мѣрѣ на долгое и весьма долгое время. Вотъ почему русскіе академики горячо отстаивали университетъ,

и въ пререканіяхъ, происходившихъ по этому поводу, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, одна крайность вызывала другую: одни ставили такія условія, при которыхъ академія обращалась въ учрежденіе исключительно для иностранцевъ; другіе требовали, чтобы она состояла исключительно изъ русскихъ. Составителямъ новаго академическаго устава предстояла задача — согласить двѣ крайности, два противоположныя начала, и дать академіи наукъ такого рода устройство, которое бы соотвѣтствовало какъ достоинству науки, такъ и умственнымъ потребностямъ страны, учредившей у себя академію. Задача эта разрѣшена въ совокупномъ трудѣ четырехъ лицъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ право быть названо замѣчательнымъ. Для разсмотрѣнія различныхъ проэктовъ и составленія устава академіи наукъ учрежденъ былъ, по волѣ верховной власти, комитетъ изъ четырехъ членовъ: Михаила Никитича Муравьева, графа Северина Потоцкаго, профессора московскаго университета Баузе и академика Фусса. М. Н. Муравьевъ своими сочиненіями и своими дѣйствіями, по званію попечителя московскаго учебнаго округа и товарища министра народнаго просвѣщенія, доказалъ свой просвѣщенный умъ и уваженіе къ наукѣ и ея представителямъ, чуждое національной и всякой другой исключительности: онъ находился въ постоянныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ иностранными учеными, изъ которыхъ многіе вызваны имъ въ Россію. Графъ Северинъ Потоцкій, принадлежавшій къ образованнѣйшимъ людямъ своего времени, понималъ общечеловѣческое значеніе науки, и, будучи польскимъ магнатомъ, всего менѣе подлежитъ упреку въ пристрастіи въ смыслѣ предубѣжденія въ пользу русской народности. Баузе, профессоръ римскаго права, ученой исторіи и педагогіи, извѣстный собиратель русскихъ древностей, саксонецъ родомъ, получившій образованіе въ лейпцигскомъ университетѣ, трудами своими содѣйствовалъ изученію своего новаго отечества и возбуждалъ въ русскомъ обществѣ сочувствіе къ ученымъ и добросовѣстнымъ иностранцамъ [307]). Академику Фуссу, какъ члену комитета, пришлось отчасти быть судьей въ своемъ

собственномъ дѣлѣ, и при этомъ онъ умѣлъ сохранить безпристрастіе, не увлекаясь духомъ партій и одностороннимъ воззрѣніемъ на предметъ. Муравьевъ, Потоцкій, Баузе и Фуссъ пришли къ убѣжденію, которое въ составленномъ ими проэктѣ выражено такимъ образомъ: «Санктпетербургская академія наукъ, полагая въ основаніе главное назначеніе всѣхъ ученыхъ обществъ — распространять предѣлы человѣческихъ знаній, присоединяетъ къ тому особенную обязанность — неослабными попеченіями назидать собственную ученость, чтобы она обратилась наконецъ въ природное произведеніе отечества. Академическое училище требуетъ тщательнѣйшаго вниманія академіи, яко учрежденіе необходимое, чтобы обезпечить на предбудущее время составленіе ея большею частію изъ природныхъ россіянъ» [398]). Въ официальной редакціи регламента академіи наукъ, утвержденнаго 25 іюля 1803 года, сказано: «Главнѣйшія обязанности академіи слѣдуютъ изъ самой цѣли ея назначенія, общей со всѣми академіями и учеными обществами — расширять предѣлы знаній человѣческихъ, усовершенствовать науки, и т. д. Къ обязанностямъ, общимъ ей съ другими академіями, присоединяется должность — непосредственно обращать труды свои въ пользу Россіи, распространяя познаніе естественныхъ произведеній имперіи; изыскивая средства къ умноженію такихъ, кои составляютъ предметъ народной промышленности, и пр. Дабы академія обезпечена была со стороны способовъ наполнить со временемъ мѣста академиковъ россійскими учеными, повелѣваемъ ей содержать, подъ именемъ академическихъ воспитанниковъ, извѣстное число молодыхъ людей изъ россійскихъ уроженцевъ, выбранныхъ съ надлежащею осмотрительностію» [399]).

8 сентября 1802 года Озерецковскій назначенъ членомъ коммиссіи объ училищахъ или главнаго правленія училищъ, какъ называется она съ января 1803 года, т. е. со времени утвержденія предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія [400]). При вступленіи Озерецковскаго въ коммиссію объ училищахъ главнымъ предметомъ ея занятій было учрежденіе университетовъ, и на новыхъ членовъ ея, Озерецковскаго и Фусса, возложено

было сдѣлать начертаніе, въ которыхъ городахъ россійской имперіи выгоднѣе и удобнѣе завести университеты, съ назначеніемъ въ зависимость ихъ училищъ, состоящихъ въ прилежащихъ къ нимъ губерніяхъ. Озерецковскій признавалъ необходимымъ существованіе въ Россіи шести университетовъ, и, сверхъ московскаго и дерптскаго, предлагалъ учредить университеты въ Харьковѣ, Казани, Воронежѣ и Устюгѣ-великомъ [401]). Въ предварительныхъ правилахъ народнаго просвѣщенія говорится: «Въ округахъ учреждаются университеты для преподаванія наукъ въ высшей степени. Нынѣ назначается ихъ шесть, а именно: кромѣ существующихъ уже въ Москвѣ, Вильнѣ и Дерптѣ, учредятся въ округѣ санктпетербургскомъ, въ Казани и въ Харьковѣ во уваженіе патріотическаго приношенія, предложеннаго дворянствомъ и гражданствомъ сей губерніи. Затѣмъ предназначаются для университетовъ города: Кіевъ, Тобольскъ, Устюгъ-великій и другіе, по мѣрѣ способовъ, какіе найдены будутъ къ тому удобными» [402]).

Первые труды главнаго правленія училищъ заключались въ составленіи университетскаго устава. Въ собраніи главнаго правленія училищъ 7 февраля 1803 года заявлено было, что академикъ Озерецковскій взялъ на себя обработку главы «о управленіи внутреннемъ университета и о всемъ томъ, что до его благоустройства принадлежитъ» [403]). Въ основу университетской жизни и внутренняго управленія университетовъ уставомъ 1804 года положены тѣ жизненныя начала, безъ которыхъ университеты не могутъ достигать своей просвѣтительной цѣли. Видно, что составители устава, имена которыхъ принадлежатъ исторіи, стояли на высотѣ пониманія своей великой задачи, и дѣйствительно заботились о распространеніи знаній въ Россіи, будучи проникнуты искреннею любовью къ просвѣщенію, чуждою всякой посторонней примѣси. Уставъ 1804 года, признавая свободу преподаванія, сосредоточивая внутреннее управленіе въ совѣтѣ университета, вводя въ университетскую жизнь избирательное начало, и ограждая ее отъ всякаго произвола и неуваженія къ закону, ставилъ универ-

ситеты въ условія самыя благопріятныя для научной дѣятельности и для умственнаго и нравственнаго достоинства ученой корпораціи. Совѣтъ университета, по точному выраженію устава, былъ высшею инстанціей по дѣламъ учебнымъ и по дѣламъ судебнымъ. Жалобы на судъ совѣта университета приносились прямо въ правительствующій сенатъ. Совѣту принадлежало право избранія профессоровъ, адъюнктовъ, почетныхъ членовъ, и опредѣленіе способныхъ людей преподавателями какъ въ университетъ, такъ и въ гимназіи и уѣздныя училища его округа. Когда мѣсто профессора дѣлалось празднымъ, то каждый членъ того отдѣленія, въ которомъ открылась вакансія, имѣлъ право предложить своего кандидата съ указаніемъ оснований, по которымъ предлагаетъ, и съ представленіемъ его ученыхъ трудовъ. Кто изъ предложенныхъ кандидатовъ находился на лицо, тотъ долженъ былъ самъ представить совѣту свои труды и общее разсужденіе о наукѣ, о которой идетъ дѣло, о предметѣ ея, объемѣ, историческомъ развитіи и настоящемъ состояніи, о лучшемъ способѣ преподаванія, съ подробнымъ изложеніемъ и оцѣнкою ея литературы. По разсмотрѣніи сочиненій и по собраніи свѣдѣній о нравственныхъ свойствахъ кандидатовъ созывалось собраніе совѣта для производства выбора, и объ утвержденіи избраннаго совѣтомъ лица совѣтъ университета представлялъ министру народнаго просвѣщенія. При выборахъ въ профессора, природные русскіе, обладавшіе знаніями и свойствами, достойными университета, предпочитались иностранцамъ. Общее собраніе профессоровъ избирало ректора университета и декановъ или старѣйшинъ отдѣленій. Университетъ выбиралъ заграницею по каждому отдѣленію почетнаго члена, который велъ съ нимъ переписку, доставлялъ свѣдѣнія о новыхъ въ наукѣ открытіяхъ, и исправлялъ порученія университета по выпискѣ научныхъ пособій. Въ особую заслугу университетамъ ставилось учрежденіе въ нѣдрахъ ихъ ученыхъ обществъ, и т. д. [404]).

Озерецковскимъ и его сочленомъ по академіи наукъ и по главному правленію училищъ Н. И. Фуссомъ составленъ также про-

эктъ цензурнаго устава, по которому — въ случаяхъ сомнительныхъ, допускающихъ различныя толкованія, цензоръ обязанъ былъ истолковать мысли и намѣренія автора самымъ благопріятнымъ для автора образомъ; въ случаяхъ особенно важныхъ цензоръ представлялъ свои сомнѣнія цензурному комитету, которому вмѣнялось въ обязанность уважать сочиненія, заключающія въ себѣ скромное, не *неустрашимое* изслѣдованіе истины, и т. п. [405]). Помѣщая въ приложеніи этотъ замѣчательный проэктъ во всемъ его объемѣ, приводимъ здѣсь слѣдующее мѣсто изъ доклада о цензурѣ, въ которомъ выражается воззрѣніе на нее лучшихъ людей того времени:

«Польза отъ благоразумной свободы книгопечатанія столь велика и прочна, и злоупотребленіе оной причиняетъ вредъ столь рѣдко и временно, что нельзя не сожалѣть о необходимости, которую правительство, впрочемъ самое кроткое и снисходительное въ своихъ правилахъ, иногда находитъ, чтобы ограничить сію свободу, побуждаясь къ тому примѣромъ, обстоятельствами и непреодолимыми слѣдствіями духа времени. Сіе сожалѣніе еще болѣе увеличивается, когда представить, что такое ограниченіе трудно удержать въ надлежащихъ предѣлахъ, и что оно доведено будучи до излишества, часто остается безъ дѣйствія, и между тѣмъ всегда сопряжено со вредомъ. Неоспоримо, что строгость сія почти всегда влечетъ за собою пагубныя слѣдствія, истребляетъ искренность, разслабляетъ умы, и потушая священный пламень любви къ истинѣ, удерживаетъ распространеніе просвѣщенія. Неоспоримо и то, что свобода мыслить и писать есть одно изъ сильнѣйшихъ средствъ къ возвышенію народнаго духа, къ усовершенію и просвѣщенію онаго; что царство истины можетъ даже еще болѣе утвердиться отъ свободнаго изліянія какого-либо заблужденія; потому что при самомъ появленіи заблужденія множество умовъ готовы уже будутъ для опроверженія онаго.

«Наконецъ нѣтъ сумнѣнія, что истиннаго успѣха въ просвѣщеніи, прямаго и твердаго направленія къ возможнѣйшему человѣческой природы совершенству, можно ожидать только тамъ,

гдѣ безпрепятственное употребленіе всѣхъ душевныхъ способностей даетъ свободу умамъ; гдѣ позволяется явно разсуждать о важныхъ выгодахъ человѣчества, о истинахъ, наиболѣе для человѣка и гражданина полезныхъ»[406]).

V.

Списокъ членовъ, провозглашенныхъ въ день открытія россійской академіи, заключается именемъ Озерецковскаго, тогда еще молодаго, но пріобрѣвшаго извѣстность въ наукѣ и литературѣ, и бывшаго «профессоромъ исторіи натуральной, докторомъ медицины, членомъ петербургской академіи наукъ и бернскаго экономическаго общества». Вступивъ въ россійскую академію при самомъ ея основаніи, Озерецковскій принадлежалъ ей втеченіе сорока трехъ лѣтъ, и пережилъ съ нею почти всю ея исторію, отъ временъ Екатерины II до временъ Николая I.

Озерецковскій принималъ болѣе или менѣе видное участіе въ главнѣйшихъ трудахъ и предпріятіяхъ академіи, каковы: составленіе словарей русскаго языка, сочиненіе грамматики и риторики, переводы классическихъ произведеній съ иностранныхъ языковъ на русскій, и т. п.

При первомъ распредѣленіи работъ между членами новой академіи Озерецковскій назначенъ былъ, съ его согласія, членомъ объяснительнаго отдѣла, а впослѣдствіи — членомъ издательнаго комитета съ цѣлью скорѣйшаго успѣха и бóльшаго совершенства въ изданіи этимологическаго словаря. Изданіе новаго словаря, расположеннаго азбучнымъ порядкомъ, возложено было также на Озерецковскаго и его сочленовъ по академіи наукъ и россійской академіи: Озерецковскій, Румовскій, Лепехинъ, Протасовъ и Иноходцевъ называются сочинителями и издателями словаря[407]). Для словарей, предпринимаемыхъ россійскою академіею въ различные періоды ея существованія, Озерецковскій доставилъ обильное количество матеріаловъ, тщательно имъ собранныхъ, провѣренныхъ и объясненныхъ. Для этимологическаго словаря онъ собралъ слова, начинающіяся на З; для азбучнаго

словаря, предпринятаго въ 1794 году — слова, начинающіяся на А и на Б. При новой обработкѣ академическаго словаря, въ 1814 и 1815 годахъ, Озерецковскій принялъ на себя трудъ выбрать изъ сочиненій, касающихся ботаники, слова неизвѣстныя, необыкновенныя или малоупотребительныя, и сообщилъ академіи собранныя имъ и систематически расположенныя русскія названія растеній. Сверхъ того онъ собралъ и представилъ въ академіи сословы реченій, начинающихся на Е и на З, съ присовокупленіемъ именъ прилагательныхъ и примѣровъ. Будучи дѣятельнымъ членомъ отдѣла, образованнаго для объясненія техническихъ названій, онъ опредѣлялъ и объяснялъ слова, употребляемыя въ русскомъ языкѣ для названія болѣзней [408]).

Охотно занимаясь собираніемъ и опредѣленіемъ словъ техническихъ изъ области медицины и наукъ естественныхъ, и дорожа русскими народными названіями, Озерецковскій не любилъ вдаваться въ тонкости словопроизводства, и когда рѣчь шла не о техническомъ значеніи словъ, а объ ихъ корняхъ и развѣтвленіяхъ, ограничивался бѣглыми замѣтками, предоставляя разъясненіе дѣла филологамъ. Въ разгарѣ споровъ о происхожденіи словъ *кресъ*, *воскресеніе* и другихъ того же корня Озерецковскій предложилъ вопросъ: нельзя ли производить эти слова отъ употребительнаго нынѣ глагола *хрясну*, *захрясъ* и пр. Въ описаніи своего путешествія въ Старую Русу онъ говоритъ: «о бронницкой горѣ слышалъ я замѣчаніе одной знаменитой особы, что названіе ея происходитъ, можетъ быть, отъ нѣмецкаго слова *brunne* (источникъ), которое могли ей дать лифляндскіе рыцари, а россіяне перемѣнили названіе сіе въ *Бронницы*. Ежели россіяне жили тутъ до нашествія лифляндскихъ рыцарей, и отъ нихъ *оборонялись*, то не можно ли названія *Бронницъ* производить отъ россійскаго слова *броня*? Но какъ оба произвожденія сего названія сумнительны, то филологи могутъ порыться въ многоязычныхъ словаряхъ и доказать истинное происхожденіе наименованія Бронницъ» [409]).

Мысли Болтина касательно плана, которому должно слѣдо-

вать при составленіи толковаго словаря, вызвали нѣсколько замѣчаній со стороны Озерецковскаго. Онъ подавалъ свой голосъ и по другимъ спорнымъ вопросамъ, дѣлая въ собраніяхъ академіи заявленія какъ устныя, такъ и письменныя. По поводу словарныхъ работъ и главныхъ основаній, принятыхъ при обработкѣ матеріаловъ для перваго академическаго словаря, Озерецковскій высказалъ слѣдующее мнѣніе:

«1) Послику академія, когда приступила къ сочиненію словаря славенороссійскаго, опредѣлила не вносить въ оный никаковыхъ словъ иностранныхъ, а собрать токмо славенскія и россійскія; нынѣ же въ сочиняемый ею словарь вносятся слова: греческія, греколатинскія, латинскія, арабскія, персидскія, татарскія и пр., то симъ академія уже далеко отъ своего намѣренія отступила, и названіе толковаго словаря славенороссійскаго не будетъ соотвѣтствовать содержанію онаго. Посему надлежитъ или всѣ сіи слова выпустить или назвать словарь собраніемъ словъ славенскихъ, славенороссійскихъ, россійскихъ книгъ и въ Россіи россіянами употребляемыхъ.

2) Всѣ слова иностранныя, которыя не суть ни славенскія, ни россійскія, собрать въ особливый буквенный порядокъ.

3) Академія судила, чтобы въ словарь не вносить имена государствъ, земель, морей, рѣкъ и городовъ; то менѣе полезно вносить реченія другихъ наукъ. И когда положено сказанныя названія собрать въ особливый словарь, то можно сіе же сдѣлать и съ реченіями другихъ наукъ.

4) Когда всѣ слова и реченія славенскія и россійскія, исключая всѣ иностранныя, съ какого они ни вошли бы языка, собраны будутъ; тогда можно будетъ судить о словахъ и реченіяхъ, славенскому и россійскому языку недостающихъ, и каковыя, по удобности сихъ языковъ къ сложенію и творенію новыхъ словъ и реченій, легко дополнить можно.

5) При словахъ славенскихъ очень часто безъ всякой нужды приводятся свидѣтельства изъ книгъ, а особливо церковныхъ, единственно для показанія, что оно употреблено въ такомъ-то

мѣстѣ; почему симъ словарь токмо увеличивается, а красоты и пользы не имѣетъ»[410]).

При составленіи азбучнаго словаря происходили въ академическихъ собраніяхъ разсужденія о томъ, въ какомъ наклоненіи должно ставить въ словарѣ глаголы, т. е. въ неокончательномъ или въ первомъ лицѣ наклоненія изъявительнаго. Всѣ члены, за исключеніемъ Озерецковскаго, полагали ставить глаголы въ неокончательныхъ наклоненіяхъ, сколько какой глаголъ ихъ имѣетъ, отдавая первенство неокончательному неопредѣленному, и обозначая окончаніе перваго и втораго лица настоящаго времени изъявительнаго наклоненія, а также залогъ и спряженіе опредѣляемаго глагола, напримѣръ: *двигать*, *двинуть*, *двигивать*, *двигаю*, *ешь*, глаг. дѣйствит., спряж. 1; *краснѣть*, *покраснѣть*, *краснѣю*, *ешь*, гл. ср., спр. 2; *строить*, *строивать*, *строю*; *ишь*, гл. д. спр. 3. Такое мнѣніе основывалось на слѣдующихъ доводахъ. Вопервыхъ, неокончательное неопредѣленное наклоненіе есть настоящее начало глаголовъ, подобно тому какъ въ именахъ и мѣстоименіяхъ началомъ служитъ падежъ именительный. Вовторыхъ, многіе глаголы вовсе не имѣютъ настоящаго времени, каковы: *возгремѣть*, *присовѣтовать*, *отсырѣть* и проч. Втретьихъ, въ грамматикѣ, издаваемой россійскою академіею, спряженія раздѣлены по неокончательнымъ наклоненіямъ глаголовъ. Вопреки общему мнѣнію своихъ сочленовъ, Озерецковскій настаивалъ, чтобы по примѣру словарей языка латинскаго, съ которымъ русскій языкъ имѣетъ большое сходство, глаголы поставляемы были въ первомъ лицѣ настоящаго времени, и утверждалъ, что такое положеніе согласно со свойствомъ нашего языка[411]).

Озерецковскій сообщалъ свои замѣчанія и на грамматику, составленіемъ которой занимались члены россійской академіи. Въ главѣ о прилагательныхъ онъ сдѣлалъ опредѣленіе превосходной степени: «собраніе занималось — сказано въ журналѣ засѣданія — повторительнымъ разсматриваніемъ россійской грамматики о превосходномъ степени, коему опредѣленіе сдѣлать принялъ на себя трудъ членъ академіи Озерецковскій». Онъ возбудилъ во-

просъ и объ увеличеніи числа спряженій: въ русской грамматикѣ принято только два спряженія, различающіяся между собою окончаніемъ втораго лица единственнаго числа настоящаго времени изъявительнаго наклоненія; но судя по неправильности глаголовъ въ спряженіи представляется возможнымъ увеличить число спряженій. Вопросъ этотъ собраніе оставило нерѣшеннымъ на томъ основаніи, что «таковое предпріятіе требуетъ весьма много размышленія, и при сужденіи гг. членовъ встрѣчаемы были непреоборимыя трудности»[412]).

Въ начертаніи россійской академіи, служившемъ для нея уставомъ, сказано было, что однимъ изъ главныхъ предметовъ ея занятій должно быть свойственное русскому языку витійство, вслѣдствіе чего академія обязана была составить риторику. Отъ риторики требовалось, чтобы она «содержала въ себѣ всѣ нужныя и ясныя правила, была обогащена примѣрами, могущими вперить вкусъ къ истинному краснорѣчію, и изяществомъ своимъ приносила честь академіи». Членъ академіи Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ заявилъ, что онъ съ своей стороны находитъ способнѣйшими для подобнаго труда двухъ своихъ сочленовъ: Озерецковскаго и преосвященнаго Павла, архіепископа ярославскаго, какъ «мужей, знаніями, опытностію и искусствомъ въ россійской словесности извѣстныхъ». Архіепископъ Павелъ и Озерецковскій, попросивши дать имъ время на размышленіе, изъявили свое согласіе. Но скоро пришлось Озерецковскому остаться безъ сотрудника: архіепископъ Павелъ отправился въ епархію, а потомъ въ Москву. Уѣзжая, онъ писалъ Озерецковскому: «ваши знанія, искусство и даръ словами (sic), коимъ вы довольно себя отличили, и долговременное въ томъ упражненіе, вознаградитъ безсомнѣнно мое несодѣйствіе». Озерецковскій принялся за работу, запасся нужными пособіями: изъ библіотеки россійской академіи взялъ Burgii elementa oratoria въ изданіи Бантышъ-Каменскаго; отъ своего кратковременнаго сотрудника получилъ Cours de la littérature par Laharpe, и т. д., и представилъ на судъ слѣдующій планъ или «расположеніе риторики»:

Часть первая.

1) Всеобщая исторія краснорѣчія послужитъ введеніемъ.
2) О періодахъ.
3) О распространеніи періодовъ.
4) О украшеніи періодовъ.
5) О тропахъ.
6) О фигурахъ.
7) О хріяхъ.
8) О письмахъ.

Часть вторая.

1) О составленіи рѣчи.
2) О изобрѣтеніи вступленій.
3) О доводахъ.
4) Опроверженіе возраженій.
5) О возбужденіи и укрощеніи страстей.
6) О расположеніи и заключеніи рѣчи.
7) О слогѣ и различіяхъ онаго.
8) О качествахъ оратора или витіи.
9) О положеніяхъ и движеніяхъ витіи.
10) О произношеніи рѣчи.
11) О большихъ похвальныхъ словахъ.
12) О проповѣдяхъ.
13) О рѣчахъ на печальные случаи.
14) О публичныхъ академическихъ рѣчахъ.
15) О придворныхъ и государственныхъ рѣчахъ.
16) О надгробныхъ рѣчахъ.
17) О рѣчахъ на обручаніе и вѣнчаніе.
18) О подражаніи писателямъ.
19) О переводахъ.

Къ плану риторики, представленному Озерецковскимъ, члены россійской академіи отнеслились съ большимъ вниманіемъ и тре-

бовательностью, показывающими, до какой степени предметъ труда былъ въ духѣ того времени. Въ приведенномъ нами отзывѣ Румовскаго указано отношеніе представленнаго расположенія риторики къ учебнику Бургія. Другіе члены академіи также находили планъ Озерецковскаго неудовлетворительнымъ и не соотвѣтствующимъ цѣли предпринятаго академіею труда.

«Всеобщая исторія краснорѣчія—говоритъ въ мнѣніи своемъ протоіерей Красовскій — должна, кажется, составить не малую книгу, ежели обстоятельно оную написать, и потому не можетъ служить введеніемъ въ риторику, которое должно быть кратко. А лучше, по мнѣнію моему, вмѣсто введенія описать, что̀ такое риторика, какое ея дѣло и какой конецъ, причемъ изъяснить изящество и пользу сея науки; потомъ показать двойственный предметъ риторики, а именно вещи и слова. Въ разсужденіи чего и расположить сію науку на три части, изъ которыхъ бы первая содержала правила изобрѣтенія вещей, о которыхъ витія говорить намѣренъ; вторая заключала бы въ себѣ правила расположенія изобрѣтенныхъ вещей, а третія предлагала бы правила, по которымъ бы расположенныя вещи витія могъ краснорѣчиво выразить рѣчью либо своимъ сочиненіемъ. И какъ къ сему краснорѣчивому выраженію принадлежатъ періоды, тропы, фигуры, замысловатыя рѣчи, отборныя слова, и проч., то о сихъ всѣхъ правила написать въ сей послѣдней части риторики. Чѣмъ, кажется, и кончится все существенное содержаніе сея науки, къ чему присовокупить можно яко прибавленіе: о качествахъ и дѣйствіи витіи; объ употребленіи риторики: въ мелкихъ сочиненіяхъ, каковы суть хріи, письма, силлогизмы и проч.; въ пространныхъ рѣчахъ, каковы суть проповѣди, панегирики, публичныя академическія рѣчи и проч. Таковой порядокъ сея науки кажется мнѣ естественнѣйшій того, каковъ изображенъ въ такъ названномъ нынѣ расположеніи риторики, которое можетъ служить только для начинающихъ учиться риторикѣ дѣтей, какъ то видно изъ бургіевыхъ или вратиславскихъ первоначальныхъ основаній витійства. А что надлежитъ до изданія риторики отъ россійской

академіи, то сія должна быть ею обработана не во образѣ дѣтскаго къ краснорѣчію руководства, но въ качествѣ мужественнаго къ оному наставленія, подобнаго тому, какое изъ древнихъ оставили намъ Цицеронъ и Квинтиліанъ, а изъ новѣйшихъ Эрнестъ и другіе риторы. Къ чему, кажется, ближе всего подходитъ изображенное мною раздѣленіе риторики на три части, то есть о изобрѣтеніи, расположеніи и изложеніи».

Президентъ россійской академіи Нартовъ признавалъ болѣе правильнымъ раздѣленіе риторики на четыре части. «Витія, — говоритъ онъ—по примѣру искуснаго и прозорливаго строителя, прежде всего старается собрать вещества, къ составленію рѣчи его нужныя; потомъ назначаетъ пристойное мѣсто мыслямъ и доводамъ, къ главному предмету сочиненія его пріисканнымъ; посемъ печется объ украшеніи оныхъ, ибо онъ обязанъ изображать мысли свои красно и привлекательно; и наконецъ предлагаетъ рѣчь свою слушателямъ. Слѣдовательно риторика имѣетъ четыре главныя части: *изобрѣтеніе*, *расположеніе*, *украшеніе* и *произношеніе*. Въ первой показываетъ она источники, изъ которыхъ витія можетъ почерпать мысли и доказательства, къ главному предложенію всего сочиненія относящіяся. Во второй — порядокъ, которому слѣдовать должно при раздѣленіи рѣчи на главныя ея части и при расположеніи мыслей и доказательствъ. Въ третьей—научаетъ способу изображать пристойнымъ и привлекательнымъ образомъ изобрѣтенныя и расположенныя мысли. Четвертая часть, которая относится болѣе къ оратору, нежели къ краснорѣчію, содержитъ въ себѣ наставленія, какъ витія при произношеніи рѣчи управлять долженъ своимъ голосомъ и тѣлодвиженіями. Посему желательно бъ было, чтобы пріявшіе на себя трудъ сочинить россійскую риторику, достойную имени и чести академіи, составили расположеніе оныя, основываясь на семъ естественномъ, древними и новѣйшими знаменитыми краснорѣчія учителями, каковы суть: Аристотель, Цицеронъ, Квинтиліанъ, Эрнестій, Гейнекцій, Кревіеръ и проч., принятомъ, и многими вѣками одобренномъ и утвержденномъ раздѣленіи, описавъ въономъ начертаніи

подробно и въ настоящей связи какъ главныя, такъ и особенныя части риторики, съ тѣмъ, чтобы сіе расположеніе вмѣщало въ себѣ содержаніе всей риторики, и служило бы предисловіемъ къ оной».

Собраніе академіи, согласно съ мнѣніемъ Нартова, положило раздѣлить риторику, которую академія намѣрена издать отъ своего имени, на четыре части: изобрѣтеніе, расположеніе, украшеніе и произношеніе. Тогда Озерецковскій заявилъ академіи, что такъ какъ риторики Ломоносова и Амвросія расположены такимъ же точно порядкомъ, и онъ не надѣется сочинить такую риторику, которая превосходила бы ихъ своимъ изяществомъ, то онъ и отказывается отъ участія въ этомъ трудѣ. Но несмотря на свой отказъ Озерецковскій не переставалъ сообщать отъ времени до времени матеріалы для академической риторики. По крайней мѣрѣ, много лѣтъ спустя послѣ передачи работы въ другія руки онъ доставилъ въ академію восемьдесятъ четыре образца «витіеватыхъ рѣчей», выбранныхъ имъ изъ риторики Ломоносова [413]).

О дѣятельномъ участіи Озерецковскаго въ трудахъ и предпріятіяхъ россійской академіи свидѣтельствуетъ его переводъ Саллустія, одобренный и изданный академіею. Въ одномъ изъ академическихъ собраній Озерецковскій изъявилъ желаніе заняться также переводомъ Quintiliani institutiones oratoriae съ латинскаго подлинника, изданнаго въ Парижѣ, въ 1552 году, въ листъ [414]).

Въ началѣ девятнадцатаго столѣтія россійская академія предприняла періодическое ежемѣсячное изданіе, и Озерецковскій избранъ былъ членомъ комитета для разсмотрѣнія сочиненій и переводовъ, назначаемыхъ для литературнаго органа академіи. Изданіе предполагали открыть статьею, которой придавали особенное значеніе, и которая должна была изобразить и доказать важность, изобиліе, силу и красоту языка славянороссійскаго. Съ просьбою написать подобнаго рода статью обратились къ Озерецковскому, какъ къ отличному знатоку отечественнаго языка и словесности, но онъ отклонилъ отъ себя лестное предложеніе, сославшись на свои

многочисленныя занятія, и обѣщая доставить другое какое-либо сочиненіе, касающееся до словесности [415]).

Озерецковскій представлялъ въ россійскую академію статьи оригинальныя и переводныя, и читалъ ихъ въ академическихъ собраніяхъ. Переводъ Саллустія читанъ былъ и въ обыкновенномъ и въ торжественномъ собраніи академіи. Озерецковскій сообщилъ краткое разсужденіе о нарѣчіяхъ въ языкахъ, переведенное имъ изъ французской энциклопедіи, и читалъ: сочиненное имъ краткое разсужденіе о названіи Норвегіи; краткое разсужденіе о миѳологіи; записку о происхожденіи имени *самоѣдъ*, даннаго россіянами многочисленному сѣверному народу, и т. д. Онъ сообщилъ также списки съ двухъ указовъ царей Ивана и Петра Алексѣевичей; подлинники хранятся въ архангелогородской губерніи: одинъ указъ, отъ 20 іюля 7198 года — о перевезеніи въ Москву шняки или яхты, присланной къ Архангельскому городу изъ-за моря; второй, отъ 27 ноября 7202 года, — двинскому таможенному и кружечныхъ дворовъ головѣ Никитѣ Старостину съ товарищи о томъ, чтобы они съ торговыхъ иноземцевъ, варившихъ въ Архангельскомъ городѣ про свой обиходъ пива́, брали денежную пошлину по гривнѣ съ каждой четверти, и т. п. [416]).

На Озерецковскаго и его сочлена Александра Семеновича Хвостова россійская академія возложила составленіе иллиро-русскаго словаря или, собственно говоря, русской его части, т. е. переводъ на русскій языкъ матеріала, заключающагося въ двухъ иллирійско-латинскихъ словаряхъ, изъ которыхъ одинъ, рукописный, купленъ въ Прагѣ для россійской академіи, а другой, печатный, изданъ въ Загребѣ подъ названіемъ: gazophylacium seu latino-illiricorum onomatum aerarium, selectionibus, synonimis, phraseologiis, verborum constructionibus etc. illustratum, Zagrabiae. 1790. Въ числѣ рукописей россійской академіи, находящихся въ библіотекѣ академіи наукъ, сохранился «словарь иллирійскаго языка съ латинскимъ и россійскимъ». Почти весь словарь, составляющій цѣлый фоліантъ, писанъ рукою Озерецковскаго, и имъ же поставлены русскія слова, и сдѣланы исправленія

въ тѣхъ немногихъ листахъ, которые писаны не его рукою. Чтобы дать понятіе о словарѣ Озерецковскаго, приведу нѣсколько примѣровъ:

звонити — pulsare, sonare, tinnire, crepare; — звонить, звучать, звенѣть, скрыпѣть, трещать.

звонити опет — resonare; — опять зазвонить.

звонити у около — circumsonare; — вокругъ звонить.

звонимир — sonum pacis; — звонъ мира.

покарати — castigare, animadvertere in quem, increpare, objurgare, reprehendere, arguere, redarguere, corripere; — наказывать, выговаривать, обвинять, напрягай дать.

тлапиви — nugatorius; — пустословный.

усорнути, *усринути* — irrumpere, perrumpere; — вломиться, ворваться, насильно войти.

урвице — conventio de tanto opere vel de opere perfecto; — договоръ о толикомъ дѣлѣ или о дѣлѣ сдѣланномъ.

срића, *срећа* — sors, fortuna, fatum, casus; — жребій, счастіе, судьба, случай, и т. д. [417]).

Ревностно посѣщая академическія собранія, Озерецковскій не былъ, да и не могъ быть по своей природѣ, равнодушнымъ свидѣтелемъ того, что происходило въ его присутствіи, и нерѣдко вступалъ въ пренія съ своими сочленами, оставаясь иногда одинмъ въ полѣ воиномъ, но всегда дѣйствуя открыто и честно. Когда первенствующій членъ россійской академіи положилъ отсрочить награду медалью, и нѣкоторые изъ присутствовавшихъ изъявили согласіе, одинъ Озерецковскій «утверждалъ противное; прочіе жъ наблюдали молчаніе». При выборѣ непремѣннаго секретаря на мѣсто умершаго Лепехина Озерецковскій отказался подписать протоколъ, не признавая выбора правильнымъ, и прибавилъ, что объ этомъ «вступятъ доношеніемъ къ его императорскому величеству». Кто? спросилъ президентъ. Озерецковскій отвѣчалъ, что

«онъ и другіе найдутся, и подадутъ государю императору о семъ донесеніе». Суть возраженій Озерецковскаго заключалась въ томъ, что выборъ, по словамъ президента, произведенъ на основаніи устава, а въ дѣйствительности россійская академія не имѣла тогда устава, а руководствовалась начертаніемъ, составленнымъ еще до открытія академіи. Членъ академіи Гурьевъ предложилъ собранію подать всеподданнѣйшій докладъ объ испрошеніи въ президенты россійской академіи графа Александра Сергѣевича Строгонова, который бы попечительствовалъ о пользахъ академіи. Но Озерецковскій заявилъ, что онъ съ своей стороны признаетъ болѣе полезнымъ для академіи испросить у высокомонаршаго престола сумму, 6.250 рублей, которая отпускаема была на содержаніе академіи до конца 1796 года. Собраніе согласилось съ предложеніемъ Озерецковскаго; составленъ былъ докладъ объ отпускѣ суммы, и на Озерецковскаго возложено подать докладъ черезъ генералъ-прокурора Александра Андреевича Беклешова или черезъ Михаила Никитича Муравьева[418]).

По общему приговору членовъ россійской академіи Озерецковскому присуждена въ 1800 году золотая медаль — послѣдняя изъ сохранившихся отъ лучшихъ временъ академіи. Членъ академіи Мальгинъ обратился къ собранію съ слѣдующимъ предложеніемъ: «хотя академія и не имѣетъ отъ казны къ содержанію своему нужнаго вспомоществованія, однако оставшіяся отъ 1794 и 1795 годовъ двѣ золотыя медали, хранимыя въ академіи, еще на лицо находятся, почему не угодно ли академіи будетъ одною изъ оныхъ наградить усердіе, ревность и труды, отъ начала ея учрежденія до сего времени оказуемые членомъ академіи Озерецковскимъ». Всѣ, бывшіе въ собраніи, члены россійской академіи, «отдавая должную похвалу г. Озерецковскому, единогласно опредѣлили увѣнчать труды его сею почестью». Въ свою очередь Озерецковскій предложилъ наградить труды Мальгина; академія приняла это предложеніе, и постановила: «вручить Озерецковскому и Мальгину оставшіяся у ней послѣднія двѣ золотыя медали, и тѣмъ выполнить прежнее ея положеніе», т. е. въ по-

слѣдній разъ воспользоваться ея прежнимъ правомъ, дарованнымъ ей при самомъ ея основаніи [419]).

О трудахъ и заслугахъ Озерецковскаго россійская академія постоянно заявляла и въ своихъ отчетахъ и при изданіи словаря:

1790 г. — Н. Я. Озерецковскій сообщилъ академіи собранныя имъ слова, по чину азбучному, съ буквы З начинающіяся; участвовалъ въ отдѣлѣ, предварительно труды сочинителей разсматривавшемъ; опредѣлялъ слова, означающія болѣзни; и почти всегда присутствуя въ собраніяхъ академіи, много примѣчаніями своими спомоществовалъ.

1792 г.— Почти всегда соучаствуя въ собраніяхъ академіи, сообщалъ свои примѣчанія, послужившія пособіемъ къ общему дѣлу; особенно же опредѣлялъ слова, болѣзни означающія.

1793 г. — Рачительно соучаствуя въ собраніяхъ академіи, сообщалъ свои примѣчанія.

1794 г. — Рачительно посѣщая академическія собранія, сообщалъ свои примѣчанія.

1794 г. — Посѣщая собранія академіи, и сообщая свои замѣчанія, споспѣшествовалъ общему труду.

1802 г. — Рачительно посѣщая собранія академіи и комитета, вспомоществовалъ своими совѣтами и мнѣніями къ усовершенствованію правилъ грамматическихъ и новосочиняемаго словаря. Особенно же сообщилъ академіи слова и реченія, по азбучному порядку имъ расположенныя, съ письменъ А и Б начинающіяся, и т. д. [420]).

Въ отзывахъ своихъ россійская академія придаетъ особенное значеніе тому, что Озерецковскій ревностно участвовалъ въ ея собраніяхъ. Дѣйствительно, онъ былъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ посѣтителей академіи. Въ иные года, какъ напримѣръ въ 1808, въ 1816, онъ не пропускалъ ни одного засѣданія; въ другіе онъ былъ почти во всѣхъ засѣданіяхъ: въ 1815 году—въ 48 изъ общаго числа 49 засѣданій; въ 1813 году — въ 47 изъ 48; въ 1817 году — въ 45 изъ 46, и т. д. Единственное исключеніе

составляетъ 1797 годъ — тяжелый годъ для академіи, терявшей надежду на свое дальнѣйшее существованіе; въ спискѣ членовъ, присутствовавшихъ въ засѣданіяхъ академіи, не встрѣчается въ этомъ году имени Озерецковскаго. Во все время своего пребыванія въ академіи, т. е. втеченіе сорока трехъ лѣтъ и четырехъ мѣсяцовъ, онъ былъ въ 1230 засѣданіяхъ. Въ первый разъ онъ былъ въ собраніи россійской академіи 21 октября 1783 года, а въ послѣдній разъ — 23 октября 1826 года. Вслѣдствіе различныхъ причинъ Озерецковскій охотнѣе посѣщалъ россійскую академію, нежели академію наукъ: президентъ академіи наукъ С. С. Уваровъ писалъ, въ апрѣлѣ 1823 года, министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, что Озерецковскій не только не участвуетъ въ трудахъ академіи, но даже никогда не присутствуетъ въ конференціяхъ. Министръ, знавшій повидимому многія подробности тогдашней академической жизни, отвѣчалъ президенту, что хотя Озерецковскій по преклонности лѣтъ и не можетъ уже быть дѣятельнымъ членомъ академіи, но тѣмъ не менѣе по своимъ прежнимъ трудамъ вполнѣ заслуживаетъ участія и поддержки.

Маститый академикъ выражалъ желаніе провести остатокъ своей жизни то въ Петербургѣ, то въ Старой Русѣ, куда влекла его, какъ онъ самъ говоритъ, страсть къ ботаникѣ. Жалуясь на свою горькую судьбу, Озерецковскій писалъ министру народнаго просвѣщенія князю А. Н. Голицыну: «Много лѣтъ путешествуя по Россіи для изслѣдованія натуральныхъ произведеній, въ 1771 году лишился я всей моей собственности въ Ледовитомъ морѣ; въ 1793 году погорѣлъ въ Великихъ Лукахъ; въ 1814 году въ озерѣ Ильменѣ потонули остатки моихъ пожитковъ; въ 1821 году обокраденъ до нитки здѣсь въ Петербургѣ. Нынѣ прошу и молю исходатайствовать мнѣ милость отъ монаршихъ щедротъ и позволеніе жить то въ Петербургѣ, то въ Старой Русѣ... Пристрастіе мое къ ботаникѣ побудило меня утруждать просьбою о позволеніи жить то въ Петербургѣ, то въ Старой Русѣ» [421]). Но къ переходу въ Старую Русу, хотя бы и временному, встрѣти-

лись препятствія со стороны академіи наукъ, и Озерецковскій изъявилъ готовность не покидать ни столицы, ни академіи. Физическія силы замѣчательнаго труженика постепенно упадали, но сила духа не измѣнила ему. На смертномъ одрѣ онъ сохранилъ свое обычное самообладаніе; спокойно дѣлалъ послѣднія распоряженія; самъ продиктовалъ имена лицъ, которыхъ слѣдуетъ пригласить на его похороны, и въ виду приближающейся кончины сказалъ окружающимъ: ноги и руки мои умерли, только около сердца осталось немного жизни... Озерецковскій скончался 28 февраля 1827 года, и погребенъ на смоленскомъ кладбищѣ [422]).

ПРИМѢЧАНІЯ И ПРИЛОЖЕНІЯ.

1) Академическія сочиненія, выбранныя изъ перваго тома Дѣяній императорской академіи наукъ, подъ заглавіемъ: Nova acta academiae scientiarum imperialis petropolitanae. Ч. I. Спб. 1801 года. Предисловіе, стр. I — III.

2) Новыя ежемѣсячныя сочиненія. 1786. Часть I. Предисловіе.

3) Обозрѣніе жизни и дѣятельности Румовскаго составлено нами преимущественно на основаніи рукописныхъ матеріаловъ, хранящихся въ различныхъ архивахъ, а именно: въ архивѣ конференціи академіи наукъ, въ архивѣ академической канцеляріи, въ архивѣ россійской академіи, въ архивѣ св. синода, въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія и въ архивѣ казанскаго университета и казанскаго учебнаго округа. Полной біографіи Румовскаго не появлялось въ печати и не встрѣчается въ рукописяхъ. Свѣдѣнія о немъ ограничивались замѣтками болѣе или менѣе краткими и отрывочными, находящимися въ нѣкоторыхъ изданіяхъ, русскихъ и иностранныхъ. Всего важнѣе то, что сообщается о Румовскомъ въ журналѣ астронома Цаха и въ словарѣ митрополита Евгенія, а также въ исторіи академіи наукъ Пекарскаго, въ матеріалахъ для біографіи Ломоносова Билярскаго и въ только-что появившемся трудѣ профессора казанскаго университета Н. Н. Булича.

Баронъ Францъ Цахъ, директоръ зеебергской астрономической обсерваторіи близъ Готы, избранъ былъ въ 1794 году по-

четнымъ членомъ петербургской академіи наукъ, въ одномъ засѣданіи съ знаменитымъ философомъ Кантомъ и съ нѣкоторыми другими иностранными учеными. Въ протоколѣ академическаго собранія 28 іюля 1794 года читаемъ: Le secrétaire présenta les noms des savants étrangers que divers académiciens avaient proposés en conférence pour être reçus unanimement au nombre des membres externes. Ces savants sont: IV. *François de Zach*, major au service de S. A. S. Msgr. le duc de Saxe-Gotha et directeur de l'observatoire astronomique à Gotha. VI. Emanuel Kant, professeur ordinaire en philosophie à l'université de Königsberg en Prusse. Madame la princesse, réconnaissant la célébrité et les mérites distingués de tous ces savants, elle décida que les treize premiers soient reçus membres externes, etc.

Цахъ находился въ сношеніяхъ съ своими сочленами по петербургской академіи наукъ и въ особенности съ Румовскимъ, какъ съ астрономомъ-наблюдателемъ. Въ 1800 году Цахъ приступилъ къ изданію ежемѣсячнаго ученаго журнала, подъ названіемъ Monatliche correspondenz zur beförderung der erd-und himmelskunde. Въ мартовской книжкѣ этого журнала, на стр. 281—291, помѣщенъ—подъ заглавіемъ: Stephan von Rumovski, russisch-kaiserlicher wirklicher geheimer staats-rath, kaiserl. astronom, mitglied der St. Petersburger und anderer academien der wissenschaften — краткій, но весьма обстоятельный біографическій очеркъ Румовскаго, и приложенъ портретъ его, сообщенный самимъ Румовскимъ. Имъ же очевидно сообщены и многія подробности: точно указаны годъ и даже число рожденія, чего не находимъ въ русскихъ матеріалахъ, и опредѣлено свойство участія Румовскаго въ различныхъ событіяхъ академической жизни: приводятся выдержки изъ писемъ Румовскаго, и т. п. Взглядъ автора на значеніе Румовскаго, какъ русскаго ученаго, выражается въ слѣдующихъ словахъ: In einem zeitalter, wo sich geistes-cultur über alle länder und nationen allgemein verbreitet, und wo einzelne individua denselben weg der geistes-ausbildung mit andern völkern gemein haben, kann die aus der characteris-

tischen disposition einer nation entspringende verschiedenheit kaum auffalend sein. Inzwischen zieht doch der seltnere landsmann mehr an, und man entdeckt in ihm jene eigenthümlichkeit und originalität, die in der ersten erziehung, in den sitten, in den verhältnissen und denkarten jeder besondern nation ihren ursprung nehmen. *Stephan von Rumovski* ist eine solche seltne und so merkwürdigere erscheinung, da er der erste geborne russe ist, der sich in einem fache ausgezeichnet und berühmt gemacht hat, in welchem er bei seiner nation keine vorgänger gehabt und nur wenige nachfolger hat. Selbst dieser umstand vermehrt unsere theilname, und macht uns den gang seiner geistesbildung auch von einer andern seite wichtig, weil dieselbe in eine hauptperiode der wissenschaftlichen cultur seiner landleute fällt... Nur ein so guter kopf, wie *Rumovski*, und ein schüler Euler's konnte in so kurzer zeit einen lehrstuhl besetzen, von welchem er selbst vor wenigen jahren die ersten lehren empfing. Er sollte mathematik in russischer sprache lehren. Diess war nie vorher geschehen; es gab kein russisches lehrbuch; er musste eins schreiben und er schrieb ein vortreffliches, das im j. 1760 im druck erschienen ist. *Rumovski* ist der *Christian Wolf* seiner nation, und er hat das verdienst in seinem vaterlande das studium der mathematik zuerst verbreitet und so zu sagen einheimisch gemacht zu haben.

Всѣ послѣдующія извѣстія о Румовскомъ, встрѣчающіяся у французскихъ и нѣмецкихъ писателей, заимствованы главнымъ образомъ изъ очерка, помѣщеннаго въ журналѣ барона Цаха, какъ напримѣръ:

J. J. Lalande: Bibliographie astronomique avec l'histoire de l'astronomie depuis 1781 jusqu'à 1802. Paris. 1803. p. 479—480. Въ концѣ краткой біографической замѣтки упоминается объ одномъ изъ литературныхъ трудовъ Румовскаго, не названномъ въ другихъ источникахъ: Le président actuel, le baron de Nicolay, poète né à Strasbourg, lui a fait traduire en russe l'éloge d'Euler fait par Fuss. Toutes ces occupations l'ont empêché de faire autant d'observations qu'il aurait desiré, mais il y en a

plusieurs dans les Mémoires de l'academie de Pétersbourg depuis 1765.

Meyer's Conversation-lexicon. VI^{r} band, 2e abtheilung, 1851, s. 621.

Biographisch-literarisches handwörterbuch zur geschichte der exacten wissenschaften, von Poggendorff. II band. 1863. s. 720.

Въ русской литературѣ имя Румовскаго, какъ ученаго, встрѣчается въ первомъ словарѣ русскихъ писателей, изданномъ, какъ извѣстно, въ 1772 году. Новиковъ говоритъ: «Румовскій Степанъ, императорской академіи наукъ членъ и астрономіи профессоръ, сочинилъ нѣсколько весьма изрядныхъ разсужденій о разныхъ матеріяхъ, и издалъ нѣсколько книгъ, до своей науки принадлежащихъ, много похваляемыхъ; также и писалъ весьма изрядныя стихотворенія, но печатныхъ нѣтъ» (Матеріалы для исторіи русской литературы. Изданіе П. А. Ефремова. 1867. стр. 97).

Черезъ нѣсколько дней послѣ смерти Румовскаго появился въ с.-петербургскихъ вѣдомостяхъ некрологъ его, составленный въ академіи наукъ, что очевидно уже изъ того, что онъ почти дословно повторенъ въ мемуарахъ академіи, на французскомъ языкѣ. Приводимъ некрологъ въ обоихъ его видахъ; мѣста несходныя напечатаны разрядкою, а добавленія — курсивомъ.

Mémoires de l'académie impériale des sciences de S^{t}. Pétersbourg. Tome V. 1815. (Histoire de l'académie des sciences. Année 1812, p. 3—6).	Санктпетербургскія вѣдомости. № 57. Вторникъ, іюля 16 дня, 1812 года, стр. 871. Санктпетербургъ, 15-го іюля.
Mr. Etienne Roumovsky, conseiller d'état actuel, si-devant académicien effectif et dans la suite vice-président de l'académie, membre du directoire suprême des écoles de l'empire,	Сего іюля 7-го числа въ здѣшней столицѣ скончался отъ паралича на 80 году отъ рожденія Степанъ Яковлевичъ Румовскій, дѣйствительный статскій совѣтникъ, членъ главнаго

curateur de l'université impériale de Kazan et des écoles de son arrondissement, membre de l'académie impériale russe, de l'académie royale des sciences de Stockholm et de plusieurs autres sociétés savantes, chevalier de l'ordre de St. Vladimir du 3me degré et de St. Anne de la 2e classe, mourût le 7 juillet 1812, dans la 80me année de son âge, d'un coup d'apoplexie. Ce savant, un de plus célèbre de la nation russe, fit ses premières études dans le séminaire du couvent de St. Alexandre Nevski. En 1748 il fut reçu au nombre des étudians de l'académie impériale des sciences, où il profita particulièrement des leçons *du célèbre physicien* Richmann. Après la mort de ce professeur, devenu en 1753 la victime de ses expériences électriques sur la foudre, Roumovsky fut nommé adjoint de l'académie, et envoyé en 1754 à Berlin pour y achever ses études sous les yeux du premier mathématicien de son tems, l'illustre Leonard Euler. Après un séjour de deux ans, *passés sous la tutèle et dans la maison de son illustre maître*, l'académie

правленія училищъ, попечитель императорскаго казанскаго университета и училищъ тамошняго учебнаго округа, императорской академіи наукъ, императорской россійской академіи, королевской стокгольмской академіи наукъ и многихъ другихъ ученыхъ обществъ членъ, и орденовъ св. равноапостольнаго князя Владимира 3-й степени и св. Анны 2-го класса кавалеръ. Сей знаменитый мужъ, одинъ изъ славнѣйшихъ россійскихъ ученыхъ, сначала обучался въ семинаріи святотроицкія александроневскія лавры; потомъ въ 1748 году поступилъ въ бывшую гимназію академіи наукъ студентомъ, и особенно пользовался наставленіями Рихмана. Въ 1753 году, когда сей профессоръ сдѣлался жертвою электрическихъ своихъ опытовъ, Румовскій произведенъ былъ въ адъюнкты, а въ 1754 году для усовершенствованія въ математическихъ наукахъ посланъ былъ отъ академіи въ Берлинъ къ Леонарду Эйлеру, первому математику того времени. По двугодичномъ пребываніи въ Берлинѣ возвратился онъ въ Санктпетербургъ, и по препо-

le rappella et lui conféra l'emploi d'enseigner les mathématiques à ses étudians, ce qui donna à Mr. Roumovsky l'occasion de composer le premier livre élémentaire de géométrie qui a été écrit en langue russe. En 1760 l'académie le nomma son astronome à la place de Grischov, mort *cette année*, et l'année suivante elle l'envoya à Selenginsk pour y observer le passage de Venus devant le soleil, phenomène qui huit ans plus tard il fut chargé d'observer une seconde fois à Kola. Après son retour de la première expédition il fut avancé au grade de professeur extraordinaire d'astronomie; et après son retour de Kola l'académie le nomma académicien ordinaire. Outre un grand nombre d'observations astronomiques et de mémoires d'astronomie théorétique répandus parmì ceux de l'académie, la collection de ses ouvrages renferme aussi plusieurs problèmes d'analyse et de géometrie résolu par notre habile mathématicien. Ce fut lui qui, pendant trente années consécutives, a calculé et rédigé le calendrier de St. Péters-

ученію академіи наукъ преподавалъ математическія наставленія находившимся тогда при оной студентамъ, что и подало ему поводъ къ изданію геометріи, каковой учебной книги до того времени на россійскомъ языкѣ сочиненной еще не было. Въ 1760 году произведенъ въ астрономы на мѣсто умершаго Гришова, а въ слѣдующемъ году отправленъ былъ въ Нерчинскъ для наблюденія прохожденія Венеры чрезъ солнце. Въ 1769 году получилъ онъ порученіе отъ академіи наукъ отправиться въ Колу для таковагожъ наблюденія. По возвращеніи его изъ первой экспедиціи (1763) произведенъ былъ экстраординарнымъ, а предъ отъѣздомъ его въ Колу (1767) ординарнымъ профессоромъ астрономіи. Кромѣ многихъ астрономическихъ разсужденій и наблюденій, напечатанныхъ въ разныхъ мѣстахъ академическихъ актовъ, содержатся въ оныхъ также многія остроумныя его рѣшенія геометрическихъ и аналитическихъ задачъ. Сверхъ сего 30 лѣтъ сряду трудился онъ надъ сочиненіемъ и ежегоднымъ изданіемъ санкт-

bourg, et pendant une période presque aussi longue il avait dirigé le département géographique de l'académie. *Il dirigea aussi pendant plusieures années les études des élèves du corps des cadets grecs, et dans les dernières années de sa vie il participa aux travaux du département de la marine en qualité du membre du comité savant de ce département.* Dans ces heures de loisir il traduisit en russe des ouvrages utiles, tels que les lettres d'Euler à une princesse d'Allemagne, les annales de Tacite et d'autres. Depuis 1800 jusqu'à 1803 il fit, par suite d'un ordre suprême, les fonctions de vice-président de l'académie, et en 1803 il fut nommé très gracieusement curateur de l'université impériale de Kazan. Dans cette dernière place il a travaillé sans relache à l'organisation des écoles de son arrondissement, aussi bien qu'à celle de l'université même, avec un zèle et une activité qui sont bien rares dans un âge si avancé et *qui n'ont cessé qu' avec le dernier soufle de sa vie. C'est à une constitution vigoureuse et à un genre de vie sobre*

петербургскаго астрономическаго календаря, и втеченіе почти толикихъ же лѣтъ имѣлъ главное надзираніе надъ бывшимъ при академіи наукъ географическимъ департаментомъ. Въ свободные отъ должности часы занимался онъ переводомъ полезныхъ сочиненій, и между прочимъ перевелъ на россійскій языкъ съ французскаго письма о разныхъ физическихъ и философическихъ матеріяхъ, писанныя Леонардомъ Эйлеромъ къ нѣкоторой нѣмецкой принцессѣ, и съ латинскаго лѣтопись Корнелія Тацита. Съ 1800 по 1803 годъ занималъ онъ по высочайшему повелѣнію мѣсто вице-президента академіи наукъ, а потомъ (1803) опредѣленъ *членомъ главнаго правленія училищъ* и попечителемъ казанскаго учебнаго округа. Проходя сіе званіе, не взирая на глубокую свою старость, отправлялъ онъ дѣла, какъ до образованія училищъ сего округа, такъ и самаго университета касающіяся, съ особеннымъ раченіемъ.

et très reglé qu'il a dû le précieux avantage de jouir jusqu'à l'âge de presque quatre-vingt ans de toutes ses facultés physiques et intellectuelles et de conserver l'usage de toute sa tête et de tous ses sens.

Приведенный некрологъ послужилъ источникомъ для послѣдующихъ извѣстій о Румовскомъ, и прежде всего для словаря митрополита Евгенія, откуда заимствованы и свѣдѣнія о Румовскомъ, находящіяся въ Опытѣ краткой исторіи русской литературы Греча. Митрополитъ Евгеній исчисляетъ труды Румовскаго, оригинальные и переводные, изданные на русскомъ языкѣ, и говоритъ: «много также статей его помѣщено въ Историческихъ календаряхъ, въ Собесѣдникѣ любителей русскаго слова и въ Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ». Статья о Румовскомъ, помѣщенная въ Словарѣ русскихъ свѣтскихъ писателей, митрополита Евгенія, 1845, т. II, стр. 156—158, напечатана буквально съ рукописи публичной библіотеки: «Митрополита Евгенія словарь писателей Зот-Ярос.» (т. е. Зотовъ Кононъ—Ярославъ, великій князь), составляющей первый томъ рукописнаго словаря. Эта же статья находится и во второмъ томѣ рукописнаго словаря: «Митр. Евг. словарь писателей Каш. — Оом.» (т. е. Кашинъ — Ѳоминъ). Основываясь на неточномъ извѣстіи о томъ, что Румовскій умеръ на 81 году отъ рожденія, словарь говоритъ, что Румовскій родился въ 1732 году. Также неточно и показаніе академическаго некролога, что Румовскій умеръ на 80 году отъ рожденія. Гречъ исправляетъ эту неточность, и говоритъ, что Румовскій родился въ 1734 году: это показываетъ, что въ рукахъ Греча, кромѣ некролога и словаря, были и другіе матеріалы.

Нашъ трудъ о Румовскомъ былъ уже прочитанъ въ засѣданіяхъ отдѣленія и сданъ, по опредѣленію отдѣленія, въ типогра-

фію, когда появилась біографія Румовскаго, составленная профессоромъ казанскаго университета Н. Н. Буличемъ. Она помѣщена въ Ученыхъ запискахъ казанскаго университета, и составляетъ часть труда, начало котораго издано подъ названіемъ: Казанскій университетъ въ Александровскую эпоху. (Извѣстія и ученыя записки императорскаго казанскаго университета. 1875. № I. Ученыя записки императорскаго казанскаго университета. 1875. Годъ XLII. стр. 20—40, 45—48).

Почтенный авторъ пользовался найденною имъ въ дѣлахъ казанскаго университета рукописною біографіею Румовскаго, къ сожалѣнію неоконченною, составляющею переводъ статьи Цаха съ нѣкоторыми неважными дополненіями: авторъ этой біографіи, какъ обязательно сообщилъ мнѣ Н. Н. Буличь въ письмѣ отъ 30 апрѣля 1875 года, — секретарь общества любителей россійской словесности и соредакторъ «Казанскихъ извѣстій» профессоръ Кондыревъ, повидимому приготовлявшій для своего изданія біографію Румовскаго тотчасъ послѣ его смерти.

Родина Румовскаго, т. е. село, гдѣ отецъ его былъ священникомъ, упоминается подъ тремя разными названіями.

Отецъ Румовскаго, въ своей челобитной св. синоду, говоритъ, что онъ посвященъ 22 мая 1734 года (слѣдовательно за пять мѣсяцовъ до рожденія Степана Яковлевича Румовскаго) въ священники села *Стараго Погоста*, владимірскаго уѣзда, ярополческой волости, церкви св. Николая чудотворца, и оставался въ этомъ селѣ со времени своего посвященія до переселенія въ Петербургъ, послѣдовавшаго въ 1739 году. (Дѣла архива с.-петербургской духовной консисторіи, 1739 года, № 415).

Родной братъ Степана Яковлевича Румовскаго, соученикъ его по александроневской семинаріи, Ѳедоръ Румовскій, при посвященіи своемъ въ дьяконы, показалъ о себѣ, что онъ родился «владимирскаго уѣзда въ селѣ *Лемешкахъ:* отецъ его, Іаковъ Борисовъ, былъ въ томъ селѣ *Лемешкахъ* при церкви св. Николая

чудотворца священникомъ» и т. д. (Дѣла архива петербургской консисторіи, 1755 года, № 489).

Въ біографіи Румовскаго, помѣщенной въ журналѣ Цаха, сказано: Rumovski ist den 29 october 1734 in *einem dorfe*, in der statthalterschaft von Wladimir, geboren. Въ рукописной біографіи, составленной Кондыревымъ по Цаху, названо село: «Румовскій родился въ селѣ *Дубовскомъ*, въ *тринадцати* верстахъ отъ Владиміра». (Извѣстія и ученыя записки казанскаго университета. 1875. № 1, стр. 21).

Въ спискѣ населенныхъ мѣстъ (1863 года. Владимірская губернія, стр. 3, № 17): *Лемешскъ* — село владѣльческое, при рѣчкѣ Коневкѣ; отъ Владиміра *тринадцать* верстъ; число дворовъ 71; жителей: мужеск. 280, женск. 250; церковь православная 1. — Въ приходскихъ спискахъ (владимірскаго уѣзда, вознесенской церкви села Лемешка, 1857 г., ч. I), составленныхъ по ходатайству академика Кеппена, и заключающихъ въ себѣ какъ офиціальныя, такъ и народныя названія мѣстностей: «Село *Лемешокъ* — при рѣчкѣ Коневкѣ, близъ рѣки Клязьмы и рѣки Нерли. При немъ деревни: Квашниха — при прудѣ; Катроиха при прудѣ; Соболиха — при ручьѣ; Грезино — при ручьѣ и рѣчкѣ Состъ. Прихожанъ обоего пола 488; прихожане — великороссіяне; вѣдомства помѣщичьяго».

До поступленія въ александроневскую семинарію Румовскій находился при отцѣ своемъ, священникѣ Яковѣ Борисовѣ, о которомъ и сообщаемъ нѣсколько извѣстій, сохранившихся въ дѣлахъ архива с.-петербургской духовной консисторіи.

Отецъ Румовскаго Яковъ Борисовъ — уроженецъ того же села Стараго Погоста, синодальной области, володимірскаго уѣзда, ераполческой десятины; отецъ Якова Борисова, дѣдъ Румовскаго, Борисъ Степановъ, былъ въ этомъ селѣ священникомъ. Яковъ Борисовъ, пробывши нѣсколько времени дьячкомъ, посвященъ въ 1730 году въ дьякона, а въ 1739 году въ свя-

щенника церкви св. Николая села Стараго Погоста въ вотчину покровскаго суздальскаго дѣвичья монастыря. Болѣзнь не позволила ему явиться для принесенія присяги на вѣрную службу ея императорскому величеству, и за свою неявку онъ былъ наказанъ плетьми. «1737 году сентября 28 дня въ Нижнемъ Новѣгородѣ, въ домовой преосвященнаго Питирима, архіепископа нижегородскаго и алаторскаго, учрежденной коммиссіи о разборѣ домовыхъ и монастырскихъ служителей и церковниковъ и ихъ дѣтей, по нижеписанному реэстру, небывшіе у состоявшихся 1730 и 1731 годовъ присягъ явились, и за небытіе у тѣхъ присягъ, по силѣ указа, церковникъ и праздноживущіе плетьми наказаны, а малолѣтные безъ наказанія къ тѣмъ присягамъ въ соборной преображенія Господня церкви приведены, и подписками обязаны, и съ симъ билетомъ отпущены священникъ для священнослуженія и праздноживущіе въ домы свои попрежнему, а малолѣтные, кои отъ седьми лѣтъ до осьмнадцати, опредѣлены въ школу въ наученіе грамматики, кто къ которой способенъ обрящется». Первымъ въ спискѣ «наказаннымъ и къ присягамъ приведеннымъ» помѣщенъ «ераполческой десятины, села Стараго Погосту попъ Іяковъ Борисовъ».

Скудость содержанія, получаемаго отъ прихода, въ которомъ было три священника и всего двѣсти дворовъ, заставила Якова Борисова поискать счастья въ Петербургѣ. Въ апрѣлѣ 1739 года онъ подалъ на высочайшее имя слѣдующее прошеніе: «Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Анна Іоанновна, самодержица всероссійская. Бьетъ челомъ володимерскаго уѣзду ераполческой десятины, села Стараго Погосту, богомолецъ вашъ, николаевской церкви попъ Іаковъ Борисовъ, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты. Въ прошломъ 1734 году, мая 22 дня, посвященъ я, богомолецъ вашъ, покойнымъ преосвященнымъ Питиримомъ, архіепископомъ нижегородскимъ и алаторскимъ, въ попа въ вышеозначенное село Старый Погостъ ко оной церкви Николая чудотворца, и имѣлся у той николаевской церкви я попомъ и понынѣ, и служилъ безпорочно.

А у оной нашей николаевской церкви поповъ имѣется трое, а приходскихъ людей къ той нашей николаевской церкви весьма малое число, и пропитаніе имѣемъ весьма нужное. А нынѣ увѣдомился я, богомолецъ вашъ, что здѣсь въ Санктпетербургѣ отъ приходу церкви Сампсонія страннопріимца священникъ Иванъ Михайловъ отбылъ къ приходу церкви Николая чудотворца, что въ большой ружейной, и нынѣ оное сампсоніевское мѣсто имѣется праздно. И чтобъ указомъ вашего императорскаго величества и благословеніемъ святѣйшаго правительствующаго синода повелѣно было опредѣлить меня, богомольца вашего, къ означенной церкви Сампсонію страннопріимцу на мѣсто того попа Ивана Михайлова къ служенію, и о томъ изъ святѣйшаго правительствующаго синода дать мнѣ перехожій указъ». Прошеніе Якова Борисова передано въ петербургское духовное правленіе, которое и постановило: «означеннаго священника обстоятельно допросить, и что чѣмъ доведется освидѣтельствовать». На требуемомъ допросѣ Яковъ Борисовъ «безъ всякой лжи и утайки, сущую правду сказалъ, что крестное на себѣ знаменіе изображаетъ онъ, священникъ Іаковъ, тремя первыми десныя руки персты, а раскольнической прелести ни отъ кого не учивался, и раскольниковъ потаенныхъ никого не знаетъ, и согласія съ ними въ расколѣ никогда не имѣлъ и не имѣетъ, и впредь таить ихъ не будетъ. Десятословіе дѐ Божіихъ заповѣдей, напечатанное въ букварѣ и съ толкованіемъ, такожъ и изъ катихизиса что̀ до должности священнической подлежитъ онъ, Іаковъ, знаетъ». Эти объясненія признаны удовлетворительными, и 23 мая 1739 года послѣдовало опредѣленіе св. синода: быть Якову Борисову третьимъ мѣстнымъ священникомъ при церкви св. Сампсона страннопріимца на выборгской сторонѣ. Въ этомъ приходѣ Яковъ Борисовъ оставался очень недолго, всего около пяти мѣсяцовъ. Въ сентябрѣ открылось священническое мѣсто при успенской церкви въ никольской слободѣ, а въ октябрѣ переведенъ на это мѣсто Яковъ Борисовъ по ходатайству прихожанъ, подавшихъ въ св. синодъ такого рода прошеніе: «Сего 1739 года, сентября

24 дня, церкви успенія пресвятыя Богородицы священникъ Іоаннъ Алексѣевъ волею Божіею умре, а на оное мѣсто къ той успенской церкви священника не опредѣлено. А нынѣ мы усмотрѣли въ Санктпетербургѣ при церкви св. Сампсона страннопріимца, что на выборгской сторонѣ, новоопредѣленнаго священника Іакова Борисова, который житія воздержнаго, книгъ божественныхъ чтеніемъ искуснаго. Того ради просимъ, дабы повелѣно было помянутаго священника Іакова Борисова къ той успенской церкви, что въ татарской, опредѣлить священникомъ же, дабы намъ, приходскимъ людямъ, не имѣло происходить въ приключающихся требахъ каковой нужды». (Дѣла 1739 года, № 415 и 433).

О церкви или соборѣ успенскомъ, къ которому опредѣленъ Яковъ Борисовъ, встрѣчаются въ рукописяхъ и въ печатныхъ книгахъ свѣдѣнія, не вполнѣ согласныя одно съ другимъ.

Въ вѣдомости изъ сказокъ, собранныхъ въ бывшую тіунскую контору, 1722 года: «Въ Санктпетербургѣ соборъ успенія пресвятыя Богородицы, на санктпетербургскомъ островѣ, въ никольской; при немъ два придѣла: Николая чудотворца да рождества Іоанна предтечи; построенъ въ 1712 году».

Въ описаніи Петербурга, изданномъ въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія: «Соборъ успенія пресвятыя Богородицы, на санктпетербургской сторонѣ, на берегу малой Невки, противъ Васильевскаго острова, построена мазанкова; строилъ оную вицегубернаторъ Яковъ Никитичъ Корсаковъ въ 1713 году, и нынѣ оная весьма обветшала. Имѣетъ при себѣ три престола: настоящая — успеніе Богородицы, и одинъ предѣлъ — рождества Іоанна предтечи, а другой — св. Николая чудотворца. И въ 1740 году начата сія церковь строиться каменная, которая достроена по самые своды, и потомъ оную церковь, по указу государыни императрицы Елисаветы Петровны, велѣно достроить о пяти главахъ, по древнему россійскому обычаю. По указу же государыни императрицы Екатерины II, съ 1766 по 1772, по прожекту архитектора Ринальдія, подъ смотрѣніемъ статскаго

совѣтника Дьякова, оная церковь приведена была къ окончанію; но отъ случившагося 12 іюня 1772 года пожара повредилась, и для того паки возобновляется строеніемъ». (Историческое, географическое и топографическое описаніе Санктпетербурга, сочиненное Богдановымъ и изданное Рубаномъ. 1779, стр. 297—298).

Въ описаніи петербургской епархіи: «Съ построеніемъ зданій на той и на другой сторонѣ Невы создались постепенно, одна за другою, и церкви. Въ 1708 году на петербургскомъ островѣ у тучкова моста построена деревянная церковь въ память успенія пресвятыя Богородицы. Ее освятилъ высокопреосвященный Стефанъ Яворскій, митрополитъ рязанскій и мѣстоблюститель патріаршаго престола. Въ 1718 году церковь сія, по указу государя, наименована соборомъ. Она имѣла два придѣла: рождества предтечи и св. Николая чудотворца». (Историко-статистическія свѣдѣнія о с.-петербургской епархіи. Изданіе с.-петербургскаго епархіальнаго комитета. 1869. Выпускъ первый, стр. 43).

Въ исповѣдныхъ книгахъ 1741 и 1742 годовъ упоминается священникъ Яковъ Борисовъ и при немъ малолѣтній сынъ его Степанъ. Исповѣдныя книги по Санктпетербургу, 1741 года, т. II. Роспись соборныя церкви успенія пресвятыя Богородицы, что въ никольской, священнослужителей съ причетники о обрѣтающихся при оной соборной церкви нижеявленныхъ чиновъ людехъ со изъявленіемъ противъ коегождо имени о бытіи ихъ въ прошломъ 1741 году у исповѣди и св. таинъ причастія, и о исповѣдавшихся; а не причастившихся и безъ исповѣди оставшихся. Домъ іерея Якова Борисова. Въ немъ живетъ онъ, Борисовъ, 32 лѣтъ, жена его Анна Никифорова 32 лѣтъ: дѣти ихъ: Иванъ 10 лѣтъ, Ѳедоръ 8 лѣтъ, Степанъ 6 лѣтъ, Никифоръ 3 лѣтъ, Александръ 1 года. — Въ исповѣдной книгѣ за 1742 годъ наименованы тѣ же самыя лица. Но въ исповѣдныхъ книгахъ слѣдующихъ годовъ, начиная съ 1743 года, при священникѣ Яковѣ Борисовѣ не значатся изъ сыновей его ни Ѳедоръ, ни Степанъ. О Ѳедорѣ положительно извѣстно, что онъ въ 1743 году «взятъ

для обученія вышнихъ наукъ въ александроневскую семинарію» (дѣло 1755 года, № 489). О времени же вступленія въ семинарію и пребыванія въ ней до 1748 года сына Якова Борисова Степана, прозваннаго въ семинаріи Румовскимъ, не сохранилось свѣдѣній: по крайней мѣрѣ всѣ поиски наши въ архивахъ александроневской лавры и св. синода оказались въ этомъ отношеніи напрасными.

Отецъ Румовскаго постоянно пользовался расположеніемъ и довѣріемъ прихожанъ, какъ можно заключить изъ того, что они избрали его въ протоіерея. Въ январѣ 1745 года «приходскіе люди успенскаго собора, что на санктпетербургскомъ острову» просили преосвященнаго Никодима, епископа петербургскаго и шлиссельбургскаго, произвести въ протоіереи священника Якова Борисова, котораго они «избрали въ протопопа» на томъ основаніи, что онъ «какъ священнослуженіе, такъ и мирскія требы исполняетъ весьма тщательно и нелѣностно, безъ всякаго пороку и подозрѣнія, и вси мы, прихожане, онымъ священникомъ весьма довольны, и при ономъ успенскомъ соборѣ протопресвитеромъ быть достоинъ». Дѣло осталось безъ движенія за скорымъ отъѣздомъ епископа Никодима, и прихожане обратились къ его преемнику, архіепископу Ѳеодосію, съ просьбою о возведеніи священника Якова Борисова въ протоіереи, и снова свидѣтельствовали о томъ, что онъ «съ начала бытности его при ономъ соборѣ какъ священнослуженіе, такъ и мирскія требы денно и нощно исполняетъ весьма тщательно и нелѣностно, безъ всякаго пороку и подозрѣнія, и онымъ священникомъ Іяковомъ мы, прихожане, весьма довольны, и при ономъ успенскомъ соборѣ, по его трудомъ, быть достоинъ». Архіепископъ Ѳеодосій положилъ такую резолюцію, любопытную не только по содержанію, но и по особенностямъ языка: «Принять и сіе доношеніе къ первоподанному, и по онымъ справитися, подлинно ль прихожане, показанные въ оныхъ доношеніяхъ, подписалися сами, не пронскомъ ли какимъ албо подлогомъ здѣлано. Притомъ отцу протопопу Михаилу Слонскому показаннаго священника Іакова аппробовать о ученіи

его и искусствѣ въ чтеніи книгъ, о священнослуженіи, чесномъ состояніи житія, о добрихъ нравѣхъ, и нѣтъ ли въ немъ раскольническаго суевѣрія, и не защищаетъ ли раскольниковъ, не пьяница ли, не крамольникъ и не бійца, и нѣтъ ли якихъ дѣлъ въ консисторіи о его непорадкахъ. Ибо такой степень первенствующаго іерея требуетъ того, дабы помянутыхъ пороковъ всѣхъ чуждъ былъ, а образъ благихъ дѣлъ всѣмъ зъ себе показовалъ, якъ о томъ въ указахъ императорскихъ и въ регламентѣ святѣйшаго синода доволно явствуетъ. Обо всемъ акуратно, а паче совѣстно, слѣдовавъ, предложить вскорости за руками, дабы (чего Боже храни) по произвожденіи не явилося худого къ порицанію консисторіи и его, священника. Зверхъ того, къ засвидѣтельствованію взять сказки и въ причетниковъ той церкви о вышеписанномъ, и сообщить къ дѣлу». Со всѣхъ сторонъ сдѣланы были заявленія въ пользу священника Якова Борисова. Прихожане засвидѣтельствовали, что при выборѣ въ протопопы они дѣйствовали вполнѣ добровольно, и что выбранный ими — «человѣкъ добрый и весьма трудолюбивый». Протопресвитеръ Слонскій выдалъ такое свидѣтельство: «успенскаго собора священникъ Іяковъ Борисовъ мною апробованъ, и въ чтеніи, и въ пѣніи, и въ священнослуженіи явился весьма исправенъ, и раскольническаго суевѣрія въ немъ по испытанію не присмотрѣно». Священнослужители и церковнослужители успенскаго собора заявили, что «обрѣтающійся при ономъ соборѣ священникъ Іаковъ Борисовъ житіе свое добрѣ препровождаетъ, и въ священнослуженіи, также и во исправленіи приходскимъ людемъ духовныхъ требъ весьма целѣностенъ; и иныхъ какихъ непорядковъ, и препятствующихъ къ произвожденію его на высшую степень въ протопопа виновныхъ причинъ и подозрѣнія за нимъ никакого не знаемъ, и ни отъ кого не слыхали». Противъ него высказался только одинъ изъ его сослуживцевъ, видимо руководимый личною враждою и недоброжелательствомъ. Священникъ успенскаго собора Алексѣй Андреевъ на запросъ консисторіи отвѣчалъ, что «оный священникъ Іаковъ для слѣдующихъ винословій въ прото-

попа произвестися не достоинъ. Понеже онъ человѣкъ безразсудный, силы священнаго писанія по должности священства весьма невѣдущій и зѣльный сребролюбецъ. Ибо не токмо насъ, священнослужителей, съ причетники въ доходѣхъ обижалъ и обижаетъ, но и церковнымъ имѣніемъ владѣетъ не малое время. Еще же великій крамольникъ и бійца. За которыя его непорядочныя поступки и за невѣжество въ священномъ писаніи преосвященный Никодимъ произведеніе его на протопопство отрѣшилъ, и никакими происками домагаться ему не велѣно. А что жъ нынѣ нѣкоторые приходскіе люди о произведеніи его въ протопопа, понуждаемы непрестанною его просьбою, и обольщены будучи лицемѣріемъ и притворною его святынею, его преосвященство въ невѣдѣніи просятъ; тако жъ и діаконъ, обнадеженъ отъ него произвестися стараніемъ его во священника на его мѣсто, не по совѣсти подписалъ его быти во всемъ достойна, а церковники, яко люди подчиненные, такожъ подписались страха ради, боясь его крайней жестокости». Въ доказательство невѣжества Якова Борисова противникъ его приводилъ слѣдующее: «Когда на его седьмицѣ случается на воскресные дни на заутрени читать толковое евангеліе, тогда онъ, Іаковъ, не твердя не читаетъ. Въ крещеныхъ молитвахъ, гдѣ надлежитъ говорить: *многоочитіи*, онъ говоритъ: *многоочистіи*. Гдѣ напечатано во евангеліи (Іоан. X, 21): *распудитъ* овцы (т. е. *разгоняетъ*), онъ говоритъ: *разбудитъ*». Архіепископъ Θеодосій приказалъ собрать точныя справки о самомъ Андреевѣ, «имѣетъ ли онъ добродѣтели, явится ли непороченъ; и о сущей его правдѣ сущею правдою пусть и докажетъ на Іакова, а не пустыми бумажками». По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что Алексѣй Андреевъ «обращается въ невоздержномъ житіи, и запоемъ отъ хмѣльнаго напитка запиваетъ, и піетъ иногда по мѣсяцу и по два» и т. п. Послѣ разныхъ внушеній и допросовъ, онъ показалъ, что «доносилъ онъ, Алексѣй, на своего товарища Якова Борисова о нѣкоторыхъ его, Якова, въ церковныхъ чтеніяхъ порокахъ и оплазствахъ, нынѣ оныя, яко языка, а не ума погрѣшности, въ не во что вмѣняетъ». На

основапіи всего этого состоялась. 7 мая 1745 года, резолюція Θеодосія, архіепископа санктпетербургскаго и шлютельбургскаго: «священника Іакова Борисова, яко неявившагося ни въ какомъ порокѣ и подозрѣніи, въ помяненный успенскій соборъ по церковному чиноположенію произвесть въ протопресвитера». (Дѣло 1745 года, № 639).

4) Дѣла архива св. синода. 1738 года, № 444. Доношеніе святѣйшему правительствующему синоду отъ академіи наукъ, 31 мая 1738 года. Подписано: Korff. Внизу: Donoschenie an den heil. synod nebst dem catalogo lectionum. Къ донесенію приложено слѣдующее, напечатанное порусски, извѣстіе о лекціяхъ: «Охотникамъ до математики, физики, исторіи и реторики объявляютъ чрезъ сіе профессоры санктпетербургскія академіи наукъ, что они объ оныхъ наукахъ въ академическихъ палатахъ публичныя лекціи читать будутъ:

Амманъ, докторъ медицины, членъ лондонскаго социетета, профессоръ ботаники и исторіи натуральной, будетъ весною толковать ботаническіе элементы и способы къ познанію травъ; лѣтомъ — показывать надлежащія до того травы въ академическомъ саду, а зимою учить медицинѣ.

Делиль, первый профессоръ астрономіи, совѣтникъ французскаго короля, лекторъ королевской и профессоръ математики въ королевской французской коллегіи, членъ санктпетербургскія императорскія, также парижскія, лондонскія и берлинскія академіи наукъ, по совершеніи астрономическія башни, чрезъ которую во всей имперіи къ астрономической наукѣ основаніе положеніе (sic), будетъ показывать охотникамъ изъ россійской націи, которые въ математическихъ наукахъ довольное основаніе имѣютъ, происходящую отъ того пользу къ большему совершенству астрономіи и географіи, также и оные способы, какъ надлежитъ дѣлать обсерваціи.

Дюверноа, докторъ медицины и профессоръ анатоміи, будетъ на анатомическомъ театрѣ продолжать публичныя свои лекціи и при томъ показывать медицинскую практику.

Эйлеръ, Леопгардъ, высшей математики профессоръ, сперва имѣетъ толковать логику, а потомъ геометрію.

Гейнсіусъ, профессоръ астрономіи, имѣетъ показывать астрономическіе элементы.

Крафтъ, теоретической и экспериментальной физики профессоръ, въ лѣтнее время имѣетъ упражняться въ толкованіи и показываніи физическихъ экспериментовъ, а въ зимнее — теоретическую пользу сихъ экспериментовъ во всемъ пространствѣ естественныя науки доказывать; но прежде онъ будетъ подавать метафизическія наставленія.

Штелинъ, элоквенціи и поэтики профессоръ, имѣетъ толковать слушателямъ своимъ первую часть элоквенціи, основаніе стиля и разные онаго роды и употребленія. Для особливыя пользы россійскихъ учениковъ будетъ онъ толковать черезъ день чистымъ нѣмецкимъ стилемъ написанныя двѣ книги и въ концѣ каждаго мѣсяца учредить декламаціи; а предъ полуднемъ будетъ показывать часть практическія философіи, надлежащую до исправленія нравовъ.

Вейтбрехтъ, докторъ медицины и профессоръ физіологіи, будетъ толковать физіологію въ публичныхъ лекціяхъ и показывать до изъясненія сея науки надлежащіе эксперименты; послѣ чего, по желанію своихъ слушателей, прочія до медицинскія науки надлежащія части продолжать имѣетъ.

Фонъ-Винсгеймъ, профессоръ астрономіи, будетъ слушателей своихъ учить математической и физической географіи.

Леруа, профессоръ экстраординарный исторіи, будетъ учить универсальной исторіи.

Вилде, медицины докторъ и экстраординарный профессоръ, начнетъ анатомическія лекціи отъ остеологіи на театрѣ анатомическомъ.

Понеже никто изъ профессоровъ въ россійскомъ языкѣ потребнаго къ наставленію искусства не имѣетъ, того ради Василій Адодуровъ, адъюнктъ при академіи наукъ, будетъ своимъ слушателямъ надлежащія до россійскаго языка правила показывать,

а по совершеніи оныхъ толковать имъ на томъ же языкѣ реторику.

Начало сихъ лекцій учинится 1 числа іюня 1738 года.

5) Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія. 1805. № VIII, стр. 79—80.

6) Дѣла архива св. синода. 1748. № 228.

7) Исторія императорской академіи наукъ въ Петербургѣ, Петра Пекарскаго. Т. I, стр. 523. — Т. II, стр. 286—287, 358—359.

8) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Картонъ № 4, года 1745 и 1746. Собственноручное представленіе Ломоносова конференціи академіи наукъ (conventui academiae):

Viri clarissimi.

Cum jam ex clementissimis caesareae majestatis, quae e dirigente senatu prodierunt, mandatis duplex solatium et emolumentum ceperimus, alterum nempe est, quod destinata nobis stipendia e status camera promptius enumerentur, quodque scientiarum et rerum ad eas spectantium cura nobis sit unice demandata, est alterum; quibus factum est, ut nec rerum inopia, nec angustiore in academica jure a promovendis in hoc imperio scientiis nos prohiberi ultro queri possimus: id circo non nobis amplius differendum, sed jam pro virili contendendum esse censeo, ut et utilitati imperii et officio nostro satisfiat, utque celsissimus senatus intelligat, nos non proprio suo emolumento et famae studio, sed utilitatis et gloriae a scientiis in hunc imperium redundaturae impulsos desiderio, tot querelus movisse. Quibus autem rebus id praestari posse existimem sequentibus capitibus illustri academicorum consessui propono.

1. Utile sane et jucundum majestati et imperio opus patrabimus, si dirigentem senatum iterum sollicitando studiosos e coenobiis obtinebimus, eosque docendo et exercitiis academicis ad majores progressus incitando verae universitatis petropolitanae titulum scientiarum academiae jungemus. Non equidem nos hujus operae poenitebit. Multa et magna pollicetur clementia augustae,

qua cumulata sunt illustriora quaedam Russiae gymnasia, ubi discentium numerus est satis frequens. Quamvis autem fiscus pro academia destinatus ad alendos studiosos modo haud sufficiat; credo tamen celsissimum senatum ex propriis sumptibus iis alimenta daturum, donec res oeconomica academiae erit restaurata.

2. Providendum esse arbitror, ut gymnasium majore numero discipulorum abundet, unde studiosi erunt tanquam e proprio penu aliquando producendi.

3. Cum multi et non inutiles libri in rossiacum sermonem translati sint, tumque porro ab interpretibus transferri possint, qui tamen sine speciali dirigentis senatus mandato, indeque difficile praelo committi possunt; quamobrem celsissimum senatum suplicandum esse puto, ut cum translatos tum etiam russice exaratos libros conventui academicorum revidendos confidat, ne tam sublime tribunal frequentioribus sollicitationibus incommodare cogamur. A. 1746, die 28 aprilis.

M. Lomonosoff.

9) Дѣла архива канцеляріи академіи наукъ. 1748 года. Февраль. № 114. Черновое письмо синодальному члену Θеодосію, архіепископу санктпетербургскому и архимандриту троицкаго александроневскаго монастыря, 24 марта 1748 года.

10) Дѣла архива св. синода. 1748 года, № 227: Дѣло озаглавлено такъ: «По доношенію изъ академіи наукъ объ отдачѣ въ тое академію въ неуверситетъ (sic) изъ московской славеногреколатинской академіи и изъ новгородской и невской семинаріи знающихъ латинскій языкъ 30 человѣкъ учениковъ». Первое донесеніе президента академіи наукъ св. синоду отъ 9 февраля 1748 года; указъ св. синода о выборѣ тридцати учениковъ и въ числѣ ихъ десяти изъ невской семинаріи присланъ въ академію наукъ 25 февраля 1748 года, а 26 марта присланъ новый указъ, дозволяющій выбрать не болѣе пяти учениковъ изъ невской семинаріи; 29 марта президентъ вошелъ со вторичнымъ представленіемъ о выборѣ десяти человѣкъ; 4 апрѣля подписанъ указъ объ исполненіи требованія президента, 5 апрѣля полученъ въ академіи, а

6 апрѣля посланъ изъ канцеляріи академіи наукъ Ломоносову и Брауну. — Съ 7 по 10 апрѣля въ канцеляріи не было присутствія по случаю страстной недѣли, а съ 10 по 18 апрѣля — по случаю святой недѣли.

11) Дѣла архива академической канцеляріи. Протоколы канцеляріи академіи наукъ 1748 года, № 457. Протоколъ № 34, марта 7.

12) Въ рапортѣ Ломоносова и Брауна лѣта Румовскаго обозначены невѣрно: 7 апрѣля 1748 года Румовскому было не двѣнадцать лѣтъ, а тринадцать лѣтъ и пять мѣсяцовъ съ нѣсколькими днями. Въ отчетѣ объ академическихъ студентахъ, относящемся къ концу 1752 года (въ ноябрѣ канцелярія предписала произвести испытанія студентамъ), Румовскому показано 18 лѣтъ. По свидѣтельству Цаха, очевидно полученному отъ самого Румовскаго, Румовскій родился 29 апрѣля 1734. Въ собственноручномъ письмѣ своемъ къ министру народнаго просвѣщенія, графу Завадовскому, отъ 26 ноября 1808 года Румовскій говоритъ о себѣ: «мнѣ, семьдесятъ четыре года имѣющему», и т. д.

13) Дѣла архива академической канцеляріи. Протоколы канцеляріи академіи наукъ. 1748 года. № 457. Протоколъ № 72, мая 27.

14) Полное собраніе законовъ россійской имперіи. Т. XII. № 9425, стр. 731, 735—737. Регламентъ императорской академіи наукъ и художествъ въ Санктпетербургѣ, 24 іюля 1747 года.

15) Conspectus reipublicae literariae sive via ad historiam literariam juventuti studiosae aperta a Christophoro Augusto Heumanno, d. Editio quarta locupletior. Hanoverae. 1736.

Образцовое для своего времени руководство Геймана состоитъ изъ слѣдующихъ семи главъ:

I. De natura et partibus historiae literariae.
II. De scriptoribus historiae literariae universalis.
III. De arte scribendi.
IV. De ortu et progressu studiorum literariorum usque ad hanc nostram aetatem.
V. De fatis disciplinarum sive de earum origine et incrementis.

VI. De notitia librorum.

VII. De notitia auctorum.

Исторію литературы авторъ опредѣляетъ такимъ образомъ: Historia literaria est historia literarum et literatorum sive narratio de ortu et progressu studiorum literariorum ad nostram usque aetatem. (стр. 1). Исторію всеобщей литературы онъ раздѣляетъ на три періода: древній—отъ временъ Моисеевыхъ до господства христіанской религіи; средній—отъ Константина Великаго до паденія Византіи и изобрѣтенія книгопечатанія; новый—до нашихъ временъ (стр. 62—63).

Умственное состояніе средневѣковой Европы изображено такими чертами: Ex hoc tempore deferbuerunt literarum studia non tam ob incursiones barbararum gentium, quam ob crescentem ingeniorum pestem, superstitionem, quae literarum non solum cultoribus sed etiam fautoribus ac maecenatibus orbavit orbem universum. Scilicet initium odium ethnicorum peperit odium erga ipsas literas, ortaque eo tempore est distinctio earum in sacras et profanas. Quicquid philosophiae erat, ipsi ecclesiae patres vocitabant saecularem sapientiam (unde nostrum welt-weisheit) et quosuis ethnicorum libros codices saeculares appellabat Hieronymus. Idem Hieronymus narrabat vel verius fingebat somnium de lectione Ciceronis similiumque auctorum Deo exosa: faterique cogitur Buddeus, patrum nonnullos, cum abusum artium et eruditionis humanae perpenderent, parum abfuisse, quin omne, quod in artes humanasque scientias impenditur, studium condemnarent. Postea vero, quam sexto saeculo Gregorius M. praecipuum et papatus et barbariei monachalis fulcrum esse coepit, ejusque exemplo monachi nuntium miserant omnibus literis, tunc omnia non ire, sed ruere in pejus et retro sublapsa referri. Uti igitur illo saeculo in ecclesia exortum esse legimus agnoëtarum haeresin, sic in literaria rep. agnoëtarum (hoc est ignorantium) plena facta sunt omnia, feodaque ista haeresis propemodum usque ad confinia lutheranae reformationis regnavit. Hinc totus franciscanorum ordo se devovit pietati illiteratae, et sanctissima illa Pauli vox:

litera occidit, spiritus vivificat, usurpari consuevit a monachis ad odium conflandum universis literarum studiis. Quid? In ipso jure canonico nefas judicabatur, episcoporum ac presbyterorum barbarismos irridere ac soloecismos, adjecto, indignum esse, sanctos illos viros restringi sub regulas Donati (стр. 91—94).

Въ противоположность съ средневѣковымъ застоемъ восьмнадцатое столѣтіе представляется вѣкомъ просвѣщенія. Во главѣ могущественнѣйшихъ распространителей просвѣщенія стоитъ Петръ Великій: Vidit etiam hoc saeculum novum Maecenatem vel potius Augustum, Petrum russorum monarcham, qui summa opum vi cives suos doctrina liberali impertire et barbariei tenebras et toto orbe suo expellere studuit, eoque fine duas academias, alteram Moscoviae, alteram Petroburgi condidit. (стр. 176).

Въ пятой главѣ говорится о судьбѣ различныхъ отраслей знанія: грамматики, критики, піитики, философіи, исторіи, географіи, медицины, юриспруденціи и т. д. Въ отдѣлѣ о поэзіи или стихотворствѣ (ars poetica) упоминаются разные виды и формы стиха: Carmen madrigalicum unde nomen acceperit, historiae poeticae scriptores disputant, idque se nescire ad ultimum fatentur. Ego vix dubito, ac ne vix quidem, id nomen habere ab urbe Hispaniae Madrigal, quam antea obscurissimam illustravit nativitas Alphonsi Tostati, teste Miraeo. Pari modo mihi persuasi, Alexandrinum carminis genus ab urbe Italiae Alexandria vocatum esse, tanquam prima istiusmodi versuum officina, etc. (стр. 236—237).

Въ главѣ о писателяхъ Гейманъ такимъ сравненіемъ выражаетъ различіе между лучшими, даровитѣйшими представителями литературы и бездарными подражателями, пробивающимися плагіатомъ: Literarium coelum suos habet soles, lunas, stellas et planetas. Planetarum nomen merentur docti impostores, vel potius planorum. Soles et stellae sunt, qui suapte luce radiant, ac proprii ingenii face illustrant orbem literatum. Lunae denique literariae appellari possunt, qui nil propriae lucis habentes, aliena explendescunt, et aeque, ut naturalis illa luna, longe magis viden-

tur, quam sunt, lumina mundi. Hos vocare solemus plagiarios, quos tamen aequum est distinguere in crassos et subtiliores, hoc est, cautius peccantes. Posterioris generis sunt, qui e plurium libris congerunt, quicquid scribunt, descriptores verius, quam scriptores, etc. (стр. 422—423).

Книга Геймана пользовалась большимъ и общимъ уваженіемъ въ литературномъ мірѣ втеченіе всего восьмнадцатаго столѣтія. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ историковъ литературы, отличавшійся какъ вѣрностію, такъ и рѣзкостію своихъ приговоровъ, такъ отзывается о трудѣ Геймана: Heumanns handbuch der literärgeschichte ist, in aller hinsicht, ein bis itzt fast unübertroffenes meisterstück zu nennen, wovon die einführung auf so vielen akademien und schulen und die oft wiederholten auflagen nicht die einzigen und letzten beweise sind. Treflicher und zweckmässiger plan, lichtvolle ordnung, reichthum der materien, scharfsinn in auswahl der beispiele, und unparteilichkeit, bestimmtheit und reife in den urtheilen kann auch der tadelsüchtige nicht darinnen verkennen. Blos die gerechte voraussetzung, das dies trefliche buch in der meisten händen sei, hält mich ab, eine übersicht seines inhalts mitzuteilen (Versuch einer allgemeinen geschichte der literatur, von Ludwig Wachler. 1793, B. I, s. 30).

16) Дѣла архива конференціи. Картонъ № 5, года: 1748 и 1749. По всемилостивѣйшему указу ея императорскаго величества... академіи наукъ профессоры россійскимъ юношамъ, къ изученію почтенныхъ наукъ опредѣленнымъ, чрезъ сіе объявляютъ будущія свои наставленія... Печатано въ Санктпетербургѣ при императорской академіи наукъ, 1748 года.

17) Въ архивѣ конференціи, въ бумагахъ академика Миллера рукопись № 10 подъ заглавіемъ: О бывшемъ при академіи наукъ университетѣ. Донесеніе Миллера отъ 26 апрѣля 1748 года.

18) Дѣла архива академической канцеляріи. 1748. Февраль. № 114. Представленіе Тредіаковскаго отъ 18 мая 1748 года.

19) Въ архивѣ конференціи рукопись Миллера: О бывшемъ при академіи наукъ университетѣ. Донесеніе Миллера канцеляріи академіи наукъ, 20 декабря 1748 года.

20) Дѣла архива академической канцеляріи. 1748. Декабрь. № 124. Отзывъ Рихмана 9 декабря; отзывъ Тредіаковскаго 8 декабря 1748 г.—

Рукопись Миллера: О бывшемъ при академіи наукъ университетѣ. Донесеніе Миллера 20 декабря 1748 года.

21) Рукопись Миллера: О бывшемъ при академіи наукъ университетѣ. Отчетъ Рихмана 17 мая 1749 года; отчетъ Фишера 10 мая 1749 г. отчетъ Шенинга 31 октября 1749 года.

22) Тамъ же. Испытанія происходили въ январѣ и февралѣ 1750 года

23) Дѣла архива академической канцеляріи. 1751. Май. № 153. Въ 1751 году экзамены студентамъ начались 29 мая, а кончились 4 іюня.

24) Дѣла архива академической канцеляріи. 1750. Май. № 141. Отчетъ Крашенинникова 12 августа 1751 года.

25) Матеріалы для біографіи Ломоносова. Собраны академикомъ Билярскимъ. 1865, стр. 190.

26) Дѣла архива академической канцеляріи. 1753. Февраль. № 174.

27) Дѣла архива академической канцеляріи. 1753. № 464: Протоколы канцеляріи академіи наукъ и господина президента ордеры, 1753 году. Протоколъ 30 января 1753 года № 37.

28) Дѣла архива академической канцеляріи. 1750. Январь. № 137. De moribus et ingenio studiosorum — отзывъ Фишера, представленный 17 февраля 1750 года.

29) Рукопись Миллера: О бывшемъ при академіи наукъ университетѣ. Просьбы: Назара Герасимова и Егора Павинскаго, поданныя первымъ въ мартѣ, а вторымъ въ январѣ 1750 года. Павинскій проситъ отеческаго совѣта, что ему дѣлать.

30) Дѣла архива академической канцеляріи. Дѣла о профессорахъ историческаго собранія. 1748. № 802.

31) Дѣла архива академической канцеляріи. 1753. Февраль. № 174.

32) Дѣла архива академической канцеляріи. 1748. Декабрь. № 124. Указъ изъ канцеляріи академіи наукъ 9 декабря 1748 года.

33) Рукопись Миллера: О бывшемъ при академіи наукъ университетѣ, л. 83—84. Письмо студентовъ 23 февраля 1749 года.

34) Дѣла архива академической канцеляріи. 1751. № 461.

35) Дѣла архива конференціи. Картонъ № 7, года 1752—1754. Указъ изъ канцеляріи академіи наукъ въ академическое собраніе, 29 января 1752 года.

36) Дѣла архива конференціи. Картонъ № 6, года 1750 и 1751. Указъ изъ канцеляріи академіи наукъ въ академическое собраніе, 31 октября 1751 года.

37) Дѣла архива академической канцеляріи. 1748. № 457: Протоколы канцеляріи академіи наукъ. Протоколъ 26 мая 1748 года № 70.

38) Дѣла архива конференціи. Картонъ № 6. «Учрежденіе о университетѣ и гимназіи за подписаніемъ академіи наукъ господина президента. Въ академическомъ регламентѣ въ § 44 написано: Всѣ, какъ профессоры и учители, такъ студенты и ученики, на академическомъ и своемъ содержаніи обрѣтающіеся въ университетѣ, подвержены регламенту, который президентомъ сочиненъ быть долженъ по примѣру европейскихъ университетовъ, какимъ образомъ и когда чего учить и обучаться. Но понеже какъ учащіе, такъ и учащіеся, понынѣ не находятся еще въ такомъ состояніи, по которому бы можно было сдѣлать совершенный университетскій регламентъ, а дабы въ семъ не произошло какого упущенія, то за потребно разсуждено до сочиненія регламента учинить слѣдующее» и т. д. За симъ слѣдуютъ тридцать два пункта или параграфа. «Учрежденіе о университетѣ и гимназіи» препровождено при указѣ изъ канцеляріи академіи наукъ профессору Винцгейму, находящемуся въ должности конференцъ-секретаря, 11 августа 1750 года.

39) Рукопись Миллера: О бывшемъ при академіи наукъ университетѣ. Ордеръ ректору гимназіи 5 августа 1748 года.

40) Дѣла архива академической канцеляріи. 1751. № 461. Графъ Разумовскій писалъ Шумахеру изъ Глухова 1 августа 1751 года.

41) Дѣла архива академической канцеляріи. 1752. Февраль. № 162. Донесеніе Крашенинникова 17 февраля 1752 года.

42) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. акад. Билярскимъ, стр. 190.

43) Рукопись Миллера: О бывшемъ при академіи наукъ университетѣ. Рапортъ Фишера 26 апрѣля 1748 года,

44) Дѣла архива академической канцеляріи. 1750. Январь. № 137. Коллективное письмо студентовъ 20 января 1750 года.

45) Дѣла архива академической канцеляріи. 1748. Февраль. № 114. Письмо студентовъ 1 мая 1749 года.

46) Дѣла архива академической канцеляріи. 1748. Февраль. № 114. Донесеніе Фишера 19 октября 1748 года.

47) Дѣла архива академической канцеляріи. 1750. Май. № 141. Донесеніе Фишера 22 мая 1750 года.

48) Дѣла архива академической канцеляріи. 1753. Сентябрь. № 181. Представленіе Крашенинникова 20 сентября 1753 года.

49) Дѣла архива конференціи. Картонъ № 7, года 1752—1754. Письмо Эйлера 13 октября 1753 года.

50) Исторія императорской академіи наукъ въ Петербургѣ, Петра Пекарскаго. 1873. Т. II, стр. XLVII—XLVIII.

51) Дѣла архива академической канцеляріи. 1753. Февраль № 174.

52) Дѣла архива конференціи. Картонъ № 7. Письмо Эйлера 13 октября 1753 года.

53) Дѣла архива академической канцеляріи. 1753. Сентябрь. № 181.

54) Дѣла архива академической канцеляріи. 1754. № 465. Протоколъ 30 апрѣля 1754 года № 88.

55) Исторія императорской академіи наукъ въ Петербургѣ, Петра Пекарскаго. 1870. Т. I, стр. 274.

56) Исторія академіи наукъ, П. Пекарскаго. Т. I, стр. 278.

57) Дѣла архива конференціи. Eingekommene briefe, 1756 bis 1766. № 47. Здѣсь находится тридцать писемъ Румовскаго, съ 1756 по 1765 годъ.

58) Дѣла архива конференціи. Картонъ № 10, года 1763—1765. Въ письмѣ Теплова 2 мая 1763:... «Особливо же господинъ надворный совѣтникъ Поповъ наполнилъ оное (мнѣніе) словами неприличными и непозволительными въ такомъ случаѣ шутками, гдѣ говоря о затѣянныхъ собою причинахъ, по которымъ Агапіонъ Степавиду оставилъ, употребилъ рѣчь: какъ мы обыкновенно пріѣвшееся кушанье мало любимъ, также слова: б...., блудница, непотребная, даже до французской болѣзни экспрессію употребилъ. Каковой бумаги мнѣ ни по какой мѣрѣ къ высочайшему прочитанію ея императорскому величеству поднести было невозможно», и т. д.

59) Дѣла архива конференціи. Входящія письма 1754 по 1767 (?). На корешкѣ только: «1754 по»; остальное вырвано. Письма Эйлера 21 и 28 декабря 1754 года.

60) Дѣла архива конференціи. Eingekommene briefe von anno 1750 bis 1755. Письмо Котельникова и Румовскаго 29 ноября 1755 года.

61) Дѣла академической канцеляріи. 1756. № 467. Протоколъ 31 мая 1756 года № 71.

62) Дѣла архива академической канцеляріи. 1756. № 467. Протоколъ 3 октября 1756 года № 160.

63) Въ бумагахъ академической канцеляріи значится, что Румовскій и Котельниковъ прибыли въ Петербургъ 24-го августа 1756, а въ письмѣ къ Эйлеру-сыну Румовскій говоритъ, что они отплыли изъ Травемюнде 24-го августа стараго стиля и черезъ недѣлю были въ Кронштадтѣ.

Въ дѣлахъ архива академической канцеляріи, 1756 г., № 467, въ протоколѣ 24 августа 1756 года, № 134, сказано: Сего августа 24 числа поданнымъ въ канцелярію академіи наукъ оной же академіи адъюнкты Семенъ Котельниковъ и Степанъ Румовскій доношеніемъ объявили, по указу де оной канцеляріи они, Котельниковъ и Румовскій, показаннаго числа сюда въ С.-Петербургъ, пріѣхали... А что оные сюда прибыли и явились въ канцелярію, о томъ въ професорское собраніе сообщить для вѣдома указъ же.

Въ дѣлахъ архива конференціи Eingekommene briefe, № 47, въ письмѣ Румовскаго къ Эйлеру-сыну отъ 7 сентября 1756 г.: Après avoir resté quatorze jours à Lubeck et dix à Travemunde nous avons mis les voiles au vent le vingt-quatre (вмѣсто зачеркнутаго treize) du mois d'aout selon le vieux stile et nous avons fait le trajet de Travemunde jusque à Kronstad en sept jours. Nous avons eu presque continuellement le vent favorable...

Ср. тамъ же письмо Котельникова изъ Любска отъ 13 августа 1756 г.

Въ дѣлахъ архива конференціи, въ первомъ портфелѣ бумагъ подъ заглавіемъ: Письма истор. Миллера къ разнымъ особамъ, съ 1754 по 1756, въ письмѣ Миллера къ Эйлеру-отцу отъ 24 августа 1756 года: Dass die herren adjuncti Kotelnikow und Rumowski nicht nur glücklich alhier angekommen, sondern auch von Sr. Excell. dem herrn praesidenten mit aller zufriedenheit und erkenntlichkeit, die man dem treuen unterrichte Ew. Hochedelgeb. schuldig ist, empfangen worden, werden dieselbe mit mehrerem aus der einlage des h. c. rath Teplows ersehen....

Противорѣчіе въ указаніи числа возвращенія русскихъ адъюнктовъ въ Петербургъ объясняется замѣною одного числа другимъ въ письмѣ Румовскаго; по всей вѣроятности, онъ написалъ: тринадцать, по старому стилю; затѣмъ слово: *тринадцать* замѣнилъ соотвѣтствующимъ ему по новому стилю числомъ: *двадцать четыре*, не замѣнивши, какъ бы слѣдовало, слово: *стараго* словомъ: *новаго* стиля. Такимъ образомъ окажется, что Котельни-

ковъ и Румовскій отправились изъ Травемюнде 13 августа и прибыли въ Кронштадтъ 20 или 21 августа, а 24 августа, явившись предварительно къ академическимъ властямъ, оффиціально признаны возвратившимися изъ заграницы и вступившими въ службу при академіи наукъ.

64) Дѣла архива конференціи. Связка № 2, litt. u. De dracone volante, auctore Stephano Rumowsky. Помѣтка другою рукою: prael. in conventu die XX januar 1757. Мемуаръ начинается такъ: Saepe numero accidit, ut pueriles lusus occasionem praebeant disquisitionibus geometricis, cujus rei plura in medium exempla adferre potuissem, nisi ipsum hoc scriptum luculens istius rei exemplum sisteret. Evenit quoque non rare, ut ii ad res serias bono cum successu applicentur, id quod nuper accidit cum draconibus volantibus. Etenim in Gallia physicus aliquis Romanus (de Romas) nomine draconem volantem optimo cum successu ad instituenda experimenta electrica transtulit. Hanc in primis ob causam non inutile fore censui, ut proprietates draconis calculo subjicerentur, id quod solum sufficere ad eludendas eorum opiniones videtur, qui levitatem materiae exprobrare voluerint, etc.

65) Tableau général méthodique et alphabétique des matières contenus dans les publications de l'académie impériale des sciences de St.-Pétersbourg depuis sa fondation. I-re partie. Publications en langues étrangères. 1872, стр. 393 и стр. 83, 88—90, 62, 132, 142, 116, 108, 110—111, 20, 21, 32.

Ср. Catalogue des livres publiés en langues étrangères par l'académie impériale des sciences de St.-Pétersbourg. Каталогъ книгамъ, изданнымъ императорскою академіею наукъ на иностранныхъ языкахъ. Ouvrages publiés séparément. 1854, стр. 51.

Укажемъ нѣкоторые изъ мемуаровъ Румовскаго:

Observationes transitum Veneris per discum solis et eclipsin solarem spectantes, anno 1769 Kolae in Lapponia institutae.

Investigatio parallaxeos solis ex observatione transitus Ve-

neris per discum solis Selenginski habita, collata cum observationibus alibi institutis.

Observationes nonnullae in observatorio imperiali Petropoli habitae (Observatio altitudinis solis tempore solstitii aestivi anno 1763.— Observationes satellitum jovis anno 1766 habitae, etc.).

Observationes nonnullae observatorio Petropoli institutae: anno 1767, occultatio Pleyadum a Luna die 22 febr. (5 mart), etc.

De momento conjunctionis Mercurii cum Sole nec non latitudine illius tempore transitus per discum solis anno 1786.

Observatio eclipsis Solis anno 1802 die 16 (28) augusti habita in observatorio petropolitano.

Determinatio latitudinis et longitudinis quorundam Sibiriae locorum, deducta ex observationibus a d-no Islenieff institutis anno 1770:

Observationes in Bernaul institutae.

Observationes in fortalitio Smeinogorsk institutae.

Determinatio latitudinis fodinarum Koliwanowoskresensium.

Determinatio latitudinis ostii fluminis Ischim in Irtisch sese exonerantis, etc.

Determinatio longitudinis et latitudinis quorundam imperii Russiae locorum, anno 1773, deducta ex observationibus a Iohanne Islenieff institutis: Kioviae, Dobriankae, urbis Rogatschew, Mohileviae, Druiae, urbis Polotsk, urbis Witebsk.

Animadversio in longitudines urbium Neschin, Lubny et Kiowiae.

Rapport sur un mémoire de m. Ioanathan Williams: On the use of the thermometre in navigation.

Rapport au sujet d'un nouvel instrument nautique envoyé et soumis à l'approbation de l'académie par m. de Magellan, — и мн. др.

66) Дѣла архива конференціи. Портфель Миллера, № 5. Академическія программы, № 74. Catalogus praelectionum publicarum in academia scientiarum imperiali petropolitana, an. 1757.

Stephanus Rumowski, academiae adjunctus, omnes mathematicas disciplinas cursorie docebit lingua russica, ut ii quoque, qui linguam latinam ignorant, opera ejus uti possint.

67) Дѣла архива конференціи. Картонъ № 10. Conspectus laborum. Донесеніе Румовскаго 19 января 1764 года.

68) Ариѳметика сирѣчь наука числителная, съ разныхъ діалектовъ на славенскій языкъ преведеная, и воедино собрана и на двѣ книги раздѣлена. Нынѣ.... въ богоспасаемомъ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ типографскимъ тисненіемъ, ради обученія мудролюбивыхъ россійскихъ отроковъ и всякаго чина и возраста людей, на свѣтъ произведена первое въ лѣто отъ сотворенія міра 7211, отъ рождества же по плоти Бога Слова 1703, индикта 11, мѣсяца іаннуаріа.

69) Руководство къ ариѳметикѣ для употребленія гимназіи при императорской академіи наукъ, перевелъ съ нѣмецкаго Василій Адодуровъ. 1740. Вторая часть вышла въ 1760 году.

Въ переводѣ Адодурова не названо имени автора: оно не обозначено и въ нѣмецкомъ подлинникѣ. Книга Эйлера издана подъ заглавіемъ: Einleitung zur rechenkunst zum gebrauch des gymnasii bei der kaiserlichen academie der wissenschaften in St.-Petersburg. Gedruckt in der academischen buchdruckerei. Первая часть вышла въ 1738, а вторая въ 1740 году.

Краткое руководство къ теоретической геометріи въ пользу учащагося въ гимназіи при императорской академіи наукъ россійскаго юношества, соч. Георга Крафта, перевелъ съ нѣмецкаго Иванъ Голубцовъ. Спб. 1748.

70) Начальное основаніе математики, сочиненное Николаемъ Муравьевымъ, капитанъ-порутчикомъ отъ инженеровъ. 1752. Часть I.

71) Сокращенія математики часть первая, содержащая начальныя основанія ариѳметики, геометріи и тригонометріи, сочиненная академіи наукъ адъюнктомъ Степаномъ Румовскимъ. Въ Санктпетербургѣ, при императорской академіи наукъ, 1760 году.

72) Полное собраніе законовъ россійской имперіи. Т. XII, № 9425, стр. 734, п. 29.

73) Дѣла архива конференціи. Картонъ № 10. Изъ канцеляріи академіи наукъ въ академическое собраніе, 28 іюля 1765 года.

74) Изъясненіе наблюденій по случаю явленія венеры въ солнцѣ, въ Селенгинскѣ учиненныхъ, читанное въ публичномъ собраніи императорской академіи наукъ сентября 23 дня 1762 года академіи наукъ адъюнктомъ Степаномъ Румовскимъ.

75) Рѣчь о началѣ и приращеніи оптики до нынѣшнихъ временъ, при высочайшемъ присутствіи ея императорскаго величества Екатерины вторыя, императрицы и самодержицы всероссійскія, и прочая, и прочая, и прочая, говоренная въ публичномъ собраніи императорской академіи наукъ іюля 2 дня 1763 года астрономомъ и профессоромъ экстраординарнымъ Степаномъ Румовскимъ. Печатана въ Санктпетербургѣ при императорской академіи наукъ.

76) Наблюденія явленія венеры въ солнцѣ, въ россійской имперіи въ 1769 году учиненныя, съ историческимъ предувѣдомленіемъ, сочиненнымъ Степаномъ Румовскимъ, академіи наукъ членомъ. 1771, стр. 38 — 39.

77) Дѣла архива конференціи. Картонъ № 9. Въ канцелярію академіи наукъ, за подписью графа К. Разумовскаго, 23 октября 1760 года.

78) Дѣла архива академической канцеляріи. № 809. Дѣло объ отправленіи Попова и Румовскаго для наблюденія венеры. Рапортъ изъ Селенгинска отъ 7 іюня 1761 года.

79) Тамъ же. Свидѣтельство коменданта Якоби, выданное 8 іюня 1761 года.

80) Наблюденія явленія венеры въ солнцѣ, съ предувѣдомленіемъ Румовскаго. 1771, стр. 3.

81) Дѣла архива конференціи. Картонъ № 10. Предложеніе Румовскаго въ собраніе академическое, 21 октября 1764 года.

82) Дѣла архива конференціи. Картонъ № 11. Мнѣніе Румовскаго о посылкѣ астронома для наблюденія венеры на Камчатку въ 1769 году, мая 23 дня. Мнѣніе подано 17 октября 1767 года.

83) Наблюденія явленія венеры въ солнцѣ, въ россійской имперіи въ 1769 году учиненныя, съ историческимъ предувѣдомленіемъ, сочиненнымъ Степаномъ Румовскимъ, академіи наукъ членомъ. Въ Санктпетербургѣ, при императорской академіи наукъ, 1771 года. Въ историческомъ предувѣдомленіи изложенъ весь ходъ дѣла по снаряженію экспедицій и производству наблюденій; затѣмъ помѣщенъ наказъ обсерваторамъ, отправленнымъ на сѣверъ и на востокъ для наблюденія венеры въ солнцѣ. Наказъ подписанъ: графомъ В. Орловымъ, Леонардомъ Эйлеромъ, Эпинусомъ, І. Альбрехтомъ Эйлеромъ, Румовскимъ и Ловицомъ. Въ книгѣ Румовскаго собраны наблюденія надъ явленіемъ вене-

ры и затмѣніемъ солнца, произведенныя въ слѣдующихъ мѣстахъ и слѣдующими лицами:

1) Въ Петербургѣ — Христіаномъ Мейеромъ и другими.
2) Въ Колѣ — Степаномъ Румовскимъ.
3) Въ Понoѣ — Андреемъ Маллетомъ.
4) Въ Умбѣ — Людовикомъ Пиктетомъ.
5) Въ городкѣ Гурьевѣ — Георгіемъ Ловицомъ.
6) Въ Оренбургѣ — Людовикомъ Крафтомъ.
7) Въ Орскѣ — Христофоромъ Эйлеромъ.
8) Въ Якутскѣ — Иваномъ Исленьевымъ.

84) Наблюденія явленія венеры въ солнцѣ и т. д. 1771 г. стр. 62—73. Наблюденіе явленія венеры въ солнцѣ и затмѣнія солнечнаго, въ Колѣ учиненное Степаномъ Румовскимъ. Описаніе наблюденія Румовскаго состоитъ изъ шести главъ: повѣрка квадранта къ горизонту; — о широтѣ Колы; — наблюденія для познанія ходу часовъ, предъ явленіемъ венеры въ солнцѣ и послѣ онаго учиненныя; — наблюденіе явленія венеры въ солнцѣ мая 23 (іюня 3) дня; — наблюденіе затмѣнія солнечнаго мая 24 (іюня 4) дня; — склоненіе магнитной стрѣлки.

При наблюденіяхъ своихъ Румовскій употреблялъ слѣдующіе инструменты:

1) Квадрантъ астрономическій около двухъ футовъ съ половиною, искуснымъ мастеромъ Ланглоа въ Парижѣ сдѣланный. Тотъ же квадрантъ употреблялъ Румовскій при наблюденіяхъ въ Селенгинскѣ.
2) Двои астрономическіе часы, мастеромъ Ленотомъ въ Парижѣ сдѣланныя.
3) Грегоріанскій телескопъ въ 24 дюйма, въ Англіи Шартомъ сдѣланный, съ Доллондовымъ микрометромъ.
4) Доллондова ахроматическая труба двѣнадцатифутовая.
5) Доллондова же труба трехфутовая.
6) Магнитная стрѣлка склоненія, въ Лондонѣ Сиссономъ сдѣланная.

День, въ который венера проходить должна была по солнцу, говоритъ Румовскій — былъ наилучшій изъ всѣхъ, кои мнѣ въ Колѣ видѣть случалось. Около осьмаго часа пополудни край солнца колеблющимся казаться начинаетъ; за полчаса до вступленія венеры поднимается съ полудня вѣтръ, который, мало по малу усиливаясь, въ самое почти время вступленія венеры нагоняетъ на солнце густое, продолговатое и верхнюю только половину солнца покрывающее облако. По прошествіи густой части облака, какъ скоро верхній край сквозь оное видѣть было можно,

	время на час.	время истин.
Усмотрѣлъ я по часамъ А малѣйшую щербинку на солнцѣ......	9 ч. 22′ 0″	9 ч. 24′ 15″
Сквозь конецъ проходящаго уже облака, при колеблящемся краѣ венеры и солнца, внутреннее прикосновеніе казалось	9 ч. 39′ 52″	9 ч. 42′ 2″
Когда предъ солнцемъ не стало уже облака, на малѣйшее разстояніе край венеры отстоялъ отъ края солнечнаго	9 ч. 40′ 15″ или 20″	9 ч. 42′ 25″ или 30″

По вступленіи венеры до полуночи многократно изъ-за облаковъ выходило солнце, но на толь краткое время, и края его и венеры толь колебались, что ни единаго надежнаго наблюденія сдѣлать было не возможно. Отъ полуночи до третьяго часа солнца совсѣмъ было не видно; потомъ начало между прогалинами иногда показываться, имѣя уже края чисто окруженные, и я надъ выходомъ слѣдующее могъ сдѣлать наблюденіе.

	время на час.	время истин.
Сквозь тонкое облако кажется, что внутреннее прикосновеніе послѣдовало	15 ч. 33′ 8″ или 12″	15 ч. 35′ 18,6″ или 22,6″

	время на час.	время истин.
Край веперинъ кажется слился уже съ краемъ солнечнымъ, круглость свою еще сохраняющимъ	15 ч. 33′ 24″	15 ч. 35′ 24,6″
Маленькая щербинка видна еще на краю солнечномъ, равная той, какую усмотрѣлъ при входѣ венеры	15 ч. 51′ 20″	15 ч. 53′ 30,7″
Послѣ сего облакомъ солнце покрывается, которое, какъ скоро прошло, не было уже ни малѣйшаго слѣду венеры	15 ч. 52′ 25″	15 ч. 54′ 35,7″

Сіе наблюденіе учинено Доллондовою двѣнадцати футовою трубою, и т. д.

85) Дѣла архива конференціи. № 54. Eingekommene briefe. 1769. Письмо Румовскаго изъ Колы 4 апрѣля 1769 года.

86) Connaissance des temps, à l'usage des astronomes et des navigateurs, pour l'année commune 1789, avec des additions, publiée par ordre de l'académie royale des sciences, par M. Méchain, de la même académie. Paris. 1786, p. 328, 346—348 etc.

87) Journal encyclopédique, dédié á son altesse sérinéssime, mgr. le duc de Bouillon, etc. 1 octobre 1764. tome. VII, première partie. A Bouillon, de l'imprimerie du journal. p. 16—17: Les académiciens russes vont de pair avec les autres dans les connaissances le plus sublimes. M. Rumowski en fournit la preuve en donnant la solution d'un problème qui concerne les *maxima* et les *minima*. Ce problème appartient, à la vérité, a la célèbre doctrine des isopérimètres que M. Euler a en quelque sorte épuisé. Cependant la solution de M. Rumowski joint à une très-grande beauté la gloire d'avoir surmonté les difficultés les plus ambarassantes qu'on puisse rencontrer dans l'analyse. La question même consiste à déterminer, la hauteur d'un cône étant donnée, quelle est entre toutes les bases qui donnent au cône une égale solidité, celle d'où résulte la moindre surface. Les questions

de cet ordre ne sont rien moins qu'à dédaigner, la connaissance d'un semblable *minimum* pouvant répandre des lumières sur d'autres sujets très intéressans: ce que l'on comprendra mieux, si l'on énonce la proposition en d'autres termes et qu'on demande, quel est entre tous les cônes de même hauteur et de même surface celui qui a le plus de capacité. La solution de ce problème conduit à une équation qui comprend des lignes courbes innombrables, entre lesquelles le cercle se présente comme une espèce.

88) Годичный торжественный актъ въ императорскомъ санктпетербургскомъ университетѣ, бывшій 8 февраля 1856 года. Спб. 1856. Черченіе географическихъ картъ — сочиненіе, написанное для торжественнаго акта въ петербургскомъ университетѣ 8 февраля 1856 года профессоромъ Чебышевымъ, стр. 75—78.

89) Bulletin de la classe physico-mathématique de l'académie impériale des sciences de St.-Pétersbourg. Tome premier. 1843. № 19, 20, 21. Table des positions géographiques principales de la Russie, par M. Struve. Lu le 12 août 1842, p. 291—298.

Denkschriften der russischen geographischen gesellschaft zu St.-Petersburg. Erster band. Weimar. 1849. Aperçu des travaux astronomico-géographiques, exécutés en Russie. Par M. Struve, membre de l'académie impériale, p. 52—53. Статья эта читана Струве на французскомъ языкѣ въ собраніи русскаго географическаго общества 12 декабря 1845 года. Она переведена на русскій языкъ и помѣщена въ Запискахъ русскаго географическаго общества (книжка I и II, изданіе второе, 1849 года, стр. 23 — 35) подъ названіемъ: Обзоръ географическихъ работъ въ Россіи.

90) Рукописныя замѣчанія о трудахъ Румовскаго, составленныя по нашей просьбѣ академикомъ и профессоромъ астрономіи А. Н. Савичемъ, которому приносимъ живѣйшую благодарность.

91) Путешествіе вокругъ свѣта въ 1803—1806 годахъ, на корабляхъ Надеждѣ и Невѣ, подъ начальствомъ флота капитанъ-лейтенанта Крузенштерна. 1810. Ч. 2-я, стр. 42—43.

92) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ № 137, дѣла № 4027. Румовскій говоритъ о себѣ: «Въ 1766 году, по высочайшему повелѣнію, наименованъ былъ членомъ въ учрежденную при академіи коммиссію, и пробылъ въ оной по 1803 годъ: впродолженіе сего времени управлялъ безпрерывно географическимъ департаментомъ академіи».

93) Monatliche correspondenz zur beförderung der erd-und himmelskunde, herausgegeben von fr. v. Zach. Erster band. 1800. Stephan von Rumovski, s. 286.

94) Дѣла архива конференціи. Протоколы конференціи академіи наукъ. Протоколъ конференціи 8 апрѣля 1773 года.

95) Дѣла архива конференціи. Картонъ № 19. Roumovskj—Rapport à l'académie impériale des sciences, 17 septembre 1800.

96) Дѣла архива конференціи. Картонъ № 19. Письмо Д. Неплюева къ барону А. Л. Николаи, изъ Гатчины, 6 сентября 1799 года.

97) Академическія извѣстія на 1780 годъ. Часть IV, стр. 101, 138, 139 и др.

98) Dictionnaire universel des sciences morales, économiques, politiques et diplomatiques, ou bibliotheque de l'homme d'état et du citoyen, mis en ordre et publié par M. Robinet, censeur royal. 1777—1783. Londres (Neuchatel) 30 vols.

99) Дѣла архива конференціи. Протоколы конференціи 1771 года. Протоколъ № 43. Assemblée extraordinaire du mercredi 17 août 1771. Въ приложеніи къ протоколу копія съ письма Робине къ князю Голицыну отъ 3 іюля 1771 года.

100) Тамъ же. Протоколъ № 46, засѣданіе 26 августа 1771 года.

Исторія императорской академіи наукъ въ Петербургѣ, Петра Пекарскаго 1870. Т. I, стр. 679—685.

Дѣла архива конференціи. Протоколы конференціи. Протоколъ 31 октября 1771 года и протоколъ 6 іюля 1772 года.

101) Discours sur l'origine et les changemens des loix russiennes, lu dans l'assemblée publique de l'académie impériale des sciences le 6 septembre 1756, à l'occasion de l'anniversaire du jour du nom de sa majesté l'impératrice de toutes les Russies etc., par Mr. Strube de Piermont. A St.-Pétersbourg, de l'imprimerie de l'académie impériale des sciences.

Dictionnaire universel des sciences, etc. par M. Robinet. 1783. T. XXVIII, p. 40—69. Des divers changemens arrivés dans les loix russes jusqu'à ce jour et de la rédaction d'un nouveau code russe.

102) Записки россійской академіи. 8 августа 1803 года, л. 171—171 об.

103) Исторія императорской академіи наукъ въ Петербургѣ, Петра Пекарскаго. 1873. Т. II, стр. 599—602, 872—873.

104) Дѣла архива конференціи. Eingekommene briefe. 1756 bis 1766. Письмо Румовскаго къ Эйлеру-сыну отъ 22 ноября 1764 года.

105) Дѣла архива конференціи. Протоколы 1774 года. Протоколъ конференціи 1 декабря 1774 года.

106) Staats und gelehrte zeitung des hamburgischen unparteyischen correspondenten. Anno 1790. Am dienstage, den 24 august. Num. 135. Schreiben aus Paris, von 17 august.

107) С.-Петербургскія вѣдомости, 6 сентября 1790 года, пятница, № 72. Франція. Изъ Парижа, отъ 17 августа, стр. 1167.

108) Дѣла архива конференціи. Протоколы конференціи. Протоколъ 9 сентября 1790 года.

109) Дѣла архива академической канцеляріи. Ордеры академіи г. президента и протоколы канцеляріи академіи наукъ; 1763 года. № 474. Ордеръ 10 марта 1763 года.

110) Дѣла архива конференціи. Eingekommene briefe, 1756—1766. Письмо Румовскаго къ Эйлеру-сыну отъ 18 февраля 1757 года.

111) Дѣла архива конференціи. Протоколы 1767 года. Протоколъ 19 января 1767 года, № 3.

112) Рукописный списокъ дѣйствительныхъ и почетныхъ членовъ петербургской академіи наукъ, составленный П. Н. Фуссомъ. Liste de l'académie impériale des sciences de St.-Pétersbourg depuis sa fondation jusqu'à son jubilé séculaire en 1826. Etienne Roumovsky, russe, 1754 adj.; devint professeur extraordinaire pour l'astronomie 1763; professeur ordinaire 1767; congédié comme membre honoraire en 1803; mort en qualité de conseiller d'état actuel en 1812.

113) Дѣла архива конференціи. Картонъ № 11. Указъ 6 октября 1766 года.

114) Исторія императорской академіи наукъ въ Петербургѣ, Петра Пекарскаго. Т. I, стр. 668.

115) Дѣла архива конференціи. Протоколы 1800 года. Протоколъ конференціи 5 ноября 1800 года.

116) Ученыя записки императорской академіи наукъ по первому и третьему отдѣленіямъ. 1855. Историческіе матеріалы и розысканія. Историческій взглядѣ на академическое управленіе съ 1726 по 1803 годъ.

117) Дѣла архива конференціи. Картонъ № 19. Изъ государственной адмиралтейской коллегіи въ императорскую академію наукъ, 15 іюля 1799 года.

Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ № 137, дѣла № 4027, л. 5 об.

118) Antidote ou examen du mauvais livre superbement imprimé intitulé: voyage en Syberie fait par ordre du roi en 1761, contenant les

moeurs, les usages des Russes et l'état actuel de cette puissance, etc., par m. l'abbé Chappe d'Auteroche, de l'académie royale des sciences à Paris. 1770. II, 114.

Осмнадцатый вѣкъ, историческій сборникъ, издаваемый Петромъ Бартеневымъ, издателемъ Русскаго Архива. 1869. Книга IV. Антидотъ (противоядіе), полемическое сочиненіе императрицы Екатерины II, стр. 402.

119) Сказанія русскаго народа́, собранныя И. Сахаровымъ. 1841. Т. I, книга третья, стр. 234.

Восьмнадцатый вѣкъ въ русскихъ историческихъ пѣсняхъ, послѣ Петра Великаго. Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ; изданы обществомъ любителей россійской словесности, подъ редакціей и съ дополненіями П. А. Безсонова. 1872. Выпускъ 9, стр. 278—279.

120) Сочиненія Державина, съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. 1864. Т. I, стр. 357.

121) Fréderic-César de la Harpe. Extrait de la Feuille du canton de Vaud, soit Journal de la société d'utilité publique. Lausanne. Mai, 1838, p. 27.

122) Академическія извѣстія 1779 года. Мѣсяцъ іюль. Описаніе празднества, даннаго его свѣтлостью княземъ Григорьемъ Александровичемъ Потемкинымъ, по случаю рожденія его императорскаго высочества великаго князя Константина Павловича, стр. 312—315.

123) Словарь академіи россійской. 1793. Ч. IV, стр. 390: Отмѣняю — дѣлаю отмѣннымъ, отличнымъ: отмѣнить себя ученостью, храбростью; отмѣнить кого за заслуги. Въ семъ же смыслѣ говорится относительно къ вещамъ, посредствомъ коихъ снискивается отъ другихъ уваженіе, доброе имя: добродѣтель отмѣняетъ человѣка.

124) Полное собраніе законовъ. Т. XX. № 14299, стр. 120—124. Высочайше утвержденный 17 апрѣля 1775 года докладъ генералъ-инженера и строенія государственныхъ дорогъ директора Мордвинова.

125) Сборникъ свѣдѣній о военно-учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи; составилъ полковникъ Н. Мельницкій. 1857. Т. I, ч. I, стр. 77—81, 87—92.—Историческій очеркъ развитія главнаго инженернаго училища. Составлено при Николаевской инженерной академіи М. Максимовскимъ. 1869, стр. 11. — Историческое обозрѣніе втораго кадетскаго корпуса. 1862, стр. 120—125.

126) Описаніе россійско-императорскаго столичнаго города Санктпетербурга и достопамятностей въ окрестностяхъ онаго. Сочиненіе I. Г. Георги. 1794, стр. 384—387.

127) Новыя ежемѣсячныя сочиненія. Часть XVI. Мѣсяцъ октябрь 1787 года, стр. 82—90. Рѣчь, говоренная при первомъ собраніи, бывшемъ въ гимназіи чужестранныхъ единовѣрцевъ, 1777 года, марта 15 дня.

128) Дѣла архива конференціи. Картонъ № 20. Указъ правительствующему сенату о назначеніи Румовскаго попечителемъ послѣдовалъ 20 іюня 1803 года.

Въ названномъ нами трудѣ профессора Н. Н. Булича: «Казанскій университетъ въ александровскую эпоху» находимъ слѣдующую характеристику Румовскаго какъ попечителя (Извѣстія и ученыя записки казанскаго университета. 1875. № 1, стр. 40, 45, 20):

«Своимъ положеніемъ въ свѣтѣ Румовскій былъ обязанъ только себѣ, труду и долгой жизни. Но за нимъ была наука, сдѣлавшая имя его почтеннымъ и уважаемымъ и въ Европѣ. Вся умственная жизнь наша XVIII вѣка прошла передъ глазами Румовскаго, и онъ былъ въ ней немаловажнымъ участникомъ Но Румовскій былъ старъ, а старость имѣетъ свои естественные недостатки... Дѣлу, которому онъ призванъ былъ служить, Румовскій не могъ сочувствовать въ той степени, какъ прочіе его товарищи, члены главнаго правленія училищъ. Изъ его дѣйствій, медленныхъ не столько по осторожности и обдуманности, сколько изъ весьма понятной старческой апатіи, мы легко можемъ заключить, что онъ былъ далекъ отъ того, чтобъ положить въ это дѣло свою душу, а между тѣмъ все отъ него зависѣло; онъ одинъ долженъ былъ явиться дѣйствующимъ лицомъ. Какъ человѣкъ екатерининскаго вѣка, притомъ не изъ тѣхъ людей этого вѣка, которыхъ мысль созрѣла въ ея тогдашнихъ порывахъ и тревогахъ, человѣкъ далекій вообще отъ всего современнаго общественнаго движенія въ Россіи, Румовскій не могъ имѣть передъ собою государственныхъ цѣлей, раздѣляемыхъ другими попечителями. Напротивъ, кажется намъ, онъ не довѣрялъ реформамъ, ознаменовавшимъ новое царствованіе. Недовѣріе къ новымъ стремленіямъ выразилось въ немъ съ одной стороны недовѣрчивымъ отношеніемъ къ людямъ болѣе молодымъ, а съ другой —

довѣріемъ къ лицамъ, которыя умѣли найти въ немъ слабую сторону, и, окружая его лестію, успѣвали все дѣлать изъ старика». Несмотря на подобный взглядъ, сложившійся отчасти подъ вліяніемъ послѣдующей судьбы казанскаго университета, подробное знакомство съ попечительскою дѣятельностью Румовскаго во всемъ ея объемѣ привело автора къ заключенію, что Румовскій «втеченіе девятилѣтняго управленія своего казанскимъ учебнымъ округомъ успѣлъ сдѣлать многое для новорожденнаго университета и дать ему на нѣсколько лѣтъ, до радикальнаго переворота въ его исторіи, извѣстное, опредѣленное направленіе».

129) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ № 1045, дѣла № 39288. Представленіе Румовскаго въ главное училищъ правленіе отъ 15 іюня 1805 года.

130) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ № 135, дѣла № 3920. Письмо отъ 2 сентября 1809 года.

131) Тамъ же. Представленіе Румовскаго министру народнаго просвѣщенія, 22 мая 1805 года.

132) Тамъ же. Представленіе 20 апрѣля 1805 года.

133) Тамъ же. Донесеніе 13 сентября 1809 года.

134) Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи. I, стр. 83—85.

135) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ № 135, дѣла № 3920. Представленіе 20 декабря 1804 года.

136) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ № 135, дѣла № 3908. Письмо Румовскаго къ министру народнаго просвѣщенія 13 февраля 1805 года.

137) Дѣла архива казанскаго университета, 1806 года, № 21. Предложеніе попечителя совѣту университета, 8 ноября 1806 года.

138) Дѣла архива казанскаго университета, 1805 года. Попечитель пишетъ совѣту: Сего іюня 17 полученъ мною протоколъ совѣта, къ которому приложено прошеніе, поданное бухгалтеромъ Ахматовымъ на директора гимназіи; директоръ настаивалъ, чтобы возвратить прошеніе и предоставить бухгалтеру обратиться къ высшему начальству; члены же совѣта потребовали сужденія о дѣлѣ, и т. д.

Предложеніе попечителя совѣту, полученное 8 августа 1805 года.

139) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ № 137, дѣла № 4091. Письмо Румовскаго къ министру о Томасѣ, 11 декабря 1810 года.

140) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ

№ 7, дѣла № 36745. Журналы главнаго правленія училищъ. Журналъ 3 октября 1803 года.

141) Журналы главнаго правленія училищъ. Журналъ 17 ноября 1804 года.

142) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ № 139, дѣла № 4189. Рапортъ старшаго письмоводителя канцеляріи попечителя казанскаго учебнаго округа, надворнаго совѣтника Соколова.

143) Памяти Ломоносова. 6 апрѣля 1865 года. Харьковъ. 1865. О трудахъ Ломоносова по физикѣ, профессора Н. Н. Бекетова, стр. 63.

144) Рѣчь о началѣ и приращеніи оптики, говоренная С. Румовскимъ, 2 іюля 1763 года, стр. 25.

145) Матеріалы для біографіи Ломоносова; собраны академикомъ Билярскимъ. 1865, стр. 091,

146) Новыя ежемѣсячныя сочиненія. Часть I. Мѣсяцъ іюль 1786 года, стр. 1—13.

147) Новыя ежемѣсячныя сочиненія. Часть V. Ноябрь 1786 года, стр. 12—39. Часть VII. Январь 1787 года, стр. 83—114.

148) Собесѣдникъ любителей россійскаго слова. 1783. Часть II, стр. 166—191. — Часть IV, стр. 176—189. — Часть V, стр. 173—185.

Приводимъ нѣсколько мѣстъ изъ критики на систему міра и изъ возраженій на нее со стороны редакціи и самаго автора разбираемой статьи.

Критика: Возвратясь недавно изъ Франціи, гдѣ обучался я съ 1770 года, и посѣщая, какъ новопріѣзжій, многіе знатнѣйшіе изъ здѣшнихъ домовъ, нигдѣ не слышу столько похвальныхъ разговоровъ ниже о самомъ Парижѣ, какъ о вашемъ Собесѣдникѣ. Но напечатанное вами сочиненіе господина N. N. о системѣ міра не слишкомъ ли посредственное? Кто ни читаетъ сіе твореніе, всякъ говоритъ, что въ ономъ нѣтъ ничего, кромѣ высѣвокъ изъ системъ Птоломеевой, Коперниковой и Тихобраговой. Читая нѣсколько кратъ со вниманіемъ господина N. N., нахожу въ ономъ троякія предложенія: первыя суть мысли Адамовы; вторыя — мнѣнія Птоломеевы, Коперниковы, Тихобраговы и Лекселевы, а третьи суть прозрѣнія самого автора въ мѣста священнаго писанія. Предлагаемыя господиномъ N. N. Адамовы мысли суть слѣ-

дующія: «Способность изображать мысли свои другъ другу есть первый даръ, человѣку данный отъ Бога». Сія истина, переходя отъ Адама въ роды родовъ, не могла миновать организаціи и господина N. N. Но какъ организація не у всѣхъ бываетъ одинакая, то и способность изображать мысли въ г. N. N. не такова, какъ въ звенигородскомъ корреспондентѣ или въ мурзѣ киргизъ-кайсацкой орды.

Возраженіе: Не понятно, какимъ образомъ писателю сего извѣстно мнѣніе всѣхъ, читающихъ твореніе о системѣ міра. Совершенно, собственно свое умствованіе поставляетъ мнѣніемъ всѣхъ читателей. Кому извѣстны Адамовы мысли, для того ничего новаго быть не можетъ. Сіе дарованіе писателя изъясняетъ тайну, какимъ образомъ могъ онъ знать мнѣніе всѣхъ, читающихъ твореніе о системѣ міра; но не изъясняетъ того, что онъ, читая со вниманіемъ и неоднократно твореніе о системѣ міра, не усмотрѣлъ, что оно заключаетъ въ себѣ и такія истины, кои открыты послѣ Коперника и Тихобрага.

Критика: Развѣ онъ (авторъ статьи о системѣ міра) имѣлъ только намѣреніе сказать, что Меркурій, Венера, Марсъ, Юпитеръ и Сатурнъ называются порусски планетами. Они назывались и до него во всѣхъ русскихъ календаряхъ планетами; да и самые знаки, къ именамъ ихъ присовокупленные, прибраны изъ календарей же.

Возраженіе: Сего не довольно: можно сказать, что слова прибраны изъ лексикона, а буквы изъ азбуки.

Общее заключеніе N. N.: Что принадлежитъ до критики, то я смѣю сказать, что не стоитъ труда, чтобы на оную дѣлать возраженіе, потому что она ни мало не касается до предмета, о которомъ я писалъ, и не служитъ ни къ наставленію, ни къ просвѣщенію, и слѣдовательно отвѣтъ мой на оную ни къ наставленію, ни къ увеселенію читателей служить не можетъ. Да позволено мнѣ будетъ однако въ наставленіе неизвѣстнаго критика сказать Апеллесовъ сапожнику отвѣтъ: ne sutor ultra crepidam, который на россійскомъ языкѣ можно изобразить разными образами: *баш-*

мачникъ да останется при своей колодкѣ, или яснѣе сказать, *чего кто не разумѣетъ, о томъ судить не долженъ.*

149) Въ архивѣ конференціи академіи наукъ, въ бумагахъ исторіографа Миллера, портфель 23, въ числѣ писемъ къ нему Румовскаго есть два письма слѣдующаго содержанія. Въ одномъ изъ нихъ, безъ означенія года и числа, Румовскій говоритъ: Le calcul que j'ai été obligé d'entreprendre pour Venus m'a couté presque trois mois de temps. C'est la seule raison qui m'a empeché jusqu'ici de faire ce que je voudrais pour monsieur le conseiller Soimonoff. Il y a pourtant quatre chapitres tout à fait achevés. Dans le premier je donne une idée générale sur le système; dans le second je prouve que le système de Copernic est le vrai système du monde; dans le troisième j'entre en details sur les mesures et figure de la terre; dans le quatrième j'explique les loix fondamentales des mouvements des corps pour donner une idée aux lecteurs de la façon dont mons. Newton a établi le système du monde et figure de la terre. Voilà, monsieur, jusqu'où je suis avancé...

Въ другомъ письмѣ Румовскаго, отъ 22 іюля 1765 года, между прочимъ сказано: J'ai reçu en son temps la lettre dont il vous a plu de m'honorer. Je souhaiterais de tout mon coeur pour m'acquiter envers son excellence monsieur de Soimonoff et pour vous faire voir combien je suis pret à executer vos ordres— achever l'ouvrage dont il s'agit. Mais j'ai tant des affaires à présent sur les bras, qu'avec ménagement le plus oeconomique du temps à peine puis-je satisfaire à mon principal devoir envers l'académie. Cela non obstant je vous prie très humblement, monsieur, d'assurer son excellence, que d'abord que je serai quite des travaux au moins les plus pressants, je ferai tout mon possible de contenter son excellence....

Изъ писемъ Румовскаго не видно, о какомъ именно Соймоновѣ идетъ рѣчь. Въ прошломъ столѣтіи нѣсколько лицъ этой фамиліи пользовались извѣстностью въ учено-литературномъ мірѣ. Имя Соймонова находимъ въ словарѣ Новикова въ числѣ рус-

скихъ писателей. Тамъ помѣщены слѣдующія свѣдѣнія: «Соймоновъ, Ѳедоръ Ивановичъ, тайный дѣйствительный совѣтникъ и ордена святаго Александра кавалеръ, мужъ ученый и искусный въ латинскомъ, нѣмецкомъ и голландскомъ языкахъ, также въ астрономіи, физикѣ и другихъ наукахъ. Онъ служилъ нѣсколько лѣтъ на собственномъ Петра Великаго кораблѣ, Ингерманландъ именуемомъ, и былъ употребленъ симъ великимъ императоромъ, яко способный и совершенно искусный человѣкъ, въ экспедицію описанія Каспійскаго моря и береговъ его. Во время сего путешествія г. Соймоновъ сочинилъ журналъ своей ѣзды, изъ котораго издано въ свѣтъ двѣ книги: 1) описаніе Каспійскаго моря; 2) о торгахъ за Каспійское море. Онъ сочинилъ краткое изъясненіе астрономіи и описаніе штурманскаго искусства; также сочинилъ много ландкартъ и зейкартъ, которыя всѣ напечатаны, и исправностію своею такъ, какъ и книги его сочиненія, принесли ему великую похвалу». Ѳедоръ Ивановичъ Соймоновъ умеръ около 1770 года.

Соймоновъ Петръ Александровичъ былъ членомъ россійской академіи и почетнымъ членомъ академіи наукъ. Въ члены россійской академіи онъ избранъ при самомъ ея основаніи, въ 1783 г.; въ почетные члены академіи наукъ — въ 1795 году. Въ числѣ членовъ россійской академіи, провозглашенныхъ въ день ея открытія, названъ Петръ Александровичъ Соймоновъ «при собственныхъ дѣлахъ и у принятія подаваемыхъ ея императорскому величеству челобитень генералъ-маіоръ». Впослѣдствіи онъ былъ генералъ-лейтенантомъ, сенаторомъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ. Умеръ въ 1800 году.

150) Рѣчь о началѣ и приращеніи оптики, стр. 25. — Новыя ежемѣсячныя сочиненія. 1786. ч. V, стр. 13; ч. I, стр. 12—13.

151) Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, соч. митрополита Евгенія. 1845. Т. II, стр. 158.

152) Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I. Ст. I, стр. 6—10.

153) Записки россійской академіи. 1802 годъ, л. 73—75.

154) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ № 135, дѣла № 3906.

155) Записки россійской академіи. 1804 годъ. Засѣданія: 8 октября, л. 258—258 об.;—15 октября, л. 261—261 об.;—12 ноября, л. 287—288 об.;—3 декабря, л. 306 об.—307.

156) Записки россійской академіи. 1805 годъ. Засѣданіе 29 апрѣля, л. 109 об., 111—114 об.;—засѣданіе 23 марта, л. 89—89 об.

Подробное объясненіе Румовскаго, 29 апрѣля 1805 года, представлено въ собраніе членомъ россійской академіи Семеномъ Емельяновичемъ Гурьевымъ. Раньше этого, именно 23 марта 1805 года, Румовскій прислалъ на имя президента россійской академіи Нартова слѣдующее письмо: «Сего марта 20 дня чрезъ г. секретаря россійской академіи имѣлъ я удовольствіе получить рѣдкій подарокъ — два первые тома путешествія младаго Анахарсиса, академіею изданные, за которые какъ всей академіи, а особливо вашему превосходительству приношу мою чувствительную благодарность. Въ подаркѣ семъ не цѣну я почитаю, но примѣръ чистоты россійскаго языка и точности въ изображеніи мыслей подлинника. Желалъ я, подражая оному, доказать усердіе мое академіи; но трудъ мой нѣкоторымъ членамъ не угоденъ, и потому остается мнѣ только желать, чтобы они что-нибудь достойное академіи представили, чтобы трудами своими подали примѣръ прочимъ членамъ, и увѣрили, что они о переводахъ съ латинскаго языка основательно судить могутъ. Впрочемъ я смѣю увѣрить ваше превосходительство, что нѣтъ ничего легче какъ охуждать труды сотоварищей и обвинить отсутствующаго».

157) Записки россійской академіи. 1805 года. Засѣданіе 29 апрѣля, л. 109 об.—110; — засѣданіе 17 іюня, л. 162.

158) Лѣтопись К. Корнелія Тацита, переведена съ латинскаго императорской россійской академіи членомъ Степаномъ Румовскимъ, и оною академіею издана. Четыре тома. Первый томъ вышелъ въ 1806 году; второй и третій — въ 1808 году; четвертый — въ 1809 году.

159) Oeuvres de Tacite. Annales de Tacite, en latin et en français. Quatrième édition, revue et corrigée; par I. H. Dotteville, associé de l'institut national. Paris. 1799. Всего семь томовъ; въ томахъ: второмъ, третьемъ, четвертомъ и пятомъ заключается переводъ анналовъ Тацита.

160) Лѣтопись Тацита, переведена С. Румовскимъ. Т. I, стр. 281, 373, 423. — Oeuvres de Tacite, par Dotteville. T. II, p. 400, 566, 569.

161) Анналы Тацита, книга I, главы XXII и XXIV; — книга III, глава LX.

Для сравненія, приведемъ еще нѣсколько мѣстъ (кн. II, гл. LXXXVII и кн. III, гл. IV и V) въ подлинникѣ, во французскомъ переводѣ Дотвиля и въ русскихъ переводахъ: Румовскаго (т. I, стр. 323, 331—335) и Поспѣлова (ч. I, стр. 301—302, 309—311). Переводъ Поспѣлова вышелъ почти въ тоже время какъ и переводъ Румовскаго, именно въ 1805—1807 годахъ.

Saevitiam annonae incusante plebe, statuit frumento pretium, quod emptor penderet, binosque nummos, se additurum negotiatoribus in singulos modios. Neque tamen ob ea parentis patriae, delatum et antea, vocabulum adsumpsit, acerbèque increpuit eos, qui divinas occupationes, ipsumque dominum dixerant: unde angusta et lubrica oratio sub principe, qui libertatem metuebat, adulationem oderat.

Comme le petit peuple se plaignait de la cherté du bled, l'empereur en baissa le prix en s'engageant à payer à ses frais deux sesterces par boisseau au vendeur. Il continua cependant de rejeter le titre de *père de la patrie*. Quelques-uns même s'attirèrent d'aigres réprimandes pour l'avoir appelé *seigneur* (*dominum*) ou pour avoir traité ses occupations *d'occupations divines*. Ainsi ne restait-il à l'éloquence qu'un sentier étroit et bien glissant sous un prince qui redoutait la liberté et qui détestait les flatteurs.

Dies, quo reliquiae tumulo Augusti inferebantur, modò per silentium vastus, modò ploratibus inquies: plena urbis itinera, conlucentes per campus Martis faces: illic miles cum armis, sine insignibus magistratus, po-

Le jour où les cendres furent portées au tombeau d'Auguste, se succédèrent tour-à-tour le silence d'un désert et les gémissemens d'une multitude éperdue. Les rues se remplirent de monde; le champ de

pulus per tribus, concidisse rempublicam, nihil spei reliquum clamitabant, promptiùs apertiùsque, quam ut meminisse imperitantium crederes. Nihil tamen Tiberium magis penetravit, quam studia hominum accensa in Agrippinam, cùm decus patriae, solum Augusti sanguinem, unicum antiquitatis specimen appellarent, versique ad coelum ac deos, integram illi sobolem, ac superstitem iniquorum precarentur.

Fuêre qui publici funeris pompam requirerent, compararentque, quae in Drusum, patrem Germanici, honora et magnifica Augustus fecisset: ipsum quippe asperrimo hiemis, Ticinum usque progressum, neque abscedentem à corpore simul urbem intravisse: circumfusas lecto Claudiorum Liviorumque imagines: defletum in foro: laudatum pro rostris: cuncta à majoribus reperta, aut quae posteri invenerint, cumulata. At

Mars brilla de flambeaux. Les soldats en armes, les magistrats sans les marques de leurs dignités, le peuple rangé par tribus, s'écrièrent librement et sans détour, que c'en était fait de la république, qu'il ne lui restait plus d'espoir. Tous semblèrent oublier qu'ils avaient des maîtres: mais ce qui blessa le plus profondément Tibère, fut le zèle dont on s'enflamma pour Agrippine. On l'appelait l'honneur de la patrie, l'unique rejeton d'Auguste, le seul modèle de moeurs antiques; et levant les yeux au ciel, on conjurait les dieux de conserver sa famille et de la faire survivre aux méchants.

Plusieurs se plaignaient de la simplicité de cette pompe, et rappelaient combien de distinction, quelle magnificence Auguste avait mises dans les obsèques de Drusus, père de Germanicus. L'empereur, dans la saison la plus rigoureuse, s'était avancé jusqu'à Pavie! Il n'avait pas quitté le corps qu'il ne fût entré dans Rome! Les images des Claudius, celles des Livius avaient été rangées autour du catafalque! Le mort avait été

Germanico, ne solitos quidem, et cuicumque nobili debitos honores contigisse. Sanè corpus, ob longuinquitatem itinerum, externis terris quoque modo crematum: sed tantò plura decora mox tribui par fuisse, quantò prima fors negavisset: non fratrem, nisi unius diei viâ, non patruum saltem portâ tenus obvium. Ubi illa veterum instituta? praepositam thoro effigiem, meditata ad memoriam virtutis carmina, et laudationes et lacrimas, vel doloris imitamenta?

pleuré dans le forum, loué dans la tribune, comblé de tous les honneurs anciens et modernes! On ne faisait pas même à l'égard de Germanicus tout ce que l'usage et la décence prescrivent envers le moindre des nobles: qu'à raison de l'éloignement, la cérémonie de bûcher eût été brusquée dans une terre étrangère, on n'en était que plus obligé de lui prodiguer des honneurs, en compensation de ceux dont le sort l'avait privé. Son frère ne s'était avancé que d'une journée; son oncle n'avait pas même été jusqu'aux portes de Rome. Qu'étaient devenus ces usages antiques: la représentation du mort sur un lit de parade; des poésies en mémoire de ses vertus; enfin des éloges, et des larmes fussent-elles feintes?

Переводъ Румовскаго.

Сѣтующу народу о дороговизнѣ хлѣба, Тиверій постановилъ оному цѣну, и за каждую мѣру продающимъ обѣщался платить еще по два сестерція. Несмотря на то отринулъ какъ прежде сего, такъ и при семъ случаѣ подносимое названіе *отца отечества*, и жестоко вы-

Переводъ Поспѣлова.

Народъ ропталъ за дороговизну съѣстныхъ припасовъ; государь установилъ цѣну хлѣбу, платимую покупщикомъ, съ обѣщаніемъ, что онъ самъ по два сестерція будетъ доплачивать продавцамъ съ каждой мѣры. Однакоже проименованія за то отцемъ отечества, како-

говаривалъ тѣмъ, кои упражненія его называли *божественными* или самого его *господиномъ*. Посему тѣсное и ненадежное поле оставалось краснорѣчію при государѣ, который опасался вольности, а ласкательство ненавидѣлъ.	вой титулъ и прежде подносимъ ему былъ, Тиберій не принялъ, и крайне сердился на тѣхъ, кои упражненія его называли божественными, а самого именовали господиномъ; вотъ сколь трудно и скользко было говорить при государѣ, который боялся вольности, а ласкательства ненавидѣлъ!
Въ день пренесенія остатковъ Германиковыхъ въ гробницу, въ честь Августа воздвигнутую, то глубокое молчаніе повсюду, то вопль перемежалися; дороги наполнены были народомъ. Марсово поле освѣщено было огнями. Тамъ воины съ оружіемъ, градоначальники безъ знаковъ, ихъ отличающихъ, народъ по отдѣленіямъ расположенный вопіялъ: «погибла республика, не осталось ей никакой надежды» только явно и нескромно, будто позабыли, что имѣютъ императора. Но ничто столько Тиверія не поразило, какъ горячая привязанность, которую народъ оказалъ къ Агриппинѣ, именуя ее украшеніемъ отечества, единою оставшеюся отраслію Августа, и образцемъ древнихъ нравовъ, и возводя очи на небо и къ богамъ, молили, да семей-	День, назначенный для внесенія праха Германикова въ гробницу Августову, необычаенъ молчаніемъ, безпокоенъ отъ воплей; градскія дороги всѣ наполнены многолюдствомъ; на Марсовомъ полѣ сверкаютъ факелы; тамъ стоятъ подъ ружьемъ воины; судіи безъ украшеній; народъ раздѣленный на главныя части свои; слышимъ крикъ: «пала республика, никакой не осталось надежды»; сіе происходило съ такою нескромностію, что какъ бы забыта была власть государя. Однако ничто такъ не тронуло Тиберія, какъ возгорѣвшееся усердіе въ людяхъ къ Агриппинѣ; Германика именовали украшеніемъ отечества, единственною кровію Августа, единственнымъ образомъ древности; устремя взоръ свой къ небесамъ и богамъ, молили, да

ство ея сохранятъ невредимо, и даруютъ ему долгайшую жизнь, нежели семейству неправдующихъ.

Иные говорили, что при самомъ погребеніи не соблюдено надлежащаго благолѣпія, и сравнивали, какія отличія и какое великолѣпіе Августъ оказалъ при погребеніи Друза, отца Германикова. «Тогда самъ императоръ въ самое суровое зимы время выходилъ во срѣтеніе до Тицина, и не отлучаяся отъ тѣла, вошелъ съ нимъ въ городъ; одръ окруженъ былъ изображеніями Клавдіевъ и Ливіевъ, Друзъ оплаканъ былъ на большой народной площади; говорены были похвальныя рѣчи; и всѣ обряды, предками установленные или потомками ихъ изобрѣтенные, соблюдены безъ изъятія. Напротивъ того Германику не оказано обыкновенныхъ и всякому благороднорожденному должныхъ почестей. Правда, что тѣло его по причинѣ отдаленности безъ всякихъ обрядовъ огню предано; по тѣмъ болѣе надлежало оные соблюсти нынѣ, и наградить то, чего судьба его лишила. Братъ его вышелъ во срѣтеніе на одинъ

сохранятъ они невредимымъ поколѣніе его, и да переживетъ оно злодѣйствующихъ.

Находились и такіе, кои требовали торжественнѣйшаго великолѣпія для похоронъ Германиковыхъ, каковы были сдѣланы для Друза, отца Германикова. «Исчисляли всю пышность и почесть, оказанную ему Августомъ, что самъ онъ средь жестокой зимы дошелъ даже до Тицина, и не отходя отъ тѣла, вступилъ съ онымъ въ городъ; одръ его окруженъ былъ статуями Клавдіанскими и Ливіанскими; Друзъ оплакиваемъ былъ на торжищѣ, похваленъ съ каѳедры; всѣ почести, отъ предковъ изобрѣтенныя или потомствомъ выдуманныя, Друзу безъ изъятія были оказаны. Напротивъ того Германику самыхъ обыкновенныхъ и каждому благородному гражданину должныхъ не воздано. Пускай тѣло по причинѣ отдаленности сожжено какъ нибудь въ чуждыхъ странахъ. Чѣмъ болѣе судьба сперва лишила его почестей, тѣмъ щедрѣе теперь надлежало изъявить ему оныя; братъ встрѣтилъ его на разстояніи только

только день пути отъ города, а дядя не сдѣлалъ и того, чтобы встрѣтить во вратахъ градскихъ. Глѣ древнія учрежденія? гдѣ изображеніе, на великолѣпномъ одрѣ представленное? гдѣ въ память добродѣтели его сочиненныя пѣсни, похвальныя рѣчи и слезы или сердечной печали наружные знаки?	однодневнаго пути, дядя же не вышелъ и за врата градскія. И такъ, гдѣ оные древнихъ уставы? Была ли возложена на одрѣ его статуя; воспѣты ли добродѣтели въ память его у потомства стихами; похвалы, слезы представляютъ ли сколько нибудь наружный образъ сердечной печали?

162) Lettres à une princesse d'Allemagne sur divers sujets de physique et de philosophie. A Saint Pétersbourg, de l'imprimerie de l'académie impériale des sciences. Три тома. Первый и второй томы вышли въ 1768 году; третій — въ 1772 году.

Письма о разныхъ физическихъ и философическихъ матеріяхъ, писанныя къ нѣкоторой нѣмецкой принцессѣ, съ французскаго языка на россійской переведенныя Степаномъ Румовскимъ, академіи наукъ членомъ, астрономомъ и профессоромъ. Въ Санктпетербургѣ, при императорской академіи наукъ. Три части. Первая часть вышла въ томъ же году, какъ и подлинникъ, именно въ 1768 году; вторая часть вышла въ 1772 году; третья — въ 1774 году.

Второе изданіе писемъ Эйлера въ переводѣ Румовскаго вышло въ 1785 году; третье — въ 1790—1791 годахъ; четвертое — въ 1796 году. Въ Росписи россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки Александра Смирдина (1828 г., № 4369, стр. 336) указаны только три изданія: первое, третье и четвертое. Въ Опытѣ россійской библіографіи, Сопикова (1816 г., ч. IV, стр. 130—131) указаны всѣ четыре изданія съ обозначеніемъ годовъ ихъ выхода.

163) Éloges des académiciens de l'académie royale des sciences, morts depuis l'an 1666 jusqu'en 1790, par Condorcet. Brunswick et Paris. 1799, t. III, p. 258—259.

164) Lettres à une princesse d'Allemagne. II, p. 90—96. — Письма о разныхъ физическихъ и философическихъ матеріяхъ. Ч. II, стр. 89—94 перваго изданія; письма: 101 и 102.

165) Эйлеръ писалъ свои письма въ 1760—1762 годахъ. Письма Эйлера во французскомъ подлинникѣ — Lettres à une princesse d'Allemagne sur divers sujets de physique et de philosophie — много разъ

издаваемы были въ различныхъ мѣстахъ Россіи, Франціи, Германіи, Швейцаріи. Первое изданіе вышло въ Петербургѣ въ 1768—1772 годахъ. Въ 1770—1774 годахъ — въ Лейпцигѣ, Франкфуртѣ и Митавѣ: въ первомъ и второмъ томахъ обозначено Mietau et Leipsic; въ третьемъ — Francfourt et Leipsic. Въ 1775 году — въ Лондонѣ. Въ 1778 году — въ Бернѣ, и т. д.

Во Франціи письма Эйлера нѣсколько разъ издавались не только въ прошломъ, но и въ настоящемъ столѣтіи. Въ 1787—1789 годахъ вышло изданіе Кондорсе (Condorcet): измѣненія состояли преимущественно въ томъ, что Кондорсе придалъ способу выраженія болѣе французскій колоритъ, очищая слогъ Эйлера отъ германизмовъ. Въ 1812 году вышло изданіе Labey. Въ 1842 — изданіе Курно (Cournot) съ весьма любопытными примѣчаніями; это изданіе французскіе писатели называютъ превосходнымъ. Въ 1843 году вышло изданіе Cecce: Lettres à une princesse d'Allemagne sur divers sujets de physique et de philosophie, précédées de l'éloge d'Euler par Condorcet. Nouvelle édition, avec une introduction et des notes, par M. Émile Saisset, professeur de philosophie à l'école normale. Cecce держался перваго изданія — editio princeps.

Въ нѣмецкой литературѣ есть нѣсколько переводовъ писемъ Эйлера, какъ напримѣръ:

Briefe an eine deutsche princessin über verschiedene gegenstände aus der physik und philosophie. Aus dem französischen übersetrt. Leipzig. 1769.

Briefe über verschiedene gegenstände aus der naturlehre. Nach der ausgabe der herren Condorcet und de la Croix aufsneue aus dem französischen übersetzt und mit anmerkungen, zusätzen und neuen briefen vermehrt von Friedrich Kries. Leipzig. 1792—1794. О книгѣ Эйлера издатель говоритъ: wegen seiner ganz vorzüglichen deutlichkeit und fasslichkeit allegemein gelesen und besonders zum selbstunterricht bestimmt ist. Вслѣдствіе этого издателемъ сдѣланы измѣненія и дополненія сообразно съ тогдашнимъ состояніемъ естественныхъ наукъ; письма, касающіяся философіи, пропущены, и потому измѣнено и самое заглавіе. Изданіемъ Криза руководствовался и русскій ученый, академикъ Захаровъ, предпринявшій новое, пятое изданіе писемъ Эйлера въ русскомъ переводѣ.

166) Condorcet: Éloge des académiciens de l'académie royale des sciences. 1799. Éloge de M. Euler. p. 298—300: Je n'ai pas cru devoir interrompre le détail des travaux de M. Euler par le récit des évènemens très-simples et très peu multipliés de sa vie. Il s'établit à Berlin en 1741 et y resta jusqu'en 1766.

Madame la princesse d'Anhalt-Dessau, nièce du roi de Prusse, voulut recevoir de lui quelques leçons de physique, ces leçons ont été publiées sous le nom de *Lettres à une princesse d'Allemagne;* ouvrage précieux par la clarté singulière avec laquelle il y a exposé les vérités les plus importantes de la mécanique, de l'astronomie-physique, de l'optique et de la théorie des sons, et par des vues ingénieuses moins philosophiques, mais plus savantes que celles qui ont fait survivre la pluralité des mondes de Fontenelle au système des tourbillons. Le nom d'Euler, si grand dans les sciences, l'idée imposante que l'on se forme de ses ouvrages destinés à developper ce que l'analyse a de plus épineux et de plus abstrait, donnent a ces Lettres si simples, si faciles, un charme singulier; ceux qui n'ont pas étudié les mathématiques, etonnés, flattés peut-être de pouvoir entendre un ouvrage d'Euler, lui savent gré de s'être mis à leur portée; et ces détails élémentaires des sciences acquièrent une sorte de grandeur par le rapprochement qu'on en fait avec la gloire et le génie de l'homme illustre qui les a tracés.

Éloge de monsieur Léonard Euler, lu à l'académie impériale des sciences dans son assemblée du 23 octobre 1783, par Nicolas Fuss. S.-Pétersbourg. 1783, p. 53: Pour ce qui regarde son contenu il suffit de remarquer que, comme il est à la portée d'un plus grand nombre de lecteurs et même à la portée du beau sexe, il n'a pas peu contribuer à répendre le nom illustre de son auteur et à le rendre cher à ceux qui ne peuvent le juger que d'après ses lettres à une princesse d'Allemagne.

167) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Картонъ № 26. Предложеніе министра Разумовскаго, 1812 года, февраль, № 592, читанное въ конференціи 19 февраля 1812 года; донесеніе конференціи министру отъ 22 февраля 1812 года № 54 съ выпискою изъ объясненія академика Захарова.

Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ № 229, дѣла № 10797. Комитетъ правленія академіи наукъ представилъ, 29 января 1812 года, слѣдующій рапортъ министру

народнаго просвѣщенія графу Алексѣю Кирилловичу Разумовскому: «Комитетъ имѣетъ честь донести вашему сіятельству, что г. дѣйствительный статскій совѣтникъ Румовскій словесно изъявилъ въ комитетѣ свое неудовольствіе, что г. академикъ Захаровъ, неизвѣстно съ чьего позволенія принявъ на себя изданіе физическихъ писемъ г. Эйлера, переведешыхъ его превосходительствомъ, правитъ переводъ его, и присовокупляетъ къ оному свои замѣчанія, а какъ комитетъ не имѣетъ никакого свѣдѣнія и по дѣламъ нигдѣ не видно, чтобы г. Захарову или кому другому было поручено изданіе оныхъ писемъ, а паче того еще, дѣлать къ онымъ прибавленія или править переводы *толь знаменитаго переводчика*, то и опредѣлилъ: изданіе сіе остановить печатаніемъ» и т. п.

По этому поводу министръ писалъ къ академику Захарову, и просилъ его объяснить весь ходъ дѣла. Захаровъ отвѣчалъ министру слѣдующимъ письмомъ, отъ 9 февраля 1812 года: «На письмо вашего сіятельства касательно изданія Эйлеровыхъ писемъ, коимъ изволите спрашивать, по какому поводу взялъ я на себя трудъ поправлять россійскій переводъ сихъ писемъ, и какимъ образомъ доходили до меня тѣ листы, въ коихъ я сдѣлалъ перемѣны и замѣчанія, честь имѣю вашему сіятельству, согласно съ протоколами ученаго собранія, донести, что изданіе сихъ писемъ поручено было отъ конференціи, по отношенію въ оную комитета, бывшему по моей части адъюнкту Волкову, и положено вмѣсто вырѣзанныхъ на деревѣ фигуръ вырѣзать оныя на мѣди и присовокупить къ концу книги. Но какъ адъюнкту Волкову, спустя послѣ того довольно времени, поручено было по моему предложенію, перевести, подъ моимъ смотрѣніемъ, на россійскій языкъ сочиненія о свѣтѣ господъ Гейнриха и Линка, заслужившія отъ академіи награду, то дабы ускорить симъ переводомъ, и какъ Волковъ изданію Эйлеровыхъ писемъ еще никакого начала не сдѣлалъ, принялъ я изданіе сихъ писемъ на себя, что и записано въ протоколѣ ученаго собранія.

При свиданіи моемъ съ господиномъ дѣйствительнымъ стат-

скимъ совѣтникомъ Степаномъ Яковлевичемъ Румовскимъ, сіи письма переводившимъ, представлялъ я, что такъ какъ будетъ печататься новое изданіе Эйлеровыхъ писемъ, то не благоугодно ли будетъ держать ему послѣднюю корректуру для поправленія вкравшихся погрѣшностей. Но его превосходительство, отзываясь недосугами, говорилъ мнѣ, что желательно бы было издать сіи письма по французскому изданію господъ Кондорсета и де ла Кроа. Я, согласясь на сіе предложеніе съ охотою, и купивъ французскій подлинникъ и нѣмецкій переводъ сихъ писемъ господина Крисъ, нашелъ при сличеніи французскаго оригинала съ россійскимъ переводомъ уже на первой страницѣ въ самомъ началѣ противный смыслъ, а посему согласно съ желаніемъ его превосходительства сличая переводъ съ подлинникомъ, правилъ или переводилъ вновь только тѣ мѣста, кои довольно далеко отъ подлинника отходили. А дабы сдѣлать сію книгу полезнѣе, присовокупилъ я къ сему переводу весьма многія замѣчанія и новыя письма нѣмецкаго переводчика, дѣлая и отъ себя прибавленія, съ тѣмъ уже намѣреніемъ, чтобы издать оныя письма по окончаніи всѣхъ трехъ частей безъ означенія имени переводившаго, подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

> Леонгарда Эйлера письма къ нѣмецкой принцессѣ о разныхъ физическихъ и философическихъ предметахъ, поправленныя по изданію Кондорсета и де ла Кроа, съ присовокупленіемъ новыхъ писемъ, въ нѣмецкомъ переводѣ находящихся, и другихъ прибавленій, до физическихъ предметовъ касающихся.

И такимъ образомъ, посылая поправленный переводъ въ типографію, получалъ изъ оной напечатанные листы.

Узнавъ же чрезъ письмо вашего сіятельства, что сіи мною издаваемыя письма печатаніемъ, неизвѣстно по какой причинѣ, остановлены, честь имѣю вашему сіятельству представить на благоусмотрѣніе французскій оригиналъ, нѣмецкій онаго переводъ, переводъ господина Румовскаго и сіи же письма, мною издаваемыя съ присовокупленіемъ переведенныхъ мною съ нѣмецкаго пере-

вода новыхъ писемъ, служащихъ продолженіемъ объ электрическомъ веществѣ. Въ доказательство, что я многія мѣста сего перевода по изданію Кондорсета и де ла Кроа исправилъ, осмѣливаюсь привести здѣсь только нѣкоторыя. Въ первой части письма: 42-е, 45-е, 54-е, 60-е, 74-е. Прибавленія отъ стр. 178 до 237 переведены мною вновь. Во второй части письма: 80-е, 134-е и проч.

А какъ Эйлеровы письма со всѣми дополненіями не содержатъ въ себѣ многихъ физическихъ познаній, то и принялъ я на себя трудъ, въ доказательство рвенія моего къ общей пользѣ, перевести на россійскій языкъ физическія наставленія Г. Губе, въ четырехъ частяхъ, писанныя такъ же письмами, коихъ первую часть перевелъ и при семъ прилагаю, желая по окончаніи всего сочиненія представить вашему сіятельству на благоусмотрѣніе».

Министръ Разумовскій призналъ объясненіе Захарова основательнымъ, и вслѣдствіе этого далъ комитету правленія академіи наукъ, 27 февраля 1812 года, предложеніе такого содержанія: «Я не нахожу нужнымъ, чтобы напечатанные уже листы сей книги были вновь перепечатаны. Первое изданіе сего перевода, на которомъ выставлено имя переводчика, свидѣтельствуетъ о его трудѣ и познаніяхъ; когда же печатается новое изданіе, на которомъ имя его не выставляется, то академія не токмо имѣла право издать принадлежащую ей книгу въ большемъ совершенствѣ, но должна была имѣть къ виду и предложеніе мое отъ 13 апрѣля 1811 года, коимъ я предписалъ, дабы при изданіи отъ оной или перепечатываніи старыхъ переводовъ всегда были оные пересматриваемы съ наблюденіемъ большей чистоты и обработанности въ слогѣ. Я нахожу, что въ переводѣ Эйлеровыхъ писемъ надлежало даже сдѣлать болѣе поправокъ, нежели сдѣлано академикомъ Захаровымъ. Почему, если впредь книга сія издана будетъ, предлагаю выправить оную съ возможною точностію, самъ ли переводчикъ возьметъ на себя сей трудъ или другому кому будетъ оный порученъ. Нынѣ же, такъ какъ часть сей

книги уже напечатана, то для сбереженія интереса академіи продолжать печатаніе оной съ наблюденіемъ однакожъ, чтобы замѣчанія академика Захарова не были смѣшаны съ самою матеріею, а были бы напечатаны особо».

168) Академическія сочиненія, выбранныя изъ перваго тома Дѣяній императорской академіи наукъ подъ заглавіемъ: Nova acta academiae scientiarum imperialis petropolitanae. 1801. Ч. I, стр. 97—167. Похвальная рѣчь покойному Леонгарду Эйлеру, сочиненная на французскомъ языкѣ и читанная въ собраніи академіи октября 23 дня Николаемъ Фуссомъ.

I. I. Lalande: Bibliographie astronomique avec l'histoire de l'astronomie. Paris. 1803, p. 479—480.

Исторія императорской академіи наукъ въ Петербургѣ, Петра Пекарскаго. 1870. Т. I, стр. 247.

169) Дѣла архива канцеляріи. Бумаги исторіографа Миллера. Письма къ нему Румовскаго въ пачкѣ писемъ съ надписью на обложкѣ: von dem professor Rumowski. Изъ двухъ писемъ Румовскаго одно безъ означенія числа, другое — отъ 29 января 1765 года.

170) Anleitung zu der astronomischen bestimmung der länge und breite, zum gebrauche der herren offiziere vom generalstaabe, entworfen von *F. Th. Schubert*. St.-Petersburg. 1803.

Руководство къ астрономическимъ наблюденіямъ, служащимъ къ опредѣленію долготы и широты мѣстъ, въ пользу офицеровъ генеральнаго штаба, по высочайшему повелѣнію сочиненное Фридерикомъ Өедоромъ Шубертомъ. Перевелъ Степанъ Румовскій. Въ Санктпетербургѣ, при императорской академіи наукъ. 1803 года.

171) Ученыя записки императорской академіи наукъ по первому и третьему отдѣленіямъ. 1852, стр. LXXXVI и XCI.

172) Дѣла архива конференціи. Протоколы конференціи. Протоколъ 26 августа 1784 года, № 46: M. le conseiller privé et senateur de Strekaloff confera à mrs. les académiciens Roumovsky, Lepechin et Ozeretskovsky le choix et l'arrangement des écrits du feu conseiller d'état Lomonossov, qui doivent composer le deuxième volume et les suivans de la nouvelle édition des oeuvres complètes de ce savant célèbre. M. l'adjoint Gollovin fut chargé de la partie typographique et de la révision des épreuves. La chancellerie communiquera en conséquence à ces messieurs les matériaux et écrits du feu M. Lomonossov qu'elle possède pour en faire le choix dont ils sont chargés.

Сенатору Степану Өедоровичу Стрекалову поручено было, рескрип-

томъ отъ 13 апрѣля 1784 года, управленіе академіею наукъ до возвращенія княгини Дашковой, которой разрѣшено, по ея просьбѣ, отлучиться навремя для домашнихъ ея дѣлъ.

173) Дѣла архива казанскаго университета, 1808 года № 2.

174) Записки россійской академіи. Засѣданія: 28 октября 1783 года, л. 12—12 об. — 30 января 1784 года, л. 33 об.

175) Записки россійской академіи. Засѣданіе 18 ноября 1783 года, л. 25.

Новогородскій лѣтописецъ. Продолженіе древней россійской вивліоѳики. Часть II, содержащая Новогородскій лѣтописецъ, начинающійся отъ 946 и продолжающійся до 1441 года. Въ Санктпетербургѣ, при императорской академіи наукъ, 1786 года.

Ср. Ученыя записки академіи наукъ по первому и третьему отдѣленіямъ. 1852. Томъ I. Выпускъ I, стр. XCI—XCII.

176) Несторъ. Русскія лѣтописи на древне-славенскомъ языкѣ, сличенныя, переведенныя и объясненныя Августомъ Лудовикомъ Шлецеромъ. 1809. Ч. I, стр. ρ҃з҃г: Новгородскій лѣтописецъ, съ 946—1446 г. Неизвѣстный продолжитель древней россійской вивліоѳики напечаталъ очень вѣрно сей важный списокъ въ книгѣ II, стр. 257—712; Спб., при академіи, 1786.

177) Записки россійской академіи. Засѣданія: 18 ноября и 16 декабря 1783 года, л. 24 и л. 27.

178) Записки россійской академіи. Засѣданія: 18 ноября 1783 года, л. 22. — 25 ноября 1784 года, л. 56 об.

179) Записки россійской академіи. Засѣданіе 5 октября 1784 года, л. 53—53 об.

180) Записки россійской академіи. Засѣданіе 22 апрѣля 1794 года, л. 59.

181) Записки россійской академіи. Засѣданія 21 мая и 10 сентября 1793 года, л. 45 и 49.

182) Записки россійской академіи. Засѣданія: 4 декабря 1787 года, л. 143. — 18 декабря 1787 года, л. 144—144 об. — 11 марта 1788, л. 147. — 7 августа 1792 года, л. 29—29 об. — 18 марта 1794 года, л. 57. — 10 августа 1794 года, л. 70 об.

183) Записки россійской академіи. Засѣданіе 25 ноября 1786 года, л. 107.

184) Записки россійской академіи. Засѣданія: 5 августа 1794 года, л. 67 об.—68. — 10 августа 1794 года, л. 69 об. — 17 января 1803 года, л. 20. — 28 февраля 1803 года, л. 67—68.

Въ запискѣ засѣданія 14 іюня 1802 года, л. 162 читаемъ: «Членъ академіи Степанъ Яковлевичъ Румовскій сообщилъ въ оную 7 числа сего іюня слова и реченія съ письмени Н начинающіяся, въ азбучный порядокъ имъ приведенныя, пополненныя и поправленныя». Но во многихъ другихъ мѣстахъ говорится, что онъ собиралъ и объяснялъ слова на О, какъ напримѣръ: въ «выпискѣ изъ записокъ императорской россійской академіи, минувшаго 1801 года іюня съ 5 дня по 1 число августа сего 1802 года, о трудахъ и упражненіяхъ членовъ оныя», помѣщенной въ запискахъ россійской академіи 1802 года, л. 227; въ «спискѣ членамъ, въ сочиненіи новоиздаваемаго азбучнымъ порядкомъ россійскаго словаря академіи участвовавшимъ», помѣщенномъ въ запискахъ россійской академіи 1803 года, л. 68. Въ этомъ спискѣ сказано, что слова на Н «привелъ въ буквенный порядокъ, поправилъ и пополнилъ, президентъ россійской академіи А. А. Нартовъ».

185) Записки россійской академіи. Засѣданіе 19 сентября 1785 года, л. 74 об.—75.

186) Записки россійской академіи. Засѣданія: 20 іюля 1790 года, л. 195 об. — 26 октября 1790 года, л. 203 об.—204.

187) Словарь академіи россійской. 1792. Ч. III, стр. 265—266: Пришельствіе — время или жизнь, препровожденная въ чужой землѣ; пришельствую — прихожу жить въ чужую землю, сторону; пришельникъ — странникъ, человѣкъ, пришедшій изъ другой стороны, земли.

188) Записки россійской академіи. Засѣданія 10 и 17 мая 1791 года, л. 227—227 об.

189) Записки россійской академіи. Засѣданія 3 и 17 іюля 1792 года, л. 13 и л. 15 об.

190) Записки россійской академіи. Засѣданія 3 февраля и 8 мая 1787 года, л. 114 и л. 119 об.

191) Записки россійской академіи. Засѣданіе 18 іюля 1808 года, л. 167 об. и л. 181.

Записки россійской академіи. 19 сентября 1797 года, л. 131.

192) Записки россійской академіи. Засѣданіе 18 сентября 1787 года, л. 127 об.—128.

193) Записки россійской академіи. Засѣданіе 27 декабря 1791 года, л. 244—244 об.

194) Словарь академіи россійской. 1792. Ч. III, стр. 666.

195) Записки россійской академіи. Засѣданіе 5 августа 1805 года, л. 215 об.

196) Записки россійской академіи. Засѣданіе 18 ноября 1788 года, л. 161 об.

197) Записки россійской академіи. Засѣданіе 25 ноября 1788 года, л. 162.

198) Записки россійской академіи. Засѣданія: 6 марта 1798 года, л. 8—9. — 31 января 1803 года. — Представленный въ академію «толковникъ (glossaire) россійскаго языка» вмѣстѣ съ другими рукописями покойнаго Штрубе де-Пирмона достался по наслѣдству зятю Штрубе де-Пирмона генералъ-маіору Драхенфельсу. Князь Куракинъ, по неотступной просьбѣ Драхенфельса, снова обратился въ россійскую академію, и просилъ ее или напечатать представленную имъ рукопись или возвратить ее Драхенфельсу. Въ собраніи академіи состоялось по этому поводу слѣдующее постановленіе: «Поелику помянутое сочиненіе, состоящее изъ нѣсколькихъ связокъ этимологическаго словаря, изъ краткаго извѣстія о содержащемся въономъ, и изъ сочиненія о наукѣ словопроизвожденія, писаны на языкѣ французскомъ и столь связно, что во многихъ мѣстахъ никоимъ образомъ разобрать не можно, и притомъ нѣкоторыя связки неполны, то по симъ причинамъ сочиненіе сіе отъ академіи напечатано быть не можетъ. И поэтому къ г. генералу-маіору Драхенфельсу сдѣлать отношеніе, чтобы онъ прислалъ въ академію для обратнаго принятія помянутаго сочиненія повѣреннаго». Въ дѣлахъ россійской академіи при протоколѣ собранія 31 января 1803 года находится росписка: «Сочиненіе г. статскаго совѣтника Струбе, а именно: 1) science étymologique, 2) glossaire russe, обратно получилъ изъ россійской академіи коллежскій совѣтникъ Өедоръ Драхенфельсъ. Февраля 27 дня 1803 года».

199) Записки россійской академіи. Засѣданія: 14 марта 1786 года, л. 87. — 9 августа 1802 года, л. 223 об. — 30 октября 1787 года, л. 134—134 об.

200) Записки россійской академіи. Засѣданіе 7 сентября 1801 года, л. 143 об. и л. 147.

201) Записки россійской академіи. Засѣданія 26 сентября и 10 октября 1808 года, л. 265 об., л. 279 об.—283 об.

202) Записки россійской академіи. Засѣданія 17 января и 25 апрѣля 1803 года, л. 19—19 об.; л. 109—109 об.

203) Записки россійской академіи. Засѣданіе 3 мая 1802 года, л. 118—118 об.

Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія, 1804 года, картонъ № 644, дѣла № 11125.

204) Записки россійской академіи. Засѣданіе 14 декабря 1790 года, л. 212.

205) Записки россійской академіи. 1802 годъ, л. 227.

206) Записки россійской академіи. Засѣданія 17 и 21 декабря 1790 года, л. 215—215 об.; л. 218—219.

207) Записки россійской академіи. Засѣданіе 13 іюля 1812 года, № 25.

208) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ № 227, дѣла № 10620. О приведеніи академіи въ лучшее состояніе, л. 15.

209) Біографическія извѣстія о Лепехинѣ, появлявшіяся, при его жизни, у русскихъ и отчасти у иностранныхъ писателей, ограничиваются бѣглыми замѣтками.

Въ словарѣ Новикова, вышедшемъ въ 1772 году, читаемъ: «Лепехинъ Иванъ, императорской академіи наукъ адъюнктъ и медицины докторъ, издалъ въ свѣтъ *дневныя записки* 1768 и 1769 года путешествія своего для пользы натуральной исторіи, и которымъ печатаются нынѣ продолженіи. Сія книга знающими людьми похваляется».

Бакмейстеръ въ своемъ превосходномъ библіографическомъ трудѣ излагаетъ кратко, но весьма обстоятельно содержаніе путевыхъ записокъ Лепехина, и изложеніе свое начинаетъ такимъ образомъ: Der hr. verfasser, der anfänglich bei der akademie unterrichtet wurde, nachher in Strasburg studierte, daselbst auch die höhste würde in der arzeneiwissenschaft empfieng, darauf im jahr 1768 adjunct und 1771 ordentliches mitglied der akademie der wissenschaften wurde, hat diesen ersten theil seines tagebuchs den sämmtlichen gliedern zugeschrieben, и т. д. (Russische bibliothek zur kenntniss des gegenwärtigen zustandes der literatur in Russland, herausgegeben von Hartw. Ludw. Christi. Bacmeister. Des ersten bandes zweites und drittes stück. 1773. л. 175—185). Изъ Бакмейстера преимущественно заимствованы свѣдѣнія о Лепехинѣ, встрѣчающіяся на страницахъ нѣкоторыхъ иностранныхъ изданій восьмнадцатаго столѣтія.

Матеріаломъ для послѣдующихъ извѣстій о Лепехинѣ слу-

жилъ біографическій перечень, составленный академикомъ Иноходцевымъ. Уже самое первое извѣстіе о покойномъ — краткій некрологъ его, читанный въ собраніи академіи наукъ, составленъ на основаніи записки Иноходцева — d'après une notice biographique que l'ami intime du défunt, m. Inochodzeff, a bien voulu nous donner (слова составителя протокола 21 апрѣля 1802 года, № 21). Въ архивѣ академіи наукъ сохранилась слѣдующая собственноручная записка члена академіи наукъ и россійской академіи Петра Борисовича Иноходцева:

Академикъ Иванъ Ивановичъ Лепехинъ родился въ С.-Петербургѣ въ сентябрѣ 1737 года.

Опредѣленъ въ службу императорской академіи наукъ въ гимназисты указомъ правительствующаго сената изъ недорослей	1751	года	въ мартѣ.
Произведенъ студентомъ	1760	»	въ февралѣ.
Отправленъ въ иностранные университеты для усовершенствованія въ естественной исторіи	1762	»	въ сентябрѣ.
И обучался въ Страсбургѣ.			
Въ страсбургскомъ университетѣ произведенъ докторомъ медицины	1767	»	мая 5.
Возвратился въ отечество	1767	»	въ октябрѣ.
Произведенъ адъюнктомъ и посланъ въ физическую экспедицію по высочайшему повелѣнію главнымъ предводителемъ	1768	»	іюня 8.
Будучи въ оной, избранъ членомъ вольнаго экономическаго общества	1770	»	марта 3.
Произведенъ академикомъ	1771	»	апрѣля 8.
Возвратился изъ первой экспедиціи, осмотря назначенныя мѣста	1772	»	декабря 24.
Посланъ былъ вторично въ бѣлорусскія губерніи для изслѣдованія ве-			

щей естественныхъ по высочайшему же повелѣнію.	1773	года	марта.
Возвратился въ С.-Петербургъ въ исходѣ того же года.	—		—
Ввѣрено ему было управленіе ботаническаго сада.	1774	»	—
Въ томъ же году поручена ему была цензура печатаемыхъ переводовъ подъ смотрѣніемъ высокоучрежденнаго собранія о переводахъ, что и отправлялъ до учрежденія россійской академіи.			
Избранъ членомъ берлинскаго общества испытателей природы.	1776	»	сентября 10.
Ввѣрено ему главное управленіе академической гимназіи, ...	1777	»	—
въ коей находился инспекторомъ по 1794 годъ, коего іюля 18 дня, по его прошенію, отъ сего званія уволенъ.			
Принятъ членомъ гессенгомбургскаго патріотическаго общества	1778	»	августа 3.
Произведенъ въ надворные совѣтники.	1780	»	декабря 18.
При открытіи императорской россійской академіи избранъ былъ въ оную членомъ и непремѣннымъ секретаремъ	1783	»	октября 21.
Получилъ орденъ св. Владиміра 4-й степени	1790	»	сентября 22.
Пожалованъ коллежскимъ совѣтникомъ.	1797	»	апрѣля 5.
Избранъ почетнымъ членомъ государственной медицинской коллегіи. . . .	1797	»	ноября 23.
Пожалованъ статскимъ совѣтникомъ	1799	»	марта 21.
Удостоился получить орденъ св. Анны 2-го класса.	1802	»	февраля 10.

Скончался.................... 1802 года апрѣля 6.

Время житія его 64 года и 7 мѣсяцовъ почти.

Въ пятнадцатомъ томѣ «новыхъ актовъ» академіи наукъ, вышедшемъ въ 1806 году, говорится объ академикахъ, умершихъ въ періодъ времени съ 1799 по 1802 годъ, и при этомъ сообщаются свѣдѣнія о Лепехинѣ, касающіяся какъ его біографіи, такъ и его ученыхъ трудовъ:

Mr. Jean Lepechin, conseiller d'état, chevalier de l'ordre de Ste Anne de la 2de et de St. Vladimir de la 4me classe, académicien ordinaire pour la botanique, docteur en médicine, membre et secrétaire perpétuel de l'académie impériale russe, membre de la société libre économique de St. Pétersbourg, du collège impérial de medecine, de la société des amis scrutateurs de la nature à Berlin etc. naquit à St. Pétersbourg le 8 septembre 1737. En 1751 il fut placé comme gymnasiste au gymnase de l'académie, à la suite d'un oukaze du haut et dirigeant sénat, et après y avoir fait ses humanités, il fut nommé étudiant en 1760. En 1762 l'académie l'envoya dans les païs étrangers pour y achever ses études, ce qu'il fit à Strasbourg, où il reçut en mai 1767 le grade de docteur, et d'où il revint à St. Petérsbourg au mois d'octobre de la même année. L'académie le reçut en 1768 en nombre de ses adjoints et le mit à la tête de l'une des expéditions physiques qui dans ce tems-là furent formées, par ordre de l'impératrice Catherine II de glorieuse mémoire, dans la vue d'augmenter la masse des connaisances physiques par la recherche de ce que les provinces orientales et septentrionales du plus vaste des empires offrent de plus digne à l'attention du naturaliste observateur. C'était pendant ce voyage, dont les fruits sont connus à toute l'Europe, que notre savant naturaliste fut reçu membre de la société libre économique de St. Pétersbourg (en 1770) et membre ordinaire de l'académie (en 1771). De retour à St. Pétersbourg vers la fin de l'an 1772, après peu de mois de repos, l'académie, à la suite d'un ordre suprême, envoya mr. Lepechin faire un second voyage dans la Russie blanche, dans

la vue de mieux connaître cette province sous le rapport de l'histoire naturelle, et il fut de retour de ce second voyage vers la fin de l'année 1772. En 1774 l'académie lui conféra la sur-intendance de son jardin botanique, et la même année il fut chargé de la censure des livres que la commission impériale établie pour les traductions faisait publier, fonction dont il s'acquitta jusqu'à l'époque de la fondation de l'académie impériale russe, qui mit fin à la dite commission. En 1776 la société des amis scrutateurs de la nature à Berlin reçut notre savant au nombre de ses membres. En 1777 l'académie chargea mr. Lepechin de l'inspection de son gymnase, et il remplit les fonctions de cette place avec beaucoup de zèle et d'activité jusqu' en 1794, où il demanda et obtint sa dimission de cette charge. En 1780 il fut avancé au rang de conseiller de cour. En 1799 il fut nommé membre et secrétaire perpétuel de l'académie impériale russe. En 1790 il obtint la décoration de l'ordre de St. Vladimir de la 4me classe. En 1797 il fut avancé au rang du conseiller de collège et reçu la même année au nombre des membres honoraires du collège impériale de médicine. En 1799 il fut nommé conseiller d'état et decoré en 1802 de la croix de St. Anne de la 2e classe. Une hydropisie de poitrine, contre laquelle sa constitution, naturellement vigoureuse, lutta plusieurs années, mit fin à ses jours et le ravit aux sciences, à l'académie, à sa famille et à ses amis le 6 avril 1802.

Outre la description de ses voyages en trois volumes, qui a été traduite en allemand et en partie aussi en français, et à laquelle mr. l'académicien Ozeretskovski, qui avait été attaché à l'expédition de mr. Lepechin, vient d'ajouter un quatrième volume; et outre dix-huit mémoires écrits en latin et insérés dans les *Novi Commentarii*, les *Acta* et les *Nova acta* de l'académie, on a de feu mr. Lepechin encore trois mémoires en langue russe: le premier sur la culture de la soie en Russie; le second sur les avantages de la pêche à baleines pour la Russie; le troisième sur les maladies épidemiques des bêtes à cornes. C'est aussi à

lui qu'on doït la traduction de la plus grande partie de l'histoire naturelle du comte de Buffon.

C'est tout ce que nous avons pu rassembler des circonstances et des principaux événemens de la vie du défunt académicien. L'académie impériale russe ayant chargé un de ses membres de composer l'éloge de mr. Lepechin, les services qu'il a rendus à ce corps savant, seront appréciés dans cet ouvrage. Loin de vouloir anticiper sur un travail qui est entre de si bonnes mains, nous bornons aux notices qu'on vient de lire cette courte esquisse biographique, que nous ne saurions terminer d'une manière plus glorieuse pour la mémoire du défunt, qu'en faisant mention encore du prix que S. E. mr. le conseiller privé et senateur de Mouravieff, collègue du ministre de l'instruction publique, avait promis en 1803 à celui des éléves de l'académie des arts qui aurait produit la meilleure esquisse d'un monument sépulcral de notre académicien, prix qui a été remporté l'année 1804 par l'élève d'architecture Kalachnikoff, dont le dessin a été gravé depuis aux frais de l'illustre Mécène mentionné, que ce trait de patriotisme honore autant que le savant national qui en a été l'objet (Nova acta academiae scientiarum imperialis petropolitanae. Tomus XV. Histoire de l'académie impériale des sciences. p. 8—10)-

Въ словарѣ русскихъ свѣтскихъ писателей митрополита Евгенія (II, 8—10) прибавлено къ этимъ свѣдѣніямъ указаніе на то, что много статей Лепехина помѣщено въ историческихъ календаряхъ, въ Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова и въ Новыхъ академическихъ ежемѣсячныхъ изданіяхъ; и названо сочиненіе Лепехина, неупомянутое въ академическомъ некрологѣ,— Размышленія о нуждѣ испытывать лѣкарственную силу собственныхъ произрастеній. Въ матеріалахъ къ словарю митрополита Евгенія, хранящихся въ публичной библіотекѣ, находится копія съ составленной Иноходцевымъ записки о Лепехинѣ, помѣщенной въ протоколѣ собранія академіи наукъ 21 апрѣля 1802 года.

Сочиненіе похвальнаго слова, о которомъ упоминается въ академическомъ протоколѣ, поручено было члену академіи наукъ

и россійской академіи Александру Θедоровичу Севастьянову въ 1804 году. Похвальнаго слова, по всей вѣроятности, не было написано, но въ 1808 году Севастьяновъ издалъ десятый томъ естественной исторіи Бюффона въ русскомъ переводѣ Лепехина, и въ началѣ перевода помѣстилъ статью о жизни и трудахъ Лепехина. «Поелику издаваемая нынѣ десятая часть всеобщей и частной естественной исторіи г. Бюффона — говоритъ Севастьяновъ — есть послѣдняя изъ тѣхъ, кои перевелъ покойный академикъ и кавалеръ Лепехинъ, то я почелъ не излишнимъ для тѣхъ, кто любитъ славу мужей, служившихъ отечеству украшеніемъ, присовокупить здѣсь краткое извѣстіе о жизни и трудахъ сего достойнаго мужа». Въ статьѣ Севастьянова указаны нѣкоторые труды Лепехина, помѣщенные въ русскихъ изданіяхъ академіи наукъ, и вкратцѣ обозначено содержаніе нѣсколькихъ латинскихъ мемуаровъ Лепехина. (Всеобщая и частная естественная исторія графа де Бюффона. Часть X. Преложена съ французскаго языка на россійской академикомъ Иваномъ Лепехинымъ. Издана экстраординарнымъ академикомъ и кавалеромъ А. Севастьяновымъ. Первымъ тисненіемъ. Въ Санктпетербургѣ, иждивеніемъ императорской академіи наукъ, 1808 года, стр. I—XVII).

При новомъ изданіи путешествія Лепехина, вышедшемъ въ 1821 году, помѣщено извлеченіе изъ статьи Севастьянова. (Полное собраніе ученыхъ путешествій по Россіи. 1821. Т. III. Біографія академика Лепехина, стр. V—VIII).

Въ Трудахъ россійской академіи, 1840 года, помѣщена краткая біографія Лепехина, составленная членомъ россійской академіи В. А. Полѣновымъ, сыномъ товарища Лепехина по страсбургскому университету. (Труды императорской россійской академіи. 1840. Часть II, стр. 207—215. Краткое жизнеописаніе И. И. Лепехина).

Въ біографическихъ свѣдѣніяхъ о Лепехинѣ, появившихся какъ въ россійской, такъ и иностранной литературѣ, весьма не точно опредѣлялось время его рожденія, колеблясь между 1732 и 1750 годомъ.

Академикъ Иноходцевъ, а за нимъ и академическій некрологъ, говоритъ, что Лепехинъ родился въ 1737 году. Академикъ Севастьяновъ говоритъ: «въ которомъ году родился Иванъ Ивановичъ Лепехинъ, точно неизвѣстно»; Полѣновъ: «годъ рожденія Лепехина неизвѣстенъ; думаютъ, что онъ родился около 1740 года»; Гречь полагаетъ, что Лепехинъ родился около 1739 года. Въ вѣдомости о умершихъ и погребенныхъ на волковомъ кладбищѣ Лепехину показано 70 лѣтъ, слѣдовательно, онъ родился въ 1732 году, и т. д.

Кювье въ своей исторіи естественныхъ наукъ говоритъ: «Lepechin était né en 1750 à Pétersbourg. Ses travaux n'ont pas été publiés en allemand, comme ceux de ses camarades; ils l'ont été en russe, de 1772 à 1773, excepté le troisième volume, qui est de 1780. Il en existe une traduction allemande. (Histoire des sciences naturelles par Georges Cuvier. Paris, 1845. Tome cinquième complémentaire. p. 115).

Иностранные ученые знакомы были съ дѣятельностью Лепехина по его путешествію, изданному въ нѣмецкомъ переводѣ, и по мемуарамъ, печатавшимся на латинскомъ языкѣ, изъ которыхъ очень немногіе переведены и на французскій языкъ. Біографическія данныя о Лепехинѣ заимствуются иностранцами изъ академическаго некролага, написаннаго пофранцузски, а отчасти изъ исторіи литературы Греча. Biographie générale называетъ своимъ источникомъ — Gretch: opit kratkoi istorii rouskoi literaturi (Nouvelle biographie générale. Paris. 1859. t. XXX, p. 830—831. Lepekhin Ivan-Ivanovitch).

Bibliographie entomologique etc. par A. Percheron. Paris. 1837. t. I, p. 244: Lepekhin, que l'on écrit quelquefois Lepechin (Jean-Ivanovitsch), né en 1739 et mort en 1802.

Bibliotheca historico-naturalis, herausgegeben von Wilhelm Engelmann. Bibliotheca zoologica. Verzeichniss der schriften über zoologie etc., bearbeitet von J. Victor Carus und Wilhelm Engelmann. Leipzig. 1861. Zweiter band. s. 2000. Lepechin Iwan, n. 1737, † 1802.

Bibliotheca entomologica von dr. Hermann August Hagen. Leipzig. 1862. Erster band, s. 470: Lepechin (Iohann Ivanovitch) geb. 8 septbr. 1737 in Petersburg; gest. 18 (6) april zu Petersburg. Здѣсь указаны статьи иностранныхъ изданій объ ученомъ путешествіи Лепехина.

210) Военный журналъ, издаваемый находящимся при военномъ министрѣ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка капитаномъ Рохмановымъ и лейбъ-гвардіи артиллерійской бригады штабсъ-капитаномъ Вельяминовымъ. 1811. Книжка XIII, стр. 29—44. Подробное извѣстіе о лейбъ-гвардіи семеновскомъ полку. Въ примѣчаніи сказано: «сочинитель сей статьи есть лейбъ-гвардіи семеновскаго полка полковникъ, россійской академіи художествъ, московскаго историческаго и другихъ ученыхъ обществъ членъ, Александръ Александровичъ Писаревъ». Писаревъ былъ членомъ и россійской академіи.

211) Полное собраніе законовъ россійской имперіи. 1830. Т. X, стр. 43—45. № 7171. Указъ 9 февраля 1737 года.— Т. IX, стр. 807—808. № 6949. Указъ 6 мая 1736 года.— Т. XI, стр. 737—740. № 8683. Указъ 11 декабря 1742 года.

212) Дѣла архива академической канцеляріи. № 519. Журналы 1750 года. Журналъ 24 сентября 1750 года № 578.

213) Дѣла архива академической канцеляріи. № 956. Указы правительствующаго сената и святѣйшаго синода, 1751 года. Указа № 550.

214) Дѣла архива академической канцеляріи. № 461. Протоколы 1751 года. Протоколъ 24 августа 1751 года № 245.

215) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Картонъ № 6. Учрежденіе о университетѣ и гимназіи, присланное въ конференцію при указѣ 11 августа 1750 года, л. 5 об.—7 об.

216) Ueber die verfassung und verwaltung deutscher universitäten, von C. Meiners. 1802. Zweiter band: s. 188—191.

Geschichte des deutschen studenthums, von Oskar Dolch. 1858, s. 218—220, 277 и др.

217) Дѣла архива академической канцеляріи. № 460. Протоколы 1750 года. Протоколъ 8 октября 1750 года № 280.

218) Дѣла архива академической канцеляріи. № 146. Рапортъ академика Крашенинникова, поданный въ канцелярію академіи наукъ 29 октября 1750 года.

219) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Картонъ № 9. Ордеръ президента, полученный канцеляріею академіи наукъ 19 января 1760 года.

220) Исторія императорской академіи наукъ въ Петербургѣ, П. Пекарскаго. Т. II, стр. LIV—LV.

221) Дѣла архива академической канцеляріи. № 825. Рапорты академиковъ: Фишера, Брауна, Попова и Модераха — отъ 23 декабря 1759 года; Брауна — отъ 10 января 1760 года; Котельникова и Румовскаго — отъ 13 января 1760 года.

222) Дѣла архива академической канцеляріи. № 825. Университетскіе дѣла 1760 и 1761 годовъ.

223) Печатное объявленіе, на латинскомъ и русскомъ языкахъ, о лекціяхъ въ академическомъ университетѣ въ 1761 году. Санктпетербургской академіи публичныя наставленія на 1761 годъ; начнутся генваря 22 дня.

224) Санктпетербургской академіи публичныя наставленія на 1762 годъ; начнутся генваря 7 дня.

225) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Картонъ № 9. Списокъ имянной студентамъ и чему кто по сей годъ обучался и нынѣ обучается. Въ графѣ «когда кто родился» показано, что Лепехинъ родился 10 сентября 1740 года.

226) Дѣла архива академической канцеляріи. № 270. Прошеніе студента Ивана Лепехина въ канцелярію академіи наукъ, поданное 13 августа 1762 года.

227) Дѣла архива академической канцеляріи. № 270. Дѣло о посылкѣ въ Страсбургъ адъюнкта Протасова для принятія докторскаго градуса, переводчика Полѣнова и студента Лепехина для обученія наукъ. Рапортъ Г. Ф. Миллера въ канцелярію академіи наукъ отъ 17 августа 1762 года.

228) Русскій архивъ 1865 года (годъ третій, изданіе второе), А. Я. Полѣновъ, русскій законовѣдъ XVIII вѣка, стр. 557—614. Объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія крестьянъ въ Россіи, стр. 509—540.

229) Дѣла архива академической канцеляріи. № 270. По указу ея императорскаго величества самодержицы всероссійской дана сія инструкція изъ канцеляріи академіи наукъ отправленному изъ академіи для обученія наукъ въ иностранные университеты студенту Ивану Лепехину, которому будучи тамо чинить нижеслѣдующее.... Рукою Лепехина: подлинную инструкцію взялъ студентъ Иванъ Лепехинъ.

230) Congrès scientifique de France. Dixième session, tenue à Strasbourg en septembre et octobre 1842. Tome premier. 1843, p. 65—81. Louis Spach: La ville et l'université de Strasbourg en 1770.

Zur geschichte der universität Strassburg. Festschrift zur eröffnung

der universität Strassburg am 1 mai 1872 von dr. August Schricker senats-secretär. Strassburg. 1872.

Rede gehalten zum antritt des rectorats der universität Strassburg am 2 november 1872 von dr. A. De Bary professor der botanik. Zur geschichte der naturbeschreibung im Elsass. Strassburg. 1872.

231) Goethes werke. Stuttgart. 1866. Aus meinem leben. Wahrheit und dichtung. 11 band, neuntes buch, p. 354; 12 band, eilftes buch, p. 28—38 etc.

232) Ueber die protestantischen universitäten in deutschland neues raisonnement von einigen patrioten. Strassburg. 1769, s. 158—161.

233) Дѣла архива академической канцеляріи. № 309. Дѣла 1767 года. Рапортъ Гмелина въ коммиссію академіи наукъ 19 апрѣля 1767 года.

234) Oeuvres choisies de Louis Spach, archiviste du départament du Bas-Rhin. Tome premier. Biographie alsacienne. 1866. Schöpflin, p. 143—170. — Lexicon der vom jahr 1750 bis 1800 verstorbenen teutschen schriftsteller ausgearbeitet von Iohann Georg Meusel. 1812. XII band, s. 373—378.

235) Memoriam viri nobilissimi, amplissimi, Iacobi Reinboldi Spielmanni, medicinae doctoris, et professoris publici ordinarii, clarissimi, doctissimi, Argentorati d. IX septembris a C. MDCCLXXXIII pie defuncti, academia argentoratensis civibus et exteris praesentibus, posterisque, commendati. Argentorati. Typis Ioh. Henrici Heitzii, universitatis typographia.

Chemische annalen für die freunde der naturlehre, arzneigelahrheit, haushaltungskunst und manufacturen, von d. Lorenz Crell. Erster band. 1784, s. 545—580. D. Philipp Ludwig Wittwer: Lebensgeschichte dr. Iac. Reinbold Spielmann's, der arzneigelahrheit prof. in Strassburg.

236) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Протоколы 1763 года. Предложены въ почетные члены академіи Боннетъ и Шпильманъ. Въ протоколѣ конференціи 14 апрѣля 1763 года № 13 сказано: (о Боннетѣ) multis jam scriptis et accuratissimis observationibus celebrem. Eadem de Spielmanno, professere argentoratense, qui juvenum russicorum studiis ibi incumbentium curam habet, propositio facta et omnibus probata est.

237) Th. Lauth: Vita Io. Hermanni. Argentorati. an. X.

Biographie universelle ancienne et moderne. A Paris. 1817. tome vingtième. s. 257—260. Cuvier: Hermann (Jean), professeur de Strasbourg.

Histoire des sciences naturelles, par Georges Cuvier. 1845. t. V, p. 144—148.

238) Interessante lebensgemälde der denkwürdigsten personen des achtzehnten jahrhunderts, von Samuel Baur. Leipzig. 1803. Zweiter theil. s. 354—363. Iohann Friedrich Lobstein, professor der anatomie, physiologie und chirurgie zu Strasburg.

Notices historiques, statistiques et littéraires sur la ville de Strassbourg, par Jean Fred. Hermann. Strasbourg. 1819, t. II, p. 301. Professeurs de physique: Schurer, Jean Louis, de Strasbourg; naissance 1734; nomination 1761; décès 1792.

239) Дѣла архива академической канцеляріи. № 270. На корешкѣ: 1762, августъ, сентябрь. Но здѣсь находятся отчеты Лепехина за разные года.

240) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Картонъ № 11. Въ канцелярію академіи наукъ «покорнѣйшій репортъ» Лепехина — въ подлинникѣ и въ копіи.

241) Дѣла архива академической канцеляріи, № 270. Здѣсь находятся слѣдующія свидѣтельства, выданныя Лепехину профессорами страсбургскаго университета:

Nobilissimus dominus Iohannes Lepechin petropolitanus, cum a nobis testimonium de ratione, qua vitam inter nos transigit, decentibus petierit formulis, idipsum illi concessimus eo alacrius, quo magis eundem laudando et vera dicimus et talia quae de nostris alumnis dicere posse summae nobis est voluptati.

Ea qua viros probos decet fide, dominum Lepechin morum castitate aeque ac eorundem probitate ac suavitate commendamus, testamur praeterea eundem in anatomicis demonstrationibus aeque ac praeparationibus industrium egisse auditorem, physiologicas et eas quibus historia naturalis explicatur lectiones, illas porro que chemiae dogmata et experimenta illustrant, sedulo et attente frequentasse, diligentem quoque et judiciosum interfuisse cursui quo materies medica ostenditur et explicatur, nec unque a nobis fuisse absentem illis horis, quibus pathologiae generalis praecepta tradidimus, strenuum praeterea commilitonem egisse tam ubi plantae horti academici, quam ubi flora argentoratensis lustrabantur. Horum in fidem has litteras ea quae nobis in usu est subscriptione et sigillo facultatis nostrae jussimus roborari. Dedimus Argentorati idibus aprilis MDCCLXV. Decanus,

senior, doctores et professores facultatis medicae in universitate argentoratensi.

Nobilissimus dominus Iohannes Lepechin petropolitanus se mihi in collegio chemico aequè ac in excursionibus et demonstrationibus botanicis auditorem sedulum, attentum, judiciosum probare non intermittit, reliquam quoque quam inter nos agit vitam ita componit, ut nil nisi quod laudamus nobis exhibeat, idquod hac ipsa scheda bona fide de eodem testor. Dabam Argentorati VI julii MDCCLXIII. Iacobus Reinboldus Spielmann dr. et prof.

Collegium physiologicum, quod adorno, sedulus attentusque frequentat auditor Ioannes Lepechin petropolitanus. Haud vulgarem et in hac scientia jam partam cognitionem privatis sermonibus summa mentis laetitia mihi probavit; quamobrem commendatitias has litteras insignis doctrinae testimonium petitis honestis promto paratoque animo offerendas decrevi. I. F. Lobstein, md. dr. D. Argentorati; d. 1 julii 1763.

Nobilissimum dominum, Ioh. Lepechin, petropolitanum, meum in anatomicis auditorem, iis merito annumerandum esse, qui et indefessâ diligentiâ et optimâ morum indole se inprimis commendant, bona fide testor. Dr. Io. Pfeffinger, anatomiae atque chirurgiae professor. Argentorati; d. 2 julii 1763.

Nobilissimus dominus Iohannes Lepechin strenuus historiae naturalis cultor, lectionum mearum physicarum assiduus et diligens semper auditor fuit, suorumque in philosophia naturali profectuum me eo certiorem profiteor cum mihi in intimioribus, quae cum ipso institui, colloquiis nec modicam, nec vulgarem comprobaverit eruditionem. Hinc lubentissimus ei de scientia, quam sibi comparavit, gratulans, gaudeo vehementer me de ipsius studiis et industria tale judicium laturum, taleque testimonium ei concessurum esse, qualia omnes et singuli, quibus ejus meritu curae cordique sunt, sive exoptabunt sive expectabunt. In fidei meae signum et tesseram sigillum meum opposui. Iac. Lud. Schurer, pr. phys. p. o. Scr. Argent. 1763 die 26 jun.

242) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Протоколы 1767 года. Протоколъ 12 ноября 1767 года № 71: Herr doctor Lepechin überreichte der akademie seine zu Strassburg gedruckte dissertation de acetificatione, mit welcher er den grad eines doctors medicinae erlangt hatte.

243) Дѣла архива академической канцеляріи. № 270. Представленіе «профессора академіи наукъ» Протасова въ канцелярію академіи наукъ 7 іюня 1764 года.

244) Дѣла архива академической канцеляріи. № 537. Журналы коммиссіи академіи наукъ 1767 года. Журналъ № 835 и журналъ № 875.

245) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Протоколы 1768 года. Протоколъ № 30: Auf den vortrag sr. erlaucht des herrn directors, den h. dr. Lepechin zum adjunct der akademie zu erklären, wurden die stimmen der glieder gesammelt und einmüthig bejahenden befunden.

Дѣла архива академической канцеляріи. № 542. Журналы коммиссіи академіи наукъ 1771 года. Между журналами 195 и 196 — «Перечень изъ конференцскаго протокола императорской академіи наукъ апрѣля 8 дня 1771 года. Присланное отъ его сіятельства г. академіи директора графа В. Г. Орлова запечатанное письмо въ академическое собраніе, распечатано и прочитано въ ономъ. Экстраординарный академикъ анатоміи г. профессоръ Протасовъ отъ его сіятельства признанъ за искуснаго быть ординарнымъ членомъ, и по силѣ онаго письма дѣйствительно въ оные пожалованъ. По второму письму, посланному отъ его сіятельства къ секретарю конференціи, предложены собранію:

г. адъюнктъ Лексель академикомъ астрономіи,
г. адъюнктъ Крафтъ академикомъ экспериментальной физики,
г. адъюнктъ Лепехинъ академикомъ натуральной исторіи,
и г. адъюнктъ Гильденштедтъ также академикомъ натуральной исторіи;

и потомъ за ихъ искусство и извѣстныя заслуги отъ всѣхъ гг. присутствующихъ членовъ согласно за достойныхъ признаны быть пожалованы въ академики въ показанныхъ наукахъ».

246) Ср. Tableau général méthodique et alphabétique des matières contenues dans les publications de l'académie impériale des sciences de St.-Pétersbourg depuis sa fondation. I-re partie. Publications en langues étrangères. 1872, p. 205, 244, 390. — Въ иностранныхъ изданіяхъ петербургской академіи наукъ помѣщенъ двадцать одинъ мемуаръ Лепехина по естественнымъ наукамъ: двѣнадцать по ботаникѣ и девять по зоологіи. Всѣ мемуары изданы на латинскомъ языкѣ за исключеніемъ одного, переведеннаго съ русскаго — Réflexions sur la nécessité d'étudier la vertu des plantes indigènes. Статья, помѣщенная въ journal de physique подъ заглавіемъ: Description de differantes espèces de phoques (Journal de physique ou observations sur la physique, sur l'histoire naturelle, sur les arts etc., par m. l'abbé Rozier et par m. Mongez le jeune etc. t. XXVI, février, 1785, p. 132—139), есть переводъ академическаго мемуара: Phocarum species descriptae (Acta. 1777. Ps. I, p. 257—266).

Въ новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ помѣщены статьи Лепехина:

— Описаніе сельдянаго ходу, какъ и когда сельдей ловятъ; какимъ образомъ пріуготовляютъ и солятъ, и гдѣ оными отправляется торгъ. (1787 года, часть VIII, стр. 28—56; часть IX, стр. 30—46). Авторъ говоритъ: «Въ Бѣломъ морѣ и въ заливахъ Сѣвернаго океана, принадлежащихъ Россіи, великое множество ловятъ сельдей. Посему почелъ я стоющимъ труда дѣломъ помѣстить въ ежемѣсячныхъ отъ академіи издаваемыхъ сочиненіяхъ сіе описаніе какъ для любопытства обществу, такъ наипаче въ пользу сельдяныхъ нашихъ промысловъ».

— Описаніе аккулы (1790, ч. XLII, стр. 120—122).

— Размышленія о нуждѣ испытывать лѣкарственную силу собственныхъ произрастеній, въ собраніи санктпетербургской императорской академіи наукъ 1783 года марта 11 дня предложенныя (1795 г. Ч. CVII, стр. 23—66).

Въ Собраніи сочиненій, выбранныхъ изъ мѣсяцослововъ:

— О домашнихъ средствахъ, простымъ народомъ въ болѣзняхъ употребляемыхъ (1792 г. Часть IX, стр. 335—385).

Въ Академическихъ сочиненіяхъ, выбранныхъ изъ изданія академіи наукъ подъ названіемъ Nova acta:

— Описаніе мяты Патрейновой (1801 г. Ч. I, стр. 62—69). — Лепехинъ говоритъ въ этой статьѣ: «Г. Патрейнъ, бывшій нѣсколько лѣтъ въ Барнаулѣ, прилагалъ свое стараніе и о собраніи травъ, въ сей части Сибири растущихъ: съ неутомимостію разсматривалъ оныя, около Байкала и въ Даурскихъ хребтахъ растущія, и все, что примѣчанія достойнымъ ему казалося, за долгъ себѣ поставлялъ сообщать академіи

наукъ, будучи оныя корреспондентомъ. Изъ сообщаемыхъ имъ сѣмянъ во̀зрасла и описуемая мята, прозванная по имени своего изобрѣтателя *Патрейновою мятою*, произвольно около Байкала и на Даурскихъ хребтахъ растущая».

— О удобности китоваго промысла въ Россіи (1801 г. Ч. I, стр. 217—255).

Въ Технологическомъ журналѣ и въ Прибавленіи къ технологическому журналу:

— О жестерѣ или придорожной иголкѣ (Технологич. журн. 1804 г. Ч. I, стр. 26—37): «Жестеръ или придорожная иголка принадлежитъ къ кустамъ дикорастущимъ. У насъ вблизости находится онъ около Нарвы, обильно растетъ въ Сибири, по Волгѣ, и въ Таврической области по мѣстамъ углубленнымъ и мокроватымъ, но и по горамъ сухимъ и каменистымъ».

— О рыбѣ желѣзницѣ (Прибавл. къ технологич. журн. 1806 г. Ч. II, стр. 183—189).

Въ Трудахъ вольнаго экономическаго общества:

— О ржѣ или мѣдвяной росѣ (1771 г. Ч. XVII, стр. 96—105).

Въ указателѣ къ трудамъ вольнаго экономическаго общества (Алфавитный указатель статей, напечатанныхъ въ трудахъ и другихъ періодическихъ изданіяхъ императорскаго вольнаго экономическаго общества, составленный членомъ, академикомъ и заслуженнымъ профессоромъ, докторомъ медицины и хирургіи В. Всеволодовымъ. 1849, стр. 42) приписана Лепехину и статья о Вазинои ржи въ 48-й части трудовъ, 1793 года, и притомъ обозначена такимъ образомъ, какъ-будто она говоритъ объ одномъ и томъ же предметѣ. Но въ этой статьѣ сообщается Энгельгардтомъ (а не Лепехинымъ) извѣстіе не о ржѣ или мѣдвяной росѣ, а о такъ называемой Вазиной ржи, происходящей изъ Финляндіи и требующей такой же обработки, какъ и всякая другая озимая рожь; въ статьѣ говорится о наилучшемъ времени для посѣва Вазиной ржи, и т. п.

Краткое руководство къ разведенію шелка въ Россіи, сочиненное И. Л. Отдѣленіе первое. Издано попеченіемъ экспедиціи государственнаго хозяйства, опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства. Въ Санктпетербургѣ. При губернскомъ правленіи. 1798 года.

Способы къ отвращенію въ рогатомъ скотѣ падежа и средства, къ излѣченію сея болѣзни служащія, предложенныя академикомъ П. Лепехинымъ. Въ Санктпетербургѣ, при императорской академіи наукъ, 1800 года.

247) Академическія сочиненія, выбранныя изъ перваго тома Дѣяній императорской академіи наукъ подъ заглавіемъ: Nova acta academiae scientiarum imperialis petropolitanae. 1801. Ч. I, стр. 62—64.

248) Новыя ежемѣсячныя сочиненія. Часть CVII. Май 1795 года, стр. 24—30.

249) Академическія сочиненія, выбранныя изъ новыхъ актовъ. Ч. I, стр. 217—218.

250) Новыя ежемѣсячныя сочиненія. Ч. CVII, стр. 34—41.

251) Тамъ же, стр. 31—32.

252) Собраніе сочиненій, выбранныхъ изъ мѣсяцослововъ на разные годы. 1792. Часть IX, стр. 335—338, 354.

253) Новыя ежемѣсячныя сочиненія. Ч. CVII, стр. 62—63, 58—59.

254) Тамъ же, стр. 23—24.

255) Труды вольнаго экономическаго общества. 1771. Часть XVII, стр. 96—99.

256) Ср. Fragments biographiques, précédés d'études sur la vie, les ouvrages et les doctrines de Buffon, par Geoffroy Saint-Hilaire. 1838, p. 3—102.

Buffon. Histoire de ses travaux et de ses idées, par P. Flourens, membre de l'académie française et secrétaire perpétuel de l'académie royale des sciences, etc. Paris. 1844.

Ville de Montbard. Inauguration de la statue de Buffon. Dijon. 1865. Discours de m. Chevreul, membre de l'institut de France, professeur et directeur du muséum d'histoire naturelle, p. 10—21.

Cours de littérature française, par m. Villemain. Bruxelles. 1840. Tableau du dix-huitième siècle. Vingt-unième leçon. Buffon; caractère de son génie; comparé aux anciens; son influence et sa vie dans le dix-huitième siècle etc., p. 192—204.

257) Въ рѣчи своей при вступленіи во французскую академію Бюффонъ говоритъ: Bien écrire c'est tout à la fois bien penser, bien sentir et bien rendre; c'est avoir en même temps de l'esprit, de l'âme et du goût. Le style suppose la réunion et l'exercice de toutes les facultés intellectuelles: les idées seules forment le fond du style; l'harmonie des paroles n'en est que l'accessoire et ne depend que de la sensibilité des organes. Les ouvrages bien écrits seront les seuls qui passeront à la posterité. La quantité de connaissances, la singularité des faits, la nouveauté même des découvertes ne sont pas les sûrs garants de l'immortalité;

si les ouvrages qui les contiennent ne roulent que sur de petits objets, s'ils sont écrits sans goût, sans noblesse et sans génie, ils periront parceque les connaissances, les faits et les découvertes s'enlèvent aisement et gagnent même à être mis en oeuvre par des mains plus habiles. Ces choses sont hors de l'homme, *le style est de l'homme même.* Le style ne peut donc ni s'enlever, ni se transporter, ni s'altérer: s'il est élevé, noble, sublime, l'auteur sera également admiré dans tous les temps, car il n'y a que la vérité qui soit durable et même eternelle. Or, un beau style n'est tel, en effet, que par le nombre infini des vérités qu'il présente... Le sublime ne peut se trouver que dans les grands sujets. La poésie, l'histoire et la philosophie ont toutes le même objet et un très grand objet — l'homme et la nature...

258) Histoire naturelle, générale et particulière, avec la description du cabinet du roi. Paris. 1753. t. IV. Lettre de mm. les députés et syndic de la faculté de théologie à m. de Buffon; propositions d'un ouvrage qui a pour titre: histoire naturelle; réponse de m. de Buffon, etc. p. V—XVI.

259) Correspondance inédite de Buffon, à laquelle ont été réunies les lettres publiées jusqu'à ce jour, recueillie et annotée par m. Henri Nadault de Buffon, son arrière-petit-neveu. 1860, t. II, p. 394—395. Письмо Екатерины къ Бюффону отъ 5 февраля 1782 года.

Buffon. Histoire de ses travaux et de ses idées, par P. Flourens, p. 354—356. Письмо Бюффона къ Екатеринѣ отъ 15 декабря 1781 года.

260) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Протоколы 1787 года. Протоколъ 5 ноября 1787 года, № 64.

261) Дѣла архива академической канцеляріи. № 567. Журналы и дневныя записки 1795 года. Протоколъ 6 іюня 1795 года № 766: Поелику россійскій переводъ полныхъ сочиненій графа Бюффона печатаніемъ давно остановился за неполученіемъ оригинала, то въ ученое собраніе сообщить, чтобы изъ россійскихъ гг. академиковъ тѣ, къ наукѣ коихъ наиболѣе относятся слѣдующіе къ переводу томы помянутыхъ сочиненій, немедленно приняли на себя трудъ изданіемъ оныхъ къ выполненію высочайшей ея императорскаго величества на то воли. — Вопросъ о продолженіи перевода Бюффона былъ поднятъ въ отсутствіе Дашковой временно исправлявшимъ должность директора академіи наукъ П. П. Бакунинымъ.

Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Картонъ № 17. Пред

ставленіе въ конференцію, объясняющее причины пріостановки перевода, подписано академиками: Котельниковымъ, Румовскимъ, Протасовымъ, Лепехинымъ, Иноходцевымъ и Озерецковскимъ. Оно читано въ конференціи 18 іюня 1795 года, и отослано къ Бакунину. 2 іюля 1795 года послѣдовала резолюція: «преложеніемъ на отечественный нашъ языкъ оставить». (Дѣла архива академической канцеляріи. № 567. Протоколъ № 866, л. 303—305).

262) Всеобщая и частная естественная исторія графа де-Бюффона. Часть VI, преложенная съ французскаго языка на россійскій академикомъ Иваномъ Лепехинымъ. Первымъ тисненіемъ. Въ Санктпетербургѣ, иждивеніемъ императорской академіи наукъ, 1801 года. Предъизвѣщеніе отъ трудившагося въ преложеніи, стр. I—IV.

263) Buffon et Daubenton: Histoire naturelle, générale et particulière. Paris. 1753. Tome IV. Homo duplex, p. 69—72, 80—82, 83—85, 90—92, 99—100, 108—110. Всеобщая и частная естественная исторія графа де-Бюффона. Часть V, преложенная съ французскаго языка на россійскій академикомъ и ордена св. Владиміра кавалеромъ Иваномъ Лепехинымъ. Въ Санктпетербургѣ, иждивеніемъ императорской академіи наукъ, 1792 года, стр. 276—278, 286—287, 289—290, 296—297, 303—304, 312—314.

264) Редакція академическаго журнала — Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненій возлагаема была на академиковъ. Въ числѣ редакторовъ были одинъ за другимъ академики Румовскій и Протасовъ (ср. Ученыя записки по первому и третьему отдѣленіямъ. 1852. Т. I. Выпускъ I, стр. XCI). Втеченіе нѣкотораго времени редакторомъ былъ и Лепехинъ. Въ протоколѣ конференціи 1796 года № 66 говорится, что Лепехинъ выбралъ статьи для майской книжки Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненій, и т. д. Въ составъ этой книжки вошли слѣдующія статьи: дневныя записки Шангина, занимавшагося описаніемъ рѣкъ и пріисковъ въ Алтайскомъ хребтѣ; описаніе мѣстъ, лежащихъ по рѣкѣ Амурѣ; нѣсколько переводовъ съ французскаго и нѣмецкаго: Виланда пѣснь о правосудіи Божіемъ; статья о тюльпанѣ, въ которой указывается небывалое явленіе въ исторіи торговли: въ семнадцатомъ столѣтіи цѣна на тюльпаны достигла въ Голландіи такихъ баснословныхъ размѣровъ, что за одну луковицу обязывались заплатить 4,000 флориновъ; у кого не было денегъ для покупки тюльпановъ, тотъ закладывалъ для этого движимое и недвижимое имущество, домъ и дворъ, скотъ и платье. Въ книжкѣ помѣщено, по обычаю и вкусу того времени, нѣсколько сантиментальныхъ стихотвореній: къ другу, лишившемуся жены и въ то же время брата, котораго

убили на войнѣ; къ Хлоѣ, плачущей о голубкѣ; есть и рондо съ нѣкоторымъ сатирическимъ оттѣнкомъ:

Мой лютый рокъ таковъ! картежникъ отвѣчаетъ,
Коль карта все его имѣнье похищаетъ;
Впослѣднее гласитъ, отставъ отъ игроковъ:
Мой лютый рокъ таковъ!
Мой лютый рокъ таковъ! и пьяница вѣщаетъ,
За пьянство если онъ побои получаетъ;
Кричитъ, боль чувствуя отъ жидкихъ батоговъ:
Мой лютый рокъ таковъ!

265) Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи, служащій дополненіемъ къ словарю писателей духовнаго чина, составленному митрополитомъ Евгеніемъ. Изданіе И. Снегирева. 1838. Т. I, стр. 11—12. — Сочиненія и изданія Михаила Ивановича Антоновскаго указаны также въ Росписи россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки Смирдина, 1828 года, составленной Анастасевичемъ.

266) Новѣйшее повѣствовательное землеописаніе всѣхъ четырехъ частей свѣта, съ присовокупленіемъ самаго древняго, и ученія о сферѣ, также и начальнаго для малолѣтныхъ дѣтей ученія о землеописаніи. Россійская имперія описана статистически, какъ никогда еще не бывало. Въ Санктпетербургѣ, при императорской академіи наукъ, 1795 года. Предувѣдомленіе, стр. IX—X. — Повѣствовательное описаніе состоитъ изъ пяти частей. Въ концѣ пятой части помѣщенъ общій указатель предметовъ: странъ, городовъ, рѣкъ, морей, острововъ и т. д., упоминаемыхъ въ книгѣ.

267) Повѣствовательнаго землеописанія часть III, стр. 222—225.

268) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Картонъ № 18. Бумаги 1796 года. Отзывъ Лепехина о повѣствовательномъ землеописаніи читанъ былъ въ конференціи академіи наукъ 20 октября 1796 года.

269) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Протоколы 1782 года. Объясненіе Лепехина приложено къ протоколу 21 октября 1782 года; на объясненіи помѣтка: lu à la conférence académique le 24 octobre 1782 et remis aux archives pour être joint au protocolle № 66 du 21 octobre.

Въ архивѣ академической канцеляріи сохранился слѣдующій собственноручный рапортъ Лепехина, касательно гимназіи, въ

учрежденную при академіи наукъ коммиссію: «Въ гимназіи употребляемая книга *Нума* для переводу на иностранные языки уже вся переведена, и учители требуютъ другой книги; то я почитаю способными на такой конецъ сочиненія, а особливо рѣчи покойнаго господина статскаго совѣтника Михайлы Васильевича Ломоносова, которыхъ и прошу приказать выдать два экземпляра для употребленія въ гимназіи, да сверхъ оныхъ Роллепова сочиненія переведенныя книги о способѣ *учить и учиться словеснымъ наукамъ*, которыя на такой же конецъ употреблены быть могутъ. А. Иванъ Лепехинъ. 1780 году, февраля 10 дня». Коммиссія академіи наукъ постановила: «Требуемыя г. академикомъ Лепехинымъ въ гимназію для упражненія гимназистовъ въ переводахъ на иностранные языки по два экземпляра сочиненій покойнаго статскаго совѣтника Михайла Васильевича Ломоносова и Ролленовыхъ, на россійскій языкъ переведенныхъ, первыхъ четырехъ частей, кои уже напечатаны, о способѣ учить и учиться словеснымъ наукамъ, выдать ему, г. академику Лепехину, изъ книжной лавки, переплетя оныя напередъ въ обыкновенный для гимназіи переплетъ». (Входящія дѣла; картонъ № 150).

Въ бумагахъ питомца Лепехина по академической гимназіи, впослѣдствіи члена россійской академіи, Василія Алексѣевича Полѣнова, сына Алексѣя Яковлевича Полѣнова, университетскаго товарища Лепехина, уцѣлѣла собственноручная замѣтка Лепехина: «Грамматикѣ учатся для того, чтобы умѣть различать времена и падежи. Трудившійся въ переводѣ всегда смѣшиваетъ времена, и вмѣсто настоящаго или будущаго ставитъ прошедшее, и проч. Всякое преложеніе съ одного языка требуетъ рачительнаго вниманія и точнаго разбирательства смысла, что̀ трудившійся въ семъ переводѣ, можетъ быть, считалъ за мелочь. Впрочемъ, начальный трудъ похваленъ, и я желаю видѣть дальнѣйшія сего рода произведенія. И. Лепехинъ. Іюня 27 дня 1789». Замѣтка Лепехина обязательно сообщена намъ Дмитріемъ Васильевичемъ Полѣновымъ.

270) Всеобщая и частная естественная исторія графа де-Бюффона. Часть X. Преложена съ французскаго языка на россійскій академикомъ

Ивановъ Лепехинымъ. Издана экстраординарнымъ академикомъ и кавалеромъ А. Севастьяновымъ. Первымъ тисненіемъ. Въ Санктпетербургѣ, иждивеніемъ императорской академіи наукъ, 1808 года, стр. VII—VIII.

271) Полное собраніе законовъ россійской имперіи. Т. XXVII, стр. 787. № 20—863. Уставъ академіи наукъ, 25 іюля 1803 года.

272) Полное собраніе ученыхъ путешествій по Россіи, издаваемое императорскою академіею наукъ. 1818. Т. I, стр. XI—XII и др. Дѣла архива академической канцеляріи. Картонъ № 29. Непереплетенныя дѣла 1768 года.

А.

Изъ вольнаго экономическаго общества въ учрежденную при императорской академіи наукъ коммиссію.

Вольное экономическое общество, пріемля съ благодарностію сообщенное ему отъ императорской академіи наукъ благосклонное извѣстіе объ отправляемыхъ отъ ея въ разныя провинціи россійской имперіи экспедиціяхъ для натуральной исторіи, съ тѣмъ предложеніемъ, что, если сіе общество имѣетъ что-нибудь показать полезное предводителямъ оныхъ экспедицій для произведенія ихъ намѣренія съ большимъ успѣхомъ въ изслѣдованіи натуральныхъ вещей, сообщило бы о томъ въ учрежденную при академіи наукъ коммиссію; въ слѣдствіе чего вольное экономическое общество симъ и предлагаетъ съ своей стороны для сообщенія отправляющимся онымъ отъ академіи наукъ экспедиціямъ слѣдующія примѣчанія:

1) Назначенной въ оренбургскую губернію экспедиціи можно препоручить, чтобы въ разныхъ мѣстахъ помянутой губерніи, а особливо въ уральскихъ горахъ наиточнѣйше изслѣдовать: не находятся ли тамъ довольно минераловъ и земли потребной къ заведенію квасцовыхъ варницъ; для того, что въ семъ государствѣ расходится великое множество квасцовъ, такъ, что ежегодно знатная сумма денегъ изъ государства выходитъ на привозимые изъ другихъ земель квасцы. А нельзя того думать, что бы въ такомъ

государствѣ, въ которомъ находится изобиліе почти всѣхъ металловъ, минераловъ, селитры и другихъ родовъ земли, не было и потребныхъ родовъ земли къ варенію квасцовъ.

2) Но какъ и въ селитреныхъ заводахъ никогда излишества воспослѣдовать не можетъ, сколь бы много ихъ заведено ни было, потому что селитра есть такой товаръ, котораго ищутъ во всей Европѣ, и всегда на оную бываетъ великій расходъ, сколько бы оной ни было въ запасѣ; то и на сіе должно устремить помыслъ свой: не находятся ли въ какихъ мѣстахъ пригодные къ тому роды земли, присовокупя при томъ примѣчаніе: есть ли въ такихъ мѣстахъ и лѣсъ для заведенія тамъ полезныхъ селитреныхъ варницъ, или находятся такіе роды земли близъ рѣкъ, чтобы выгоднѣе было оныя ставить въ такія мѣста, гдѣ есть много лѣсу, и гдѣ такія варницы завести можно?

3) Съ прилежностію изслѣдовать свойство разной земли въ тамошнихъ мѣстахъ, дабы чрезъ то спознать, можно ли, кромѣ обыкновенныхъ родовъ хлѣба, который тамъ родится, развести со временемъ и другіе полезные продукты, какъ то шафранъ, сарачинское пшено, хлопчатую бумагу, марену или другія красильныя травы, которыя гораздо способнѣе, нежели хлѣбъ, можно бы привозить въ приморскія гавани.

4) А какъ членъ нашего общества господинъ статскій совѣтникъ Рычковъ прислалъ пробы не токмо канцелярнаго сѣмени, которое добротою нарочито подходитъ къ настоящему американскому канцелярному сѣмени, но и нѣсколько родовъ неизвѣстныхъ сѣмянъ, которыя изобильны масломъ, и тамъ ростутъ дикія не малымъ числомъ: то весьма бы полезно было, если бы отправляющейся изъ академіи наукъ экспедиціи препоручено было, сіи вещи въ тѣхъ мѣстахъ изслѣдовать, и собрать надлежащее извѣстіе: подлинно ли великое множество тамъ находится сего канцелярнаго сѣмени, называемаго по тамошнему червецъ, и такъ называемаго воробьинаго сѣмени; и можно ли столь легко пересылать, чтобы пересылка не превосходила цѣны, и слѣдовательно возможно бы было заподлинно разсуждать, что сей опытъ, или изо-

брѣтеніе достойно ли того, чтобы почесть за одну только куріозность, или за такой предметъ, который государству можетъ быть полезенъ.

5) Назначенной въ астраханскую губернію экспедиціи препоручить бы также не токмо помянутые пункты, но чтобы оная экспедиція изслѣдовала рачительно и подсудныя къ той губерніи, лежащія въ тепломъ климатѣ, провинціи: не можно ли сарачинское пшено, хлопчаную бумагу, оливки и всякія красильныя травы, которыя растутъ только въ теплыхъ земляхъ, развести и тамъ съ пользою, потому что какъ скоро по свойству земли и тамошняго климата будетъ оное возможно, труды довольно наградятся. И такъ надлежитъ свой помыслъ обратить и на разведеніе оныхъ продуктовъ, ибо всѣ сіи продукты суть такого свойства, что можно ихъ весьма способно возить въ отдаленныя мѣста, и тамъ продавать также съ прибылью.

6) Какъ въ провинціяхъ астраханской губерніи и въ лежащихъ вдоль по Дону мѣстахъ, слышно, разведены уже нарочитые виноградные сады; но сказываютъ, что тамошнее виноградное вино скоро портится, и не имѣетъ надлежащей крѣпости; то хорошо бы помянутой экспедиціи препоручить, рачительно изслѣдовать: не происходятъ ли такіе недостатки отъ свойства земли, или паче отъ неискуснаго приготовленія и заквашиванія вина, или отъ недостатка пригодной посуды, хорошихъ погребовъ и сему подобнаго. Какъ вино худо ни было, однако учинить тамъ опыты: не можно ли изъ онаго съ прибыткомъ гнать подобную французской водку, а посредствомъ такого опыта, если оный удастся, можно будетъ въ государствѣ соблюсти знатную сумму денегъ, которая ежегодно выходитъ на французскую водку.

7) Описать состояніе астраханскихъ виноградныхъ садовъ и весь порядокъ въ присмотрѣ за виноградными лозами и ихъ растеніемъ.

8) Въ обоихъ губерніяхъ, особливо въ астраханской, высмотрѣть и описать всѣ мѣста, гдѣ, по выгодности ихъ положенія и по состоянію климата въ сравненіи съ европейскими странами,

заведены быть могутъ виноградные сады, тутовыя и каштанныя деревья, и другія симъ подобныя полезныя произращенія.

9) По всѣмъ трактамъ ихъ путешествія разсматривать и описывать, какія имъ отъ обывателей объявлены будутъ травы, коренья, плоды и сѣмена: 1) цѣлительныя людямъ и скоту, и отъ какихъ именно болѣзней; 2) вредныя здоровью, и какія отъ оныхъ могутъ быть дѣйствія и припадки; 3) употребительныя къ составленію разныхъ красокъ; какимъ образомъ оныя приготовляются, и что именно ими красятъ?

10) По причинѣ постовъ нигдѣ въ свѣтѣ такого множества разныхъ родовъ грибовъ въ пищу не употребляютъ, какъ въ Россіи; а какъ между грибами есть многіе человѣческому здоровью вредные и ядовитые, отъ которыхъ часто бываютъ печальные случаи, то всѣ оные разные роды какъ безвредныхъ, такъ и вредныхъ срисовать и описать, собирая притомъ всѣ различныя имъ наименованія по разности провинцій.

11) Осмотрѣть и описать бугристыя мѣста, которыя, по ихъ положенію, по качеству растущей на нихъ травы и по прочимъ натуральнымъ выгодамъ и обстоятельствамъ, къ заведенію овчарныхъ заводовъ удобны быть могутъ.

12) Калмыки и другіе степные народы изъ нѣкотораго рода крапивы дѣлаютъ пряжу, на всякую свою потребу: того ради постараться достать сѣмянъ оной крапивы, и описать, какимъ образомъ упомянутые народы въ приготовленіи той пряжи поступаютъ.

13) Ѣдучи по Волгѣ и доѣзжая по берегу Каспійскаго моря до Яика описать рыбные промыслы со всѣми до натуральной исторіи каждой рыбы касающимися обстоятельствами, также образъ соленія рыбъ и икры.

14) Взять отсюда нѣсколько пудовъ гишпанской соли, а паче илецкой соли для учиненія ею опыту соленіемъ рыбы на мѣстѣ; притомъ подумать о способахъ, какіе служить могутъ къ приготовленію такимъ образомъ соленой рыбы, чтобъ годилась въ отпускъ къ портамъ и за море.

15) Вездѣ, гдѣ проѣзжать будутъ, описывать свойство кли-

мата, преимущества и недостатки земли къ хлѣбородію, и однимъ словомъ—все, что касаться можетъ до хлѣбопашества и произращенія земныхъ продуктовъ.

Въ какомъ состояніи находится хлѣбопашество въ тамошнихъ мѣстахъ; и нѣтъ ли въ томъ какой разности противъ того, какъ оное обыкновенно производится около Санктпетербурга и Москвы. Въ чемъ состоитъ оная разность, и есть ли отъ ней превосходная въ чемъ польза. Сдѣлать модели или рисунки съ сохи и съ прочихъ употребляемыхъ при земледѣльчествѣ инструментовъ?

16) Въ казанской губерніи есть такія мѣста, гдѣ гулящіе по полю лошади землю съѣдаютъ до нѣсколькихъ вершокъ, изъ чего заключается, что въ тѣхъ мѣстахъ должна быть подъ землею соль или какой-нибудь иной пріятный имъ минералъ. А о семъ удостовѣриться можно чрезъ опыты, дѣлаемые земнымъ буравомъ, которымъ уповательно снабдена будетъ каждая изъ сихъ экспедицій.

17) Гдѣ найдутъ или отъ обывателей имъ объявлены будутъ отмѣннаго отъ простой воды вкусу, ключевыя, рѣчныя или озерныя воды, то надъ оными дѣлать опыты, чтобъ узнать, не окажутся ли такія цѣлительныя и минеральныя воды, каковы на примѣръ зельцерскія, спашскія, пирмонтскія и тому подобныя.

18) О Каспійскомъ морѣ сказываютъ, будто вода въ ономъ при сѣверныхъ и восточныхъ берегахъ чрезъ нѣкоторое число лѣтъ убываетъ, и на противоположенномъ берегу прибываетъ, и такъ взаимно.

19) Описаніе, какимъ образомъ въ тамошнихъ рѣкахъ рыбная ловля производится?

20) Какъ добывается соль плецкая, и какого она свойства?

21) Какъ дѣлается разныхъ качествъ мыло, наприм: въ Арзамасѣ?

22) Какимъ способомъ гасятся степные пожары?

23) Какъ калмыки воспитываютъ дѣтей своихъ?

24) Какъ производятъ они скотоводство свое?

25) На какое употребленіе пользуются жители оренбургской губерніи дикими вишнями?

26) Описать растущія въ тамошнихъ степяхъ дикія спаржи?

27) Описать обстоятельно тамошнихъ дикихъ лошадей; какъ ихъ ловятъ, и къ ѣздѣ и къ работѣ пріучаютъ?

28) Въ чемъ состоитъ земледѣліе у башкирцовъ, черемисовъ, чувашъ и у крещеныхъ калмыкъ въ Ставрополѣ?

29) Не сыщется ли гдѣ кобальтъ, висмутъ, оловянная и свинцовая руда?

30) Не находятся ли и не употребляются ли гдѣ особливыя травы на паству и на кормъ скоту?

31) Молоко коровье и козье разнымъ ли образомъ употребляютъ, и какимъ именно, и дѣлаютъ ли сыръ, и какимъ образомъ?

32) Какъ содержатъ овецъ зимою?

33) Въ чемъ состоятъ лучшіе испытанные ихъ способы къ пользованію скота отъ приключающихся болѣзней?

34) Для наилучшаго сбереженія хлѣба куда оный кладутъ, и какъ отъ поврежденія, также отъ крысъ, мышей и червя сохраняютъ?

35) Шерсть какимъ образомъ обыкновенно чистятъ, и какъ заготовляютъ пряжу? Какіе вязутъ чулки? вязутъ ли только или ткутъ.

36) Шерсть и сдѣланные изъ всякой пряжи товары чѣмъ красятъ. Употребляютъ ли на то простыя дикія растенія, или сѣютъ оныя, или выкапываютъ на то краски изъ земли?

37) Въ какихъ мѣстахъ и какимъ образомъ выдѣлываютъ разныя кожи наилучше и дешевле, кромѣ извѣстныхъ юфтяныхъ и другихъ кожевныхъ заводовъ?

4 іюня 1768.

Б.

Промеморія.

Изъ государственной медицинской коллегіи въ учрежденную при императорской академіи наукъ коммисію.

По указу ея императорскаго величества, въ государственной медицинской коллегіи, по сообщенію изъ оной коммисіи минувшаго апрѣля 27-го о посылкѣ нѣкоторыхъ господъ профессоровъ въ разныя мѣста для изслѣдованія натуральной исторіи, съ объявленіемъ, не имѣетъ ли медицинская коллегія препоручить имъ особливой какой задачи, опредѣлено: въ оную коммисію сообщить промеморію, и объявить, что медицинская коллегія какъ на подлежащія къ изслѣдованію натуральныхъ вещей господъ профессоровъ пріуготовленія и инструкцію самой академіи, такъ на ихъ же самихъ прозорливость и разсужденіе во всемъ совершенно полагается, и уповаетъ, что опредѣленные къ исправленію сего дѣла господа профессоры не преминутъ примѣчать все то, что въ общежитіи полезно, и прибыль государству принести можетъ; а особливо испытывать все то, что до мануфактуръ, фабрикъ и другихъ рукодѣльныхъ упражненій касается. Но какъ есть многія вещи, о которыхъ хотя и извѣстно, что оныя находятся, однако никогда, можетъ быть, объ нихъ особливо разсуждаемо не было; то государственная медицинская коллегія, въ удовольствіе учиненнаго сего отъ академіи наукъ запроса, желала бы между прочимъ препоручить особливо оренбургской экспедиціи изслѣдованіе находимаго тамъ часто натуральнаго нашатыря съ обстоятельнымъ описаніемъ мѣста, въ которомъ оный находится, о собираемомъ количествѣ онаго, и о прочемъ, что къ изслѣдованію натуральныхъ свойствъ онаго принадлежитъ. Також де коллегія желала бы имѣть обстоятельное извѣстіе о собираемомъ и употребляемомъ тамъ водяномъ клеѣ [камеде], который сюда въ прошломъ 1767 году присланъ, и по учиненнымъ наблюденіямъ усмотрѣнъ, что, выключая чистоту, оный почти совсѣмъ съ клеемъ такъ называемымъ *гумми сенегаль арабикумъ* сходенъ. Все сіе должно бы изслѣдовать и показать, съ одного ли роду деревъ клей сей собирается, или съ разныхъ, и коликое число онаго ежегодно собираться можетъ. Не меньше вниманія обратить бы должно и на разсмотрѣніе находящихся около Астрахани источниковъ и родниковъ, а особливо

доискиваться, не можно ли открыть тамъ какихъ-нибудь признаковъ бывшаго въ прежнія времена столь славнаго петровскаго цѣлительнаго источника, и гдѣ оный примѣченъ будетъ, описать обстоятельно находящуюся въ окрестности его землю. А посему откроется, можетъ быть, и причина, зачѣмъ тамошнее вино не имѣетъ долговременной крѣпости, и не оставляетъ, какъ обыкновенно, на днѣ виннаго камня. Примѣчанія достойна такожде и находимая въ сей губерніи краска, называемая мореня [lat: rubia tinctorum], которая собирается около Астрахани и въ другихъ мѣстахъ, разводъ и пріуготовленіе которой не малую купечеству пользу принести можетъ. Сверхъ сего не малое бы сдѣлали господа профессоры медицинской коллегіи удовольствіе, ежели бы пожелали дѣлать нѣкоторыя и о эпидемическихъ болѣзняхъ наблюденія, сколько, то есть, сіе по физическому знанію всегда предпринять можно, а особливо изслѣдовать бы и описать нѣкоторый родъ болѣзни, извѣстный у древнихъ грековъ подъ именемъ лепра (проказа), которая часто внутрь и около Астрахани случается, и о которой медицинская коллегія еще и доселѣ не могла получить обстоятельнаго извѣстія. И учрежденная при императорской академіи наукъ коммисія благоволитъ учинить о томъ по ея императорскаго величества указу. Мая 25-го дня 1768 года.

B.

Изъ государственной комерцъ-коллегіи въ учрежденную при императорской академіи наукъ коммисію промеморія.

На сообщеніе оной коммисіи сего году апрѣля отъ 24 дня о сообщеніи во оную къ свѣдѣнію отправляющимся по высочайшему ея императорскаго величества повелѣнію въ разныя мѣста здѣшняго государства при экспедиціяхъ для натуральной исторіи начальникамъ ежели комерцъ-коллегія имѣетъ что-нибудь по вѣдомству ея для удобнѣйшаго произведенія въ дѣйство ихъ изысканія въ разсужденіи натуральной исторіи или надѣется сама по

случаю такого ихъ путешествія обратить чрезъ ихъ что-нибудь въ государственную пользу, — комерцъ-коллегія за должное почитаетъ, похваляя оной коммисіи полезныя и похвальныя ея старанія, объявить слѣдующее: Какъ въ сіи экспедиціи безъ сумнѣнія употреблены люди ученые, которыхъ, какъ въ сообщеніи показано, главный предметъ—описывать и собирать не токмо всякихъ родовъ растенія и животныя; но изыскивать таковде всякіе минералы, руды, камни, земли, соли и все то, что можетъ служить къ распространенію исторіи натуральной: комерцъ-коллегія хотя бы и желала притомъ поручить имъ сдѣлать примѣчаніе о теченіи производимыхъ въ Астрахани, Кизлярѣ, Казани, Оренбургѣ и при сибирскихъ пограничныхъ таможняхъ торговъ, и не могутъ ли сыскаться каковые способы въ тѣхъ мѣстахъ торги, по состоянію положенія каждаго мѣста, распространить и поправить; но симъ обременить ихъ удерживается, предоставляя, если возможно будетъ, о томъ тѣмъ отправляющимся дать повелѣніе отъ той коммисіи. Равномѣрно при проѣздѣ тѣхъ экспедицій чрезъ бѣлогородскую, воронежскую, казанскую и нижегородскую губерніи состоящія во оныхъ губерніяхъ казенныя поташныя фабрики осмотрѣть, съ таковымъ же примѣчаніемъ, дабы казна приходящую отъ тѣхъ фабрикъ прибыль безъ истребленія годныхъ лѣсовъ получать могла. Между знатнѣйшими товарами, кои азіатскіе народы изъ Россіи получаютъ, и кои жъ изъ другихъ европейскихъ областей сюды привозятся, наиглавнѣйшіе суть: 1) разныхъ родовъ краски, особливо же брусковая и консенельная, изъ коихъ же въ прошедшемъ 1767 году чрезъ пограничныя таможни въ Азію пошло по цѣнѣ слишкомъ на сто на тридцать тысячъ рублевъ; 2) всякихъ сортовъ суконъ, а особливо каковые въ Персіи употребляютъ, въ томъ же году туда отвезено по цѣнѣ около ста шестидесяти тысячъ рублевъ. А какъ изъ сего заключить можно, сколь бы полезно то для Россіи было, если бы толь знатной суммы годовый отпускъ изъ россійскихъ продуктовъ, растеній и рукодѣлій происходилъ, къ достиженію же чего служить могло бы прилежное и тщательное испы-

тованіе удобныхъ для красокъ растеній, травъ и кореньевъ, тако жъ заведеніе при удобныхъ мѣстахъ овчаренъ,— о чемъ, комерцъ-коллегія уповаетъ, мануфактуръ-коллегія, яко до нея касательномъ дѣлѣ, равнымъ же образомъ и бергъ-коллегія, до коей изыскиваніе рудъ и металловъ принадлежитъ, не преминули въ учрежденную при императорской академіи наукъ коммисію сообщить потребныя примѣчанія. Въ 10 день іюня 1768 года.

273) Первая часть путешествія Лепехина, подъ заглавіемъ: Дневныя записки путешествія доктора и академіи наукъ адъюнкта Ивана Лепехина по разнымъ провинціямъ россійскаго государства въ 1768 и 1769 году, — вышла въ свѣтъ въ 1771 году; вторымъ тисненіемъ — въ 1793 году.

Вторая часть подъ заглавіемъ: Продолженіе дневныхъ записокъ путешествія академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разнымъ провинціямъ россійскаго государства въ 1770 году, — вышла въ 1772 году; вторымъ тисненіемъ — въ 1802 году.

Третья часть подъ заглавіемъ: Продолженіе дневныхъ записокъ путешествія Ивана Лепехина, академика и медицины доктора, вольнаго экономическаго въ С. П., друзей природы испытателей въ Берлинѣ и гессенгомбургскаго патріотическаго, обществъ члена, по разнымъ провинціямъ россійскаго государства въ 1771 году, — вышла въ 1780 году; второе изданіе — въ 1814 году.

Четвертая часть подъ заглавіемъ: Путешествія академика Ивана Лепехина часть IV, въ 1772 году,— вышла въ 1805 г. Описаніе путешествія Лепехина оканчивается извлеченіемъ изъ рукописной лѣтописи соловецкаго монастыря. Издатель четвертой части, академикъ Озерецковскій, говоритъ въ ней: «Покойный академикъ Иванъ Ивановичъ Лепехинъ не окончилъ своего путешествія или дневныхъ записокъ, которыхъ при жизни его отпечатано десять листовъ. Онъ остановился при концѣ исторіи соловецкаго монастыря, о которомъ оставалось сказать только то, что симъ листомъ начато. Окончаніе сіе взято изъ письменнаго лѣтописца; послѣ покойнаго жъ Лепехина никакихъ записокъ не нашлося. Потому далѣе пойдетъ описаніе собственнаго моего путешествія по Бѣлому морю» (стр. 81). Описаніе путешествія Озерецковскаго начинается съ 14 іюня 1772 года: «Изъ Двины въ Бѣлое море въѣхалъ я на моей шнякѣ Березовскимъ устьемъ, при которомъ находится Новодвинская крѣпость, описанная выше г. Лепехинымъ» и т. д.

Новое изданіе путешествія Лепехина вышло въ 1821—1822 годахъ

въ третьемъ, четвертомъ и пятомъ томахъ полнаго собранія ученыхъ путешествій по Россіи, издаваемаго академіею наукъ. Въ предисловіи говорится слѣдующее: «Издатели оставили въ цѣлости всю нить повѣствованія академика Лепехина. Но за нужное почли, въ силу инструкціи имъ данной, учинить слѣдующія небольшія перемѣны къ вящшей пользѣ читателей. А именно:

1) Поелику записки сіи писаны сплошь безъ разстановокъ, и потому читатель нигдѣ не находитъ, такъ сказать, мѣста отдохновенія въ чтеніи, отчего не рѣдко и самыя важнѣйшія наблюденія и примѣчанія остаются незамѣтными или какъ бы сокрытыми; то по примѣру прочихъ знаменитыхъ путешественниковъ, какъ-то Соссюра и друг., распредѣлены оныя на части и главы.

2) Дабы не обременять читателя посторонними мелочами и чрезъ то не отвлекать вниманія отъ важнѣйшихъ предметовъ, выпущена здѣсь большая часть того, что къ существу дѣла не принадлежитъ, какъ-то частыя повторенія о перемѣнѣ подводъ, о погодахъ, пріемахъ, угощеніяхъ, и т. п.

3) Слогъ сочинителя оставленъ безъ перемѣны за исключеніемъ нѣкоторыхъ, нынѣ уже обветшалыхъ выраженій и излишнихъ пословицъ.

4) Мѣста, требовавшія поясненія, дополнены, гдѣ нужно было, примѣчаніями по новѣйшимъ наблюденіямъ».

274) Дневныя записки путешествія Лепехина. 1780. Ч. III, стр. 62—63, 67—68, 44—45.

275) Лепехинъ «употреблялъ почти всегда названія простонародныя, которыя иногда совсѣмъ не соотвѣтствуютъ родамъ, въ системѣ принятымъ». (Полное собраніе ученыхъ путешествій по Россіи. 1821. Т. III, стр. 321). Самъ Лепехинъ говоритъ: «Весь родъ тѣхъ рыбъ, которыхъ писатели исторіи натуральной называютъ *ципринами* (cyprinus), назвалъ я *чебакомъ* потому, что разныя изъ сего рода рыбы симъ въ Сибири называются именемъ». (Дневныя записки путешествія Лепехина. 1802. Ч. II, стр. 309) и т. д.—Въ предлагаемомъ указателѣ названій растеній и животныхъ сдѣланы ссылки на слѣдующія изданія путевыхъ записокъ Лепехина (римскія цифры означаютъ части, арабскія—страницы):

I—Дневныя записки путешествія доктора и академіи наукъ адъюнкта Ивана Лепехина по разнымъ провинціямъ россійскаго государства. Часть I. Вторымъ тисненіемъ. 1795.

II—Вторая часть дневныхъ записокъ путешествія академика и медицины доктора Ивана Лепехина. Вторымъ тисненіемъ. 1802.

III—Третяя часть дневныхъ записокъ путешествія Ивана Лепехина. 1780.

IV—Путешествія академика Ивана Лепехина часть IV. 1805.

Растенія.

Адамова голова — mandragora. II, 217, 314.
» » eryngium campestre. III, 192.
Азіатскій слѣпокурникъ — ranunculus asiaticus. III, 62.
Алопекуроидесъ (сплюснутый горохъ)—astragalus alopecuroides. I, 386.
Альпійская будра — arabis alpina. III, 117.
Альпійская львова лапа — alchemilla alpina. III, 117.
Альпійская трава — draba alpina. III, 104.
Альпійская эрингія — eryngium alpinum. I, 426.
Альпійскій гіерацій — hieracium alpinum. III, 117.
Альпійскій горохъ — hedysarum alpinum. III, 117.
Альпійскій куколь — lychnis alpina. III. 104.
Аѳаманта церварія — athamanta cervaria. I, 424.

Багульникъ — andromeda calyculata et polifolia. III, 55. — IV, 32.
Балдырьянъ — valeriana officinalis. III, 227.
Баранецъ — lycopodium selago. I, 29.
(боранецъ) — onosma simplicissima. III, 38.
Бараній языкъ — onosma simplicissima. I, 189.
Бараній языкъ (шероховатолистный) — onosma echiodes. I, 318.
Барская спесь — lychnis chalcedonica. I, 122.
Бартзіа блѣдная — bartsia pallida. III, 109.
Бархатъ (или *скерда*) — crepis sibirica. III, 201.
Безлистая анабазисъ — anabasis aphylla. I, 502.

Гіерацій — hieracium murorum. III, 312.
Гладкая франкенія — frankenia laevis. I, 412.
Годовой скрыпунъ — sedum annuum. III, 116.
Голубика — vaccinium uliginosum. II, 253.
Голубиный пущъ — geranium columbinum. III, 66.
Голубица — vaccinium uliginosum. III, 58, 104.
Горная буквица — lagotis glauca. III, 117.
Горная дрема — lagotis glauca. III, 104.
Горная повилица — dryas octopetala. III, 104.
Горная фіалка (*фіолка*) — viola montana. III, 109.
Горный василекъ — svertia perennis. III, 105.
Горный куколь — silene rupestris. III, 75.
Горный ленъ — linum perenne. III, 136.
Горный трилистникъ — trifolium montanum. III, 232.
Гороховникъ — lathyrus pisiformis. III, 75.
Гравилатъ — geum urbanum. IV, 32.
Гребникъ — geum urbanum. III, 123.
Грецкій балдырьянъ — polemonium coeruleum. III, 62, 123.
Грушица — pyrola secunda. III, 238.
Грушовка — pyrola secunda. III, 119.
Грушовка круглолистая — pyrola rotundifolia. III, 119.
Грушовка одноцвѣтная — pyrola uniflora. III, 119.
Грушовка подсолнечная — pyrola umbellata. III, 119.
Грушовка, у которой цвѣты по одному боку стебля расположены — pyrola secunda. III, 281.
Гулявица (или *рябинка*) — achillaca millefolia. I, 77.

Двулистный ландышъ — convallaria bifolia. III, 81, 123.
Двулѣтній горохъ — vicia biennis. I, 381.
Двулѣтній журавлиный горохъ — vicia biennis. I, 356.
Двуцвѣтная ирь — iris biflora. I, 300.
Двуцвѣтная песочница — stellaria biflora. III, 38.
Двуцвѣтная фіолка — viola biflora. III, 104.
Двуцвѣтный ландышъ — convallaria biflora. III, 62.

Кавылъ — stipa pinnata. I, 300.
Калмыцкій ладанъ — tamarix gallica. I, 412.
Каменоломный сесели — seseli saxifragum. I, 46.
Каменоломъ — saxifraga. III, 117.
» saxifraga hirculus. III, 238.
Коменоломъ снѣжный — saxifraga nivalis. III, 104.
Каменоломъ трава — III. Прибавленіе, стр. 27—28.
Каменный скрыпунъ — sedum rupestre. III, 116.
Каролинскій скипетръ — pedicularis sceptrum carolinum. III, 109, 192.
Каспійская саликорнія — salicornia caspica. I, 411.
Кентаврія бегенъ — centaurea behen. I, 426.
Кентаврія гластифолія — centaurea glastifolia. I, 354.
Кентаврія малорослая — centaurea pullata. I, 352.
Кентаврія паникулата — centaurea paniculata. I, 352.
Кентаврія съ запахомъ бобровой струи — centaurea moschata amberbai. I, 131—132.
Кипрей — epilobium hirsutum. III, 264.
» epilobium angustifolium et hirsutum. III, 235.
Кирказонъ — aristolochia clematitis. I, 46, 78, 324.
Кислица — oxalis acetosella. III, 62, 123.
Клопецъ — rhinanthus crista galli. III, 192.
Клоповникъ — ledum palustre. I, 43. — III, 55, 218.—IV, 32.
» rhinanthus crista galli. I, 67.
Клюква — vaccinium oxycoccus. II, 253. — III, 58.
Ключевой каменоломъ — saxifraga rivularis. III, 119.
Княженица — rubus arcticus. III, 44, 58.
Кожевенный (или *желтый*) корень — statice tatarica. I, 201.
Козельи рожки — bidens bipartita. III, 312.
Козлиная солянка — salsola tragus. I, 410.
Кокушкины башмачки — cypripedium calceolus. I, 318.
Кокушкины слезы — orchis bifolia, latifolia, conopsea et maculata. III, 219.
» » orchis conopsea et bifolia. III, 281.

Персидская фритиллярія — fritillaria persica. I, 370.
Песочная трава — arenaria rubra. III, 318.
Песочница — stellaria biflora. III, 82.
Пирамидальная аюга — ajuga pyramidalis. III, 227.
Пиренейскій молочай — euphorbia hiberna. I, 355—356.
Пихтовникъ — pinus picea. II, 249.
Плакунъ — epilobium angustifolium. III, 66.
Плакунъ трава — lythrum salicaria. I, 73. — III, 295.
Повилица — cuscuta europaea. III, 264.
Повойничекъ — elatine hydropiper. III, 218.
Подлѣсникъ — asarum europaeum. III, 38.
Подлѣсникъ (или *сухой водоленъ*) — asarum europaeum. I, 78.
Подсолнечная вѣтреница — anemone umbellata. III, 118.
Подсолнечники — helianthus annuus. I, 188.
Полба — triticum spelta. I, 69.
Полевая горчица — cardamine pratensis. III, 44.
Полевая греча — polygonum convolvulus. III. 314.
Полевой волосистый горохъ — astragalus pilosus. III, 118.
Полевой звѣробой — scutellaria galericulata. III, 200.
Полевыя и махровыя гвоздички — dianthus pratensis et plumosus. III, 220.
Попутникъ — plantago latifolia. I, 75.
» plantago media. III, 312.
Поростъ — lichen fragilis. I, 206.
» marchantia polymorpha. III, 218.
Прикрытъ — aconitum lycoctonum. III, 200.
» cacalia hastata. III, 219.
Приморская глауксъ — glaux maritima. I, 346.
Приморская лебеда — atriplex. I, 502.
Примочная трава — campanula glomerata. III, 238.
» » campanula trachelium. III, 123.
Прозанникъ — hypocheris glabra. III, 220.
Проскурнякъ смоковнолистный — alica ficifolia. I, 503.
Прострѣлъ — aconitum lycoctonum. III, 271.

Скерда (или *бархатъ*) — crepis sibirica. III, 201.
Скорцонера узколистая — scorzonera graminifolia. I, 355.
Сладкій корень — polypodium vulgare. III, 75.
Сладколистная стручковая трава — astragalus glycyphyllos. I, 316.
Слѣпокурникъ — evonymus europaeus. I, 353.
Слѣпокурникъ золотолистный — ranunculus auricomus. III, 62.
Слѣпокурникъ устилающійся — ranunculus repens. III, 62.
Слѣпокуръ — anemone ranunculoides. III, 38.
Смольчугъ — lichnis viscaria. III, 192.
Солодковый корень — glycyrrhiza officinalis. I, 377.
Солодколистный сплюснутый горохъ — astragalus glycyphyllos. I, 50.
Соломонова печать — convallaria sigillum. III, 62.
Соляная лебеда — chenopodium salsum. I, 410.
Соляная солянка — salsola salsa. I, 410.
Солянка кали — salsola kali. I, 503.
Сорочій щавель — rumex acetosella. I, 77.
Сосенка (или *мухоморье*) — asparagus officinalis. I, 75.
Составной горохъ — vicia graccha. III, 65.
Сплюснутый горохъ — astragalus alopecuroides. III, 118.
» » astragalus sulcatus. I, 419.
Сплюснутый полевой горохъ — lathyrus pisiformis. I, 332.
Ссыха (или *водяница*) — empetrum nigrum. IV, 27.
Стародубка — adonis vernalis. III, 38, 44, 87.
» gentiana campestris. III, 201.
» gentiana campestris pneumonanthe. III, 271.
Статице армерія — statice armeria. I, 503.
Статице сѣтная — statice reticulata. I, 503.
Степная малина — ephedra monostachya. I, 502.
Стручковатый каперсъ — zygophyllum fabago. I, 503.
Струйчатый гулявникъ — sisymbrium sophia. I, 77.
Стрѣла трава — sagittaria sagittifolia. III, 69, 217.
Стрѣлолистная лебеда — atriplex hastata. I, 502.

Сухой водоленъ (*водоленъ* или *подлѣсникъ*) — asarum europaeum. I, 78.
Сушеница — gnaphalium dioicum. III, 201.
Сѣдая будра — draba incana. III, 117.

Таварла — spiraea chamaedrifolia. III, 66.
Таволга — spiraea crenata. III, 52, 57, 87.
Таволожникъ — spiraea chamaedrifolia. III, 83.
« spiraea crenata. I, 319.—III, 109.
Таволъникъ — spiraea camaedrifolia. III, 57.
Татарникъ — carduus cyanoides. III, 281.
Татарникъ васильку подобный — carduus cyanoides. I, 352.
« « « carduus cyanoides polyclonos. I, 438.
Татарникъ малый — serratula arvensis. III, 312.
Татарская дикая крапива — leonorus tatarica. I, 503.
Татарская лебеда — atriplex tatarica. I, 502.
Татарскій куколь — cucubalus tataricus. I, 24.—III, 235.
Татарское дьявольское окушеніе — scabiosa tatarica. I, 316.
Тачка — draba verna. III, 38.
Тейкеръ головастый — teucrium capitatum. I, 424.
Толокнянка — arbutus uva ursi. III, 104, 219, 296. — IV, 51.
Толокнянникъ (или *толокнянка*) — arbutus uva ursi. I, 265.
Трава щитокъ — scutellaria galericulata. III, 192.
Травяная саликорнія — salicornia herbacea. I, 411.
Трилистникъ — trifolium spadiceum. III, 271.
Трилистникъ волчелистный — trifolium lupinaster. III, 62.
Трилистникъ малый — trifolium spadiceum. III, 192.
Турча трава — hottonia palustris; lysimachia thyrsiflora. III, 218.
Тутовыя деревья — morus tatarica. I, 436.
Тысячелистникъ — hottonia palustris. III, 69.

Узколистная заплиса — thalictrum angustifolium. III, 235.
Узколистный пренанеъ — prenanthes tenuifolia. I, 426.

Чертополохъ — centaurea benedicta. I, 129.
Чертополохъ серпуховидный — carduus serratuloides. I, 128.
Чижовникъ (или *ракитникъ*) — cytisus hirsutus. I, 15,208.
Чилимъ — trapa natans. I, 520.
Чистотѣлъ (большой) — rumex acutus. I, 396.
Чистотѣлъ (трилистный) — helleborus trifolius. I, 306.
Чихотная трава (или *чемерица*) — veratrum nigrum. III, 57.

Шароватыя кокушкины слезы — orchis globosa. I, 47.
Шелковый пятипалочникъ — potentilla sericea. III, 109.
Шерадрія пахатная — scheradria arvensis. I, 381.
Шерстистый гіерацій — hieracium villosum. I, 381.
Широколистные колокольчики — campanula latifolia. III, 66, 231.
Широколистныя кокушкины слезы — orchis latifolia. I, 47.
Шпажная трава — gladiolus imbricatus. I, 316.

Ѣдкая трава — aster amellus. III, 271.

Ягодки (или *дикій перецъ*) — daphne mezereum. II, 266.
Ягодный куколь — cucubalus bacciferus. I, 381. — III, 119.
Ярица — secale vernum. I, 69.
Ястребиная короткокоренная трава — hieracium praemorsum I, 325.

Ѳиміанъ — thymus acinos. III, 227.

Животныя.

Аисты — ardea ciconia. I, 501.
Аккулы — squalus carcharias. III, 33.
Аонъ — papilio aonis. I, 318.
Аполлонъ — papilio apollo. I, 391.

276) Дневныя записки путешествія Лепехина. Ч. III. Прибавленіе, стр. 11—13, 1—2. — Ч. I, стр. 283—285.

277) Дневныя записки путешествія Лепехина. Ч. III, стр. 101. — Ч. I, стр. 497—498.

278) Дневныя записки путешествія Лепехина. Ч. I, стр. 65—66.

279) Дневныя записки путешествія Лепехина. Ч. I, стр. 91—92.

280) Дневныя записки путешествія Лепехина. Ч. I, стр. 358—360.

281) Дневныя записки путешествія Лепехина. Ч. I, стр. 93.— Ч. II, стр. 251.

282) Дневныя записки путешествія Лепехина. Ч. I, стр. 449—452, 455—459.

283) Дневныя записки путешествія Лепехина. Ч. I, стр. 166—167, 332.

284) Дневныя записки путешествія Лепехина. Ч. III, стр. 29—30.

285) Дневныя записки путешествія Лепехина. Ч. III, стр. 351, 346, 366.

286) Дневныя записки путешествія Лепехина. Ч. III, стр. 333—334. — Ч. IV, стр. 67—68. — Ч. I, стр. 379.

287) Дневныя записки путешествія Лепехина. Ч. III, стр. 291.

288) Дневныя записки путешествія Лепехина. Ч. I, стр. 88—89.

289) Дневныя записки путешествія Лепехина. Ч. I, стр. 18—21. Карамзина: Исторія государства россійскаго. Т. III, примѣч. 139 (по изданію Эйнерлинга, 1842 г., книга I, стр. 82; примѣч. къ третьему тому стр. 62).

290) Дневныя записки путешествія Лепехина. Ч. III, стр. 241—260.

291) Митрополита Евгенія: Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина. 1827. Т. II, стр. 234—239.

292) Дневныя записки путешествія Лепехина. Ч. I, стр. 165—166.

293) Nova acta academiae scientiarum imperialis petropolitanae. t. VI. 1790. Histoire de l'académie impériale des sciences, année 1788, p. 31—34:

Litterarum et scripturae Zirenorum auctor fuit Sanctus Stephanus, olim magnae Permiae episcopus. Natus ille erat circa initium seculi XIV in urbe Ustiug. Patrem habuit Semionem, ecclesiae cathedralis ejusdem urbis clericum, matrem vero Mariam. A tenera aetate eruditus litteris slavonicis, felicique praeditus memoria, ingenium suum assidua lectione scripturae sacrae et librorum liturgicorum excoluit, vitamque secularem respuens monasticam elegit, et Rostoviae in monasterio St. Gregorii Theologi religioso ordini initiatus erat per abbatem Maximum, tenente tunc sedem episcopalem Arsenio. Ibi ab omnibus curis liber veniamque bibliothecam monasticam et episcopalem, pro tempore sat bene instructam, adeundi consecutus, totum se praecibus ac litteris tradidit, linguam graecam proprio marte sibi familiarem reddidit, et omni cura ac solertia linguam zirenicam excoluit, cujus primis fundamentis, dum in urbe patria, quae vicina est territorio Permiae, viveret, imbutum fuisse verisimile videtur. Hac in re secutus erat exemplum St. Constantini episcopi Moraviae, qui litteras slavonicas seculo IX. invenit et sacros codices in linguam slavonicam, adjuvante fratre et postea successore ipsius in episcopatu Methodio, transtulit.

Mox post decessum St. Alexii metropolitae totius Rossiae, qui anno 1378 contigit, sacerdos factus est, consecrante ipsum Erasmo episcopo colomnensi. Jam presbyter et linguae ac scripturae zirenicae peritus, magno flagrabat desiderio propagandi verbum divinum inter gentes permicas idololatriae addictas. Hanc suam mentem aperuit antea nominato episcopo colomnensi Erasmo, qui tunc vices metropolitae Moscuae gerebat; a quo laudatus, in incepto confirmatus et benedictione ac litteris mandatoque munitus omnia obtinuit, quae ad consecrandas ornandasque ecclesias necessaria sunt, sedes Zirenorum solus petit et

verbum divinum idiomate zirenico praedicat. Ineffabili patientia armatus superat omnes contumelias, molestias, injurias, periculaque, et tandem, adjuvante summo numine, quosdam ad religionem christianam convertit, et horum ope auxilioque templum e trabibus ligneis ad ostium fluvii Wym, aquas suas in Witzegdam exonerantis, extruit, et illud annuntiationi St. Virginis Mariae dicat; in quo liturgiam et reliqua sacra, ad ritum Graecorum, idiomate zirenico administrat. Crescente in dies numero conversorum, tandem omnem gentem zirenicam gregi christiano associat. Construuntur ubique templa, religio christiana profundas agit radices, et undique postulantur verbi divini ministri. Cum vero Moscua, ad cujus ditionem Permia tunc pertinebat, ob longum intervallum, non tam facile erat adeunda consecrandis, ineunt omnes consilium, a sanctoque Stephano expostulant, ut metropolim adeat episcopum Permiae petiturus. His desideriis ut satisfaciat vir sanctus, iter suscipit; Moscuam venit et magnum Moscoviae ducem Demetrium Ioannidem, qui ob reportatam magnam Tartaris trans Borysthenem ad fluvium Nepriadwa victoriam, Borysthinensis (Donskoy) cognominatus est, metropolitamque Pimenem supplicatur, ut genti, nuper christianae religioni addictae, episcopus detur.

Praecibus ejus annuentes magnus Moscoviae dux. et metropolita, suffragio omnium episcoporum et conventus ecclesiastici, ipse Stephanus episcopus Permiae designatur; nemo enim sede episcopali dignior videbatur illo, qui lucem christianam in hac terrarum parte propagavit, qui tantas molestias, calamitates et vitae pericula ob eam perpessus est, qui improbo labore slavonicos libros in idioma zirenicum transtulit et qui eversis idolis templa christiana extruxit. Anno igitur 1383 creatur ille primus Permiae episcopus, et multis a magno duce et metropolita cumulatus donis in Permiam redit, sedemque episcopalem in vico, ubi prima christiana ecclesia fundata erat, figit ac per tredecim continuos annos gregem christianum pascit, condit templa, et sacerdotes e gente permica creat. Tandem senio confectus Mos-

cuam denuo petit, ubi anno 1396 decedit, sceptra Moscuae tenente magno duce Basilio Demetride, filio Demetrii Ioannidis, et in monasterio Salvatoris committitur terrae.

Successores ipsius, episcopi 1) Esaias, 2) St. Erasmus, 3) Ionas, 4) Cyprianus, 5) St. Pitirimus, 6) St. Ionas, qui reliquas magnae Permiae gentes verbo divino illustravit et religioni christianae addixit, 7) Philopheus, 8) Nicon, continuabant verbum divinum idiomate zirenico administrare; sed tandem, cum intimius commercium Zirenis cum Rossis intercesserit, et omnes linguam rutheno-slavonicam callere inciperent, cultus Dei lingua slavonica celebrari coepit; sedes episcopalis translata erat in primis anno 1503, regnante magno duce Ioanne Basilide Wologdam, et episcopi vocabuntur episcopi Wologdae et magnae Permiae simul; tandem anno 1663, sceptra totius Rossiae tenente caesare Alexio Michaelide eparchia wiatcensis constituta erat cui et Permia adscripta fuit, litterae Zirenorum in oblivionem venerunt ita, ut, dum has regiones peragrarem, nullibi litteras seu characteres scripturae zirenicae detegere potuissem, praeter denominationem litterarum et versionem liturgiae, sed litteris rossicis conscriptam, quas in III. tom. itinerarii mei communicavi.

Apographum igitur inscriptionis exaratae, ad effigiem pictam St-ae Trinitatis, quae propriis manibus St. Stephani in templo pagi Woshemskoy, in ditione urbis Jarensk siti, collocata, magni habendum est; continet enim illud praeciosas reliquias Zirenorum scripturae jam dudum deperditae, et quod academiae correspondens Jacobus Fries, urbis Ustiug chirurgus primarius communicavit. Lepechin.

294) Дневныя записки путешествія Лепехина. Ч. III, стр. 292.
295) Дневныя записки путешествія Лепехина. Ч. IV, стр. 2, 13.
296) Дневныя записки путешествія Лепехина. Ч. II, стр. 267.
297) Дневныя записки путешествія Лепехина. Ч. III, стр. 336.
298) Дневныя записки путешествія Лепехина. Ч. I, стр. 10, 261.
299) Дневныя записки путешествія Лепехина. Ч. III, стр. 330.

300) Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова, академика П. Пекарскаго. 1867. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ.

301) Дневныя записки путешествія Лепехина. Ч. I, стр. 295, 265.

302) Дѣла архива академической канцеляріи. Донесенія Лепехина въ коммиссію академіи наукъ изъ Москвы 19 іюня и 8 іюля 1768 года.

303) Дневныя записки путешествія Лепехина. Ч. I, стр. 9, 6—7, 417, 344. — Помѣщенное въ видѣ предисловія въ первомъ томѣ обращеніе «къ благосклонному читателю» заключается словами: qui ista legis, tuam reprehendo, si mea laudas omnia, stultitiam; sin nihil, — invidiam.

304) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Картонъ № 12. Рапортъ профессора А. Протасова въ академическое собраніе 13 августа 1770 года.

305) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Картонъ № 13. Писано Лепехинымъ 22 августа 1776 года и 23 декабря 1779 года.

306) Physikalisch-ökonomische bibliothek worinn von den neuesten büchern, welche die naturgeschichte, naturlehre und die land-und stadtwirthschaft betreffen, zuverlässige und vollständige nachrichten ertheilet werden, von Iohann *Beckmann*, ordentlichem professor der ökonomie, etc. Göttingen. 1774. Fünfter band. s. 537—554. Herrn Iwan Lepechin Tagebuch der reise durch verschiedene provinzen des russischen reichs. Der werth dieser reisebeschreibung ist nicht geringer, als derjenige ist, den alle liebhaber der naturkunde den reisebeschreibungen des h. Pallas und des nun verstorbenen h. Gmelin einmüthig zugestanden haben. H. Lepechin hat viele vortrefliche beiträge zur genauern kenntniss der russischen länder und der verschiedenen völker geliefert; wie er denn auch mehr als ein mal den russischen atlas verbessert hat. Unter den theilen der naturkunde hat die thiergeschichte, und unter deren theilen die entomologie am meisten gewonnen; doch finden wir auch neue fische, vögel und säugende thiere, auch amphibien. Die botanik hat hier etwas weniger gewonnen. Neue arten pflanzen berührt der v. nur sparsam und botanische zeichnungen finden wir bei diesem (ersten) theile gar nicht. Hingegen hat er mit linneischan namen die pflanzen

angezeigt, die er an den bereiseten örtern angetroffen hat. Mehr als die übrigen reisenden scheint sich h. Lepechin um die technologie der verschiedenen völker bekümmert zu haben, wozu auch er als ein russe, der die sprache verstand, vor allen andern geschickt war. Wir rechnen dahin die artigen und gewiss nützlichen nachrichten von den verarbeitungen der lederarten, der wolle u s. w. Er hat die krankheiten der menschen und thiere und die dawider gebräuchlichen mittel bemerkt, den ackerbau und die viehzucht beschrieben, und auf die herschenden steinarten acht gegeben....

D. Anton Friedrich Büschings Wöchentliche nachrichten von neuen landcharten, geographischen, statistischen und historischen büchern und sachen. Zweiter jahrgang. Berlin. 1774, s. 278—279, 387—389, 421—422. Iwan Lepechin Tagebuch der reise durch verschiedene provinzen des russischen reichs. Die gelehrten russen sind noch nicht so häufig, dass man einen und den andern übersehen könnte, ohne die anzahl merklich zu vermindern, und der herr verfasser dieses tagebuchs gehört zn den vorzüglichen. Als ein russe, hat er vor den übrigen reisenden den vorzug gehabt, dass er wegen völliger kenntniss der russischen sprache alles unmittelbar, genauer und richtiger erforschen können, was von den einwohnern der durchreiseten gegenden zu erfragen war. Er zeiget sich in seinem tagebuch als ein mann von aufgeklärtem verstande und als ein guter beobachter und beurtheiler, so dass es allerdings der mühe werth und nützlich ist, seine tagebücher in die deutsche sprache zu übersetzen. Dieses mit nützlichem nachrichten und anmerkungen reichlich angefüllte werk übersetzt herr magister Hase, der weimarischen superintendentur adjunct und pastor zu stadt Sulza, der schon ein geübter und berühmter übersetzer aus der russischen sprache ist, ins deutsche. Der herr übersetzer hat sich in ansehung dunkler und schwerer stellen sowohl an herrn Lepechin selbst, als an herrn inspector Bacmeister gewendet, und beide haben ihm die nöthigen erläuterungen gegeben, etc.

Переводъ Газе вышелъ въ трехъ томахъ подъ заглавіемъ: Herrn Iwan Lepechin der arzneikunst doctor und der akademie der wissenschaften zu Petersburg adjunctus Tagebuch der reise durch verschiedene provinzen des russischen reiches, aus dem russischen übersetzt von M. Christian Heinrich Hase, pastor zu stadt Sulza, der jenaïschen philos. facultät und der weimarisch-rosslaischen superintendentur adjunct. Altenburg. Первая часть обнимаетъ путешествіе Лепехина въ 1768 и 1769 годахъ; вторая — обнимаетъ путешествіе въ 1770 году, а третья — въ въ 1771 году. Первая часть перевода вышла въ 1774 году; вторая — въ 1775; третья — въ 1783 году.

Газе перевелъ также путешествіе Рычкова: Herrn Nicolaus Rytschkow kaiserl. russischen capitains Tagebuch über seine reise durch verschiedene provinzen des russischen reichs in den jahren 1769, 1770 und 1771. Aus dem russischen übersetzt von M. Christian Heinrich Hase. Riga. 1774.

307) D. Car. Lud. Willdenow: Enumeratio plantarum horti regii botanici Berolinensis, continens descriptiones omnium vegetabilium in horto dicto cultorum. Berolini. 1809. Pars II, p. 612. Lepechinia.

De Candolle: Prodromus systematis naturalis regni vegetabilis. Pars XII. Parisiis. 1848. p. 258—259. Labiatae:

Lepechinia. Calyx inflato-campanulatus, reticulato-venosus, apice truncatus subbiabilatus, labio superiore bidentato, inferiore tridentato, dentibus omnibus aristatis, fauce intus nudâ. Corolla calycem aequans, tubo intus nudo, limbo bilabiato, labio superiore recto subplano emarginato, inferiore trifido, lobis planis integris subpatentibus. Stamina 4, didynama, inferioribus longioribus, adscendentia distantia vel incurvo-conniventia. Antherae approximatae, localis subparallelis. Stylus glaber, apice subaequaliter bifidus. Nuculae siccae, laeves, nigrae. — Herbae mexicanae. Verticillastri pluriflori, remoti vel spicati.

1) L. spicata—caule erecto, verticillastris in spicâ terminali congestis, calycibus fructiferis clausis etc.

2) L. procumbens — caule procumbente, verticillastris secundis remotis, calycibus fructiferis patentibus etc.

Genera plantarum secundum ordines naturales disposita. Auctore Stephano Endlicher. Vindobonae. 1836—1840. стр. 626.

308) Дневныя записки путешествія Лепехина. Ч. I, стр. 47.—Ч. II, стр. 338.

309) Caroli a Linné... Systema naturae... Cura Io. Frid. Gmelin. Lipsiae. 1788. tom. I, pars IV:

Insecta coleoptera. Chrysomela. Lepechini. Chr. capite caeruleo, thorace elytrisque rubris: fasciis duabus caeruleis. Habitat in Russia australi (p. 1689).

Insecta hemiptera. Gryllus (locusta). Lepechini. Cr. thoracis scutello abdominis longitudine: linea albida a fronte per medium scutellum decurrente. Habitat in Sibiria (p. 2083).

310) Beschäftigungen der berlinischen gesellschaft naturforschender freunde. 1r band. 1775. s. XXVII—XXVIII, XXXVI. — 3r band. 1777. s. VII, X.

311) Bibliothèque du nord, ouvrage destiné à faire connaître en France tout ce que le Nord et l'Allemagne produisent d'intéressant, d'agréable et d'utile dans tous les genres de sciences, de littérature et d'arts. Par la société patriotique de Hesse-Hombourg. 1778. t. VIII, p. 183—185; t. VI, p. 140; t. V, p. 186—197.

312) Полное собраніе законовъ россійской имперіи. 1830. Т. XVI, стр. 413—419. — 12 ноября 1763 года, № 11964 и 11965.

313) Записки россійской академіи. Засѣданія: 21 октября 1783 года, л. 9, л. 5 об. статьи 6 и 7 начертанія россійской академіи. — 1 сентября 1795 года, л. 87. — 19 января 1801 года, л. 3. — 16 декабря 1796 года, л. 115 об.—116.

314) Записки россійской академіи. Засѣданія: 14 декабря 1790 года, л. 212. — 23 ноября 1801 года, л. 196 об. — 24 декабря 1801 года, л. 211—211 об.

315) Записки россійской академіи. Засѣданія: 5 октября 1784 года, л. 53—53 об. — 14 декабря 1790 года, л. 209.

316) Записки россійской академіи. Засѣданія: 18 сентября 1787 года, л. 127—127 об. — 8 мая 1787 года, л. 119.

317) Записки россійской академіи. Засѣданіе 1 іюня 1784 года, л. 46—46 об.

318) Записки россійской академіи. Засѣданіе 13 декабря 1791 года, л. 240.

319) Записки россійской академіи. Засѣданія: 11 марта 1788 года, л. 147. — 24 декабря 1801 года, л. 211.

320) Записки россійской академіи. Засѣданія: 14 марта 1786 года, л. 87. — 6 марта 1798 года, л. 9. — 7 сентября 1801 года, л. 143 об.—144.

321) Записки россійской академіи. Засѣданія: 25 ноября 1784 года, л. 54—56. — 25 ноября 1786 года, л. 107—107 об.

322) Записки россійской академіи. Засѣданіе 27 октября 1800 года, л. 136—137 об. Автографъ Лепехина.

323) Записки россійской академіи. Засѣданіе 25 ноября 1784 года, л. 56 об.—57 об.

324) Всеобщая и частная естественная исторія графа де-Бюффона. 1808. Ч. X. Издатель говоритъ о Лепехинѣ: «Сей трудолюбивый академикъ даже послѣдніе дни и часы жизни препровождалъ въ соотвѣтственныхъ званію своему упражненіяхъ, и, можно сказать, умеръ съ перомъ въ рукахъ, оставя въ сочиненіяхъ своихъ почтенный себѣ памятникъ. Если о комъ-либо изъ насъ скажутъ согражданe: *умъ его обымалъ вселенную*, не промолвивъ: *а сердце его любило добродѣтель*, тогда всѣ труды наши были тщетны, желанія суетны. Ибо единая добродѣтель вѣнчаетъ насъ неувядаемымъ вѣнцемъ славы; она содѣлываетъ память нашу любезною согражданамъ нашимъ и всѣмъ насъ окружавшимъ. Она обитала въ душѣ твоей, почтенный Лепехинъ, и всякъ, кто зналъ тебя, не пройдетъ безъ искренняго благоговѣнія мимо того мѣста, гдѣ сокрыто бреніе твое; онъ благословитъ оное и скажетъ: миръ праху твоему, мужъ добродѣтельный!» (стр. XVI—XVII).

По свидѣтельству бывшаго ученика Лепехина, В. А. Полѣнова «Лепехинъ и въ частной жизни пользовался общею любовью и уваженіемъ». (Труды императорской россійской академіи. 1840. Ч. II, стр. 212).

Озерецковскій называетъ Лепехина «мужемъ въ честности святымъ». (Путешествія Лепехина, ч. IV, стр. 297).

Büsching's Wöchentliche nachrichten. 1774. Zwei und funfzigstes stück. Am 26 ten december 1774. Въ письмѣ изъ Астрахани говорится: Wir haben vor ein paar jahren von den reisenden professoren auch die herren Falk und Lepechin bei uns gesehen. Herr Lepechin ist ein sehr geschickter und zugleich redlicher mann, der wegen dieser beiden eigenschaften viel verfolgung ausgestanden hat (стр. 422).

Записки россійской академіи. Засѣданіе 27 октября 1800 года, л. 134 об. Приложеніе, л. 140.

325) Дѣла архива академической канцеляріи. № 578. Журналы академіи наукъ 1802 года, первая половина, № 721.

Дѣла архива академической канцеляріи. № 499. Протоколы академіи наукъ 1802 года, № 116.

326) Записки россійской академіи. Засѣданія: 7 апрѣля 1802 года, л. 79—80. — 19 апрѣля 1802 года, л. 87—88.

327) Записки россійской академіи. Засѣданія: 27 августа 1804 года, л. 198. — 28 августа 1808 года, л. 242 об.

328) Записки россійской академіи. Засѣданіе 19 марта 1804 года, л. 68 об. — 69 об. — Президентъ россійской академіи Нартовъ обратился къ собранію съ предложеніемъ «не благоугодно ли будетъ каждому изъ господъ присутствующихъ членовъ воспріять трудъ надъ какимъ-либо сочиненіемъ въ прозѣ или стихахъ для помѣщенія въ академическія изданія, дабы могла академія въ непродолжительномъ времени начать свой журналъ, котораго ожидаютъ любители словесности». Въ отвѣтъ на это предложеніе В. М. Севергинъ «принялъ на себя трудъ сочинить похвальное слово г. Ломоносову», а А. Ѳ. Севастьяновъ — «написать похвальное же слово покойному академику императорской академіи наукъ и непремѣнному секретарю россійской академіи, статскому совѣтнику Ивану Ивановичу Лепехину».

329) Дѣла архива с.-петербургской духовной консисторіи. Вѣдомость о погребенныхъ «церкви Воскресенія Христова, что при кладбищѣ Волковскомъ»: 8 апрѣля 1802 года погребенъ статскій совѣтникъ и кавалеръ Иванъ Лепехинъ, 70 лѣтъ. Въ графѣ, какою болѣзнью былъ болѣнъ, отмѣчено: «старость». Исповѣдовалъ и причащалъ Лепехина придворный протоіерей Іоаннъ, егерскаго полка.

330) Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ, составилъ

Д. Ровинскій. Записки императорской академіи наукъ. 1872. Т. XXI. Книжка I. Приложеніе стр. 78: Лепехинъ, Inv. et del. D. Kalaschnicoff. Sculps. Apud. Ign. Seb. Klauber. Petropoli. 1805. Рѣдк. Памятникъ, на котор. мед. Лепехина. — Калашниковъ названъ и въ академическомъ некрологѣ и въ словарѣ митрополита Евгенія.

331) Дѣла архива академіи художествъ. 1811 года, № 41. Пенсіонеръ Аврамъ Ивановичъ Мельниковъ (1784—1854), выпущенный въ 1806 году изъ академіи художествъ съ званіемъ художника архитектуры, и отправленный въ 1808 году академіею заграницу, возвратился въ 1811 году, и 27 октября 1811 года представилъ слѣдующій рапортъ: «Честь имѣю императорской академіи художествъ принести мою благодарность за употребленное оною на мое содержаніе иждивеніе, ибо оное чувствительно послужило къ моему просвѣщенію. При семъ доношу императорской академіи художествъ, что по полученіи вояжныхъ денегъ немедленно отправился въ дорогу по предписанному мнѣ академіею пути, какъ-то чрезъ Сіену, Флоренцію, Болонію, Венецію, Падуу, Винченцу, Верону и проч. А по прибытіи въ Санктпетербургъ представляю труды мои императорской академіи художествъ на разсмотрѣніе и при семъ реестръ оныхъ рисунковъ». Въ этомъ реестрѣ помѣщенъ подъ № 9 павиліонъ и монументъ Лепехину.

332) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Картонъ № 21. Бумаги 1805 года. Въ числѣ ихъ напечатанная на отдѣльномъ листкѣ «Надгробная надпись академику Ивану Ивановичу Лепехину»; въ концѣ надписи имя автора «Н. Озерецковскій». Печатный экземпляръ этой надписи есть и въ матеріалахъ къ словарю митрополита Евгенія.

Надпись эту Озерецковскій читалъ въ собраніи россійской академіи 23 сентября 1805 года. Въ запискѣ этого засѣданія, № 37, л. 264, сказано: «Членъ академіи г. статскій совѣтникъ и кавалеръ Николай Яковлевичъ Озерецковскій читалъ въ собраніи сочиненія своего стихами *Надгробную надпись академику Ивану Ивановичу Лепехину.* По прочтеніи сей надписи г. президентъ (Нартовъ) вопрошалъ г. Озерецковскаго, какое употребленіе желаетъ онъ сдѣлать изъ сей надписи. На что г. Озерецковскій отвѣчалъ, что онъ сообщаетъ оную собранію для помѣщенія въ издаваемыя академіею сочиненія и переводы. Почему собраніемъ разсуждено: доставить сію надпись въ комитетъ, для изданія періодическихъ сочиненій учрежденный». Въ письмѣ къ Нартову отъ 27 сентября 1805 года Озерецковскій говоритъ: «Мнѣ сказали, что весьма пріятно будетъ семейству покойнаго Лепехина, когда надгробная ему надпись напечатается особо и пущена будетъ въ продажу. Ежели

угодно сіе вашему превосходительству, то покорнѣйше прошу приказать оную напечатать». Вслѣдствіе этого собраніемъ разсуждено: «надгробную надпись академику Ивану Ивановичу Лепехину напечатать на счетъ академіи изъ экономической суммы сто экземпляровъ, и отдать оные въ распоряженіе г. Озерецковскаго. Почему сдѣланное академіею въ прошедшее собраніе опредѣленіе препроводить сію надпись въ комитетъ, занимающійся изданіемъ періодическихъ сочиненій и переводовъ, симъ отмѣняется». (Записка засѣданія 30 сентября 1805 года, л. 275 и 273 об.).

333) Свѣдѣнія о жизни и трудахъ Озерецковскаго, впрочемъ самыя краткія, находятся въ одномъ изъ рукописныхъ журналовъ конференціи академіи наукъ 1798 года и въ двухъ некрологахъ — рукописномъ русскомъ и печатномъ французскомъ.

Въ журналѣ конференціи академіи наукъ 8 марта 1798 года, № 14 записано: Le secrétaire lut une lettre de m. le conseiller de collèges et chevalier Ozeretskovski: L'état de sa faible santé et d'autres circonstances le pressant d'avoir un temoignage de l'académie, il supplie messieurs de l'académie d'avoir la bonté de faire un protocolle de son service, de rendre la justice à ses voyages, à ses travaux, à sa conduite et de faire mention que l'hiver passé en décrivant le cabinet de l'histoire naturelle il a perdu l'usage de la jambe par le froid excessif qui règne à la kunstkammer. La conférence chargea en conséquence le secrétaire de consulter le protocolle des séances académiques et d'insérer ici comme il suit, tout ce qu'il y aura trouvé au sujet de m. Ozeretskovski.

Monsieur Nicolas Ozeretskovski a été élevé au séminaire de Troitzkoi Lavra. Après y avoir fini ses premières études, il fut en 1767 choisi avec plusieurs autres jeunes étudiants pour être envoyé à l'académie impériale des sciences de St.-Pétersbourg, qui en avait fait la demande à fin de les placer auprès de messieurs les académiciens qui par ordre de feu l'impératrice Cathérine II de glorieuse mémoire avaient été nommés pour entreprendre des voyages d'histoire naturelle dans diverses contrées de l'empire de Russie. En 1768 m. Ozeretskovski accompagna

en conséquence monsieur l'académicien Lepechin, qui d'après ses rapports faits à l'académie l'employa presque toujours à des excursions séparées, en lui donnant les instructions dont il eut besoin, comme il le marque aussi dans la rélation de ses voyages qui duraient six ans. L'an 1774 l'académie pour recompenser l'assiduité et les travaux du jeune élève, l'envoya d'abord après son retour à Leyden pour y achever ses études et ensuite à Strasbourg, où il prit le grade de docteur en médicine. M. Ozeretskovski fit de là, avec la permission de l'académie, un tour en Suisse, et s'étant arrêté pour quelque temps à Berne, la société économique de cette ville lui fit l'honneur de l'agréger au nombre de ses membres. En 1779 de retour à St.-Pétersbourg il y subit l'examen ordinaire, et l'académie le nomma adjoint en histoire naturelle auprès de feu m. l'académicien Güldenstädt. En 1782 S. M. l'impératrice Cathérine II de glorieuse mémoire nomma par une oukaze specielle m. Ozeretskovski académicien ordinaire avec les appointemens attachés à cette charge, en lui ordonnant en même temps d'accompagner un jeune seigneur m. le comte Bobrinski dans un voyage en Russie. M. Ozeretskovki obtint ensuite le rang et le titre de conseiller de cour, et entreprit en 1785 un voyage topographique et physique aux côtes des lacs de Ladoga et d'Onega, d'où il revint encore vers la fin de la même année. Il communiqua à l'académie toutes ses observations et découvertes et les publia ensuite dans une rélation de ce voyage qui fut imprimé en langue russe. M. Ozeretskovski fréquenta les séances académiques et y lu les mémoires toutes les fois que le tour de rôle était à lui et que d'autres occupations plus pressantes ne l'en empechaient. Ces mémoires se trouvent imprimés en partie dans les actes et en partie dans les almanachs et les journaux russes que l'académie a publiés. Il donna chaque été un cours public d'histoire naturelle, et il ne refusa les autres travaux dont l'académie ou ses chefs le chargèrent. Encore en dernier lieu ayant été nommé le 5 octobre 1795 de faire la revision et le catalogue nouveau du cabinet d'histoire

naturelle, il y travailla assiduement suivant le témoignage de ceux qui ont travaillé avec lui jusqu'à ce que par le froid excessif qui règne au musée il s'attira une forte maladie, dont il se ressent encore jusqu'à présent. En 1792 m. Ozeretskovski fut decoré de l'ordre de St. Volodimer de la quatrième classe et en 1797 nommé conseiller de collèges.

Въ періодическомъ изданіи академіи наукъ, заключающемъ въ себѣ извѣстія о публичныхъ собраніяхъ академіи и рѣчи академиковъ, помѣщенъ слѣдующій некрологъ Озерецковскаго:

Membres décédés.

Nous avons eu à déplorer la perte de notre respectable doyen m. Nicolas Oseretskovsky, dr. en médicine, conseiller d'état actuel et chevalier des ordres de Ste. Anne de la deuxième classe et de St. Vladimir de la quatrième, académicien ordinaire pour les sciences naturelles, directeur du musée de l'académie, doyen de la direction centrale des écoles, ancien membre du collège de médecine, de l'académie impériale russe et de celle de médicine et de chirurgie, des universités de Moscou et de Kharkoff, de l'académie des sciences de Stockholm, des sociétés économiques de St. Pétersbourg, de Berne et de celle de la Grande-Bretagne, des sociétés des naturalistes de Moscou et de la Wettéravie, de la société phisico-médicale de Moscou, de la société pharmaceutique, de celle des amateurs des sciences et des arts, etc., décédé à St. Pétersbourg le 28 février 1827. Né à Moscou en 1750, Oseretskovsky avait fait ses premières études au séminaire de la Trinité jusqu'en 1767, époque où l'académie invita les séminaires a lui fournir des jeunes gens distingués pour les adjoindre en qualité d'étudians aux expéditions scientifiques qui, par ordre de S. M. l'Impératrice Catherine II devaient, en 1768, aller explorer les productions naturelles du pays. Le jeune Oseretskovsky, muni des meilleurs certificats, fut adjoint à l'expédition de Lepekhine, et l'habileté avec laquelle il s'acquitta des commissions

qui lui avaient été confiées, les talens et l'assiduité qu'il déploya dans cette occasion firent qu'à son rétour à St. Pétersbourg, en 1773, il fut envoyé à l'étranger pour s'y perfectionner dans les sciences. Il revint en 1779 décoré du titre de docteur en médecine. Après avoir été promu cette même année au grade d'adjoint, et en 1782 au grade d'académicien ordinaire, il fut encore envoyé en 1785 sur les bords des lacs Ladoga et Onéga, pour en examiner les productions qu'y offre la nature. La description qu'il en a donnée en 1792 dans l'ouvrage écrit en russe, sous le titre: Voyage aux lacs de Ladoga, Onéga et Ilmen (Путешествіе по озерамъ Ладожскому и Онежскому) et dont une seconde édition a été publiée en 1812, prouve combien il possédait le talent de l'observation. Outre cet ouvrage, m. Oseretskovsky a publié la description de Kola et d'Astrakhan, celle des environs du lac Seliger, une traduction de l'histoire générale des pèches par Noël, ainsi qu'un nombre très considérable de mémoires intéressans sur différens sujets de l'histoire naturelle. L'académie a perdu en lui un membre utile et actif, et la Russie un savant dont elle placera avec orgueil le nom a côté de ceux de Lepekhine, Roumovsky, Gourieff et Severguine. (Recueil des actes des séances publiques de l'académie impériale des sciences de St. Pétersbourg. 1828, p. 3—4).

Въ словарѣ митрополита Евгенія не встрѣчается имени Озерецковскаго, но въ матеріалахъ къ словарю есть рукописная «некрологія» Озерецковскаго, составленная И. М. Снегиревымъ:

Некрологія.

Въ С.-Петербургѣ скончался 28 февраля послѣ продолжительной болѣзни Николай Яковлевичъ Озерецковскій, академикъ императорской академіи наукъ по части естественной исторіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ, членъ главнаго училищъ правленія, россійской, стокгольмской и медико-хирургической академій, почетный членъ университетовъ московскаго и харьковскаго

и разныхъ ученыхъ обществъ, докторъ медицины и орденовъ св. Владиміра и св. Анны кавалеръ.

Сей почтенный мужъ, извѣстный по своимъ свѣдѣніямъ въ естественныхъ наукахъ и по своимъ сочиненіямъ и переводамъ, родился въ селѣ Озерецкомъ дмитровскаго уѣзда въ 1750 году. Ученіе свое началъ онъ въ троицкой лаврѣ, окончилъ въ с.-петербургской академіи и дополнилъ въ чужихъ краяхъ, куда отправился съ гр. Бобринскимъ, и откуда возвратился нѣшкомъ. По Россіи онъ путешествовалъ съ академикомъ Лепехинымъ. — Въ Лейденѣ получилъ по экзамену степень доктора медицины 1778 года. По возвращеніи въ Россію онъ произведенъ въ адъюнкты 1779 года, а въ академики 1782 года. — Кромѣ занятій своихъ по академіи, въ кадетскомъ корпусѣ онъ преподавалъ россійскую словесность, коей вмѣстѣ съ естественной исторіею училъ великихъ княженъ Марію Павловну и Александру Павловну.

Въ 1785 году сей академикъ, совершивъ, по порученію академіи, путешествіе по озерамъ Ладожскому и Онежскому для физическихъ наблюденій, издалъ въ С.-Петербургѣ описаніе сего ученаго путешествія, 1786 года, 8.

Кромѣ сего, ученые труды его состоятъ:

a) изъ сочиненій:

1) Собраніе сочиненій, выбранныхъ изъ мѣсяцеслововъ на разные годы. С. П. 10 частей. 1775—1793. 8.
2) Описаніе Колы и Астрахани. С. П. 1804. 12.
3) Обозрѣніе мѣстъ отъ С.-Петербурга до Старой Русы и на обратномъ пути. С. П. 1808. 4.
4) Путешествія на озеро Селигеръ. С. П. 1817. 8.

b) изъ переводовъ:

1) Наставленіе народу въ разсужденіи его здоровья, сочин. Тиссота. С. П. 1781. 8.
2) Начальныя основанія естественной исторіи, содержащія царства животныхъ, произрастеній и ископаемыхъ. Царство жи-

вотныхъ. Издано по систематическому животныхъ расположенію г. Леске, на нѣмецкомъ языкѣ писанному. С. П. 1791. 8. 2 кн.

3) Криспа Саллустія о войнѣ Катилины и о войнѣ Югурфы. С. П. 1809. 8.

4) Всеобщая исторія о промыслахъ звѣриныхъ и рыбныхъ, древнихъ и новѣйшихъ, въ моряхъ и рѣкахъ обоихъ материковъ, соч. Ноеля. С. П. 1817. 4.

Кромѣ сего г. Озерецковскій участвовалъ въ переводѣ на русскій языкъ языкъ Бюффоновой естественной исторіи, С. П. 1801—1817; въ изданіи словаря россійской академіи; издавалъ періодическое сочиненіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія, съ 1803 по 1810 годъ, въ 43 книг. Многія другія его сочиненія и нѣкоторые переводы помѣщены въ трудахъ академіи наукъ.

Сочиненія его отличаются богатствомъ и разнообразіемъ свѣдѣній, ясностію и точностію въ слогѣ; многіе термины греческіе и латинскіе въ ботаникѣ и естественной исторіи весьма удачно замѣнены русскими. Переводами полезныхъ книгъ имъ указаны услуги наукамъ въ Россіи

Съ умственными достоинствами Озерецковскій соединялъ и нравственныя. Четверымъ дѣтямъ своимъ въ наставленіе, а супругѣ своей въ утѣшеніе онъ оставилъ имя честнаго и прямодушнаго мужа, который всю жизнь свою посвятилъ долгу званія своего; былъ добродѣтеленъ безъ тщеславія и благочестивъ безъ лицемѣрія.—Въ послѣдніе дни жизни своей онъ показалъ рѣдкое спокойствіе духа; съ благоговѣніемъ пріобщился св. таинъ; самъ отослалъ кавалерскіе ордена, коими былъ украшенъ, въ капитулъ; продиктовалъ имена особъ, которыхъ пригласить на свое погребеніе, и за два дня до кончины, на слова одного своего пріятеля, который спрашивалъ, какъ онъ себя чувствуетъ, отвѣчалъ: «руки и ноги мои уже умерли; еще около сердца осталось нѣсколько жизни».

И. Снгрвъ.

Сѣверная Пчела. № 28. Суббота, марта 5, 1827 года. На поляхъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ сказано, что Озерецковскій обучался въ академической гимназіи, путешествовалъ съ Лепехинымъ и окончилъ науки въ Страсбургѣ и Лейденѣ, рукою митрополита Евгенія приписано: «Былъ посланъ съ графомъ Бобринскимъ путешествовать; но въ Парижѣ не могши съ нимъ поладить, возвратился въ Россію пѣшкомъ, и вступилъ паки въ академію». (Митрополита Евгенія Матеріалы къ словарю писателей. Т. II).

Въ исторіи русской литературы Греча, вышедшей при жизни Озерецковскаго, говорится: «Николай Яковлевичъ Озерецковскій, дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ, членъ главнаго правленія училищъ и многихъ ученыхъ обществъ, родился въ 1750 году; вступилъ въ академическую гимназію въ 1768 году; путешествовалъ съ академикомъ Лепехинымъ по 1774 годъ, а потомъ продолжалъ науки въ Страсбургѣ и Лейденѣ, и получилъ званіе доктора медицины въ 1778 году; произведенъ въ адъюнкты въ 1779 году, въ академики въ 1782 году. Въ 1785 году совершилъ, по порученію академіи, путешествіе по Ладожскому и Онежскому озерамъ для физическихъ наблюденій. Онъ издалъ:

а) Описаніе путешествія по озерамъ Ладожскому и Онежскому. Спб. 1786.

б) Начальныя основанія естественной исторіи. Царство животныхъ. Сочиненіе профессора Леске. Переводъ съ прибавленіями и перемѣнами. 2 тома. Спб. 1791. и

в) К. Криспа Саллустія Исторія о войнѣ Катилины и о войнѣ Югурѳы. Спб. 1809.

Многія другія сочиненія и переводы его помѣщены въ Трудахъ академіи наукъ». (Опытъ краткой исторіи русской литературы. 1822, стр. 142—143).

Въ исторіи троицкой лаврской семинаріи С. К. Смирнова приводятся извѣстія, относящіяся къ первоначальной судьбѣ Озерецковскаго (стр. 530—531, 550—551).

Въ спискѣ населенныхъ мѣстъ, изданномъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, находится «Озе-

рецкое — село казенное, при рѣчкахъ Черлянкѣ и Ворѣ; дмитровскаго уѣзда, въ 22 верстахъ отъ города Дмитрова». (Списокъ населенныхъ мѣстъ. 1862. Московская губернія, стр. 92, № 2243).

334) Исторія троицкой лаврской семинаріи. С. Смирнова. 1867, стр. 309—310, 291—292, 339—340.

335) Исторія троицкой лаврской семинаріи, стр. 454—455.

336) Дѣла архива св. синода. 1767 года, № 243, л. 1, 2—2 об.

337) Исторія троицкой лаврской семинаріи. С. Смирнова, стр. 550—551.

338) Дѣла архива св. синода. 1767 года, № 243, л. 7.

339) Дѣла архива академической канцеляріи. № 539. Журналы коммиссіи академіи наукъ 1768 года. Журналъ 10 января 1768 года, № 25.

340) Дѣла архива академической канцеляріи. Непереплетенныя дѣла 1768 года. Картонъ № 29. Инструкція гимназистамъ сохранилась въ трехъ спискахъ, исправленныхъ рукою профессора анатоміи Протасова; на одномъ спискѣ въ концѣ седьмаго пункта подпись, въ копіи, а не подлинная, академиковъ Палласа и Гмелина; восьмой пунктъ весь написанъ, въ одномъ спискѣ, рукою Протасова.

341) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Протоколы 1774 года: 10 февраля, № 10. — 24 марта, № 19. — 17 марта, № 17.

342) Дѣла архива академической канцеляріи. Журналы коммиссіи академіи наукъ 1774 года, № 545. Журналы: 2 апрѣля, № 176 и 5 мая № 217.

343) Инструкція Озерецковскому дана 7 іюня 1774 года. Она помѣщена между № 222 и № 223 журналовъ коммиссіи академіи наукъ 1774 года.

344) Дѣла архива академической канцеляріи. № 547. Журналы коммиссіи академіи наукъ. Журналъ 29 іюля 1776 года, № 430.

345) Дѣла архива академической канцеляріи. Журналы коммиссіи академіи наукъ 1775 года. Журналъ 22 іюля, № 428.

346) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Протоколы 1776 года. Протоколы: 15 апрѣля, № 21 и 30 сентября, № 54.

Дѣла архива конференціи, № 61. Eingekommene briefe von 1773 bis 1776. № 103. Письмо Озерецковскаго изъ Страсбурга 9 сентября 1776 года.

347) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Протоколы 1778 года. Протоколъ 11 іюня, № 36.

348) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Протоколы 1779

года. Протоколы: 24 мая, № 32. — 12 августа, № 44. — 23 сентября, № 53. — 12 октября, № 59.

349) Дѣла архива конференціи. Протоколы 1779 года. Протоколъ 9 декабря, № 73.

350) Дѣла архива академической канцеляріи. Непереплетенныя дѣла 1782 года. Картонъ № 128.

351) Осмнадцатый вѣкъ. Историческій сборникъ, издаваемый Петромъ Бартеневымъ. Кн. I. Вторымъ тисненіемъ. 1869. Изъ записокъ графа Е. Ѳ. Комаровскаго, стр. 393, 401—402.

Россійская родословная книга, издаваемая княземъ Петромъ Долгоруковымъ. 1855. Ч. II, стр. 738—739.

Русская старина. 1873. Т. VII, стр. 491.—Т. VIII, стр. 738—739.

Отношенія Озерецковскаго къ Бобринскому недостаточно выяснены. Въ академическомъ протоколѣ 1798 года, № 14, въ которомъ положительно опредѣляется время путешествія Озерецковскаго съ Бобринскимъ, сказано, что путешествіе предпринято по Россіи, а по свидѣтельству Снегирева и митрополита Евгенія, приведенному нами въ примѣчаніи 333-мъ, Озерецковскій вынужденъ былъ разстаться съ Бобринскимъ въ Парижѣ, и т. д. Изъ разговора Екатерины II съ Озерецковскимъ, приведеннаго въ запискахъ С. Н. Глинки, можно заключить, что рѣчь идетъ о графѣ Алексѣѣ Григорьевичѣ Бобринскомъ.

352) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Картонъ № 17. Представленіе княгини Дашковой въ сенатъ 29 іюля 1792 года и Выписка изъ журнала академической канцеляріи 23 сентября 1792 года, сообщенная 4 октября 1792 года въ конференцію.

353) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Протоколы 1795 года. Протоколъ 7 мая, № 26.

Русскій архивъ. 1873. № 5. Записки Н. И. Греча, стр. 709—715.

Русскій вѣстникъ. 1875. Май. Отецъ и сынъ, опытъ культурно-біографической хроники, М. Ѳ. Де-Пуле, стр. 164.

354) Русскій вѣстникъ. 1866. Февраль. Изъ записокъ Сергѣя Николаевича Глинки, стр. 669—670.

355) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія 1822 года. Картонъ 236, № 11320. (Здѣсь же находятся дѣла: 1827 года, картонъ 238, № 11464 и 1831 года, картонъ 872, № 34403).

356) Предлагаемъ хронологическій указатель трудовъ Озерецковскаго, оригинальныхъ и переводныхъ, какъ вышедшихъ отдѣльными книгами, такъ и помѣщенныхъ въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ восьмнадцатаго и девятнадцатаго столѣтія; въ указателѣ помѣщены

также и тѣ періодическія изданія, которыхъ редакторомъ былъ Озерецковскій.

1768.

Описаніе остатковъ (развалинъ) Болгаровъ, древняго татарскаго города. (Дневныя записки путешествія Лепехина. Часть первая. 2-е изданіе. 1795, стр. 265—283).

1771.

Свѣдѣнія о кольскомъ уѣздѣ. (Дневныя записки путешествія Лепехина. 1780. Ч. III, стр. 371, 372—374).

Примѣчаніе на кольскій острогъ. (Труды вольнаго экономическаго общества. 1773. Ч. XXIV, стр. 105—114).

1772.

Описаніе путешествія по Бѣлому морю. (Путешествія академика Лепехина часть IV. 1805, стр. 83 и слѣд.).

1773.

О гагачьемъ пухѣ. (Труды вольнаго экономическаго общества. 1773. Ч. XXIII, стр. 105—114).

1776—1780.

Извѣстіе о достопамятныхъ народахъ, въ прежнія времена жившихъ на сѣверной сторонѣ Дуная и Азовскаго, Чернаго и Каспійскаго морей. (Собраніе сочиненій, выбранныхъ изъ мѣсяцослововъ на разные годы. 1789. Ч. III, стр. 426—452, 496—665. Изъ мѣсяцослововъ за 1776, 1777, 1778, 1779 и 1780 годы).

1778.

De spiritu ardente ex lacte bubulo — докторская диссертація, напечатанная въ Страсбургѣ, въ 1778 году.

1779.

Exemplum electricitatis praeternaturalis. (Acta academiae scientiarum imperialis petropolitanae. 1779. Ч. I, стр. 233—238.

1780.

Натуральная исторія о рыбахъ вообще. Сочинено на аглинскомъ языкѣ г. докторомъ Голдшмитомъ, а переведено адъюнктомъ Николаемъ

Озерецковскимъ. (Академическія извѣстія. 1780. Ч. VI, стр. 19—30, 175—187).

Описаніе особливой рыбной ловли. Представлено въ конференцію и читано въ ней 22 іюня 1780 года. (Собраніе сочиненій, выбранныхъ изъ мѣсяцослововъ на разные годы. 1793. Ч. X, стр. 185—194).

1781.

Описаніе моржоваго промысла. Представлено въ конференцію и читано въ ней 22 февраля 1781 года. (Собраніе сочиненій, выбранныхъ изъ мѣсяцослововъ. Ч. X, стр. 138—184).

Наставленіе въ пользу людямъ, бѣшеною скотиною угрызеннымъ. (Мѣсяцословъ съ наставленіями. 1781, стр. 23—30).

Наставленіе народу въ разсужденіи его здоровья, сочиненіе Тиссота; переводъ Озерецковскаго. Спб. 1781.

1782.

De calculo ex acipensere sturione exemto. (Acta. 1782. Ч. I, стр. 235—246).

О пользѣ корня травы чистотѣла въ коростѣ или чесоткѣ. (Мѣсяцословъ съ наставленіями. 1782, стр. 33—47).

1784.

Забавный вымыселъ звѣриной ловли. Представлено въ конференцію 4 октября 1784 года для мѣсяцослова съ наставленіями (calendrier instructif) на 1785 годъ. (Собраніе сочиненій, выбранныхъ изъ мѣсяцослововъ. Ч. X, стр. 221—228).

Историческія примѣчанія о содержаніи, природѣ и теперешнемъ состояніи кочующихъ стадъ испанскихъ овецъ. Представлено въ конференцію 25 октября 1784 года для помѣщенія въ календарѣ съ наставленіями на 1785 годъ. (Собраніе сочиненій, выбранныхъ изъ мѣсяцослововъ. Ч. X, стр. 229—256).

1785—1793.

Собраніе сочиненій, выбранныхъ изъ мѣсяцослововъ на разные годы, выходившее подъ редакціей Озерецковскаго. 10 частей.

1786.

О правотѣ въ разсужденіи частнаго человѣка. Переведено изъ Гельвеціевой книги: de l'esprit. (Новыя ежемѣсячныя сочиненія. 1786. Ч. IV, стр. 43—52).

О наружномъ употребленіи клюквы. (Новыя ежемѣсячныя сочиненія 1786. Ч. IV, стр. 60—64).

Рѣчь, говоренная въ академіи французской графомъ Бюффономъ 1753 года, августа 25 дня. (Новыя ежемѣсячныя сочиненія. 1786. Ч. V, стр. 39—59).

1787.

Описаніе россійской торговли по каспійскому морю и разсужденія объ оной. Переведено изъ четвертой части путешествія Гмелина. (Новыя ежемѣсячныя сочиненія. 1787. Ч. VII, стр. 3—20. — Ч. VIII, стр. 77—104).

О дѣйствіи масла надъ волненіемъ воды. (Новыя ежемѣсячныя сочиненія. 1787. Ч. IX, стр. 87—96).

Разсужденіе о животныхъ. Почерпнуто изъ введенія къ естественной исторіи животныхъ, изданной на нѣмецкомъ языкѣ г. Миллеромъ, профессоромъ естественной исторіи въ Ерлангѣ. (Новыя ежемѣсячныя сочиненія. 1787. Ч. XI, стр. 89—105).

Достопамятныя вещи. (Новыя ежемѣсячныя сочиненія. 1787. Ч. XIII, стр. 73—79).

Разсужденіе о насѣкомыхъ. (Новыя ежемѣсячныя сочиненія. 1787. Ч. XIII, стр. 80—94. — Ч. XV, стр. 62—72).

Лѣкарство отъ бѣшенства, угрызеніемъ бѣшеныхъ собакъ причиняемаго. (Новыя ежемѣсячныя сочиненія. 1787. Ч. XVI, стр. 91—98).

1788.

Письмо папы Климента XIV къ принцу Санъ Северо въ разсужденіи Бюффонова мнѣнія о сотвореніи міра. Перевелъ Озерецковскій. (Новыя ежемѣсячныя сочиненія. 1788. Ч. XXIX, стр. 67—74).

1790.

Всеобщая и частная естественная исторія графа де-Бюффона, преложенная съ французскаго языка на россійскій академиками Петромъ Иноходцевымъ и Николаемъ Озерецковскимъ. 1790. Ч. II. Ѳеорія земли. Третьимъ тисненіемъ 1811 года.

1791.

Обозрѣніе Онежскаго озера. (Мѣсяцословъ историческій и географическій на 1791 годъ, стр. 41—122).

Description des mines de Woëtsk et histoire de leur exploitation. Présenté à la conférence le 30 mai 1791. (Nova acta. T. V, стр. 346—352).

Начальныя основанія естественной исторіи, содержащія царство животныхъ, произрастеній и ископаемыхъ. Царство животныхъ. Издано по систематическому животныхъ расположенію г. Леске, на нѣмецкомъ языкѣ писанному. Спб. 1792. Двѣ книги.

1792.

Observation sur les eaux martiales du gouvernement d'Olonetz. Communiqué à l'académie le 23 janvier 1792. (Nova acta. T. VIII, стр. 370—376).

Путешествіе по озерамъ Ладожскому и Онежскому. 1792.—Второе изданіе 1812 г. (Описаніе Ладожскаго озера и рѣки Свири издавалось по частямъ въ Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ: 1786 года, ч. I и IV, и 1788 года, ч. XXIX и XXX).

1795.

О жизни и нѣкоторыхъ свойствахъ животныхъ. (Новыя ежемѣсячныя сочиненія. 1795. Ч. CV, стр. 77—97).

1796.

Saponis lapponici praeparatio et usus. Academiae exhibita die 3 octob. 1796. (Nova acta. T. XI, стр. 372—375).

1796—1797.

Описаніе Колы. (Мѣсяцословъ историческій и географическій. 1796, стр. 37—69. — 1797, стр. 1—34).

Пѣснь на новый 1797 годъ.

1797.

Observata de salmone salare oceani septentrionalis. Conventui acad. exhib. die 5 oct. 1797. (Nova acta. T. XII, стр. 337—343).

1798.

De lacte caprino et vaccino. Convent. exhib. die 19 april. 1798. (Nova acta. T. XIV, стр. 339—342).

De ovo perforato. Conventui exhib. die 25 octob. 1798. (Nova acta. T. XII, стр. 364—368).

1799.

De duobus foetibus humanis, monstrosis. Convent. exhib. die 25 april. 1799. (Nova acta. T. XIV, стр. 367—372).

De ovis quae aliquando Gallinacei parere reputantur. Представилъ и читалъ въ конференціи 19 декабря 1799 года.

1800.

De speciebus, systematicum genus Trichechi constituentibus. Convent. exhib. die 11 junii 1800. (Nova acta. T. XIII, стр. 371—375).

1801.

De ossibus ligno inclusis. Convent. exhib. die 21 maji 1801. (Nova acta. T. XIII, стр. 367—370).

De Myrmecophaga et Mane. Convent. exhib. et praelecta die 7 octobr. 1801. (Nova acta. T. XV, стр. 354—358).

1802.

Успѣхи въ прививаніи коровьей оспы. } (Представлено въ конференцію 3 марта 1803 года).
О египетскихъ крокодилахъ.

О американскомъ алоѣ. (Прибавленіе къ вѣдомостямъ. Ученыя извѣстія. 1802. № 29. — Прибавленіе къ технологическому журналу. 1806. Ч. II, стр. 248—253).

Древности. (Представлено въ конференцію 3 марта 1802 года. Напечатано въ Прибавленіи къ вѣдомостямъ 1802. № 29 и въ Прибавленіи къ технологическому журналу. 1806. Ч. II, стр. 306—307).

О французскомъ селеніи на рѣкѣ Сенегалѣ. (Представлено въ конференцію 3 марта 1802 года. Напечатано въ Прибавленіи къ вѣдомостямъ 1802 года, № 33).

О гигрометрѣ или показателѣ воздушной сухости и влаги. Открытіе доктора Тора. (Прибавленіе къ вѣдомостямъ. 1802. № 51. — Прибавленіе къ технологическому журналу. 1806. Ч. I, стр. 48—55).

О бумагѣ изъ дикаго алоя. (Представлено въ конференцію 10 марта 1802 года. Напечатано въ Прибавленіи къ вѣдомостямъ. 1802. № 51, и въ Прибавленіи къ технологическому журналу. 1806. Ч. II, стр. 273).

Описаніе попугая, родившагося въ Римѣ 1801 года. (Представлено въ конференцію 17 марта 1802 года. Напечатано въ Прибавленіи къ вѣдомостямъ. 1802. № 45).

О посѣвѣ гречи. (Представлено въ конференцію 4 іюля 1802 года. Напечатано въ Прибавленіи къ вѣдомостямъ 1802 года, № 63; и въ Прибавленіи къ технологическому журналу. 1806. Ч. II, стр. 259—264).

О снѣ. (Прибавленіе къ вѣдомостямъ. 1802. № 79. — Прибавленіе къ технологическому журналу. 1806. Ч. II, стр. 204—210).

О россійской Лапландіи. (Представлено въ конференцію 3 ноября 1802 года).

De analogia aves inter et mammalia. Convent. exhib. et praelecta die 17 febr. 1802. (Nova acta. T. XV, стр. 399—401).

1803.

Какъ утушать пожары въ зимнее время. (Представлено въ конференцію 12 января 1803 года).

De viburno opulo. Convent. exhibit. die 3 jul. 1803. (Nova acta. T. XV, стр. 452—457).

1803—1817.

Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія, издававшееся подъ редакціею Озерецковскаго. 43 части.

1804.

О добываніи сала изъ неупотребительныхъ животныхъ. (Технологическій журналъ. 1804. T. I, ч. I, стр. 38—44).

О употребленіи птичьихъ шкурокъ и пуха. (Технологическій журналъ. 1804. T. I, ч. 2, стр. 50—58).

О употребленіи дикой бальзамины въ сибирской язвѣ. (Технологическій журналъ. 1804. T. I, ч. 3, стр. 58—68).

Наблюденія надъ рожденіемъ птицъ и образованіемъ яицъ, Манеса, перевед. Озерецковскимъ. (Технологическій журналъ. 1804. T. I, ч. 3, стр. 103—140; ч. 4, стр. 57—93. — 1805. T. II, ч. 1, стр. 111—148).

Observatio de catulis felinis in utero connexis. Convent. exhib. die 22 aug. 1804. (Mémoires de l'académie impériale des sciences de St.-Pétersbourg. V. sér. T. I, стр. 313—315).

Изслѣдованіе о Броуновой врачебной системѣ. 1804.

1805.

О философическомъ и врачебномъ изъясненіи климактерическихъ годовъ. (Технологическій журналъ. 1805. T. II, ч. IV, стр. 64—100).

Описаніе, какъ разводятъ, садятъ и сушатъ лукъ въ Новгородѣ. (Представлено въ конференцію 16 октября 1805 года).

1806.

Какъ достигнуть можно здоровой, веселой и глубокой старости? (Прибавленіе къ технологическому журналу. 1806. Ч. II, стр. 190—204).

De nova et simplicissima tetraonum tetricum captura. Convent. exhib. die 9 april. 1806. (Mémoires de l'académie des sciences de St.-Pétersbourg. V série. T. I, стр. 321—325).

1807.

Замѣчанія на окрестныя мѣста Новагорода и озера Ильменя. (Представлено въ конференцію 22 апрѣля 1807 года).

О угрызеніи бѣшеныхъ звѣрей. (Прибавленіе къ вѣдомостямъ. 1807. № 102 и Технологическій журналъ. 1808. Т. V, ч. I, стр. 141—156).

1808.

De genere Muscicapae ex ordine Passerum. Convent. exhib. die 2 martii 1808. (Mémoires. V série. T. II, стр. 279—286).

О двухъ породахъ болотныхъ птицъ. Представлено академіи 28 сентября 1808 года. (Умозрительныя изслѣдованія. 1810. Т. II, стр. 317—322).

Обозрѣніе мѣстъ отъ Санктпетербурга до Старой Русы и на обратномъ пути. 1808.

1809.

Observation sur un poisson nommé improprement Hareng. Présenté à la conférence le 13 sept. 1809. (Mémoires. T. II, стр. 376—381).

К. Криспа Саллустія исторія о войнѣ Катилины и о войнѣ Югурты. 1809.

1810.

Remarques sur le crâne du Bison musqué. Présenté à la conférence le 23 mai 1810. (Mémoires. V sér. T. III, стр. 215—218).

1812.

О пользѣ плодовъ ерника ягоднаго. (Умозрительныя изслѣдованія. 1812. Т. III, стр. 220—225).

Показаніе, какъ варятъ въ С.-Петербургѣ мездринный клей изъ обрѣзковъ сырой кожи разнаго скота, и какой потребенъ для сего заводъ со всѣми принадлежностями. (Технологическій журналъ. 1812. Т. IX, ч. I, стр. 111—117).

О елтонской соли. (Представлено въ конференцію 30 сентября 1812 года).

1813.

Объ озерныхъ соляхъ или самосадкахъ: астраханской, уральской, маницкой, крымской, коряковской, эбелейской, туазакульской, борзинской. (Представлено въ конференцію 10 марта, а читано 28 апрѣля 1813 года).

О горныхъ или каменныхъ соляхъ. (Представлено въ конференцію 17 ноября 1813 года).

О поваренной соли. (Представлено академіи марта 10 дня 1813 года. Умозрительныя изслѣдованія. 1815. Т. IV, стр. 321—351).

1814.

О вывареныхъ соляхъ и добываемыхъ воздушнымъ градированіемъ. (Представлено въ конференцію 27 апрѣля 1814 года).

О соляхъ солигалицкихъ — продолженіе мемуара о соляхъ. (Представлено въ конференцію 8 іюля 1814 года).

О вершинѣ рѣки Волги. (Представлено академіи и читано 28 сентября 1814 года. Умозрительныя изслѣдованія. 1815. Т. IV, стр. 365—368).

1815.

De piscatu Volgensi. Convent. exhib. die 22 mart. 1815. (Mémoires. V série. T. VI, стр. 497—545).

Замѣчанія въ проѣздъ къ городу Осташкову. (Представлено 31 мая 1815 года).

О второзачатіи въ животныхъ и въ растеніяхъ. (Представлено 1 ноября 1815 года).

О россійскомъ полевомъ шпатѣ. (Представлено 20 декабря 1815 г.).

1816.

Описаніе простонародныхъ лѣкарствъ, какія въ Москвѣ и въ окрестностяхъ ея простыми людьми употребляются, и въ какихъ болѣзняхъ. (Представлено въ конференцію 22 мая 1816 года).

1817.

Объ озерѣ Стержѣ. (Представлено академіи 5 ноября и читано 26 ноября 1817 года. Умозрительныя изслѣдованія. 1819. Т. V, стр. 293—298).

Путешествіе на озеро Селигеръ. 1817.

Всеобщая исторія о промыслахъ звѣриныхъ и рыбныхъ, древнихъ и новѣйшихъ, въ моряхъ и рѣкахъ обоихъ материковъ, соч. Ноэля. Переводъ Озерецковскаго. 1817.

1818.

De usu radicis Fumariae bulbosae, a Russis Растъ dictae, apud Carelos. (Представлено въ конференцію 11 марта, читано 4 ноября 1818 года).

Замѣчанія о жаркой погодѣ въ Лапландіи въ 1817 году и объ осыпавшейся песчаной горѣ между Ладожскимъ и Сувандъ озерами. (Продолженіе технологическаго журнала. 1818. Т. III, ч. 3, стр. 1—2).

Объ озерахъ Вселукѣ и Пено. Представлено въ академію 6, читано 13 мая 1818 года.

Объ озерѣ Вóлго. Представлено въ академію 7 октября 1818 года, читано 5 мая 1819 года.

(Труды академіи наукъ. 1823. Ч. II, стр. 114—122, 149—154).

1819—1820.

Hortulus cingens statuam equestrem imperatoris Petri primi. (Mémoires. 1824. T. IX. Histoire de l'académie, années 1819 et 1820. Mémoires et autres ouvrages manuscrits présentés à l'académie, стр. 33).

357) Дневныя записки путешествія Лепехина. Ч. I, стр. 25—28, 265—283, 295, 431, 366—367. Ч. III, стр. 371—374.

Труды вольнаго экономическаго общества. 1773. Ч. XXIV, стр. 105—106.

358) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Протоколы конференціи. Протоколъ 15 октября 1803 года, № 52.

359) Путешествія академика Ивана Лепехина часть IV. 1805, стр. 114—115.

360) Тамъ же, стр. 85—86.

361) Тамъ же, стр. 109.

362) Обозрѣніе мѣстъ отъ Санктпетербурга до Старой Русы и на обратномъ пути. 1808, стр. 2—3.

363) Путешествіе по озерамъ Ладожскому и Онежскому, Николая Озерецковскаго. 1792, стр. 32—34.

364) Обозрѣніе мѣстъ отъ Санктпетербурга до Старой Русы. Посвященіе императору Александру I, въ началѣ книги.

365) Путешествіе по озерамъ Ладожскому и Онежскому, стр. 61—62.

366) Путешествіе на озеро Селигеръ, стр. 116—117.

367) Обозрѣніе мѣстъ отъ Санктпетербурга до Старой Русы и на обратномъ пути, стр. 83.

368) Путешествіе на озеро Селигеръ, стр. 90—101.

Путешествіе по озерамъ Ладожскому и Онежскому, стр. 131—151.

Обозрѣніе мѣстъ отъ С.-Петербурга до Старой Русы, стр. 92—93.

369) Путешествіе по озерамъ Ладожскому и Онежскому, стр. 298—305, 191—209.

Путешествіе на озеро Селигеръ, стр. 104—113.

Обозрѣніе мѣстъ отъ С.-Петербурга до Старой Русы, стр. 6—17.

370) Обозрѣніе мѣстъ отъ С.-Петербурга до Старой Русы, стр. 39.

371) Путешествіе по озерамъ Ладожскому и Онежскому, стр. 234—241.

372) Путешествіе по озерамъ Ладожскому и Онежскому, стр. 109—110.

373) Путешествіе на озеро Селигеръ, стр. 26—28.

374) Обозрѣніе мѣстъ отъ С.-Петербурга до Старой Русы, стр. 2.

375) Путешествіе на озеро Селигеръ, стр. 41—42, 72—74.

376) Путешествіе по озерамъ Ладожскому и Онежскому, стр. 78—80.

377) Путешествіе на озеро Селигеръ, стр. 144—146.

378) Путешествія академика Ивана Лепехина часть IV, стр. 92—93.

379) Путешествія Лепехина часть IV, стр. 105—106, 119—120, 93—94.

380) Путешествіе по озерамъ Ладожскому и Онежскому. стр. 66—68.

Путешествіе на озеро Селигеръ, стр. 33—34.

381) Обозрѣніе мѣстъ отъ С.-Петербурга до Старой Русы, стр. 27—29, 32—37, 73—74, 97.

Путешествіе по озерамъ Ладожскому и Онежскому, стр. 120—121.

382) Путешествіе по озерамъ Ладожскому и Онежскому, стр. 31.

Путешествіе на озеро Селигеръ, стр. 70—72, 180—181.

383) Acta academiae scientiarum imperialis petropolitanae. 1779. Ч. I, стр. 233—238.

Ср. Histoire de l'académie royale des sciences. Année 1777. A Paris. 1780, p. 578.

384) Mémoires de l'académie des sciences de St.-Pétersbourg. V série. T. VI, стр. 497—545.

385) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Протоколы конференціи: 24 февраля 1802 года, № 11; письмо Трощинскаго къ барону Николаи 21 февраля 1802 года.—3 марта 1802 года, № 12.—7 марта

1802 года, № 13. — 10 марта 1802 года, № 14. — 17 марта 1802 года № 16. — 4 іюля 1802 года, № 39. — 18 августа 1802 года, № 42. — 19 декабря 1802 года, № 66. — 12 января 1803 года, № 2, и т. д.

386) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Входящія письма 1814—1816 годовъ, л. 139—139 об. Письмо Озерецковскаго къ Николаю Ивановичу Фуссу отъ 16 сентября 1815 года.

387) Ученыя записки академіи наукъ по первому и третьему отдѣленіямъ. 1852. Т. I. Выпускъ I, стр. LXXXIII—LXXXVI.

388) Собраніе сочиненій, выбранныхъ изъ мѣсяцослововъ на разные годы. 1785. Ч. I, стр. I—IV. Собраніе сочиненій изъ мѣсяцослововъ выходило съ 1785 по 1793 годъ; издано десять томовъ.

389) Путешествія академика Ивана Лепехина часть IV, стр. 118.

390) Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія: № I, стр. I—II; № XXVI, стр. 264—265; № XXVII, стр. 416—428; № II, стр. 177—192; № VI, стр. 80—101; № XXV, стр. 190—218; № XXVI, стр. 270—324; № III, стр. 304—338; № I, стр. 91—93; № II, стр. 216—217, и т. д.

Греческіе классики, переведенные съ греческаго языка Иваномъ Мартыновымъ. 1826. Часть XX, книга 22. О высокомъ, твореніе Діонисія Лонгина, стр. 255—256, 283—284, и др.

391) К. Криспа Саллустія исторія о войнѣ Катилины и о войнѣ Югурѳы. Переведена съ латинскаго императорской россійской академіи членомъ Н. Озерецковскимъ и оною академіею издана. 1809, стр. 6—9, 162—165, 320—325, 78—79. Катилина, главы III, XXXVIII; Югурѳа, главы: VI, CXIII.

Traduction de Salluste, avec le texte et des notes critiques, revue et corrigée par J. H. Dotteville, de l'oratoire, correspondant de l'académie des inscriptions et belles-lettres, et associé de l'institut national. Cinquième édition. 1806, p. 7, 153, 267—269, 59.

392) Записки россійской академіи 1824 года. Засѣданія: 1 марта, № 6; 28 іюня, № 21; 18 октября, № 36. Въ собраніи 18 октября 1824 года читано было слѣдующее мнѣніе, представленное министру народнаго просвѣщенія и президенту россійской академіи А. С. Шишкову.

Мнѣніе разсматривательнаго комитета академіи о переводѣ г. д. ст. сов. и кав. Н. Я. Озерецковскаго съ французскаго на россійскій языкъ книги подъ названіемъ: *Томаса, члена французской академіи, исторія о похвальныхъ рѣчахъ*. Съ французскаго подлинника, напечатаннаго въ Амстердамѣ 1773—1774 годовъ.

Комитетъ, по препорученію вашего высокопревосходительства, отъ 28 минувшаго іюня, прочитавъ нѣсколько главъ какъ изъ первой, такъ и изъ второй части означеннаго перевода, сличая его съ французскимъ подлинникомъ, нашелъ россійскій переводъ слишкомъ близкимъ къ подлиннику, и даже можно назвать оный ежели не подстрочнымъ, то по крайней мѣрѣ буквальнымъ; отъ чего слогъ дѣлается иногда неплавнымъ, шероховатымъ, не вразумительнымъ; и во многихъ мѣстахъ встрѣчаются выраженія, россійскому языку или совсѣмъ не свойственныя, или такія, кои можно бы было перевести лучше и ближе къ свойству нашего языка. Въ доказательство сего приводится здѣсь нѣсколько мѣстъ, выписанныхъ изъ сего перевода съ приложеніемъ французскаго подлинника, по коимъ можно будетъ сдѣлать заключеніе и о всемъ преложеніи.

Chapitre I.	Глава 1.
De la louange et de l'amour de la gloire.	О *хвалѣ* и о любви къ славѣ.
La louange, si desirée et si prodiguée sur la terre, n'est point et ne peut être une chose indifférente.	Хвала, *столь желанная и столь нещадимая* на землѣ, не есть и не можетъ быть маловажною *вещію*.
En société, c'est le plus souvent un *commerce de mensonges*, *établi par la convention et le besoin de se plaire:* alors elle nuit aux hommes, parce qu'elle les dispense d'avoir des vertus. Et sous ce point de vue, elle est une des choses les plus grandes qui soient parmi les hommes, d'abord, par son *autorité:*	Въ обществѣ весьма часто бываетъ *торговлею обмановъ*, *установленныхъ по согласію и по надобности нравиться;* тогда вредна она людямъ, потому что *освобождаетъ* ихъ отъ *добродѣтелей*. И въ семъ отношеніи она *между* людьми изъ *величайшихъ вещей*, во первыхъ по своей *силѣ:* она внушаетъ

elle inspire un *respect naturel* pour celui qui la mérite et qui l'obtient; par son *étendue:* elle remplit tous les lieux; par sa *durée:* elle embrasse les siecles.

Et il faudrait que tous les matins ce fût la *première parole* qu'on fît entendre aux princes à leur reveil. L'amour de la gloire veillerait autour d'eux pour en repousser les faiblesses et les vices.

D'où naît ce sentiment? de la nature même de l'homme. Ambitieux et faibles, melanges d'imperfection et de grandeur, une estime étrangère peut seule justifier celle que nous tâchons d'avoir pour nous-mêmes. Elle met un prix à nos travaux, elle nous fait croire à nos vertus, elle nous rassure sur nos faiblesses. Elle occupe de plus notre activité inquiète, qui a besoin de mouvement, et qui cherche à répandre au dehors.

L'amour de la gloire nous pousse et nous précipite hors de nous. Nous échappons à l'ennui et à nous-mêmes; nous vo-

натуральное почтеніе къ тому, кто ее заслуживаетъ и получаетъ; по своему *протяженію:* она наполпяетъ всѣ мѣста; по своей *долговременности:* она объемлетъ вѣки.

И надлежало бы *сей рѣчи* каждое утро *быть первой государямъ* при ихъ пробужденіи. Любовь къ славѣ *бодрствовала бы около ихъ*, для *прогнанія отъ нихъ слабостей и пороковъ.*

Откуда раждается сіе чувствованіе? отъ самой *природы человѣка.* Когда люди честолюбивы и слабы, *смѣсь несовершенства* и *великости*, то одно *постороннее почитаніе* можетъ оправдать то уваженіе, которое къ самимъ себѣ *имѣть стараемся.* Оно *установляетъ цѣну* нашимъ трудамъ, заставляетъ вѣрить нашимъ добродѣтелямъ, *ободряетъ насъ противъ нашихъ слабостей.* Сверхъ того, оно занимаетъ безпокойную нашу дѣятельность, которой надобно движеніе, и которая внѣ насъ ищетъ распространиться.

Любовь къ славѣ насъ движетъ и *внѣ себя изженяетъ.* Мы убѣгаемъ отъ скуки и отъ *насъ самихъ;* предваряемъ вре-

lons au devant du temps; nous vivons où nous ne sommes pas. La calomnie siffle dans un coin; mais la gloire parcourt la terre; elle acquitte la dette du genre humain envers la vertu et le génie.

мя; живемъ гдѣ насъ нѣтъ. *Клевета шипитъ* въ углу, а слава *протекаетъ землю. Она платитъ добродѣтели и генію долгъ рода человѣческаго.*

On a beaucoup declamé contre la gloire; cela est naturel:

Chacun en secret y pretend; mais l'un s'affiche, et l'autre se cache. L'un a la vanité des petites choses et l'autre l'orgueil des grandes.

Много говорено было противъ славы; *сіе натурально:*

Всякъ въ тайнѣ ея (славы) *домогается;* но одинъ себя *выставляетъ*, а другой *укрывается.* У одного тщеславіе въ *мелкихъ* вещахъ, у другаго въ великихъ.

Voulez-vous savoir ce que peut le sentiment de la gloire? Otez la de dessus la terre. Tout change. Le *regard* de l'homme n'anime plus l'homme; il est seul dans la foule. Le passé n'est rien. Le présent se resserre. L'avenir disparait. L'instant qui s'écoule périt éternellement, sans être d'aucune utilité pour l'instant qui doit suivre.

Хотите ли знать, что можетъ *чувствованіе славы?* Возьмите ее *отъ земли.* Все перемѣняется. *Взоръ человѣка не одушевляетъ болѣе человѣка;* въ толпѣ людей онъ одинъ. Прошедшее есть ничто. Настоящее *сокращается.* Будущее становится не видно. Протекающая минута *исчезаетъ вѣчно*, безъ всякой пользы для слѣдующей минуты.

En parcourant l'histoire des empires et des arts, je vois partout quelques hommes sur *des hauteurs*, et *en bas* le *troupeau du genre humain* qui suit de loin et à pas lents. Je vois la gloire qui guide les premiers, et ils guident l'univers.

Проходя исторію имперій и *художествъ*, повсюду вижу нѣсколькихъ людей на *высотахъ*, и *внизу* вижу *стадо человѣческаго рода*, слѣдующее издали и медленно. Вижу славу руководящую первыхъ, а *ихъ* руководствующихъ свѣтъ.

Ne l'attendez pas d'un peuple *pauvre:* je ne dis pas celui qui, resté près de la nature et de l'égalité...

Chapitre II.

Des *éloges religieux*, ou des hymnes. pag. 19.

Le genre des éloges est très ancien.

C'etait une espèce de création nouvelle qui rendait l'univers à l'homme.

Les hymnes durent être animés par l'imagination et respirer l'enthousiasme; car l'homme aux prises avec la nature conçoit des idées plus grandes par la vue de sa faiblesse même.

Malgré la distinction des rangs, l'homme est à coté de l'homme. L'orgueil les sépare; la nature les rapproche. Mais l'homme et Dieu, où est la mesure commune.

Chapitre III.

Des éloges chez tous les premiers peuples. pag. 36.

Ainsi..... l'idée de fertiliser

Не ожидайте (чувствованія славы) отъ народа *бѣднаго:* не говорю отъ такого, который *оставался* близь *природы* и равенства...

Глава 2-я.

О духовныхъ *хвалахъ* или гимнахъ.

Древность похвальныхъ *рѣчей* весьма *глубока.*

Сіе (т. е. восхожденіе солнца) *было родъ новаго сотворенія, которымъ отдавался свѣтъ человѣку.*

Гимны долженствовали *одушевлены* быть *воображеніемъ* и оживлены восторгомъ; ибо человѣкъ въ *сварахъ съ натурою* получаетъ *большія идеи при видѣ самой своей слабости.*

Не смотря на различіе чиновъ человѣкъ находится *подлѣ человѣка.* Гордость ихъ *разлучаетъ;* природа сближаетъ. *Но человѣкъ и Богъ, гдѣ общая мѣра?*

Глава 3-я.

О хвалахъ у всѣхъ первобытныхъ народовъ.

Такимъ образомъ... идея

la terre en la remuant, la première et la grossière ébauche d'une charrue, voilà sans doute quels furent les premiers titres pour les éloges des nations.

удобрять землю ораніемъ, первый и грубый образецъ сохи, вотъ какія безъ сумнѣнія были *титлы* къ похваламъ народовъ.

Tout peuple, dès sa naissance, eut des éloges.

Всякій народъ *отъ своего рожденія* имѣлъ *хвалебныя рѣчи.*

... des hommes qui menaient souvent une vie solitaire et errante... attachant des idées superstitieuses aux tempêtes...

...Люди, часто провождавшіе уединенную и превитающую жизнь... прилѣпляя суевѣрныя идеи къ непогодамъ.

On a trouvé des espèces de poèmes destinés à célébrer des espèces de grands hommes.

Найдены роды поэмъ, опредѣленныхъ для прославленія *видовъ* великихъ людей.

Chapitre V. page 73.

Глава 5-я.

Son nom rappelle encore aujourdhui de grandes idées de la patrie, de courage et d'éloquence.

Имя его [Демосѳена] еще нынѣ приводитъ на память *великія идеи*, *идеи отечества*, неустрашимости и краснорѣчія.

On lui accorda même l'honneur de louer les guerriers, morts dans cette bataille. Il faut avouer que ce discours n'est pas digne de la réputation de l'orateur. Ce n'est point là que se trouve ce beau mouvement si connu et qui a rapport à la même bataille: «non, citoyens, non, en combattant Philippe, vous n'avez point fait de faute. J'en jure par les mânes

Ему *отдали* даже *честь* хвалить воиновъ, въ томъ сраженіи умершихъ. Признаться надобно, что рѣчь сія не достойна славы оратора, хотя въ ней находится сіе прекрасное *движеніе*, столь извѣстное, которое относится къ тому же сраженію: «нѣтъ, граждане, нѣтъ, сражаясь съ Филиппомъ, вы не сдѣлали ошибки. Клянусь тѣнями сихъ великихъ мужей,

de ces grands hommes qui ont combattu pour la même cause aux plaines de Marathon».

Eschine avec toute l'éloquence d'un ennemi et d'un rival s'écrie.

Et ailleurs il représente aux athéniens que s'ils accordent à Démosthène une couronne d'or, au moment où le héraut proclamera sur le théâtre cet honneur qui lui est rendu, les pères, les femmes et les enfans de tous ceux qui sont morts par sa faute à Chéronée, pousseront des cris d'indignation et verseront des larmes, de ce que tant de braves guerriers sont morts sans vengeance, et que Démosthène, qui est leur assassin, reçoit cependant un honneur public en présence de toute la Grèce assemblée.

On ne peut faire un pas dans la Grèce sans trouver de grands noms.

On lui nomme deux orateurs. Alors il raconte qu'il était la veille chez Aspasie, et que la conversation étant tombée sur même sujet, cette femme qui avait donné des leçons d'éloquence à Périclès, et qui alors en donnait à Socrate, se mit

которые *по той же причинѣ* сражались на равнинахъ Мараѳонскихъ».

Эсхинъ со *всѣмъ краснорѣчіемъ непріятеля* и соперника его восклицаетъ.

И въ другомъ мѣстѣ представляетъ аѳинянамъ, что если они дадутъ Демосѳену золотой вѣнокъ, въ ту минуту какъ герольдъ провозгласитъ на театрѣ *сію честь ему отданную*, отцы, жены и дѣти всѣхъ тѣхъ, которые *по винѣ его* умерли въ Херонеѣ, поднимутъ крикъ негодованія, и прольютъ слезы, что столько храбрыхъ *воиновъ умерло безъ отмщенія*, а Демосѳенъ, ихъ убійца, получаетъ *публичную честь* въ присутствіи всей *собравшейся Греціи*.

Въ Греціи не можно *сдѣлать шага*, чтобы не найти *великихъ именъ*.

Ему (т. е. Сократу) *сказываютъ имена* двухъ ораторовъ. Тогда разсказываетъ онъ, что вчера былъ у Аспазіи, и разговоръ зашелъ о томъ же предметѣ; жена сія, которая *обучала* краснорѣчію Перикла, а тогда *уроки давала* Сократу,

tout-à-coup à prononcer un éloge funèbre des guerriers, moitié fait sur le champ, moitié preparé. Ménexène est curieux de l'entendre; et Socrate, qui l'a retenu, a la complaisance de le répéter. Le discours est censé d'Aspasie, mais on apperçoit Platon caché derrière la courtisane.

тотчасъ начала произносить надгробную рѣчь воинамъ, *половину наскоро сочиненную*, другую приготовленную. Менексенъ желаетъ ее слышать; Сократъ, остановя Аспазію, въ угодность ей имъ оную повторяетъ. Рѣчь сію *присвояютъ* Аспазіи; но примѣтенъ Платонъ, сокрытый *позади куртизанки.*

Chapitre VI. pag. 83.

Глава 6-я.

Leurs gymnases étaient pour eux les apprentissages de Marathon et de Platée. A Rome sans avoir les mêmes institutions on fortifiait de même les corps par l'exercice.

Ихъ гимназіи были для нихъ *наукою* для Мараѳона и Платеи. Въ Римѣ безъ сихъ установленій укрѣпляли также тѣло *употребленіемъ симъ.*

La Grèce, en louant la vigueur des muscles, louait l'instrument de ses victoires et les garants de sa liberté.

Греція, похваляя крѣпость мышцъ, хвалила орудіе своихъ побѣдъ и порукъ своей вольности.

Où les jeunes esclaves distribuaient des couronnes sur toutes les têtes, et où les vins délicieux de l'Archipel animaient déjà les convives, chacun prenant dans sa main des branches de myrthe...

Когда молодые невольники раздавали *вѣнки* на всѣ *головы*, и какъ вкусныя архипелажскія вина гостей уже веселили, каждый, принимая въ свою руку миртовыя вѣтви...

C'est là encore que l'on voit le génie de ce peuple, qui mêlait à ses plaisirs même des leçons de grandeur.

...который со своими даже увеселеніями смѣшивалъ уроки великости.

Chapitre XVII, pag. 277.

Il s'en fallut bien que les successeurs d'Alexandre Sévère pensassent comme lui. Au temps de Dioclétien surtout, il se fit une révolution. La pompe de l'Asie effaça pour jamais les anciennes traces de moeurs romaines. Un édit ordonna d'adorer le prince. On multiplia tout ce qui en impose au peuple; et trop d'empereurs se crurent dispensés d'avoir une grandeur réelle. Alors la fureur des panégyriques redoubla, et ils devinrent une étiquette du trône. La poésie, l'éloquence et les arts parurent un peu se ranimer; mais le gouvernement avait corrompu le génie; et il y a encore plus loin, pour les lettres, du siècle de Constantin à celui de Trajan, que de celui de Trajan à celui d'Auguste. L'un avait trouvé le point juste où la grandeur se mêle avec le goût; le second eut les excès de la force; le troisième n'eut que les excès de la faiblesse.

Il semble que ces hommes eussent voulu s'agrandir eux mêmes, en proportion de l'uni-

Глава XVII-я.

Преемникамъ Александра Севера надлежало бы также думать какъ онъ, особливо во время Діоклетіана, когда сдѣлалось *превращеніе*. Азіатская пышность изгладила навсегда древніе слѣды римскихъ нравовъ. Указъ повелѣлъ обожать государя. Умножили все, чѣмъ бы ослѣпить народъ; и многіе императоры сочли себя не обязанными, чтобъ имѣть дѣйствительное величіе. Тогда непомѣрность панегириковъ усугубилась, и они сдѣлались *этикетомъ* престола. Стихотворство, краснорѣчіе и науки, казалось, нѣсколько оживились; но правленіе *совратило* геній; и для наукъ *разстояніе* еще больше отъ вѣка Константина до вѣка Траяна, нежели отъ Траяна до Августа. Одинъ нашелъ *настоящую точку*, гдѣ великость смѣшивается со вкусомъ; другой имѣлъ *излишки* въ силѣ; у третьяго были только *излишки* слабости.

Кажется, что люди сіи хотѣли бы сами *увеличиться*, по мѣрѣ свѣта, надъ которымъ

vers auquel ils commandaient *); mais malgré leurs efforts, condamnés à n'être que des hommes, ils agrandissaient leurs images, et tout ce qui semblait faire partie d'eux mêmes. C'est à la même idée que tenait l'apothéose de leurs prédecesseurs....

Et quand les princes, par les longs séjours et les guerres qui les retenaient en orient, furent accoutumés à l'esprit de ces climats, la servitude des manières qui chez les romains se mêla enfin à la servitude des moeurs, et alors l'habitude de se prosterner, consacrée par l'usage et ordonnée par la loi.

Les provinces étaient plus loin de ces orages. On y apprenait plutôt qu'on ne sentait les révolutions du trône.

Leur commerce y porta cette culture et ce goût qui naît d'abord dans les capitales, parce que le goût n'est que le résultat d'une multitude d'idées comparées et d'une foule de sentimens qu'on ne peut avoir

*) Caligula fut jaloux d'un certain Proculus qui avait une figure colossale et le fit égorger.

владычествовали *), но не смотря на ихъ усилія, осужденные быть только человѣками, увеличивали свои изображенія, и все то, что казалось быть частію ихъ самихъ. Отъ сей же идеи происходили обоготворенія ихъ предшественниковъ....

Когда государи по долговременнымъ *отсутствіямъ и по войнамъ*, которыя задерживали ихъ на востокѣ, привыкли къ свойству сихъ климатовъ, рабство въ *обращеніи*, смѣшавшееся наконецъ у римлянъ съ *рабствомъ нравовъ*, и тогда привычка кланяться въ землю, освященная обыкновеніемъ и предписанная закономъ.

Провинціи отъ сихъ бурь были отдалены. Тамъ скорѣе узнавали, нежели чувствовали, *превращенія престола*.

Торговля ихъ (т. е. римлянъ) принесла туда (т. е. въ Галлію) сіе *образованіе*, и сей вкусъ, который сперва раждается въ столицахъ, потому что вкусъ не иное что, какъ слѣдствіе многихъ *сравненныхъ идей* и

*) Калигула завидовалъ нѣкоему Прокулу, который имѣлъ колоссальную фигуру, и велѣлъ его убить.

que dans l'oisiveté, l'opulence et le luxe.

многихъ чувствованій, которыхъ не можно имѣть *какъ только въ праздности*, въ изобиліи и въ роскоши.

Chapitre XIX, page 312.

Le philosophe observe comment on voit les objets sur le trône. L'historien cherche dans les écrits d'un roi l'histoire de ses pensées. Le critique, qui analyse, étudie le rapport secret qui est d'un coté entre le caractère, les principes, le gouvernement d'un prince, et de l'autre, son imagination, son style, et la manière de peindre ses idées. Plus le prince a de réputation, plus cet intérêt augmente. On aime à voir un homme, admiré dans sa cour et sur les champs de bataille, écrire et penser dans son cabinet, et parler en philosophe aux peuples qu'il sait gouverner en roi.

Глава XIX.

Философъ примѣчаетъ, какъ *видятъ предметы на престолѣ*. Историкъ ищетъ въ писаніяхъ государя *исторіи его мыслей*. Разборчивый критикъ замѣчаетъ тайное отношеніе, которое съ одной стороны находится между характеромъ, правилами, правленіемъ государя, а съ другой, его воображеніе, его слогъ, и образъ *изображать свои идеи*. Чѣмъ славнѣе государь, тѣмъ больше участіе сіе умножается *Любятъ видѣть* человѣка, въ удивленіе приводящаго въ своемъ дворцѣ и на поляхъ сраженія, какъ пишетъ и думаетъ въ своемъ кабинетѣ, и говоритъ какъ философъ народамъ, которыми умѣетъ управлять какъ государь.

Tome second.

Chapitre XXIV.

Ailleurs quelques hommes épars se cachaient parmi des ruines.

Часть 2-я.

Глава 1-я.

Индѣ *нѣсколько разсѣянныхъ человѣкъ* укрывались *между* развалинами.

Des forêts incultes s'élevèrent où l'industrie et la paix avaient fait croître des moissons. Dans plus d'une province, les bêtes féroces prirent la place de l'homme et vinrent s'emparer des pays qu'il laissait désertes.

Le sol de l'ancienne Rome avait été caché deux ou trois fois. Des restes de palais ou de temples noircis par les feux, et un terrain immense couvert de décombres, attestaient seuls son ancienne grandeur.

L'homme dans cet état fut condamné à l'ignorance et à la barbarie. Il devint sauvage comme le globe qu'il habitait. Le barbare qui avait vaincu, c'est-à-dire qui avait égorgé et brûlé, dédaignait des arts inutiles pour les combats.

L'Europe chrétienne fut occupée et divisée tour à tour par les établissemens des barbares, par les incursions des Normands, par l'anarchie de fiefs, par les guerres sacrées des croisades, et par les combats éternels du sacerdoce et de l'empire. Il y eut pourtant à travers ces ravages quelques éclairs de connaissances. On enseigna sous

Запущенные лѣса поднялись тамъ, гдѣ рачительность и миръ произращали жатвы. Свирѣпые звѣри заняли мѣсто человѣка, и овладѣли землями, которыя оставлялъ онъ пусты.

Земля древняго Рима два или три раза была закрыта. Остатки чертоговъ или храмовъ, *отъ огней почернѣвшіе*, безмѣрное пространство земли *ломомъ* покрытое, *одни были свидѣтели его древней великости.*

Въ семъ состояніи человѣкъ присужденъ былъ къ невѣжеству и варварству. Онъ сдѣлался дикъ, какъ и шаръ, на которомъ жилъ. Варваръ побѣдившій, то есть перегубившій и сожегшій, пренебрегалъ искуства, для сраженій безполезныя.

Христіанскую Европу занимали и попеременно раздѣляли населенія варваровъ, набѣги Нормандцовъ, феодальное безначаліе, священныя войны крестоносцевъ и *вѣчныя пренія духовенства и имперіи.* Однако при опустошеніяхъ сихъ были нѣкоторые *блески* познаній. При *Карломанѣ* обучали нѣсколько ариѳметикѣ и грамматикѣ и нѣ-

Charlemagne un peu d'arithmétique et de grammaire et quelques formes de raisonnemens, qu'on prenait pour de la logique.

которымъ образцамъ доводовъ, которые почитались логикою.

Chapitre XXVIII.

Глава 28-я.

Des obstacles, qui avaient retardé l'éloquence *parmi nous*, de sa renaissance, de sa marche et de ses progrès.

О препонахъ, укоснившихъ *между нами* витійство, о его возрожденіи, теченіи и успѣхахъ.

Jamais on ne loua tant. Ce fut pour ainsi dire la maladie de la nation. Heureusement l'éloquence et le goût s'étaient formés. Au defaut de la fierté du caractère, on avait du moins le mérite du génie. On louait tantôt avec délicatesse, tantôt avec pompe; et ces courtisans polis, sous un gouvernement qu'avait de l'éclat, mêlaient de la dignité dans leurs hommages, et honoraient par l'éloquence les maîtres qu'ils flattaient.

Никогда столько не хвалили. [Здѣсь говорится о вѣкѣ Людовика XIV]. Сіе было такъ сказать болѣзнію націи. По недостатку *гордости* въ *характерѣ*, по крайней мѣрѣ имѣли *достоинство генія*. Хвалили то съ чувствительностію, то съ великолѣпіемъ; и сіи придворные *учтивцы* присоединяли *достоинство* къ своей предапности, и витійствомъ оказывали почитаніе *господамъ*, которымъ льстили.

Il serait peut-être curieux de chercher comment l'éloquence perdue depuis tant de siècles...

Любопытно *бы* можетъ *быть было* поискать, какъ витійство за столько вѣковъ *потерянное*...

Elle fut longtemps, comme la monarchie française, un amas de débris.

Языкъ нашъ, какъ и французская монархія, долго были *грудою отрывковъ*.

Mais peu-à-peu elle perdit ses prononciations barbares, et

Но мало по малу потерялъ свои варварскія произношенія,

se rapprocha par degrés de l'harmonie. Car il en est des langues, comme des sables qui roulent dans les rivières et qui s'arrondissent par le mouvement...

Chapitre XXIX, page 120.

De Mascaron et de Bossuet.

Deux orateurs célèbres, Fléchier et Bossuet, le fixèrent, comme deux grands poëtes avaient fixé l'art bien plus difficile de la tragedie.

Le génie se monta ensuite à une élévation pleine de grandeur, mais inégale. Enfin les esprits se polissant, mais s'affaiblissant un peu, vinrent par les progrès des lumières à ce point où le goût des détails fut plus parfait, mais où l'élégance continue nuisit à la grandeur et sans doute à la force. Telle est peut-être la marche nécessaire des esprits dans tous les arts: telle fut celle de l'oraison funèbre. Mascaron fut dans ce genre ce que Rotrou fut sur le théâtre. Rotrou annonça Corneille; et Mascaron Bossuet.

и постепенно приближился къ *гармоніи*. Поелику съ языками тоже бываетъ, какъ съ песками, которые *катятся въ рѣкахъ*, и отъ движенія округляются...

Глава 29-я.

О Маскоронѣ и Боссюэтѣ.

Два славныхъ оратора, Флешьеръ и Боссюэтъ, оный (т. е. родъ надгробныхъ рѣчей и панегириковъ) утвердили, какъ два великихъ стихотворца *опредѣлили труднѣйшее искусство трагедіи.*

Потомъ геній простерся къ полному возвышенію великости, но неровной. Наконецъ умы, изощряясь, но нѣсколько ослабѣвая, по успѣхамъ въ познаніяхъ достигли сей *точки*, гдѣ вкусъ въ *подробностяхъ* былъ совершеннѣе, но гдѣ непрерывное украшеніе вредило *великости*, безъ сумнѣнія и силѣ. Таковъ можетъ *быть былъ* нужный умамъ ходъ во всѣхъ искусствахъ: *таковъ былъ надгробнаго слова*. Маскаронъ въ семъ родѣ былъ то, что Ротру на театрѣ. Ротру *возвѣстилъ* Корнеля; а Маскаронъ Боссюэта.

Sa manière tient à celle des deux hommes célèbres qui, en le suivant, l'ont effacé. Il semble qu'il s'essaye à la vigueur de Bossuet, et aux détails heureux de Fléchier.

Образъ его подходитъ къ образу двухъ славныхъ мужей, которые, послѣдуя ему, его затмили. Кажется, что онъ покушается достигнуть *силы Боссюэта и счастливыхъ подробностей Флешьера.*

A mesure qu'il avance, on voit que son siecle l'entraîne; et de l'oraison funèbre d'Anne d'Autriche à celle de Turenne, il y a peut-être la même distance que de Saint Genêt à Vinceslas *), ou de Clitandre à Cinna.

Потому, *какъ идетъ онъ впередъ*, видно, что вѣкъ его *увлекаетъ*; и отъ надгробнаго слова Аннѣ Австрійской до слова Тюреню, такое же можетъ быть *разстояніе*, какъ отъ Сентъ-Женетъ до Винцеслава *) или отъ Клитандра до Цинны.

Quelquefois son âme s'élève, mais soit le défaut du temps, soit le sien, quand il veut être grand, il trouve rarement l'expression simple. Sa grandeur est plus dans les mots que dans les idées.

Иногда душа его (Маскарона) *возносится*, но или виною время, или онъ, когда хочетъ быть великъ, рѣдко находитъ простое выраженіе. Великость его больше въ словахъ, нежели въ идеяхъ.

Trop souvent il retombe dans la métaphysique de l'esprit, qui paraît une espèce de luxe, mais un luxe faux qui annonce plus de pauvreté que de richesse.

Весьма часто заходитъ въ метафизику ума, что кажется родомъ роскоши, но ложной, которая означаетъ больше бѣдности, нежели богатства.

Son plus grand mérite est d'avoir eu la connaissance des hommes. Il a dans ce genre des choses senties avec esprit et rendues avec finesse. Ainsi dans

Наибольшее его достоинство въ томъ, что имѣлъ познаніе о людяхъ. Въ семъ родѣ имѣетъ онъ вещи, *умомъ ощущенныя и остро представленныя*. Такъ

*) Deux tragédies de Rotrou.

*) Двѣ трагедіи де Ротру.

l'oraison funèbre de Henriette d'Angleterre, il dit, en parlant des princes, «qu'ils s'imaginent avoir un ascendant de raison comme de puissance; qu'ils mettent leurs opinions au même rang que leurs personnes; et qu'ils sont bien aises, quand on a l'honneur de disputer avec eux, qu'on se souvienne qu'ils commandent à des légions».

въ надгробномъ словѣ Генріеттѣ Англинской, бесѣдуя о государяхъ, говоритъ, «они воображаютъ, что столько же превосходствуютъ разумомъ, сколько могуществомъ; что мнѣнія свои ставятъ на томъ же степени, какъ и свои особы; и что довольны бываютъ, когда кто имѣетъ честь съ ними состязаться, дабы помнили, что у насъ легіоны въ послушаніи.»

On ne peut douter que Bossuet, en composant cet éloge funèbre, ne fût profondément affecté, tant il y parle avec éloquence et de la misère et de la faiblesse de l'homme! Comme il s'indigne de prononcer encore les mots de grandeur et de gloire! Il peint la terre sous l'image d'un débris vaste et universel; il fait voir l'homme cherchant toujours à s'élever, et la puissance divine poussant l'orgueil de l'homme jusqu'au néant, et pour égaler à jamais les conditions, ne faisant de nous tous qu'une même cendre. Cependant Bossuet, à travers ces idées générales, revient toujours à la princesse; et tous ses retours sont des cris de douleur.

Сумнѣваться не можно, чтобъ Боссюэтъ, сочиняя сію надгробную рѣчь, не былъ *глубоко тронутъ:* съ толикимъ краснорѣчіемъ говоритъ онъ въ ней о бѣдности и о слабости человѣка! Какъ раздражается, произнося еще слова *великости* и *славы*! Онъ представляетъ землю въ видѣ пространной и повсемственной *глыбы*, показываетъ человѣка ищущимъ всегда возвыситься, и божеское могущество обращающимъ гордость человѣка въ ничтожество, и для уравненія навсегда состояній дѣлающимъ изъ всѣхъ насъ тотъ же токмо *пепелъ*. Однако Боссюэтъ, чрезъ сіи всеобщія идеи, всегда возвращается къ принцессѣ; и всѣ его возвраты суть восклицанія печали.

On n'a point encore oublié, au bout de cent ans, l'impression terrible qu'il fit, lorsqu'après un morceau plus calme, il s'écria tout-à-coup: «O nuit désastreuse! o nuit effroyable! où retentit comme un éclat de tonnerre, cette étonnante nouvelle: madame se meurt, madame est morte». Et quelques momens après, ayant parlé de la grandeur d'âme de cette princesse, tout-à-coup il s'arrête, et montrant la tombe où elle était renfermée: «la voilà, malgré son grand coeur, cette princesse si admirée et si chérie; là voilà telle que la mort nous l'a faite! encore ce reste tel quel va-t-il disparaître. Nous l'allons voir dépouillée, même de cette triste décoration. Elle va descendre à ces sombres lieux, à ces demeures souterraines, pour y dormir dans la poussière avec les grands de la terre, avec ces rois et ces princes anéantis, parmi lesquels à peine peut-on la placer, tant les rangs y sont pressés! tant la mort est prompte à remplir ces places»! Puis tout-à-coup il craint d'en avoir trop dit. Il remarque que la mort ne nous laisse pas même de quoi occu-

По прошествіи ста лѣтъ не забыли еще страшнаго впечатлѣнія, которое онъ сдѣлалъ, когда послѣ статьи болѣе тихой, вдругъ возопилъ: «О злочастная ночь! о ужасная ночь! въ которую, какъ громовой ударъ, разнеслась сія дивная новость: *мадамъ кончается, мадамъ скончалась*!» И чрезъ нѣсколько минутъ, говоривши о великости души сей принцессы, вдругъ останавливается, и указуя на гробъ, въ которомъ была она *заключена*: «вотъ она, не смотря на ея изящное сердце, вотъ принцесса сія, столь любезная! *вотъ она такая, какою намъ смерть ее сдѣлала! Еще сей остатокъ такой, какого скоро не будетъ.* Мы увидимъ ее лишенную и сего печальнаго украшенія. Она низойдетъ въ сіи мрачныя мѣста, въ сіи подземныя жилища, чтобъ почивать тамъ въ прахѣ съ великими земли, и съ сими государями, и съ сими уничтоженными принцами, между которыми едва помѣстить ее можно, *столько достоинства тамъ сближены! Столь поспѣшна смерть къ наполненію сихъ мѣстъ»!* Потомъ вдругъ убоялся, что много сказалъ. Замѣча-

per une place, et que l'espace n'est occupé que par les tombeaux.

Mais il peint souvent par de grands traits l'homme que La Bruyère n'a peint que par les ridicules et les faiblesses. S'il n'a pas l'éloquence et la sublimité de Pascal, il n'a pas non plus cette philosophie ardente et sombre qu'on lui a justement reprochée: celle de Vauvenargues est plus douce; elle tend la main à l'homme, le rassure et l'élève. Ce philosophe sensible avait à peine trente ans quant il mourut.

«Tu n'es plus, s'écrie l'ora«teur; tu n'es plus, o douce es«pérance du reste de mes jours! «O ami tendre! la retraite de «Prague, pendant trente lieues «de glace, jetta dans ton sein «les semences de la mort, que «mes tristes yeux ont vu depuis «se devélopper. *Familiarisé* avec «le trépas, tu le sentis appro«cher avec cette indifférence que «les philosophes s'efforçaient ja«dis ou d'acquérir, ou de mon«trer.

Et après avoir parlé de son gout, de sa philosophie et de

етъ, что смерть не оставляетъ намъ и того, *чѣмъ занять мѣсто*, и что оно занято только гробами.

Но часто изображаетъ великими чертами человѣка, котораго Ла-Брюеръ изобразилъ только *издѣвками* и *слабостями*. Если не имѣетъ краснорѣчія и выспренности Паскаля, то не имѣетъ также и сей пылкой и мрачной философіи, которою его справедливо укоряли; философія Вовенарга *милѣе*; она простираетъ руку къ человѣку, ободряетъ его, и *возноситъ*. Сей чувствительный философъ едва имѣлъ тридцать лѣтъ *какъ умеръ*.

Тебя нѣтъ больше, восклицаетъ ораторъ, тебя нѣтъ больше, о сладостная надежда *остатка дней* моихъ! О нѣжный другъ! Отступленіе отъ Праги, черезъ тридцать миль *по льду*, посѣяло въ груди твоей сѣмена смерти, которыхъ *разверзаніе* видѣли потомъ печальные мои глаза. *Признавшись* къ смерти, ты чувствовалъ приближеніе ея съ симъ равнодушіемъ, которое философы силились нѣкогда или пріобрѣсть или показать.

И поговоря о его вкусѣ, о его философіи и о его красно-

son éloquence, il ajoute: «Comment avais-tu pris un essor si «haut dans le siècle de petitesses? et comment la simplicité «d'un enfant timide couvrait-elle «cette profondeur et cette force «de génie?

рѣчи, присовокупляеуъ: «Какъ *бралъ* ты толь высокій *полетъ* въ вѣкѣ *малостей?* и какъ простота боязливаго младенца скрывала сію глубину и сію силу генія?

Chapitre XXXIII.

Глава 33-я.

Tous ceux qui prêchaient, prirent l'habitude de louer. On parlait à Louis XIV de ses devoirs, mais on lui parlait presque autant de ses vertus: on mêlait avec adresse au langage de l'évangile le langage des cours.

Всѣ тѣ, которые сказывали проповѣди, сдѣлали привычку хвалить (Людовика XIV). Говорили Людовику XIV о его должностяхъ, но почти *столько же* говорили ему о его добродѣтеляхъ: искусно присовокупляли *къ слову евангелія рѣчь придворную*.

Outre ces éloges periodiques et saints, il y en avait d'autres tout profanes, que chaque circonstance et chaque année faisait naître. On n'en trouve guères avant la mort de Mazarin.

Кромѣ сихъ періодическихъ и *святыхъ* рѣчей, были другія совсѣмъ свѣтскія, которыя отъ каждаго обстоятельства и ежегодно раждались. *До смерти* Мазарина *ихъ не находятъ*.

On voit que le bien et le mal de ce règne célèbre tient à une seule idée, une idée de grandeur, tantôt exagérée et tantôt vraie.

Можно видѣть, что *добро* и *худо* сего царствованія (Людовика) зависитъ отъ одной идеи великости, то *увеличенной*, то справедливой.

Si on l'examine du côté des talens, il avait un coup d'oeil sûr. Entouré de grands hommes, il eut le mérite de les croire. L'ap-

Если разсмотрѣть его (Людовика XIV) со стороны талантовъ, то *глазъ его былъ вѣренъ*. Окруженный великими людьми,

plication lui donna le génie de l'expérience.

имѣлъ онъ *достоинство* имъ вѣрить. Прилежаніе дало ему *геній опытности.*

Разсматривательный комитетъ, судя о достоинствѣ и качествѣ сего перевода по весьма многимъ мѣстамъ онаго, изъ коихъ здѣсь приведены только краткія выписки, мнѣніемъ полагаетъ, что академія россійская въ изданіи сего перевода отъ своего имени, въ настоящемъ его видѣ, участія принять не можетъ.

А. Никольскій.
П. Карабановъ.
А. Севастьяновъ.
Князь Сергій Шихматовъ.

393) Пѣснь на новый 1797 годъ его императорскому величеству всемилостивѣйшему государю Павлу Петровичу, императору и самодержцу всероссійскому и прочая, и прочая, и прочая, отъ вѣрноподданнѣйшаго Николая Озерецковскаго, академіи наукъ члена. Въ Санктпетербургѣ. Печатано съ дозволенія управы благочинія.

Се нынѣ новый годъ изъ вѣчности выходитъ,
Свѣтилъ небесныхъ сонмъ съ собою къ намъ выводитъ;
Въ россійской онъ странѣ другое солнце зритъ,
Предъ коимъ свѣтлый ликъ созвѣздій предстоитъ:
Зритъ Павла Перваго владыкою народовъ,
Которые къ нему отъ солнечныхъ восходовъ
До странъ полунощныхъ усердіемъ горятъ,
И въ жертву принести сердца свои спѣшатъ.
Съ веселіемъ сей годъ теченье начинаетъ,
И множество утѣхъ Россіи обѣщаетъ:
Отъ Павла встрѣченъ онъ излитіемъ щедротъ
На вѣрныхъ подданныхъ, на бѣдныхъ, на сиротъ;
За тѣмъ и ускорилъ въ его притти державу,
Чтобъ видѣть Павлову гремящу всюду славу.
Вступленіе твое на царство, государь,
Для всей имперіи небесный было даръ:

Съ престола твоего вдругъ полились щедроты;
Узрѣлися твои изящныя доброты;
Ты свѣтомъ мудрости престолъ твой озарилъ,
И очи умныя на царство устремилъ,
Чтобъ укрѣпить его первѣйшія подпоры.
Предстали предъ тобой священные соборы,
Что служатъ олтарю Всевышняго Царя,
И вѣрою къ нему чистѣйшею горя,
Всецѣлость оныя въ народѣ соблюдаютъ,
Раздоры и вражды отъ обществъ отвращаютъ.
Служенія сего ты важность понималъ,
Вліяніе его на разумы видалъ;
За тѣмъ, чтобъ ободрить учителей церковныхъ
Въ желаемыхъ трудахъ, въ ихъ подвигахъ духовныхъ,
Особенныя имъ ты милости явилъ,
И знаки почестей на нихъ тѣ возложилъ,
Какіе воиновъ, вельможей украшаютъ,
Да тѣ жъ поборниковъ по церкви отличаютъ.
Отъ сихъ подвижниковъ къ другимъ преходъ твой скоръ:
На храбрыхъ воиновъ свой обращаешь взоръ,
Которы мужествомъ отечеству служили,
Ни крови за него, ни жизни не щадили;
Которыхъ силою враговъ твердь потряслась,
И множествомъ побѣдъ Россія вознеслась.
Хотя она своимъ блаженствомъ веселится,
Ни зависти враговъ, ни злобы не страшится;
Хоть въ браняхъ нужды нѣтъ и вредно ихъ желать,
Но должно воина впередъ приготовлять,
Чтобъ онъ хотѣлъ, умѣлъ и не робѣлъ сражаться,
Когда противники заставятъ ополчаться.
Великій въ воина вливается тѣмъ духъ,
Когда съ нимъ государь обходится какъ другъ,
Когда его своимъ примѣромъ научаетъ,
И мановеніемъ исправность одобряетъ.
Начало положивъ въ твореніи своемъ,
Тожъ равно дѣлаешь, монархъ, и въ войскѣ всемъ:
Присутствуешь въ полкахъ, творишь, повелѣваешь,
Искуство, мужество собою въ нихъ вселяешь;
Но чтобы больше духъ военный оживить,

Чтобъ ревность въ ратникахъ сугубо возбудить,
Награды изліялъ чиновнымъ за служенье,
Служащимъ за труды содѣлалъ ободренье:
Избавилъ воина, служивша двадцать лѣтъ,
За коимъ никакихъ пороковъ въ службѣ нѣтъ,
Отъ всѣхъ жестокостей тѣлесна наказанья;
Да и призналъ его достойнымъ воздаянья;
Святыя Анны знакъ носити повелѣлъ,
Чтобъ той свидѣтель былъ служенія и дѣлъ.
Въ то время какъ тобой дѣла сіи творятся,
И подвигамъ твоимъ всѣ зрители дивятся,
Небесныхъ ангелъ странъ твой возхищаетъ духъ,
И умнымъ очесамъ Россіи кажетъ кругъ,
Различны племена народовъ представляетъ;
Вниманіе твое на гласъ ихъ обращаетъ;
Доходятъ до тебя мольбы, желанья ихъ,
И нѣжность трогаютъ сердечныхъ чувствъ твоихъ;
Подвигся къ милости, какой не ожидали,
Иль паче оную возможной не считали:
Воинскіе велѣлъ наборы прекратить,
И набранныхъ крестьянъ въ ихъ домы возвратить.
Велѣнія твои тотъ ангелъ возвѣщаетъ,
Всѣ домы, хижины весельемъ наполняетъ;
Слезъ радости у всѣхъ источники текутъ;
Во храмы юноши и старцы вдругъ бѣгутъ,
Благодареніе Всевышнему приносятъ,
Теплѣйшею мольбой Утѣшителя просятъ,
Чтобъ Павла онъ любилъ,
Чтобъ Павла онъ хранилъ,
Чтобъ Павловъ родъ продлился,
И Павелъ въ немъ хранился.
Но только ли причинъ о Павлѣ намъ просить?
Какъ скоро бремя онъ монарха сталъ носить,
Свободные пути всѣмъ подданнымъ открылись,
И двери радости къ престолу отворились.
Терпѣніе къ царю безъ трудности идетъ,
И хартію свою въ рукахъ къ нему несетъ;
Почтенную сію царь добродѣтель знаетъ,
Прошеніе ея онъ кротко принимаетъ;

Она исходитъ вонъ съ блистающимъ лицемъ,
И хвалится своимъ монархомъ и отцемъ.
Забвенное потомъ достоинство въ сѣдинѣ,
При близости къ своей, съ унынія, судьбинѣ,
Забывшее пути къ величеству въ чертогъ,
Шагами слабыми колеблющихся ногъ,
До внутреннихъ царя покоевъ достигаетъ,
И двери царскія отверсты обрѣтаетъ,
Предъ свѣтлое лице монарха предстаетъ,
Подданническій долгъ преклонно отдаетъ;
Монаршія его щедроты оживляютъ,
Померкшее во тьмѣ доброты озаряютъ;
Исполнено отрадъ выходитъ отъ царя,
За бездну милостей его благодаря.
Неволя наконецъ стѣнами ограждена,
Иль въ разныя мѣста Россія отдаленна,
Лишенна способовъ себя освободить,
Чтобъ въ милостяхъ его участницею быть,
Сквозь стѣны изъ дали свой громкій гласъ возноситъ,
Свободы у царя изъ заточенья проситъ;
Но прежде, нежель гласъ ея достигнуть могъ,
Желаніе царю влагаетъ въ сердце Богъ,
Свободу даровать соперникамъ плѣненнымъ,
Разсѣяннымъ вдали, въ темницахъ заключеннымъ;
Въ жилище мрачное неволи входитъ самъ;
Не вѣруетъ она во тьмѣ своимъ глазамъ;
Онъ помраченныя ей очи отверзаетъ,
Прозрѣвшую въ нощи на вѣки свобождаетъ.

По разнымъ странствуетъ она уже землямъ,
По дальнымъ плаваетъ изъ края въ край морямъ,
Россійскаго царя повсюду прославляетъ,
Дѣянія его народамъ извѣщаетъ,
Повѣдаетъ что онъ, какъ дѣятеленъ самъ,
Такъ любитъ и въ другихъ приверженность къ трудамъ;
Супругу и сыновъ къ служенью призываетъ,
И должности на нихъ приличны возлагаетъ,
Чтобъ вѣрныхъ у себя помощниковъ имѣть,
Дабы въ правленіи надежнѣе успѣть.
Другая вѣсть враговъ Россіи устрашаетъ,

Что Павелъ въ воинствѣ духъ, храбрость возбуждаетъ,
Что онъ уже успѣлъ служащихъ наградить,
И тѣмъ къ себѣ любовь и ревность въ нихъ родить.
Но дружество всегда безъ зависти, безъ лести,
Для будущихъ временъ записываетъ вѣсти,
Что страны цѣлыя онъ щедро наградилъ,
Старинныя права имъ вѣчно возвратилъ;
Что паки свой народъ всемѣстно облегчаетъ,
Церерины дары съ него брать запрещаетъ;
Что онъ при множествѣ вседневныхъ важныхъ дѣлъ,
Училища дѣтей самъ быстро обозрѣлъ,
Проникъ порядки ихъ, науки и ученье,
Наградой ободрилъ успѣхи и раченье,
Старѣйшинъ поощрилъ къ несенію трудовъ,
Чтобъ отъ питомцовъ ихъ зрѣть болѣе плодовъ;
Что онъ во всѣхъ дѣлахъ премудро поступаетъ,
Земныя племена примѣромъ научаетъ,
Какъ должно почитать родителей своихъ,
Какъ дѣтямъ прославлять по смерти память ихъ.
Россія на дѣла монарховы взирая,
Оказанныя ей щедроты исчисляя,
Блаженнымъ навсегда считаетъ жребій свой,
И проситъ милости у Бога токмо той,
Чтобъ Павелъ въ тишинѣ несчетны прожилъ годы;
Все прочее ему дадутъ его народы:
Науки юношей къ познаньямъ поведутъ,
Познанія плоды обильны принесутъ;
Копатели земли въ ея утробу пройдутъ,
До камней дорогихъ и до металловъ дойдутъ;
Оратай утучнитъ трудомъ своимъ поля,
Обиліе плодовъ произведетъ земля;
Избытки отвезетъ купецъ въ чужія царства,
Въ Россіи дальныхъ странъ умножатся богатства;
Россія въ крѣпости возстанетъ, процвѣтетъ,
И Павлу монументъ отъ злата вознесетъ.

394) Полное собраніе законовъ россійской имперіи. 1830. Т. XXIV, стр. 2, 5, 6, 21, № 17538, 17547, 17556, 17585 и др.

395) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 227, № 10620, л. 96—97 об.

396) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 227, № 10620, л. 15—18, л. 11—14. Письмо академиковъ: Озерецковскаго, Гурьева и Севастьянова 15 декабря 1801 года. — Письмо академика Фусса къ министру народнаго просвѣщенія:

Monsieur le comte,

Animé du désir de rendre à l'académie des sciences son ancienne splendeur votre excellence a daigné me demander un exposé des mesures à prendre de la part du ministère confié à votre direction sage et éclairée pour relever cet établissement, la première et la plus ancienne institution savante de l'empire. Avant d'articuler ces mesures votre excellence voudra bien me permettre de les motiver en lui découvrant les playes secrètes qui ont fait tomber ce corps, autrefois si sain et si robuste, dans l'état de langueur où il se trouve à présent. Faire connaître sa maladie, c'est indiquer en même temps les moyens de la guérir.

Les causes qui ont contribué le plus à faire tomber l'académie en décadence, et qui l'empêchent de se replacer au rang éminant qu'elle a occupé autrefois à côté des premières académies de l' Europe, sont:

1°) Le défaut d'un reglement en vigueur dans tous ses articles, qui, en traçant au chef et aux membres, d'une manière claire et immuable, et leurs droits et leurs devoirs, mît chacun dans l'impossibilité d'outrepasser les premiers et de se soustraire aux autres. Le reglement donné à l'académie en 1747 et confirmé par l'impératrice Elisabeth de glorieuse mémoire, en donnant un pouvoir presque illimité au président, a souffert, par les chefs mêmes, des altérations qui ont anéanti presque toute sa force. On ne le cite plus que pour appuyer des motions que l'un ou l'autre de ses paragraphes semble favoriser.

2°) Le défaut d'un état conforme aux prix actuels des articles de première nécessité, et l'impossibilité, où l'académie se trouve, de payer aux académiciens des appointemens qui les

missent dans un état d'honnête aisance. Dans l'état dressé en 1747 les gages des académiciens furent fixés à 800 roubles avec une addition de 60 roubles pour le quartier et le bois. Les chefs qui régirent l'académie sous le règne de l'impératrice Cathérine II de glorieuse mémoire, convaincus de l'insuffisance absolue d'un tel salaire, et se prévalant du droit que leur donnait le 10e article du reglement, augmentèrent, à la vérité, les appointemens de quelques académiciens jusqu' à 1000 et 1200 roubles; mais les fonds de l'académie ne leur permirent pas d'aller plus loin et de proportionner les gages au rencherissement toujours croissant des besoins de la vie. Encore à présent il y a des l'académiciens d'un mérite reconnu qui, après avoir servi avec honneur 20 et 30 ans, n'ont que 1000 roubles d'appointemens, tandis que les professeurs de la nouvelle université de Dorpat en ont 2000, sans compter les honoraires des étudians.

3°) Le trop petit nombre d'académiciens, réduit à présent à neuf, parmi lesquels il y en a deux, à qui leur âge et leurs services rendus donnent une espèce de dispense de toute fonction pénible. La mort a enlevé à l'académie la plupart de ses membres les plux distingués. D'autres ont quitté son service pour chercher dans des carrières plus lucratives les moyens de subsistance, dont la carrière académique leur fermait toute perspective.

4°) L'impossibilité de remonter l'académie et de remplir les places vacantes par des savans d'une certaine célébrité et propres à travailler au perfectionnement des sciences, impossibilité qui subsistera tant que l'académie ne pourra offrir à ceux qu'elle appelle pour enrichir les sciences de nouvelles découvertes, que la moitié de ce qui a été accordé aux professeurs d'une université dont le devoir se borne au simple enseignement.

5°) La parcimonie, avec laquelle les chefs et la chancellerie ont refusé et refusent (peut être par des vues d'économie nécessaire, que la modicité de l'état académique excuse) toute dépense un peu considérable, proposée pour l'achat d'instrumens, de livres

ou autres subsides littéraires. Qui croirait, par exemple, que tout ce que l'académie possède en fait d'instrumens pour les expériences si intéressantes sur le galvanisme, se réduit à une petite batterie de 30 plaques de cuivre et de zinc; que l'observatoire, d'ailleurs abondamment pourvu d'instrumens anciens, n'a point de cercle multiplicateur, point de sextant à réflexion, point d'horizon artificiel de nouvelle invention; que l'académie n'a point de laboratoire chymique, si l'on ne veut décorer de ce nom la ci-devant cuisine de mr. Lowitz; que son jardin botanique est presque nul; que les effets dévastateurs du tems et la teigne consument son cabinet d'histoire naturelle et diminuent journellement le nombre des objets qui s'y conservent et dont les augmentations ne sont qu'occasionelles; que les meilleurs ouvrages nouveaux manquent à la bibliothèque qui ne s'enrichit presque que des présens qu'on lui fait.

6°) Le dénûment absolu des moyens de former et d'exécuter de ces grandes entreprises qui par leur importance et leur utilité puissent électriser les esprits et raviver l'activité qui a été si imposante et si fructueuse du temps des expéditions académiques faites sous le règne de Cathérine II, époque glorieuse pour la Russie, pour l'académie et pour les sciences, qui, en perfectionnant la géographie de l'empire, a fait aussi connaître en même tems la richesse de ses productions naturelles et l'immensité de ses ressources.

7°) Le patriotisme mal entendu de quelques académiciens de la nation, qui, soutenant que l'académie ne doit dorénavant être composée que de savans indigènes, s'opposent à l'engagement de tout savant né hors de la Russie, quelque mérite et quelque réputation qu'il ait — principe illibéral et indigne d'une société de savants, qui n'est adopté nulle part, pas même chez des nations, où elles auraient toutes les facilités imaginables de se composer de savans nationaux.

Voici, monsieur le comte, un tableau fidèle de l'état dans

lequel se trouve cette académie illustrée jadis par les noms des Euler, Bernoulli, Bayer, Gmelin, Muller, et tant d'autres noms chers aux sciences. Encore jouit-elle d'une ombre de sa gloire passée, mais qui va s'éteindre, sans l'intervention promte et efficáce du ministère appellé à diriger les institutions savantes de l'empire.

Le *premier* moyen de la relever, sans lequel tous les autres seront impossibles, c'est de présenter à la confirmation de sa majesté l'empereur le projet de reglement dressé par le comité nommé pour cet effet le 18 mars passé, après que votre excellence y aura fait les changemens et modifications que la création du nouveau ministère et d'autres considérations lui paraîtront rendre nécessaires.

Le *second* moyen, auquel tiennent pareillement tous les autres, c'est la confirmation d'un nouvel état qui assûre à l'académicien des appointemens proportionnés aux pris actuels des subsistances, qui lui offre la perspective d'une retraite à sa viellesse et celle de quelque secours à sa famille après sa mort. Le comité n'avait pas osé fixer à plus de 1800 roubles les appointemens des plus anciens académiciens, ni à plus de 1200 ceux des plus jeunes. Maintenant que la munificence impériale vient d'accorder 2000 roubles à chaque professeur de l'université de Dorpat, j'ose représenter à votre excellence que ce serait dégrader en quelque façon l'académie des sciences, que de traiter moins favorablement les savans qui la composent, et je la supplie d'effectuer que l'article des appointemens soit changé dans le nouvel état et que les académiciens soient au moins mis de niveau, à cet égard, avec les professeurs de Dorpat.

Le *troisième* moyen de relever l'académie sera préparé par l'exécution des deux précédens. Pourvue d'un nouveau reglement et d'un état suffisant, l'académie se verra dans la possibitité d'augmenter le nombre des académiciens, de remplir les places vacantes par des savans de réputation et d'un mérite reconnu, et de mettre plus d'activité dans l'exercice de leurs fonctions, en

les pourvoyant de tous les secours qu'exigeront leurs recherches. Les sommes stipulées dans l'état pour les différens départemens mettrout l'académie dans l'état de remonter le cabinet de physique, celui d'histoire naturelle, le jardin botanique, l'observatoire et la bibliothèque, qui peu à peu reprendront un aspect plus digne du premier corps savant d'un grand empire.

Un *quatrième* moyen est indiqué et motivé dans le protocolle que j'ai eu l'honneur de présenter à votre excellence mercredi passé. J'y ai dit ce qui manque à l'observatoire pour être conforme à l'état de perfection où l'astronomie pratique a été portée de nos jours. Je me refère donc à l'exposé que j'ai fait dans ce protocolle (№ 67) au sujet de l'observatoire, du laboratoire chymique et du théatre anatomique. Il servira de supplément à ce mémoire.

Le *cinquiéme* moyen de ranimer l'académie sera de la charger, quelque tems après sa réorganisation, de quelque grande entreprise scientifique. La géographie, l'astronomie, la physique générale, offrent encore bien des problèmes qui pour être résolus demandent le concours de plusieurs savans réunis en un corps et travaillant de concert et par goût et par devoir. La Russie, par sa vaste étendue, par la diversité de ses climats, la variété de ses productions, la différence des moeurs, des genres de vie, des cultes des peuples qui l'habitent, présente des objets de recherches du plus grand interêt. Maîtresse de l'Archipel qui unit l'Asie orientale au continent de l'Amérique septentrionale; en possession d'un autre qui la rend voisine du Japon; limitrophe de la Chine, de la Boukharie qui l'est elle-même du Thibet, pays presqu' inconnu encore sous tant de rapports; enrichie de nouvelles acquisitions où jamais naturaliste a mis le pied, cette position met la Russie à la portée des découvertes les plus intéressantes; et l'académie, régénerée par les soin de votre excellence et forte de la protection du ministère, sera en état de rendre cette position utile aux sciences. Puisse-t-elle un jour payer de cette manière à la patrie le tribut de reconnaissance qu'elle

lui doit et meriter le regard propice de son auguste souverain!

J'ai l'honneur d'être avec le plus réspectueux dévouement,

monsieur le comte,

de votre excellence

le très-humble et très obéissant serviteur

Nicolas Fuss.

Ce 17 janvier.
1803.

397) Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей московскаго университета. 1855. Ч. I, стр. 68—89. Статья о Баузе, Н. С. Тихонравова.

398) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 227, № 10620, л. 22—48. Проэктъ устава академіи наукъ, статьи 1-я и 7-я.

399) Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія. 1804. № IV, стр. 342, 343, 372. Регламентъ императорской академіи наукъ. §§ 1, 2, 5, 99.

400) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 5, № 36742; журналъ коммиссіи объ училищахъ 13 сентября 1802 года.— Картонъ 1009, № 39034 и картонъ 209, № 9594. Исправляющій должность министра народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицынъ объявилъ 13 февраля 1817 года, что государь императоръ, желая облегчить въ трудахъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Озерецковскаго, по уваженію къ преклоннымъ лѣтамъ его, уволилъ его отъ присутствія въ главномъ правленіи училищъ съ оставленіемъ при немъ званія члена онаго.

401) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 5, № 36742. Журналъ коммиссіи объ училищахъ 20 сентября 1802 года.

402) Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія. № I, стр. 7. Предварительныя правила народнаго просвѣщенія. 14-е.

403) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 7, № 36744. Журналъ главнаго правленія училищъ 7 февраля 1803 года.

404) Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія. 1864. Царствованіе императора Александра I. Т. I, стр. 264—301. Уставы университетовъ, утвержденные 5 ноября 1804 года, § 48, 159, 54, 61, 62, 13, 27, 42, 11 и т. д.

405) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 1316, № 38761, л. 33—58.

Мнѣніе о двухъ предложенныхъ способахъ къ предупрежденію злоупотребленій тисненія, съ пріобщеніемъ предначертанія устава цензуры.

Его сіятельство министръ народнаго просвѣщенія препроводилъ къ намъ манифестъ короля датскаго объ ограниченіи свободы книгопечатанія въ Даніи и представленіе попечителя с.-петербургскаго округа, относительное до мѣръ, какія должно предпринять у насъ по сему же предмету. Разсмотрѣвъ оныя со вниманіемъ, честь имѣемъ представить мнѣніе наше главному училищъ правленію въ надеждѣ, что оно благоволитъ разсмотрѣть оное прежде, нежели приступитъ къ выбору мѣръ для предупрежденія злоупотребленій, могущихъ вкорениться отъ уничтоженія прежней строгой цензуры.

Его превосходительство г. дѣйствительный камергеръ Новосильцовъ, показавъ необходимость сихъ мѣръ, предложилъ главному училищъ правленію два способа къ предупрежденію злоупотребленій и къ ограниченію свободы тисненія въ Россіи.

1-е) Изданіе постановленія сообразнаго датскому манифесту, которымъ бы ясно и точно было опредѣлено все то, что̀ печатать запрещается подъ опасеніемъ наказаній, соразмѣрныхъ важности преступленій, учиненныхъ нарушителями сихъ постановленій.

2-е) Учрежденіе цензурныхъ комитетовъ, которые бы по силѣ VII пункта высочайшаго манифеста изданнаго 8-го сентября 1802 года состояли въ вѣдѣніи министра народнаго просвѣщенія.

Главное училищъ правленіе наклонно было принять первую мѣру, какъ сходнѣйшую съ духомъ правленія дружелюбнаго и покровительствующаго просвѣщенію. Безпрекословно, что мѣра сія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ должна имѣть явное предъ второю преимущество, наипаче, если строгость заключится въ нѣкоторые предѣлы и положены будутъ денежныя взысканія, со-

образно мнѣнію Николая Николаевича (Новосильцова); но прочитавъ со вниманіемъ датскій манифестъ, и сообразивъ оба предложенные способа, мы полагаемъ, что въ другихъ отношеніяхъ второй способъ будетъ предпочтительнѣе предъ первымъ. Мы кратко объяснимъ здѣсь выгоды и невыгоды обѣихъ мѣръ, и обозначимъ причины, кои побуждаютъ насъ предполагать, что вторая мѣра будетъ у насъ предпочтительнѣе.

Первый способъ имѣетъ слѣдующія выгоды:

1-е) Онъ удобнѣе для скорѣйшаго распространенія произведеній словесности; ибо не препятствуетъ обнародованію никакого сочиненія, хотя бы оно содержало или нѣтъ что либо противное запрещенному указомъ.

2-е) Онъ удобнѣе можетъ прекратить не только злоупотребленія тисненія, но даже своевольство сочинителей и гравированія, подвергая наказанію неимущихъ сочинителей предосудительныхъ сочиненій, напечатанныхъ какъ внутри, такъ и внѣ имперіи; также и сочинителей и распродавателей вольнодумныхъ рукописей и соблазнительныхъ эстамповъ.

Съ другой стороны сей способъ имѣетъ слѣдующія неудобности:

1-е) Онъ не предохраняетъ отъ пагубныхъ слѣдствій свободы тисненія. Ядъ сочиненія возмутительнаго, беззаконнаго или своевольнаго, напечатаннаго и пущеннаго въ продажу подъ невиннымъ заглавіемъ, можетъ раздражить многія сердца и возмутить умы прежде, нежели гражданинъ, усердствующій ко благу общему, донеся о таковомъ сочиненіи правительству, успѣетъ остановить продажу онаго.

2-е) Онъ поставляетъ въ необходимость всѣхъ сочинителей объявлять ихъ имена; его превосходительство Николай Николаевичъ объяснилъ неудобность сей мѣры въ разсужденіяхъ своихъ о датскомъ манифестѣ. Средство, предлагаемое имъ, конечно уменьшитъ неудобность сію, но не истребитъ оной совершенно,

ибо многіе сочинители, по скромности или боясь навлечь на себя критиковъ, или для избѣжанія личныхъ непріязней, желая оставаться неизвѣстными, лучше согласятся не издавать своихъ сочиненій, нежели повѣрить тайну двумъ или тремъ особамъ, которыя, по тщеславію, нескромности или легкомыслію, могутъ открыть имя автора.

3-е) Великое бы неудобство было предать сочинителя за сдѣланныя имъ преступленія суду обыкновенному. Николай Николаевичъ Новосильцовъ, предвидя сіе, предложилъ способъ, который нѣсколько облегчаетъ оное, но не искореняетъ другихъ затрудненій, въ числѣ коихъ мы полагаемъ: выборъ особъ, которые будучи чужды предразсудковъ, и которые бы, по свободному образу мыслей, были способны судить преступленія автора и быть членами судилища, которыя его превосходительство предлагаетъ учредить въ главнѣйшихъ городахъ имперіи; назначеніе сихъ судей, долженствующихъ заступить мѣста тѣхъ, коихъ обвиняемый отвергаетъ, и тѣхъ, коихъ обвинитель по причинамъ можетъ также отвергнуть; медленность, соединенную съ симъ порядкомъ судопроизводства и увеличивающуюся обширностію имперіи; переносъ дѣла въ другіе суды и проч.

4-е) Какъ бы ни разграничивали преступленія и постепенность наказаній въ семъ постановленіи, тонкость оттѣнокъ въ нарушеніяхъ закона, правила болѣе или менѣе строгія посредниковъ, различные толки аллегорій или мѣстъ сочиненія, имѣющихъ двойной смыслъ, все сіе затруднитъ отправленіе правосудія. Черту между тѣмъ, что̀ позволено печатать и что̀ печатать запрещается, гораздо труднѣе провести и не удаляться отъ оной, нежели слѣдовать той, которая отдѣляетъ позволенное отъ непозволеннаго въ другихъ частяхъ законоположенія, въ коихъ оттѣнки гораздо яснѣе.

5-е) Опытность научила, что сочиненіе самое неизвѣстное входитъ въ славу, когда его запретятъ, и что невозможно уничтожить всѣ экземпляры запрещенной книги. Приговоръ, сдѣланный судилищемъ, особенно для сего учрежденнымъ, для изслѣдованія

преступленій сочинителей, конечно сдѣлаетъ то, что всѣ со тщаніемъ будутъ искать запрещенную книгу. Во Франціи прежде сего сочинитель обогащался, если могъ успѣть, чтобы книга его была запрещена.

Второй способъ удобнѣе по слѣдующимъ причинамъ:

1-е) Онъ сообразнѣе съ тѣмъ, что уже заведено и что долженствуетъ учредиться по силѣ многихъ актовъ, имѣющихъ силу закона; ибо

a) Для книгъ священныхъ есть цензура, состоящая, по силѣ имяннаго высочайшаго указа, подъ вѣдѣніемъ святѣйшаго синода.

b) Академія наукъ, по силѣ устава своего, имѣетъ цензуру для книгъ, печатающихся въ ея типографіи.

c) Всѣ университеты имѣютъ и будутъ имѣть цензуры для книгъ, печатаемыхъ въ подвѣдомыхъ имъ округахъ по силѣ § 30 предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія, актовъ, постановленій и уставовъ, утвержденныхъ или вновь сочиняемыхъ.

2-е) Сей способъ болѣе обезпечиваетъ, нежели первый, и съ меньшимъ затрудненіемъ противъ пагубныхъ слѣдствій свободы тисненія; ибо онъ уничтожаетъ зло, и не допускаетъ ему укорениться. Сей препятствуетъ умышляемому злодѣянію, а тотъ наказываетъ уже содѣянное зло:

3-е) Сей способъ освобождаетъ отъ необходимости сочинителей объявлять ихъ имена. Содержатель типографіи обязанъ только объявлять имя свое, дабы отвѣтствовать за сходство напечатанной книги съ рукописью, одобренной цензурою.

Съ другой стороны сей способъ имѣетъ слѣдующія неудобства:

1-е) Онъ поставляетъ въ непріятное положеніе писателей благонамѣренныхъ, и сочиненіе, исполненное истинъ полезныхъ, но разительныхъ по ихъ новости или смѣлости, подвергается запрещенію, или цензоръ мнительный и робкій можетъ многое въ

ономъ не позволитъ. Но когда цензорамъ даны будутъ подробныя наставленія, основанныя на правилахъ свободныхъ и сообразныхъ съ видами правительства благоразумнаго, твердаго и просвѣщеннаго, каково наше; когда цензоры будутъ знать точно, что должно запрещать имъ печатать, и что могутъ они одобрять безъ всякаго сомнѣнія; сіе неудобство не составитъ большой важности, и между сею умѣренно строгою цензурою и свободою книгопечатанія, ограниченною постановленіемъ, сообразнымъ съ датскимъ манифестомъ, состоявшимся въ 1799 году, будетъ мало разницы.

2-е) Сей способъ не препятствуетъ распространенію рукописей, противныхъ законамъ цензуры. Но преступленія таковаго рода, въ самомъ существѣ весьма рѣдкія и сопряженныя съ великимъ затрудненіемъ умножать число экземпляровъ, безъ всякой неприличности могутъ преданы быть суду управы благочинія, равно какъ и продажа эстамповъ соблазнительныхъ, дерзкихъ и противныхъ вѣрѣ.

Сообразивъ такимъ образомъ все, что можно сказать въ пользу и опроверженіе обѣихъ предложенныхъ мѣръ, намъ кажется, что предпочтительнѣе учредить цензуры, тѣмъ болѣе, что онѣ уже совершенно образованы въ Дерптѣ и Вильнѣ, а также и въ С.-Петербургѣ для книгъ, печатающихся въ типографіи императорской академіи наукъ, и что въ прожектированныхъ уставахъ университетовъ московскаго, харьковскаго и казанскаго и ихъ округовъ также упомянуто о цензурѣ. Остается только учредить цензуру въ С.-Петербургѣ и издать общее постановленіе, дабы ничего не было упущено по сей части во всемъ россійскомъ государствѣ.

Честь имѣемъ представить на разсмотрѣніе Главному училищъ правленію предначертаніе общаго устава цензуры, если оно заблагоразсудитъ приступить къ сей мѣрѣ для ограниченія свободы тисненія. Сообразясь съ замѣчаніями и прибавленіями почтенныхъ членовъ правленія, мы конечно не упустимъ сдѣлать нѣкоторыя къ сему плану пополненія.

Предначертаніе плана цензуры.

§ 1) Каждый университетъ имѣетъ цензурный комитетъ, состоящій изъ одного профессора отъ каждаго отдѣленія или факультета.

§ 2) Для с.-петербургскаго округа, гдѣ еще университетъ не существуетъ, учредится цензурный комитетъ изъ ученыхъ особъ, пребывающихъ въ столицѣ. Комитетъ сей будетъ состоять подъ вѣдѣніемъ попечителя.

§ 3) Попечитель о учрежденіи цензурнаго комитета извѣщаетъ гражданскихъ губернаторовъ губерній, составляющихъ его округъ.

§ 4) Содержатель типографіи безъ позволенія цензуры того учебнаго округа, гдѣ состоитъ его типографія, не можетъ печатать никакой книги, исключая церковныхъ, подъ опасеніемъ заарестованія, если книга печаталась на его счетъ, и денежнаго взысканія, если она печаталась на счетъ другаго.

§ 5) Если книга, напечатанная безъ позволенія цензуры, будетъ содержать мѣста предосудительныя и противныя § 17-му сего устава, въ такомъ случаѣ сверхъ заарестованія и денежнаго взысканія, положенныхъ по силѣ предъидущей статьи, будетъ сдѣлано еще наказаніе, соразмѣрное важности преступленія.

§ 6) Всякій сочинитель или издатель, желающій напечатать книгу, долженъ въ силу вышесказаннаго отослать рукопись, написанную чисто и четко, въ цензуру округа, въ которомъ находится типографія, обознача имя типографщика.

§ 7) Типогравщикъ не можетъ принять рукописи, отданной къ напечатанію безъ одобренія цензуры, но обязанъ доставить оную въ цензуру своего округа.

§ 8) Сочинитель или издатель, если пожелаютъ, могутъ не объявлять своего имени, но имя типографщика должно быть напечатано на заглавномъ листѣ книги.

§ 9) Цензурный комитетъ ведетъ журналъ всѣмъ рукописямъ, въ оный отдаваемымъ. Въ сей журналъ записывается названіе и

число страницъ каждой рукописи, день отдачи, имя типографщика, имя цензора, читавшаго рукопись, и день обратной выдачи изъ цензуры, съ объясненіемъ, съ совершеннымъ ли одобреніемъ отослана рукопись или за исключеніемъ чего.

§ 10) Всякій цензурный комитетъ представляетъ ежемѣсячно выписку изъ сего журнала университетскому совѣту, который препровождаетъ оную къ попечителю. Въ С.-Петербургѣ цензурный комитетъ представляетъ выписку изъ своего журнала непосредственно попечителю.

§ 11) Цензура не должна задерживать рукописей, присланныхъ на ея разсмотрѣніе, наипаче журналовъ и другихъ періодическихъ изданій, которые долженствуютъ выходить въ срочное время, и теряютъ большую часть своей занимательности, если издаются позже. Цензура возвращаетъ рукописи по старшинству ихъ вступленія и имѣетъ для сего особенную печать и канцелярію подъ руководствомъ секретаря.

§ 12) Рукописи, одобренныя цензурою, должны быть скрѣплены по листамъ цензоромъ, читавшимъ оныя; время одобренія и имя цензора должны выставляться на оборотѣ заглавнаго листа, а годъ напечатанія на заглавномъ листѣ.

§ 13) Типографщикъ по напечатаніи рукописи, одобренной цензурою, обязанъ послать напечатанный экземпляръ и съ рукописью въ ту цензуру, которая одобрила книгу, для сличенія оригинала съ напечатаннымъ.

§ 14) Типографщикъ даетъ подписку отвѣтствовать за несходство напечатаннаго съ одобреннымъ цензурой оригиналомъ. Если онъ во время набора книги попустилъ включить что либо предосудительное, въ такомъ случаѣ съ него будетъ сдѣлано денежное взысканіе, и сочиненіе будетъ заарестовано, равно какъ бы было напечатано безъ позволенія цензуры.

§ 15) Сочиненіе, одобренное цензурой, можетъ быть напечатано вновь, не подвергаясь вторичному разсмотрѣнію, если только новое изданіе не будетъ содержать прибавленій, замѣчаній и проч. Въ семъ случаѣ сочинитель и издатель книги или содержатель ти-

пографіи обязанъ прислать въ цензуру всѣ тѣ мѣста, кои не находятся въ прежнемъ изданіи, уже одобренномъ цензурою.

§ 16) Цензоръ не можетъ одобрить никакого сочиненія, содержащаго явно противное закону божію, правленію, нравственности или чести какого либо частнаго человѣка. Если же по легкомыслію, невниманію, или по непозволенному къ кому благоволенію, онъ одобритъ сочиненіе, явно ополчающееся противу котораго ни есть изъ сихъ четырехъ пунктовъ, въ такомъ случаѣ цензоръ за сіе отвѣтствуетъ.

§ 17) Хотя и нельзя предполагать столь дерзкихъ писателей, которые бы рѣшились издавать сочиненія, клонящіяся къ тому, чтобы совѣтовать явно или въ иносказательномъ, довольно ощутительномъ, смыслѣ, перемѣну въ правленіи, бунтъ или неповиновеніе государю, опорочивали законы отечества, и оскорбляли священную особу монарха, но если такое сочиненіе будетъ прислано въ цензуру, она обязана объявить о семъ правительству, которое не упуститъ отыскать сочинителя и поступить съ нимъ по всей строгости законовъ.

§ 18) Рукопись, явно опровергающая бытіе Бога и безсмертіе души, опорочивающая христіанскій законъ, имѣющая цѣлію распространеніе ложныхъ слуховъ о важнѣйшихъ частяхъ государственнаго управленія, осуждающая законы и мѣры правительства, оскорбляющая честь гражданина, благопристойность и нравственность, должна быть обозначена въ непропускѣ цензоромъ, и позволеніе къ напечатанію отказано цензурой, которая въ тоже время объявитъ причины запрещенія тому, кто прислалъ рукопись, удержа оную въ цензурѣ.

§ 19) Ежели сочинитель или издатель почтетъ себя обиженнымъ за неодобреніе его книги, онъ можетъ принести на сіе жалобу главному училищъ правленію. Когда правленіе одобритъ сочиненіе, то издать оное будетъ позволено; если же напротивъ правленіе подтвердитъ мнѣніе цензуры, то рукопись будетъ уничтожена.

§ 20) Рукопись, содержащая токмо нѣкоторыя мѣста, про-

тивныя обозначеннымъ правиламъ, отсылается съ означеніемъ сихъ мѣстъ, дабы сочинитель или издатель выкинулъ ихъ самъ изъ сочиненія; ибо цензоръ самъ собою не можетъ дѣлать никакихъ въ рукописи поправокъ или что либо вымарывать изъ оной.

§ 21) Если въ періодическомъ изданіи, въ смѣси, отрывкахъ и прочихъ смѣшенныхъ твореніяхъ, въ которыхъ всѣ піесы отдѣлены и не имѣютъ никакой между собою связи, которая нибудь изъ оныхъ подвергнется предосужденію цензора, онъ можетъ исключить оную изъ одобренія, даннаго имъ всей книгѣ.

22) Впрочемъ цензура не должна осуждать слегка и по одной только наружности сочиненіе или мѣсто, которое только натяжкою можетъ почесться предосудительнымъ. Когда мѣсто, подверженное сомнѣнію, имѣетъ двойной смыслъ, въ такомъ случаѣ лучше истолковать оное самымъ благопріятнымъ образомъ въ пользу намѣреній сочинителя.

§ 23) Скромное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до закона, человѣчества, гражданскаго состоянія, законоположенія, управленія государственнаго, или какой бы то ни было отрасли правленія, не только не можетъ подвергнуться осужденію цензуры, но можетъ пользоваться всею свободою тисненія, которая совмѣстна съ безопасностію и спокойствіемъ государства, и безъ которой нельзя ожидать успѣховъ въ просвѣщеніи.

§ 24) Въ затруднительныхъ случаяхъ цензоръ предлагаетъ полному комитету свои сумнѣнія, который рѣшитъ по большинству голосовъ, должно ли быть сочиненіе одобрено или нѣтъ. Цензурные комитеты, составляя часть первыхъ ученыхъ сословій имперіи, имѣющихъ цѣлію скромное, но неустрашимое изслѣдованіе полезныхъ истинъ, конечно уважатъ сочиненія, стремящіяся къ сему предмету.

§ 25) Книги, выписываемыя университетами изъ чужихъ краевъ для ихъ употребленія, разсматриваются цензурными комитетами на такихъ же правилахъ.

Николай Озерецковскій.

Николай Фуссъ.

406) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 1316, № 38761, л. 84—92.

407) Записки россійской академіи. Засѣданія: 21 октября 1783 года, л. 9 об.—18 ноября 1783 года, л. 22.—11 марта 1788 года, л. 147.—5 августа 1794 года, л. 68.—10 августа 1794 года, л. 70.

408) Записки россійской академіи. Засѣданія: 18 ноября 1783 года, л. 24.—14 декабря 1790 года, л. 212 об.—18 мая 1801 года, л. 39 об.—8 іюня 1801 года, л. 53 об.—24 августа 1801 года, л. 125.—31 августа 1801 года, л. 130.—23 ноября 1801 года, л. 196—196 об.—22 августа 1814 года, № 28.—13 февраля 1815 года, № 7.—6 марта 1815 года, № 10.—20 марта 1815 года, № 12.—8 мая 1815 года, № 17.—9 августа 1784 года, л. 53—53 об.—13 декабря 1791 года, л. 240.

409) Обозрѣніе мѣстъ отъ Санктпетербурга до Старой Русы и на обратномъ пути. 1808. стр. 84—85.

410) Записки россійской академіи. Засѣданія: 30 января 1784 года, л. 33 об.—22 февраля 1785 года, л. 60—60 об.

411) Записки россійской академіи. Засѣданіе 6 іюля 1801 года, л. 80—80 об.

412) Записки россійской академіи. Засѣданія: 3 марта 1800 года, л. 73 об.—17 марта 1800 года, л. 83.—18 августа 1800 года, л. 119 об.

413) Записки россійской академіи. Засѣданія: 8 іюня 1801 года, л. 54.—22 іюня 1801 года, л. 71.—12 октября 1801 года; приложенія, л. 177.—20 іюля 1801 года, л. 91 об.—17 августа 1801 года; приложеніе, л. 123—123 об.—7 сентября 1801 года; приложеніе, л. 148—149.—31 августа 1801 года; приложенія, л. 139—139 об.—28 сентября 1801 года, л. 159 об.—11 сентября 1815 года, № 35.

414) Записки россійской академіи. Засѣданія: 8 августа 1808 года, № 31, л. 225 об.—28 ноября 1808 года, № 44, л. 321 об.—8 декабря 1808 года, № 46, л. 340.—21 января 1822 года, № 3.

415) Записки россійской академіи. Засѣданія: 17 января 1803 года, № 3, л. 19—19 об.—9 января 1804 года, № 1, л. 1—1 об.—16 января 1804 года, № 2, л. 15—15 об.

416) Записки россійской академіи. Засѣданія: 1 апрѣля 1816 года, № 11.—19 января 1818 года, № 3.—28 сентября 1818 года, № 32.—29 декабря 1819 года, № 46.—28 августа 1815 года, № 33.

417) Записки россійской академіи. Засѣданія: 31 августа 1818 года, № 29.—25 января 1819 года, № 4.—22 марта 1819 года, № 11.

Роспись книгамъ и рукописямъ императорской россійской академіи.

1840, стр. 159. № 102. Словарь иллирійскаго языка съ латинскимъ и россійскимъ, f. 1.

418) Записки россійской академіи. Засѣданія: 20 ноября 1787 года, л. 137—137 об.—19 апрѣля 1802 года, л. 89 об.—26 апрѣля 1802 года, л. 107—107 об.—3 мая 1802 года, л. 115—115 об.—20 апрѣля 1801 года, л. 33—33 об.

419) Записки россійской академіи. Засѣданіе 12 мая 1800 года, л. 84 об.—85.

420) Извѣстія о трудахъ членовъ россійской академіи, помѣщенныя при второй, третьей, четвертой, пятой и шестой частяхъ словопроизводнаго словаря россійской академіи.

Записки россійской академіи, 1802 года. Выписка изъ записокъ императорской россійской академіи минувшаго 1801 года іюня съ 5 дня по 1 число августа сего 1802 года о трудахъ и упражненіяхъ членовъ оныя.

421) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 236, № 11320; здѣсь же, № 11359 и др. Письма Озерецковскаго къ министру 13 ноября и 14 декабря 1823 года.

422) Дѣла архива с.-петербургской духовной консисторіи. Метрическая книга 1827 года введенской церкви, что̀ въ семеновскомъ полку. Здѣсь показано, что дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Яковлевичъ Озерецковскій умеръ 28 февраля, отъ старости; исповѣдовалъ его и причащалъ протоіерей Симеонъ Наумовъ.—Кладбищенскія вѣдомости за 1827 годъ. Здѣсь показано, что 3 марта похороненъ на смоленскомъ кладбищѣ Николай Яковлевъ Озерецковскій, отставной дѣйствительный статскій совѣтникъ, умершій 84 лѣтъ, отъ старости; исповѣдовалъ и причащалъ протоіерей семеновскаго полка Симеонъ Наумовъ.

2007088133